

А. Будиловичъ

Общеславянскій языкъ
въ ряду
другихъ общихъ языковъ
древней и новой
Европы

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ,

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

ЕВРОПЫ.

Томъ I.

A. S. Budilovich

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ,

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

ЕВРОПЫ.

СОЧИНЕНІЕ

АНТОНА БУДИЛОВИЧА.

Увѣнчано первою кирилло-меѳодіевскою премією

и издано иждивеніемъ

С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества.

ТОМЪ I.

Очерки образованія общихъ языковъ

южной и западной Европы.

ВАРШАВА.

Въ типографіи Маріи Земкевичъ.

Краковское-Предмѣстье, N. 17.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ **И. Щелковъ.**

Еленѣ Адольфовнѣ

Будиловичъ

урожденной Добрянской

посвящаетъ этотъ трудъ

Авторъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

---

13 мая 1885 г. С.-Петербургское Славянское благотворительное общество, въ торжественномъ собраніи по случаю исполнившагося тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа паннонскаго († 11 мая 885 г.), учредило въ память Славянскихъ Первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями за лучшія сочиненія на слѣдующую тему:

„Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковнославянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у словаковъ и у поляковъ, — польскаго въ западной Руси у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, — сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить по возможности со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предыдущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, неисчезнувшей и непрервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ“.

Срокомъ представленія сочиненій на эту тему назначено было 11 мая 1888 г.

Сознавая всю трудность удовлетворительной разработки въ трехлѣтній срокъ столь обширной и сложной темы, или вѣрнѣе цѣлой дюжины темъ, относящихся къ областямъ и классической филологіи, и романистики, и германистики, и славяновѣдѣнія, авторъ предлагаемаго сочиненія не уклонился однако отъ попытки принять посильное участіе въ конкурсѣ, посвященномъ памяти столь великихъ дѣятелей. При этомъ онъ руководился убѣжденіемъ, что учредители конкурса имѣли въ виду вызвать рядъ не спеціальныхъ изслѣдованій по входящимъ въ тему вопросамъ, а скорѣе общедоступныхъ очерковъ, подводящихъ итоги сдѣланнаго по ихъ разработкѣ.

Приступивъ осенью 1885 г. къ собиранію матеріаловъ по исторіи образованія общихъ языковъ южной и западной Европы, авторъ расчитывалъ найти въ западныхъ литературахъ если не общій сводъ относящихся къ этому предмету данныхъ, то по крайней мѣрѣ исчерпывающія монографіи по отдѣльнымъ языкамъ. Кое что въ этомъ родѣ и отыскано было, особенно въ литературѣ нѣмецкой, благодаря между прочимъ указаніямъ, обязательно доставленнымъ автору профессорами П. В. Никитинымъ по языку греческому, И. В. Помяловскимъ по латинскому и А. Н. Веселовскимъ по языкамъ романскимъ и германскимъ. Однако собранные этимъ путемъ матеріалы оказались весьма недостаточны. Для пополненія ихъ автору пришлось лѣтомъ и осенью 1886 года предпринять поѣздку въ Вѣну, Парижъ и Берлинъ, гдѣ по возможности просмотрѣны были какъ книги, такъ и журнальныя статьи до этого года по исторіи языковъ западной Европы.

Наиболѣе данныхъ удалось подобрать по языкамъ французскому и нѣмецкому; нѣсколько скуднѣе они по языкамъ древнимъ и итальянскому, а еще менѣе — по англійскому и испанскому. Все же авторъ успѣлъ, кажется, выяснить себѣ и читателю въ общихъ чертахъ условія образованія этихъ семи языковъ, въ болѣе или менѣе продолжительные періоды исторической ихъ жизни.

Составленные по этимъ даннымъ очерки были затѣмъ просмотрѣны и кое въ чемъ исправлены спеціалистами по соотвѣтственнымъ отдѣламъ, а именно моими университетскими коллегами Ф. Н. Дьячаномъ и Н. И. Новосадскимъ по греческому языку, Г. Э. Зенгеромъ и С. И. Вѣховымъ по латинскому и петербургскимъ профессоромъ А. Н. Веселовскимъ по языкамъ романскимъ и германскимъ.

Перейдя затѣмъ ко второй части темы, относительно зарожденія общаго языка въ средѣ славянскихъ народовъ, авторъ встрѣтилъ и здѣсь немаловажныя затрудненія, обусловленныя отчасти и скудостью книжныхъ средствъ въ библіотекахъ Варшавы. Для устраненія этихъ затрудненій пришлось обратиться къ содѣйствію нѣкоторыхъ славяновѣдовъ, между которыми авторъ съ особенной благодарностью долженъ назвать замѣтки университетскихъ коллегъ К. Я. Грота по исторіи сербохорватскаго языка и Ѳ. Ф. Вержбовскаго по исторіи польскаго языка, а затѣмъ харьковскаго профессора М. С. Дринова по исторіи болгарскаго языка, загребскаго академика Фр. Рачкаго по исторіи сербохорватскаго языка и высокоученаго угрорусскаго дѣятеля Адольфа Ивановича Добрянскаго по исторіи угрославянскихъ церквей.

Первая часть предлагаемаго сочиненія была готова къ лѣту 1888 г., но вторая поспѣла лишь къ концу этого года. Вслѣдствіе допущенной затѣмъ учредителями конкурса отсрочки его до 11 мая 1890 года, автору представилась возможность еще разъ просмотрѣть рукопись и пополнить нѣкоторые отдѣлы сочиненія.

Въ этомъ видѣ оно было разсмотрѣно, по порученію Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества, В. И. Ламанскимъ и на основаніи его отзыва увѣнчано первою кирилло-меѳодіевскою преміею въ торжественномъ засѣданіи названнаго общества 25 ноября 1890 г. Благодаря просвѣщенному вниманію къ увѣнчанному труду со стороны предсѣдателя этого общества, графа Н. П. Игнатьева, а равно прочихъ членовъ Совѣта и Издательской коммисіи, автору удалось наконецъ, при дружескомъ содѣйствіи проф. И. С. Пальмова, приступить къ изданію сочиненія на средства учредителей конкурса.

При окончательной редакціи текста, по мѣрѣ его набора, авторъ съ признательностью воспользовался многочисленными замѣтками на поляхъ рукописи ученаго ея рецензента В. И. Ламанскаго, которому принадлежитъ и самая идея этого конкурса.

Печатаніе сочиненія началось въ мартѣ 1891 г., окончилось же лишь въ ноябрѣ, благодаря какъ значительности его объема, такъ и своеобразнымъ условіямъ варшавскаго книгопечатанія.

Совѣту Императорскаго Варшавскаго Университета авторъ обязанъ глубокой благодарностью за честь изданія книги подъ его цензурой, профессору же И. П. Филевичу—за помощь при чтеніи корректуръ.

Если несмотря на дружественное содѣйствіе стольких и таких лиц читатель найдет в предлагаемом трудѣ много недостатков и промахов, то отвѣтственность за них ложится не на эти лица, а исключительно на автора, на слабость его сил и неумѣнье воспользоваться многими хорошими указаніями и добрыми совѣтами.

При помощи будущих критиков авось удастся устранить эти — без сомнѣнія, многочисленные промахи при втором изданіи сочиненія, если оно того дождется.

Автор.

Варшава, 15 ноября 1891 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ объ общемъ языкѣ славянъ имѣетъ уже тысячелѣтнее прошлое. Первая попытка не только теоретической его постановки, но и практическаго разрѣшенія принадлежитъ славянскимъ Первоучителямъ. Въ послѣдующіе вѣка онъ много разъ возбуждаемъ былъ то въ литературѣ, то въ жизни, особенно въ средѣ дробныхъ и угрожаемыхъ чуждыми языками народностей славянскаго юга и запада. Съ особенной ясностью и силою поставленъ былъ и развитъ этотъ вопросъ во второй половинѣ 17-го в. хорватскимъ попомъ Юріемъ Крижаничемъ. Въ 19-омъ же вѣкѣ въ числѣ ратоборцевъ этой идеи мы встрѣчаемъ имена Юнгмана, Коллара, Штура и многихъ другихъ корифеевъ западнаго славянства. Въ послѣднее время много содѣйствовали ея освѣженію и новой разработкѣ юбилейныя торжества по случаю исполнившихся тысячелѣтій: изобрѣтенія славянскихъ письменъ въ 1862 г., блаженной кончины св. Кирилла въ 1869 г. и св. Меѳодія въ 1885 г. Въ настоящее время можно указать цѣлый рядъ западно и южно-славянскихъ изданій и обществъ, посвященныхъ главнымъ образомъ теоретической разработкѣ и практическому выполненію этой части кирилло-меѳодіевскихъ завѣтовъ.

Казалось бы, что тысячелѣтняя работа славянской мысли и жизни на этомъ поприщѣ должна была вполнѣ разъяснить уже столь старый вопросъ. На дѣлѣ видимъ противное. Поборники общаго славянскаго языка встрѣчаютъ теперь, въ послѣдней четверти 19-аго вѣка, еще

болѣе возраженій и протестовъ, чѣмъ ученики Кирилла и Меѳодія тысячу лѣтъ тому назадъ. И возраженія эти выходятъ теперь изъ среды не соплеменниковъ лишь Викинга, но и потомковъ свв. Горазда, Климента и Наума, Вячеслава и Прокопа. Одни указываютъ при этомъ на діалектическую разрозненность славянскихъ нарѣчій, затрудняющую взаимное пониманіе и употребленіе общаго языка; другіе видятъ въ отношеніяхъ географическихъ, политическихъ, религіозныхъ рядъ непреодолимыхъ препятствій къ сближенію на этомъ поприщѣ; третьи ссылаются на языки датскій, голландскій, португальскій и др., какъ на доказательство возможности отдѣльнаго существованія и плодотворнаго развитія мелкихъ литературныхъ языковъ, даже въ настоящее время. Все это свидѣтельствуетъ, что ни теоретическія основы, ни практическое значеніе кирилло-меѳодіевской идеи не разъяснены еще въ должной мѣрѣ.

А между тѣмъ вопросъ этотъ не принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ. Наоборотъ, не одинъ разъ уже онъ былъ поставленъ и разрѣшенъ мыслію и жизнію другихъ, болѣе зрѣлыхъ и старыхъ историческихъ народовъ. Достаточно напомнить общіе литературные языки: китайскій, индійскій, персидскій, арабскій, греческій, латинскій, итальянскій, испанскій, французскій, англійскій, нѣмецкій, чтобы видѣть, какое обиліе историческихъ аналогій представляютъ намъ древность, средніе и новые вѣка при рѣшеніи вопроса объ образованіи общаго языка славянъ.

Какъ ни своеобразно нынѣшнее положеніе и взаимныя отношенія послѣднихъ, все же никто не станетъ утверждать, что славяне составляютъ какое-то исключеніе во всемірной исторіи и что къ нимъ не примѣняются законы развитія, выведенные изъ жизни всѣхъ прочихъ старыхъ и новыхъ народовъ. Если же примѣняются, то стоитъ лишь опознать законы образованія общихъ языковъ и провѣрить ихъ на данныхъ славянскаго прошлаго, чтобы освѣтить путь, по которому намъ предстоитъ итти въ будущемъ.

Кое что и сдѣлано уже въ этомъ направленіи. И по-

борники, и противники общеславянскаго языка обращались по временамъ то къ древнимъ грекамъ, то къ италикамъ, то къ новымъ народамъ романскимъ и германскимъ за справками и примѣрами въ пользу своей теоріи. Но все это имѣло характеръ случайный, почему и выводы получались противорѣчивые.

Стоитъ труда разсмотрѣть этотъ вопросъ въ бо́льшей полнотѣ и методичнѣе. Авось тогда удастся вывести изъ аналогій всемірной исторіи такой законъ образованія общихъ языковъ, который, оправдываясь фактами славянскаго прошлаго, дастъ возможность предугадать рѣшеніе вопроса и объ общемъ языкѣ славянъ.

Приступая къ этой задачѣ, мы избираемъ слѣдующій путь для ея разрѣшенія. Прежде всего мы разсмотримъ условія образованія болѣе извѣстныхъ и важныхъ общихъ языковъ древней и новой Европы, а именно: греческаго, латинскаго, итальянскаго, испанскаго, французскаго, англійскаго и нѣмецкаго.

На основаніи историческаго обзора образованія этихъ семи общихъ языковъ мы попытаемся опредѣлить ихъ отношеніе къ мѣстнымъ говорамъ и частнымъ языкамъ, условія борьбы между ними, значеніе въ этой борьбѣ естественныхъ и нравственныхъ силъ, наконецъ причины и слѣдствія торжества однихъ языковъ надъ другими.

Полученные этимъ путемъ выводы объ образованіи общихъ языковъ мы провѣримъ во второй части сочиненія на данныхъ тысячелѣтней уже жизни славянскихъ нарѣчій, чтобы видѣть, дѣйствуютъ ли и въ ихъ средѣ тѣже центростремительныя и центробѣжныя силы и въ какомъ направленіи выражается ихъ работа въ области языка. Главное вниманіе сосредоточено будетъ здѣсь на международномъ значеніи церковнославянскаго языка въ древнее время, сербохорватскаго и чешскаго въ 15—16 вв., польскаго въ 16—17 вв., а русскаго въ 18—19 вв.

Если при этомъ окажется, что выводъ о постепенномъ развитіи общихъ языковъ вполнѣ подтверждается исторіей славянскихъ народностей въ первое тысячелѣтіе

ихъ культурной жизни, то мы въ правѣ будемъ заключить, что не иного слѣдуетъ ожидать и въ будущемъ.

На основаніи этихъ историческихъ аналогій и теоретическихъ выводовъ мы постараемся далѣе разсмотрѣть появлявшіяся до сихъ поръ среди славянскихъ писателей мнѣнія объ общемъ языкѣ славянъ и въ заключеніе разовьемъ свой взглядъ на этотъ предметъ.

При такомъ характерѣ и объемѣ темы читатель не въ правѣ ожидать отъ автора исчерпывающаго изложенія всѣхъ ея частностей. Наоборотъ, мы сосредоточимъ вниманіе на главныхъ сторонахъ предмета, предоставляя спеціальнымъ изслѣдованіямъ разработку подробностей.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образованіе общаго греческаго языка.

При изученіи условій и законовъ образованія общихъ языковъ по даннымъ исторіи мы должны избрать исходною точкою языкъ греческій. Онъ занимаетъ первое мѣсто между прочими общими языками образованной Европы какъ по древности возникновенія и продолжительности существованія, такъ и по особенной свободѣ и закономѣрности своего развитія. Никакой другой изъ этихъ языковъ не восходитъ своими началами ко временамъ гомеровскимъ и не можетъ похвалиться непрерывными памятниками на протяженіи двухъ съ половиною тысячелѣтій; никакой другой не развивался при столь слабой зависимости отъ стороннихъ вліяній; никакой не можетъ соперничать съ греческимъ по богатству культурныхъ вкладовъ.

Если намъ удастся хоть отчасти уяснить себѣ генезисъ общаго языка и ходъ его развитія при столь естественныхъ условіяхъ, то сдѣланное этимъ путемъ обобщеніе можетъ служить опорой при изученіи аналогическихъ явленій и тамъ, гдѣ они совершались въ менѣе нормальной средѣ. Все это заставляетъ насъ съ особымъ вниманіемъ остановиться на греческомъ прототипѣ всѣхъ прочихъ образованныхъ языковъ Европы.

Приступая по изложеннымъ побужденіямъ къ изученію занимающаго насъ явленія прежде всего въ греческой средѣ, мы должны предварительно нѣсколько уяснить себѣ естественныя и нравственныя условія эллинской жизни, со стороны взаимодѣйствія въ ней силъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ, чтобы этимъ путемъ установить правильную точку зрѣнія на діалектическія соотношенія греческихъ говоровъ, условія литературной ихъ обработки, ходъ борьбы за преобладаніе и постепенное возвышеніе одного изъ діалектовъ до значенія языка общегреческаго.

Какъ ни мала географическая площадь древнегреческаго племени, въ сравненіи съ китайскою, индусскою, арабскою, романскою, германскою, славянскою, однако она лишь немногимъ изъ нихъ уступаетъ въ разнообразіи естественныхъ отношеній. Если возьмемъ одно Эгейское море, съ обрамляющими его частями европейскаго и азіатскаго материковъ и безчисленными островами Ѳракійскаго, Кикладскаго и Спорадскаго архипелаговъ, то найдемъ здѣсь такое богатое развитіе береговъ, такое обиліе противоположностей въ горизонтальныхъ и вертикальныхъ очертаніяхъ, какое рѣдко встрѣчается въ мірѣ. Число этихъ противоположностей еще болѣе возрастетъ, если мы включимъ сюда море Іонійское и Пропонтиду, а равно греческія поселенія на берегахъ Понта и Меотиды, морей Кипрскаго и Киренейскаго, Тирренскаго и Лигурскаго, которыя также были поприщемъ для развитія греческой народности.

Казалось бы, что̀ общаго могло быть въ естественныхъ условіяхъ Греціи европейской, азіатской и африканской, въ Сициліи, Кипрѣ и Лесбосѣ, въ Киренаикѣ и Тавридѣ, въ Массиліи и Ольвіи! А между тѣмъ это общее существовало: оно заключалось въ морскомъ характерѣ всей древнегреческой территоріи.

Трудно найти на ней точку, откуда бы съ нѣкотораго возвышенія нельзя было даже невооруженнымъ глазомъ разглядѣть море. Аркадія въ Пелопоннесѣ, подгорья Пинда въ сѣверной Элладѣ, серединныя части Крита, Сициліи, Тавриды, внутреннія области Македоніи, Ѳракіи,

Анатоліи, вотъ мѣстности съ болѣе континентальнымъ характеромъ. Но онѣ и не играли особенной роли въ греческой исторіи, отчасти даже были населены негреками.

И это греческое море, раздѣленное на нѣсколько бассейновъ, было связано во всѣхъ направленіяхъ теченіями, вѣтрами. Морякъ, оставляющій греческую пристань, очень часто уже видитъ въ отдаленіи страну своего назначенія. А надъ этимъ моремъ возвышается синее же греческое небо, ясныя созвѣздія котораго издревле служили греческимъ кормчимъ столь же знакомыми и надежными маяками, какъ островныя группы Кикладовъ и Спорадовъ, или бѣлѣющія вершины Родоса, Крита, Сициліи. Море объединяло и греческій климатъ, смягчая противоположности европейскаго сѣвера и африканскаго юга. Въ такой же мѣрѣ объединяло оно картины греческой природы, черты греческаго характера, условія греческой жизни. Оно наложило своеобразную печать на физическій и нравственный типъ грека, отразилось на всѣхъ событіяхъ его исторіи, на всѣхъ созданіяхъ его генія. Не даромъ же Ѳалесъ признавалъ воду прастихіей вселенной, Платонъ сравнивалъ грековъ съ лягушками, усѣвшимися вокругъ болота, а Страбонъ называлъ ихъ амфибіями!

Итакъ, земля была элементомъ разнообразія, море же источникомъ и символомъ единства греческой территоріи. Гармоническое сочетаніе этихъ двухъ стихій въ физической природѣ должно было отразиться аналогическимъ равновѣсіемъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ въ типѣ и въ жизни древнихъ грековъ. Это и оказывается на дѣлѣ.

Сложность и богатство развѣтвленій греческаго племенного типа достаточно извѣстны и изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, и изъ фактовъ исторіи. Противоположности характера и духа аѳинскаго и спартанскаго очень полно и мѣтко изображены Ѳукидидомъ въ исторіи Пелопоннесской войны. Онѣ отмѣчены Платономъ въ „Законахъ“ и Аристотелемъ въ „Политикѣ.“ Антагонизмъ Спарты и Аѳинъ, коренившійся въ исконномъ дуализмѣ

типа эоло-дорическаго съ одной стороны, а іоно-аттическаго съ другой, былъ двигающею пружиною многихъ важныхъ событій эллинской исторіи, вплоть до македонскаго и даже до римскаго періода. Не столь глубоки, но довольно существенны были и различія въ типахъ эолянъ и дорянъ, іонянъ и аттиковъ, даже въ средѣ отдѣльныхъ греческихъ племенъ, напр. между лесбосцами и віотянами, лаконцами и мессенцами, фокидцами и этольцами и т. п. Если прибавить къ этому своеобразныя измѣненія эллинскаго типа въ колоніяхъ, подъ вліяніемъ инородцевъ скиѳскаго сѣвера, африканскаго юга, италійскаго, галльскаго, иберійскаго запада, то передъ нами откроется столь пестрая картина племенныхъ отношеній древнегреческаго міра, что для нея имѣется мало аналогій въ прошломъ и настоящемъ.

Но это дробленіе на виды и разновидности ни мало не колеблетъ родового единства этого племени. Сами греки хорошо это сознавали, производя себя отъ общаго отца Девкаліона и противопоставляя свой эллинизмъ „варварамъ," что вполнѣ оправдывается какъ преданіями греческой исторіи, такъ и наслѣдіемъ ихъ образованности. Исторія эта и открывается такимъ общегреческимъ предпріятіемъ, какъ троянская война, которая, благодаря поэтамъ, твердо запечатлѣлась въ памяти послѣдующихъ поколѣній.

При существованіи такого мощнаго слоя объединявшихъ преданій, сознаніе племенной взаимности не могло быть подавлено ни политическою разрозненностью отдѣльныхъ государствъ, областей, городовъ, ни ихъ частыми раздорами, въ родѣ напр. антагонизма Спарты съ Аѳинами, а еще ранѣе Аргоса съ Ѳивами, потомъ же Лакедемона съ Мессеніей, Коринѳа съ Коркирой, Платеи съ Ѳивами, Кротона съ Сибарисомъ, Аѳинъ съ Эгиной и т. п. Одновременно съ этими проявленіями племенной розни грековъ мы видимъ такія общегреческія предпріятія, какъ персидскія войны, и цѣлый рядъ попытокъ образованія политическихъ группъ, въ видѣ то амфиктіоній, то феде-

рацій городовъ, то настоящихъ союзовъ, подъ гегемоніей того или другого члена. Къ союзамъ этимъ примыкаетъ до извѣстной степени и македоно-греческій, изъ котораго развилась всемірная монархія Александра Великаго, не уступавшая римской имперіи ни въ обширности, ни въ значеніи, а развѣ въ устойчивости и долговѣчности.

Блестящимъ выраженіемъ племенного и общественнаго единства эллиновъ были ихъ состязанія или игры: олимпійскія, пиѳійскія, немейскія, истмійскія. Первоначально онѣ могли быть мѣстными сходбищами элидцевъ, фокидцевъ, аргосцевъ, коринѳянъ, но скоро получили общегреческое значеніе и въ теченіе многихъ вѣковъ служили символомъ племенного и культурнаго единства эллиновъ, въ противоположность исключеннымъ изъ участія въ этихъ играхъ варварамъ.

Духовное единство классической Эллады ярко отражается и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ ея жителей. Правда, каждый греческій городъ, каждая область имѣли своего особаго, мѣстнаго бога-покровителя: Аѳины Посейдона и Палладу, Элевсинъ Деметру, Аргосъ Геру, Ѳивы Діониса, Кипръ Афродиту и т. д.; но это не мѣшало единству греческаго Олимпа, на которомъ властвовалъ панэллинскій Зевесъ (Ζεὺς πανελλήνιος). Общегреческій характеръ имѣлъ и культъ Аполлона, съ его дельфійскимъ святилищемъ, которое рано затмило славу и ветхой Додоны, и паніонійскаго Делоса, и въ теченіе многихъ вѣковъ давало направленіе исторической жизни эллиновъ.

Но какъ ни велики были стяжанія греческаго генія въ области политической, общественной, религіозной, все же не здѣсь достигъ онъ наибольшаго блеска, а въ жизни личной, индивидуальной. Въ развитіи государственномъ могли поспорить съ древними греками персы и римляне, въ религіозной области важнѣе вклады симитовъ, особенно евреевъ, въ экономической ихъ превзошли финикіяне и карѳагеняне; но въ широкомъ и глубокомъ развитіи личности греки не имѣли соперниковъ ни въ старое, ни

въ новое время. Они были истинными потомками Прометея, этого свободнаго мыслителя и дѣятеля, боровшагося не только съ богами, но и съ неизбѣжною судьбою. На этой психической почвѣ роскошнымъ цвѣтомъ разцвѣла художественная и литературная жизнь эллиновъ, опредѣлившая ихъ міровое значеніе, какъ представителей настоящаго классицизма.

Различіе племенныхъ особенностей выражается въ художественной области разнообразіемъ стилей, напримѣръ: дорическаго, іоническаго и коринѳскаго въ архитектурѣ; дорическаго, эолическаго, іоническаго, лидійскаго и фригійскаго въ музыкѣ; эолическаго, дорическаго, іоническаго и аттическаго въ поэзіи. Но надъ всѣми этими частностями носится примиряющій геній общегреческаго искусства, столь же единый по существу, какъ многоразличный въ проявленіяхъ. Даже въ греческой философіи, во взаимномъ отношеніи школъ іонійской, элеатской, пиѳагорейской и общей ихъ наслѣдницы—аѳинской, можно видѣть скорѣе послѣдовательныя стадіи развитія одной и той же системы, чѣмъ смѣну самостоятельныхъ системъ.

На основаніи сказаннаго мы можемъ повѣрить Геродоту, что греки ясно сознавали свое кровное родство, выражавшееся въ языкѣ, общихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и сходныхъ нравахъ [1]).

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній о строѣ древнегреческой жизни къ ближайшему разсмотрѣнію діалектическихъ отношеній древней Эллады, мы замѣчаемъ и въ этой области то же равновѣсіе силъ центростремительныхъ и центробѣжныхъ, ту же гармонію единства и разнообразія.

Уже древніе этнологи и грамматики раздѣляли греческій языкъ на четыре діалекта: эолическій, дорическій, іоническій и аттическій, къ коимъ нѣкоторые прибавляютъ еще пятый—общегреческій [2]). При этомъ они имѣли

---

[1]) VIII. 144.

[2]) Ahrens H. L. De Graecae linguae dialectis. Liber I. De dialectis aeolicis et pseudoaeolicis. Gottingae. 1839. стр. 1.

въ виду главнѣйше тѣ говоры, которые получили литературную обработку, пренебрегая остальными [1]).

Сопоставляя эти взгляды древнихъ писателей съ уцѣлѣвшими литературными памятниками и данными эпиграфическими, мы убѣждаемся, что дѣйствительно древнегреческій языкъ распадался на множество разнообразныхъ говоровъ, совпадавшихъ до извѣстной степени съ племенными, областными и политическими развѣтвленіями эллинизма. Основной двойственности эоло-дорической и іоно-аттической его частей соотвѣтствуетъ дѣленіе всѣхъ греческихъ говоровъ на группы акающую и экающую, или неіоническую и іоническую. Дѣленіе это предугадано было уже Страбономъ и принято новѣйшими діалектологами [2]). Оно очень живо напоминаетъ обычную классификацію великорусскихъ говоровъ на акающіе и окающіе, или говоровъ сербохорватскихъ на екающіе и икающіе, хотя взаимное разстояніе двухъ членовъ первой, второй и третьей паръ могло быть и различно.

Соотвѣтствіе неіоническаго А іоническому Н въ такихъ формахъ какъ: *δᾶμος — δῆμος, ἁμέρα — ἡμέρα, ναός — νηός — νεός* и т. п. положено въ основу классификаціи древнегреческихъ говоровъ потому, что оно является символомъ и спутникомъ многихъ другихъ, не менѣе существенныхъ звуковыхъ особенностей, отдѣляющихъ группу говоровъ эоло-дорическихъ и однородныхъ съ ними отъ говоровъ іоно-аттическихъ. Говоря вообще, первые отли-

---

[1]) Слѣдуя этому примѣру, и мы будемъ называть діалектами разновидности литературнаго языка, а нарѣчіями разнорѣчіями, говорами разновидности языка безыскуственнаго или просторѣчія.

[2]) Ahrens. I. 224; Meyer G. Griechische Grammatik. XII; Cauer P. Delectus inscriptionum Graecarum propter dialectum memorabilium. Leipzig. 1883 стр. VI; Collitz H. Die Verwandschaftsverhältnisse der Griechischen Dialecte mit besonderer Rücksicht auf die Thessalische Mundart. Göttingen. 1885, стр. 15; Bergk Th. Griechische Litteraturgeschichte. Berlin. 1872, 1883, 1884. I, стр. 52.

чаются отъ послѣднихъ болѣе широкимъ вокализмомъ или бо́льшей широтой ртоваго канала [1]), благодаря которой всѣ гласныя въ дорическомъ и эолическомъ выговаривались шире, ниже и протяжнѣе, чѣмъ въ іоно-аттическомъ. Сравненіе съ другими арійскими языками доказываваетъ, что вокализмъ говоровъ акающихъ и древнѣе, архаичнѣе гласнаго строя говоровъ экающихъ.

Но дуализмъ нарѣчій акающаго и экающаго опредѣлялъ лишь самыя общія діалектическія отношенія. Рядомъ съ ними необходимо допустить дальнѣйшія подгруппы или нарѣчія, относительно числа и классификаціи которыхъ еще не достигнуто соглашенія. Обыкновенно дѣлятъ группу А на нарѣчія эолическое и дорическое, группу же Н — на нарѣчія іоническое и аттическое. Однако при такой классификаціи остается еще большой поясъ очень разнообразныхъ говоровъ сѣверозападной Эллады и Пелопоннеса, относимыхъ одними къ нарѣчію эолическому, другими къ дорическому, на самомъ же дѣлѣ промежуточныхъ между ними въ смыслѣ какъ географическомъ, такъ и діалектическомъ. Впредь до рѣшенія этого спорнаго вопроса приходится выдѣлить послѣдніе въ особое пятое нарѣчіе [2]), подъ названіемъ сѣверозападнаго или ахайско-этольскаго. Такимъ образомъ получаемъ слѣдующую классификацію древнегреческихъ говоровъ:

I. группа акающая, съ нарѣчіями: 1) эолическимъ, 2) ахайско-этольскимъ и 3) дорическимъ;

II. группа экающая, съ нарѣчіями: 4) іоническимъ и 5) аттическимъ.

Но и этимъ не исчерпывается количество болѣе или менѣе отдѣльныхъ діалектическихъ разновидностей древне-

---

[1]) Ср. Blass Fr. Ueber die Aussprache des Griechischen. Berlin ²1882, стр. 23, 25.

[2]) Brugmann K. Griechische Grammatik (Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft, herausgeb. v. Jw. Mueller. II. Nördlingen. 1885), стр. 12; ср. Cauer 141 – 189.

греческаго языка. Каждое изъ пяти нарѣчій въ свою очередь распадается на нѣсколько областныхъ разнорѣчій, каковы напр.:

1) въ нарѣчіи эолическомъ разнорѣчія: лесбосско-анатолійское, ѳессалійское, віотійское;

2) въ нарѣчіи ахайско-этольскомъ: фтіотидское, фокидо-локридское, этольское, акарнанское, эпирское, ахайское, элидское;

3) въ нарѣчіи дорическомъ: лаконское, мессенское, аргосско-эгинское, коринѳское, мегарское, южно-кикладское, спорадо-анатолійское, родосское, критское;

4) въ нарѣчіи іоническомъ: эфесское, милетское, хіосское, самосское, сѣверно-кикладское, эвбейское;

5) въ нарѣчіи аттическомъ: аѳинское, съ говорами паралійскимъ, педіейскимъ и діакрійскимъ [1]).

Если прибавить къ этому еще тѣ видоизмѣненія, какія претерпѣвали разнорѣчія въ многочисленныхъ и крайне разбросанныхъ греческихъ колоніяхъ, напр. дорическихъ въ Сициліи, халкидскихъ во Ѳракіи, милетскихъ на Понтѣ и т. д., то намъ представится картина величайшаго дробленія древнегреческаго языка. Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить степени діалектической самостоятельности большинства этихъ разнорѣчій, вслѣдствіе крайней скудости чистыхъ діалектическихъ памятниковъ и литературнаго, и эпиграфическаго рода. Языкъ этихъ памятниковъ видоизмѣненъ въ большинствѣ случаевъ то литературными вліяніями, то умствованіями позднѣйшихъ редакторовъ, чѣмъ и можетъ отчасти объясняться подозрительная близость всѣхъ этихъ разнорѣчій по уцѣлѣвшимъ памятникамъ. Но если принять и это въ расчетъ, то все же останется несомнѣннымъ, что взаимное разстояніе нарѣчій эолическаго, дорическаго, іоническаго и аттическаго было не особенно велико, по сравненію съ діа-

---

[1]) Ср. Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern. Berlin, 1863, стр. 396 и слѣд.

лектическою разрозненностію многихъ другихъ арійскихъ языковъ [1]).

Діалектическая близость эллиновъ была для нихъ тѣмъ очевиднѣе, что цѣпь ихъ разнорѣчій была связана незамѣтными переходами и промежуточными звеньями. Эолическіе говоры въ Θессаліи постепенно сливаются на юго-западѣ съ говорами ахайско-этольскими, въ Віотіи же — съ аттическими, которые въ свою очередь, черезъ разнорѣчія мегарское, аргосское и другія смягченно-дорическія, переливаются въ строгій доризмъ. Такъ и въ Анатоліи разнорѣчія смирнское и галикарнасское соединяли нарѣчіе іоническое съ эолическимъ на сѣверѣ и съ дорическимъ на югѣ.

Въ этой системѣ мягкихъ переливовъ можно указать лишь въ немногихъ точкахъ отношенія разорванныя, вѣроятно племенными передвиженіями. Всего нагляднѣе это въ разнорѣчіи аркадскомъ, которое составляетъ родъ острова на дорическо-ахайскомъ морѣ, болѣе примыкая по внутреннимъ признакамъ къ разнорѣчію кипрскому, либо даже θессалійско-лесбосскому [2]), чѣмъ къ сосѣднему лаконскому или элидскому.

Рѣзче переходы между говорами въ колоніяхъ, гдѣ нерѣдко въ сосѣднихъ городахъ видимъ самыя различныя разнорѣчія, напр. въ Сициліи: коринθское (Сиракузы), іоническое (Катана), родосское (Гела, Агригентъ) и нѣкоторыя др. Иногда они встрѣчались въ стѣнахъ одного города, напр. въ ахайско-аргосскомъ Сибарисѣ, халкидско-мессенскомъ Регіонѣ, эоло-доро-іоническомъ Навкратисѣ въ устьѣ Нила и др. Но и это не подрывало сознанія племенного единства, а наоборотъ еще укрѣпляло его въ области языка.

---

[1]) Этому не противорѣчитъ свидѣтельство Θукидида о непонятности говоровъ этольскаго, акарнанскаго и локридскаго, а Платона - о варварскомъ характерѣ діалекта лесбосскаго, ибо эти свидѣтельства нужно понимать лишь условно, cum grano salis. Ср. Bergk I. 37.

[2]) Collitz. 8. 9.

Не слѣдуетъ еще упускать изъ виду, что судя по надписямъ съ теченіемъ времени взаимное разстояніе греческихъ нарѣчій не возрастало, а сглаживалось, по мѣрѣ ослабленія партикуляризма и оживленія племенныхъ связей. Къ тому же аттицизмъ наложилъ свою печать на всѣ прочія нарѣчія, подчинивъ себѣ сначала іоническіе, потомъ эолическіе, а наконецъ и дорическіе говоры, по крайней мѣрѣ въ общественномъ и публичномъ ихъ употребленіи. Іонизмъ исчезаетъ на камняхъ вскорѣ послѣ Пелопоннеской войны, но эолизмы попадаются въ малоазійской Эолидѣ еще въ римское время, доризмъ же держался въ Мессеніи и на о. Родосѣ даже при римскихъ императорахъ [1]). Однако всѣ они постепенно заглушаются тѣмъ видоизмѣненіемъ аттическаго, который со временъ Александра Македонскаго именовался языкомъ общимъ: *ἡ κοινὴ γλῶσσα*. Вытѣснивъ прочія нарѣчія изъ публичнаго и письменнаго употребленія, языкъ этотъ не уничтожилъ ихъ конечно въ домашнемъ обиходѣ, особенно въ низшихъ сословіяхъ и въ деревенской глуши [2]), такъ что и теперь еще въ цаконскомъ говорѣ новогреческаго языка открываютъ остатки древняго лаконскаго разнорѣчія [3]). Но это лишь слабое эхо разнообразныхъ говоровъ древней Эллады.

Переходя затѣмъ отъ нарѣчій, разнорѣчій и говоровъ къ литературной ихъ обработкѣ и разсматривая съ этой стороны словесныя произведенія классической Греціи, мы видимъ, что они распадаются по діалектамъ на четыре группы: эолическую, дорическую, іоническую и аттическую, къ коимъ впослѣдствіи, въ александрійскій періодъ, присоединилась еще пятая, общегреческая: *ἡ κοινή*.

Средоточіемъ эолической литературы былъ островъ Лесбосъ, куда вѣтеръ и волны принесли, по преданію, го-

---

[1]) Ahrens, 6—7; Bergk. Gr. Litteraturgeschichte I, 78—79; Meyer, Gr. Grammatik XI.

[2]) Ahrens I, 6 сл.; ср. Bergk I, 78 сл.

[3]) G. Meyer. Gr. Gramm. XI.

лову и арфу ѳессалійскаго пѣвца Орфея и куда съ другой стороны проникало вліяніе искусства малоазійскаго, въ частности фригійскаго и лидійскаго. Изъ ранняго сочетанія туземныхъ и пришлыхъ стихій развилась на этомъ островѣ и въ сосѣдней Эолидѣ первая поэтическая школа грековъ, опередившая по времени и Гомера, и Гезіода, и лириковъ дорическихъ, на которыхъ замѣтно вліяніе этой древнеэолической школы. Ея позднѣйшими (въ VI в.) отпрысками были лирики среднеэолическіе, съ Алкеемъ и Сафо во главѣ, писавшіе на довольно чистомъ мѣстномъ діалектѣ, который Платону казался варварскимъ, хотя другіе Аѳиняне и не раздѣляли, повидимому, этого мнѣнія [1]). Ѳессалійское разнорѣчіе не получило литературной обработки, если не считать полумиѳической школы Орфея, отъ которой не сохранилось подлинныхъ произведеній. Но за то въ Віотіи мѣстные говоры получили нѣкоторую литературную обработку, памятникомъ коей остаются мелическіе отрывки Коринны, конца VI или начала V вѣка. Послѣ продолжительнаго перерыва отголосокъ лиры Алкея еще разъ прозвучалъ въ III в. въ Сициліи въ нѣкоторыхъ изъ идиллій Ѳеокрита, хотя это былъ уже эолизмъ искусственный, подражательный [2]).

Нѣсколько позже эолической литературы зародилась, но шире развилась дорическая. Главными ея средоточіями были Спарта и Сиракузы, второстепенными же Мегара, Дельфы, Тарентъ, Кротонъ. Самымъ древнимъ и относительно чистымъ представителемъ лаконскаго доризма былъ лирикъ Алкманъ въ VII в., уроженецъ лидійскихъ Сардъ. Доризмъ же сицилійскій и южноиталійскій находимъ въ смѣшеніи съ другими діалектами у лирика Стесихора, у комиковъ Софрона и Эпихарма, а позже Ринтона, Скира, Блеса, у нѣкоторыхъ пиѳагорейцевъ, каковы: Тимей, Филолай, Ар-

---

1) Cp. Bergk II, 284.
2) Ahrens I, 8, 28, 29.

хитъ, и у знаменитаго математика Архимеда [1]). Есть указанія на нѣкоторую литературную обработку разнорѣчій критскаго, киренейскаго, родосскаго и н. др. [2]). Доризмами изобилуетъ діалектъ греческихъ лириковъ, съ Пиндаромъ во главѣ [3]), а равно хоры аттическихъ трагедій и буколики Θеокрита; но разстояніе этого смѣшаннаго и искусственнаго діалекта отъ живыхъ дорическихъ говоровъ значительно дальше, чѣмъ у Алкмана или даже у Стесихора.

Эолическій и дорическій діалекты составляли двѣ боковыя вѣтви древнегреческаго литературнаго языка; основнымъ же его стволомъ былъ діалектъ іоническій, а общимъ вѣнцомъ и сводомъ—аттическій.

Собственнымъ отцомъ іоническаго литературнаго діалекта былъ Гомеръ, первоначальною же областью его развитія въ школѣ гомеридовъ былъ, можно полагать, островъ Хіосъ, столь близкій къ очагу эолической поэзіи Лесбосу. Въ дальнѣйшемъ развитіи этого „языка боговъ“ (θεῶν διάλεκτος) наряду съ Хіосомъ принимали дѣятельное участіе и многіе другіе говоры анатолійской и островной Іоніи, со включеніемъ Аттики и безчисленныхъ іонійскихъ колоній, при чемъ первенствующая роль принадлежала въ VIII—VII вѣкахъ Милету. Въ Іоніи IX—VIII вв. выработался и установился діалектъ эпическій на основѣ гомеровскаго, въ литературныхъ школахъ гомеридовъ и киkликовъ. Тутъ же развился впослѣдствіи, изъ взаимодѣйствія діалекта эпическаго съ мѣстными говорами Іоніи, діалектъ новоіоническій, сохранившійся въ отрывкахъ элегической и ямбической поэзіи Каллина, Архилоха и Симонида Старшаго, Тиртея, Мимнерма и Солона, Фокилида, Θеогнида и Гиппонакта. На этомъ же новоіоническомъ діалектѣ развилась впервые греческая проза, въ сочине-

---

[1]) Ahrens II, 23 сл.; Bernhardy G. Grundriss der Griechischen Litteratur. Halle. I, 453 сл.; Bergk I, 86; III, 105.

[2]) Ahrens II, 24.

[3]) Ahrens II, 25, 410.

ніяхъ логографовъ Гекатея, Ферекида, Іона, историка Геродота, философовъ Анаксагора, Гераклита, Демокрита, медика Гиппократа и мн. др. Въ VI в., съ подчиненіемъ Іоніи персамъ, очаги іоническаго образованія постепенно тухнутъ на востокѣ. Средоточіемъ умственной жизни іоно-аттическаго племени становятся Аѳины, которые налагаютъ печать своего генія и своего говора на всѣ дальнѣйшія произведенія іонянъ. Это отражается уже на лирикѣ Анакреона и меликѣ Симонида Младшаго. Ихъ діалектъ является переходнымъ отъ іоническаго къ аттическому. Но и съ развитіемъ аттическаго діалекта въ V в. іоническій не сразу и не вполнѣ исчезъ, особенно въ эпической поэзіи, естествовѣдѣніи и исторіографіи, гдѣ онъ держался до Ѳукидида и пелопоннесской войны. Затѣмъ слѣдовалъ продолжительный перерывъ въ литературѣ іонической, послѣ котораго она вновь возрождается уже въ римскія времена, напр. у врача Аретея, историковъ Лукіана, Евсевія, Квадрата [1]) и н. др.

Аттическій діалектъ позже другихъ выступилъ на литературное поле, но зато превзошелъ ихъ всѣхъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ развитіемъ. Исходною точкою этого діалекта были Аѳины, собственнымъ же отцомъ его —великій трагикъ Эсхилъ [2]). Его подвигъ былъ поддержанъ цѣлой плеадой другихъ великихъ писателей V-аго и IV-аго вв.: трагиковъ, комиковъ, историковъ, ораторовъ, философовъ. Въ области аттицизма различаютъ двѣ эпохи: древнюю и новую, причисляя къ первой трагиковъ и Ѳукидида, ко второй же—Аристофана, Платона, Демосѳена. Но различіе между древнеаттическимъ и новоаттическимъ было не глубже различія доризма строгаго и смягченнаго, или іонизма эпическаго и новаго. Существеннѣе тѣ измѣненія, какія внесены были въ аттицизмъ Аристотелемъ и его учениками, въ александрійскій періодъ греческой жи-

---

[1]) Bergk I, 86.

[2]) Bernhardy I, 451 сл.; Bergk III, 101 сл.

зни и образованности, но тогда и самое названіе діалекта аттическаго переходитъ въ наименованіе: *ἡ κοινὴ γλῶσσα*, о которомъ скажемъ ниже.

Итакъ изъ пяти вышеуказанныхъ греческихъ нарѣчій четыре имѣли болѣе или менѣе значительную литературную обработку, которая нерѣдко распространялась на нѣсколько разнорѣчій и на многіе вѣка ихъ жизни. Лишь въ нарѣчіи сѣверозападномъ ни одинъ изъ говоровъ не поднялся до роли литературнаго діалекта, если исключить изъ ихъ среды дельфійскій. Этотъ послѣдній имѣлъ очень смѣшанный составъ и былъ насыщенъ эолизмами, доризмами, іонизмами, какъ это видимъ въ языкѣ Гезіода и Пиндара, а равно въ изреченіяхъ Пиѳіи и жрецовъ Аполлона.

Во всякомъ случаѣ и этого достаточно, чтобы не сомнѣваться въ богатомъ литературномъ развитіи древнегреческихъ діалектовъ во всѣ періоды ихъ исторической жизни, отъ временъ Гомера до Александра Македонскаго.

Но если столь мощны были проявленія центробѣжныхъ силъ греческаго духа въ жизни діалектовъ, то въ чемъ же выражалась энергія и противоположныхъ, центростремительныхъ его силъ?

Во многомъ, но главнѣйше въ слѣдующихъ четырехъ явленіяхъ:

1) во взаимодѣйствіи параллельныхъ діалектовъ;

2) въ общегреческомъ употребленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльныхъ родахъ и видахъ литературы;

3) въ борьбѣ между діалектами за преобладаніе, и наконецъ

4) въ утвержденіи общаго языка (*ἡ κοινή*) въ поаристотелевскій періодъ.

Взаимодѣйствіе греческихъ діалектовъ отражается на всѣхъ ступеняхъ и во всѣ періоды ихъ развитія. Уже въ Гомерѣ замѣтна довольно сильная примѣсь эолизмовъ, не стертыхъ ни временемъ, ни усиліями позднѣйшихъ редакторовъ текста Иліады и Одиссеи. Эолизмами изобилуетъ и Гезіодъ, писавшій на діалектѣ эпическомъ. Они

весьма замѣтны и въ стилѣ лирическомъ, напр. въ языкѣ Алкмана, Стесихора, Ибика, Терпандра, Аріона, Пиндара, Симонида Младшаго, Вакхилида, Анакреона и наконецъ въ идилліяхъ Ѳеокрита. Доризмы также составляютъ обычную стихію древнегреческаго лирическаго стиля. Въ большей или меньшей мѣрѣ они окрашиваютъ языкъ Терпандра и Тиртея, Ѳеогнида и Аріона, Симонида Младшаго и Анакреона; особенно же изобильны они въ эклектическомъ стилѣ Пиндара. Даже въ хорахъ Эсхила, Софокла, Эврипида сохранилось много доризмовъ. Если перейдемъ затѣмъ къ іоническому діалекту, то найдемъ, что благодаря широкому распространенію въ Греціи гомеровскаго эпоса, а затѣмъ блестящему развитію новоіонической элегіи, ямба и наконецъ прозы исторической и естествовѣдной, діалектъ этотъ былъ образцомъ для всѣхъ безъ изъятія писателей эолическихъ, дорическихъ и аттическихъ, вплоть до Эсхила и Ѳукидида [1]). У нѣкоторыхъ изъ нихъ іонизмы являются лишь внѣшнею примѣсью, у другихъ они составляютъ основной фонъ языка; но даже у первыхъ доризмы и эолизмы заключаются болѣе во внѣшней, фонетико-морфологической сторонѣ языка, внутреннія же его особенности, т. е. синтаксисъ, фразеологія, лексиконъ, не отличались существенно отъ діалекта іоническаго.

Когда на смѣну трехъ древнѣйшихъ діалектовъ: эолическаго, дорическаго, іоническаго, выступилъ въ V в. аттическій, то и на немъ отразилось сильное вліяніе литературныхъ его предшественниковъ, особенно же дорическаго и новоіоническаго. Бо́льшая сила этихъ вліяній въ первый періодъ аттической литературы, при Эсхилѣ, Софоклѣ, Ѳукидидѣ, и меньшая во второй, съ Аристофана и Платона, опредѣлила и различіе древнеаттическаго и новоаттическаго діалектовъ, изъ коихъ первый господствовалъ до пелопоннесской войны, второй же послѣ нея.

---

[1]) Cp Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern. Berlin. 1863, стр. 390 сл.

Но аттицизмъ не былъ пассивнымъ лишь членомъ въ этомъ взаимодѣйствіи древнегреческихъ діалектовъ. По мѣрѣ своего внутренняго укрѣпленія и внѣшняго развитія онъ все болѣе подчинялъ своему вліянію прочіе діалекты, пока не вытѣснилъ ихъ окончательно не только въ литературномъ, но и въ государственномъ и общественномъ употребленіи въ александрійскій періодъ. Этотъ процессъ конечнаго сліянія всѣхъ греческихъ діалектовъ въ одномъ руслѣ былъ постепенно подготовленъ и предопредѣленъ параллельнымъ ихъ теченіемъ и непрерывнымъ взаимодѣйствіемъ въ предшествовавшіе періоды, начиная съ Гомера.

Вторымъ доказательствомъ чрезвычайно тѣсныхъ связей между древнегреческими діалектами и литературнаго между ними взаимодѣйствія служитъ общегреческое употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ родамъ и видамъ литературы. Такъ древнеіоническій, зародившійся и окрѣпшій въ рапсодіяхъ Гомера и гомеридовъ, сталъ нормою эпическаго стиля, а впослѣдствіи, нѣсколько обновленный приливомъ мѣстныхъ говоровъ, преобразился въ языкъ новоіонической элегіи, ямба, эпиграммы. На этомъ эпическомъ и элегико-ямбическомъ діалектѣ писали не одни іоняне, но всѣ греческіе поэты соотвѣтственной спеціальности.

Поэзія лирическая зародилась между эолянами и успѣшнѣе всего развивалась въ областяхъ дорическихъ, благодаря чему въ лирическомъ стилѣ изобилуютъ эолизмы и доризмы,—первые главнѣйше въ чисто-мелической (личной), вторые же въ хоровой лирикѣ. Отсюда проистекало, что Тиртей писалъ элегіи по-іонически, а походныя пѣсни—по-дорически [1]).

Драматическая поэзія, развившаяся изъ диѳирамба, зародилась первоначально между дорянами; но болѣе серіозный родъ ея, трагедія, съ особеннымъ блескомъ развился въ Аттикѣ, благодаря генію Эсхила и особымъ условіямъ

---

[1]) Bergk I, 85.

аѳинской жизни въ V в. Вслѣдствіе того аттическій діалектъ сросся съ драматическимъ стилемъ, особенно въ діалогѣ и разсказѣ; ибо въ хорахъ не только аттической трагедіи, но и комедіи долго еще отражалось вліяніе дорическаго хорового стиля. Вотъ почему хіосецъ Іонъ писалъ свои трагедіи по-аттически, хотя въ прозаическихъ сочиненіяхъ предпочиталъ іоническій діалектъ [1]).

Но со временъ Ѳукидида и въ греческой прозѣ постепенно торжествуетъ діалектъ аттическій, безраздѣльно господствующій въ этой области съ начала IV в.

Причины предпочтенія іоническаго діалекта въ эпическомъ и элегическомъ стилѣ, эолическаго въ лирикѣ мелической, дорическаго въ хоровой, аттическаго же въ драматической литературѣ заключаются во внѣшнихъ условіяхъ зарожденія и развитія этихъ родовъ и видовъ поэзіи, отчасти быть можетъ и во внутреннемъ соотвѣтствіи послѣднихъ со строемъ отдѣльныхъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ, въ общегреческомъ характерѣ означенныхъ стилей можно видѣть какъ бы предчувствіе и зародышъ грядущаго объединенія всѣхъ эллиновъ на почвѣ новоаттическаго діалекта, съ его дальнѣйшими метаморфозами.

Не менѣе наглядно отражаются центростремительныя силы греческаго духа въ возрастающей распространенности отдѣльныхъ діалектовъ, съ постепеннымъ торжествомъ іоно-аттическаго надъ эоло-дорическими соперниками.

Эоляне не пріобрѣли ни одного прозелита для своей литературы изъ среды дорянъ или іонянъ; наоборотъ, они принуждены были уступить послѣднимъ много первоклассныхъ талантовъ. И доряне не могли похвалиться большими завоеваніями въ средѣ эолянъ и іонянъ: Алкманъ былъ собственно лидіецъ, а не эолянинъ; лесбосецъ же Терпандръ и аѳинянинъ (какъ думаютъ) Тиртей пѣли хотя и въ Спартѣ, но отнюдь не на лаконскомъ діалектѣ. Віотіецъ Пиндаръ также лишь косвенно можетъ быть при-

---

[1]) **Bergk II, 85.**

численъ къ поэтамъ дорическимъ, ибо въ языкѣ его преобладаетъ стиль эпическій, съ обильной примѣсью и эолизмовъ. Къ тому же и по обстоятельствамъ своей жизни, по аѳинскому образованію и пребыванію въ самыхъ различныхъ концахъ Греціи: Віотіи, Аттикѣ, Аргосѣ, Эгинѣ, Киренѣ, Сиракузахъ, Олимпіи, Дельфахъ, Пиндаръ долженъ считаться поэтомъ общегреческимъ.

Въ сравненіи съ этими успѣхами діалектовъ эолическаго и дорическаго поистинѣ грандіозными представляются завоеванія іонянъ и аттиковъ.

Гомеровскій эпосъ вслѣдъ за появленіемъ распространяется по всей Греціи и становится достояніемъ всего племени. Уже при Ликургѣ онъ утверждается въ Спартѣ; въ Аѳинахъ при Пизистратѣ онъ принимается подъ охрану государства; затѣмъ проникаетъ въ Сицилію, южную Италію, даже Фригію и Лидію. Гомеровскій діалектъ становится обязательною нормою всѣхъ греческихъ эпиковъ, отражается въ лирикѣ и въ древнѣйшей прозѣ. На немъ пишутъ: віотіецъ Гезіодъ, лесбосцы Терпандръ и Аріонъ, доряне Ѳеогнидъ, Ибикъ, Эвклидъ, Діогенъ, Эмпедоклъ, Парменидъ, Гиппократъ, Геродотъ и мн. др. Сама дельфійская пиѳія уже въ 9 в. пишетъ свои прорицанія іоническимъ гекзаметромъ. Не удивительно, что позднѣйшіе писатели, касавшіеся діалектическихъ вопросовъ, напр. Максимъ Тирскій, считали рѣчь Гомера не какимъ либо діалектомъ, а общегреческимъ языкомъ: *ἡ κοινὴ τῆς Ἑλλάδος* [1]). И эта роль по прямому наслѣдству перешла отъ языка эпическаго къ новоіоническому, а отъ послѣдняго къ аттическому. Со временъ Платона аттицизмъ получилъ настолько общегреческое значеніе, что философъ имѣлъ право называть прочіе діалекты чуждыми (*τὰ ξενικὰ ὀνόματα*), а языкъ Питтака, Алкея и Сафо—варварскимъ.

---

[1]) Bergk I, 853 ср. 335, 439, 875. Ср. Ed. Zarncke, Die Entstehung der griechischen Litteratursprachen (Lpz. 1890). 3—5.

Литература была первою, но далеко не единственною областью общегреческаго распространенія аттицизма. Благодаря политической, общественной и экономической роли Аөинъ въ V—IV вв., онъ проникъ и въ государственное употребленіе, въ канцеляріи греческихъ республикъ, въ акты публичные и частные, въ обиходъ общественный, сношенія торговыя и т. п. Риторъ Аристидъ, обрисовывая эту гегемонію аттическаго діалекта во всей Греціи, сравниваетъ прочіе діалекты съ лепетомъ дѣтей, къ которому можно обращаться лишь въ шутку [1]). Живымъ памятникомъ такой роли аттицизма служатъ аттизующія надписи во всѣхъ почти греческихъ областяхъ, съ IV в. [2]).

Все это незамѣтно подготовило аттическій діалектъ къ той міровой роли, какую пришлось ему играть въ александрійскій періодъ подъ именемъ діалекта или языка общаго: ἡ κοινή.

Аттическая основа общаго языка не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя нѣкоторые филологи и оспариваютъ это въ пользу іоническаго діалекта [3]). Послѣдній можно признать источникомъ и прародителемъ „общаго языка“ лишь посредственно, насколько іонизмъ является историческимъ предмѣстникомъ аттицизма. Вторымъ основнымъ дѣятелемъ образованія „общаго“ языка была Македонія, подавившая при Филиппѣ областную жизнь грековъ въ пользу высшаго государственнаго единства и давшая затѣмъ греческой образованности Аристотеля и Александра Македонскаго. Если Демосөена можно назвать послѣднимъ корифеемъ аттицизма, то Аристотель заслуживаетъ наименованія отцомъ общаго языка, хотя окончательное его

---

[1]) Bergk I, 81.

[2]) Meyer G. Gram. XI; Bergk I, 78.

[3]) Wilamowitz-Möllendorf, въ Verhandlungen der 32-ten Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Wiesbaden. Leipzig 1878, стр. 36 сл.; ср. Krumbacher K. Beiträge zu einer Geschichte der griechischen Sprache. Weimar. 1884, стр. 4.

образованіе относится къ періоду послѣ 300 г. Аристотель придалъ ему тотъ прозаическій и нѣсколько отвлеченный характеръ, который отличаетъ его отъ аттическаго и другихъ греческихъ діалектовъ, и объясняется болѣе искусственнымъ, книжнымъ его образованіемъ и развитіемъ. Александръ же Македонскій далъ „общему" языку значеніе государственнаго въ основанной имъ имперіи и такимъ образомъ содѣйствовалъ распространенію его въ Азіи и Африкѣ, гдѣ возникли новые центры греческаго образованія, въ Александріи, Антіохіи, Пергамѣ и др. городахъ Востока.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи „общій" языкъ все болѣе удалялся отъ чистаго аттицизма, благодаря неаттическому происхожденію большинства писателей александрійскаго и римскаго періодовъ [1]) и вліянію живыхъ эллинистическихъ говоровъ, образовавшихся на Востокѣ изъ

---

[1]) Изъ писателей александрійскаго и римскаго періодовъ происходили: изъ Аттики: логографъ Геліодоръ, миѳографъ Аполлодоръ, философы Спевсиппъ, Полемонъ, Эпикуръ; изъ древнеіонійскихъ областей и колоній: комики Ликофронъ и и Дифилъ, буколикъ Віонъ, историки Каллисѳенъ и Діонисій Галикарнасскій, филологи Зенодотъ и Аристархъ; изъ древнедорическихъ областей: комики Филемонъ и Ринтонъ, буколики Ѳеокритъ и Мосхъ, историки Поливій и Діодоръ Сицилійскій, географъ Эратосѳенъ, филологи Аристофанъ, Филетъ, Каллимахъ и философы Ксенократъ, Карнеадъ, Эвдемъ, Дикеархъ, Гераклидъ, Зенонъ; изъ древнеэолійскихъ областей: историки Плутархъ, Аркесилай, Клеанѳъ и филологъ Діонисій Ѳракіецъ; изъ болѣе инородческихъ частей Малой Азіи: историки Діонъ Кассій, Страбонъ, географъ Павзаній, философъ Аполлоній Тіанскій; изъ Сиріи: софистъ Лукіанъ Самосатскій, философы Ямвлихъ и Порфирій; изъ Вавилоніи: историкъ Берозъ; изъ Палестины: историки Іосифъ Флавій и Филонъ; изъ Египта: историкъ Манеѳонъ, филологи Дидимъ, Филоксенъ, Атеней, историкъ Аппіанъ, географъ Птоломей, философъ Плотинъ и др. Еще значительнѣе былъ контингентъ греческихъ писателей изъ среды инородцевъ въ византійское время. Ср. Bergk I, 163; Nicolai R. Griechische Litteraturgeschichte. Magdeburg. 1873, 76, 78, passim.

смѣшенія греческаго съ мѣстными языками арійскаго, симитскаго и хамитскаго корня. Сравнивая языкъ Поливія, Діодора, Плутарха, Павзанія, можно замѣтить у нихъ довольно существенную разницу въ чистотѣ аттицизма. Еще значительнѣе будутъ отличія отъ аттическаго въ языкѣ 70-ти толковниковъ, Іосифа Флавія, Филона, новозавѣтныхъ писаній и святоотеческой литературы Востока, составляющей мостъ отъ „общаго" языка александрійскаго и римскаго періодовъ къ средневѣковому, византійскому. Въ этомъ переходномъ языкѣ система звуковъ представляется въ значительно измѣненномъ видѣ; однѣ формы вымираютъ, другія получаютъ новое значеніе; словосочиненіе также перестраивается по другому типу [1]). Вмѣсто словъ простыхъ появляется множество сложныхъ съ предлогами, съ очень блѣднымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ [2]). Фразеологія также подвергается сильнымъ измѣненіямъ. Этотъ процессъ перерожденія языка „общаго" въ византійскій не могъ быть задержанъ усиліями позднѣйшихъ аттицистовъ, въ родѣ Лукіана, Арріана, Діона Кассія. Столь же мало успѣха имѣли запоздалыя попытки воскресить въ исторіографіи прозу іоническую, а въ философіи — дорическую [3]). Рѣка не течетъ вверхъ, а внизъ, хотя и съ различной быстротой, которая то ускорялась, то замедлялась въ движеніи общегреческаго языка. Его живучесть была еще сильна въ первые вѣка византійскаго періода, въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Она ослабѣла лишь позже, послѣ патріарха Фотія, который былъ послѣднимъ великимъ греческимъ писателемъ византійской школы. Географическая площадь языка среднегреческаго затѣмъ все болѣе суживается; число эллинизующихъ народовъ уменьшается, особенно благодаря успѣхамъ арабскаго языка на югѣ, а славянскаго на сѣверѣ и востокѣ. Отъ обширной имперіи Константина Великаго и Юстиніана уцѣлѣли наконецъ однѣ серединныя

---

[1]) Steinthal. G. d. Spr. 415, 426 сл.
[2]) Ibid. 428.
[3]) Bernhardy I, 618, 619, 637, 652.

области, которыя послѣ долгой борьбы достались въ удѣлъ туркамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренняя жизнь Византіи постепенно замираетъ, особенно со времени крестовыхъ походовъ. При такихъ условіяхъ и языкъ ея не могъ обнаружить особенной жизненности. Онъ дѣйствительно заглохъ съ паденіемъ имперіи и возродился въ 19-мъ вѣкѣ уже въ другомъ видѣ, хотя нѣкоторые новогреческіе писатели и увѣрены въ сохраненіи у нихъ языка Платона, Демосѳена, Василія Великаго [1]). Нѣкій Христопулосъ издалъ даже въ 1805 г. въ Вѣнѣ „грамматику нынѣшняго эолодорическаго языка“ [2]), каковымъ онъ считалъ новогреческій; но это не возстановило давно разорванныхъ связей послѣдняго съ діалектами древней Эллады.

Допуская постепенное омертвѣніе общегреческаго языка къ концу среднихъ вѣковъ и къ началу новыхъ, мы не должны однако переносить это явленіе ко временамъ Поливія, Плутарха, Страбона, и называть безжизненнымъ [3]) языкъ, которому предстояло завоевать міръ. Правда, это былъ языкъ искусственный, книжный; но въ большей или меньшей мѣрѣ таковыми являются всѣ литературные языки, а въ томъ числѣ и предшествовавшіе греческіе діалекты [4]). Возникая на почвѣ одного изъ разнорѣчій, напр. лесбосскаго, віотійскаго, лаконскаго, сиракузскаго, тарентскаго, дельфійскаго, хіосскаго, милетскаго, аѳинскаго, діалекты эти принимали въ себя много традиціонныхъ стихій отъ прошлаго и наслоеній отъ смежныхъ говоровъ. Въ этомъ смыслѣ искусственнымъ долженъ быть названъ

---

1) Ср. Egger E. Aperçu historique sur la langue grecque et sur la prononciation de cette langue (Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France). Paris 1883, стр. 6; Krumbacher, стр. 11—13.

2) Γραμματικὴ τῆς Αἰολο-δωρικῆς ἤτοι τῆς ὁμιλουμένης τωρινῆς τῶν Ἑλλήνων γλώσσης.

3) Steinthal. G. d. Spr. 386, 415.

4) Ср. Steinthal 387; Bernhardy I, 21. Еще подробнѣе говоритъ объ этомъ Ed. Zarncke, въ Die Entstehung der griechischen Litteratursprachen [2] 1890 г.

и діалектъ Гомера, самая правильность котораго указываетъ на предшествовавшую литературную обработку. Искусственъ и діалектъ элегико-ямбическій, насыщенный осадками эпическаго, который проникаетъ и мелику лесбосскую. Едва ли была въ Греціи мѣстность, гдѣ разговорная рѣчь соотвѣтствовала эклектическому стилю лириковъ, не только Пиндара, но и Алкмана [1]). И аттическій діалектъ Эсхила былъ художественнымъ сочетаніемъ живой рѣчи аѳинянъ съ богатымъ наслѣдіемъ іоническаго эпоса и дорической лирики. Аристофанъ былъ конечно ближе къ жизни, но его нормою не была ни изнѣженная рѣчь горожанъ, ни грубоватая крестьянъ, а опредѣленная чувствомъ писателя середина между этими крайностями. Онъ сохранилъ намъ, правда, образчики и живой рѣчи, притомъ не аѳинянъ лишь, но и лаконцевъ (въ Лисистратѣ), мегарцевъ (въ Ахарнянахъ), віотійцевъ (тамъ же); но эта близость къ просторѣчью обусловлена была съ одной стороны высокими художественными достоинствами разговорной рѣчи образованныхъ аѳинянъ того времени, съ другой же стороны — особыми условіями и цѣлями комическаго изображенія. Вообще же аттическіе, какъ и неаттическіе поэты не подчинялись рабски мѣстному говору, а обрабатывали его съ извѣстной свободой и выборомъ, на все налагая печать своей богатой индивидуальности. И аттическая проза развилась подъ вліяніемъ старшей іонической, которая до Ѳукидида была господствующею во всей Греціи. Рѣчь Платона конечно была ближе къ аѳинской разговорной, чѣмъ рѣчь его ученика Аристотеля; но и послѣдняя является скорѣе органическимъ развитіемъ, чѣмъ вырожденіемъ первой.

Въ періодъ александрійскій искусственность литературной рѣчи возросла, но не зародилась впервые. Ея отношенія къ просторѣчіямъ измѣнились, вслѣдствіе постепеннаго ихъ вырожденія въ употребленіи инородцевъ Азіи и Африки; но все же и въ александрійскій, и въ римскій,

---

[1]) Ahrens II, 19; Bergk II, 63, 144; ср. I, 354.

и въ византійскій періоды существовало многочисленное образованное общество, даже цѣлые народы, говорившіе по-гречески то исключительно, то одновременно съ употребленіемъ другихъ материнскихъ языковъ. При такихъ же условіяхъ не можетъ быть рѣчи объ омертвѣніи общегреческаго языка послѣ Александра Македонскаго. Могъ ли языкъ мертвый быть орудіемъ той могучей политической, общественной, умственной и религіозной жизни, какая развернулась на эллинизованномъ Востокѣ въ періодъ александрійскій и христіанскій?

Нѣкоторое упрощеніе звукового и формальнаго строя, нѣкоторое ослабленіе упругости синтактической и яркости фразеологической не могутъ считаться признаками омертвѣнія языка, а скорѣе его перерожденія. Это же перерожденіе было необходимымъ слѣдствіемъ и того новаго образовательнаго начала, тѣхъ новыхъ задачъ, которыя внесены въ эллинизмъ христіанствомъ. Міровому значенію и призванію послѣдняго могъ вполнѣ отвѣчать не какой либо мѣстный діалектъ, а лишь вполнѣ окрѣпшій, установившійся и распространенный языкъ большого племени или большой группы духовно связанныхъ народовъ. Такимъ и оказался общегреческій языкъ на Востокѣ въ писаніяхъ апостольскихъ и святоотеческихъ, въ сочиненіяхъ Оригена, Климентовъ, Аѳанасія, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Дамаскина, Фотія и въ актахъ вселенскихъ соборовъ. Въ этой своей роли языкъ греческій имѣетъ столько же правъ на безсмертіе, какъ въ сочиненіяхъ Гомера, Эсхила и Платона.

Созерцая величавую картину послѣдовательныхъ метаморфозъ языка Гомера или древнеіоническаго діалекта въ новоіоническій и аттическій, а послѣдняго въ „общій" и византійскій, и признавая въ этой преемственности формъ и непрерывности развитія серединную ось явленій литературной жизни греческаго языка, мы невольно спрашиваемъ себя: какое обстоятельство опредѣлило это первенствующее положеніе и царственную роль діалектовъ іоническаго и аттическаго въ средѣ другихъ? Почему не досталась эта честь

діалекту эолическому или дорическому, языку Алкея и Сафо, или Стесихора и Пиндара? Слѣдуетъ догадываться, что въ положеніи и характерѣ іонянъ и аттиковъ были особенности и преимущества, опредѣлившія ихъ торжество въ борьбѣ діалектовъ за преобладаніе.

Въ числѣ этихъ преимуществъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе серединное географическое положеніе іоно-аттическаго племени, при болѣе окраинномъ размѣщеніи эолянъ на сѣверѣ, а дорянъ на югѣ. Вліяніе этой серединности было еще усилено морскимъ характеромъ іонянъ и аттиковъ, при болѣе континентальномъ типѣ эолянъ и дорянъ въ ихъ главныхъ центрахъ: Өессаліи, Віотіи, Лаконіи. Этотъ морской характеръ выразился всего лучше въ блестящей колонизаціи іонянъ и аттиковъ, покрывшихъ своими факторіями прибрежья восточныхъ и западныхъ бассейновъ Средиземнаго моря и пронизавшихъ ими въ разнообразныхъ направленіяхъ площади распространенія эолянъ и дорянъ. Одинъ Милетъ вывелъ до 80 колоній, главнымъ образомъ въ побережьяхъ Понта. Фокея изслѣдовала и колонизовала берега Италіи, Корсики, Галліи, Иберіи; Халкида (съ о. Эвбеи) основала 32 города на Халкидскомъ полуостровѣ, а еще ранѣе — г. Кумы въ Италіи и нѣсколько колоній въ Сициліи. Въ сравненіи съ этою богатою сѣтью колоній іоно-аттическихъ блѣднѣетъ колонизаціонная дѣятельность не только эолянъ, но и дорянъ, не исключая Мегары и Коринөа. Морская жизнь расширила не только площадь іоно-аттическаго племени, но и кругъ его культурныхъ связей; она опредѣлила физическій и психическій обликъ этого племени и тѣмъ обусловила его преобладаніе надъ другими въ отношеніяхъ общественномъ, художественномъ, литературномъ.

Съ мореходствомъ іонянъ и аттиковъ связано до извѣстной степени и политическое значеніе нѣкоторыхъ іоно-аттическихъ государствъ, какъ напр. Милета, Самоса, особенно же Аөинъ въ вѣкъ Мильтіада и Өемистокла, Кимона и Перикла. Ставъ главою большого государственнаго союза, средоточіемъ греческой общественной, эконо-

мической и художественной жизни, сердцемъ и вмѣстѣ школою Эллады, Аѳины подняли аттическій діалектъ на такую высоту, какой не достигалъ ни одинъ изъ соперничавшихъ, хотя по числу жителей Аттика занимала очень второстепенное мѣсто въ Элладѣ [1]).

Но рѣшающее значеніе въ этой борьбѣ за гегемонію имѣли писательскія силы, выставленныя состязавшимися племенами. Доряне были наименѣе производительны въ этомъ отношеніи. Спарта, политическій центръ и предводительница племени, не произвела ни одного великаго писателя, ибо главные представители ея лирической школы были пришлецы: Терпандръ изъ Лесбоса, Алкманъ изъ Лидіи, Тиртей изъ Аѳинъ, Ѳалетъ изъ о. Крита, Сакадъ изъ Аргоса, Ксенодамъ изъ о. Киѳеры, Ксенократъ изъ ю. Италіи. Аргосъ, Эгина, Коринѳъ, столь славные въ исторіи искусствъ, не выше Спарты по литературной производительности. Лишь Мегара играла нѣкоторую роль въ исторіи греческой комедіи и какъ родина элегика Ѳеогнида и философа Эвклида. Производительнѣе были дорическія колоніи въ Сициліи и Великой Греціи, давшія потомству лириковъ Стесихора, Ибика и Ѳеокрита, комиковъ Софрона и Эпихарма, математика Архимеда, философовъ Эмпедокла и Эвемера. Но и онѣ были нерѣдко оживляемы геніемъ іонянъ, въ лицѣ напр.: Пиѳагора самосскаго, основателя знаменитой философской школы въ г. Кротонѣ; Ксенофана, основателя школы элейской; кеосскихъ лириковъ Симонида и Вакхилида, проживавшихъ нѣкоторое время въ Сиракузахъ; трагика Эсхила, философа Платона и др. Лишь второстепенное значеніе имѣла въ греческой литературѣ и малоазійская Дорида, съ примыкавшими островами и Киренаикою. Особаго упоминанія заслуживаетъ

---

[1]) Въ 432 г. въ Аттикѣ, по вѣроятному расчету, было до 235.000 ж., при 3 мил. общаго населенія континентальной Эллады и 6 мил. во всѣхъ частяхъ племени. См. J. Beloch. Die Bevölkerung der griechischrömischen Welt. Leipzig, 1886, стр. 506, ср. 495.

тутъ Геродотъ Галикарнасскій, если онъ происходилъ изъ дорической, а не іонической семьи этого города [1]). Къ такимъ же іонизованнымъ дорянамъ принадлежали: Гиппократъ, эпики Писандръ, Паньясисъ и н. др. [2]). Родосъ былъ родиной мелика Тимокреона; Кипръ — эпика Стасина и пародиста Сопатра; Критъ — лирика Θалета, мистика Эпименида, философа Діогена; Кирена — киклика Эвгамона, философа Аристиппа и н. др. [3]).

Еще скуднѣе была литературная производительность Аркадіи, Элиды, Ахайи, Этоліи, Акарнаніи, Фокиды, Эпира, несмотря на существованіе въ ихъ средѣ такихъ важныхъ общественныхъ и духовныхъ центровъ, какъ Олимпія, Додона, Дельфы. Важнѣйшіе представители дельфійской школы греческихъ эпиковъ и лириковъ, Гезіодъ и Пиндаръ, были пришлецы изъ сосѣдней Віотіи. Въ ихъ лицѣ область эта опровергла ходячіе разсказы о косности и тупоуміи ея жителей, что несогласно и съ преданіями о зарожденіи въ Віотіи культа музъ, а также съ политической исторіей Θивъ, особенно при Эпаминондѣ. Выше Віотіи по литературной производительности былъ второй очагъ эолизма, Лесбосъ. Въ лицѣ Алкея и Сафо, Терпандра и Аріона онъ выставилъ такихъ первоклассныхъ поэтовъ, равныхъ которымъ и вообще то не много въ греческой литературѣ. Если прибавить къ нимъ еще полумиθическое имя Орфея, да тѣхъ эолическихъ эпиковъ, слѣды которыхъ сохранились въ Иліадѣ и Одиссеѣ, то для племени эолическаго получится болѣе значительный итогъ литературныхъ вкладовъ, чѣмъ для дорянъ.

Но и эоляне совершенно блѣднѣютъ при сопоставленіи съ іонянами и аттиками. Уже одного Гомера было бы достаточно для того, чтобы возвысить діалектъ іоническій надъ всѣми прочими и подчинить послѣдніе неотразимому обаянію перваго. Но за Гомеромъ слѣдовали

---

1) Cp. Bergk I, 55.
2) Ibid. I, 85.
3) Ibid. I, 158 сля.

гомериды; за ними—киклики, іонійскаго же главнымъ образомъ происхожденія; далѣе идутъ элегики, ямбографы, дидактики, мелики, наконецъ цѣлый рядъ прозаиковъ: логографы, естествовѣды, философы. Между ними мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Архилохъ, Симонидъ, Анакреонъ, Геродотъ, Гиппократъ, Ѳалесъ, Гераклитъ, Ксенофанъ, Анаксагоръ, Парменидъ и др. Одинъ Милетъ произвелъ болѣе писателей [1]), чѣмъ весь Пелопоннесъ вмѣстѣ взятый. А за іонянами идетъ какъ бы на смѣну не менѣе сильная фаланга аттическихъ писателей: трагиковъ, комиковъ, историковъ, философовъ, ораторовъ, съ Эсхиломъ и Софокломъ, Ѳукидидомъ и Ксенофонтомъ, Платономъ и Демосѳеномъ во главѣ. Читая и слушая этихъ великихъ художниковъ и мыслителей, кто могъ оспаривать ихъ умственную гегемонію въ Элладѣ!

И она дѣйствительно упрочилась надолго. Ея не могли пошатнуть ни политическіе успѣхи Спарты и Ѳивъ, ни погромъ Филиппа, ни перенесеніе центровъ греческаго образованія на Востокъ; ибо, какъ мы видѣли, общегреческій языкъ александрійскаго, римскаго и византійскаго періодовъ является органической метаморфозой діалектовъ іоническаго и аттическаго.

Вмѣсто борьбы съ родственными діалектами за преобладаніе, въ этотъ поаристотелевскій періодъ завязывается болѣе трудная и сложная борьба съ многочисленными инородческими языками, надъ которыми воцарился греческій, какъ международный органъ греко-восточнаго культурнаго міра. Въ этой борьбѣ удавалось греческому языку пользоваться содѣйствіемъ и политическихъ силъ, напр. въ имперіи Александра Македонскаго, а затѣмъ въ царствахъ Птоломеевъ и Селевкидовъ, впослѣдствіи же въ эллинизованной понемногу имперіи восточно-римской или византійской. Но нерѣдко приходилось этому языку

---

[1]) А именно: киклика Арктина, гномика Фокилида, логографовъ Кадма, Гекатея, Аристагора, Діонисія, философовъ Ѳалеса, Анаксимандра, Анаксимена. Bergk II, 20 сл. 392 сл.

и страдать отъ давленія иноязычныхъ государствъ, напр. римскаго на западѣ, а пароянскаго, арабскаго, турецкаго на востокѣ. Если тѣмъ не менѣе греческій языкъ удержался на высотѣ одного изъ большихъ міровыхъ языковъ вплоть до XV в., то этимъ онъ обязанъ былъ отчасти своему старому литературному наслѣдію классическаго и александрійскаго періодовъ, отчасти же своему новому историческому призванію—быть органомъ выраженія и развитія христіанской мысли и жизни.

Таково относительное значеніе отдѣльныхъ факторовъ образованія общегреческаго литературнаго языка, па разныхъ ступеняхъ его многовѣковой исторической жизни.

Если же взглянемъ на слѣдствія разчлененнаго единства древнегреческихъ діалектовъ, съ постепеннымъ торжествомъ серединнаго и самаго богатаго изъ нихъ надъ окраинными и менѣе производительными, то убѣдимся, что фактъ этотъ имѣетъ первостепенную важность не только въ греческой, но и во всемірной исторіи. Имъ главнѣйше обусловлено богатое развитіе древнегреческой литературы, при дѣятельномъ соревнованіи отдѣльныхъ ея середоточій и взаимномъ ихъ восполненіи на общемъ культурномъ поприщѣ. Постепенное соединеніе отдѣльныхъ діалектовъ въ серединномъ іоно-аттическомъ ложѣ настолько углубило и расширило его объемъ и содержаніе, что этотъ объединенный „общій“ языкъ оказался еще болѣе могущественнымъ орудіемъ распространенія греческой образованности, а затѣмъ христіанства, чѣмъ всемірная монархія Александра Македонскаго.

Подводя итоги изложенныхъ въ этой главѣ наблюденій и соображеній, мы можемъ формулировать ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) нормальное развитіе древнихъ грековъ обусловлено было гармоническимъ сочетаніемъ разнообразія и единства въ природѣ ихъ страны, физико-психическомъ типѣ населенія и условіяхъ его политической, общественной, религіозной и художественной жизни;

2) еще нагляднѣе отражается это равновѣсіе центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ въ разчлененномъ единствѣ древнегреческихъ говоровъ;

3) этимъ обусловлено было вполнѣ естественное и закономѣрное развитіе литературнаго языка древнихъ грековъ;

4) въ развитіи этомъ дѣйствіе силъ центробѣжныхъ проявлялось въ параллельномъ существованіи четырехъ древнегреческихъ діалектовъ, въ доаристотелевскій періодъ ихъ жизни;

5) стремленіе же къ литературному объединенію выражалось въ этотъ періодъ въ тѣсномъ взаимодѣйствіи діалектовъ, общегреческомъ употребленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльныхъ родахъ и видахъ литературы и въ возрастающей гегемоніи діалектовъ іоно-аттическихъ надъ прочими;

6) заключительнымъ звеномъ въ этой цѣпи объединительныхъ стремленій было полное торжество языка „общаго“ надъ частными діалектами, въ періоды александрійскій, римскій и византійскій;

7) искусственность этого языка не составляетъ ни исключенія, ни недостатка, а неизбѣжное слѣдствіе литературной обработки;

8) причины гегемонической роли іоническаго и аттическаго діалектовъ въ древней Греціи заключаются въ серединномъ ихъ расположеніи, морскомъ характерѣ, даровитомъ типѣ населенія и особенной его производительности въ литературной области;

9) политическія условія имѣли второстепенное вліяніе на образованіе общаго языка, но содѣйствовали его распространенію въ александрійскую эпоху;

10) церковныя же силы поддержали значеніе и міровую роль греческаго языка лишь въ позднѣйшій, римсковизантійскій періодъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Образованіе общаго латинскаго языка.

Со школьной скамьи мы привыкли разсматривать греческій и латинскій языки какъ особую группу, объединенную родствомъ происхожденія, условіями развитія, историческимъ значеніемъ и общимъ названіемъ языковъ классическихъ. Но взглядъ этотъ не вполнѣ подтверждается фактами. Особая генетическая близость греческаго и латинскаго въ семьѣ языковъ аріо-европейскихъ есть не болѣе какъ догадка, далеко не всѣми принимаемая. Многіе противопоставляютъ ей гипотезу древняго единства латино-кельтскаго, причисляя греческій къ группѣ славяно-леттской или къ ирано-индійской [1]). Вопросъ этотъ не можетъ еще считаться рѣшеннымъ на почвѣ языковѣдѣнія. Еще труднѣе было бы доказать греко-латинское единство данными сравнительной этнологіи, исторіи, литературы. Наоборотъ, между физическимъ и нравственнымъ типомъ грековъ и италиковъ, характеромъ ихъ образованности и литературныхъ вкладовъ оказывается столько противоположностей, что въ высшей степени трудно, даже невозможно соединить эти народы въ одно цѣлое. У грековъ мы видимъ гармоническое сочетаніе условій разнообразія и единства, свободное взаимодѣйствіе частей съ цѣлымъ,

---

[1]) Ср. C. Lottner въ Kuhn's Zeits. VII, 18; Kuhn's und Schleicher's Beiträge II, 320; Brugmann K. въ Techmer's Internat. Zeits. I, 226 сл.; Krek, Einleitung in die Slaw. Litteraturgeschichte [2] 1887, стр. 73.

богатое развитіе всѣхъ индивидуальностей племени, всѣхъ силъ духа; у италиковъ, наоборотъ, рѣшительное торжество силъ центростремительныхъ надъ центробѣжными, насильственное подчиненіе частнаго общему, свободы личной принципу власти, стремленій теоретическихъ соображеніямъ практическимъ. Вершину образованности греческой представляютъ произведенія искусства, подвиги мысли; вершину же римской — успѣхи политическіе и разработка правовыхъ отношеній.

Съ полной силой обнаруживаются эти противоположности въ развитіи общаго языка италиковъ. Если въ Греціи мы можемъ наблюдать естественный ростъ этого важнаго органа народной образованности, при дружномъ взаимодѣйствіи всѣхъ вѣтвей племени, въ условіяхъ свободнаго ихъ состязанія за первенство; то въ Римѣ передъ нами раскрывается картина искусственнаго возвышенія небольшого говора въ языкъ громаднаго государства, благодаря сознательнымъ усиліямъ и строго выдержанной системѣ гражданъ одного только города.

Изучивъ этотъ процессъ на матеріалѣ столь отличномъ отъ греческаго, даже противоположномъ ему, мы въ состояніи будемъ пополнить выводы предыдущей главы и расчистить путь для дальнѣйшихъ наблюденій въ зависимой отъ Рима области языковъ романскихъ и германскихъ.

Чтобы оцѣнить величіе совершеннаго Римомъ объединительнаго подвига, мы должны вспомнить ту географическую, племенную и культурную разрозненность, какую представляло поле его будущей дѣятельности при началѣ римской исторіи.

При бѣгломъ взглядѣ на карту югозападной Европы Апеннинскій полуостровъ, ограниченный съ сѣвера стѣною Альпъ, съ трехъ же прочихъ сторонъ—морями, представляется хорошо очерченнымъ цѣлымъ; но болѣе внимательное изученіе его топографіи убѣждаетъ въ противномъ. Апеннины, составляющіе продольную ось полуострова и многоразлично на немъ развѣтвленные, особен-

но въ средней Италіи, даютъ ей характеръ горной страны, раздѣленной на два противоположные спуска, тирренскій и адріатическій, плохо между собою соединенные, вслѣдствіе значительной высоты главнаго кряжа и трудныхъ переваловъ черезъ горы. Поперечныя развѣтвленія Апеннинъ придаютъ довольно замкнутый характеръ долинамъ Арно, Тибра, Волтурна и др. Еще самостоятельнѣе по своему расположенію и характеру долина р. По, обращенной своимъ теченіемъ къ востоку, т. е. въ сторону противоположную главному западному скату полуострова. И южная Италія, наклоненная длиннымъ скатомъ къ Тарентскому заливу, также представляетъ своеобразное отступленіе отъ основного типа полуострова. Если прибавимъ къ этому островные его привѣски, особенно Корсику, Сардинію и Сицилію, тоже изрѣзанныя горами и обращенныя лицомъ—двѣ первыя къ западу, а третья къ юго-востоку, то получимъ картину такого географическаго дробленія, которое мало уступаетъ полуострову греческому и значительно превосходитъ Пиренейскій. Но Греція, какъ мы видѣли, была объединена моремъ, тогда какъ Италія не представляетъ такого развитія береговъ, изобилія хорошихъ портовъ и доступныхъ острововъ. Къ тому же италики далеко не отличались въ древнее время тѣмъ морскимъ духомъ, какимъ запечатлѣны были греки.

Отсутствіе въ Италіи географическаго единства выражается и въ той трудности, съ какою выработалось самое названіе ея. Первоначально оно принадлежало нынѣшней Калабріи и лишь впослѣдствіи, расширяясь мало по малу на Италію среднюю и верхнюю, дошло не ранѣе 205 г. до Р. Хр. до Альпъ [1]).

Географическая разрозненность Италіи не могла не отражаться на составѣ и характерѣ ея населенія. Въ древней Греціи мы можемъ указать лишь два коренныхъ народа: иллиро-ѳракійцевъ (предки албанцевъ) и грековъ.

---

[1]) Ср. Nissen. Italische Landeskunde. Berlin. 1883 г. I, 65—73.

То же видимъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, который былъ раздѣленъ между иберами и кельтами. Между тѣмъ на полуостровѣ Апеннинскомъ, благодаря его серединному положенію, обитало въ древнеримское время болѣе полудюжины народовъ, не объединенныхъ даже аріо-европейскимъ сродствомъ, каковы: италики, галлы, венеты, япиги, греки, этруски, пунійцы, лигуры. Одни изъ этихъ народовъ вели еще жизнь пастушескую, другіе земледѣльческую, третьи мореходную; одни едва выступали на историческое поприще, другіе уже сходили съ него, третьи стояли въ зенитѣ своего развитія; одни покланялись священнымъ дубамъ и вѣщимъ птицамъ, другіе Марсу, Сатурну, Фавну, третьи Зевесу, Аполлону, Діанѣ, четвертые Меликарту, Молоху, Астартѣ.

Какъ трудна была предстоявшая Риму задача—побѣдить всю эту рознь географическую, племенную, культурную и слить столь разнородныя стихіи въ органическое цѣлое!

А между тѣмъ, если мы взглянемъ на Италію конца республики или начала имперіи, то увидимъ, что задача эта была блистательно разрѣшена Римомъ. Прямолинейныя дороги прорѣзали Апеннины и равнины во всѣхъ направленіяхъ; вѣковѣчные римскіе мосты смѣлыми арками перекинулись черезъ рѣки; каналами осушены мареммы; водопроводы связали горные ключи съ городскими фонтанами. Безчисленные народы и народцы Италіи постепенно приведены къ сознанію сначала гражданскаго, а потомъ и національнаго единства. Политическая религія римскихъ патриціевъ постепенно вытѣснила всѣ прочіе культы—аграрнаго, метеорологическаго, философскаго характера, и соединила всѣхъ частныхъ боговъ подъ сводами общаго пантеона.

Но еще раньше, чѣмъ работа эта была закончена въ Италіи, римскіе орлы перелетѣли черезъ Альпы и Пиренеи, Атласъ и Балканы, и свили себѣ гнѣзда на ихъ вершинахъ и уступахъ. Границами имперіи стали Океанъ и Эвфратъ, горы Каледоніи и пески Сахары. Тако-

го простора не имѣли монархіи ни Кира персидскаго, ни Александра Македонскаго! Правда, Риму не удалось претворить это множество народовъ въ одно національное цѣлое; но и того, что сдѣлано имъ для романизаціи западныхъ провинцій, достаточно, чтобы навсегда обезсмертить объединяющій геній Рима въ лѣтописяхъ человѣчества.

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній къ ихъ провѣркѣ и развитію на данныхъ языка и историко-литературныхъ, мы остановимся прежде всего на языкахъ древней Италіи, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и условіяхъ постепенной латинизаціи, а затѣмъ вкратцѣ разсмотримъ тотъ же процессъ въ провинціяхъ, особенно западныхъ, игравшихъ болѣе видную роль въ исторіи латинскаго языка и литературы.

Судя по эпиграфическимъ и историческимъ даннымъ, древняя Италія по многоязычію похожа была на Малую Азію, или на нынѣшнюю Австро-Угрію. Между этими языками первое мѣсто по историческому значенію занималъ собственно-италійскій, расположенный въ средней и южной, особенно горной Италіи. Онъ подраздѣлялся на четыре нарѣчія: умбрское, сабелльское, осское и латинское, изъ коихъ первое занимало сѣверную часть италійской язычной области, второе среднюю, третье южную, а четвертое—ихъ общій западный центръ въ Лаціи. Взаимныя отношенія этихъ нарѣчій можно сравнить до извѣстной степени съ четырьмя древнегреческими нарѣчіями, при чемъ умбрское соотвѣтствовало бы эолическому, сабелльское ахайско-этольскому, осское дорическому, латинское же іоно-аттическому.

Въ смыслѣ діалектическомъ нарѣчія умбрское, сабелльское и осское въ такой же мѣрѣ составляютъ одно цѣлое, въ противоположность латинскому или латино-фалисскому [1]), какъ въ Греціи акающія нарѣчія при сра-

[1]) Deecke, y Gröber, Grundriss der Romanischen Philogie I, 338, принимаетъ двѣ основныхъ группы италійскихъ на-

вненіи съ экающими. Мы не знаемъ однако діалектической примѣты, которая такъ мѣтко опредѣляла бы различіе нарѣчій горно-италійскихъ отъ равниннаго, латинскаго, какъ въ Греціи аканье и эканье. Быть можетъ такою чертою слѣдуетъ признать сохраненіе въ латинскомъ нарѣчіи начальнаго к въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ умбрскомъ, сабелльскомъ, осскомъ находимъ уже п: quo-po [1]). Но эта гортанность перваго нарѣчія при губности (лабіализмѣ) остальныхъ представляетъ очень частное явленіе, которое сто́итъ упоминанія лишь потому, что оно соединяется со многими другими ихъ особенностями, опредѣляющими въ совокупности діалектическіе типы поименованныхъ нарѣчій. Взаимное разстояніе этихъ типовъ въ Италіи гораздо дальше, чѣмъ въ Греціи. Это можно замѣтить при самомъ бѣгломъ сравненіи любой діалектической надписи на эолическомъ или дорическомъ діалектѣ съ аттическимъ ея переводомъ, а любой умбрской или осской— съ латинскимъ. Тамъ различіе заключается главнымъ образомъ въ системѣ гласныхъ и отчасти согласныхъ звуковъ, здѣсь же вдобавокъ и въ области окончаній, во фразеологіи, лексиконѣ; тамъ самаго небольшого навыка достаточно для пониманія діалектическихъ текстовъ, при знаніи аттическаго, здѣсь же и такіе спеціалисты, какъ Бюхлеръ, Бреаль, Іорданъ, Остгофъ, нерѣдко не въ силахъ добиться смысла діалектической надписи [2]). Для нагляднаго сравненія приведемъ отрывокъ изъ знаменитаго осскаго памятника: Lex Bantina, съ подстрочнымъ переводомъ:

рѣчій: 1) юговосточную, слагавшуюся изъ нарѣчій осскаго, сабелльскаго, вольскаго и умбрскаго, и 2) сѣверо-западную, состоявшую изъ нарѣчій латинскаго, фалисскаго и этрусскаго. Но намъ кажется страннымъ называть Умбрію юв. областію Италіи. Да и принадлежность этрусскаго къ латинскому есть гипотеза, далеко еще не доказанная.

[1]) Stolz und Schmalz, Lat. Gram. I, 136, 171. Ср. Deecke, y Gröber Grundr. I, 341.

[2]) Ср. И. Цвѣтаевъ. Италійскія надписи, въ Ж. М. Н. Пр. 1886, II, 90 сл.

1) Pon censtur bansae tovtam
2) Cum censores Bantiae populum
1) censaret, pis cevs bantins
2) censebunt, qui civis Bantinus
1) fust, censamur esuf in eituam,
2) erit, censetor ipse et pecuniam,
1) poizad liqud iosc censtur
2) quia lege ii censores
1) censaum angetuzet.
2) censere proposuerint [1]).

Чѣмъ бы ни объяснять такое значительное различіе древнеиталійскихъ говоровъ при относительной близости греческихъ: горнымъ ли характеромъ и затруднительными сношеніями древнеиталійскихъ округовъ, быстрою ли измѣнчивостью просторѣчій, не сдерживаемыхъ письменностію, разнообразіемъ ли иноязычныхъ вліяній, — во всякомъ случаѣ, фактъ чрезвычайной діалектической разрозненности древнихъ италиковъ остается несомнѣннымъ, равно какъ и трудность одолѣть ее при распространеніи общаго языка.

Четырьмя названными парѣчіями далеко не исчерпывается діалектическое дробленіе италійскаго языка. Каждое изъ нихъ распадалось еще на нѣсколько разнорѣчій и говоровъ. Такъ въ умбрскомъ мы можемъ предполагать разнорѣчія серединное и окраинныя, смѣшанныя со стихіями галльскими на сѣверѣ, этрусскими на западѣ и сабелльскими на югѣ [2]). Въ сабелльскомъ выдѣлялись разнорѣчія отдѣльныхъ горныхъ племенъ: сабинское, пиценское, претуцинское, вестинское, марруцинское, пелигнское, марсское, къ коимъ примыкали съ запада эквское, герницкое и вольсское, занимающія у нѣкоторыхъ латинистовъ самостоятельное мѣсто между нарѣчіями древне-

---

[1]) Zvetajeff Joh. Sylloge inscriptionum oscarum. I, 1878, 77 стр.

[2]) Nissen 505.

италійскими [1]). Нарѣчіе осское распадалось на разнорѣчія: самнитское (позднѣйшее), гирпинское, кампанское, френтанское, луканское, бруційское и мамертинское (Мессана) въ Сициліи [2]). Что касается собственно латинскаго нарѣчія, то занимая первоначально очень ограниченую территорію (50—70 кв. г. миль), оно не могло дробиться на много разнорѣчій. Есть однако указанія на нѣкоторое различіе говоровъ: пренестинскаго, тускуланскаго, ланувійскаго и остійскаго [3]).

Впослѣдствіи, когда Лацій древній (Latium antiquum) расширился на смежные округа (Latium adjectum), названіе латинскихъ получили и разнорѣчія: эквское, герницкое, вольсское, аврункское; но первоначально три первыя принадлежали, кажется, къ группѣ сабелльской, а послѣднее къ осской [4]). Во всякомъ случаѣ, разнорѣчія эти составляли своего рода мостъ между нарѣчіями латинскимъ, осскимъ и сабелльскимъ. Болѣе самостоятельное положеніе занимало нѣкогда разнорѣчіе фалисское въ южной Этруріи. Но все же по формамъ языка оно тѣснѣе примыкаетъ къ группѣ латинской [5]).

Италійскій языкъ окруженъ былъ съ сѣвера и юга непосредственно или посредственно многочисленными другими языками, главнымъ образомъ аріо-европейскаго же происхожденія.

Къ сѣверу отъ Лація и къ западу отъ Умбріи жили этруски. Хотя вопросъ о происхожденіи ихъ не рѣшенъ еще окончательно, однако послѣ изслѣдованій Корсена, Паули, Декке можно съ нѣкоторой вѣроятностью предпо-

---

[1]) Deecke, у Gröber Grundr. I, 340—342.

[2]) Nissen 524, 526, 549; ср. Deecke l. c. I, 338—339.

[3]) Sittl K. Die lokalen Verschiedenheiten der lateinischen Sprache. Erlangen 1882, 25, 26, 41 стр.; Jordan, Kritische Beiträge zur Geschichte der lateinischen Sprache. Berlin 1879, 11 стр. Deecke, у Gröber Grundr. I, 344, отмѣчаетъ особенности говоровъ пренестинскаго, тускуланскаго и тибурскаго.

[4]) Nissen 520, 532.

[5]) Deecke, у Gröber Grundr. I, 344 сл.

лагать, что этрусскій языкъ если и не былъ чисто-италійскимъ, то все же находился въ древнемъ сродствѣ съ нимъ,—быть можетъ въ такомъ, какъ албанскій съ греческимъ [1]). Этому предположенію не противорѣчатъ свидѣтельства древнихъ объ отсутствіи взаимнаго пониманія между италиками и этрусками [2]), ибо такое пониманіе было слабо и между отдѣльными нарѣчіями италиковъ.

Сосѣдившіе съ этрусками на сѣверѣ галлы и венеты принадлежали несомнѣнно къ аріо-европейской семьѣ, но едва ли къ одной и той же вѣтви. Первые говорили конечно на одномъ изъ нарѣчій кельтскаго языка, который, при всей своей близости къ италійскому въ системѣ язы-

---

[1]) Декке въ новѣйшей своей статьѣ: Die Italischen Sprachen у Gröber, Grundriss d. R. Phil. I, 335, 345, 346, проводитъ мысль, что этруски были колонистами греко-пеласгійскаго происхожденія, въ концѣ II тысячелѣтія до Р. X. прибывшими моремъ подъ именемъ Τυῤῥηνοί, Τυρσηνοί изъ окрестностей г. Тирра (Τύῤῥα) въ Лидіи, въ названную по ихъ имени область Этрурію. Тутъ Тиррены поработили-де себѣ туземцевъ италійскаго происхожденія, расеновъ (родственныхъ лигурамъ, умбрамъ, фалискамъ), и постепенно слились съ ними, завѣщавъ имъ свое лидійское имя — Tursci, Tusci, Etrusci. Утвердившись въ додекаполисѣ между Тибромъ и Макрою, Апеннинами и моремъ, этруски постепенно расширили-де свои владѣнія на сѣверѣ и югѣ, основавъ въ 1000—800 гг. до Р. X. подобные додекаполисы, во 1) въ долинѣ По, гдѣ ихъ колоніями были: Миланъ, Мантуа, Адрія, Болонья и др. г., а во 2) въ Кампаніи, съ городами: Волтурнъ (позднѣйшая Капуа), Урина (Nola), Сорренто и др. Но эти окраинныя ихъ владѣнія были-де разгромлены въ VI—V вв. галлами на сѣверѣ, а самнитянами на югѣ. Не могли удержать этруски и Лацція, зависѣвшаго отъ нихъ въ VII-VI вв. Изъ острововъ Сициліи, Сардиніи, Корсики они были-де вытѣснены пунійцами. Государство, обнимавшее въ періодъ наибольшаго развитія до 3000 кв. миль, постепенно сузилось-де до границы собственной Этруріи, гдѣ было затѣмъ латинизовано самымъ полнымъ образомъ.

[2]) Bernhardy G. Grundriss der Römischen Litteratur [5] 1872, Braunschweig, стр. 182.

ковъ аріо-европейскихъ [1]), не могъ однако быть понимаемъ италиками, а тѣмъ менѣе этрусками, безъ посредства общаго языка. То же слѣдуетъ предполагать и о венетскомъ языкѣ, который былъ причисляемъ древними писателями то къ кельтскому, то къ иллирскому, то сопоставляемъ съ венето-пафлагонскимъ [2]).

Юговосточная часть полуострова, нынѣшняя Апулія, заселена была издревле япигами, языкъ которыхъ сосѣдніе греки называли мессапскимъ. Онъ былъ, кажется, сродни нынѣшнему албанскому [3]), а слѣдовательно очень существенно отличался и отъ осскаго, и отъ греческаго. Послѣдній въ IX — VII вѣкахъ утвердился въ приморскихъ городахъ Сициліи и южной Италіи, откуда постепенно распространился и внутрь смежныхъ областей япигскихъ и осскихъ, доходя на Адріатикѣ до устья р. По, а на Тиррено-Лигурскомъ морѣ до Роны. Что италики столь же мало понимали тогда греческій языкъ, какъ и иллирійскій, это видно изъ взаимнаго ихъ смѣшенія, которое выражается между прочимъ и въ названіи эллиновъ Graeci, по имени одного эпирото-албанскаго народца—Graji [4]). Лишь смежныя съ греками вѣтви япиговъ и осковъ привыкли постепенно къ языку своихъ образованныхъ сосѣдей и какъ полугреки (semigraeci) могли поддерживать съ этими италіотами непосредственныя торговыя, гражданскія и культурныя связи.

Сверхъ исчисленныхъ языковъ древней Италіи, объединяемыхъ то несомнѣнною, то вѣроятною принадлежностью къ аріо-европейской семьѣ, находились въ ней отпрыски и совершенно отличныхъ язычныхъ семей: симитской и иберской. Первую представляли колоніи и факто-

---

[1]) Windisch этимъ объясняетъ быстроту латинизаціи кельтовъ. Gröber Grundr. I, 304.

[2]) Nissen 489 сл.; ср. W. Deecke, у Gröber Grundr. I, 335 сл.

[3]) Nissen 539, 542.

[4]) Nissen 120.

ріи финикіянъ и кароагенянъ, разсѣянныя по берегамъ Тирренскаго и Иберійскаго морей, особенно же на о. Мальтѣ, въ западной Сициліи и южной Сардиніи [1]). Пуническій языкъ, родственный съ арабскимъ, еврейскимъ, халдейскимъ, конечно не могъ быть доступенъ народамъ аріо-европейскаго корня. То же должно сказать о лигурскомъ, на побережьяхъ генуэзскаго и ліонскаго заливовъ и на склонахъ Приморскихъ Альпъ, со включеніемъ Корсики и кажется Сардиніи [2]).

Когда римляне вышли постепенно за предѣлы Италіи, то и въ провинціяхъ они встрѣтили множество чуждыхъ языковъ; но между ними мало было типовъ новыхъ, незнакомыхъ имъ уже изъ Италіи: съ языкомъ кельтскимъ они вновь встрѣтились въ Галліи и Британіи; съ венетскимъ, вѣроятно, въ Панноніи и Иллирикѣ; съ мессапскимъ въ Иллирикѣ же, Эпирѣ, Македоніи; съ греческимъ на всемъ Востокѣ; съ пуническимъ въ Палестинѣ, Сиріи, Африкѣ; съ лигурскимъ на Иберійскомъ полуостровѣ и въ Аквитаніи. Лишь съ германскимъ языкомъ не встрѣчались римляне въ Италіи; но и его предтечи показывались въ ней временно, въ нашествіи кимвровъ и тевтоновъ.

Уподобляющая сила Рима ни въ одной области не обнаружилась съ такимъ блескомъ и величіемъ, какъ въ постепенной латинизаціи сначала италиковъ, потомъ прочихъ народовъ Апеннинскаго полуострова, а за ними и въ провинціяхъ, особенно западныхъ.

Прослѣдить весь ходъ этой великой борьбы чрезвычайно трудно, даже невозможно, какъ по существу самого процесса, такъ и по скудости сохранившихся данныхъ; но такъ какъ главные этапы латинизаціоннаго движенія обыкновенно совпадали съ нѣкоторыми политическими событіями, особенно же со вступленіемъ извѣстной народности

---

[1]) W. Deecke, у Gröber Grundr. I, 336.

[2]) Nissen 487, 551; ср. Schuchardt H. Der Vocalismus des Vulgärlateins. Leipzig. 1866—68. III, 37.

въ союзъ съ Римомъ и пріобрѣтеніемъ правъ римскаго гражданства, то хронологія этихъ послѣднихъ событій соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени главнымъ періодамъ латинизаціи языковъ. Для повѣрки могутъ служить при этомъ свидѣтельства эпиграфическія и историко-литературныя.

Исходною точкою и неизмѣннымъ средоточіемъ латинскаго языка были Албанскія горы и холмы г. Рима, съ прилегающими равнинами древняго Лація (Latium antiquum). Отсюда началъ онъ свое побѣдное шествіе; отсюда обошелъ и до извѣстной степени покорилъ себѣ міръ, —по крайней мѣрѣ римскій „orbem terrarum“.

Первымъ этапомъ этого движенія было подчиненіе сосѣднихъ вѣтвей сабелльскаго нарѣчія. Ранѣе другихъ примкнули къ латинамъ сабиняне, особенно южные, близъ г. Куръ. Они принимали дѣятельное участіе въ первоначальномъ заселеніи города Рима [1]), заняли въ немъ одинъ изъ семи холмовъ, перенесли на Капитолій своихъ боговъ (Марсъ, Квиринъ и др.), еще при царяхъ вступили въ союзъ, а съ 268 г. до Р. Х. надѣлены и правами римскаго гражданства [2]). И герники уже съ 486 г. до Р. Х. состояли въ латинскомъ союзѣ, а съ 306 г. пользовались римскимъ гражданствомъ [3]). Эквы рано исчезли въ войнахъ съ латинами, которые въ 304 г. до Р. Х. сожгли ихъ города и завладѣли всей областью [4]). Съ того же 304 г. вступаютъ въ латинскій союзъ марсы, вестины, марруцины [5]), а нѣсколько позже и пицены, получившіе въ 269—268 г. римское гражданство [6]). Почти въ то же

---

[1]) Mommsen, Unteritalischen Dialecte 364, высказываетъ предположеніе, что и римскій говоръ есть плодъ сабинскаго воздѣйствія на нарѣчіе хотя родственное, но не принадлежавшее къ сабелльской діалектической группѣ.

[2]) Nissen 513; ср. Deecke, у Gröber Grundr. I, 350.

[3]) Nissen 515, 509.

[4]) Nissen 514.

[5]) Ibid. 516.

[6]) Ibid. 509, 512.

время занята была и область фалисковъ, связывавшая Лацій съ Этруріей и Умбріей [1]). Долѣе и упорнѣе отстаивали свою независимость вольски, еще во II в. до Р. Х. говорившіе на особомъ разнорѣчіи [2]).

Въ Умбріи долго тянулась борьба этрусскаго и римскаго вліяній: первое преобладало въ культурной, второе же въ политической области, особенно съ 310 — 308 г. до Р. Х. [3]). Окончательное олатиненіе Умбріи, особенно къ сѣверу отъ Апеннинъ, произошло однако поздно, кажется въ I вѣкѣ имперіи [4]).

Упорно отстаивали свою независимость и народность осскія племена, особенно самнитяне. Подавленные послѣ продолжительныхъ войнъ 340, 327, 298 г., они еще разъ возстали при Аннибалѣ, во главѣ многихъ другихъ осскихъ и сабелльскихъ племенъ; окончательно же были сломлены и латинизованы лишь послѣ войны союзниковъ, въ 91—89 гг. до Р. Х. [5]). Латинскій языкъ прежде всего утвердился въ сѣверной Кампаніи: въ Кумахъ онъ признанъ оффиціальнымъ уже въ 180 г. [6]). Затѣмъ слѣдовали: южная Кампанія, Самній, а наконецъ Луканія и Бруцій, гдѣ осскій языкъ былъ очень ослабленъ греческимъ [7]). Все таки осскій языкъ былъ живъ еще при Варронѣ († 27 г. до Р. Х.); но во время Страбона онъ, кажется, уже вымеръ. Его не было въ Помпеѣ во время катастрофы 79 г. по Р. Х. [8]).

---

[1]) Nissen 513.

[2]) Ср. слова комика Титинія: qui obsce et volsce fabulantur, nam latine nesciunt. Nissen 518. Впрочемъ, у Т. Ливія не встрѣчаемъ упоминаній о вольскахъ послѣ пораженія ихъ въ 338 г. до Р. Х.

[3]) Nissen 507, 508.

[4]) Ibid. 507.

[5]) Ibid. 531, 533.

[6]) Ibid. 533.

[7]) Ibid. 524, 532, 548.

[8]) Ibid. 523.

Такимъ образомъ латинизація италійскихъ нарѣчій, начатая съ первыхъ лѣтъ существованія г. Рима, но два раза прерванная возстаніемъ большей части италиковъ при Аннибалѣ и въ войнѣ союзнической, закончилась лишь въ концѣ республики или началѣ имперіи [1]).

Изъ прочихъ народовъ полуострова ранѣе и полнѣе другихъ латинизованы были этруски. Ослабленные нападеніями съ сѣвера галловъ и венетовъ, они не могли оказать сильнаго противодѣйствія Риму, который въ 396 г. завоевываетъ южную Этрурію, около 300 же года подчи-

---

[1]) Въ такомъ приблизительно видѣ представляетъ себѣ ходъ латинизаціи италиковъ и Декке: „Ранѣе всего, говоритъ онъ, была латинизована южная часть сабинской области, близъ г. Cures, принимавшая уже участіе въ основаніи Рима. За нею слѣдовала южная Этрурія, примѣрно до р. Марты, за изъятіемъ Фалисской области. Далѣе шли герники, эквы и сѣверные сабиняне, уже при началѣ пуническихъ войнъ говорившіе не на своемъ, а на латинскомъ нарѣчіи. Вслѣдъ затѣмъ латинизованы были марсы и прочіе сабеллы, а равно сенонскіе галлы, пиценты и френтаны. Аннибалова война нѣсколько задержала этотъ процессъ, который тѣмъ быстрѣе пошелъ по окончаніи ея. Но самую важную эпоху въ латинизаціи составила союзническая война, перенесшая ее къ югу и сѣверу, что было затѣмъ санкціоновано юліевымъ и плавто-папиріевымъ законами Въ силу послѣднихъ всѣ муниципіи или италійскіе города до р. По получили римское гражданство. Вмѣстѣ съ римскимъ правомъ у нихъ утвердился и латинскій языкъ. Въ эту лишь эпоху была подавлена рѣчь вольсковъ, фалисковъ; тогда же стали забывать свою материнскую рѣчь умбры. Въ гражданской войнѣ Сулла окончательно сломилъ самнитянъ, а съ ними и осскій языкъ; его полевыми указами были оторваны отъ своей почвы этруски... Къ императорской эпохѣ исчезаютъ діалектическія надписи. Лишь въ горныхъ захолустьяхъ и въ средѣ простонародья провинціальныхъ городовъ да у нѣкоторыхъ ученыхъ хранилось еще нѣкоторое время знакомство съ діалектами. Въ новѣйшее время пытались открыть ихъ слѣды въ мѣстныхъ латинскихъ говорахъ (по надписямъ), даже въ новоитальянскихъ нарѣчіяхъ, но пока безъ рѣшительнаго успѣха". Gröber Grundriss I, 350. Ср. Diez Gramm. d. Rom. Spr. [2] I, 74.

няетъ себѣ и прочія ея части [1]), открывая ее настежь потоку латинизаціи. Особенно быстры были ея успѣхи послѣ Аннибалова похода [2]). Сулла разгромилъ этрусскую знать и города, населивъ ихъ ветеранами [3]). Но все же туземный языкъ еще долго жилъ въ Этруріи, особенно сѣверной, гдѣ сохранились этрусскія надписи и отъ императорскаго времени.

Еще во II в. по Р. Х. Авлъ Геллій упоминаетъ этрусскій языкъ, но въ смыслѣ архаизма, вызывавшаго смѣхъ [4]). Глубина и полнота его поглощенія латинскимъ лучше всего отражается въ чистотѣ тосканскаго нарѣчія, занимающаго древнюю Этрурію и все-таки ставшаго классическимъ уже въ средневѣковой Италіи.

Латинизація предальпійскихъ галловъ съ возрастающимъ успѣхомъ ведется съ 285 г., когда Римъ отъ оборонительной войны съ ними перешелъ къ наступательной [5]). Въ концѣ этого вѣка успѣхи его были на время прерваны Аннибаломъ, но послѣ II пунической войны вся предальпійская Галлія — сначала циспаданская, а потомъ и транспаданская—подчинилась Риму, который организовалъ ее въ провинцію, прорѣзалъ дорогами, покрылъ колоніями, надѣлилъ то римскимъ, то латинскимъ гражданствомъ и постепенно латинизовалъ [6]). Къ началу I в. до Р. Х. латинизація настолько подвинулась какъ въ циспаданской, такъ и въ болѣе отдаленной транспаданской Галліи, что ея народы не приняли уже участія въ

---

[1]) Nissen 502; Budinszky A. Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und die Provinzen. Berlin 1881, стр. 50, 51.

[2]) Nissen 556.

[3]) Budinszky 51.

[4]) Aul. Gell. XI, 7, 3 сл. ... post deinde, quasi nescio quid tusce aut gallice dixisset, universi riserunt.

[5]) Nissen 481.

[6]) Nissen 481; Budinszky 55.

союзнической войнѣ. Однако рѣчь ихъ доселѣ отражается въ діалектахъ сѣверной Италіи [1]).

Очень слабое сопротивленіе Риму оказали венеды, издавна къ нему привязанные общими земледѣльческими и торговыми вкусами и общею враждою къ галламъ. Но по дальности разстоянія они сравнительно поздно, въ 225 г. до Р. Х., вошли въ союзъ съ Римомъ и долго, по крайней мѣрѣ до Поливія, сохраняли свой языкъ. Лишь въ 89 г. они получили права гражданства, что ускорило ихъ латинизацію [2]). Ея успѣхамъ не мало должно было содѣйствовать значеніе латинской колоніи (съ 181 г.) Аквилеи, занимавшей впослѣдствіи второе послѣ Рима мѣсто между городами Италіи. Истры же подчинены были Риму въ 177 г. до Р. Х. Слѣды этихъ населеній сохранились до нашего времени въ нарѣчіяхъ венетскомъ и фріульскомъ [3]).

Третій верхне-италійскій народъ — лигуры покорены были Римомъ во второй половинѣ III в. Равнина покрылась уже во II в. латинскими и римскими колоніями, но горцы Приморскихъ Альпъ еще долго вели партизанскую войну, такъ что лишь при Августѣ закончено было завоеваніе всей Лигуріи, изъ коей образована провинція Приморскихъ Альпъ. Въ 64 г. по Р. Х. тутъ было введено латинское право, а еще позже римское гражданство [4]). Корсы и сарды покорены въ половинѣ III в. до Р. Х. Изъ сохранившихся надписей видно, что на обитаемыхъ ими островахъ долго держались греческій и пуническій языки. Еще при Страбонѣ корсы считались варварами [5]).

Довольно поздно латинизованы и япиги въ Апуліи,

---

[1]) Ср. Windisch, у Gröber Grundr. I, 286 сл.

[2]) Nissen 492; Budinszky 53; ср. Windisch, у Gröber Grundr. I, 288.

[3]) Windisch, у Gröber Grundr. I, 287.

[4]) Nissen 473 сл.; ср. Windisch, у Gröber Grundr. I, 287—288.

[5]) Nissen 365; Budinszky 57.

особенно средней и южной. Мессапскій языкъ былъ живъ еще за 100 л. до Р. Х. Онъ задавленъ лишь послѣ войны союзнической, когда латинскій сталъ оффиціальнымъ во всей Италіи. Еще Горацій считаетъ апульскихъ канузійцевъ двуязычными: очень возможно, что вторымъ ихъ языкомъ, наряду съ латинскимъ, былъ мессапскій, если не былъ таковымъ языкъ греческій [1]).

Но всего труднѣе было Риму вытѣснить изъ Италіи греческій языкъ. Это зависѣло не отъ политической или національной силы италіотовъ и сикеліотовъ, а отъ культурнаго ихъ перевѣса надъ латинянами, который чувствовался даже въ вѣкъ Августа. Въ Неаполѣ греческій языкъ держался еще въ VII в. по Р. Х.; въ Апуліи же, Луканіи, Бруціи онъ былъ окончательно подавленъ не латинскимъ, а лишь итальянскимъ языкомъ, въ глубинѣ среднихъ вѣковъ [2]).

Что касается языка пуническаго на полуостровѣ и его водахъ, то судьба этого языка была запечатлѣна паденіемъ Карѳагена, хотя онъ держался еще нѣкоторое время въ Сардиніи и Сициліи.

Подавленные латинскимъ языки древней Италіи вымерли не безслѣдно. Они оставили свой отпечатокъ на мѣстныхъ его особенностяхъ, отчасти же и донынѣ отражаются въ итальянскихъ нарѣчіяхъ. Латынь умбрская, сабелльская, осская, этрусская, галльская, венетская, лигурская, апульская, греческая, даже еще частнѣе—латынь пренестинская, тускуланская, фалисская, хранила слѣды поглощенныхъ ею языковъ, нарѣчій, говоровъ [3]). Слѣды эти заключались въ нѣкоторыхъ особенностяхъ звуковыхъ, формальныхъ, лексикальныхъ. Даже Титъ Ливій не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ провинціализмовъ венетскихъ (patavinitas) [4]), а Катуллъ отъ галльскихъ.

---

[1]) Nissen 542.
[2]) Budinszky 43, 45.
[3]) Sittl 36, 38; Schuchardt III, 34—36.
[4]) Bernhardy 720; Sittl 53, 54.

Связь этихъ древнихъ провинціализмовъ съ нынѣшними итальянскими нарѣчіями не подлежитъ сомнѣнію. Особенно замѣтно это въ галло-итальянскихъ говорахъ Пьемонта, Ломбардіи, Эмиліи, гдѣ кельтская подпочва отражается въ своеобразномъ выговорѣ нѣкоторыхъ гласныхъ, въ ослабленіи и отпаденіи однихъ согласныхъ и появленіи другихъ, паразитныхъ и т. п. [1]). Это обстоятельство роднитъ названные говоры съ сѣверно-французскими и португальскими, которые образованы также на кельтской подпочвѣ. Аналогическимъ образомъ должны быть объясняемы нѣкоторыя черты сходства говоровъ средне-итальянскихъ съ провансальскими и испанскими, а фріульскихъ съ волошскими [2]).

Если мы перенесемся мыслію изъ Италіи въ провинціи, то завоеванія латинскаго языка предстанутъ передъ нами еще въ бо́льшемъ величіи.

Ранѣе всего проникъ онъ и прочнѣе всего утвердился на Пиренейскомъ полуостровѣ. Господствовавшій на немъ нѣкогда безраздѣльно иберскій языкъ уже рано былъ ослабленъ завоеваніями на его почвѣ кельтовъ съ сѣверозапада [3]), а финикіянъ, грековъ, карѳагенянъ съ юговостока. Это облегчило латинизацію полуострова, которая началась со второй пунической войны и была до извѣстной степени закончена къ началу имперіи—то войною, то колонизаціей, то усиліями образованныхъ дѣятелей, въ родѣ Гракховъ, Катона, Сципіона, Серторія. Средоточіемъ этой латинизаціи была область Бетика, нынѣшняя Андалузія. Населявшее ее иберское племя, Турдетаны, было олатинено уже при Страбонѣ [4]). За Бетикой слѣдовала въ этомъ отношеніи провинція Тарраконская,

---

[1]) Ascoli. Una Lettera glottologica. Torino 1881; Windisch, y Gröber Grundr. I, 306—309.

[2]) Schuchardt I, 82.

[3]) Изъ Галліи въ VI в. до Р. X.? Windisch, y Gröber Grundr. I, 300; ср. 329.

[4]) Schuchardt I, 93; Budinszky 73.

особенно приморская ея часть [1]). Медленнѣе были успѣхи латинскаго языка въ Лузитаніи, Галиціи и вообще въ водоскатѣ Атлантическаго океана, гдѣ и племенной составъ былъ нѣсколько иной, вслѣдствіе примѣси кельтовъ. При Веспасіанѣ, въ 74 г. по Р. X. всѣ иберійскіе города получили гражданство: это было признакомъ и печатью окончательной романизаціи страны [2]). Иберійскіе туземцы удержались лишь въ предгорьяхъ Пиренеевъ, гдѣ и донынѣ баски говорятъ, кажется, на одномъ изъ иберскихъ нарѣчій [3]).

Въ 123 г. до Р. X. были заняты и постепенно латинизованы Балеарскіе острова.

Вторую по древности и силѣ латинизаціи провинцію составляла Африка, служащая какъ бы южнымъ продолженіемъ и ограниченіемъ съ одной стороны Италіи съ Сициліей, съ другой же—Испаніи, съ ихъ водными бассейнами. И здѣсь туземные языки берберійскаго корня были уже ранѣе оттѣснены внутрь страны языками пуническимъ и въ меньшей степени греческимъ.

Процессъ латинизаціи начался здѣсь со II пунической войны, но особенно съ разрушенія Карѳагена, который былъ потомъ, правда, возстановленъ, но уже какъ городъ латинскій, и сталъ даже, наряду съ Римомъ и Кордовою, однимъ изъ важнѣйшихъ средоточій римской литературы [4]). Въ теченіе 600-лѣтняго господства въ Африкѣ латинскій языкъ успѣлъ подчинить себѣ и пуническій, и греческій, и туземные берберійскіе языки. Хотя языки эти продолжали прозябать и подъ латинскимъ господствомъ,—пуническій до временъ блаженнаго Августина [5]), берберійскіе же уцѣлѣли и донынѣ; тѣмъ не менѣе и латинскій языкъ занималъ уже здѣсь—особенно съ Юлія Цезаря—положеніе не толь-

---

[1]) Gröber Grundr. I, 333 сл.

[2]) Ibid. 334.

[3]) Gerland G., у Gröber Grundr. I, 326 сл.

[4]) G. Meyer, у Gröber Grundr. I, 378.

[5]) Sittl 92; ср. Mommsen R. G. [2] V, 622, 624, 640, 644.

ко государственнаго, но и народнаго языка въ краяхъ приморскихъ. Изъ надписей видно, что еще во время вандальскаго и византійскаго господства высшіе классы сѣверозападной (отъ Б. Сырта) Африки говорили на латинскомъ языкѣ, хотя и нѣсколько отличномъ отъ коренного [1]). Если тѣмъ не менѣе изъ африканской латыни не выработался новороманскій языкъ, въ родѣ испанскаго, съ которымъ латино-африканскій имѣлъ много общаго [2]), то причиною того были кажется арабы [3]), давно подавленные въ Испаніи, но уцѣлѣвшіе въ смѣшеніи съ туземцами берберами въ Тунисѣ, Алжирѣ, Марокко.

Долговѣчнѣе оказались завоеванія латинскаго языка въ Галліи. Они были здѣсь облегчены древнимъ дуализмомъ кельтскаго и иберскаго населеній нынѣшней Франціи и значительными успѣхами греческой колонизаціи на югѣ, гдѣ ея средоточіемъ былъ тріязычный городъ Массилія. Отсюда же, изъ провинціи Нарбонской, организованной около 118 г. до Р. Х. дѣйствовалъ латинизмъ на племена лигуро-иберскія и кельтскія. Цицеронъ свидѣтельствуетъ, что уже въ его время Галлія была переполнена римскими гражданами и купцами [4]). Но окончательно сломлена была народная сила галловъ Юліемъ Цезаремъ, который проложилъ латинскому языку доступъ вглубь Аквитаніи, Галліи и Бельгіи, до Рейна, Ламанша и Океана. Въ I в. по Р. Х. нѣкоторыя части Галліи, особенно же Нарбонская, были, по свидѣтельству Плинія, похожи скорѣе на Италію, чѣмъ на провинцію [5]). Страна покрылась цѣлою сѣтью латинскихъ школъ (въ Марсели, Нарбонѣ, Тулузѣ, Бордо, Безансонѣ, Ліонѣ, Парижѣ, Реймсѣ и др.) и стала съ I—II в. по Р. Х. классическою

---

[1]) Schuchardt I, 97, 98; Sittl 67, 77, 92.

[2]) Sittl 74, 75.

[3]) Ibid.; Schuchardt I, 97.

[4]) Budinszky 103.

[5]) Ibid. 104; cp. Mommsen [2] V, 74—77.

страною латинскихъ ораторовъ, какъ Африка риторовъ [1]). Но лучшимъ доказательствомъ глубокой и широкой латинизаціи Галліи въ императорское время служитъ фактъ существованія провансальскаго и французскаго языковъ, несмотря на позднѣйшее довольно продолжительное господство въ Галліи германцевъ.

Впрочемъ, прежніе языки не сразу и не безслѣдно исчезли въ Галліи. Греческій долго держался въ южномъ приморьѣ: въ г. Арлѣ (Arles) напр. до VI в. по Р. X. [2]). На кельтскомъ разрѣшено было еще въ III в. составлять завѣщанія [3]); блаженный же Іеронимъ оставилъ свидѣтельство о сходствѣ рѣчи тревировъ въ Галліи и галатовъ въ Малой Азіи, которое могло основываться лишь на кельтскомъ происхожденіи тѣхъ и другихъ [4]). Оттѣсняемый все далѣе на сѣверъ, кельтскій языкъ лишь очень поздно, въ 4—5 в., исчезъ въ сѣверной Галліи; въ Бретани же онъ существуетъ и теперь, хотя быть можетъ не искони, а по возвращеніи сюда кельтовъ изъ Корнваллиса въ Британіи [5]). Отъ иберскаго же осталась вѣтвь басковъ и на галльской сторонѣ Пиренеевъ, да своеобразная примѣсь въ гасконскомъ нарѣчіи. Можно думать, что и дуализмъ языковъ окцитанскаго и ойльскаго (langue d'oc, langue d'oïl), или провансальскаго и собственно-французскаго, коренится на двойственности лигуро - иберскаго населенія южной Галліи и кельто-бельгскаго—сѣверной, въ связи съ болѣе раннею и полною латинизаціею первой въ сравненіи съ послѣднею [6]).

Изъ Галліи латинскій языкъ проникъ со временъ Юлія Цезаря по ту сторону Ламанша, въ Британію, гдѣ нашли

---

[1]) Budinszky 109; Windisch и W. Meyer, у Gröber Grundr. I, 295 сл., 380.

[2]) Schuchardt I, 95; ср. Windisch, у Gröber Gr. I, 291.

[3]) Budinszky 115.

[4]) Windisch, у Gröber Grundr. I, 298.

[5]) Ibid. 283, 298.

[6]) Mommsen [2] V, 78; ср. 93; Windisch, у Gröber Grundr. I, 293.

убѣжище нѣкоторыя вѣтви сраженнаго Римомъ кельтскаго племени. Въ теченіе 400-лѣтняго господства Римъ успѣлъ было пустить довольно глубокіе корни и на этомъ отдаленномъ островѣ. Но онъ не могъ подчинить себѣ горной Каледоніи, по ту сторону Адріанова и Антонинова валовъ. Завоеваніе не коснулось и Ирландіи. Къ этой незаконченности римскаго завоеванія присоединилась въ V в. необходимость очистить Британію отъ легіоновъ, какъ оказалось—навсегда. Поверхностный слой латинизма былъ постепенно сметенъ англо-саксонскими и юто-датскими колонистами, которымъ суждено было стать наслѣдниками цесарей на богатомъ островѣ. Но въ горахъ Вельса, Шотландіи, Ирландіи и на о. Мэнѣ уцѣлѣли остатки кельтовъ, гдѣ и теперь они обнаруживаютъ замѣчательную живучесть и энергію въ борьбѣ съ англичанами [1]).

Въ странахъ заальпійскихъ латинизиція не оставила прочныхъ слѣдовъ ни въ зарейнсвой Германіи [2]), ни въ Гельвеціи, Реціи, Норикѣ, гдѣ римляне со временъ Августа господствовали до линіи Майна и Дуная въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. По всей вѣроятности, латинскій языкъ имѣлъ тутъ болѣе государственное, чѣмъ народное значеніе въ средѣ кельтовъ, ретовъ (этруссковъ?), иллировъ и др. народовъ [3]). Единственнымъ живымъ слѣдомъ его господства въ означенныхъ областяхъ является нынѣшній ладинскій или рето-романскій языкъ въ южной Швейцаріи, Тиролѣ и на ломбардо-венеціанскихъ скатахъ серединныхъ Альпъ; но говорящіе на немъ горцы могли быть отчасти и позднѣйшими бѣглецами изъ романизованныхъ равнинъ [4]).

---

[1]) Ср. Mommsen R. G. [2] V, 177 сл.; Schuchardt I, 100; Budinszky 134.

[2]) Mommsen [2] V, 153 сл.

[3]) Ibid. [2] V, 179 сл. Ср. Windisch, у Gröber Grundr. I, 288 сл.

[4]) Budinszky 142; ср. Schuchardt I, 97; Ascoli, Studj ladini; Windisch, у Gröber Grundr. I, 289.

За Норикомъ слѣдовалъ на востокъ Иллирикъ, распадавшійся на нижній или Паннонію, въ долинѣ Савы, и верхній или Далмацію, отъ Адріатики до Дрины. Латинизація этихъ областей направлялась, вѣроятно, изъ верхней Италіи, причемъ связующимъ звеномъ могли служить Фріуль, Истрія и либурно-далматинское побережье Адріатики [1]). Множество римскихъ сооруженій и надписей, цѣлый рядъ вышедшихъ отсюда полководцевъ, даже императоровъ [2]), и положительное свидѣтельство Веллея Патеркула [3]) говорятъ о сильномъ разливѣ въ этихъ областяхъ латинскаго языка. Очень вѣроятно, что онъ имѣлъ тутъ нѣкоторое время и народное значеніе [4]). Въ Далмаціи онъ держался очень долго, до VII в. [5]). Но все-таки въ концѣ концовъ латынь должна была уступить здѣсь передъ напоромъ славянскаго языка, кромѣ одиночныхъ островковъ,—одного въ Истріи, а другого въ Албаніи, время образованія которыхъ впрочемъ не извѣстно въ точности. Въ южныхъ же частяхъ верхняго Иллирика, за Скадрскимъ озеромъ, уцѣлѣли остатки иллировъ—албанцы [6]).

Еще далѣе на востокъ, въ системѣ нижняго Дуная, лежали провинціи Мизія и Дакія, населенныя народами ѳракійскаго (и славянскаго?) происхожденія и организованныя въ первый вѣкъ имперіи [7]). Дакія въ половинѣ III в. по Р. Х. была очищена римлянами; но Мизія еще долго оставалась въ составѣ имперіи и поддержала въ этихъ краяхъ латинскій языкъ, позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ коего служитъ языкъ румынскій или волошскій. Послѣдній представляется теперь островомъ на славянскомъ морѣ, но встарь онъ могъ находиться въ территоріальномъ со-

---

1) Mommsen [2] V, 183 сл.
2) Ibid. [2] V, 228 сл.
3) Mommsen [2] V, 35; Schuchardt I, 99.
4) Mommsen [2] V, 188; Schuchardt I, 44 сл.
5) Schuchardt I, 56.
6) Ср. Mommsen [2] V, 182, 186.
7) Mommsen [2] V, 189 сл.

общеніи съ италійской метрополіей чрезъ Паннонію и Иллирикъ. На это указываетъ особенное сродство молдо-волошскаго съ истро-волошскимъ, куцо-волошскимъ (цынцарскимъ) и фріульскимъ [1]).

Подвигаясь далѣе на юго-востокъ, въ Македонію, Ѳракію, Грецію, Малую Азію, Сирію, Египетъ, Киренаику, мы вступаемъ въ ту область, гдѣ латинскому языку пришлось испытать свою силу на грекахъ и эллинизованныхъ народахъ. И эта сила оказалась недостаточною,—тѣмъ болѣе, что въ отношеніи къ своимъ учителямъ-грекамъ Римъ изъ чувства благодарности отказался отъ выработанной на западѣ системы латинизаціи; онъ считалъ себя призваннымъ не уничтожать, а охранять на Востокѣ эллинизмъ, какъ нѣкогда цари македонскіе, сирійскіе, египетскіе [2]). Такимъ образомъ, международнымъ языкомъ Востока остался греческій [3]), насколько и доколѣ его роль не была подорвана языками туземцевъ, особенно персидскимъ, арабскимъ и славянскимъ.

Но какова была та латынь, которая такимъ образомъ утвердилась въ Италіи и многихъ провинціяхъ? Былъ ли это извѣстный намъ изъ литературы латинскій языкъ или какой либо иной? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается какъ часть въ другомъ, болѣе общемъ: какъ выработался латинскій образованный языкъ и въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ просторѣчію латинскому и къ прочимъ діалектамъ древней Италіи?

Почти всѣ эти діалекты получили нѣкоторую письменную обработку и оставили по себѣ слѣдъ, но главнымъ образомъ въ эпиграфической литературѣ, самаго прозаическаго и будничнаго содержанія.

---

[1]) Ср. Fuchs. Die Romanischen Sprachen 1849 г., 58, Schuchardt I, 44, 99; III, 44.

[2]) Mommsen [2] V, 231 сл., 235.

[3]) Sermone graeco... omnis Oriens loquitur, читаемъ у блаженнаго Іеронима. Ср. Budinszky 115.

Изъ дюжины такихъ литературъ лишь двѣ возвышаются надъ уровнемъ діалектическихъ и могутъ быть названы общими: это были литературы греческая и латинская, разработанныя совмѣстными усиліями нѣсколькихъ племенъ и удовлетворявшія не практическимъ лишь, но и идеальнымъ потребностямъ народной жизни.

Отъ умбрской діалектической литературы осталось пять мелкихъ надписей, нѣсколько монетъ и знаменитыя Евгубинскія доски (Tabulae Eugubinae), обрядоваго содержанія; онѣ не древнѣе 200 г. до Р. X. и писаны на семи мѣдныхъ доскахъ отчасти этрусскими, отчасти (двѣ позднѣйшія таблицы) латинскими буквами [1]).

Еще скуднѣе сабелльская діалектическая литература, состоящая изъ сотни надписей и монетъ такого же содержанія, но меньшаго объема, писанныхъ то особымъ письмомъ (греко-халкидскаго происхожденія), то латинскими буквами [2]). Въ этихъ надписяхъ изрѣдка встрѣчается сатурнійскій размѣръ и аллитерація [3]).

Богаче и развитѣе была письменность осская, эпиграфическіе памятники которой разбросаны въ Самніи, Кампаніи, Луканіи, Бруціи и даже Сициліи, хотя общее число ихъ не достигаетъ еще 200 [4]). По письму они дѣлятся на три группы: 1) этрусско-осскіе, 2) греческо-осскіе и 3) латинско-осскіе, изъ коихъ первые господствуютъ въ трехъ первыхъ областяхъ, вторые въ двухъ послѣднихъ, третьи же — въ Самніи послѣ римскаго завоеванія [5]). Древнѣйшія изъ осскихъ надписей относятся къ 400 г. до Р. X., новѣйшія же — ко времени

---

[1]) Deecke, у Gröber Grundr. I, 343.

[2]) Zvetajeff Joh. Inscriptiones Italiae mediae dialecticae. Lipsiae. 1884.

[3]) Ibid. 19, 60; ср. Deecke, у Gröber Grundr. I, 341.

[4]) Zvetajeff Joh. Sylloge inscriptionum oscarum I. Petropoli. 1878.

[5]) Bernhardy 180; Цвѣтаевъ. Сборникъ осскихъ надписей. 1877, стр. 5.

союзнической войны [1]). Содержаніе не отличается отъ умбрскихъ и сабелльскихъ надписей. По объему лишь три болѣе значительны [2]). Одна изъ уцѣлѣвшихъ надписей, бовіанская, писана сатурнійскимъ стихомъ [3]). Но вообще и въ осской литературѣ мы не видимъ поэтическихъ произведеній, за исключеніемъ развѣ того балаганнаго фарса (oscum ludicrum), который принесенъ былъ изъ Кампаніи въ Римъ и развился тутъ подъ именемъ ателланъ [4]).

Діалектъ осскихъ надписей представляетъ мало различій по отдѣльнымъ областямъ, кромѣ количества и качества иноязычныхъ примѣсей. Вообще же это было скорѣе просторѣчіе въ письменномъ употребленіи, чѣмъ діалектъ, обработанный писателями. Вотъ почему въ латинскомъ языкѣ выраженіе: „говорить по-осски" (osce loqui) означало: „говорить неприлично, грубо" [5]).

Образованные оски писали по-гречески, съ III же в. до Р. X.—и по-латыни. Это обстоятельство и подорвало окончательно осскую литературу,—единственную изъ италійскихъ, которая при благопріятныхъ условіяхъ могла бы соперничать съ латинскою.

Судя по массѣ эпиграфическихъ памятниковъ, обширности занимаемой области и продолжительности существованія, довольно значительны были успѣхи литературы этрусской. Не менѣе 6000 этрусскихъ надписей извѣстно уже теперь на территоріи отъ Альпъ до Сициліи, преимущественно въ собственной Этруріи, затѣмъ въ Умбріи, Галльской Маркѣ, Эмиліи, Ломбардіи, Реціи, даже въ южной Штиріи и Швейцаріи, на пространствѣ до 3.000 кв. м. [6]).

---

[1]) Bernhardy 179; Nissen 523.

[2]) Lex sacra Agnonensis, въ Самніи, сакральнаго содержанія; Cippus Abellanus, въ Кампаніи, договорнаго характера; Lex Bantina, въ Луканіи, объ общественныхъ земляхъ. Zvetajeff 6, 36, 75.

[3]) Ibid. 13.

[4]) Bernhardy 392, 395.

[5]) Ibid. 184.

[6]) Nissen 494, 499 сл.; Deecke l. c. 346.

Между этими надписями есть до 30 двуязычныхъ, но очень незначительнаго объема и содержанія. Да и изъ прочихъ наберется не болѣе 250, заключающихъ не голыя имена. Лишь пять надписей представляютъ нѣсколько бо́льшій объемъ,—всѣ почти надгробнаго характера. Писаны онѣ особымъ письмомъ, греко-халкидскаго, какъ думаютъ, происхожденія. Древнѣйшія восходятъ къ 500 г. до Р. Х.; съ 100 г. до Р. Х. встрѣчаются двуязычныя и смѣшанныя надписи. Позднѣйшія принадлежатъ началу императорской эпохи. Что касается собственно литературныхъ памятниковъ, то есть основаніе предполагать у этрусковъ книги богослужебныя, дидактическія, юридическія, зародыши хронографіи и генеалогіи, быть можетъ и драматургіи; но все это погибло, благодаря презрительному отношенію позднѣйшихъ римлянъ къ своимъ старымъ учителямъ [1]).

Вліяніе этрусской письменности отражается на алфавитахъ древне-италійскихъ народовъ [2]). Быть можетъ оно распространялось и на внутренній характеръ ихъ литературы; но нѣтъ никакихъ основаній приписывать этрусскому языку международное значеніе и ту распространенность въ Италіи, какую имѣла тамъ нѣкогда этрусская техника. Съ Аннибалова похода все чаще встрѣчаемъ въ этрусскихъ надписяхъ латинское письмо, а съ союзнической войны — и латинскій языкъ, сначала параллельно съ этрусскимъ, а потомъ и безъ послѣдняго.

На мессапскомъ языкѣ сохранилось до 160 намогильныхъ большею частью надписей въ южной Апуліи, предположительно—I в. до Р. Х. Въ сѣверной же Апуліи онѣ

---

1) Deecke, у Gröber Grundr. I, 346 сл.

2) Этрусскими буквами написаны и двѣ единственныя кельтскія надписи Италіи: новарская и тодійская (Windisch E. у Gröber Grundr. I, 285 сл.). Но венетскія надписи представляютъ буквы греко-халкидскаго происхожденія (W. Deecke ib. I, 336).

не найдены, быть можетъ вслѣдствіе ранняго утвержденія тамъ греческаго, а потомъ латинскаго языка [1]).

Отъ пуническаго языка остались кое-какіе эпиграфическіе слѣды и въ Италіи, главнымъ образомъ въ западной Сициліи и южной Сардиніи; но что языхъ этотъ былъ нѣсколько извѣстенъ и въ Римѣ, еще въ III—II в., на это указываетъ комедія Плавта: Paenulus [2]).

Въ южной Италіи и Сициліи долгое время съ успѣхомъ развивался греческій языкъ, сначала въ діалектической литературѣ, а съ V—IV вв. въ аттицизмѣ и наконецъ въ видѣ киннѝ или общаго языка. Нѣкоторое участіе принимали въ этой литературѣ писатели изъ осковъ и даже латинянъ, какъ напр. историки К. Фабій Пикторъ, Л. Цинцій Алиментъ, примыкавшіе по стилю къ іонійскимъ логографамъ [3]); но этотъ италійскій вкладъ въ греческую литературу былъ очень незначителенъ, въ сравненіи съ эллинистическими народами Востока. Кромѣ того греки сторицею воздали италикамъ за это содѣйствіе, предоставивъ имъ въ пользованіе все наслѣдіе своей высокой образованности.

Древнѣйшіе письменные памятники латинскаго языка ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ юридическо-сакральной литературы всѣхъ прочихъ италиковъ. Это были тѣже надписи намогильнаго, обрядоваго, юридическаго, нумизматическаго характера, да памятныя записи календарнаго, историческаго, фамильнаго содержанія. Форма буквъ и способъ письма, сначала справа влѣво, а потомъ слѣва вправо, изрѣдка же и бороздообразно, отражаютъ то этрусскія, то греческія вліянія, съ постепеннымъ усиленіемъ послѣднихъ. Прозаическое изложеніе лишь изрѣдка перемежалось въ этой архаической латыни стихотворнымъ, обыкновенно сатурнійскимъ размѣромъ, насколько можно судить по скуднымъ эпиграфическимъ и не совсѣмъ точно сохраненнымъ литературнымъ остаткамъ этой латыни. Вся эта литература имѣла дѣловой, такъ сказать, характеръ,

---

[1]) Nissen 542, 545.

[2]) Ibid. 550; Bernhardy I, 75.

[3]) Bernhardy I, 213, 674.

не исключая и тѣхъ литургическихъ гимновъ, которые употреблялись при религіозныхъ обрядахъ и празднествахъ и остатками коихъ являются дошедшія путемъ то эпиграфической, то литературной передачи формулы арвальскихъ и салійскихъ жрецовъ [1]). Что касается собственно народныхъ пѣсенъ — обрядоваго, лирическаго и эпическаго характера, то слѣды ихъ уцѣлѣли въ позднѣйшей литературѣ, сохранившись вѣроятно въ передачѣ устной, а не письменной.

Изъ этихъ стихій языка дѣлового, литургическаго и народно-пѣсеннаго могъ бы выработаться національный латинскій литературный языкъ и стиль. Но его развитіе было прервано въ III в. появленіемъ въ Римѣ особой школы полугреческихъ—полулатинскихъ поэтовъ, оссскаго большею частью происхожденія, которые подъ покровительствомъ знатныхъ патриціанскихъ родовъ насадили въ Лаціи новую литературу, эллинистическаго происхожденія и духа. То были: тарентецъ Ливій Андроникъ и калабріецъ Энній, котораго позднѣйшіе писатели въ простотѣ сердечной, Горацій же не безъ ироніи, величали вторымъ Гомеромъ [2]), а въ новѣйшее время — латинскимъ Лютеромъ или Рабле [3]). Ихъ усиліями, при содѣйствіи еще комика Плавта, выработанъ былъ особый искусственный языкъ, составленный изъ разговорной рѣчи высшаго римскаго общества да нѣкоторыхъ остатковъ старой дѣловой латыни, съ сильной примѣсью грецизмовъ и кое-какими индивидуальными вкладами. Дальнѣйшее развитіе этого языка обозначается именами: комиковъ Цецилія Стація и Теренція, трагиковъ Пакувія и Акція, сатирика Луцилія, дидактика Лукреція, лирика Катулла, а наконецъ оратора Цицерона, при которомъ латынь вступаетъ въ золотой вѣкъ. Общая покатость этого развитія была опредѣлена вліяніями фил-

[1]) Bernhardy 195; Jordan, Kritische Beiträge zur Geschichte der Lateinischen Sprache. Berlin 1879, стр. 290.

[2]) Bernhardy 212, 218.

[3]) Schuchardt I, 50.

эллинской аристократіи и грецизующихъ писателей, въ средѣ которыхъ патріотическій голосъ Катона, ратовавшаго за національное направленіе, прозвучалъ почти безслѣдно. Особенно должно это сказать о языкѣ стихотворномъ, выработанномъ главнѣйше вольноотпущенными и кліентами, которые угождали испорченному вкусу своихъ патроновъ.

Въ латинской прозѣ, установленной людьми свободнорожденными, по большей части государственными дѣятелями, какъ напр. Аппій Клавдій Слѣпой, Сципіоны, Гракхи, Крассъ, Антоній, Цезарь и др., тверже хранились связи съ традиціоннымъ дѣловымъ языкомъ Рима [1]). Лишь позже, въ I в. по Р. Х., постепенно сглаживаются грани поэтическаго и прозаическаго стилей, въ видѣ торжества перваго надъ послѣднимъ, что особенно замѣтно въ своеобразной рѣчи Тита Ливія [2]).

При столь одностороннемъ и искусственномъ характерѣ классической латыни не удивительно, что она сильно различалась отъ латыни архаичной, которой не понимали уже современники не только Горація и Квинтиліана, но даже Поливія и Цицерона [3]). Съ тѣмъ вмѣстѣ и разстояніе рѣчи городской отъ сельской, sermonis urbani отъ sermonis rustici, plebeji, vulgaris, становилось все больше, особенно въ высокихъ родахъ поэзіи, напр. одахъ, трагедіяхъ и т. п. Различіе между ними заключалось и въ выговорѣ, и въ степени сохранности флексій, и въ лексиконѣ, фразеологіи, синтаксисѣ [4]).

Такъ какъ литературный стиль былъ переработкою sermonis urbani, а вмѣстѣ и ея крайностію, то въ немъ съ наибольшей силой отражались своеобразныя особенности этой высшей, патриціанской латыни. Лишь въ архаическій ея періодъ при Плавтѣ, впослѣдствіи же у нѣкото-

---

[1]) Bernhardy 52 сл., 186, 315; Jordan 277, 355.

[2]) Ср. W. Meyer, у Gröber Grundr. I, 378.

[3]) Bernhardy 187, 197.

[4]) Bernhardy 350; Schuchardt I, 33, 50, 102 сл.

рыхъ романистовъ, какъ Петроній и Апулей, у Витрувія, да въ архаистической школѣ писателей послѣ Имп. Адріана и въ литературѣ христіанской, какъ предназначенной главнымъ образомъ для простого народа,—приливъ плебеизмовъ замѣтнѣе и глубже [1]).

Но это не было признакомъ зарожденія новыхъ діалектическихъ отношеній, а скорѣе отраженіемъ теченій, которыя прежде скрывались отъ наблюдателя, проявляясь лишь въ эпиграфической литературѣ да въ низшихъ видахъ поэзіи [2]).

Итакъ, въ древнемъ Римѣ были собственно два латинскіе говора: urbanus и rusticus или patricius и plebejus. Который же изъ нихъ распространился въ Италіи и провинціяхъ и сдѣлалъ въ нихъ тѣ завоеванія, о которыхъ выше была рѣчь?

Оба. Свидѣтельствомъ распространенія „вульгарной“ латыни служатъ безчисленныя надписи, разсѣянныя на всемъ просторѣ бывшей имперіи и служащія живымъ памятникомъ постепеннаго превращенія плебейской латыни въ языки новороманскіе. Доказательствомъ же широкаго разлива латыни классической является обиліе писательскихъ вкладовъ, полученныхъ римскою литературою изъ земель нелатинскихъ и даже неитальянскихъ. Особенно значительны были такіе вклады изъ областей осскихъ, сабелльскихъ, галло-венетскихъ, затѣмъ съ I—II в. по Р. Х. изъ Испаніи, Галліи и Африки.

Если въ провинціяхъ могли появляться такіе латинисты, какъ Марціалъ и Луканъ, Квинтиліанъ и Сенека, Тертуліанъ и Августинъ; если и въ Римѣ славились тогда галльскіе ораторы и африканскіе адвокаты, вышедшіе изъ латинскихъ школъ въ Марсели, Бордо, Ліонѣ, Реймсѣ, Карѳагенѣ: то очевидно и разговорная латынь образованныхъ провинціаловъ мало уступала тогда по своей чисто-

---

[1]) Ср. W. Meyer, у Gröber Grundr. I, 379.

[2]) Bernhardy I, 324, 341; Schuchardt I, 57 сл., 166; Jordan 363.

тѣ латыни италійской, хотя и могла нѣсколько отличаться отъ нея въ выговорѣ, фразеологіи и синтаксисѣ [1]).

Христіанство создало для латинскаго языка на Западѣ, какъ для греческаго на Востокѣ, новый періодъ литературнаго развитія и литургическаго распространенія; но отношеніе этого языка къ рѣчи образованнаго общества и къ просторѣчіямъ вскорѣ настолько измѣнилось, что лишенный питанія снизу языкъ этотъ постепенно засохъ, какъ дерево съ подрѣзанными корнями. Его не могли оживить ни средневѣковые схоластики и хронисты, ни изящные цицероніанцы эпохи возрожденія, ни отцы констанцскаго, тридентскаго, ватиканскаго соборовъ.

Обращаясь теперь къ разъясненію причинъ возникновенія общелатинскаго образованнаго языка и слѣдствій его распространенія, мы невольно вспоминаемъ патетическое разсужденіе Плутарха: „О счастіи римлянъ“, въ которомъ онъ признаетъ величіе Рима плодотворнѣйшимъ изъ человѣческихъ подвиговъ, послѣдствіемъ „провиденціальнаго сочетанія счастія и добродѣтели“ [2]).

Да, это конечно „счастіе“, ибо не всѣмъ дается въ удѣлъ „добродѣтель“, особенно та своеобразная римская virtus, которая ищетъ и получаетъ матеріальное возмездіе за подвигъ.

„Счастіе“ Рима заключалось прежде всего въ томъ, что онъ расположенъ на одной изъ бóльшихъ рѣкъ Италіи, въ недалекомъ разстояніи отъ моря, на удобныхъ для укрѣпленія холмахъ, и притомъ въ серединѣ полуострова, на лицевой, западной его сторонѣ. Это положеніе давало ему преимущество передъ всѣми прочими состязавшимися городами, каковы: Сибарисъ, Тарентъ, Капуа, Корфиній и др., и ставило въ наиболѣе выгодныя условія въ борьбѣ

---

[1]) Bernhardy 238 сл.; Sittl 83; W. Meyer, у Gröber Grundr. I, 378.

[2]) Οὕτως ἄρα καὶ ὁ τὴν Ῥώμην ὑποβαλόμενος χρόνος μετὰ Θεοῦ τύχην καὶ ἀρετὴν ἐκέρασε καὶ συνέζευξεν. De fortuna Romanorum, cap. 2.

за преобладаніе. Теченіе Тибра пролагало Риму доступъ въ горные узлы Италіи; прилегающія же съ сѣвера и юга равнины открывали передъ нимъ Этрурію и Кампанію, связывая Лацій съ культурными средоточіями древнѣйшей Италіи. Даже относительная скудость латинской почвы, въ сравненіи съ кампанскою, сицилійскою, паданскою, благопріятствовала выработкѣ трудолюбиваго и выдержаннаго типа латинскихъ подолянъ [1]). Когда же Римъ постепенно подчинилъ себѣ Апеннинскій полуостровъ, то серединное расположеніе послѣдняго въ бассейнѣ Средиземнаго моря, съ глубокимъ проникновеніемъ этого полуострова на югѣ въ смѣшанный поясъ образованности греческой и симитской, облегчило Италіи роль посредницы между Востокомъ и Западомъ въ культурномъ отношеніи.

„Счастіе" заключалось, во-вторыхъ, и въ племенныхъ отношеніяхъ латинянъ къ смежнымъ и болѣе удаленнымъ народамъ. Кровное родство съ сильной италійской вѣтвью и серединное въ ней расположеніе облегчало имъ сближеніе и сліяніе съ неукротимыми горцами Умбріи, Сабиніи, Самнія, Луканіи, Бруція. Аріо-европейская же близость латинянъ къ кельтамъ, иллирамъ, грекамъ, вѣроятно венетамъ, а быть можетъ и этрускамъ, должна была ускорить перерожденіе послѣднихъ въ латинскій типъ. Съ другой стороны, принадлежность къ этой даровитѣйшей семьѣ языковъ и народовъ возвышала латинянъ надъ соперниками симитскаго и иберійскаго происхожденія.

„Счастливымъ" можно считать и то обстоятельство, что Лацій не находился въ такой непосредственной близости къ южно-италійскимъ очагамъ греческой образованности: Таренту, Кротону, Сибарису и др., какъ области осскія,—но и не былъ столь удаленъ отъ нихъ, какъ Умбрія, Этрурія, Галлія. Это среднее удаленіе отъ яркихъ, но жгучихъ свѣтилъ эллинизма предохранило Римъ какъ отъ ранней эллинизаціи, ослабившей италійскій югъ, такъ и отъ

[1]) Ср. Титъ Ливій V, 54 о преимуществахъ географическаго положенія Рима и Cic. de rep. II, 5 сл.; Nissen 316.

продолжительнаго варварства, тяготѣвшаго надъ сѣверомъ.

Наконецъ, самый моментъ выступленія Рима на широкое историческое поприще былъ чрезвычайно благопріятенъ въ томъ отношеніи, что онъ совпалъ съ періодомъ упадка не только этрусской и пунической, но до нѣкоторой степени и греческой образованности. Тогда была Греція не аттическаго, а александрійскаго періода, въ значительной степени лишенная уже живого творчества и духовной мощи. Это нѣсколько возстановляло равновѣсіе взаимодѣйствовавшихъ силъ между юнымъ Римомъ и дряхлѣющей Греціей, несмотря на громадный перевѣсъ послѣдней въ культурной области.

Всѣ эти благопріятныя географическія, этнологическія и культурныя отношенія были конечно даромъ судьбы; но воспользоваться ими въ такой полной мѣрѣ, какъ это видимъ въ Римѣ, онъ могъ лишь потому, что соединялъ со счастьемъ „добродѣтель": тонкій, положительный умъ, неподавимую упругость воли, одушевленное чувство своего высокаго призванія.

Римскій умъ всего лучше выражался въ государственныхъ учрежденіяхъ и системѣ гражданскаго права; энергія воли — въ неуклонной послѣдовательности внутренней и внѣшней политики; пламенное чувство—въ патріотизмѣ гражданъ.

Изъ учрежденій, имѣвшихъ особенное значеніе въ дѣлѣ латинизаціи Италіи и провинцій, главную роль играли: во 1) возвышеніе союзниковъ въ положеніе римскихъ гражданъ; во 2) устройство колоній въ занятыхъ областяхъ и провинціяхъ, и въ 3) цѣлесообразная организація и размѣщеніе легіоновъ, союзническихъ отрядовъ и военныхъ поселеній. Гражданство приковывало инородцевъ къ Риму узами интересовъ и предразсудковъ, и соединено было съ оффиціальнымъ употребленіемъ латыни; колоніи были зародышами городовъ и предтечами латинизаціи; военный же людъ игралъ такую роль въ непосредственномъ и посредственномъ распространеніи вульгарной латыни, что она нерѣдко и называема была рѣчью военною, лагерною: ser-

mo militaris, castrensis [1]). Даже въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ международную роль игралъ языкъ греческій, въ римскихъ войскахъ господствовала латынь [2]). Въ позднѣйшій періодъ къ числу этихъ факторовъ присоединился еще четвертый, не менѣе могущественный: христіанство, въ формѣ латинской церкви. Ея романизующая сила обнаружилась особенно наглядно въ исторіи готовъ и франковъ.

Если прибавить ко всему этому централизацію административную, живыя общественныя и торговыя связи окраинъ съ Италіей, хорошо организованную систему латинскихъ школъ, особенно въ Галліи и Испаніи, обаяніе политической силы Рима и его безспорное культурное преобладаніе на Западѣ: то можно до нѣкоторой степени объяснить себѣ латинизующее дѣйствіе такихъ и стольких „добродѣтелей" въ средѣ разрозненныхъ и патріархальныхъ народовъ Запада.

Но эта умная и цѣлесообразная организація не дѣйствовала бы столь неотразимо, если бы она не поддерживалась желѣзной энергіей Рима, неумолимой послѣдовательностію его внутренней и внѣшней политики. Разъ намѣтивъ себѣ цѣль, избравъ жертву, римлянинъ не успокаивался дотолѣ, пока она не лежала у его ногъ—живая или мертвая. Это отражается и въ спорахъ патриціевъ съ плебеями, и въ троекратномъ завоеваніи Римомъ Италіи (до пуническихъ войнъ, послѣ Аннибалова похода и послѣ союзнической войны), и между прочимъ въ строгой выдержанности латинизаціонной системы.

Римскій патріотизмъ съ наибольшимъ блескомъ проявлялся въ самоотверженномъ служеніи единицъ общему дѣлу, народностей—государству, съ полнымъ подавленіемъ въ себѣ и въ другихъ всѣхъ сепаратистическихъ поползновеній и мѣстныхъ пристрастій.

---

[1]) Schuchardt I, 102 сл.; ср. W. Meyer, у Gröber Gr. I, 351 сл., 356.

[2]) Mommsen ² V, 453, 563.

Рѣдкимъ сочетаніемъ счастія и добродѣтели объясняется и тотъ единственный въ лѣтописяхъ исторіи фактъ, что Римъ въ теченіе болѣе 1000 лѣтъ бурнаго существованія, отъ Ромула до готовъ, не видѣлъ непріятеля въ стѣнахъ Капитолія,—чего нельзя сказать даже о Спартѣ, этомъ прообразѣ и миніатюрѣ Рима въ Элладѣ!

Къ сожалѣнію, эти „добродѣтели“ были особаго, римскаго рода: глубокій умъ практическій, но не философскій; тонкое чутье законности формальной, но не высшей, нравственной; подвиги высокаго самоотверженія, но рѣдко изъ чистаго филантропизма.

Римская политика, основанная на принципѣ: divide et impera, т. е. на взаимномъ стравливаніи непріятелей, можетъ быть признана цѣлесообразною, реалистическою, но ей недоставало возвышающей струи идеализма, который возвеличилъ Аѳины.

Римъ воспользовался старыми антагонизмами горцевъ съ подолянами, сабинянъ съ латинами, самнитянъ съ кампанцами, умбровъ съ этрусками, галловъ съ венетами, грековъ съ пунійцами,—чтобы взаимно ихъ обезсилить и навязаться въ миротворцы, а потомъ и въ повелители. Такія событія, какъ разрушеніе Коринѳа Мумміемъ, а Карѳагена Сципіономъ и жестокости Юлія Цезаря въ Галліи, доказываютъ, что мораль римская не возвышалась надъ старосимитскою, сосредоточенною въ изреченіи: „око за око и зубъ за зубъ.“ Подчиненіе частнаго общему, лица и семьи государству достигло въ Римѣ такихъ размѣровъ, при которыхъ не могло быть и рѣчи о духовной свободѣ и развитіи личности. Государство было тамъ своего рода молохомъ, которому ежедневно приносились гекатомбы.

Миѳъ о волчьемъ молокѣ, вскормившемъ Ромула и Рема, находитъ увы! оправданіе во многихъ явленіяхъ римской жизни. Колизей стоитъ донынѣ грандіознымъ, но мрачнымъ памятникомъ этихъ волчьихъ инстинктовъ.

Что касается слѣдствій латинизаціи Италіи и про-

винцій, то они были весьма важны и благодѣтельны для Рима, для Запада, да и для человѣчества.

Латинскій языкъ не менѣе римскихъ дорогъ и мостовъ связалъ Западъ въ одно географическое цѣлое; парализовалъ мѣстную рознь, раздоры, сепаратизмы; сплавилъ дюжину мелкихъ племенъ въ одинъ великій народъ; образовалъ изъ себя какъ бы систему кровеносныхъ жилъ, передававшихъ оконечностямъ пульсаціи сердца, а центру работу окраинъ.

Такъ выработался этотъ громадный племенной и культурный организмъ, дѣятельность котораго оставила неизгладимый слѣдъ въ матеріальной и духовной жизни не одной Европы. Еще и теперь болѣе 100 мил. людей говорятъ на языкахъ, развившихся изъ вульгарной латыни; еще и теперь вся западная Европа и ея колонисты живутъ главнѣйше духовнымъ наслѣдіемъ римской имперіи. Правда, ея идеи и преданія были освѣжены потомъ христіанствомъ и германизмомъ; но и въ распространеніи на Западѣ христіанства, и въ укрощеніи германцевъ эта имперія и латинскій языкъ были дѣятелями первостепенной важности.

Итоги представленнаго обзора образованія общаго языка у древнихъ италиковъ сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Римская жизнь и исторія представляетъ коррелятивъ греческой не въ смыслѣ параллельности развитія, а какъ противоположный ея полюсъ.

2) На греческомъ матеріалѣ мы можемъ изучать естественное образованіе общихъ языковъ, на латинскомъ же —искусственное.

3) Вмѣсто греческаго равновѣсія силъ, въ жизни латинской замѣчается рѣшительное торжество центростремительныхъ надъ центробѣжными.

4) Это торжество тѣмъ замѣчательнѣе, что въ долатинское время Италія не обнаруживала ни матеріальнаго, ни нравственнаго единства, а еще менѣе—провинціи.

5) Латинизація Италіи завершилась въ періодъ времени отъ второй пунической войны до войны союзнической и начала имперіи; нѣсколько позже, въ первые вѣка имперіи, латинизованы и провинціи, за исключеніемъ эллинистическихъ.

6) До пуническихъ войнъ латинская литература мало возвышается надъ прочими италійскими, но позже быстро ихъ опережаетъ и побѣждаетъ, развиваясь подъ вліяніемъ греческой, но на народномъ языкѣ.

7) Языкъ этотъ сильно отличался отъ латыни архаической и вульгарной, вслѣдствіе искусственности своего развитія.

8) Международный характеръ въ имперіи имѣла и классическая, и вульгарная латынь.

9) Литературные вклады въ латинскую литературу отъ инородцевъ, особенно Италіи, Испаніи, Африки и Галліи весьма значительны и важны.

10) Между причинами распространенія латыни классической и вульгарной наибольшее значеніе имѣли географическое и племенное положеніе латинянъ въ Италіи, политическое величіе Рима, обаяніе его правъ, обширная колонизація и цѣлесообразная организація войскъ.

11) Историческіе результаты объединенія и перевоспитанія западныхъ народовъ на почвѣ и при посредствѣ латинскаго языка были особенно значительны въ матеріальной области, но уступаютъ плодамъ эллинизма въ области духовной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Образованіе общаго итальянскаго языка.

Діалектическія отношенія средневѣковой и новой Италіи опредѣлены были: во 1) особенностями простонародной латыни въ отдѣльныхъ частяхъ полуострова; во 2) примѣсью инородческихъ языковъ, главнѣйше германскаго корня, въ періодъ великаго переселенія народовъ и вызванныхъ имъ этническихъ переворотовъ, и въ 3) дальнѣйшимъ развитіемъ діалектовъ латино-итальянскихъ, при взаимодѣйствіи ихъ какъ между собою, такъ и съ другими смежными языками средней и новой Европы.

Въ предыдущей главѣ разъяснены причины и указаны нѣкоторыя особенности областныхъ различій латыни древнеитальянской, почему здѣсь не представляется болѣе надобности распространяться о томъ.

Что различія эти не вымерли, а продожали свое существованіе и развитіе на почвѣ итальянскаго языка, это едва ли можетъ быть оспариваемо; ибо языкъ этотъ и есть не что иное, какъ дальнѣйшее видоизмѣненіе латыни древнеитальянской, и притомъ — не книжной, а простонародной, въ ея разнорѣчіяхъ и говорахъ [1]).

Но подробности постепеннаго перелива разнорѣчій латыни серединной, кампанской, самнитской, этрусской,

---

[1]) Diez. Grammatik der Romanischen Sprachen. 1856—60. ² I, 3 сл.; ср. Schuchardt и P. Meyer въ Zeitschrift f. Romanische Philologie, herausgegeben v. G. Gröber. VI, 620 сл.

венетской, предальпійской, лигурской и т. п. въ разнорѣчія нынѣшней Романьи, Неаполя, Абруццо, Тосканы, Венеціи, Эмиліи, Ломбардіи, Пьемонта, Генуи и т. д. не разъяснены еще съ достаточной ясностію и полнотой. Глава новоитальянскихъ діалектовъ Асколи успѣлъ методически прослѣдить эту связь новаго съ древнимъ лишь для верхней Италіи, особенно же для говоровъ ломбардо-эмилійскихъ, въ которыхъ онъ доказалъ присутствіе кельтской подпочвы [1]. Но если къ столь глубокой древности восходятъ разнорѣчія ломбардо-эмилійскія, несмотря на всѣ этническіе перевороты въ Gallia Cisalpina въ періоды римскій, готскій, лонгобардскій и позднѣе, — то нѣтъ никакихъ причинъ предполагать болѣе ранній возрастъ прочихъ итальянскихъ нарѣчій. Самая тройственность основныхъ діалектическихъ группъ въ Италіи: 1) верхней, 2) средней и 3) нижней [2], настолько соотвѣтствуетъ древнему племенному составу полуострова—инородческаго на сѣверѣ и югѣ, но итальянскаго въ серединѣ, что трудно предполагать въ этомъ соотвѣтствіи нѣчто случайное и лишенное причинной связи.

Но древнѣйшій латино-италійскій первоисточникъ средне-итальянскихъ и новоитальянскихъ нарѣчій и разнорѣчій былъ впослѣдствіи видоизмѣненъ этническими и культурными вліяніями. Особенно это замѣтно въ верхней и нижней Италіи, гдѣ приливъ инородческихъ стихій былъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ въ Италіи средней, хотя и послѣдняя не осталась свободною отъ ихъ наплыва.

Между стихіями этими преобладали германскія, занесенныя на италійскую почву вестготами, герулами, остготами и лонгобардами, коихъ слѣдъ остался въ довольно значительномъ числѣ (до 10%) итальянскихъ словъ гер-

---

[1]) Una lettera glottologica di G. J. Ascoli. Torino 1881; ср. возраженія G. Paris въ Romania 1882, стр. 130 сл.

[2]) Ср. A. Fuchs. Die Romanischen Sprachen. Halle 1849, стр. 87; Diez, Gramm. d. Rom. Spr. [2] I, 79.

манскаго корня. Нѣкоторая часть ихъ (до 300 по Асколи [1]) имѣетъ общероманскій характеръ и восходитъ ко временамъ распространенія имперіи въ германскихъ областяхъ, еще до великаго переселенія народовъ; другія слова указываютъ своими звуками на готскій источникъ [2]); третьи заимствованы вѣроятно отъ лонгобардовъ [3]); нѣкоторыя быть можетъ — отъ бургундовъ, аллеманновъ, франковъ, швабовъ, австрійцевъ, которые постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, то вторгались въ Италію, особенно верхнюю, то давили на нее съ сѣвера. На югѣ же могли оставить нѣкоторый слѣдъ вандалы, проникавшіе туда изъ Африки. Въ прежнее время германскимъ вліяніемъ объясняли самое зарожденіе итальянскаго, какъ и другихъ романскихъ языковъ, изъ латинскаго корня; но ближайшее изученіе простонародной латыни въ вѣкъ имперіи и въ началѣ среднихъ вѣковъ убѣдило, что въ ней самой, а не въ германскихъ вліяніяхъ кроются зародыши новолатинскихъ языковъ, лишь слегка видоизмѣненныхъ этими вліяніями.

Въ нижней Италіи, какъ и на Пиренейскомъ полуостровѣ, довольно продолжительное время господствовали сарацыны. Особенно крѣпко утвердились было они въ Сициліи, ставшей для нихъ второй Андалузіей,—какъ нѣкогда для симитскихъ же кареагенянъ. Правда, сарацыны пе успѣли вполнѣ уподобить себѣ по языку и народности сицилійскихъ и апульско-калабрійскихъ итальянцевъ; но все же значительно видоизмѣнили своимъ вліяніемъ ихъ типъ, бытъ, отчасти и рѣчь. На островахъ: Мальтѣ, Гоццо, Комино и теперь говорятъ по-арабски (мальтезски), съ легкой примѣсью итальянскаго [4]).

---

[1]) Archivio glottologico italiano, diretto da G. J. Ascoli. Roma. II, 413.

[2]) Ibid. 413.

[3]) Fr. Kluge, y Gröber Grundr. I, 386, 388.

[4]) Fuchs. Romanischen Sprachen, 86; cp. Gerland, y Gröber Grundr. I, 401.

Къ сарацынскому вліянію примѣшивалось въ средніе вѣка въ нижней Италіи вліяніе греко-албанское,—особенно въ Апуліи, Калабріи и Сициліи, этихъ старыхъ очагахъ „великогреческой“ жизни и образованности. Еще и теперь сохраняются тамъ остатки греческаго и албанскаго (до 550,000) населеній то въ чистомъ, то въ итальянизованномъ видѣ [1]).

Греческія вліянія проникали въ V—VI вв. и въ верхній бассейнъ Адріатики,—въ Равенну, Анкону, Аквилею, позже и въ Венецію, смѣшиваясь тутъ со стихіями южнославянскими, которыя господствовали съ VII—VIII вв. въ сѣверныхъ побережьяхъ „Синяго моря“.

Наконецъ, съ запада Апеннинскій полуостровъ въ теченіе многихъ вѣковъ былъ отъ времени до времени наводняемъ разливомъ смежныхъ романскихъ языковъ. Венетское и ломбардское нарѣчія развивались подъ напоромъ съ горъ разнорѣчій ладинскаго или рето-романскаго типа [2]); нарѣчіе пьемонтское находилось во взаимодѣйствіи съ говорами Савойи и другими разнорѣчіями франко-провансальской діалектической системы [3]); языкъ сѣверно-французскій проникалъ встарь въ верхнюю Италію, особенно въ верхнихъ слояхъ, благодаря связямъ торговымъ, политическимъ и литературнымъ; въ южную же Италію онъ былъ занесенъ въ 11 в. офранцуженными норманнами, которые впрочемъ скоро слились съ мѣстнымъ населеніемъ. Провансало-каталанскія вліянія достигали Апеннинскаго полуострова и живымъ путемъ,—чрезъ Авиньонъ, Ниццу, Геную, и чрезъ посредство то заѣзжихъ трубадуровъ, то военныхъ кампаній каталанскихъ; языкъ же арагоно-кастильскій долгое время господствовалъ въ Сициліи, Неаполѣ и въ нѣкоторыхъ верхнеиталійскихъ областяхъ, благодаря

---

[1]) Archivio glottologico italiano IV, 1 сл., 117 сл. Gröber въ Grundriss d. R. Phil. I, 44.

[2]) Ascoli. Saggi ladini въ I т. Archivio glottologico, 459, 525, 536.

[3]) Ascoli въ Archivio glott. it. II, 391; III, 62.

политическому преобладанію Арагоніи, а еще болѣе—соединенной Испаніи, въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря.

Можно бы думать, что при такомъ обиліи иноязычныхъ вліяній итальянскій языкъ быстро и сильно измѣнялся и дальше прочихъ романскихъ языковъ ушелъ отъ своего первоначальнаго вида. На дѣлѣ видимъ противное. Онъ и въ настоящее время ближе къ вульгарной латыни императорскаго періода, чѣмъ любой другой изъ новолатинскихъ языковъ, не исключая испанскаго [1]). Особенно должно это сказать о нарѣчіяхъ среднеиталійскихъ и самомъ главномъ изъ нихъ—тосканскомъ. Дальше ушли отъ латыни нарѣчія нижнеиталійскія, а еще дальше верхнеиталійскія, особенно ломбардо-эмилійскія; но даже послѣднія все же ближе къ ней языковъ сѣверно-французскаго, португальскаго, волошскаго. Консерватизмъ итальянскихъ нарѣчій лучше всего виденъ въ легкости, съ какою итальянцы нынѣшняго времени понимаютъ и употребляютъ языкъ Данта, Петрарки, Боккачіо [2]), тогда какъ теперешніе французы затрудняются безъ особаго навыка въ пониманіи не только языка Жоенвиля или Фроассара, но даже Рабле́ и Монтэня. То же доказываетъ сходство діалектическихъ текстовъ итальянскихъ 13—14 в. съ соотвѣтственными нынѣшними разнорѣчіями, благодаря которому итальянскіе діалектологи въ состояніи по языку опредѣлить принадлежность такихъ кодексовъ не только той или другой области, но нерѣдко тому, а не другому городу, напр. Ареццо, Луккѣ, Пизѣ [3]) и т. п. Если потому Асколи и нѣкоторые изъ его учениковъ указываютъ, наоборотъ, на значительное отличіе нѣкоторыхъ разнорѣчій древнеитальянскихъ отъ нынѣшнихъ, то оно представляется такимъ лишь по діалектическому масштабу итальян-

---

[1]) Diez. Gramm. [2] I, 76.

[2]) Cp. Ascoli въ Archivio gl. it. VIII, 124.

[3]) Cp. Caix. C. N. Le origini della lingua poetica Italiana. Firenze 1880, стр. 253, 259, 261 и индѣ.

скому, который въ этомъ случаѣ гораздо меньше напр. французскаго, нѣмецкаго или славянскаго.

Вникая въ причины бóльшей близости итальянскихъ нарѣчій къ латинскому прототипу и очень медленнаго ихъ перерожденія, въ тысячелѣтіе исторической ихъ жизни, мы прежде всего останавливаемся на географической ихъ смежности со среднеиталійской колыбелью романскихъ языковъ. Первое мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи разнорѣчія Римской области, Тосканы и Марки Анконской; нѣсколько далѣе отстоятъ разнорѣчія Абруццовъ и Кампаніи, Апуліи и Калабріи, Сициліи и Сардиніи съ одной стороны, а Венеціи и Генуи, Эмиліи и Ломбардіи, Пьемонта и Фріуля съ другой. Въ двухъ послѣднихъ областяхъ мы приближаемся къ границамъ другихъ романскихъ языковъ, а именно—франко-провансальскому на западѣ и ладинскому на сѣверѣ, къ системамъ коихъ и принадлежатъ нѣкоторые изъ подальпійскихъ говоровъ Пьемонта, Ломбардіи, Венеціи и Фріуля.

Сверхъ причинъ географическихъ и этническихъ, могли имѣть вліяніе на медленное измѣненіе итальянскихъ нарѣчій и нѣкоторыя культурныя условія, особенно же относительная живучесть въ ней латинскаго языка, въ употребленіи сначала гражданскомъ и церковномъ, потомъ въ одномъ послѣднемъ, да очень долго и въ литературѣ. Этотъ старый и священный для Италіи языкъ былъ какъ бы уравнительнымъ маятникомъ, сдерживавшимъ быструю измѣнчивость говоровъ народныхъ. Правда, вліяніе латинскаго языка на просторѣчія Италіи не было непосредственнымъ, а лишь просачивалось исподоволь чрезъ промежуточную среду образованныхъ сословій и діалектовъ; но все же и въ этомъ видѣ оно достигало говоровъ итальянскихъ гораздо въ бóльшей мѣрѣ, чѣмъ въ прочихъ романскихъ языкахъ, не исключая и испанскаго.

Но какъ бы мы ни объясняли медленность измѣненій итальянскаго языка и относительную близость его нынѣшнихъ говоровъ къ разнорѣчіямъ дантовскаго времени, во всякомъ случаѣ, обстоятельство это открываетъ намъ воз-

можность разсматривать діалектическія отношенія Италіи 13 и 19 вв. въ совокупности, провѣряя старое новымъ и ученіе Данта—взглядами Манцони и Асколи.

Исходною точкою при изученіи и изложеніи исторической діалектологіи итальянскаго языка должно быть сочиненіе Данта: De vulgari eloquentia (по другому чтенію: De vulgari eloquio), написанное около 1304—1308 г. и уцѣлѣвшее въ двухъ спискахъ XIV в. и одномъ начала XVI в. [1]). Хотя главный предметъ этого сочиненія составляла не итальянская діалектологія, а вопросъ объ образованіи и употребленіи итальянскаго литературнаго языка, въ его отношеніяхъ къ латинскому, французскому, провансальскому; тѣмъ не менѣе Дантъ имѣлъ при этомъ поводы въ нѣсколькихъ мѣстахъ касаться итальянскихъ разнорѣчій того времени и даже представилъ общую ихъ классификацію. Если мы вспомнимъ, какъ глубоко проникъ этотъ великій писатель въ духъ итальянскаго языка въ своихъ сочиненіяхъ, особенно въ Божественной Комедіи, то должны будемъ съ величайшимъ вниманіемъ отнестись и къ его теоретическимъ замѣчаніямъ,—въ особенности о разнорѣчіяхъ средней Италіи и Эмиліи, знакомыхъ ему изъ непосредственнаго опыта уже въ періодъ написанія означеннаго трактата.

Какъ же распредѣлялъ Дантъ итальянскія разнорѣчія своего времени? Прежде всего онъ ихъ дѣлитъ на двѣ основныхъ группы:

А. тирренскую, къ западу отъ Апеннинъ, и

Б. адріатическую, къ востоку отъ нихъ.

Каждую изъ этихъ группъ въ свою очередь онъ подраздѣляетъ на семь разнорѣчій, по слѣдующимъ областямъ:

А., 1. Апулія (западная), 2. Римъ, 3. герцогство Сполетское, 4. Тоскана, 5. Марка Генуэзская, 6. Сицилія, 7. Сардинія;

---

1) D'Ovidio. Sull'trattato de vulgari eloquentia, въ Archivio glott. ital. II, 60, 63.

Б. 1. Апулія (восточная), 2. Марка Анконская, 3. Романья, 4. Ломбардія, 5. Марка Тревизская съ Венеціей, 6. Фріуль, 7. Истрія [1]).

Переведя эти областныя названія на нынѣшніе термины, мы получимъ слѣдующую систему итальянскихъ разнорѣчій Дантова времени:

А. группа западно-италійская, разнорѣчія:

1. сицилійское, 2. калабрско-неаполитанское, 3. римское, 4. умбрское, 5. тосканское, 6. лигурское и 7. сардинское;

Б. группа восточно-италійская, разнорѣчія:

1. апульское, 2. маркское, 3. романьольское, 4. ломбардское, 5. венетское, 6. фріульское и 7. истрійское.

Если сравнимъ эту систему итальянскихъ разнорѣчій съ господствующею нынѣ въ наукѣ, по изложенію напр. Асколи [2]), то найдемъ между ними если и не полное, то все же значительное сходство, особенно въ числѣ діалектическихъ типовъ и географическомъ ихъ размѣщеніи.

Асколи дѣлитъ всѣ разнорѣчія нынѣшней Италіи на четыре основныхъ группы:

А. нарѣчія, зависящія въ большей или меньшей мѣрѣ отъ внѣиталійскихъ новолатинскихъ системъ;

Б. нарѣчія, выдѣляющіяся изъ чисто-итальянской системы, но не входящія ни въ одну изъ внѣиталійскихъ новолатинскихъ системъ;

В. нарѣчія, удаляющіяся болѣе или менѣе отъ чисто-итальянскаго или тосканскаго типа, но составляющія вмѣстѣ съ тосканскими особую систему новолатинскихъ нарѣчій;

Г. нарѣчіе тосканское и литературный языкъ итальянцевъ.

---

[1]) D'Ovidio въ Arch. gl. it. II, 85; ср. Böhmer, Ueber Dante's Schrift de vulgari eloquentia. Halle 1868 г., стр. 9.

[2]) См. L'Italia dialettale, въ Archivio gl. it. VIII, 98 сл., изъ Encyclopaedia Britanica 1880 г.

Къ первой группѣ Асколи относитъ нарѣчія: 1. франко-провансальскія, въ с.-з. углу Пьемонта, на границахъ съ Савойей и Валлисомъ, въ сосѣдствѣ съ Монбланомъ и Монрозой [1]); и 2. ладинскія, на склонахъ Ретійскихъ, Кадорскихъ и Карнійскихъ Альпъ, по границамъ Ломбардіи и Венеціанской области съ Швейцаріей и Тиролемъ, отъ р. Тичино на западѣ до Сочи (Isonzo) на востокѣ: къ этой системѣ относится разнорѣчіе фріульское [2]), а встарь сюда входило и тріестское [3]).

Ко второй группѣ принадлежатъ, по Асколи, нарѣчія галло-италійскія: 1. лигурское [4]), 2. пьемонтское, 3. ломбардское, 4. эмилійское, а до нѣкоторой степени и 5. сардинскія разнорѣчія, гдѣ тоже замѣтна-де подпочва кельтская, роднящая эту группу съ нарѣчіями франко-провансальскими [5]).

Къ третьей группѣ Асколи причисляетъ нарѣчія: 1. венеціанское, 2. корсиканское, 3. сицилійское и областей неаполитанскихъ (калабрское, апульскія, абруцскія, неаполитанское), и 4. умбрское, съ маркскимъ и римскимъ [6]).

Въ четвертой наконецъ группѣ находимъ разнорѣчія Тосканы, смѣшанныя по окраинамъ съ эмилійскими, умбрскими и римскими стихіями, въ чистомъ же видѣ сосредоточенныя преимущественно въ говорахъ Флоренціи, Сіены, Лукки и Пизы [7]).

---

[1]) Ascoli, въ Arch. gl. it. VIII. 99—101; ср. II, 388; III, 61 сл.; Böhmer, въ Romanische Studien I, 629, называетъ эту группу нарѣчій бургундскою, съ чѣмъ однако Асколи не согласенъ. Arch. gl. it. II, 395. Сушье же зоветъ эту группу среднеронскою, у Gröber Grundriss I, 593 сл.

[2]) Ascoli, въ Arch. gl. it. VIII, 101—102; ср. его же Saggi ladini, въ Arch. I, 475.

[3]) Archivio gl. it. I, 472; IV, 358.

[4]) Ascoli, въ Arch. II, 112 сл., 160; ср. Flechia ibid. II, 396.

[5]) Ascoli, въ Arch. VIII, 103—107.

[6]) Ibid. 110 сл.

[7]) Archivio gl. it. VIII, 121 сл.

Сравнивая эти двѣ попытки классификаціи итальянскихъ разнорѣчій, мы усматриваемъ между ними много общаго, особенно въ перечнѣ діалектическихъ особей.

У обоихъ діалектологовъ находимъ слѣдующія разнорѣчія: 1. сицилійское, 2. калабрско-неаполитанское, 3. римское, 4. умбрское, 5. тосканское, 6. лигурское, 7. сардинское, 8. маркское, 9. ломбардское, 10. венетское, 11. фріульское.

Дантъ преувеличилъ лишь обособляющее вліяніе продольнаго Апеннинскаго кряжа на діалектическія отношенія Италіи. Вслѣдствіе этой основной ошибки онъ размѣстилъ въ различныя группы говоры очень близкіе между собою, напр. западно-апульскіе, калабрско-неаполитанскіе и восточно-апульскіе, или умбрскіе и маркскіе, а наоборотъ, поставилъ рядомъ разнорѣчія столь отличныя, какъ тосканское и лигурское, маркское и романьольское, ломбардское, венетское и фріульское. Промахъ Данта могъ зависѣть отчасти и отъ недостаточнаго его знакомства съ нарѣчіями нижне- и верхне-италійскими; но бо́льшая близость говоровъ Тосканы и Марки, чѣмъ Тосканы и Лигуріи, не могла быть ему неизвѣстна. Очевидно, онъ увлекся въ этомъ случаѣ требованіемъ избранной имъ географической системы, закрывъ глаза на дѣйствительность. Вторымъ источникомъ этой ошибки Данта въ перспективномъ освѣщеніи итальянскихъ разнорѣчій было его преувеличенное вниманіе къ рѣчи образованнаго общества и нѣкоторое пренебреженіе къ просторѣчіямъ [1]), вслѣдствіе чего напр. говоръ эмилійской Болоньи показался ему чуть не ближе тосканскихъ къ общеитальянскому литературному или придворному языку, vulgare illustre [2]).

Мы не должны впрочемъ удивляться, что первый опытъ классификаціи итальянскихъ разнорѣчій не удовлетворяетъ всѣмъ научнымъ требованіямъ, ибо и теперь еще многое въ этой области остается неразъясненнымъ. Это

---

[1]) D'Ovidio, въ Arch. gl. it. II, 85.

[2]) Ibid. 112; cp. Böhmer 11.

видно и въ изложенной классификаціи Асколи, гдѣ вѣрно обозначены четыре такъ сказать уступа, по которымъ совершается переходъ отъ нарѣчій окраинныхъ къ серединному, тосканскому, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сведены въ общія группы такія разнородныя діалектическія единицы, какъ языки франко-провансальскій и ладинскій въ первой группѣ, а нарѣчія венеціанское, корсиканское, сицилійское и умбрское—въ третьей. Едва ли авторъ этой классификаціи имѣлъ въ виду показать, что взаимное разстояніе между отдаленными нарѣчіями сицилійскимъ и умбрскимъ ближе, чѣмъ между смежными—умбрскимъ и тосканскимъ, или тосканскимъ и маркскимъ.

Это указываетъ на необходимость видоизмѣнить и классификацію Асколи такъ, чтобы его односторонняя морфологическая основа дѣленія разнорѣчій была согласована и съ географическимъ принципомъ Данта, и съ генетическими отношеніями итальянскихъ нарѣчій.

Попытка въ этомъ родѣ сдѣлана недавно Грэберомъ и Д'Овидіо [1]; но до естественной классификаціи итальянскихъ разнорѣчій и тутъ еще очень далеко.

Для нашихъ ближайшихъ цѣлей достаточно будетъ имѣть въ виду нижеслѣдующія болѣе или менѣе доказанныя положенія:

1. Подальпійскій поясъ верхней Италіи занятъ разнорѣчіями инороманскихъ системъ, а именно: франко-провансальской на крайнемъ сѣверо-западѣ (въ Пьемонтѣ) и ладинской (рето-романской) на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, въ подгорьяхъ Ломбардіи и Венетіи [2]), съ Фріулемъ.

2. Остальныя области верхней Италіи заняты двумя системами говоровъ: а) галло-италійскою, состоящею изъ нарѣчій: лигурскаго (Генуя), пьемонтскаго (Туринъ), ломбардскаго (Миланъ, Бергамо), эмилійскаго (Павія, Модена, Болонья, Мантуа), и б) венетскою, къ востоку отъ

---

[1]) Grundr. d. Rom. Phil. I, 427, 548.

[2]) Называемъ такъ область, въ отличіе отъ города Венеціи.

Минчіо до Піаве, за которою начинается фріульское нарѣчіе ладинскаго языка [1]).

3. Средняя Италія занята тремя родственными разнорѣчіями: а) тосканскимъ на западѣ, со включеніемъ о. Эльбы; б) умбро-маркскимъ на востокѣ, и в) римскимъ на югѣ [2]). Послѣднее составляетъ переходъ къ

4. нижнеиталійской группѣ, обнимающей разнорѣчія: а) абруцское, б) капитанатское (Foggia), в) неаполитанское, г) апульское или тарентское, д) калабрское и е) сицилійское [3]). Къ послѣднему примыкаетъ болѣе или менѣе

5. островная группа, состоящая изъ нарѣчій: а) сардинскаго и б) корсиканскаго, изъ коихъ первое составляетъ мостъ отъ итальянскаго къ испанскому языку, а второе соединяетъ разнорѣчіе тосканское съ нарѣчіемъ лигурскимъ [4]).

Что касается передвиженій въ средѣ означенныхъ нарѣчій и разнорѣчій, то существованія его нельзя отрицать, но совершается оно крайне медленно и притомъ, кажется, въ однообразномъ направленіи къ югу. Такъ галло-италійскія нарѣчія просачиваются съ одной стороны къ Генуѣ, въ области чуждой нѣкогда кельтизму Лигуріи; съ другой же—чрезъ Апеннины въ Луниджіану и чрезъ Романьолью въ Марку (долина Фолья и Матаура), а затѣмъ—въ верховья Арно и Тибра, въ среду аретинскаго и перуджинскаго говоровъ [5]). Слѣды галло-италійскихъ вліяній замѣтны даже въ Абруццахъ [6]). Одновременно съ тѣмъ среднеиталійскія нарѣчія слегка передвигаются по

---

[1]) Gröber Grundriss d. R. P. I, 428 сл.

[2]) Gröber Grundriss d. R. P. I, 427. D'Ovidio въ томъ же сочиненіи стр. 553 сл. дѣлитъ эту группу на два разнорѣчія: а) тосканское и б) умбро-римско-аквилинское.

[3]) Gröber Gr. 427; ср. D'Ovidio, въ Arch. gl. it. II, 511, 514.

[4]) Gröber Gr. 427, ср. 416; Ascoli, въ Arch. II, 160, ср. 455.

[5]) Ascoli, въ Arch. II, 446; VIII, 105, 117.

[6]) Ibid. II, 445.

направленію къ Риму [1]), Неаполю [2]) и Абруццамъ, тогда какъ нижнеиталійскія разнорѣчія, особенно калабрское, какъ будто подвигаются въ направленіи къ Сициліи [3]), поддерживая этотъ крайній побѣгъ итальянскаго языка на югѣ. Сверхъ того въ Сициліи доселѣ сохранились поселенія ломбардскія [4]).

Движеніе это обусловлено, вѣроятно, общимъ стремленіемъ средневѣковыхъ и новоевропейскихъ народовъ къ югу [5]), въ противоположность древнему передвиженію грековъ и италиковъ на сѣверъ и сѣверозападъ.

Впрочемъ, и въ разсматриваемый періодъ, одновременно съ указаннымъ передвиженіемъ нарѣчій, а слѣд. и народностей къ югу, совершалось и въ Италіи обратное распространеніе литературнаго языка—сначала изъ Сициліи въ Неаполь, Римъ, Тоскану, а потомъ изъ Тосканы въ Эмилію, Ломбардію, Венецію. Въ этомъ же направленіи къ сѣверу совершалось и передвиженіе нарѣчій ломбардскаго и венеціанскаго къ Альпамъ, на почву ретороманскую [6]).

Рядомъ съ продольнымъ, меридіональнымъ передвиженіемъ итальянскихъ нарѣчій съ с. къ ю., можно усмо-

---

[1]) Ibid. VIII, 120.

[2]) D'Ovidio, у Gröber Gr. I, 553.

[3]) Гартвигъ, въ Sicilianische Märchen 1870, считаетъ сицилійское нарѣчіе вѣтвію нижнеиталійскаго, перешедшаго съ XI в. въ Сицилію вмѣстѣ съ норманнами. Ср. Gaspary, Gesch. d. Ital. Litteratur, стр. 217; Romania XI, 633 (съ XII в.?).

[4]) G. de Gregorio, въ Arch. VIII, 304 сл.

[5]) Такъ и во Франціи можно замѣтить аналогичное передвиженіе говоровъ ойльскихъ (d'oïl) къ Альпамъ, а окцитанскихъ (d'oc) къ Пиренеямъ и далѣе, въ Каталанію и Валенсію, при одновременномъ передвиженіи въ Испаніи говоровъ кастильскихъ въ Андалузію, Эстремадуру, Мурсію, Гренаду, галлегскихъ же — въ Португалію.

[6]) D'Ovidio, у Gröber Grundr. I, 556, 558.

трѣть нѣкоторые признаки и поперечнаго движенія съ з. къ в., напр. изъ Тосканы и Умбріи въ Марку Анконскую, изъ Рима въ Молизскую область, изъ Венетіи же во Фріуль и Истрію, а въ прежніе вѣка и въ Далмацію [1]), —не считая другихъ, болѣе оторванныхъ италійскихъ колоній на Балканскомъ полуостровѣ и на водахъ Леванта. Быть можетъ этимъ западно-восточнымъ теченіемъ занесены и нѣкоторые испанизмы на оо. Сардинію и Корсику, вслѣдствіе которыхъ Каиксъ назвалъ эти островные говоры иберо-италійскими [2]).

Сравнивая затѣмъ взаимныя отношенія итальянскихъ нарѣчій по степени ихъ удаленія отъ простонародной латыни, мы находимъ, что всѣхъ дальше отстоятъ отъ латинскаго типа нарѣчія верхнеиталійскія, ближе нижнеиталійскія, а еще ближе среднеиталійскія. Изъ нарѣчій верхнеиталійскихъ первое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи венетское, изъ нижнеиталійскихъ—молизское [3]), изъ среднеиталійскихъ—тосканское, особенно же серединный, флорентинскій говоръ послѣдняго [4]).

Въ томъ же порядкѣ размѣщаются разнорѣчія Италіи по своей діалектической дробности: она достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ верхней и нижней Италіи, но гораздо слабѣе въ средней. Такъ, ломбардское нарѣчіе распадается на разнорѣчія: миланское и бергамское; нарѣчіе эмилійское на разнорѣчія: болонское, феррарское и пармское, съ подраздѣленіемъ каждаго изъ послѣднихъ на цѣлыя дюжины болѣе или менѣе отличныхъ говоровъ [5]); венетское на разнорѣчія: венеціанское, падуанское и ве-

---

[1]) Ibid. I, 556.

[2]) Caix N. Saggio sulla storia della lingua e dei dialetti d'Italia. Parma. 1872; ср.Arch. gl. it. II, 414 сл.; Schuchardt, въ Romania III, 9.

[3]) Ascoli, въ Arch. gl. it. VIII, 116, ср. 117.

[4]) Ibid. 122.

[5]) Biondelli B. Saggio sui dialetti Gallo-Italici. Milano 1853, стр. 3, 191 сл.

ронское [1]). Въ нижней Италіи въ апульскомъ нарѣчіи различаютъ разнорѣчія: леккское, отрантское, барское [2]). Въ группѣ островной сицилійское нарѣчіе дѣлятъ на разнорѣчія: палермское на з., катанское на в., эннское (Enna) въ серединѣ, бронтское (Bronte) къ з. отъ Этны, саракузское и нотское (Noto) на ю.-в., не считая говоровъ галло-италійскихъ въ ломбардскихъ колоніяхъ [3]). Сардинское же нарѣчіе распадается на разнорѣчія: кампиданское, логудорское и галлурское [4]), изъ коихъ послѣднее примыкаетъ къ корсиканскому [5]). Если сравнимъ съ этимъ нарѣчія среднеиталійскія, особенно тосканское, то они оказываются плотнѣе и однороднѣе въ своемъ діалектическомъ составѣ. Говоры напр. аретинскій, сіенскій, флорентинскій съ пизанскимъ и лукскій разнятся между собою лишь незначительными чертами [6]), благодаря своей бо́льшей консервативности и вѣрности основному латинскому типу.

Какъ бы то ни было, фактъ чрезвычайнаго діалектическаго дробленія итальянскаго языка не подлежитъ сомнѣнію [7]), причемъ дробленіе это гораздо глубже испанскаго или англійскаго, и можетъ сравниться развѣ съ нѣмецкимъ.

Различіе между итальянскими нарѣчіями не ограничивается звуковыми особенностями [8]), а распространяется и на морфологію, фразеологію, лексиконъ.

---

[1]) Ср. D'Ovidio, у Gröber Grundr. I, 556.

[2]) Ascoli, въ Arch. gl. it. VIII, 115 сл.; ср. Morosi, въ Arch. IV, 117.

[3]) Gröber, въ Grundriss d. R. P. I, 427; ср. Wentrup, Beiträge zur Kenntniss des sicilianischen Dialects. Halle. 1880, стр. 7.

[4]) Arch. gl. it. VIII, 107.

[5]) Gröber Grundr. I, 549.

[6]) D'Ovidio, у Gröber Grundr. I, 555.

[7]) Giov. Papanti, въ соч. I parlari italiani in Certaldo (Livorno, 1875), насчиталъ въ Италіи не менѣе 700 говоровъ!

[8]) Одни нарѣчія характеризуются напр. ринезмомъ (ломбардскія), другія господствомъ гласныхъ *i*, *u* (нижнеиталій-

Если вспомнимъ, что между діалектическими отношеніями Италіи 13 и 19 вв. нельзя предполагать большого различія и что, наоборотъ, бо́льшая часть существующихъ нынѣ въ Италіи нарѣчій и даже разнорѣчій были достаточно обособлены уже въ вѣкъ Данта; то подвигъ образованія на ихъ почвѣ общаго языка представится намъ почти столь же тяжкимъ, какъ въ древней республиканской и императорской Италіи.

Какимъ же путемъ, какими силами и въ какихъ границахъ совершенъ этотъ подвигъ?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы опять встрѣчаемся съ сочиненіемъ Данта: De vulgari eloquentia, о которомъ упомянуто уже выше, какъ объ основѣ итальянской исторической діалектологіи. Изъ сочиненія этого узнаемъ, что уже тогда, въ самомъ началѣ XIV в., въ Италіи сверхъ многочисленныхъ (до 1000 по Данту [1]) просторѣчій, сведенныхъ, какъ мы видѣли, Дантомъ къ 14 основнымъ типамъ,—существовалъ возвышавшійся надъ ними языкъ образованнаго общества и поэзіи, аристократіи и писателей. Дантъ называетъ его: vulgare illustre, cardinale, aulicum, curiale [2]).

Vulgare illustre не достигаетъ, по Данту, высоты и правильности настоящаго литературнаго языка Италіи, латинскаго, который онъ называетъ рѣчью высокою (sermo magnus), грамматическою (grammaticus) [3]); но все же языкъ этотъ годится-де для воспѣванія любви, ибо понятенъ женщинамъ [4]). По внутреннимъ своимъ достоинствамъ онъ не уступаетъ-де прочимъ новолатинскимъ ли-

---

скія), *е*, *о* (среднеиталійскія) или *ö*, *ü* (галло-италійскія); одни преобладаніемъ шипящихъ (тосканскія), другія свистящихъ (венетскія), гортанныхъ (эмилійскія), небныхъ (нижнеиталійскія) и т. п. Ср. D'Ovidio, у Gröber Grundr. I, 550, 556, 557, 558.

[1]) D'Ovidio, въ Arch. II, 83.

[2]) Böhmer 14, 38.

[3]) D'Ovidio, въ Arch. I, 74, 84.

[4]) Ibid. 73.

тературнымъ языкамъ, типовъ: d'oïl, d'oc и de si, особенно въ поэзіи сладкой, тонкой и игривой [1]). Уступая въ важности, правильности, неизмѣнности формъ языку латинскому, vulgare illustre все же очень возвышается-де надъ просторѣчіями Италіи, которыя настолько грубы, что ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ-де литературной обработки [2]). Даже въ Римѣ говорятъ-де на какомъ-то печальномъ говорѣ (tristiloquio), въ которомъ отражаются сбродное населеніе и грязные нравы этого города [3]). Жители горъ и захолустій имѣютъ-де выговоръ очень грубый для слуха горожанъ, особенно въ поясѣ среднемъ между горами и моремъ [4]). Сардинцы едва-ли и говорятъ-де поитальянски, а скорѣе обезьяничаютъ по типу языка грамматическаго (латинскаго) [5]). Сицилійское просторѣчіе прежде было-де ближе къ чистому языку, но теперь приняло отличный отъ него тягучій выговоръ, за исключеніемъ высшихъ сословій, говорящихъ на vulgare illustre [6]). Континентальные апульцы говорятъ-де грубо, помужицки и даже неприлично, но пишутъ изящно [7]). Генуэзцы же онѣмѣли бы, еслибъ забыли звукъ Z, составляющій значительную часть ихъ говора [8]). Романьольцы (часть эмилійскаго разнорѣчія) имѣютъ-де выговоръ столь мягкій, а ломбардцы столь твердый, что у первыхъ можно принять мужчинъ за женщинъ, у вторыхъ же наоборотъ—женщинъ за мужчинъ [9]). Сверхъ того въ рѣчи ломбардцевъ и пьемонтцевъ множество иноязычныхъ примѣсей, дѣлающихъ ее неспособною къ лите-

---

1) Ibid. 80.
2) Ibid. II, 85.
3) Ibid. II, 97; Böhmer 10.
4) Böhmer 10.
5) D'Ovidio, въ Arch. II, 98; Böhmer 10.
6) D'Ovidio, въ Arch. II, 99; Böhmer 10.
7) D'Ovidio, въ Arch. II, 99.
8) Böhmer 11.
9) Ibid. 11.

ратурному употребленію въ прочихъ частяхъ Италіи [1]. Болонцы говорятъ-де красиво лишь тогда, когда примѣшиваютъ къ своему говору нѣчто изъ смежныхъ, напр. изъ имольскаго, феррарскаго, моденскаго, — заимствуя изъ перваго нѣжность выговора, изъ второго же и третьяго особаго рода картавленье (garrulitas), свойственное вообще ломбардцамъ [2]. Эта послѣдняя особенность была, по Данту, причиною, что изъ Феррары, Модены, Реджіо еще не вышелъ ни одинъ поэтъ: урожепцы этихъ городовъ до того привыкли-де картавить, что не могутъ правильно говорить на vulgare illustre, равно какъ и пармезане, говорящіе morto вмѣсто molto [3]. Все же болонская рѣчь, смягченная чуждыми примѣсями, имѣетъ-де особую прелесть и занимаетъ первое мѣсто между муниципальными просторѣчіями. Однако и она не достигаетъ-де чистоты придворно-итальянской рѣчи, почему лучшіе болонскіе поэты, какъ Гвидо Гвиничелли, Гвидо Гвизліеро, Фабриціо, Онесто, не писали на чистомъ своемъ разнорѣчіи [4]. Въ Тріентѣ, Туринѣ, Алессандріи говоры тоже не чисты, ибо лежатъ близъ границъ и обилуютъ примѣсями изъ языковъ окскихъ (d'oc) [5]. И венеціанцы не говорятъ-де на чистомъ vulgare illustre [6]. Что касается, наконецъ, тосканцевъ, то они въ своей простотѣ воображаютъ-де, что имѣютъ исключительное право на vulgare illustre, — и притомъ такъ думаютъ не одни плебеи, но и нѣкоторые знатные люди, какъ напр. Брунето Латини. На дѣлѣ же они говорятъ скверно (turpiloquio), ибо ихъ рѣчь имѣетъ характеръ муниципальный, а не придворный. Лишь немногіе тосканскіе писатели употребляютъ вмѣсто своего просторѣчія vulgare illustre, какъ напр. Гвидо Каваль-

---

[1] D'Ovidio, въ Arch. II, 101—102.
[2] Ibid. II, 102; Böhmer 11—12.
[3] Böhmer 11—12.
[4] Ibid. 12.
[5] Ibid. 13.
[6] Ibid. 11.

канти, Лапо Джанни, Чино Да-Пистойя и самъ Дантъ [1]), который держится-де убѣжденія, что лишь слабоумные люди признаютъ свой материнскій языкъ совершеннѣйшимъ въ мірѣ и готовы вѣрить, что на немъ говорилъ Адамъ.

„Я, говоритъ поэтъ, которому отечество міръ, какъ рыбамъ вода, желаю опираться на разумъ, а не на чувство: родившись на Арно и любя Флоренцію настолько, что страдаю за нее въ изгнаніи, я все же думаю, что много есть странъ и говоровъ поблагороднѣе и покрасивѣе Тосканы и Флоренціи, много есть языковъ прекраснѣе и выразительнѣе итальянскаго.“ [2]).

Показавъ такимъ образомъ, что нѣтъ въ Италіи ни одного говора, вполнѣ соотвѣтствующаго vulgare illustre, Дантъ приходитъ къ выводу, что послѣдній состоитъ въ типическомъ итальянизмѣ языка, который проявляется въ одномъ городѣ больше, въ другомъ меньше, но нигдѣ не составляетъ исключительной особенности [3]). Что касается употребленія vulgare illustre, то, по Данту, онъ годится не для всѣхъ и не всегда, подобно тому какъ сѣдло не годится для коровы или свиньи [4]). Не всѣ-де поэты могутъ писать на этомъ языкѣ, а лишь отличнѣйшіе, и не обо всемъ, а лишь о высокихъ предметахъ, напр. о подвигахъ боевыхъ, о любви, о добродѣтели [5]), почему рѣчь эта можетъ-де быть названа стилемъ трагическимъ, въ противоположность стилю среднему (vulgare mediocre) или комическому и стилю низшему (vulgare humile) или элегическому. На первомъ стилѣ прилично-де писать канцоны, на второмъ—баллады и сонеты, а на третьемъ—плачи и т. п. простыя пѣсни [6]).

Впрочемъ, ученіе это о соотвѣтствіи языка и стиля

---

[1]) Böhmer 11; D'Ovidio, въ Arch. II, 104.
[2]) Böhmer 8.
[3]) D'Ovidio, въ Arch. II, 108; Böhmer 13.
[4]) Böhmer 17.
[5]) Böhmer 18.
[6]) Ibid. 38.

отдѣльнымъ родамъ и видамъ литературы едва намѣчено Дантомъ, ибо сочиненіе его „De vulgari eloquentia" осталось неоконченнымъ: вмѣсто предположенныхъ четырехъ книгъ написано лишь полторы. Очевидно, авторъ отвлеченъ былъ другими занятіями, особенно Божественной Комедіей, которой онъ посвятилъ бо́льшую часть своихъ досуговъ въ 20-лѣтнемъ изгнаніи.

Для полноты изложенія взглядовъ Данта на образованіе и роль литературнаго итальянскаго языка, необходимо еще прибавить, что онъ различалъ въ его исторіи два періода или двѣ школы:

1. сицилійскую, господствовавшую при дворѣ швабскихъ королей въ нижней Италіи въ первой половинѣ XIII в. (ок. 1230—66 г.г.), а оттуда проникшую въ Италію среднюю и верхнюю во второй половинѣ того же вѣка; и

2. школу болонско-тосканскую или dolce stil nuovo, развившійся къ концу XIII в. подъ перомъ болонца Гвидо Гвиничелли, тосканцевъ Кавальканти, Джанни, Уберти, самого Данта и нѣкоторыхъ другихъ его современниковъ [1]).

Приступая теперь къ провѣркѣ изложенныхъ взглядовъ Данта на характеръ, роль и происхожденіе того языка, на которомъ онъ писалъ свои Vita Nuova, Convito, Divina Comedia, и который сталъ впослѣдствіи общимъ языкомъ новой Италіи,—мы прежде всего остановимся на его ученіи объ отношеніяхъ этого vulgare illustre къ живымъ говорамъ тогдашней Италіи.

Уже à priori представляется весьма спорнымъ утвержденіе въ ея литературѣ языка, не имѣвшаго подъ собой никакой опредѣленной діалектической подпочвы. Какъ могли пѣть и писать поэты на языкѣ, на которомъ никто не говорилъ? Съ другой стороны, какъ могли при дворахъ и въ аристократическихъ кругахъ Сициліи, Неаполя, Рима, Флоренціи, Болоньи и т. д. образоваться особые искусственные говоры, отрѣшенные отъ мѣстныхъ просто-

---

[1]) Gaspary, La scuola poetica siciliana del secolo XIII. Trad. dal tedesco. Livorno 1882, стр. IX, 177.

рѣчій? Мы допускаемъ возможность, даже неизбѣжность нѣкотораго стилистическаго различія говоровъ простонародья и говоровъ знати въ средней Италіи, какъ и индѣ; но отъ такого стилистическаго различія еще очень далеко до діалектическаго безразличія, предполагаемаго Дантомъ въ его vulgare illustre.

Если языкъ Гомера имѣлъ діалектическую подпочву въ іоническомъ нарѣчіи, языкъ Эсхила — въ аттическомъ, то и языкъ Данта долженъ былъ имѣть таковую, и безъ сомнѣнія имѣлъ ее въ нарѣчіи тосканскомъ, частнѣе же —въ говорѣ флорентинскомъ.

На это указываютъ: во 1) звуковыя, формальныя и лексикальныя особенности языка, называемаго Дантомъ vulgare illustre, насколько онъ извѣстенъ изъ сохранившихся донынѣ древнихъ кодексовъ; во 2) согласное свидѣтельство многихъ древнихъ писателей, и въ 3) все дальнѣйшее развитіе итальянскаго литературнаго языка, вплоть до нашего времени.

Какъ ни измѣнены древнѣйшія произведенія итальянской народной поэзіи позднѣйшими, особенно тосканскими переписчиками, тѣмъ не менѣе и въ нынѣшнемъ ихъ видѣ замѣтна связь съ отдѣльными нарѣчіями верхней, средней и нижней Италіи. Такъ напр. въ религіозно-дидактической литературѣ верхней Италіи XIII в. видимъ языкъ, построенный на венетскомъ нарѣчіи,—то чистомъ, то съ примѣсью разнорѣчій веронскаго, болонскаго, бергамскаго, миланскаго, генуэзскаго и нѣкоторыхъ другихъ. То же замѣчается и во многихъ беллетристическихъ произведеніяхъ тогдашней верхней и нижней Италіи [1]).

Но если цѣлый рядъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій Италіи 13-го вѣка имѣетъ діалекти-

---

[1]) Ср. A. Bartoli, I primi due secoli della litteratura Italiana. Milano 1880, стрр. 112, 124, 126, 133, 141, 144; 265; Gaspary, G. d. Ital. Liter. Berlin 1885 г., I, 129 сл., 132 слл., 139, 141—160, 162, 164, 175, 186, 189; Gaspary, La scuola poet. Sicil. 184; G. Paris, въ Romania IX, 502.

ческій характеръ и подпочву, несмотря на позднѣйшее подновленіе переписчиками, то почему бы лишены были этого характера единственно тѣ лирическія пѣсни во вкусѣ провансальскомъ, о которыхъ говоритъ Дантъ, какъ о произведеніяхъ, писанныхъ на vulgare illustre, въ его оттѣнкахъ сицилійскомъ и болонско-тосканскомъ? Не заставляетъ ли насъ аналогія предполагать, наоборотъ, что и эти произведенія писаны были на діалектахъ,—хотя бы и въ томъ ихъ видѣ, какой они принимали при дворахъ Фридриха II и Манфреда, или въ кругахъ высшаго образованнаго общества Умбріи, Тосканы, Марки? Такое предположеніе высказано было давно, еще въ первой половинѣ XIV в. Пассаванти, а затѣмъ Боккачіо, который въ своей біографіи Данта прямо говоритъ, что Divina Comedia написана на volgare fiorentino, что можно впрочемъ вывести и изъ словъ самого Данта въ Inferno [1]). Конечно, это былъ флорентинизмъ высшій, соединенный съ наслѣдіемъ прежней литературной школы и переплавленный въ горнилѣ личнаго духа поэта, но все же—языкъ дѣйствительной жизни, а не умозрительнаго обобщенія или искусственнаго эклектическаго подбора. Въ такомъ же видѣ представляли себѣ рѣчь Данта и писатели 16-го вѣка, имѣвшіе возможность сравнивать ее съ тосканскимъ разнорѣчіемъ и флорентинскимъ говоромъ того, не очень удаленнаго еще отъ Данта времени. Такъ думали напр.: Варки, доказывавшій въ поэмѣ Ercolano законность наименованія Дантова языка lingua fiorentina; Маккіавели въ приписываемомъ ему Dialogo sulla lingua; С. Сальвіати, одинъ изъ основателей Academia della Crusca [2]), и мн. др. Аріостъ именовалъ себя scrittore toscano [3]). И Т. Тассо

---

[1]) X, 25 сл.; XXXIII, 10 сл. Ср. L. Gelmetti, La lingua parlata di Firenze 1874, I, 173, 192.

[2]) D'Ovidio, Saggi Critici. Napoli 1879 г., стр. 442; Fornaciari. La letteratura italiana nei primi quattro secoli. Firenze 1885 г., стр. 327.

[3]) Fornaciari 186.

называетъ свое чернило тосканскимъ [1]), а свой языкъ—lingua или favella toscana [2]). Академія же della Crusca прямо назвала этотъ языкъ флорентинскимъ [3]), противъ чего возстали сіенцы и другіе тосканцы, не допускавшіе поглощенія своихъ разнорѣчій флорентинскимъ. Названіе этого языка тосканскимъ вошло уже въ XVI в. въ общее употребленіе въ такой же мѣрѣ, какъ наименованіе испанскаго кастильскимъ [4]). Въ новѣйшей итальянской литературѣ мнѣніе о тосканизмѣ Дантова языка является господствующимъ. Его защищали: поэтъ Друзеппе Парини въ сочиненіи Principi delle belle lettere, Д. Гальвани, Алекс. Манцони [5]), Корацщини, Бартоли, Д'Овидіо, Д'Анкона, и наконецъ самъ глава нынѣшнихъ итальянскихъ діалектологовъ, Асколи, который считаетъ возраженія противъ тосканизма, или даже еще тѣснѣе — флорентинизма основаннаго Дантомъ языка, совершенно лишенными научной основы [6]).

Однако возраженія эти съ XVI вѣка не сходятъ съ дневной очереди. Главными ихъ выразителями были: въ XVI в. Триссино, въ XIX же в. Монти, Пертикари и нѣкоторые другіе писатели [7]).

---

[1]) Gerusaleme Liberata: Se tanto lice ai miei toscani inchiostri.

[2]) Discorsi dell'arte poetica, гдѣ одинъ діалогъ озаглавленъ: Della poesia toscana.

[3]) Giudici, Storia della letteratura Italiana [2] 1865 г., I, 58.

[4]) D'Ovidio, Saggi critici 442.

[5]) Manzoni A. Scritti varj sulla lingua italiana, Milano 1870, 25.

[6]) Arch. gl. it. VIII, 124 сл.

[7]) Триссино, издавшій въ 1529 г. итальянскій переводъ Дантова трактата: De vulgari eloquentia, усвоилъ себѣ взглядъ его на эклектическое образованіе итальянскаго литературнаго языка, по какому то абстрактному идеалу, и совершенно отрицалъ права на него Тосканы или Флоренціи (Fornaciari 286; D'Ovidio, Saggi critici 439). Кастильоне въ своемъ Дворянинѣ (Cortegiano) и Джироламо Муціо въ сочиненіи: Bat-

Главнымъ источникомъ возраженій противъ тосканизма Дантова языка служитъ не вполнѣ еще выясненный характеръ языка сицилійской школы, бывшій по Данту какъ бы образцомъ для dolce stil nuovo школы болонско-

---

taglia (Fornaciari 283, 366) также возставали противъ наименованія общаго языка тосканскимъ или флорентинскимъ, вмѣсто названія его lingua italiana или commune. Въ 19-мъ же вѣкѣ противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ крайностей тосканизма возставали: поэтъ Монти въ своей Proposta di correzioni al Vocabolario della Crusca (Settenbrini III, 242, 244); его зять Джуліо Пертикари, утверждавшій, что Божественная Комедія написана „знатными словами, заимствованными изъ всѣхъ нарѣчій Италіи" (Gelmetti I, 175), и издавшій всѣ почти сочиненія антитосканистовъ XVI в., каковы: Триссино, Кастельветро, Варки, Муціо, Булгарини, Бени (Giudici, Storia d. let. it. II, 452) и др. Такъ же приблизительно представляли себѣ образованіе Дантова языка основатель романистики Дицъ (Diez, Gram. d. Rom. Spr. [2] I, 77) и ломбардскій діалектологъ Біонделли, считавшій лексическій составъ этого языка своднымъ изъ всѣхъ нарѣчій Италіи и потому не имѣющимъ муниципальнаго, а общеитальянскій характеръ и роль (Biondelli, Saggio XXV). Еще механичнѣе понималъ и принималъ теорію Данта Джудичи, утверждавшій, что до Фридриха II Гогенштауфена всѣ итальянскія нарѣчія имѣли видъ сплошной матеріи, различной въ частностяхъ, но однородной въ существѣ, а потому расположенной къ принятію однообразной формы. Таковая появилась-де прежде всего въ Сициліи и усвоена потомъ всѣми итальянцами, особенно тосканцами, обнаружившими наибольшее къ ней предрасположеніе. Первоначально и въ Тосканѣ эта форма языка была-де усвоена лишь немногими избранниками, но потомъ популяризовалась и утвердилась. Индѣ этотъ языкъ остался-де лишь письменнымъ, но въ Тосканѣ сталъ и разговорнымъ (Giudici, Storia della letteratura italiana I, 79 сл.). Нѣкоторые слѣды этого взгляда замѣтны и у Сеттенбрини, который принимаетъ сверхъ діалектовъ еще общій языкъ, возникшій изъ взаимодѣйствія послѣднихъ съ латинскимъ языкомъ въ Сициліи, Неаполѣ, Тосканѣ, Романьѣ, Сардиніи, а потомъ и въ Ломбардіи, и потому лишенный-де народнаго характера (Settenbrini I, 26 сл.). Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ онъ выражается иначе, а именно, что языкъ итальянскій зародился въ Сициліи, а оттуда, какъ говорятъ,

тосканской. Остановимся же на этомъ основномъ пунктѣ вопроса, чтобы видѣть, на какомъ языкѣ писали Фридрихъ II съ сыновьями и прочіе поэты нижнеиталійской школы половины XIII в., и въ какихъ отношеніяхъ находится этотъ языкъ къ Дантову.

Судя по аналогіи всѣхъ вышеуказанныхъ параллелей, можно полагать, что и при дворѣ швабскомъ въ Палермо и Неаполѣ, какъ и индѣ въ тогдашней Италіи, мѣстные поэты писали на своихъ діалектахъ, хотя бы и видоизмѣненыхъ какъ вліяніями прочихъ образованныхъ языковъ, напр. латинскаго, провансальскаго, пожалуй даже греческаго и арабскаго,—такъ и условіями придворной жизни и отношеніями феодальной знати Сициліи и Неаполя. Но если мы возьмемъ въ руки сохранившіеся списки произведеній сицилійской школы, то въ языкѣ ихъ найдемъ звуки и формы не сицилійскаго, а тосканскаго нарѣчія того времени, съ легкими наслоеніями и другихъ италійскихъ разнорѣчій. Между ними собственные сициліанизмы, калабризмы, апуліанизмы, неаполитанизмы мелькаютъ лишь изрѣдка, совершенно заглушаемые массою среднеитальянизмовъ, на основномъ фонѣ тосканскомъ, примѣнительно къ говорамъ аретинскому, сіенскому, пизанскому, лукскому, пистойскому, особенно же флорентинскому [1]). И что всего удивительнѣе, таковъ составъ языка сицилійской школы не только въ позднѣйшихъ кодексахъ XV и XVI в., но даже въ древнѣйшихъ, между которыми три восходятъ къ XIII в. [2]), слѣдовательно предшествуютъ времени написанія Дантомъ трактата De vulgari eloquentia. Какъ

перескочилъ въ Тоскану, или лучше сказать—вновь зародился въ ней изъ мѣстнаго діалекта, подъ вліяніемъ латинскаго въ прозѣ и провансальскаго въ поэзіи (ibid. I, 49). Такимъ образомъ Данте писалъ-де на флорентинскомъ діалектѣ, но не совсѣмъ, а по образцу volgare illustre (ibid. II, 385).

[1]) Caix, Le origini della lingua poetica italiana. Firenze 1880, passim.

[2]) Caix 5.

объяснить этотъ господствующій тосканскій фонъ языка сицилійско-неаполитанскихъ лириковъ? Между многочисленными гипотезами для объясненія этого загадочнаго явленія наиболѣе научными представляются въ настоящее время двѣ:

1) теорія искусственной переработки сицилійско-апульскихъ разнорѣчій, примѣнительно къ латинскимъ и провансальскимъ образцамъ; и

2) теорія измѣненія первоначальныхъ сицилійскихъ текстовъ позднѣйшими тосканскими переписчиками.

По первой теоріи сицилійскіе поэты превращали, положимъ, простонародное amuri въ amore, по вліянію латинскаго amor, провансальскаго amors [1]) и т. п.; по второй же они писали amuri, но позднѣйшіе тосканскіе кописты передѣлали эту форму въ свое amore.

Приверженцы первой теоріи ссылаются на Данта, который не могъ-де не знать подлиннаго вида сицилійской лирики, жившей и развивавшейся вплоть до смерти короля Манфреда въ 1268 г. [2]), т. е. до времени очень близкаго къ Данту (1280 сл.); приверженцы же второй гипотезы указываютъ на ошибки версификаціи сицилійскихъ поэтовъ, которыя невѣроятны въ ученикахъ трубадуровъ и которыя въ большинствѣ случаевъ устраняются при возстановленіи первоначальной апульско-сицилійской формы риѳмуемыхъ словъ, напр. aviri-moriri вмѣсто тосканизованныхъ: avere-morire [3]); или uso-amuruso вмѣсто тоск. uso-amoroso [4]).

Послѣднее обстоятельство было впервые установлено Франческомъ Кораццини, который сдѣлалъ попытку возстановленія первотекста нѣкоторыхъ сицилійскихъ сонетовъ. Къ его мнѣнію примкнули затѣмъ Бартоли, Д'Овидіо,

---

1) Gaspary, La scuola p. s. 219.
2) Ibid. 213.
3) Bartoli, I due secoli 145.
4) Cp. Gaspary, La scuola 193.

Д'Анкона [1]). Но довольно вѣскія возраженія противъ этой теоріи были высказаны Каиксомъ, Моначи, особенно же Гаспари [2]), который показалъ возможность объясненія ложной риѳмовки и не прибѣгая къ теоріи тосканизаціи текстовъ копистами, напр. версификаціонными вольностями, вліяніемъ формъ латинскихъ, провансальскихъ, апульскихъ и даже нѣкоторыхъ среднеиталійскихъ и болонскихъ, при существованіи уже въ ту эпоху литературной взаимности между смежными областями Италіи [3]). Впрочемъ, и Гаспари не отрицаетъ возможности и даже неизбѣжности измѣненій первоначальныхъ текстовъ сицилійской поэзіи, а лишь ограничиваетъ значеніе этихъ измѣненій и заподазриваетъ возможность сколько нибудь вѣроятнаго возстановленія утраченныхъ подлинниковъ и южныхъ первосписковъ [4]).

Сравнивая эти двѣ теоріи, раздѣляющія и теперь еще голоса романистовъ, мы замѣчаемъ, что одна изъ нихъ основывается главнымъ образомъ на внѣшнемъ авторитетѣ, вторая же—на внутреннихъ вѣроятностяхъ, и не колеблемся отдать съ своей стороны предпочтеніе послѣдней передъ первою, главнѣйше по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Теорія образованія въ Сициліи vulgare illustre не изъ мѣстныхъ живыхъ говоровъ, а по какому-то отвлеченному лингвистическому идеалу, латинскаго или провансальскаго типа, не имѣетъ внутренней вѣроятности.

2. Этотъ внутренній ея недостатокъ не можетъ быть возмещенъ голымъ свидѣтельствомъ Данта, который къ тому же, насколько извѣстно, никогда не былъ ни въ Неаполѣ, ни въ Сициліи, а потому и не особенно компетентенъ въ вопросахъ нижнеиталійской діалектологіи. Это выразилось и въ раздѣленіи имъ довольно однороднаго

---

1) Cp. Gaspary, La scuola 182.
2) Ibid. 184 сл.
3) Gaspary, La scuola p. s. 185 сл.
4) Ibid. 210 сл.

нижнеиталійскаго материковаго (terra ferma) нарѣчія на два якобы совершенно отличныхъ типа: западно-апульскій и восточно-апульскій.

3. Первоначальный сицилійско-апульскій діалектъ нижнеиталійскихъ трубадуровъ тѣмъ легче могъ быть стертъ, что число ихъ произведеній было незначительно, въ сравненіи съ провансализующей и народной лирикой средней Италіи, особенно тосканской.

4. Примѣры такой діалектической ретушовки не составляютъ чего-то небывалаго въ лѣтописяхъ всемірной литературы, а наоборотъ, довольно обычны, особенно въ поэзіи романскихъ народовъ; какъ на параллель этому можно указать и на переливку ц. слав. текстовъ въ русскій изводъ.

5. Соображеніе о версификаціонныхъ вольностяхъ и инонарѣчныхъ примѣсяхъ въ риѳмовкѣ сицилійскихъ лириковъ не исключаетъ вѣроятности тѣхъ измѣненій въ ней, какія могли быть внесены тосканскими копистами.

6. Теорія отосканенья прасицилійскихъ текстовъ нимало не противорѣчитъ и соображеніямъ послѣдователей Данта—объ отличіи vulgare illustre отъ говоровъ, если только понимать это отличіе въ стилистическомъ, а не въ діалектическомъ смыслѣ.

На основаніи всего изложеннаго мы представляемъ себѣ зарожденіе итальянскаго общаго языка въ такомъ видѣ, что онъ вышелъ изъ среды итальянскихъ діалектовъ, съ начала и половины XIII в. примѣненныхъ то къ поэтической, то рѣже къ прозаической литературѣ въ верхней, средней и нижней Италіи,—причемъ первенствующую роль въ первой играли Венеція и Миланъ, во второй Флоренція и Ареццо, въ третьей Неаполь и Палермо, нѣкоторое же время еще Болонья, лежащая въ эмилійской полосѣ по говору, но рано тосканизованная въ образованныхъ слояхъ населенія. Въ началѣ этого періода югъ и сѣверъ,—Палермо и Венеція,—имѣли, кажется, нѣкоторое преимущество передъ средней Италіей, гдѣ къ тому же Умбрія и вообще восточная часть развивала болѣе народ-

ную, Тоскана же—придворную провансализующую поэзію. Но вскорѣ, со второй половины XIII в., центръ полуострова началъ быстро подвигаться впередъ, сѣверъ же и югъ отставать въ литературной дѣятельности. Такимъ образомъ къ концу XIII в., т. е. ко времени выступленія Данта, школа болонско-тосканская была первою въ Италіи и постепенно заслонила своими кодексами, своими писателями, своимъ dolce stil nuovo и школу южную, какъ оказывается, уже мало знакомую Данту, и школу сѣверную, вовсе ему незнакомую [1]), по крайней мѣрѣ въ періодъ написанія De vulgari eloquentia.

Разсмотрѣвъ и провѣривъ взглядъ Данта на діалектическія соотношенія и историческое развитіе того языка, на которомъ онъ писалъ сонеты, Vita nuova, Convito, а наконецъ — Божественную Комедію, мы остановимся еще на тѣхъ родахъ и видахъ литературы, которые отмежеваны для этого языка Дантомъ и были такимъ образомъ первоначальною областью его примѣненія и обработки.

Выше приведено то мѣсто трактата De vulgari eloquentia, гдѣ Дантъ считаетъ оружіе, любовь и добродѣтель тремя основными темами итальянской народной поэзіи, ссылаясь при этомъ на поэзію провансальскую, развивавшую тѣ же темы, въ лицѣ напр. Бертрана Де-Борнъ, Арно Даніэля и Гиро Де-Борнель [2]). Какъ ни узки эти рамки, все же онѣ шире тѣхъ, какія начертаны были Дантомъ же для vulgare illustre въ его болѣе раннихъ сочиненіяхъ: Vita Nuova и Convito. Въ первомъ изъ нихъ Дантъ говоритъ, что лишь благодаря внушеніямъ своего друга Гвидо Каваликанти рѣшился онъ написать на итальянскомъ, а не на латинскомъ языкѣ біографо-психологическій комментарій къ своимъ сонетамъ въ честь Беатриче [3]), ибо первоначальнымъ побужденіемъ къ писательству на vulgare служило-де для него желаніе быть

---

[1]) D'Ovidio, въ Arch. gl. it. 96.

[2]) Böhmer 18.

[3]) D'Ovidio, въ Arch. II, 72.

понятнымъ дамѣ, которой недоступны стихи латинскіе. Да и вообще, по мнѣнію автора Vita Nuova, на vulgare можно писать лишь эротическія произведенія, такъ какъ изначала этотъ способъ писанія придуманъ-де для воспѣванія любви [1]). И въ Convito или Пирѣ, представляющемъ чуть ли не первый философскій трактатъ на итальянскомъ языкѣ, Дантъ сравниваетъ латинскій языкъ съ хлѣбомъ пшеничнымъ, а итальянскій—съ ржанымъ, хотя въ другомъ мѣстѣ уподобляетъ эти два языка солнцу заходящему и восходящему, изъ коихъ послѣднее должно освѣтить пребывающихъ во тьмѣ и не воспріимчивыхъ къ сіянію перваго [2]). Въ трактатѣ De vulgari eloquentia, отмежевавъ для vulgare illustre область боевой, эротической и дидактической поэзіи (arma, amor, virtus), Дантъ все же считаетъ еще поэзію итальянскую низшимъ видомъ латинской. Онъ вмѣняетъ „версификаторамъ вульгарнымъ" въ обязанность подражать высокимъ и правильнымъ поэтамъ латинскимъ (magnis poëtis, hoc est regularibus), пѣвшимъ на языкѣ высокомъ и художественномъ (magno sermone et arte regulari), тогда какъ первые стихотворствовали случайнымъ образомъ (illi vero casu poetati sunt),—такъ что чѣмъ ближе-де итальянскій поэтъ подражаетъ латинскому, тѣмъ правильнѣе онъ пишетъ [3]).

Мы не должны удивляться такому благоговѣнію Данта передъ латинскимъ языкомъ. Въ средніе вѣка онъ господствовалъ въ наукѣ и международныхъ сношеніяхъ во всей западной Европѣ, за изъятіемъ развѣ маврской Испаніи. Въ Италіи же онъ былъ вдвое близокъ и дорогъ, какъ языкъ не пришлый, а туземный, родной въ такой же мѣрѣ, какъ языкъ Гомера, Эсхила, Аристотеля для византійскихъ грековъ, а церковно-славянскій—для нынѣшнихъ болгаръ. Къ тому же латинскій языкъ сталъ въ средніе вѣка цѣпью,

---

[1]) Ibid. 73.

[2]) Convito I, 13.

[3]) Idcirco accidit, ut quantum istos proximius imitemur, tantum rectius poetemur. Ср. D'Ovidio, въ Arch. II, 74.

привязавшею къ новому Риму, значитъ къ Италіи, еще болѣе широкій и далекій кругъ земель, чѣмъ какой подчинялся древле Риму императорскому. Сверхъ того Дантъ, какъ человѣкъ высокихъ мыслей и цѣлей, соединявшій въ своей душѣ муниципальную любовь къ Флоренціи съ высшею любовью къ человѣчеству, не могъ стать на узко-національную точку зрѣнія и пожертвовать приходскому патріотизму высшими интересами христіанскаго образованія, въ системѣ котораго латинскій языкъ въ тотъ періодъ времени казался звеномъ существеннымъ, даже основнымъ. Мы можемъ не соглашаться съ такой точкой зрѣнія, считать средневѣковой космополитизмъ фикціей или замаскированной гегемоніей Рима надъ порабощенными сначала политически, а потомъ церковно народами Запада; но въ тѣ вѣка подобная точка зрѣнія была недоступна даже для высшихъ умовъ. Это явствуетъ изъ латинскихъ сочиненій не только Ѳомы Аквината и Бонавентуры, но даже позже—Петрарки и Виклефа, Гуса и Браччіолини, Джордано Бруно и Бэкона, Спинозы и Декарта, Ньютона и Лейбница.

Впрочемъ, въ Божественной Комедіи Дантъ сталъ значительно выше развитаго въ вышеназванныхъ его сочиненіяхъ теоретическаго взгляда на разграниченіе областей латинскаго и итальянскаго языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, поэма эта, несмотря на названіе Комедіей, безспорно принадлежитъ по содержанію, замыслу и выполненію не къ тѣмъ канцонамъ, сонетамъ и элегіямъ, къ которымъ Дантъ пріурочиваетъ употребленіе итальянскаго языка, въ видѣ стилей высокаго, средняго, низкаго (vulgare illustre, mediocre, humile), а наоборотъ - къ высшему, эпическому роду поэзіи, который, судя по общему взгляду автора De vulgari eloquentia, долженъ писаться magno sermone и arte regulari, т. е. на латинскомъ языкѣ. Полъ-вѣка спустя другой знаменитый итальянскій поэтъ, Петрарка, вторично встрѣтился съ этимъ вопросомъ и рѣшилъ его хуже Данта: лишь канцоны и сонеты онъ написалъ по-итальянски, поэму же Africa, изъ періода II пунической

войны, наоборотъ—по-латыни. Положимъ, это была латынь новая, не схоластическая, а возрожденная, въ которой Петрарка былъ первымъ высокимъ мастеромъ; но и она не спасла поэмы отъ забвенія, тогда какъ Божественная Комедія столь же безсмертна на своемъ vulgare illustre, какъ Гомеръ—на діалектѣ старо-іоническомъ. Правда, по мѣрѣ движенія поэта отъ земли къ небу, отъ ада къ чистилищу и отъ земного рая къ небесному, итальянскій языкъ Данта все чаще и чаще отзывается латинизмами [1]), какъ необходимою принадлежностью высшаго литературнаго стиля; но эти наслоенія нисколько не стираютъ живого діалектическаго фона, не ослабляютъ ни флорентинизма, ни тосканизма, ни итальянизма этого звучнаго и мощнаго языка.

Говоря о разграниченіи Дантомъ литературныхъ областей латинскаго и итальянскаго языковъ, мы должны тутъ коснуться еще отношеній послѣдняго къ двумъ новолатинскимъ языкамъ, оспаривавшимъ индѣ его права на господство: французскому и провансальскому.

Несмотря на бо́льшее свое удаленіе отъ Рима, какъ средоточія новолатинскихъ народовъ, а быть можетъ и благодаря этому именно обстоятельству, языки французскій (d'oïl) и провансальскій (d'oc) гораздо раньше итальянскаго получили литературную обработку и уже заканчивали первый періодъ своего развитія въ ту эпоху, когда въ Италіи едва зарождалось vulgare illustre. Блестящая эпическая литература французскихъ труверовъ и лирическая провансальскихъ трубадуровъ разлились уже въ 12—13 вв. широкой волной по западной Европѣ, причемъ и языки этихъ произведеній распространились далеко за предѣлы своей діалектической области. Такъ языкъ французскій въ періодъ нормандскаго завоеванія проникъ въ Англію съ одной стороны, а въ Италію — сѣверную и южную, даже въ Далмацію [2])— съ другой, благодаря отчасти

---

[1]) D'Ovidio, въ Arch. II, 74; ср. Gelmetti I, 182.

[2]) P. Rajna, въ Romania VI, 259.

географической смежности верхней Италіи съ Бургундіей, отчасти же утвержденію нормандской династіи не только къ сѣверу отъ Ламанша, въ лицѣ Вильгельма Завоевателя и потомковъ, но и въ нижней Италіи съ Сициліей, при Робертѣ Гискарѣ и другихъ потомкахъ Танкреда Отвильскаго. Въ послѣдней области французская рѣчь нормандскихъ рыцарей не удержалась однако въ новой этнической и культурной средѣ, и скоро уступила мѣстнымъ разнорѣчіямъ Апуліи и Неаполя, Калабріи и Сициліи. Но въ верхней Италіи 13 в., особенно въ Венеціи, какъ посредницѣ между французской метрополіей и многочисленными ея колоніями па Востокѣ, въ періодъ Латинской имперіи, французскій языкъ пустилъ довольно глубокіе корни и игралъ немаловажную литературную роль—сначала въ чистомъ видѣ, а затѣмъ въ видоизмѣненіи франко-итальянскомъ [1]).

---

[1]) Въ древлехранилищахъ Венеціи и нѣкоторыхъ другихъ верхнеиталійскихъ городовъ найдено и издано, особенно вѣнскимъ романистомъ Муссафіей, не малое число древнефранцузскихъ кодексовъ, съ поэмами и романами роландова и артурова круговъ, въ родѣ напр. Entrée d'Espagne, Prise de Pampelune и т. п, писанныхъ падуанцами, веронцами и др. верхнеиталійцами. Особенно прославился въ к. XIII в. между этими франко-итальянскими романистами Рустичіано Да-Пиза, писавшій романы изъ сагъ „Круглаго стола“ и пересказавшій по-французски, какъ полагаютъ ок. 1298 г. со словъ самого Марко Поло, его путешествіе въ Азію: Le livre de Marco Polo. Пизанское его происхожденіе указываетъ на распространеніе французскаго языка и въ тогдашнюю Тоскану. Изъ флорентинцевъ извѣстенъ своими французскими сочиненіями Брунетто Латини, авторъ знаменитой въ свое время энциклопедіи Trésor, гдѣ онъ прямо называетъ французскій языкъ самымъ пріятнымъ и распространеннымъ. Впрочемъ Брунетто писалъ свой Trésor не въ Италіи, а во Франціи и на чисто французскомъ языкѣ, тогда какъ собственныя франко-итальянскія сочиненія той эпохи писаны особымъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ французскаго и верхнеиталійскихъ говоровъ, особенно ломбардскихъ и венетскихъ. Не удивительно, что и Дантъ, называвшій Брунетто Латини своимъ учителемъ, хвалилъ въ своемъ De vulgari elo-

Что касается провансальскаго языка въ Италіи, то онъ проникалъ въ нее всего раньше чрезъ Лигурію и Пьемонтъ, говоры которыхъ представляютъ естественное звено между языкомъ окцитанскимъ (d'oc) и итальянскимъ (языкъ si, по Данту).

Особенно широко разлилась въ Италіи поэзія трубадуровъ послѣ Альбигойской войны, когда разгромъ Тулузы и другихъ южно-французскихъ политическихъ и общественныхъ центровъ, звѣрства гр. Монфора и костры инквизиціи убили всю умственную жизнь Аквитаніи и Прованса и заставили бѣжать въ Испанію и Италію многихъ трубадуровъ. Главными ихъ центрами стали въ послѣдней владѣтельные дворы Монферратскій и Феррарскій; другіе пріютились въ Генуѣ и Пизѣ; третьи—во Флоренціи, многіе же въ Сициліи [1]), гдѣ ихъ радушно принялъ антипапскій король Фридрихъ II Гогенштауфенъ [2]), и въ Неаполѣ, гдѣ имъ покровительствовалъ Карлъ Анжуйскій, женатый на провансалкѣ [3]). Наиболѣе глубокіе корни пустилъ провансальскій языкъ въ верхней Италіи, гдѣ на немъ болѣе 100 лѣтъ [4]) пѣли трубадуры — сначала провансальскаго, а потомъ итальянскаго происхожденія, напр. генуэзцы Фолькетто, Сальви, Доріа, туринецъ Николетто, венеціанецъ Джорджи, падуанецъ Брандино, фаенцанецъ Пуччіола [5]) и мн. др. Но самымъ знаменитымъ изъ нихъ

---

quentia языкъ d'oïl за его легкую и пріятную простонародность (faciliorem ac delectabiliorem vulgaritatem), особенно въ прозаической литературѣ, какъ напр. въ библіи, дѣяніяхъ троянскихъ и римскихъ, похожденіяхъ короля Артура и др. повѣствовательно-поучительныхъ сочиненіяхъ. Ср. Mussafia, Altfranzösische Gedichte aus den Venezianischen Handschriften. Wien 1860; Gaspary, G. d. Ital. Lit. I, 114, 120 сл., 119, 180 сл.; Bartoli, I due secoli 97; P. Meyer, въ Romania II, 135.

[1]) Bartoli, I primi due secoli 48, 77, 88.

[2]) Gaspary, G. d. Ital. Liter. I, 52.

[3]) Settenbrini I, 84; Gaspary, La scuola poet. Sicil. 21.

[4]) Еще въ 1379 г. Ср. Bartoli, I primi due secoli 92.

[5]) Biondelli, Saggio XXIV; ср. O. Schultz, Die Lebens-

былъ мантуанецъ Сорделло, воспѣтый Дантомъ въ его Чистилищѣ. Для руководства этихъ итальянскихъ трубадуровъ изданъ былъ особый провансальскій Донатъ [1]). Въ средней Италіи провансальскій языкъ былъ менѣе знакомъ, почему число провансальскихъ лириковъ отсюда было значительно меньше [2]); но тѣмъ больше вышло изъ нея провансализовавшихъ итальянскихъ лириковъ эротическаго, а отчасти политическаго направленія. То же замѣчаемъ и въ нижней Италіи XIII в., гдѣ мѣстные трубадуры, съ Фридрихомъ II и Петромъ Дела-Винья во главѣ, писали во вкусѣ и въ духѣ провансальскомъ, но на языкѣ итальянскомъ, хотя и пропитанномъ стихіями провансальскими [3]).

Послѣ всего сказаннаго намъ понятно будетъ высокое мнѣніе объ окцитанскомъ (d'oc) языкѣ и стилѣ Данта, который въ трактатѣ De vulgari eloquentia отдаетъ этому языку первенство между всѣми новолатинскими volgari, ссылаясь на раннее возникновеніе въ Окцитаніи совершеннѣйшаго и сладчайшаго стихотворства [4]). Но это хронологическое преимущество передъ итальянскимъ языкомъ не подрывало, въ глазахъ Данта, достоинствъ vulgare illustre. Въ своемъ Convito онъ прямо упрекаетъ лицъ, предпочитающихъ провансальскій языкъ итальянскому, считая послѣдній способнымъ превзойти даже первый, при надлежащей обработкѣ [5]). Это и осуществилось на дѣлѣ, особенно въ канцонахъ и сонетахъ послѣдняго и величайшаго изъ трубадуровъ, Франческо Петрарки.

Итакъ, при всѣхъ частныхъ промахахъ во взглядѣ

---

verhältnisse der Italienischen Trobadors, въ Zeitschr. f. Rom. Philologie VII, 178 сл.

[1]) Donatz Proensals di Hugues Faidit. Ср. D'Ovidio, въ Arch. II, 69.

[2]) Таковы напр. пизанецъ Лучіо Друзи, флорентинецъ Брунетто Латини, Данте Да-Маяно и н. др.

[3]) Ср. Gaspary, La scuola p. s. 219. 263 сл.; Caix, Le origini 69, 194, 247 и индѣ.

[4]) Böhmer 7.

[5]) Ibid. 9.

Данта на происхожденіе, роль и характеръ возникшаго тогда общеитальянскаго литературнаго языка, мы видимъ тутъ не мало и драгоцѣнныхъ преимуществъ: широкій и свободный взглядъ на отношеніе составныхъ стихій этого языка; свободу отъ односторонняго увлеченія говоромъ своей родины; признаніе законности въ vulgare illustre вкладовъ прежнихъ поколѣній; открытіе полнаго простора для притоковъ изъ всѣхъ нарѣчій, всѣхъ частей Италіи; благоговѣйное отношеніе къ священному наслѣдію предковъ въ языкѣ латинскомъ, съ ограниченіемъ круга его законной области, а наконецъ любовную память о родственныхъ языкахъ новолатинскихъ, безъ раболѣпія къ нимъ и безъ подчиненія своего чужому.

Но этихъ широкихъ историко-діалектическихъ взглядовъ не достаточно еще было для выработки того языка, на которомъ написана Божественная Комедія. Нужно было еще найти для него элементъ единства, жизни, естественнаго роста, а вмѣстѣ и опорную точку для сооруженія,—словомъ, опредѣленную діалектическую основу. Отрицая таковую въ теоріи,—по щекотливости ли къ чужимъ самолюбіямъ, или изъ нѣкоторой досады на неблагодарную родину, Дантъ призналъ тѣмъ не менѣе ея царственныя права въ языкѣ своихъ произведеній, особенно же въ Божественной Комедіи. Сколько разъ въ блужданіяхъ по аду, при восхожденіи на чистилищную гору и въ круговомъ полетѣ къ эмпирею—узнавалъ онъ земляковъ и былъ самъ узнаваемъ ими по трогательнымъ звукамъ тосканской рѣчи!

Близость къ муниципальному флорентинскому говору языка поэмы настолько ясно сознавалась самимъ Дантомъ, что по этой между прочимъ причинѣ онъ и назвалъ ее комедіей, а не трагедіей, на которую она скорѣе похожа по своему серьезному и возвышенному характеру. По теоріи Данта въ De vulgari eloquentia, трагическій стиль (vulgare illustre) цѣлой ступенью выше комическаго (vulgare mediocre), на которомъ написана Комедія. Вотъ почему въ языкѣ послѣдней мы встрѣчаемъ такія слова и

обороты, которые Дантъ самъ призналъ нелитературными въ означенномъ трактатѣ [1]).

Третьимъ элементомъ въ языкѣ Данта вообще, а Комедіи въ частности, наряду съ указанными историческими и діалектическими основами, былъ личный вкладъ великаго поэта. Въ горнилѣ его пламеннаго духа расплавились всѣ эти латинизмы, провансализмы, сициліанизмы, болонизмы, тосканизмы, и образовали въ соединеніи новый сплавъ, изъ котораго отлиты затѣмъ его упругія и звонкія терцины. Языкъ, на которомъ изображенъ съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ цѣлый космосъ физическихъ и психическихъ явленій, цѣлая энциклопедія знаній и вѣрованій средневѣкового человѣчества, — такой языкъ не могъ уже быть поставленъ на одну доску съ любымъ другимъ литературнымъ или устнымъ діалектомъ Италіи. Онъ долженъ былъ скоро и прочно занять между ними такое же гегемоническое положеніе, какъ въ древней Греціи языкъ Гомера, а потомъ Эсхила, въ Англіи же — языкъ Чосера и Шекспира. И дѣйствительно, если уже раньше діалектамъ сицилійской и ломбардо-венетской школъ трудно было соперничать со среднеиталійскимъ, получившимъ высокую обработку подъ перомъ трехъ Гвидоновъ: аретинскаго (Гвидо д'Ареццо), болонскаго (Гвидо Гвиничелли) и флорентинскаго (Гвидо Кавальканти), съ ихъ спутниками и учениками; то послѣ Данта il dolce stil nuovo занялъ такое положеніе, при которомъ и рѣчи уже быть не могло о подчиненіи этого „сладостнаго стиля“ какому либо иному итальянскому діалекту,—по крайней мѣрѣ въ поэтической литературѣ. Когда по смерти Данта выступилъ на литературное поприще другой славный тосканецъ, Петрарка, и когда онъ началъ воспѣвать свою авиньонскую Лауру въ пѣсняхъ знаменитаго Canzoniere, то въ головѣ его и вопроса уже не возникало о томъ, на какомъ діалектѣ онъ долженъ трубадурствовать. Онъ сталъ

---

[1]) Таковы напр. manicare вм. mangiare, mamma, babbo, nanna, gregia, Bice, Lapo и т. п. Böhmer 38, 39.

пѣть на томъ же dolcissimo stil nuovo, на которомъ пѣлъ Дантъ,—хотя Петраркина Лаура была, кажется, провансалка, а не италіанка, и хотя большую часть своихъ канцонъ и сонетовъ Петрарка писалъ не въ Италіи, а близъ Авиньона, въ знаменитой долинѣ Воклюзской (Vaucluse). На томъ же дантовскомъ языкѣ, хотя и нѣсколько видоизмѣненномъ въ прозаическомъ видѣ, писалъ свои повѣсти и новеллы Боккачіо,—тосканецъ по отцу, французъ по матери и неаполитанецъ по образованію.

Очевидно, къ половинѣ XIV в., когда появились Canzoniere Петрарки и Decamerone Боккачіо, не было ни въ верхней, ни въ нижней Италіи литературнаго діалекта, который могъ бы соперничать съ дантовскимъ, тосканскимъ.

Даже латинскій языкъ, казалось, уступаетъ ему свое традиціонное мѣсто и значеніе. Два лучшія историческія сочиненія XIV в., хроники Флоренціи, написанныя современникомъ Данта Дино Компаньи (Dino Compagni + 1324 года) и двумя Виллани (Giovanni Villani + 1348 г. и Matteo Villani + 1363 г. [1]), составлены уже не на латинскомъ языкѣ, а на тосканскомъ діалектѣ [2]). То же должно сказать о тогдашнихъ муниципальныхъ хроникахъ Пистойи, Сіены, Пизы, Лукки и н. др.

Но вскорѣ началась знаменитая реакція латыни противъ національныхъ языковъ западной Европы, извѣстная подъ названіемъ „возрожденія," которое ранѣе и сильнѣе всего обнаружилось въ Италіи и на сто почти лѣтъ задержало ростъ итальянскаго литературнаго языка. Замѣчательно, что однимъ изъ виновниковъ этого искусственнаго направленія былъ тотъ самый человѣкъ, который наряду съ Дантомъ и Боккачіо является третьимъ основоположникомъ итальянской литературы—Франческо Петрарка. Увлеченный своими находками изъ области античной, осо-

---

[1]) Ср. Gaspary, Gesch. d. It. P. I, 360 слл. Тутъ изложенъ и споръ о подлинности хроники Дино Компаньи.

[2]) Ibid. 370 сл.

бенно древнеримской литературы, своимъ глубокимъ знаніемъ цицероновской и виргильевской латыни и замѣчательнымъ искусствомъ въ самостоятельномъ ею пользованіи въ прозаической и стихотворной формѣ, Петрарка свысока смотрѣлъ на языкъ итальянскій и считалъ его умѣстнымъ лишь въ эротической лирикѣ, предназначенной для дамъ, которымъ извинительно и не знать ни схоластической, ни цицероновской латыни. Подъ старость онъ готовъ былъ уничтожить свой Canzoniere, всего менѣе связывая съ нимъ свое безсмертіе. Между тѣмъ вся его блестящая историческая, дидактическая, эпистоларная и эпическая латынь теперь давно забыта, а итальянскій „Пѣсенникъ“ прошелъ „вѣковъ завистливую даль“ и навсегда обезпечилъ Петраркѣ почетное мѣсто въ пантеонѣ міровыхъ поэтовъ!

И Боккачіо отдалъ дань латыни, на которой онъ читалъ во флорентинскомъ всеучилищѣ комментарій къ Божественной Комедіи и писалъ жизнь ея автора. Но въ собственно поэтической области онъ не прибѣгалъ къ ея посредству, а писалъ по-итальянски романы и новеллы, которыя создали его литературную славу.

Такимъ образомъ, въ пятидесятилѣтіе, раздѣляющее время смерти Данта съ одной стороны, а Петрарки и Боккачіо съ другой, освобожденіе итальянскаго языка отъ латинскаго не сдѣлало прочныхъ успѣховъ; наоборотъ, оно какъ будто начало ослабѣвать къ концу XIV вѣка, въ зависимости отъ успѣховъ возрожденной цицероніанской латыни. Это реакціонное теченіе еще болѣе усилилось въ 15-омъ в., въ самый разцвѣтъ и разгаръ гуманизма и классицизма—сначала латинскаго, а затѣмъ и греческаго, такъ что отъ первой половины этого вѣка столь же мало осталось памятниковъ литературы итальянской, какъ и французской, нѣмецкой, англійской.

Но со второй половины 15-аго вѣка на всемъ Западѣ начинается обратная реакція языковъ и литературъ національныхъ противъ латыни. Въ Италіи это прежде и сильнѣе всего проявляется въ Тосканѣ, особенно же во Фло-

ренціи, занявшей подъ умнымъ управленіемъ первыхъ Медичей, особенно Косимо и Лоренцо Великолѣпнаго, первое мѣсто въ Италіи, какъ средоточіе гуманизма, философіи, искусствъ. И вотъ тутъ то обнаружилось, чѣмъ былъ для Италіи Дантъ и его продолжатели—Петрарка въ лирикѣ, Боккачіо же въ эпической прозѣ. Установленный ими языкъ и стиль, какъ фениксъ изъ пепла, возродился во второй половинѣ XV в. и вновь вознесся надъ Тосканой и Марками, Венеціей и Эмиліей, Ломбардіей и Романьей, Неаполемъ и Сициліей [1]). Постепенно распространившись по всему полуострову, онъ получилъ значеніе общаго литературнаго языка не только въ поэтической, но и въ прозаической области.

Конечно, при этомъ переходѣ изъ родной діалектической среды въ чуждыя, нерѣдко очень удаленныя отъ нея области, тосканскій діалектъ долженъ былъ подвергнуться немалымъ измѣненіямъ, тѣмъ болѣе, что отъ язы-

---

[1]) На немъ пишутъ въ 15 и 16 вв. и флорентинцы: Лоренцо Великолѣпный, Пульчи, Полиціано, Маккіавели, Гвичардини, Леонардо Да-Винчи, Бенвенуто Челлини, Биббіена, Бенивіени, Берни, Аламанни, Дони, Фиренцуола, Нарди, Джаннотти, Варки, Сальвіати, Питти; и аретинцы: Піетро Аретино, Вазари; и сіенецъ Толомеи; и луккезъ Гвидиччіони; и скандіанецъ Боярдо; и урбинецъ Бальди; и перуджинцы: Бекути, Капорали; витербецъ Ручеллаи; римляне: Барромео, Викторія Колонна; венеціанцы: П. Бембо, Канале, Бернардо Тассо, Броккардо Каппело, Веніеро; падуанцы: Сперони, Стампа, Муціо; виченцезы: Триссино, Порто; веронецъ Фракасторо; фріулецъ Вальвазоне; феррарцы: Савонарола, Гварини, Тибалдео, Джиралди; болонцы: Болоньетти, Бентиволіо; моденцы: Кастельветро, Барбіери, Мольца; мирандолецъ Мирандола; реджіецъ Аріосто; кремонецъ Вида; мантуанцы: Кастиліоне, Фоленго, Капилупи; брешіянка Гамбара; комецъ Джуліо; миланцы: Бескапе, Рива, Банделло, Коріо; пьемонтецъ Ботеро; неаполитанцы: Саннацаро, Рота, Порта, Порціо; соррентецъ (отъ бергамскаго отца) Торквито Тассо; салернецъ Мазуччіо; беневентецъ Франко; венузецъ Тансилло; калабріецъ Галеаццо Ди-Тарсіа и др.

ка Данта, Петрарки, Боккачіо и другихъ „davantage„тречентистовъ" (писателей 1300-хъ годовъ) онъ былъ удаленъ разстояніемъ почти во сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ языкъ этотъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ возрожденной латыни. Выбившись изъ подъ ея оковъ, итальянскій языкъ средняго періода оказался сильно пропитаннымъ словами, фразами и синтактическимъ строемъ новоцицероновской рѣчи. Съ другой стороны, подъ перомъ писателей верхнеиталійскаго и нижнеиталійскаго происхожденія, между которыми были такіе корифеи, какъ Бембо и Саннацаро, а еще болѣе Аріостъ и Т. Тассъ, языкъ этотъ не могъ сохранить своего діалектическаго колорита. Онъ принялъ не мало инонарѣчныхъ примѣсей и сталъ до извѣстной степени языкомъ искусственнымъ и книжнымъ, тѣмъ болѣе, что въ устномъ употребленіи даже образованныхъ сословій онъ ни тогда, ни позже не успѣлъ вполнѣ вытѣснить прочихъ діалектовъ [1]). Отношеніе этого общаго итальянскаго языка 16-го вѣка къ діалекту, на которомъ писали Дантъ, Петрарка, Боккачіо, можно уподобить до нѣкоторой степени отношенію греческаго „общаго" (κοινή) къ аттическому діалекту, съ тѣмъ быть можетъ различіемъ, что на языкѣ общеитальянскомъ писали такіе первокласные поэты, какъ Аріостъ и Тассъ, тогда какъ литература александрійскаго періода не произвела ни одного великаго поэта, за изъятіемъ развѣ Өеокрита; но и послѣдній пользовался не столько „общимъ" языкомъ, сколько искусственно возстановленными дорическимъ и эолическимъ діалектами. Вслѣдствіе того языкъ общеитальянскій XVI в. значительно превосходитъ греческій александрійскаго періода въ свѣжести силъ, хотя быть можетъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи діалекту „тречентистовъ," особенно же Данта, Петрарки, Боккачіо. Но за то кний стоялъ выше общеитальянскаго языка 16-го вѣка по степени господства во всѣхъ родахъ и видахъ прозаической и поэтической литературы,

[1]) Ср. Diez, Gram. ² I, 77.

ибо послѣдній долженъ былъ раздѣлить въ этомъ отношеніи свою роль съ языкомъ латинскимъ въ церковной и научной, а отчасти и въ высшей художественной области. Въ литературѣ же низшей, особенно въ муниципальной и областной исторіографіи, въ комедіи, сатирѣ, пародіяхъ, съ успѣхомъ примѣнялись и въ 15 — 16 вв. различные мѣстные діалекты Италіи. Итальянскіе гуманисты: Поджіо, Бембо, Полиціано, Садолетъ, Сигоній, Скалигеръ-отецъ и многіе другіе превзошли самого Петрарку въ любви къ цицероновской латыни и въ искусствѣ писать на ней въ прозѣ и стихахъ. Что же касается діалектической итальянской литературы, то она не произвела, правда, ни одного вѣковѣчнаго произведенія, не выставила ни одного первокласснаго имени ни въ 15, ни въ 16 в.; тѣмъ не менѣе она довольно обширна по числу памятниковъ, особенно на діалектахъ венеціанскомъ, миланскомъ, туринскомъ, генуэзскомъ, неаполитанскомъ и сицилійскомъ [1]).

На венеціанскомъ діалектѣ развилась въ 16 в. очень замѣчательная историко-политическая литература, которой средоточіемъ и цвѣтомъ служатъ знаменитыя донесенія и отчеты дипломатическихъ и административныхъ сановниковъ республики, объ исполненіи отдѣльныхъ порученій или въ видѣ свода наблюденій въ мѣстахъ своего служенія. Общеизвѣстно историческое значеніе этихъ донесеній и отчетовъ; но и литературная ихъ важность такова, что ее можно сравнить развѣ съ венеціанской школой живописи, прославленной великими именами Тиціана и Тинторетто, Андрея Дель-Сарто и Джакопо Пальмы, Павла Веронеза и Кановы. Скуднѣе были вклады венеціанцевъ въ поэтическую литературу, особенно діалектическаго характера. Всего чаще примѣняли они свои говоры въ комической и сатирической литературѣ, въ балаганныхъ фарсахъ, травестиціяхъ [2]) и т. п.

---

[1]) Diez, Gram. [2] I, 87, отводитъ итальянской діалектической литературѣ первое мѣсто въ Европѣ.

[2]) Giudici II, 180 сл.

Въ послѣднемъ родѣ литературы употребляются въ XVI в. и другіе верхнеитальянскіе діалекты, особенно удинскій, феррарскій, болонскій, бергамскій, миланскій, туринскій, генуэзскій [1]). Въ Миланѣ даже основана была тогда особая смѣхотворная Academia della valle di Blenio, разрабатывавшая въ карнавальныхъ пѣсенкахъ жаргонъ миланскихъ носильщиковъ (lingua facchinesca), основанный на говорахъ бленскомъ (Blenio), босинскомъ (Bosin) и другихъ [2]).

Подобная академія учреждена была тогда же и въ Палермо, подъ названіемъ Academia degli accesi, изъ членовъ которой особенно прославился Антоніо Венеціано, писавшій не только на языкахъ латинскомъ, испанскомъ, общеитальянскомъ, но и по-сицилійски. Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ въ ту же эпоху въ Сициліи и другихъ діалектическихъ поэтовъ, каковы: В. Авріа, М. Бонинконтро, С. Баголина, Дж. Витали и н. др. [3]).

Даже въ средней Италіи не всѣ поэты держались нормъ общеитальянскаго языка. Нѣкоторые спускались къ мѣстнымъ просторѣчіямъ, напр. флорентинецъ Берни, сіенецъ А. Пикколомини [4]) и н. др.

Діалектическія стихіи проникали, наряду съ латинскимъ, и въ макароническую литературу XVI в., корифеемъ коей былъ мантуанецъ Фоленго [5]). Но все это ни мало не подрывало уже въ XVI в. общеитальянскаго литературнаго единства, а скорѣе укрѣпляло общій языкъ приливомъ свѣжихъ, ключевыхъ, такъ сказать, водъ чрезъ посредство діалектическихъ литературъ.

Даже въ печальный періодъ іезуитско-габсбургской

---

[1]) Ср. Biondelli, Saggio sui dialetti Gallo-italici 94, 95, 104, 295, 310, 580, 583.

[2]) Ibid. 96.

[3]) Wentrup, Beiträge zur Kenntniss des Sicilianischen Dialectes. Halle 1880 г. стр. 3.

[4]) Giudici II, 112, 179.

[5]) Settenbrini II, 74, 75.

реакціи, котораго середину составляетъ XVII-й в., а начало и конецъ захватываютъ чуть не по половинѣ XVI-аго и XVIII-аго вв., языкъ Аріоста и Тасса не потерялъ своего обобщающаго значенія, употребляясь во всѣхъ областяхъ Италіи [1]).

Со второй половины XVIII в. въ Италіи начинается національное возрожденіе, при чемъ общій языкъ опять является символомъ и органомъ народнаго объединенія, которое отсюда перешло въ область общественную, отразилось въ образованіи итальянскаго государства и при благопріятныхъ условіяхъ можетъ закончиться объединеніемъ нравственнымъ, духовнымъ. Преобладающее значеніе имѣли въ этотъ періодъ писатели изъ верхнеиталійскихъ областей [2]). Вслѣдствіе того общеитальянскій языкъ еще болѣе удалился отъ своего тосканскаго прототипа, пропитавшись

---

[1]) На немъ писали не одни тосканцы, какъ Франческо Браччіолини, Реди, Менцини, кое что Галилей, но и перуджинецъ Капорали, венеціанцы: Паоло Сарпи, Нани, Апостоло Зено, падуанецъ Конти, веронецъ Маттеи, феррарецъ Бентиволіо, моденецъ Тассони, кое что и Муратори, брешіанецъ Маццуккелли, пьемонтецъ Кіабрера, генуэзецъ Москарди, неаполитанцы: Дж. Марино, Амента, Роза, Вико, апульцы: Ванини, Джанноне, калабріецъ Гравина, а кое что Кампанелла и нолецъ Джордано Бруно.

[2]) Изъ общеитальянскихъ писателей этого новѣйшаго періода лишь очень немногіе были тосканскаго происхожденія: Джусти, Леопарди, Никколини, Гверрацци (Guerrazzi); нѣкоторые вышли изъ прочихъ среднеиталійскихъ областей, какъ напр. изъ Рима: Метастазіо и Монти. Но большинство новоитальянскихъ писателей были изъ сѣверныхъ областей полуострова, каковы: венеціанцы: Гоцци, Гольдони, Уго-Фосколо, далматинецъ Томазео, веронецъ Пиндемонте, моденецъ Джанноне, піачентецъ Джордани, брешіанецъ Скальвини, бергамецъ Тирабоски; миланцы: Беккаріа, Парини, Тости, Манцони; пьемонтцы: Альфіери, Массимо Д'Азеліо, Сильвіо Пеллико, генуэзецъ Серра и др. Изъ южной же Италіи: аббруццезъ Россетти; неаполитанцы: Коллетта, Троіа; апулецъ Пагано; сицилійцы: Грегоріо, Пальмери и др.

къ тому же въ 17—18 вв. обильными примѣсями сначала испанскаго, а потомъ французскаго языковъ, которые долго господствовали въ Италіи,—первый благодаря политическому преобладанію испанцевъ въ 16—17 вв. въ южной Италіи, Тосканѣ, Миланѣ, а второй въ силу литературной гегемоніи французовъ на западѣ въ вѣкъ Людовика XIV и Вольтера.

Правда, писатели возрожденія, особенно Альфіери, Гольдони, Леопарди, Фосколо, Джусти съ успѣхомъ ратовали противъ иноязычныхъ примѣсей; но все же имъ не удалось уже возстановить той свѣжести, цѣльности и самобытности, которыми запечатлѣнъ языкъ „тречентистовъ“ (14 вѣка) и — хотя въ гораздо меньшей степени—языкъ „чинквечентистовъ“ (16 в.), съ Аріостомъ и Маккіавели во главѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ къ тому препятствій было то обстоятоятельство, что многіе изъ итальянскихъ писателей, особенно въ верхней и нижней Италіи, въ общественной и семейной жизни говорили и говорятъ на мѣстныхъ діалектахъ, а нерѣдко и пишутъ на нихъ въ низшихъ родахъ литературы, прибѣгая къ языку общему лишь въ высшемъ стилѣ да въ сношеніяхъ оффиціальнаго и международнаго характера. Отсюда проистекаетъ нѣкоторая дѣланность и книжность новоитальянскаго общаго языка, роднящая его съ византійскимъ эллинизмомъ IV—V в. нашей эры. Сверхъ того литературный языкъ запружается изъ діалектовъ множествомъ синонимовъ, расширяющихъ, правда, лексическій и фразеологическій составъ языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняющихъ взаимное пониманіе. Усилія старой флорентинской Academia della Crusca задержать эту всѣми замѣчаемую и чувствуемую порчу языка, усиленіемъ его связей съ языкомъ „тречентистовъ“ и „чинквечентистовъ,“ не увѣнчались успѣхомъ, ибо носили слишкомъ педантическій и книжный характеръ. Словарь этой академіи имѣетъ въ настоящее время болѣе историческое, чѣмъ практическое значеніе, и не можетъ даже въ отдаленной степени сравниться со словаремъ академіи французской, ко-

торый былъ обязательною нормою для не одного уже поколѣнія французскихъ писателей.

Знаменитый ломбардскій поэтъ и мыслитель Александръ Манцони пытался было разрѣшить ту же задачу освѣженія и оживленія поблекшаго общеитальянскаго языка другимъ путемъ — замѣнивъ его новотосканскимъ или точнѣе новофлорентинскимъ образованнымъ говоромъ. Мысль эта была проведена имъ и практически, во второмъ, флорентинизованномъ по языку изданіи знаменитаго романа: I promessi sposi [1]), и теоретически, въ цѣломъ рядѣ статей, между которыми особенно важно написанное имъ въ 1868 г. „Донесеніе министру народнаго просвѣщенія о единствѣ языка и о средствахъ распространить его" [2]). Въ первомъ случаѣ онъ оказался и умѣреннѣе, и счастливѣе, чѣмъ во второмъ. При подправкѣ своего романа со стороны языка онъ не былъ слѣпымъ рабомъ тосканскаго и не отвергалъ значенія литературныхъ преданій Италіи. Флорентинское употребленіе онъ разсматривалъ какъ своего рода реактивъ для вытравленія омертвѣвшей уже части литературнаго языка, хотя быть можетъ изрѣдка капля этого реактива попадала и на доброкачественныя части язычнаго организма [3]). Гораздо дальше онъ пошелъ въ своихъ теоретическихъ трактатахъ. Отправляясь отъ положенія, что литературнымъ органомъ можетъ быть лишь настоящій языкъ, т. е. цѣльный и живой языкъ живого общества, а никакъ не обломки этого языка у писателей и не искусственный подборъ разнородныхъ стихій изъ нѣсколькихъ говоровъ, Манцони совѣтовалъ отказаться отъ традиціоннаго общеитальянскаго языка и замѣнить его серединнымъ, правильнымъ и живымъ говоромъ Флоренціи, т. е. повторить въ XIX в. подвигъ Данта, воз-

---

[1]) 1-е изд. 1825 г.; 2-е изд. 1840 г. Ср. D'Ovidio, Saggi critici 539.

[2]) A. Manzoni, Scritti varj sulla lingua italiana. Milano 1870, 43—61 стр.

[3]) Ср. D'Ovidio, Saggi 577, 600.

ведшаго-молъ въ общелитературный языкъ живой флорентинскій говоръ того времени. Въ доказательство этой мысли Манцони ссылается на прочіе литературные языки древней и новой Европы, основанные-де каждый на одномъ говорѣ, напр. греческій на аѳинскомъ, латинскій на римскомъ, испанскій на мадритскомъ, французскій на парижскомъ и т. д. [1]). Прочіе итальянскіе діалекты должны-де добровольно подчиниться своему серединному типу и добровольно итти навстрѣчу неизбѣжной въ концѣ-концовъ гибели [2]), такъ какъ ихъ богатства оказываются излишнимъ плеоназмомъ, вреднымъ балластомъ, отъ котораго слѣдуетъ наконецъ освободиться [3]). Лишь тогда-де исчезнутъ въ Италіи безплодные пятивѣковые споры объ итальянскомъ языкѣ и образуется живая основа для всѣхъ прочихъ видовъ народнаго единства [4]).

Поставленный въ такой рѣзкой формѣ вопросъ о сближеніи общеитальянскаго языка съ жизнію, объ освѣженіи стихій традиціонныхъ діалектическими, о замѣнѣ единства отвлеченнаго осязательнымъ, не могъ не вызвать возраженій какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. Лучше всего сведены они въ статьѣ Асколи, служившей введеніемъ къ предпринятому имъ въ 1873 г. изданію: Archivio glotologico italiano. Асколи представилъ сильныя возраженія противъ теоріи Манцони объ образованіи языковъ непосредственно изъ говоровъ; указалъ на слабость общественнаго значенія нынѣшней Флоренціи не только въ сравненіи съ Парижемъ во Франціи, но даже съ Римомъ въ новой Италіи; провелъ параллель между нею и Германіею, и на образцѣ послѣдней показалъ возможность достигнуть прочнаго и полнаго литературнаго единенія безъ матеріальнаго центра и исклю-

---

1) A. Manzoni, Scritti varj 8, 20, 21, 28, 29, 44, 45 сл., 47, 48, 51, 54, 60.

2) Ibid. 15.

3) Ibid. 30.

4) Ibid. 61.

чительнаго господства одного лишь говора, при соединенных усиліяхъ науки, литературы, школы, общества. Въ изобиліи однозначащихъ словъ въ итальянскомъ языкѣ Асколи не видитъ большой бѣды, такъ какъ они легко могутъ быть ограничены естественнымъ подборомъ подъ перомъ писателей и въ употребленіи образованнаго общества. Искусственная замѣна установленныхъ вѣками оборотовъ флорентинизмами была бы-де новой аффектаціей, еще хуже той, отъ которой Манцони желаетъ излѣчить итальянскихъ авторовъ. Да и станутъ ли зрѣлые писатели переучиваться языку изъ флорентинскихъ букварей и муниципальныхъ словарчиковъ! Единство литературное можетъ-де быть достигнуто болѣе простымъ и вѣрнымъ путемъ: единствомъ народной мысли, энергіей дѣятельности, подъемомъ образованія. Манцони вылѣчилъ-де нѣсколько итальянцевъ отъ застарѣлаго рака риторики; къ чему же его ученники вводятъ новую искусственность! Идолъ всегда останется идоломъ, нарядимъ ли мы его въ тогу классицизма или въ блузу простонародности [1]).

Основательность этихъ возраженій столь очевидна, что ее не могли отрицать Манцонисты.

Одинъ изъ нихъ, неаполитанскій профессоръ Д'Овидіо, прямо въ этомъ сознался и даже подкрѣпилъ доводы Асколи нѣкоторыми новыми соображеніями историческаго и діалектическаго характера. Крайне преувеличеннымъ призналъ онъ мнѣніе Манцонистовъ объ отсутствіи единства въ общеитальянскомъ языкѣ, такъ какъ разнообразіе терминологическое не нарушаетъ-де организма языка; ибо по лексическому составу языки похожи-де скорѣе на низшіе организмы, гдѣ отпаденіе части не нарушаетъ жизни цѣлаго. Сверхъ того и во Флоренціи не найдемъ-де полнаго терминологическаго единства во всѣхъ сословіяхъ, такъ что и возведеніе ея говора въ литературный не довело бы до такого единства. Манцонисты ссылаются на мнѣніе Платона, что языкъ не изучается, а всасывается съ моло-

---

[1]) Arch. gl. it. I т., IX—XXX стр.

комъ матери: но если это такъ, то могутъ ли 26 мил. итальянцевъ выкармливаться на молокѣ флорентиновъ! Если Флоренція имѣетъ притязаніе на возведеніе ея говора въ норму литературнаго, то почему отступила она отъ образцовъ своихъ великихъ писателей? Если самому Джусти, при всемъ его поэтическомъ талантѣ, не удалось упрочить въ языкѣ множества тосканизмовъ, которые онъ употреблялъ какъ послѣдователь Манцони, то можно ли ожидать иного и отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же направленіи? Не станетъ ли мѣшать тому и закоренѣлая зависть муниципій? При такихъ условіяхъ лучше-де равно избѣгать увлеченій и тречентизмомъ, и новофлорентинизмомъ [1]).

И послѣ появленія статей Асколи и Д'Овидіо споръ Манцонистовъ съ противниками продолжался еще нѣкоторое время [2]),—но болѣе въ силу косности, чѣмъ отъ приращенія силъ и доводовъ. Наоборотъ, въ послѣдніе 10—15 лѣтъ быстрое возвышеніе Рима, какъ политическаго и общественнаго средоточія Италіи, все болѣе отодвигаетъ на задній планъ Флоренцію, а вмѣстѣ и ея просторѣчіе. Нѣкоторые новѣйшіе писатели признаютъ послѣднее даже болѣе испорченнымъ, чѣмъ просторѣчія сіенское, пистойское, пизское [3]), или даже римское, умбрское, маркиджанское [4]). Конечно, это порча условная, состоящая въ удаленіи отъ нормъ языка общаго и не исключающая возможности самостоятельной литературной обработки; но въ этомъ чистомъ видѣ діалектъ новофлорентинскій или новотосканскій не былъ бы уже ни возстановленнымъ vulgare illustre тречентистовъ, ни его дальнѣйшею литературною замѣною, а только однимъ изъ органовъ новоитальянской діалектической литературы.

---

[1]) D'Ovidio, Lingua e dialetto 1873 г., въ Saggi critici 437—463.

[2]) См. Gelmetti, La lingua parlata di Firenze e la lingua letteraria d'Italia. 1874. I, II. Milano.

[3]) Gelmetti I, 328.

[4]) Fanfani, у Gelmetti I, 153.

Что касается послѣдней, то и она не прекратилась въ Италіи ни въ періодъ испанско-іезуитской реакціи, ни въ вѣкъ философско-политической революціи, ни въ эпоху національнаго освобожденія и объединенія.

Въ верхней Италіи первое мѣсто въ развитіи діалектической литературы принадлежитъ Милану. Отцомъ миланской діалектической школы считается Джованни Паоло Ломаццо. Въ XVII в. прославился на этомъ діалектѣ Карло Марна Мадджи, авторъ комедій и летучихъ стиховъ. Въ XVIII в. встрѣчаемъ цѣлую плеаду миланскихъ поэтовъ, въ родѣ серіозномъ, комическомъ и въ новеллѣ. Доменико Балестріери составилъ травестицію Тассова Освобожденнаго Іерусалима. Въ началѣ же XIX в. высоко подняли эту литературу Джузеппе Парини и Карло Порта, о которомъ діалектологъ Біонделли говоритъ, что въ немъ находимъ „сочетаніе патріотизма Альфіери съ комизмомъ Мольера, желчь Ювенала со сладостью Беранже“ [1]).

Менѣе значительна бергамская діалектическая литература. Въ 1630 г. на этотъ діалектъ переведены были Метаморфозы Овидія, въ 1670 г. Тассовъ Освобожденный Іерусалимъ; потомъ—Аріостовъ Неистовый Орландъ. Въ XIX же вѣкѣ тутъ получилъ нѣкоторую извѣстность Пьетро Рудджери Да-Стабелло [2]).

Изъ эмилійскихъ діалектовъ относительно богаче болонскій и притомъ городской,—быть можетъ благодаря тому, что въ старой Comedia dell arte по-болонски говорилъ обыкновенно докторъ-юрисконсульсъ [3]), тогда какъ остальныя лица говорили по-бергамски (два раба) и по-венеціански (купецъ [4]). Отцомъ болонской діалектической литературы считается Джуліо Чезаре Крочи. Изъ много-

---

[1]) Biondelli, Saggio sui dialetti gallo-italici. 1853 г., 96—100.

[2]) Ibid. 104, 106.

[3])) Ibid. 295 сл.

[4]) Giudici, Sl. d. l. I. II, 317.

численныхъ позднѣйшихъ писателей ни одинъ не достигъ особенной извѣстности [1]).

Пармская діалектическая литература богата альманахами [2]).

Изъ произведеній на нововенеціанскомъ діалектѣ особенно замѣчательны нѣкоторыя комедіи Гольдони, превосходящія, по мнѣнію критиковъ, его драматическія произведенія на общеитальянскомъ языкѣ, не свободномъ отъ варваризмовъ [3]).

Пьемонтская діалектическая литература представляетъ довольно много комедій, фарсовъ, сентенцій, канцонъ, на говорахъ туринскомъ и астиджанскомъ. Основателемъ новѣйшаго ея періода считается Сильвіо Бальбисъ Ди-Караліо, въ концѣ XVIII в.; за нимъ слѣдовали Ислеръ и особенно Эдоардо Кальво (+1804 г.), прозванный подальпійскимъ Эзопомъ. Съ 1831 г. средоточіемъ пьемонтской діалектической литературы служитъ альманахъ „Пьемонтскій Парнассъ“ [4]).

Въ средней Италіи діалектическая литература не получила столь широкаго развитія въ новѣйшую эпоху, хотя въ комедіи и фарсѣ мѣстные говоры, не исключая тосканскихъ, нашли нѣкоторое примѣненіе [5]).

Зато въ нижней Италіи и особенно въ Сициліи эта литература развилась въ новѣйшее время довольно богато и даже произвела одного первокласнаго поэта—Мели (+1815). Этотъ новосицилійскій Ѳеокритъ, написавшій въ народномъ вкусѣ и на мѣстномъ діалектѣ множество идиллическихъ, анакреонтическихъ, дидактическихъ и комическихъ произведеній, далеко оставилъ за собою старыхъ сицилійскихъ поэтовъ [6]). Его цѣнили и изучали не одни сици-

---

[1]) Biondelli 297 сл.

[2]) Ibid. 313.

[3]) Giudici II, 316.

[4]) Biondelli, Saggio 581—591.

[5]) Ibid. 94.

[6]) Рао, Эредіа, Валледжіо, Джудичи, Аверса, Гаетани, Монтанья, Ралло, Тріало, Пульизи, Катаніа, Доменико Темпіо и др.

лійцы, но и Альфіери, Чезаротти, Касти, Фосколо, Монти. Произведенія Мели переведены и на общій языкъ, но, по свидѣтельству итальянскихъ критиковъ, много при этомъ потеряли, такъ что Монти объявилъ даже ихъ непереводимыми [1]). Этимъ свойствомъ отличаются впрочемъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ діалектическія произведенія, ибо ихъ соль именно и заключаются въ яркости мѣстнаго колорита, въ непосредственности ассоціацій между звуками и чувствами, между словами и картинами мѣстной природы или жизни.

На неаполитанскомъ діалектѣ съ нѣкоторымъ успѣхомъ развивалась opera buffa, корифеемъ которой былъ Джамбатисто Лоренци, величаемый неаполитанскимъ Аристофаномъ и далеко оставившій за собою прежнихъ писателей того же рода [2]). И неаполитанская рѣчь Лоренца была гораздо ближе къ мѣстному говору, чѣтъ діалектъ его предшественниковъ, которые сильно примѣшивали тосканизмы [3]). Сверхъ оперы-буффъ, являющейся какъ бы потомкомъ древне-осскихъ мимико-драматическихъ представленій (oscum ludicrum), развилась на неаполитанскомъ діалектѣ и пародія, въ произведеніяхъ напр. Капассо въ XVIII в. Въ Калабріи же прославился Лоренцо Кардоне политическимъ памфлетомъ на бурбоновъ: Te Deum de' Calabresi, на мѣстномъ діалектѣ [4]).

Сравнивая между собою образцы діалектической итальянской литературы и произведенія народной словесности, мы замѣчаемъ, что разница рѣчи отдѣльныхъ областей Италіи въ первой и второй группахъ не равномѣрна, именно въ литературѣ діалектической она не столь велика, какъ въ народной словесности. Тосканецъ легче

---

[1]) Giudici II, 413; cp. Settenbrini III, 269, 278.

[2]) Каковы: Бернардо Саддумене, Франческо Тулліо, Фр. Олива, Пьетро Тринкера, Ант. Федерико, Ант. Паломба и др. Settenbrini III, 141.

[3]) Ibid. 141.

[4]) Ibid. 277.

пойметъ поэмы миланца Порты или палермца Мели, чѣмъ простонародныя пѣсни Ломбардіи и Сициліи [1]). Это объясняется объединяющимъ образованныя сословія вліяніемъ общаго языка, особенно въ терминологической области, чего не замѣтно въ произведеніяхъ народной словесности. Подобное явленіе мы замѣчаемъ и въ древней Греціи, при сравненіи рѣчи діалектическихъ поэтовъ съ одной стороны, а надписей съ другой. То же встрѣтимъ во всѣхъ остальныхъ діалектическихъ литературахъ, развивавшихся въ періодъ господства общаго языка и во взаимодѣйствіи съ нимъ. Этимъ объясняется и синхронизмъ подъемовъ литературъ общей и діалектическихъ, очень замѣтный въ Италіи XIV в., затѣмъ XVI и наконецъ XVIII—XIX вв. Очевидно, тутъ существуетъ непрерывный обмѣнъ силъ, освѣжающій языкъ общій приливомъ діалектовъ и питающій діалекты богатствами общей рѣчи. Такъ и въ природѣ мы видимъ аналогичную зависимость рѣкъ отъ ключей и ручьевъ, питаемыхъ въ свою очередь испареніями большихъ вмѣстилищъ воды, въ вѣчномъ круговоротѣ метеорологическихъ явленій.

Мы прослѣдили зарожденіе, послѣдовательныя метаморфозы и преемственность формъ общеитальянскаго языка; видѣли его ближайшія діалектическія отношенія къ тосканскому нарѣчію въ вѣка Данта, Медичей, Манцони, — при очень второстепенномъ участіи прочихъ нарѣчій какъ въ образованіи этого языка, такъ и въ высшихъ родахъ литературы.

Теперь намъ представляется вопросъ: какими внутренними и внѣшними причинами обусловлено было это гегемоническое положеніе тосканскаго діалекта въ Италіи, столь живо напоминающее роль іоно-аттическаго въ древней Греціи, а латинскаго въ древней Италіи? Зависѣло ли это отъ преимуществъ географическаго положенія Тосканы, ея племеннаго состава, діалектическаго типа, или отъ условій культурной жизни Италіи, въ областяхъ по-

---

[1]) Ср. Settenbrini III, 278.

литической, общественной, религіозной, научно-художественной?

Кажется, многія причины соединились здѣсь, какъ нѣкогда въ Аттикѣ, но преобладаніе принадлежало болѣе духовнымъ, чѣмъ матеріальнымъ дѣятелямъ.

По географическому положенію Тоскана имѣетъ то преимущество передъ прочими областями полуострова, что занимаетъ его середину. Прежде могъ съ ней соперничать въ этомъ отношеніи Лацій; но со времени включенія въ Италію долины По географическій центръ ея долженъ былъ нѣсколько передвинуться къ сѣверу, причемъ серединное значеніе р. Тибра постепенно перешло на р. Арно. Благодаря такому центральному положенію Тосканы и достаточному ея удаленію какъ отъ сѣверныхъ, такъ и отъ южныхъ окраинъ полуострова, она менѣе другихъ областей пострадала отъ наплыва варваровъ и въ бо́льшей чистотѣ сохранила свой латинскій племенной типъ и свою латинскую рѣчь, — конечно, въ обновленномъ, романскомъ видѣ. Такимъ образомъ нарѣчіе тосканское являлось какъ бы старшей дочерью латинскаго и вмѣстѣ связующимъ звеномъ между діалектическими противоположностями ломбардскаго сѣвера и сицилійскаго юга, корсо-сардинскаго запада и венето-апульскаго востока [1]). Флоренція, какъ средоточіе Тосканы, занимаетъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе еще болѣе выгодное, чѣмъ ея окраинные города: Пиза, Лукка, Сіена, Ареццо. Это и обусловило отчасти господство флорентинской грамматики и лексикона, со временъ Гвидо Кавальканти вплоть до нашихъ дней.

Въ политическомъ отношеніи Тоскана не стояла вообще выше Венеціи и Неаполя, даже Милана и Рима; но въ различныя эпохи она достигала нѣкотораго государственнаго значенія, сначала какъ средоточіе итальянскаго гвельфизма, потомъ же, при Медичахъ, какъ республика

---

[1]) Ср. D'Ovidio, Saggi 441.

[2]) Ibid. 535.

хотя и не особенно обширная, но богатая и довольно сильная своей относительной свободой и наемными полками кондотьеровъ.

Лишь съ половины XVI в., когда Флоренція становится подчиненной испанскому королю тиранніей, она постепенно низводится до рабской роли Неаполя и Сициліи, изъ которой мало-по-малу подымается вновь лишь со времени изгнанія испанцевъ, а позже и австрійцевъ.

Въ области общественно-экономической особенно прославились въ Тосканѣ Флоренція и Пиза, изъ коихъ первая служила въ XIII—XIV вв. какъ бы Амстердамомъ западной Европы, центромъ тогдашнихъ банкирскихъ оборотовъ; вторая же была нѣкоторое время сильной морской республикой, соперничавшей съ Генуей и Венеціей на водахъ западнаго и восточнаго бассейновъ Средиземнаго моря. Но съ половины XVI в. Тоскана постепенно отстаетъ и въ этомъ отношеніи отъ государствъ верхнеиталійскихъ, которыя менѣе пострадали отъ испанскаго гнета, благодаря особенно уму и дипломатическому искусству республики св. Марка.

Въ церковномъ отношеніи Тоскана не играла важной роли, которая осталась за Римомъ, за исключеніемъ времени Авиньонскаго плѣненія папъ. Во Флоренціи и въ Пизѣ происходили, правда, знаменитые соборы 15 в., но главными ихъ дѣятелями были не тосканцы, относившіеся вообще довольно холодно къ дѣламъ церковнымъ,—кромѣ случаевъ семейнаго родства папъ съ Медичами, въ началѣ XVI вѣка. Изъ Тосканы вышла въ XIV вѣкѣ Екатерина Сіенская; во Флоренціи дѣйствовалъ въ концѣ XV в. феррарецъ Савонарола: но не эти лица создали духовную гегемонію Тосканы въ Италіи. Она зародилась, окрѣпла и утвердилась на почвѣ научно-художественной. Дантъ, Петрарка и Боккачіо—вотъ три столба, на которыхъ опиралась эта гегемонія, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ на Эсхилѣ, Софоклѣ и Эврипидѣ. Діалектъ, на которомъ написаны были Divina Comedia, Canzoniere, Decamerone, не могъ уже стушеваться передъ другими въ глазахъ позд-

нѣйшаго эпика, лирика, новеллиста. Діалектъ этотъ былъ предметомъ всеобщаго удивленія, подражанія. Если съ измѣненіемъ вкуса времени приходили въ забвеніе возвышенныя терцины Ада, ихъ мѣсто занимали сладкозвучные сонеты и канцоны Петрарки, какъ это было въ 15 и 17-мъ вв. Когда падалъ интересъ и къ заоблачной Беатриче, и къ платоническимъ гимнамъ Лаурѣ, то на смѣну выдвигался ѣдкій, но веселый и безпечный реализмъ Боккачіо.

Во второй, средній періодъ итальянской литературы Тоскана произвела одного лишь геніальнаго писателя, да и то прозаика — Маккіавели. Ея поэты медичейской эпохи, напр. Лоренцо Великолѣпный, Полиціано, Пульчи, Берни, Пьетро Аретино и др. не могли уже сравниться ни съ Аріостомъ, ни съ Тассомъ. Тоскана имѣла и тогда великихъ людей, каковы: Леонардо Да-Винчи, Микель Анджело, а до нѣкоторой степени примыкающій къ нимъ по происхожденію умбріецъ Рафаэль Санціо; но они избрали не слово, а гранитъ, мраморъ, краски матеріаломъ для воплощенія своихъ возвышенныхъ идей. И несмотря на то ни Аріостъ, ни Тассъ, ни кто либо другой изъ крупныхъ писателей 15—16 вв., пользовавшихся сообразно съ родомъ своей поэзіи высокой рѣчью (magno sermone), ни мало не колебались въ выборѣ этого языка: они писали на тосканскомъ діалектѣ, конечно въ той его переработкѣ, которая начата тречентистами и закончена до извѣстной степени чинквечентистами (въ 1500-хъ годахъ). И въ позднѣйшее время Тоскана не возстановила уже своего первенства по литературной производительности и обилію талантовъ; тѣмъ не менѣе литературная гегемонія тосканскаго діалекта упорно держалась, опираясь на преданіяхъ, привычкахъ и силѣ косности. Въ ближайшее къ намъ время появилась даже теорія о вторичной переработкѣ общеитальянскаго языка на основѣ флорентинскаго говора, причемъ провозвѣстникомъ и борцомъ этой идеи былъ не кто либо изъ тосканцевъ, а чистокровный и типичный ломбардецъ—Манцони. Въ этомъ обстоятельствѣ мы можемъ видѣть указаніе на прочность пріобрѣтеннаго тос-

канскимъ діалектомъ преобладанія въ Италіи и ручательство въ сохраненіи его до отдаленнаго будущаго.

Разъяснивъ причины литературнаго объединенія итальянцевъ на почвѣ тосканскаго, а не какого-либо иного діалекта, мы остановимся еще нѣсколько на историческомъ значеніи этого факта и его культурныхъ слѣдствіяхъ.

Первымъ и самымъ важнымъ послѣдствіемъ образованія въ Италіи уже 13 — 14 в., наряду съ діалектами мѣстными, одного общеитальянскаго языка было высокое развитіе итальянской литератрры. Не будь такого языка, не было бы въ этой странѣ ни соединенной дѣятельности всѣхъ областей на одномъ полѣ, надъ одной высокой задачей, ни силы преданій, облегчающихъ движеніе потомковъ по торной дорогѣ, проложенной предками. Да и внутреннее единство идей, выражаемыхъ итальянскою литературою древняго, средняго и новаго періодовъ, могло зародиться и развиться лишь благодаря скрѣпамъ общаго языка. Не будь ихъ, умственная дѣятельность итальянцевъ, насколько она выражается въ словѣ, развивалась бы по расходящимся путямъ, въ направленіи то къ французской, то къ провансальской, то къ испанской, арабской, греческой литературѣ и жизни, не имѣя ни общаго средоточія, ни центральнаго органа. При такихъ условіяхъ Петрарка не дополнялъ бы Данта, а Боккачіо Петрарку; между Боярдо, Пульчи и Аріостомъ не было бы той внутренней связи, которая объединяетъ нынѣ ихъ эпическія созданія; Берни былъ бы тогда чуждъ Парини, Марино—Леопарди, а Тассъ—Альфіери и Манцони.

Такимъ образомъ, изъ цѣпи явленій міровой литературы было бы вынуто одно изъ самыхъ блестящихъ и крѣпкихъ звеньевъ. Могла ли бы при такихъ условіяхъ итальянская литература сыграть и ту высокую объединительную роль, которая выпала на ея долю въ странѣ, разрозненной географически, этнологически, политически и нравственно? Осуществились ли бы тогда патріотическія мечтанія объ Италіи единой и великой—Данта и Петрар-

ки, Коло Ди-Ріензи и Маккіавели, Кавура и Гарибальди! Лишь благодаря объединенію діалектовъ могъ итальянскій возвыситься до роли одного изъ большихъ міровыхъ языковъ. Онъ и донынѣ не утратилъ международнаго значенія, особенно въ области торговой на водахъ Леванта и въ созданной итальянцами оперной музыкѣ.

Подведемъ теперь итоги изложеннаго по вопросу объ образованіи общаго итальянскаго языка:

1) Итальянскія нарѣчія довольно далеко разошлись между собою, благодаря условіямъ ихъ зарожденія, иноплеменнымъ примѣсямъ и историческимъ вліяніямъ.

2) Система этихъ нарѣчій и разнорѣчій въ XIII в. не разнилась существенно отъ нынѣшней, сверхъ легкаго передвиженія всѣхъ этихъ нарѣчій съ сѣвера къ югу.

3) Продольное дѣленіе итальянскихъ нарѣчій, принятое Дантомъ, должно быть подчинено поперечному ихъ дѣленію на группы: верхнеиталійскую, среднеиталійскую и нижнеиталійскую.

4) На почвѣ этихъ нарѣчій, подъ вліяніемъ образцовъ латинскихъ, французскихъ и провансальскихъ, развилось въ XIII в. нѣсколько діалектическихъ литературъ, между которыми особенно важны: ломбардо-венетская, апульско-сицилійская и болонско-тосканская.

5) Въ средѣ послѣдней развился къ концу XIII в. „новый сладкій стиль,“ обработанный особенно тремя Гвидонами и Дантомъ.

6) Высшей обработки достигъ этотъ стиль въ Divina Comedia, Canzoniere и Decamerone.

7) Въ періодъ возрожденія древности языкъ тречентистовъ былъ сильно пропитанъ латинизмами, а впослѣдствіи и галлицизмами.

8) Ставъ въ XV—XVI вв. общимъ въ Италіи, языкъ Данта утратилъ свою прежнюю діалектическую колоритность и принялъ болѣе искусственный обликъ, напоминающій общегреческій александрійскаго періода.

9) Въ XIX в. была сдѣлана Манцони попытка перестроить традиціонный языкъ Италіи по новотосканскому

или флорентинскому говору, но она не увѣнчалась успѣхомъ.

10) Причины гегемонической роли тосканскаго діалекта лежатъ отчасти во внутреннихъ его преимуществахъ передъ другими, но еще болѣе въ значительности литературныхъ вкладовъ Тосканы и важности Флоренціи въ исторіи итальянскаго просвѣщенія.

12) Господство общаго итальянскаго языка было въ разное время то болѣе, то менѣе ограничиваемо—сверху сохраненіемъ латинскаго языка въ церковной, отчасти и въ высшей научно-литературной области, а снизу—примѣненіемъ мѣстныхъ діалектовъ, особенно въ простонародно и комической литературѣ.

12) Отношенія между этими тремя литературами и ихъ органами не были враждебны, а наоборотъ, представляли дружное сотрудничество на полѣ народной образованности.

13) Литературное объединеніе Италіи на почвѣ Дантова языка сопровождалось самыми благодѣтельными послѣдствіями въ области не только литературной, но и общественно-политической.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Образованіе общаго испанскаго языка.

Діалектическія отношенія Пиренейскаго полуострова обусловлены его этническими и историческими судьбами въ древніе и новые вѣка. Выше показано, какъ и когда латинизованы были туземные иберійцы и смѣшанные съ ними пришельцы кельтскаго происхожденія на сѣверозападѣ, а симитскаго и греческаго—на южныхъ и восточныхъ берегахъ Иберіи. Шестивѣковое господство въ ней республиканскаго и императорскаго Рима оставило столь глубокій слѣдъ въ племенныхъ отношеніяхъ полуострова, что его не могли потомъ стереть ни нашествіе германское, ни еще болѣе продолжительное господство сарацынское. Отъ древнихъ иберійцевъ на полуостровѣ осталось не болѣе полумиліона прямыхъ потомковъ, въ лицѣ басковъ, заселяющихъ западные отроги Пиренеевъ, отъ Наварры до Бискайскаго залива; но ихъ кровь струится и въ жилахъ многихъ испанцевъ. На сѣверной же сторонѣ горъ, въ древней Аквитаніи, она замѣтна въ типѣ гасконцевъ и нѣкоторыхъ другихъ южно-французскихъ народцевъ [1]). Captionслѣдъ галловъ или кельтовъ отражается, повидимому, въ областномъ названіи Галиціи [2]), да быть можетъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ португальской фонетики. Отъ финикіянъ, карѳагенянъ, грековъ классическаго

---

[1]) Ср. Gerland, y Gröber Grundriss I, 313, 329 сл.

[2]) Изъ Καλαϊκοί? Windisch, y Grōb. Grundr. I, 299 сл.

и византійскаго періодовъ не сохранилось ничего, кромѣ нѣсколькихъ памятниковъ зодчества, мѣстныхъ названій и немногихъ культурныхъ терминовъ. Между тѣмъ латинскій языкъ и теперь звучитъ здѣсь, конечно въ перерожденномъ видѣ, отъ Гибралтара до Пиренеевъ, а отъ острововъ Балеарскихъ до береговъ Океана, отчасти и за нимъ!

Въ періодъ великаго переселенія народовъ Иберія, какъ и Галлія съ Италіей, была наводнена германскими племенами, преимущественно вандалами, свевами и готами. Первые скоро оставили (въ 429 г.) полуостровъ, съ названной по ихъ имени Андалузіей, увлекаемые какимъ-то порывомъ еще далѣе, по ту сторону пролива, въ теплыя подгорья Атласа, гдѣ они погибли лѣтъ сто спустя. Но свевы и вестготы остались на полуостровѣ и организовались тутъ въ государства, изъ коихъ второе, вестготское, обнимало всю Иберію и просуществовало около двухъ съ половиною столѣтій, до злополучной битвы Гвадалетской или вѣрнѣе Трафалгарской, въ 711 г.

И однако всѣ эти германскія племена оставили мало слѣдовъ въ племенныхъ отношеніяхъ полуострова. Они были романизованы еще до сарацынскаго погрома и слились съ прежнимъ населеніемъ, отложивъ на его языкѣ лишь небольшое число словъ германскаго корня. Главную заслугу въ этомъ приписываютъ латинской церкви и іерархіи, охватившей германцевъ по паденіи въ ихъ средѣ аріанства (587 г.). Но подобная участь постигла потомъ и сарацынъ, даже испанскихъ евреевъ, благодаря самостоятельной живучести испанскаго языка и силѣ духа, завѣщаннаго міродержавнымъ Римомъ. Правда, и въ борьбѣ съ сарацынами принимала участіе латинская церковь, но болѣе въ то уже время, когда главныя силы ислама были сломлены, когда пала Гранада и гордые мавры превратились въ жалкихъ морисковъ, которые въ ущельяхъ Алпухарры искали спасенія отъ костровъ инквизиціи. Во всякомъ случаѣ, восьмивѣковая борьба иберійскихъ романцевъ съ сарацынами, перемежавшаяся періодами мирнаго

сожительства первыхъ съ послѣдними, особенно въ южныхъ и серединныхъ частяхъ полуострова, оставила болѣе глубокій слѣдъ въ племенномъ типѣ и въ языкѣ испано-португальцевъ [1]), чѣмъ предшествовавшій періодъ германскаго воздѣйствія.

Но одновременно съ давленіемъ сарацынъ съ юга надвигались на Пиренейскій полуостровъ съ сѣвера встрѣчныя волны французско-провансальскаго племени, устремляясь вдоль океанскихъ и средиземноморскихъ береговъ Иберіи. Благодаря этому двойному теченію, которое началось со временъ Карла Великаго и не закончилось даже въ періодъ наполеоновскихъ войнъ, сильно пропитаны французскимъ вліяніемъ сѣверозападныя области полуострова, провансальскимъ же—сѣверовосточныя. Это отражается и на діалектическихъ отношеніяхъ Иберіи серединной, кастильско-андалузской, къ Иберіи западной, галлего-португальской, и Иберіи восточной, каталано-валенсской.

Съ востока долго устремлялся на Пиренейскій полуостровъ токъ идей, учрежденій и словесныхъ формъ Италіи; но онъ совершался на той культурной высотѣ, до которой не досягаютъ обыкновенно головы простонародья, почему и не отразился замѣтно на діалектическихъ отношеніяхъ новой Иберіи.

Отношенія эти гораздо проще итальянскихъ, почему классификація языковъ, нарѣчій, говоровъ пиренейскихъ не представляетъ особенныхъ затрудненій, несмотря на слабую разработку новоиберійской діалектологіи, въ сравненіи съ итальянскою. Всѣ говоры Пиренейскаго полуострова распадаются въ настоящее время на два основныхъ класса:

---

[1]) Дози насчиталъ до 1100 арабскихъ словъ въ испанскомъ языкѣ. Gröb. Grundr. I, 692, ср. 400 стр. (10% словъ). По другимъ число ихъ не превышаетъ 500. Ticknor. Geschichte der schönen Litteratur in Spanien, deutsch von N. H. Julius. Leipzig, [2] 1867 г. III, 214. Слова эти—по большей части названія техническія, научныя и мѣстныя. Всего чаще они начинаются съ буквы А.

I. говоры басскаго языка (eskara, euskara), который признается остаткомъ древне-иберскаго и совершенно чуждъ всѣмъ прочимъ языкамъ новой Европы [1]);

II. говоры новолатинской системы, составляющіе одно изъ основныхъ звеньевъ въ цѣпи языковъ романскихъ.

Оставляя въ сторонѣ языкъ басскій, какъ вымирающій и не игравшій никакой самостоятельной роли въ общественной и научно-литературной жизни полуострова въ средніе и новые вѣка, мы остановимся подробнѣе на взаимныхъ отношеніяхъ многочисленныхъ говоровъ новолатинской системы, послужившихъ основою и средою для образованія одного изъ важнѣйшихъ міровыхъ языковъ — испанскаго.

Романскіе говоры Пиренейскаго полуострова распадаются на три основныхъ группы:

А. серединную или кастильскую [2]),

Б. западную или португальскую и

В. восточную или каталанскую [3]).

Первая группа (А.) обнимаетъ многочисленные говоры Астуріи, Наварры и Арагона, Леона и двухъ Кастилій, испанской Эстремадуры и Андалузіи, съ Мурціей и Гранадою. Сверхъ того она господствуетъ теперь въ большей или меньшей мѣрѣ въ испанскихъ колоніяхъ въ Африкѣ, Америкѣ и Австраліи, а именно: въ прибрежныхъ городахъ Марокко и Орана, на оо. Канарскихъ и Антильскихъ (особенно Кубѣ и Порторико), на полуостровѣ Флоридскомъ, въ Мексикѣ, Колумбіи, Перу, Боливіи, Чили, Аргентинѣ, Парагваѣ, Урагваѣ, да на оо. Гвинейскихъ, Филиппинскихъ, Маріанскихъ, Каролинскихъ. Сверхъ

---

¹) G. Gerland, y Gröb. Grundr. I, 313 сл.

²) Гарценбушъ (Hartzenbusch) называетъ ее кастильско-арагонскою—въ предисловіи къ соч. Mayans y Siscar, Origenes de la lengua Española ² 1873, XX.

³) Diez, Gram. d. Rom. Spr. ² I, 97; ср. Fuchs, Die Rom. Sprachen 62, 64; C. Michaelis, Studien zur romanischen Wortschöpfung 1876 г., 12.

того, испанскіе евреи въ Турціи сохранили кастильскую рѣчь [1]).

Вторая группа (Б.) слагается изъ говоровъ Галиціи и Португаліи, со включеніемъ обширныхъ нѣкогда колоніальныхъ владѣній послѣдней: оо. Асорскихъ, Мадейры, Зеленаго мыса, Анголы и Мозамбика, Бразиліи, Цейлона и нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ на западномъ берегу Восточной Индіи. [2]).

Третья наконецъ группа означенныхъ говоровъ (В.) обнимаетъ Каталонію, Валенсію до р. Сегуры, оо. Балеарскіе и Питіузскіе, область Руссильонъ въ южной Франціи и округъ Алгерскій на о. Сардиніи. Сверхъ того по-каталански смѣшанно съ кастильскимъ говорятъ на о. Кубѣ и въ Аргентинской республикѣ [3]).

Численность населеній, принадлежащихъ къ каждой изъ трехъ означенныхъ діалектическихъ группъ, не можетъ быть опредѣлена въ точности, особенно для колоніальныхъ владѣній. По приблизительному расчету можно принять въ настоящее время въ Иберіи съ прилегающими островами: отъ 11 до 12 милліоновъ душъ, говорящихъ на разнорѣчіяхъ первой, кастильской группы; до 6,6 милліоновъ—на разнорѣчіяхъ португальскихъ, и до 3,5 милліоновъ—на каталанскихъ [4]).

Переходя отъ этихъ общихъ діалектическихъ группъ къ дальнѣйшимъ ихъ развѣтвленіямъ, мы не встрѣтимъ уже такого единогласія между изслѣдователями: одни дѣлятъ ихъ на бо́льшее число нарѣчій и разнорѣчій, другіе на меньшее.

Для нашихъ цѣлей достаточно установить основныя нарѣчія и разнорѣчія, какими представляются:

I. въ группѣ А:

а) астурское, б) кастильское съ эстременьскимъ,

---

1) Fuchs, Rom. Spr. 71; G. Baist, y Gröb. Grundr. I, 689.

2) Fuchs, Rom. Spr. 64.

3) Ibid. 70; cp. Morel Fatio, y Gröb. Grundr. I, 669.

4) Gröb. Grundr. I, 422; cp. 689.

в) андалузское съ гренадскимъ и мурціанскимъ, г) леонское, д) наварро-арагонское и е) кубанское [1]);

II. въ группѣ Б:

а) галлегское (gallego), б) португальское, в) бразильское, г) цейлонское или индо-португальское [2]).

III. въ группѣ В:

а) каталанское, б) балеарское и в) валенсское [3]).

Вникая въ степень взаимной близости трехъ основныхъ группъ, съ ихъ внутренними развѣтвленіями, мы замѣчаемъ, что группы А и Б, которыя мы для краткости будемъ называть языками кастильскимъ и португальскимъ, стоятъ ближе между собою, чѣмъ къ группѣ В или языку каталанскому.

По многимъ внутреннимъ признакамъ первые два языка сливаются въ одну общую—испано-португальскую систему въ средѣ романской, подобно провансальскому и французскому въ Галліи [4]). Что же касается группы каталанской, то она рѣзко выдѣляется отъ прочихъ нарѣчій полуострова и скорѣе можетъ быть причислена къ системѣ провансальской, чѣмъ къ испано-португальской [5]).

---

[1]) Ср. Michaelis C., 111 стр.; Gröb. Grundr. I, 428, 690; Schuchardt, Zeitschrift für Rom. Phil. V, 302 сл. Ферстеръ же дѣлитъ кастильскій языкъ на разнорѣчія: ріохское, арагонское, эстременское, андалузско-мурціанское, южно- и среднеамериканское, выдѣляя еще особо нарѣчія: астурско-леонское и наваррское. Förster, Spanische Sprachlehre, Berlin 1880 г., 169 сл.; ср. Fuchs, Rom. Spr. 65, 70.

[2]) Gröber, Grundriss I, 428; ср. Fuchs, Die Romanischen Sprachen 61 сл.; Diez, Über die erste portugiesische Kunst- und Hof-Poesie 1863, стр. 105; T. Braga, Manual da historia da litteratura Portugueza. Porto 1875, стр. 8, 10, 351 сл.

[3]) Gröber Grundr. I, 428, 688; Förster, Spanische Sprachlehre 170; ср. Fuchs, Roman. Sprachen 70.

[4]) Близость эта подтверждается между прочимъ и существованіемъ текстовъ, равно правильныхъ при чтеніи по-кастильски и по-португальски, напр. одного сонета Monte Maiora († 1561 г.) и н. др. Ticknor II, 200.

[5]) Diez, Gram. d. R. Spr. [2] I, 101.

Но и взаимное разстояніе нарѣчій кастильскаго и португальскаго настолько значительно, что нѣкоторые считаютъ ихъ совершенно самостоятельными діалектическими единицами. Главное ихъ различіе заключается въ сильномъ упадкѣ португальскаго консонантизма, при относительно хорошей его сохранности въ кастильскомъ [1]).

Эта черта роднитъ португальскій съ французскимъ, который и другими особенностями сближается съ португальскимъ [2]). Даже въ лексиконѣ португальскомъ находятъ много специфически французскаго, при меньшемъ обиліи арабизмовъ, чѣмъ въ кастильскомъ [3]). Кое-что въ этихъ совпаденіяхъ можно объяснять живыми культурными связями Португаліи съ Франціей [4]); но многое коренится и въ общей галльской подпочвѣ обѣихъ народностей, которая менѣе замѣтна въ кастильской и совершенно чужда каталанской діалектической группѣ [5]). Взаимное же разстояніе двухъ послѣднихъ можно сравнить съ тѣмъ, которое отдѣляетъ нарѣчіе тосканское отъ франко-провансальскаго, или сицилійское отъ фріульскаго въ Италіи, т. е. каталанскій находится лишь въ общероманскомъ сродствѣ съ кастильскимъ и португальскимъ, но принадлежитъ не къ ихъ діалектической группѣ, а къ другой, именно—провансальской [6]).

---

[1]) По этой причинѣ уже Сисмонди называлъ португальскій „обезкостѣлымъ кастильскимъ“: du Castillan désossé. Sismonde de Sismondi, De la littérature du midi de l'Europe IV, 263.

[2]) Напр. носовыми гласными, силою ударенныхъ гласныхъ и слабостью неударенныхъ, превращеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ e—o въ ei, ou, согласныхъ же задненебныхъ въ передненебныя, образованіемъ инфинитива на ar, er, ir и т. п. Ср. Гарценбушъ, въ изд. Mayans y Siscar, Origens 344; J. Cornu, y Gröber Grundriss I, 719, 724, 744, 750 сл., 758, 765, 772, 796 сл.

[3]) Гарценбушъ, l. c. 344.

[4]) Ср. Diez, Gram. d. R. Spr. [2] I, 101; Braga, Manual 28.

[5]) Windisch, y Gröb. Grundr. I, 298 сл.

[6]) Лишь впослѣдствіи, подъ испанскимъ вліяніемъ, оста-

Что касается затѣмъ діалектическаго дробленія группъ кастильской, португальской и каталанской на нарѣчія и говоры, то оно не достигаетъ здѣсь той мозаичности и пестроты, какія мы видѣли въ Италіи. Особенно замѣчательны своей внутренней однородностью и плотностью разнорѣчія кастильской группы [1]). Ихъ можно уподобить въ этомъ отношеніи разнорѣчіямъ средней Италіи, т. е. выставить пропорцію: астурское: кастильскому: андалузскому=римское: тосканскому: умбро-маркскому.

Разнорѣчія леонское, мурціанское, арагонское также близки къ кастильскому, за исключеніемъ однако крайнихъ пограничныхъ своихъ побѣговъ, коими первое сближается съ разнорѣчіями галлегскимъ и миньотскимъ, второе—съ валенскимъ, третье—съ каталанскимъ. Общимъ же средоточіемъ и скрѣпою всѣхъ говоровъ группы А служитъ разнорѣчіе кастильское, легшее въ основу общаго испанскаго языка, нерѣдко называемаго по этой причинѣ уже съ XV в. языкомъ кастильскимъ.

Довольно близки между собою и разнорѣчія португальскія [2]), особенно галлегское съ миньотскимъ. Нѣсколько дальше отстоитъ отъ нихъ раснорѣчіе бейрское, самое серединное въ этой группѣ, и еще дальше—разнорѣчіе алгарвское, сильнѣе другихъ пропитанное арабизмами [3]).

Въ группѣ наконецъ сѣверовосточной рѣзче выступаетъ различіе между разнорѣчіями каталанскимъ и валенскимъ, изъ коихъ первое является непосредственнымъ продолженіемъ лангедокскаго разнорѣчія во Франціи [4]), а второе—крайнимъ южнымъ побѣгомъ провансальской си-

---

вили каталонцы и свою характерную частицу hoch (oc), замѣнивъ ее кастильскимъ si. Diez, Gram. [2] I, 111, 115.

[1]) Ср. Schuchardt, въ Z. für Rom. Phil. V, 302 сл.

[2]) Ср. Fuchs, Rom. Spr. 61.

[3]) Ср. Braga, Historia da litteratura Portugueza: Introducção. 1870. 124.

[4]) Главное отличіе: u вм. ü, напр. pur вм. pür, лат. purus. Gröb. Grundr. I, 674.

стемы говоровъ, съ сильной примѣсью кастильянизмовъ [1]). Что касается балеарскаго разнорѣчія, называемаго также маіоркскимъ или пальмскимъ, по главному острову и городу, то оно примыкаетъ ближе къ каталанскому [2]).

Легкая каталанская окраска замѣтна и на смежныхъ говорахъ кастильской системы, особенно восточно-арагонскихъ и восточно-мурціанскихъ. Но вообще діалектическая грань между говорами группъ Б и В проведена довольно строго, что указываетъ на относительную самостоятельность обѣихъ [3]).

Такова картина діалектическихъ отношеній Иберіи въ настоящее время. Такою была она приблизительно и въ XVIII в., а даже въ XVI в., если судить о томъ по свидѣтельству испанскаго филолога прошлаго вѣка Сарміенто (Sarmiento [4]) и анонимнаго автора Dialogo de las lenguas (до 1536 г.), приписываемаго новѣйшими испанистами Хуану Валдесу (Juan Valdes † около 1540 г. [5]). Въ діалогѣ этомъ явственно намѣчена тройственность діалектическихъ группъ полуострова: кастильской, португальской и каталанской; обозначена особенная близость между первыми [6]); указана древняя принадлежность каталанской группы къ окцитанской семьѣ нарѣчій [7]), и довольно правильно опредѣлена область распространенія каждой изъ этихъ группъ, а именно: 1) кастильской въ Астуріи, Кастиліи, Наваррѣ, Арагонѣ, Андалузіи и Мурціи; 2) португальской въ Португаліи (Галицію авторъ ошибочно при-

---

[1]) Fuchs, Rom. Spr. 70.

[2]) Ibid. 70.

[3]) Gröb. Grundr. I, 670, 690.

[4]) Fuchs, Rom. Spr. 65.

[5]) Hartzenbusch, въ Origens de la lengua Españõla por D. Gr. Mayans y Siscar. [2] 1873, стр. 2; ср. Gröb. Grundr. I, 30 сл.

[6]) La portugueza tiene más del castellana que ninguna de las otras (lenguas). Mayans, 27.

[7]) La lengua catalana diz que era antiquamente lemosina, que es ahora lenguadoch. Ib. 27.

числялъ къ кастильской группѣ), и 3) каталанской въ Каталоніи и Валенсіи [1]).

Но если въ началѣ XVI в. нынѣшняя группировка новороманскихъ говоровъ Пиренейскаго полуострова настолько уже установилась, что и донынѣ не измѣнилась существенно, то нужно предполагать для нея нѣсколько-вѣковой періодъ постепенной кристаллизаціи по данному типу. Это предположеніе подтверждается положительными письменными памятниками какъ дипломатическаго, такъ и литературнаго характера. Они доказываютъ, что отмѣченная тройственность діалектическихъ группъ существовала уже въ XIII в., зародилась же по всей вѣроятности еще двумя-тремя вѣками раньше [2]).

Зарожденіе это мы представляемъ себѣ въ связи съ этническими передвиженіями, которыя вызваны были сарацынскимъ нашествіемъ съ юга, а потомъ—обратнымъ напоромъ съ сѣвера, изъ Галиціи, Астуріи, Наварры, испанской Марки, при помощи то крестоносныхъ рыцарей, то мирныхъ колонистовъ французско-провансальскихъ.

Отнятіе христіанами отъ сарацынъ кастильскаго Толедо въ 1085 г., португальскаго Сантарема въ 1093 г. и арагонской Сарагоссы въ 1118 г. обозначаетъ поворотную черту въ исторіи этихъ передвиженій въ средней, западной и восточной полосахъ полуострова. До этой эпохи преобладало теченіе южное, съ нея—сѣверное. Сарацыны успѣли было распространить на три четверти полуострова господство не только кордовскихъ халифовъ, но и арабскаго языка, усвоеннаго и порабощенными христіанами, вмѣстѣ съ именемъ мозарабовъ [3]). Уже въ по-

---

[1]) Mayans, 27—29.

[2]) Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что первоначальной подпочвой этой тройственности могло быть этнологическое дѣленіе доримской Иберіи на 3 части: 1) иберскую на востокѣ, 2) кельтиберскую въ серединѣ и 3) кельтскую на западѣ. Ср. Windisch, у Gröb. Grundr. I, 298—300.

[3]) Изъ арабскаго mostarab = арабизованный? Seybold, у Gröb. Grundr. I, 400.

ловинѣ IX в. Алваръ Кордовскій писалъ, что христіане его времени до того забыли латинскій (т. е. романскій) языкъ, что изъ тысячи человѣкъ едва одинъ въ состояніи былъ написать на немъ письмо, тогда какъ въ арабскомъ они соперничали съ маврами, даже въ области стихотворной [1]). Епископъ Іоаннъ Севильскій вынужденъ былъ этимъ обстоятельствомъ перевести на арабскій языкъ Св. Писаніе. Даже метрическія книги христіанъ мозарабскихъ велись на арабскомъ языкѣ, который и по изгнаніи мавровъ изъ средней Испаніи еще долго оставался въ устахъ населенія. Это видно и изъ арабскихъ монетъ христіанскихъ государей, напр. Альфонса VI и VIII въ 12-омъ и началѣ 13-го в. [2]). По этой же причинѣ Альфонсъ Мудрый въ 1256 г. учредилъ въ Севильѣ не только латинскія (романскія), но и арабскія школы. Еще въ 14-омъ в. грамоты и дѣлопроизводство въ этой части Испаніи нерѣдко совершались по-арабски. Вообще языкъ этотъ былъ довольно распространенъ въ средней и южной Иберіи вплоть до 1492 г.; въ горахъ же Андалузіи и Гренады онъ держался и въ 16-мъ в. [3]). Но все же съ начала 12-аго в., когда испанскіе мозарабы были запутаны въ политическія междоусобія и во множествѣ выселены въ Африку, ихъ мѣсто постепенно заняли романскія племена сѣверной Иберіи, двигавшіяся на югъ тремя колоннами: восточною, серединною и западною, или—каталанскою, кастильскою и португальскою [4]). Вершину первой изъ означенныхъ колоннъ составляла старая испанская Марка, образовавшая непосредственное продолженіе Лангедока; вершину второй — ущелья Арагонскихъ и Наваррскихъ Пиренеевъ, съ ихъ продолженіемъ въ Бискайѣ и Астуріи; вершину третьей—

---

[1]) Ticknor II, 449.

[2]) Ibid. II, 449 сл.

[3]) Ibid. II, 450. Ср. Braga, Epopeas da raça mosarabe. Porto 1871 г., 112.

[4]) Это отмѣчено уже S. de Sismondi, De la littérature du midi de l'Europe III, 108 сл.

изрѣзанныя Океаномъ скалы Галиціи. Ширина средней колонны вдвое или втрое превосходила ширину обѣихъ окраинныхъ, которыя уступали первой и въ длинѣ, особенно восточная, не превышавшая 5^0 по меридіану, при 7^0 западной колонны и $7^1/_2{}^0$ серединной. Уже изъ этого видно, что колонна кастильская изображала въ этомъ поступательномъ движеніи романизма на югъ полуострова боевой, такъ сказать, центръ его, тогда какъ двѣ остальныя колонны соотвѣтствовали правому и лѣвому флангамъ.

При этомъ движеніи наименѣе значительны были завоеванія каталанскаго языка, который не успѣлъ утвердиться даже въ приморской Мурсіи [1]), составляющей географическое продолженіе Каталоніи и Валенсіи. Но за то онъ захватилъ въ своемъ движеніи Балеары и Питіузы и оставилъ нѣкоторый слѣдъ на о. Сардиніи [2]), безплодно истративъ много силъ въ Сициліи, Неаполѣ, даже Греціи, въ воинственныхъ похожденіяхъ знаменитой каталанской компаніи.

Производительнѣе и долговѣчнѣе была колонизаціонная работа горцевъ и моряковъ галлегскаго (gallego) происхожденія и типа. Двигаясь на югъ и сухимъ, и воднымъ путемъ, они постепенно заняли область нижнихъ Миньо и Дуэро, систему р. Мондего, провинціи Алемтехо и Алгарве, вплоть до нижней Гвадіаны. Асорскіе острова являются какъ бы мостомъ для перехода португальскаго языка съ одной стороны въ западно-африканскія, съ другой же—въ южно-американскія его колоніи.

Но еще разительнѣе успѣхи колонизаціи собственно испанской. Исходною ея точкою были горы Астуріи, разнорѣчіе которой служитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ прароди-

---

[1]) Въ 13-мъ в. тамъ говорили по-каталански, но позже подчинились кастильскому языку. Ср. Morel Fatio, у Gröb. Grundr. I, 670.

[2]) Въ половинѣ 16-го в. знать и горожане говорили на этомъ островѣ по-каталански, но простонародье — на своемъ древнемъ нарѣчіи. Ibid. I, 670.

телемъ кастильскаго, а черезъ него—эстременскаго и андалузскаго разнорѣчій [1]). Болѣе второстепенную роль игралъ при этомъ арагонскій діалектическій центръ, парализованный въ своемъ распространеніи раннимъ преобладаніемъ каталанскаго не только на нижнемъ, но и на среднемъ Эбро. То же должно сказать о разнорѣчіи леонскомъ, которое не въ состояніи было отстоять своей собственной области отъ напора кастильскаго разнорѣчія. Послѣднее заняло такимъ образомъ господствующее положеніе на всемъ полуостровѣ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ тосканское въ Италіи, и постепенно распространило свою діалектическую область отъ Бискайскаго залива до Гибралтара. Съ какой быстротой совершался съ XII — XIII в. разливъ романскихъ разнорѣчій Иберіи въ арабизованныя ея части, это показываетъ совершившаяся къ 15—16 вв. романизація по языку даже евреевъ и мавровъ испанопортугальскихъ. Первые принимали уже съ 14-го вѣка довольно дѣятельное участіе въ кастильской и португальской литературахъ. Даже по изгнаніи изъ Иберіи они принуждены были еще въ 1547 г. напечатать для себя въ Константинополѣ пятикнижіе, а позже и другія священныя книги —въ испанскомъ переводѣ, которымъ до сихъ поръ пользуются испанскіе евреи въ Турціи [2]). Что же касается мавровъ, то и они въ концѣ концовъ превратились въ ladinos по языку [3]). Уже въ XVI в. они писали нерѣдко по-кастильски, хотя арабскими буквами [4]). Когда же въ 1609 г. мориски изгнаны были изъ Испаніи, тунисскій бей принужденъ былъ допустить у нихъ преподаваніе ислама на кастильскомъ языкѣ [5]).

Такимъ образомъ не только въ XV и XVI вв., но

---

[1]) Ticknor II, 454, 461; ср. Julius тамъ же I, 38.

[2]) Ticknor III, 8, 12.

[3]) Ср. Mayans y Siscar 437.

[4]) Ср. Wolf F., Studien zur Geschichte der Spanischen und Portugiesischen National-Literatur 1859 г., 523 стр.

[5]) Ticknor II, 318.

и въ болѣе раннюю пору мы можемъ предполагать въ Иберіи въ общихъ чертахъ ту же сѣть новороманскихъ нарѣчій и разнорѣчій, которая обрисована выше, съ нѣкоторою лишь урѣзкою на югѣ и незначительными передвиженіями на западѣ и востокѣ.

Когда же и при какихъ условіяхъ началась литературная обработка этихъ нарѣчій и какъ совершилось превращеніе одного изъ нихъ въ общій языкъ испанскаго государства, народа и литературы?

Древнѣйшіе документальные памятники романскихъ нарѣчій Иберіи восходятъ къ XII вѣку, а именно: на астурскомъ къ 1155 г., на каталанскомъ къ 1171, на кастильскомъ къ 1173 и на португальскомъ къ 1192 году [1]). Но собственно-литературные памятники съ большею или меньшею непрерывностію начинаются съ XIII вѣка, при чемъ развитіе литературы каталанской и португальской до XIII—XV вв. живо напоминаетъ верхнеитальйскую и сицилійскую школы того же времени, тогда какъ кастильская представляетъ болѣе аналогій съ тосканскою.

Въ самомъ дѣлѣ, двѣ первыя развивались подъ сильнымъ воздѣйствіемъ иностранныхъ литературъ, кастильская же опиралась на болѣе широкомъ и глубокомъ національномъ основаніи.

Каталанская литература XIII—XV вв. до того тѣсно примыкаетъ къ провансальской, что составляетъ какъ бы южный ея побѣгъ и органическое дополненіе. Главнымъ средоточіемъ этой литературы былъ г. Барселона, столица славнаго рода графовъ барселонскихъ, которые лѣтъ 300 господствовали на обоихъ склонахъ восточныхъ Пиренеевъ, въ областяхъ южной Франціи и сѣверовосточной Испаніи. Въ 1131 г. они приженили себѣ королевство арагонское и затѣмъ распространили власть своего дома на Валенсію, Балеары, Сардинію, Сицилію (1282 г.), даже Неаполь (1441 г.) Государи этого даровитаго рода, особенно Альфонсъ II († 1196 г.), Петръ II († 1213 г.), Яковъ I Завое-

[1]) Gröber, Grundr. I, 433 сл.; Ticknor I, 9, 37.

ватель († 1276 г.), Петръ III († 1285 г.) и другіе, были любителями поэзіи трубадуровъ, покровительствовали имъ, отчасти и сами трубадурствовали. Благодаря тому Барселона, послѣ разгрома южной Франціи въ альбигойскую войну, стала въ 13—14 вв. однимъ изъ главныхъ очаговъ провансальской поэзіи [1]). Языкъ послѣдней, именуемый въ тѣ вѣка лимозинскимъ, отъ города Лиможа во Франціи, сталъ какъ бы родною рѣчью образованнаго каталанскаго общества. Конечно, выходившіе изъ его среды писатели не могли отрѣшиться отъ привычекъ своего просторѣчія, хотя и близкаго къ провансальскому, но все же не тожественнаго съ нимъ. Такимъ образомъ лимозинскій языкъ въ Каталоніи, Валенсіи, Арагонѣ, Балеарахъ былъ до нѣкоторой степени языкомъ смѣшаннымъ [2]), какъ франко-итальянскій въ Ломбардіи и Венеціи того же времени. Въ болѣе чистомъ видѣ каталанскій и валенсскій діалекты выступаютъ на литературное поприще лишь съ 14 вѣка [3]). Съ 1390 г. въ Барселонѣ праздновались ежегодно цвѣточныя игры (jeux fleuraux), на которыхъ состязались въ пѣсняхъ, составленныхъ по правиламъ „веселаго искусства" (gay saber [4]). Но это были уже тепличные цвѣты, или лучше фонари, зажженные по закатѣ солнца, когда поэзія превратилась въ потѣху и joculator замѣнилъ трубадура. Для каталанскихъ пѣсенныхъ турнировъ составлено было въ 1433 году маркизомъ Де-Вильена особое руководство: El arte de trobar или del gay saber [5]). Отъ половины XV в. сохранился въ Парижской національной библіотекѣ сборникъ произведеній этой школы, подъ

---

[1]) Ср. Camboulin, Essai sur l'histoire de la littérature Catalane. Paris 1858 г., 85 слѣд.; Bartsch K., Grundriss zur Geschichte der provinzialischen Literatur. 1872. 43 стр.; Diez Fr., Leben und Werke der Trubadurs. 1829. 97, 593 стр.

[2]) Camboulin, Essai 56 слѣд. P. Meyer, въ Romania VII, 53.

[3]) Ticknor I, 249, 252, 260, 261, 263.

[4]) Ibid. I, 264.

[5]) Ibid. I, 264.

заглавіемъ: Cançoner d'obres enamorades, состоящій изъ 300 стихотвореній до 30-ти авторовъ. Самымъ знаменитымъ между ними былъ валенсіецъ Авсіасъ Маркъ (March † 1462), этотъ „князь каталанскихъ лириковъ" [1]), извѣстный и въ кастильскомъ (1539 года), и въ латинскомъ (XVII в.) переводахъ. Къ корифеямъ валенсской поэтической школы причисляются еще: Ройгъ (Roig † 1478 г.), Эскрива (Escriva, ок. 1497 г.), Газуллъ (Gazull), Фенолларъ, Ферреръ, Рокаберти [2]) и др. Въ ихъ время переведены были на каталанскій діалектъ „Божественная Комедія" Андреемъ Феврeромъ въ 1428 г. и Библія—сначала въ XIII в., а потомъ въ XV в. Бонифаціемъ Ферреромъ (въ 1473 г. [3]).

Гораздо самобытнѣе и обширнѣе была каталанская прозаическая литература, особенно исторіографія. Начало ея положено было Яковомъ I, въ хроникѣ событій его времени, около 1240 — 1250 гг. Изъ продолжателей же особенно прославились Бернардъ Десклотъ (Desclot), Рамонъ Мунтамеръ (1325—1328) и Петръ IV [4]). Изъ писателей дидактическихъ довольно извѣстны были въ свое время схоластикъ Рамонъ Луллъ (Lullus † 1315) и богословъ Хименесъ въ XV вѣкѣ [5]).

Въ юридической области каталанскій діалектъ успѣшно развивался со временъ Якова I, какъ государственный языкъ не только Каталоніи и Валенсіи, но и всего Арагонскаго королевства, не исключая его нижнеиталійскихъ областей. Въ началѣ XIV вѣка онъ господствовалъ и въ Греціи, во владѣніяхъ каталанской компаніи [6]).

Такимъ образомъ каталанскій діалектъ къ XV в. до-

---

[1]) Principe de los poetas lemosinos. Mayans 339.

[2]) Ticknor I, 270, 274; Camboulin, Essai 71 сл.

[3]) Ticknor I, 268, 278; ср. Camboulin, Essai 32, 38, 61.

[4]) Camboulin, Essai 15, 23 сл., 27; ср. Ticknor I, 254, 258.

[5]) Camboulin, Essai 33 сл., 39 сл.; ср. Gröber, Grundr. I, 433.

[6]) Morel Fatio, у Gröb. Grundr. I, 670.

стигъ значительнаго развитія и процвѣтанія. Но со второй его половины начинается быстрый упадокъ этого діалекта въ литературной и государственной областяхъ, благодаря тѣмъ событіямъ, которыя создали величіе Кастиліи, какъ средоточія міровой испанской державы.

Одновременно съ раннимъ разцвѣтомъ каталанской литературы на сѣверовостокѣ полуострова и подъ тѣми же французско-провансальскими вліяніями совершилось на крайнемъ сѣверозападѣ Иберіи зарожденіе литературы галлегской, а нѣсколько позже и южнаго ея отпрыска—португальской. Объ обстоятельствахъ этого зарожденія мало извѣстно. Мы можемъ предполагать тутъ вліяніе и природы, и исторіи: близость Океана связывала эти лузитанскіе берега съ Франціей и Англіей; священный городъ паломниковъ—Санъ-Яго Де-Компостелла издавна привлекалъ къ себѣ пилигримовъ со всѣхъ частей католической Европы [1]). Но едва ли не главнымъ дѣятелемъ было при этомъ появленіе и утвержденіе въ XI и XII вв. на рѣкѣ Миньо особой династіи бургундскаго происхожденія, окруженной французскими рыцарями, труверами и трубадурами, которые и были, кажется, прародителями лузитанской поэтической школы [2]). Она зародилась, вѣроятно, еще въ XII вѣкѣ, ибо къ половинѣ XIII-го относится уже полный цвѣтъ галлегской поэзіи, распространившейся тогда и въ Кастилію. Памятникомъ ея служатъ сохранившіяся галлегскія пѣсни (cantegas) кастильскаго короля Альфонса X Мудраго. Не ясны причины, побудившія послѣдняго писать лирическія пѣсни не по-кастильски, а по-галлегски [3]). Во всякомъ случаѣ, это указываетъ на знакомство съ послѣднимъ и за предѣлами Галиціи. То же подтверждается свидѣтельствомъ извѣстнаго маркиза Де-Сантильяна (XV в.): „немного времени, говоритъ онъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ поэты кастильскіе, андалуз-

---

[1]) Diez, Die erste Portugiesische K. und H. Poesie. 6.
[2]) Ibid. 8, 10, 73.
[3]) Ticknor I, 82; Wolf, Studien 701.

скіе, эстременскіе писали всѣ свои произведенія (не лирическія ли только?) на галлегскомъ или португальскомъ языкѣ“ [1]). Эта мода держалась въ Кастиліи до XV в., какъ это видно изъ галлегскихъ пѣсенъ въ испанскихъ пѣсенникахъ того времени. Такія пѣсни писали напримѣръ: Вилласандино, Матвѣй Влюбленный (Matcias Enamorado), архипресвитеръ Де-Торо, Перо Гонзалезъ Де-Мендоза, Іерена, маркизъ Де-Сантильяна [2]) и др. Но съ перенесеніемъ политическаго центра Лузитаніи къ югу, на берега Миньо, Дуэро, потомъ Мандего и наконецъ Тахо, галлегскій діалектъ все болѣе забывался и уступалъ свою роль разнорѣчіямъ португальскимъ — сначала миньотскому, а затѣмъ бейрскому. Такой переходъ замѣтенъ уже въ пѣсенникахъ Домъ Диница въ концѣ XIII в. (Cancioneiro da Vaticana) и Альфонса V, Іоанна II, Мануила въ XV в. (Cancioneiro de Resende) [3]). Это передвиженіе къ югу обусловлено не внѣшними лишь, но и нѣкоторыми внутренними причинами, особенно же встрѣчею искусственной и подражательной галлегской поэзіи съ болѣе естественною, самобытною и сильною лирико-эпическою поэзіею мозарабскаго происхожденія. Средоточіемъ послѣдней были области Бейра и Алгарве, а позже острова Мадейра и Асорскіе; языкомъ же этой поэзіи (aravias) были разнорѣчія средне и южно-португальскія [4]). Слѣды этихъ разнорѣчій замѣтны и въ прозаическихъ произведеніяхъ португальской литературы, уже со временъ короля Диница (Діонисія), положившаго начало португальскому лѣтописанію въ своемъ Chronica geral [5]); корифеемъ послѣдняго былъ въ XV в. Фернанъ Лопесъ [6]). Съ конца этого вѣка нормою португальскаго литературнаго

---

[1]) Wolf, Studien 83.
[2]) Ibid. 208, 722; ср. Braga, Introducção 138.
[3]) Wolf 135, 139; Braga, Manual 146, 190, 195, 203.
[4]) Braga, Introducção 95; его же, Manual 123, 130, 132.
[5]) Braga, Manual 100.
[6]) Ibid. 156.

языка становится серединное между галлегскимъ на сѣверѣ и алгаврскимъ на югѣ разнорѣчіе бейрское, какъ болѣе близкое къ новой столицѣ государства—Лиссабону [1]). Въ XVI в. нѣкоторые португальскіе лирики, какъ Феррейра, даже Луисъ Камоэнсъ, пробовали писать на старомъ gallego, но оно не воскресло къ новой жизни, ибо живое галлегское нарѣчіе подчинилось уже тогда въ литературной и государственной областяхъ господству языка испанскаго.

Зарожденіе послѣдняго совершилось нѣсколько иначе, чѣмъ въ Каталоніи и Лузитаніи. Уже древнѣйшее произведеніе испанской національной литературы — былина о Сидѣ (Poema del Cid [2]) представляетъ болѣе сложный плодъ взаимодѣйствія французской эпической поэзіи и испанскихъ юнацкихъ пѣсенъ или романсовъ. Между героями послѣднихъ Сидъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ Марко Королевичъ въ эпосѣ сербскомъ. Французская струя проникла въ Испанію еще въ XI в., вмѣстѣ съ рыцарями, помогавшими Альфонсу VI при завоеваніи Толедо и оставшимися затѣмъ въ Кастиліи. Съ ними явились и французскіе прелаты, одинъ изъ которыхъ—Бернардо занялъ даже высокій постъ архіепископа толедскаго. Съ той поры стали заходить въ Испанію французскіе труверы и жонглеры, пересадившіе сюда много эпическихъ сюжетовъ и многіе пріемы своихъ chansons de geste, dits et romans и т. п. Проводникомъ тѣхъ же вліяній служила и Наварра, долго имѣвшая французскую династію и занимавшая промежуточное положеніе между Франціей и Испаніей. Каталонія же съ Арагономъ составляли своего рода мостъ изъ Прованса въ Кастилію. Этимъ путемъ проникла въ нее придворная лирика трубадуровъ, которыхъ поклонникомъ и подражателемъ былъ Альфонсъ X и многіе изъ

---

1) Braga, Manual 190.

2) Поэму эту Wolf F., Studien, относитъ къ 1140—1160 г., Ticknor—ко времени не позже 1200 г., Dozy же—къ началу XIII в. Ср. Ticknor I, 10 сл.

его преемниковъ. Впрочемъ, изъ двухъ теченій: эпическо-французскаго и лирическо-провансальскаго, въ Кастиліи замѣтно преобладало первое, какъ болѣе соотвѣтствовавшее народному вкусу и болѣе родственное простонародной испанской поэзіи, двумя преобладающими родами которой были дидактическія пословицы (refranes) и лирико-эпическіе романсы [1]). Правда, сборники кастильскихъ лирическихъ пѣсенъ во вкусѣ трубадуровъ восходятъ къ XV в. [2]), тогда какъ сборники романсовъ, полународныхъ и полуартистическихъ, не древнѣе половины XVI в. [3]); но это доказываетъ лишь позднюю запись, а не позднее возникновеніе большого числа романсовъ. Своими сюжетами они достигаютъ временъ короля Родрига и злополучной битвы 711 г., сопровождая затѣмъ всѣ важнѣйшія эпохи великой крестовой войны, законченной въ 1492 г. занятіемъ Гранады.

Изъ извѣстныхъ по имени кастильскихъ поэтовъ первое по времени мѣсто занимаетъ Гонзало Де-Берцео (Gonzalo de Bergeo † 1268?), авторъ цѣлаго ряда обширныхъ стихотвореній религіозно-нравственнаго содержанія [4]), во вкусѣ умбрской и ломбардо-венетской школъ того же времени. За нимъ слѣдовали: Альфонсъ X, основатель кастильской прозы; Хуанъ Лоренцо Сегура, авторъ Александреиды; Донъ-Хуанъ Мануэль († 1347), первый кастильскій новеллистъ; архипресвитеръ Де-Хита (De Hita), авторъ то набожныхъ, то фривольныхъ пѣсенокъ во вкусѣ Боккачіо и Чосера; еврей Донъ Сантобъ (Santob ок. 1350 г.) и канцлеръ Педро Лопе Де-Аяла (Lopez de Ayala † 1407), оставившіе по большой дидактической поэмѣ [5]).

---

1) Ср. Puymaigre Th., Les vieux auteurs castillans. 1861—62. I, 110.

2) Wolf, Studien 12; Ticknor I, 311; II, 508, 510.

3) F. Wolf, y C. Hofmann. Primavera y flor de romances. Berlin 1856, I, XVII сл.; ср. Ticknor 100—107.

4) Всего насчитываютъ до 13,000 стиховъ. Ticknor I, 25.

5) Ticknor I, 40, 49, 53, 68, 73 и 85.

Въ началѣ XV в. проникаетъ въ Кастилію итальянское вліяніе, главнымъ представителемъ коего былъ генуэзецъ Франциско Имперіаль [1]). И „Божественная Комедія“ была переложена около 1428 г. на кастильскую прозу маркизомъ Де-Вильена [2]). Къ той же итальянизующей школѣ принадлежали маркизъ Сантильана (Santillana) и Хуанъ Де-Мена (Juan de Mena), изъ коихъ первый составилъ древнѣйшій сборникъ испанскихъ пословицъ (Centiloquio), второй же особенно прославился аллегорическою поэмою —Labyrinth [3]).

Очень значительно количество анонимныхъ кастильскихъ произведеній, особенно повѣстей, сказаній и романовъ библейскаго, греко-римскаго, каролингскаго и британскаго цикловъ [4]).

Существовала въ средневѣковой Испаніи и мистерія [5]), но собственно драма начинается не ранѣе конца XV в. Первымъ и самымъ знаменитымъ ея образцомъ была трагикомедія или діалогизованная новелла Celestina, авторомъ коей считаютъ Фернанда Де-Рохасъ (Rojas [6]).

Но едва ли не первое мѣсто между прозаическими произведеніями испанцевъ XIII — XV вв. занимаютъ ихъ хроники, представляющія какъ бы продолженіе и сводъ народныхъ преданій, получившихъ поэтическую переработку въ романсахъ. Первая кастильская хроника составлена Альфонсомъ Мудрымъ и его сотрудниками, во второй половинѣ XIII в. Она носитъ названіе: Chronica general и обнимаетъ событія отъ сотворенія міра до смерти Фердинанда III Святого (1252 г.), причемъ тутъ многое

---

1) Wolf, Studien 196.

2) Ibid.; ср. Ticknor I, 282, 289.

3) Ticknor I, 296, 298, 304, 306. Амадоръ Де-Лосъ-Ріосъ ставитъ Мена на ряду съ Альфонсомъ X, Сервантесомъ и Лопе Де-Вега, по заслугамъ для испанскаго языка. Amador de los Rios, Historia critica I, LXXVIII, 250.

4) Ticknor I, 180.

5) Wolf, Studien 584.

6) Ibid.; Ticknor I, 209, 211.

взято изъ народныхъ преданій и проникнуто поэтическимъ духомъ [1]. Хроника эта была продолжаема оффиціальными исторіографами, нерѣдко изъ высокопоставленныхъ лицъ, каковы напримѣръ: канцлеръ Нунезъ (Nuñez), Аяла, Гузманъ (Guzman), Пулгаръ (Pulgar) и др. [2]. По историческому и литературному достоинству хроники эти не уступаютъ ни французскимъ, ни нѣмецкимъ, ни португальскимъ того времени, возвышаясь надъ ними болѣе вѣрнымъ отраженіемъ народной жизни, вѣрованій и настроеній [3].

Къ половинѣ XIII в. восходитъ примѣненіе кастильскаго языка къ уложеніямъ законовъ, какими являются: Fuero jusgo (судебникъ) и Las siete partidas (семь частей) Альфонса X, которыя долго служили обязательной нормой и проникли даже въ американскія владѣнія испанцевъ [4]. Вообще, съ Альфонса X кастильское нарѣчіе получило значеніе государственнаго языка во всѣхъ испанскихъ владѣніяхъ, которыя простирались уже тогда до Андалузіи и Мурсіи. Языкъ этотъ началъ было проникать и въ богослуженіе, именно у мозарабовъ, у которыхъ долго держалась національная литургія [5]. Еще въ XII—XIII вв переведены были для нихъ нѣкоторыя библейскія книги [6]. Въ XVI вѣкѣ кардиналъ Хименезъ (Ximenez), при всей своей антипатіи къ остаткамъ этой національной церкви, принужденъ былъ оставить для мазарабскаго богослуженія одну часовню въ Толедо, вмѣсто прежнихъ семи мозарабскихъ храмовъ [7]. Въ 1515 г. для мозарабовъ издана была въ Алкалѣ-Де-Генаресъ особая библія —polyglotta [8]. Еще въ XVIII в. въ Толедо совершаемо было

---

1) Ticknor I, 131, 134.
2) Ibid. 145, 147, 153, 156.
3) Ibid. 177.
4) Ibid. 40, 45.
5) Интересное преданіе о томъ см. у Тикнора II, 293.
6) Braga, Introducção 63; ср. Wolf, Studien 82.
7) Braga, Introd. 62, 64.
8) Ibid. 62.

мозарабское богослуженіе по служебнику Исидора Севильскаго [1]). Это указываетъ на глубокіе корни національной церкви въ Испаніи. Но она не устояла передъ напоромъ фанатиковъ: освобожденную отъ мавровъ страну они поработили гораздо болѣе тяжелому и гибельному игу латинской іерархіи, съ ея доминиканскими и іезуитскими исчадіями.

Но каковъ былъ тотъ кастильскій діалектъ, на которомъ писали испанскіе поэты и прозаики XIII—XV вв.? Кажется, что и тутъ, какъ въ Италіи и индѣ, каждый писатель употреблялъ первоначально свою родную разговорную рѣчь. Такъ, въ грамотѣ 1155 г. замѣчается родство съ астурскимъ разнорѣчіемъ, въ Александреидѣ—съ леонскимъ, въ поэмахъ Берцео—со старокастильскимъ (Riojas [2]), въ легендѣ о Іосифѣ (Poema de Joze)—съ арагонскимъ [3]), въ былинѣ о Сидѣ—тоже, съ легкими примѣсями каталанскаго и валенсскаго [4]). Но все это скоро сглаживается объединяющимъ вліяніемъ двора и столицы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она перешла изъ Овіедо, Бургоса и Валладолида въ г. Толедо, лежащій въ центрѣ и Новой Кастиліи, и всей Иберіи. Старой столицѣ вестготскихъ королей пришлось вторично стать средоточіемъ Испаніи, притомъ не въ политическомъ лишь, но и въ литературномъ отношеніи. Разговорная рѣчь образованныхъ толедцевъ уже въ средніе вѣка признана была нормою оффиціальнаго языка почти въ такой же мѣрѣ, какъ рѣчь флорентинская—въ Италіи, а парижская во Франціи. Альфонсъ X на толедскомъ соборѣ 1253 г. прямо постановилъ, что въ спорахъ о значеніи терминовъ рѣшающее значеніе принадлежитъ толедскому употребленію [5]). Въ XVI в. авторъ „Діалога о языкахъ“ (J. Valdes), говоря

---

[1]) Ibid. 63.
[2]) Cp. Michaelis, Studien 13.
[3]) Ticknor I, 84.
[4]) Ibid. I, 25.
[5]) Ibid. I, 429; cp. Michaelis, Studien 90.

о разнорѣчіяхъ Испаніи, называетъ ихъ общею нормою „рѣчь двора и уроженцевъ толедскаго королевства“ [1]), упрекая при этомъ за неправильные провинціализмы писателей изъ Арагона, Андалузіи и другихъ областей [2]). И Сервантесъ свидѣтельствуетъ въ Донъ-Кихотѣ, что въ его время самымъ чистымъ изъ испанскихъ разнорѣчій считалось толедское [3]). Это тѣмъ замѣчательнѣе, что во время Сервантеса г. Толедо за бунтъ противъ Карла V потерялъ уже значеніе испанской столицы, которая окончательно перенесена при Филиппѣ II (1561 г.) въ юный Мадритъ. По числу и силѣ интеллигенціи послѣдній не скоро однако сравнился съ Толедо, который донынѣ остается церковною столицею Испаніи. Впрочемъ, Мадритъ такъ близокъ къ Толедо, что рѣчь обоихъ не представляетъ существенныхъ различій и можетъ причисляться къ одному и тому же изъ говоровъ новокастильскихъ.

Къ тому времени, когда Вальдесъ составлялъ свой „Діалогъ,“ образованная толедская рѣчь настолько утвердилась въ испанской литературѣ, что писатель этотъ не впадалъ въ противорѣчіе, признавая нормою испанскаго языка то рѣчь придворную, то разговорную въ толедскомъ королевствѣ, то употребленіе хорошихъ писателей [4]). Это совпаденіе рѣчи толедскаго двора, общества и писателей началось уже раньше. Тотъ же Вальдесъ, упрекая въ андалузизмахъ кастильскаго грамматика Антоніо Де-Лебриха (Lebrija [5]) и оспаривая на этомъ основаніи его авторитетъ въ вопросахъ языка, въ другомъ мѣстѣ признаетъ образцомъ чистой кастильщины стихотворенія Хуана Де-

---

[1]) Mayans, Origenes 29, 61. Замѣчательно, что самъ Маянсъ расположенъ былъ отдавать въ этомъ отношеніи предпочтеніе Кастиліи Старой передъ Новою и г. Бургосу—передъ г. Толедо. Ibid. 296.

[2]) Mayans, Origenes 41. 57.

[3]) Ticknor I, 428.

[4]) Mayans 65; ср. 29, 61.

[5]) Él era andaluz, adonde la lengua no está muy pura. Mayans, Origenes 10.

Мена (1411 — 1456 [1]), который между тѣмъ былъ тоже андалузецъ, хотя жилъ большею частью при толедскомъ дворѣ. Изъ прочихъ авторовъ, восхваляемыхъ Вальдесомъ за чистоту рѣчи, одни были андалузцы же (Alberto de Agu), другіе—эстременцы (Torres Naharro, Garci Sanchez de Badajoz), даже бискайцы (Guevara), каталанцы (Boscan, A. de Ginebredo) и сравнительно немногіе—настоящіе кастильцы (De la Torre, Jorge Manrique, Juan de Enzina, Diego Lopez de Toledo, Diego de Valera, Fernando de Rojas [2]).

Что испанскій литературный языкъ того времени былъ довольно близокъ къ кастильскому просторѣчію, это видно и изъ словъ того же „Діалога," что „народныя пословицы составлены на чистѣйшемъ кастильскомъ языкѣ" [3]). Въ этой близости рѣчи образованной къ самому серединному и развитому говору заключается одна изъ причинъ силы кастильскаго діалекта и его ранняго преобладанія на полуостровѣ.

Въ областяхъ собственно испанскихъ, занятыхъ разнорѣчіями группы кастильской, преобладаніе кастильскаго діалекта началось, какъ мы видѣли, еще въ XIII в. и настолько утвердилось къ XVI вѣку, что съ той поры никому и въ голову не приходило оспаривать его первенство. Уже андалузецъ Лебриха назвалъ свою испанскую грамматику кастильскою [4]). Такъ названы были и всѣ почти позднѣйшія испанскія грамматики и словари, напр.

---

[1]) Mayans 121.

[2]) Ibid. 122, 123, 128, 136, 137. Впрочемъ, къ послѣднимъ слѣдовало бы еще прибавить нѣсколько славныхъ именъ XIV—XV вв., каковы напр.: Juan Ruiz de Hita, маркизы De Villena и De Santillana (астуріецъ?), Fernan Perez de Guzman, Fernan del Pulgar, Ruy Gonzalez de Clavijo, Cibdareal и н. др.

[3]) Lo mas puro castellano que tenemos son los refranes. Mayans 142, ср. 13.

[4]) Grammatica sobre la lengua Castellana 1492 г. Ср. Mayans 345; Gröber Grundr. I, 30.

Алдрете [1]), Матео Алемана [2]), словарь мадритской академіи наукъ [3]), грамматика той же академіи [4]) и нѣкоторыя другія.

Общеиспанское значеніе кастильскаго діалекта удостовѣрено и Вальдесомъ въ Діалогѣ: „на кастильскомъ языкѣ, читаемъ у него, говорятъ не только во всей Кастиліи, но и въ королевствахъ Арагонѣ и Мурсіи, со всею Андалузіею, Галиціею (?), Астуріями и Наваррою, и притомъ—до низшихъ словъ населенія, тогда какъ высшее общество говоритъ на немъ и во всей остальной Испаніи, хотя каждая область представляетъ при этомъ нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ“ [5]). И Майансъ Де-Сискаръ, писатель прошлаго вѣка, это именно разнорѣчіе называетъ общеиспанскимъ—lengua general de España [6]), ибо его понимаютъ-де всѣ испанцы, кромѣ басковъ.

Дѣйствительно, общеиспанскій характеръ кастильскаго діалекта вполнѣ подтверждается памятниками языка и литературы какъ того, такъ и позднѣйшаго времени. Между лучшими испанскими писателями XVI — XVII вв.

---

[1]) Aldrete, Del origen de la lengua Castellana. Roma 1606.

[2]) Matteo Aleman, Ortografia Castellana 1609 г. Mexico. Ср. Ticknor II, 308.

[3]) Diccionario de la lengua Castellana. 1726—39 г. Madrid.

[4]) Gramatica de la lengua Castellana. 1742 г. Madrid. Ср. Ticknor II, 308, 331, 332; Diez, Gram. der Rom. Spr. [2] I, 98. Но и терминъ „испанскій“ довольно рано присваивается тому же языку, напр. у Лебриха: Lexicon latino-hispanicum 1492 г. Ср. Gröber Grundr. I, 30.

[5]) Mayans 29. Объ особенностяхъ этихъ подробнѣе говоритъ B. Aldrete, въ Del origen y principio de la lengua Castellana. Roma 1606, стр. 191 сл.: „Люди бывалые могутъ-де по особенностямъ рѣчи распознать, кто происходитъ изъ Старой Кастиліи, кто изъ Новой, кто изъ Эстремадуры, кто изъ Андалузіи, и даже сколько времени находился тотъ или другой при дворѣ, либо въ университетѣ“.

[6]) Mayans 296 сл.

встрѣчаются не только кастильцы, но и андалузцы, арагонцы, астурійцы, даже мексиканцы, чилійцы и др. [1]).

Что касается внутренняго состава и строя испанскаго языка, то онъ сложился въ періодъ времени отъ 1200 — 1400 г. и окончательно установился къ эпохѣ Филиппа II. Съ тѣхъ поръ онъ не подвергался уже значительнымъ измѣненіямъ до нашего времени [2]), особенно въ звуковомъ и морфологическомъ отношеніяхъ.

---

[1]) Таковы напр. кастильцы: Valdes, Urrea, J. del Enzina, Alf. de Ercila, Garcillasso de Vega, Cervantes, Quevedo, Lope de Vega, Tirso de Molina, Moreto, Montalvan, Calderon; андалузцы: Lope de Rueda, Fern. de Herrera, Las Casas, Matteo Aleman, Fern. Perez de Oliva, Franc. de Rioja, Gongora, L. Velez de Guevara; гранадцы: Diego Hurtado de Mendoza, Vic. Espinel, Leon da Granada; арагонцы: Pedro Manero, братья Argensola, Martin Abarca de Bolea, Baltazar Gracian, Borja y Esquilache, G. Zurita; бискайцы: Antonio de Guevara, Ign. Loyola; астуріецъ Frnc. Banzes Candamo; леонцы: Christoval de Castillejo, Bernardino de Rebolledo, Pedro de la Vezilla Castellanos, Alfonso Lopez el Pinciano, Andrea Perez. Сверхъ того испано-американскія колоніи уже въ XVI—XVII вв. произвели нѣсколько кастильскихъ писателей, каковы напр. изъ мексиканскихъ уроженцевъ: Juan Ruiz de Alarcon, этотъ „Эврипидъ“ испанской драматургіи, затѣмъ Antonio de Saavedra, Iñez de la Cruz, Balbuena; новогренадецъ Juan de Castellanos, перуанецъ Jacinto de Evia, чиліецъ Pedro de Oña и др. Къ числу испано-американцевъ можно отнести въ нѣкоторомъ смыслѣ, хотя не по происхожденію, знаменитаго генуэзца Колумба и завоевателя Мексики—Кортеза (Cortez), изъ коихъ первый писалъ по-кастильски свои славныя письма и донесенія, а второй—и сборникъ стихотвореній. Ticknor I, 171 сл.

[2]) Mayans, въ сочиненіи Origenes 345, приводитъ выдержку изъ кастильской грамматики конца XV в. Лебрихи, гдѣ послѣдній говоритъ, что „кастильскій языкъ провелъ дѣтство при короляхъ Леона и Кастиліи и возмужалъ уже ко времени Альфонса Мудраго, послѣ чего онъ распространился въ Арагонѣ, Наваррѣ и итальянскихъ владѣніяхъ“. Къ этому Mayans прибавляетъ отъ себя, что кастильскій нѣсколько усовершенствовался при Карлѣ V, а еще болѣе при Филиппѣ II. Ср. Förster, Span. Sprachl. 164; Michaëlis, Studien 90, 93.

Довольно обильный приливъ писательскихъ силъ и вкладовъ получила кастильская литература изъ областей каталанскихъ на сѣверовостокѣ и лузитанскихъ на западѣ, хотя не вездѣ она вытѣснила соперничавшіе діалекты.

Мостомъ изъ Кастиліи въ Каталонію былъ Арагонъ какъ въ діалектическомъ, такъ и въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Въ XIII—XIV вв. въ Арагонѣ господствовалъ вмѣстѣ съ домомъ барселонскихъ графовъ и каталанскій языкъ. Но съ начала XV вѣка, особенно со вступленія на арагонскій престолъ Фердинанда Справедливаго въ 1412 г. и его сына Альфонса V († 1458), который родился и выросъ въ Кастиліи, начинается постепенное утвержденіе кастильскаго языка въ Сарагоссѣ, Валенсіи и Барселонѣ [1]). Это видно уже изъ сарагосскаго пѣсенника (Cancionero) второй половины XV в., гдѣ рядомъ съ произведеніями Марка и другихъ каталанскихъ поэтовъ находимъ нѣсколько кастильскихъ стихотвореній: Вилласандино, Хуана Де-Мена, Матвѣя Влюбленнаго и даже чистаго каталанца—Педро Тореллась (Torellas [2]). Въ мадритскомъ Cancionero de Lope de Stúñiga, составленномъ около 1448 г. при дворѣ арагонскаго короля Альфонса V, по всей вѣроятности въ Неаполѣ, всѣ пѣсни написаны по-кастильски [3]). На этомъ языкѣ писалъ коечто и каталанскій исторіографъ половины XV в. Карбонель (Carbonell [4]).

На валенсскомъ поэтическомъ турнирѣ 1472 г. нѣсколько пѣсенъ было пропѣто на кастильскомъ діалектѣ, какъ видно изъ пѣсенника Бернардо Феноллара [5]), который помѣстилъ одну кастильскую пѣсню (cancion) и въ

---

1) Ticknor I, 272.
2) Ibid. II, 700—702; cp. Wolf, Studien 211.
3) Wolf, Studien 212; Ticknor II, 513.
4) Ticknor II, 703.
5) Ibid. I, 273.

своей Historia de la Passio de Nostre Senyor [1]). Его другъ Франциско Кастельви (Castelvi) тоже писалъ кое-что по-кастильски. Нарциссъ же Виньолесъ (Viñoles), владѣя съ равнымъ искусствомъ языками валенсскимъ, тосканскимъ и кастильскимъ, прямо высказался въ пользу послѣдняго, какъ самаго благозвучнаго и изящнаго между многими варварскими и грубыми діалектами Испаніи [2]). Валенсецъ Хуанъ Талланте (Juan Tallante) писалъ по-кастильски духовныя пѣсни, встрѣчающіяся въ Cancioneros generales 1511 и слѣдующихъ годовъ. То же слѣдуетъ сказать о ректорѣ валенсскаго университета Луисѣ Креспи (Luis Crespi, около 1506) и о Фернандезѣ Де-Гередіа (Fernandez de Heredia † 1549), писавшемъ больще по-кастильски, чѣмъ по-валенсски [3]). Даровитый же барселонскій патрицій Босканъ († 1543) совершенно отрекся отъ материнскаго языка и писалъ лишь по-кастильски [4]). Тимонеда ввелъ въ Валенсію кастильскую комедію [5]), которая довершила торжество испанскаго языка въ этомъ средоточіи каталанской литературы второго періода. Изъ позднѣйшихъ кастильскихъ писателей каталано-валенсскаго происхожденія можно назвать еще: Гаспара Хиль Поло (Gaspar Gil Polo), Франц. Де-Таррега (Tarrega), Гильена Де-Кастро (Guillen de Castro y Belvis); но ни одинъ изъ нихъ не поднялся уже до уровня Марка и Боскана.

Вообще, испанская литература золотого вѣка обязана каталанцамъ многими важными вкладами. Валенсія была даже въ XVI в., на ряду съ Севильей, Мадритомъ, Саламанкой, однимъ изъ центровъ испанской литературы [6]).

---

1) Valencia 1493 г., ср. Ticknor I, 273.

2) Ibid. I, 274.

3) Ibid. I, 274 сл.

4) Ibid. I, 275, 375.

5) Ibid. I, 275.

6) Ticknor I, 461, 534; ср. Camboulin, Essai 75. Валенсія была лишена автономіи уже въ 1521 году, но Барселона — лишь въ 1714 г.

Тѣмъ не менѣе и въ XVI в. раздавались отъ времени до времени голоса противъ порабощенія каталанскаго языка кастильскимъ. Въ 1557 г. жаловался на это тортозецъ Христофолъ Деспуигъ (Christófol Despuig), а въ 1574 г.—Мартинъ Де-Виціана (Viciana), считавшій свой языкъ гораздо чище и выше кастильскаго, происшедшаго-де отъ madre bastarda [1]). Нѣкоторые писатели пытались на дѣлѣ показать преимущество каталанскаго, примѣняя его къ поэтическимъ цѣлямъ. Таковы напр.: Педро Серафи (Serafi, около 1565), Хуанъ Пухоль (Pujol), Виценте Гарціа (Garcia, 1580—1623 [2]). Въ Каталоніи и исторіографія держалась каталанскаго языка до начала XVII в., какъ видно изъ сочиненій, напр., Боска (Bosch) и Пухадеса (Pujades † 1654 [3]), изъ коихъ послѣдній окончилъ однако свой трудъ по-кастильски. Но въ Арагонѣ, Валенсіи, Балеарахъ исторіографы уже въ XVI в. предпочитали кастильскій языкъ [4]). Сочиненія же философскаго, богословскаго и юридическаго содержанія появлялись время отъ времени на каталанскомъ до первой половины XVII в., а по филологіи—и въ XVIII в. [5]).

Но всѣ эти усилія не могли уже спасти каталанскаго діалекта отъ постепеннаго ниспаденія до роли патоà, годнаго лишь для низшей, простонародной литературы [6]).

Труднѣе оказалось кастильскому языку побороть западнаго соперника—языкъ португальскій. Въ XIII-мъ и первой половинѣ XIV в. галлегскій діалектъ, какъ мы видѣли, проникалъ и въ кастильскую литературу. Но съ 1340-выхъ годовъ послѣдняя постепенно беретъ верхъ

---

1) Morel Fatio, y Gröb. Grundr. I, 687.

2) Camboulin, Essai 76; cp. Ticknor I, 275.

3) Bosch, Titols de honor de Cataluñya 1628 г. Perpignan; Pujades, Общая исторія Каталоніи. Барселона 1614 г. Ср. Camboulin, Essai 81.

4) Camboulin, Essai 80.

5) Ibid. 82.

6) Ticknor I, 275.

надъ португальскою и долго удерживаетъ это преобладаніе надъ нею, благодаря и близости къ Италіи, и бо́льшей силѣ своего собственнаго творчества.

Уже съ XV в. все чаще и чаще встрѣчаемъ кастильскихъ писателей изъ Галиціи и Португаліи. Таковы были напримѣръ: Матвѣй Влюбленный изъ Галиціи; португальскій инфантъ Домъ-Педро, писавшій по-кастильски „О презрѣніи къ міру;“ другой Домъ-Педро, констабль Португаліи въ XV же вѣкѣ, и многіе другіе [1]). Особенно усилилось употребленіе кастильскаго языка въ Португаліи при короляхъ Альфонсѣ V, Іоаннахъ II и III и Эммануилѣ Великомъ (1438—1516), благодаря родственнымъ связямъ дворовъ испанскаго и португальскаго. Въ португальскомъ общемъ пѣсенникѣ: Cancioneiro geral 1516 г., составленномъ Гарціа Де-Ресенде (Garcia de Resende), мы встрѣчаемъ не менѣе 29 португальскихъ поэтовъ, писавшихъ по-кастильски [2]). Правда, ни одинъ изъ этихъ поэтовъ не занимаетъ первостепеннаго мѣста ни въ португальской, ни въ кастильской литературѣ. Но почти въ то же время выступаютъ на литературное поприще: Хиль Виценте (Gil Vicente), Са Де-Миранда (Sá de Miranda) и Луисъ Камоэнсъ, три первоклассные поэта Португаліи XVI в.,— первый въ драматической, второй въ лирико-дидактической, третій же въ эпической области. Разсматривая ихъ сочиненія, мы видимъ, что значительная ихъ часть писаны по-кастильски: изъ 42 драматическихъ пьесъ Хиля Виценте лишь 17 писаны по-португальски, 15 же отчасти, а 10 исключительно по-кастильски [3]); Са Де-Миранда написалъ по-кастильски бо́льшую часть своихъ эклогъ [4]), Камоэнсъ же—нѣкоторые изъ пѣсенокъ и романсовъ [5]).

---

[1]) Wolf, Studien 722, 724; Ticknor I, 304; Braga, Introducção 137.

[2]) Braga, Introducção 139; ср. Wolf, Studien 726.

[3]) Ticknor I, 231.

[4]) Ibid. 231; сравни Braga, Manual 272.

[5]) Ticknor I, 231; II, 180 и 196.

Что касается болѣе второстепенныхъ кастильскихъ писателей португальскаго происхожденія, то ихъ можно бы насчитать не одинъ десятокъ [1]). Особенно сильно было господство испанскаго языка въ Португаліи въ вѣкъ Лопе Де-Вега и Кальдерона. Всѣ почти португальскіе драматурги того времени писали по-кастильски [2]). Да и вообще $^3/_4$ всего изданнаго тогда въ Португаліи писано на испанскомъ языкѣ, который былъ въ ту пору высшимъ языкомъ португальскаго общества и литературы [3]).

Но какъ ни значительны были вклады лузитанскихъ областей въ кастильскую литературу, все же она не стала для нихъ родною, хотя бы въ такой лишь мѣрѣ, какъ для областей каталанскихъ. Одна Галиція примкнула въ этомъ отношеніи къ Испаніи вполнѣ и безповоротно, такъ что Вальдесъ включилъ даже ее въ число областей чисто кастильскихъ [4]). Онъ судилъ, конечно, при этомъ по рѣчи высшаго общества, а не простонародья, которое понынѣ говоритъ на своемъ „галлего" въ округахъ: Корунья, Виго, Луго, Орензе [5]). Португалія же и обширныя ея колоніи въ Африкѣ, Бразиліи и Восточной Индіи не прекращали литературной разработки и португальскаго языка. На немъ развивался народный театръ, основанный Хилемъ Виценте и продолженный Кіадомъ (Chiado), Престесомъ (Prestes), Б. Діасомъ (Dias); на немъ писалъ Бернардинъ Рибейро и

---

[1]) Таковы напримѣръ: Gregorio Silvestre, Miquel de Silveira, Vasconcellos, Manoel de Portugal, Montemayor, Antonio Enriquez Gomez (изъ португальскихъ евреевъ), Miquel de Barios (тоже), Juan de Matos Fragoso, Violante del Cielo, Francisco Manoel de Mello, Luis Ribero de Barros, Antonio Lopez de Vega, Manoel de Faria y Sousa, Francisco de Portugal, Francisco Botelho Moraes e Vasconcellos, Vasco Mausinho de Quevedo и друг.

[2]) Ticknor III, 29.

[3]) Braga, Manual 342.

[4]) Mayans 29.

[5]) Förster, Span. Sprachl. 170.

прочіе буколисты испано-итальянской школы; на немъ главнѣйше подвизался Са Де-Миранда, а за нимъ Феррейра, Каминья (Caminha), Бернардесъ, Домъ Маноэль Де-Португаль, Фрей Агостиньо Да-Круцъ, Фалканъ Де-Ресенде,—писатели такъ называемой итальянской ренессансной школы. Но всего важнѣе для развитія и будущности португальскаго языка была дѣятельность Камоэнса, первокласснаго лирика и эпика, создавшаго въ „Os Lusiadas“ не только національную эпопею новолузитанцевъ, но и одно изъ величайшихъ произведеній міровой литературы. Камоэнсъ скончался въ то самое время (10 Іюня 1580 г.), когда войска Филиппа II выступили для занятія Португаліи, т. е. выражаясь словами великаго поэта, онъ „умеръ вмѣстѣ съ отечествомъ“ [1]). Политически оно возродилось впрочемъ лѣтъ 60 спустя, но духовно уже никогда не достигло мощи временъ славнаго Эммануила и злополучнаго Себастіана, погребшаго силу своего королевства въ степяхъ Марокко.

Въ XVII в. Португалія не произвела ни одного крупнаго поэта. Франциско Родригесъ Лобо, Франциско Маноэль Де-Мелла и другіе „культеранисты“ двигались въ избитой колеѣ французскихъ ронсаристовъ, итальянскихъ маринистовъ и испанскихъ гонгористовъ. Даже національная исторіографія, составлявшая славу португальской прозаической литературы въ XV—XVI вв. [2]), получаетъ въ XVII в. монашескій характеръ, даже подъ перомъ Де-Соуза (Frei Luiz de Sousa) и Де-Андраде (Jacintho Freire de Andrade [3]).

Какъ малочисленъ былъ кругъ португальскихъ читателей даже въ XVI в., видимъ изъ того, что ихъ удовле-

---

[1]) Braga, Manual 293.

[2]) Fernão Lopes, Azurada, Ruy de Pina въ XV в., Castanheda, Antonio Galvão, João de Barros, Diego de Couto, Damião de Goes, Francisco de Andrade и др. въ XVI в. См. Braga, Manual 314 сл.

[3]) Braga, Manual 390 сл.

творяли рукописныя копіи, такъ что 1-ое изданіе лирическихъ произведеній Са Де-Миранда и Бернардеса вышло лишь въ 1595 году, Феррейры въ 1598 г., Камоэнса въ 1617, а Каминьи—только въ XVIII в. [1]).

Во всякомъ случаѣ, португальская литература не была поглощена испанскою ни въ XVI, ни даже въ XVII в., благодаря отчасти политической отдѣльности Португаліи, отчасти же поддержкѣ колоній, между которыми Бразилія уже съ XVI в. составляетъ особую, довольно сильную и самостоятельную литературную школу на португальскомъ языкѣ [2]).

Мы разсмотрѣли успѣхи кастильскаго языка и ходъ его распространенія въ XV—XVII вв. въ литературной области. Но она не была единственною средою и орудіемъ возвышенія этого языка. Не менѣе могущественнымъ его носителемъ было испанское государство. Въ исторіи послѣдняго для распространенія кастильскаго языка особенно важны были: 1) соединеніе Кастиліи съ Арагономъ въ 1479 году, 2) открытіе Америки Колумбомъ и 3) соединеніе Испаніи съ австрійскими владѣніями при Карлѣ V. Первое привело къ постепенному вытѣсненію каталанскаго языка испанскимъ не только въ Арагонѣ, но въ оффиціальномъ употребленіи и въ Каталоніи, Валенсіи, на Балеарахъ, даже въ итальянскихъ владѣніяхъ Арагоніи, хотя въ домашнемъ обиходѣ каталанская рѣчь удержалась, особенно въ приморьѣ [3]). Открытіе Америки и постепенная колонизація ея, а равно Филиппинскаго и другихъ Тихоокеанскихъ архипелаговъ, съ подчиненіемъ ихъ метрополіи въ государственномъ отношеніи, удесятерили площадь кастильскаго языка и возвели его до роли одного изъ великихъ міровыхъ языковъ, тѣмъ болѣе, что съ этимъ совпало образованіе имперіи Карла V. Императоръ, хотя рожденный во Фландріи, полюбилъ испан-

---

[1]) Braga, Introducção 324.

[2]) См. Wolf F., Le Brésil littéraire. 1863.

[3]) Mayans 345; ср. Ticknor I, 428, 437.

скій языкъ, пробовалъ переводить на него съ французскаго [1]) и всячески содѣйствовалъ распространію его во всѣхъ австро-испанскихъ владѣніяхъ. Уже въ первой половинѣ 16-го вѣка, по свидѣтельству Вальдеса, итальянскіе кавалеры и дамы любили щеголять знаніемъ кастильскаго языка [2]). Итальянецъ Доменики признавалъ его около 1561 г. настоящимъ международнымъ языкомъ Европы [3]). При французскомъ дворѣ онъ былъ знакомъ еще при Маргаритѣ Валоа, около 1525 году, и держался вплоть до XVII в. Самъ Ришелье любилъ писать по-испански. При англійскомъ дворѣ онъ вошелъ въ моду послѣ замужества Маріи Тюдоръ съ Филиппомъ II [4]).

Въ Португаліи испанскій языкъ получилъ и государственное значеніе при Филиппахъ II и III, въ періодъ 60-тилѣтняго управленія въ ней испанскихъ намѣстниковъ (1580—1640). Но и послѣ возстановленія династіи брагансской онъ долго еще держался въ высшемъ португальскомъ обществѣ [5]).

Карлу V приписывается выраженіе, что „по-итальянски всего приличнѣе говорить съ дамою, по-французски съ пріятелемъ, по-нѣмецки съ солдатомъ, по-англійски съ гусемъ, по-мадьярски съ лошадью, по-испански же съ Богомъ.“ Къ сожалѣнію, великій императоръ не оправдалъ послѣдняго на дѣлѣ: онъ не хотѣлъ говорить съ Богомъ на испанскомъ языкѣ, не поддержалъ его въ стремленіи замѣнить латынь въ богослуженіи, какъ это случилось тогда въ протестантскихъ странахъ Запада. Наоборотъ, съ тѣхъ поръ подавлены были въ Испаніи остатки мозарабской національной церкви. Даже испанская библія, существовавшая въ вольномъ пересказѣ по частямъ уже

---

1) Ticknor I, 389.

2) Mayans 5.

3) Ticknor III, 70: es lengua muy comun a todas naciones.

4) Ticknor III, 70.

5) Ibid. III, 147.

при Альфонсѣ Мудромъ [1]) и напечатанная въ 1515 въ Алкалѣ въ полиглотномъ изданіи, со времени усиленія инквизиціи постепенно стала запретнымъ плодомъ. Дальнѣйшее ея изданіе печатается уже не въ Испаніи, а въ Базелѣ (1569 г.), Амстердамѣ (1602 г.), въ переводахъ и подъ редакціей бѣжавшихъ изъ Испаніи протестантовъ: Рейна, Валера и др. Другія протестантскія сочиненія были издаваемы по-испански въ Венеціи, Парижѣ [2]); но вообще число ихъ не велико, ибо реформація не могла утвердиться въ родинѣ св. Доминика, Торквемады и Игнатія Лойолы. Латынь такъ прочно укоренилась въ Испаніи при Габсбургахъ, что держалась до XVIII вѣка въ наукѣ и въ высшемъ преподаваніи, ослабляя этимъ языкъ кастильскій [3]). При Альфонсѣ X кастильская рѣчь съ полнымъ успѣхомъ примѣнялась къ астрономіи, математикѣ, естественной исторіи и другимъ унаслѣдованнымъ отъ арабовъ и евреевъ наукамъ [4]); между тѣмъ при Филиппѣ III въ 30-ти испанскихъ университетахъ и въ 4000 школахъ все преподаваніе велось на языкѣ латинскомъ [5]), который сталъ такимъ образомъ оффиціальнымъ языкомъ испанской науки. Въ этомъ и слѣдуетъ видѣть одну изъ главныхъ причинъ ея упадка въ XVII—XVIII вв.

Установившіяся съ XVI—XVII вв. на Пиренейскомъ полуостровѣ отношенія языковъ кастильскаго, каталанскаго и португальскаго не измѣнились существенно и въ два послѣдующіе вѣка ни въ литературной, ни въ государственной областяхъ. Пріобрѣтенная первымъ гегемонія и до сихъ поръ остается въ силѣ, по крайней мѣрѣ въ границахъ испанскаго королевства. Она ни мало не нарушается существованіемъ въ Астуріи, Арагонѣ, Андалузіи, Бискайѣ діалектическихъ подлитературъ. Наоборотъ, по-

---

1) Ibid. I, 35; ср. Wolf, Studien 82.
2) Ticknor III, 52.
3) Ibid. 67.
4) Ibid. I, 35.
5) Ibid. III, 187.

слѣднія еще болѣе оттѣняютъ первенствующее положеніе кастильскаго языка.

На астурскомъ разнорѣчіи (bable) существуетъ нѣкоторое количество лирико-эпическихъ пѣсенъ XVII-го и слѣдующихъ вѣковъ, принадлежащихъ областнымъ поэтамъ [1]). Но собственно народные романсы Астуріи поются уже въ окастиленномъ видѣ [2]).

И въ Арагонѣ разрабатывается мѣстный діалектъ въ дѣловой и книжной областяхъ [3]).

На андалузскомъ разнорѣчіи въ 1840 — 50 гг. возникла маленькая литература, преимущественно шуточнаго и пѣсеннаго содержанія. Въ 1881 г. она уже насчитывала до 100 пьесокъ 36-ти авторовъ [4]). Севилья стала въ послѣднее время средоточіемъ испанскихъ народно-словесниковъ или „фольклористовъ“ [5]); но они издаютъ свои изслѣдованія и журналы на кастильскомъ, а не на андалузскомъ разнорѣчіи То же должно, впрочемъ, сказать о болѣе серьезныхъ писателяхъ изъ Астуріи и Арагона, каковы напримѣръ: драматургъ 18 в. Ховелланосъ (Jovellanos, изъ Астуріи), критикъ Лузанъ (Luzan, изъ Арагона) и н. др.

Гораздо значительнѣе каталанская діалектическая литература новѣйшаго времени, особенно съ такъ называемаго возрожденія ея въ 40-ыхъ годахъ текущаго столѣтія. Ф. Тубино въ своей „Исторіи современнаго литературнаго возрожденія Каталоніи, Балеаръ и Валенсіи“ на-

---

1) Таковы: Antonio Gonzalez Reguera (его псевдонимъ: Anton de la Marireguera, въ XVII в.), Diego Fernandez Porley (псевдонимъ: Juan de la Candonga), Bernardino Robledo, N. Benavidas, Bruno Fernandez, Antonio Balvidarez и н. др. Ticknor II, 460; ср. Coleccion de poesias asturianas. Oviedo. 1839.

2) Ticknor II, 465.

3) Gröber Grundr. I, 691. Ср. Schuchardt, въ Zeit. f. Rom. Phil. V, 304.

4) Ibid. V, 303.

5) Ibid. V, 249.

считалъ до 500 ново-каталанскихъ авторовъ [1]); но лишь немногіе изъ нихъ пріобрѣли извѣстность за предѣлами своей узкой родины, какъ напримѣръ: Рубіо (Rubio y Ors), Росселло (Geronimo Rossello), Бофарулъ (Bofarull), особенно же Балагеръ (Victor Balaguer [2]). Въ литературѣ этой замѣтно стремленіе возстановить древнюю самостоятельность каталанскаго діалекта и по возможности ослабить его зависимость отъ кастильскаго въ областяхъ литературной, общественной и даже государственной. Вмѣстѣ съ тѣмъ каталанскіе сепаратисты стараются освѣжить стародавнія связи своего діалекта съ прочими окцитанскими въ Провансѣ, Лангедокѣ, Гаскони, для чего устраиваются то въ Барселонѣ, то въ Монпелье, то въ Марсели поэтическіе турниры, въ родѣ бывшихъ нѣкогда въ Тулузѣ. На этихъ jeux fleuraux идеи каталанскаго и провансальскаго сепаратизма страннымъ образомъ скрещиваются со стремленіемъ къ панроманизму [3])!

Но это антииспанское движеніе не распространяется на всю каталанскую интеллигенцію. Въ Валенсіи и Пальмѣ оно имѣетъ гораздо менѣе приверженцевъ, чѣмъ въ Барселонѣ. Есть много валенсійцевъ, майорканцевъ, минорканцевъ, которые отрекаются даже отъ каталанскаго языка, настаивая на полной отдѣльности отъ него своихъ разнорѣчій: valenciá, mayorquí, menorquí [4]). Высшій же, книжный свой діалектъ они зовутъ по старой памяти лемозинскимъ (lemosi [5]).

---

[1]) F. Tubino, Historia del renacimento literario contemporaneo en Cataluña, Baleares y Valencia. Cp. Guardia J. M., La langue et la littérature Catalanes. Revue des deux mondes, 15 Nov. 1886 г., 337, 359.

[2]) Guardia, l. c. 370.

[3]) Ibid. 371.

[4]) Cp. Morel Fatio, у Gröb. Grundr. I, 671. Подобный взглядъ существовалъ и въ XVIII в. Около 1746 г. онъ былъ высказанъ валенсійцемъ Карломъ Росъ (Carlos Ros), который считалъ валенсское разнорѣчіе самымъ чистымъ между лимозинскими, какъ толедское между кастильскими. Ibid. 688.

[5]) Ibid. 672.

Многіе серьезные писатели изъ каталанскихъ областей продолжаютъ писать по-кастильски [1]). Да и самъ Балагеръ, занимающій въ средѣ каталанскихъ писателей одно изъ первыхъ мѣстъ, съ одинаковымъ искусствомъ пишетъ и по-провансальски, и по-кастильски [2]).

Изъ областей лузитанскихъ одна Галиція осталась и въ XVIII—XIX вв. вѣрна литературной гегемоніи кастильскаго языка. Она не сдѣлала и попытки дать хотя-бы слабую литературную обработку своему просторѣчію. Зато Португалія освободилась постепенно отъ прежняго подчиненія кастильскому языку и литературѣ, тѣснѣе прильнула съ XVIII в. къ французской, а съ періода романтизма, въ лицѣ Гаррета, Геркулана, Эспронцеды, развивается во взаимодѣйствіи съ литературами нѣмецкой и англійской. Съ тѣмъ вмѣстѣ она старается укрѣпить связи со своимъ собственнымъ простонародьемъ и его историческимъ, особенно мозарабскимъ прошлымъ [3]). Въ такомъ же направленіи развивается и новѣйшая литература Бразиліи, не обнаруживая склонности признать надъ собою гегемонію кастильскую.

Такимъ образомъ, объединительная роль на Пиренейскомъ полуостровѣ кастильскаго языка оказывается и теперь еще не вполнѣ завершенною. Трудно предсказать, что предстоитъ тамъ въ будущемъ: осуществятся ли мечты паниберистовъ о соединеніи испанцевъ съ португальцами въ отношеніяхъ литературномъ, государственномъ, національномъ, или нынѣшняя ихъ разрозненность останется навсегда.

Во всякомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать величія услугъ, оказанныхъ Испаніи и всему человѣчеству испанскимъ языкомъ; никто не можетъ оспаривать его мі-

---

[1]) Таковы напримѣръ: Puigblanc, Capmany, Aribau, Balmès, Monlau, Cortada, Piferrer, Ballot, Labernia, Bergnes и др. Guardia, l. c. 372.

[2]) Ibid. 367.

[3]) Braga, Introducção 345.

ровой роли, какъ общаго языка многомилліонной семьи европейскихъ и заокеанскихъ народовъ.

Чѣмъ же обусловлено было возвышеніе кастильскаго нарѣчія до этой роли и вѣковое въ ней служеніе на почвѣ литературной и государственной?

Прежде всего географическимъ положеніемъ Кастиліи, особенно Новой, на высокомъ плоскогоріи, обнимающемъ почти половину полуострова, въ самомъ его центрѣ, въ верховьяхъ важнѣйшихъ рѣкъ: Дуэро, Тахо, Гвадіаны, и въ непосредственной близости отъ истоковъ Эбро и Гвадалквивира. Это серединное положеніе облегчало распространеніе кастильскаго разнорѣчія; оно направляло и потокъ кастильской колонизаціи. Имъ же обусловлена была діалектическая центральность этого разнорѣчія между противоположностями лузитанскаго запада и каталанскаго востока, въ средѣ промежуточныхъ разнорѣчій Леона и Эстремадуры, Наварры и Арагона. Съ этимъ связана была особенная чистота кастильскаго разнорѣчія и замѣчательная близость его къ латинскому первообразу. Въ разнорѣчіяхъ окраинныхъ лексиконъ и грамматика болѣе пострадали отъ иноязычныхъ вліяній; центръ же страны лучше сохранился и свободнѣе развился въ самостоятельный типъ иберійскаго романизма.

Распространенію этого сильнаго и стойкаго типа очень благопріятствовали и политическія условія. Въ безчисленныхъ войнахъ съ маврами и другими сосѣдями Кастилія завоевала и обезпечила за собою первенствующую роль въ системѣ государствъ полуострова. Династическая унія Арагона съ Кастиліею лишь ускорила подчиненіе перваго второй: оно было предопредѣлено географіей, діалектологіей, исторіей.

Да и по складу народнаго характера мужественный, спокойный и фаталистически-самоувѣренный кастилецъ долженъ былъ восторжествовать не только надъ хвастливымъ андалузцемъ и упрямымъ арагонцемъ, но и надъ смѣтливымъ, трудолюбивымъ каталанцемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ послѣ продолжительныхъ коле-

баній между Овіедо и Леономъ, Бургосомъ и Валладолидомъ, Толедомъ и Севильей, Испанія обрѣла наконецъ и утвердила свою столицу въ Мадритѣ, разнорѣчіе новокастильское, какъ языкъ могущественнѣйшаго въ Европѣ двора, знати, центральныхъ управленій, занялъ такую высоту въ испанскомъ государствѣ и обществѣ, о какой не могъ мечтать ни одинъ другой языкъ на полуостровѣ.

Торжеству кастильскаго нарѣчія содѣйствовала наконецъ особая духовная даровитость этой части испанскаго племени, выразившаяся между прочимъ во множествѣ писательскихъ талантовъ и въ достоинствѣ ихъ вкладовъ. Уже у анонимныхъ авторовъ древнѣйшихъ кастильскихъ романсовъ и въ безчисленныхъ народныхъ пословицахъ [1]) открывается такое богатство эпическихъ сюжетовъ, такая сила лирическихъ движеній, такая классическая простота, образность и сжатость словеснаго выраженія, какія встрѣчаются лишь у даровитѣйшихъ историческихъ народовъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ихъ развитія. Условія эти даны были здѣсь столкновеніемъ образованности христіанской съ мусульманскою, скрещеніемъ расы романской съ симитскою. Всего глубже и полнѣе оно выразилось въ средѣ мозарабовъ. Имъ принадлежитъ, кажется, значительная часть означенныхъ словесныхъ произведеній. Произведенія эти послужили подпочвою для дальнѣйшаго развитія испанскаго эпоса, лирики, драмы и исторіографіи, получившихъ вслѣдствіе того особый національный колоритъ, самобытность и общеиспанскій характеръ. Послѣдній замѣтенъ и въ былинѣ о Сидѣ, какъ національномъ героѣ всего иберійскаго христіанства [2]).

Гораздо слабѣе народная струя въ португальской литературѣ, имѣвшей придворный аристократическій характеръ [3]) и развивавшейся подъ преобладающимъ вліяніемъ

---

[1]) Въ сборникѣ пословицъ Хуана Де-Иріарте XVIII в. ихъ имѣется до 24 тыс. Ср. Ticknor II, 296.

[2]) Wolf, Studien 489; ср. 697.

[3]) Ibid. 697, 724, 726; ср. Diez, Die erste и т. д. 73 сл.

литературъ чужихъ—французской, провансальской, испанской, итальянской, при очень слабомъ взаимодѣйствіи съ мозарабскою словесностію.

Еще скуднѣе народная подпочва въ каталанской литературѣ, этомъ тепличномъ произведеніи барселонскаго и сарагосскаго дворовъ и дворянскихъ турнировъ. Этимъ между прочимъ объясняется полное ея безсиліе въ борьбѣ съ кастильскою, при относительной устойчивости литературы португальской.

Народность представляется главнымъ, но далеко не единственнымъ преимуществомъ литературы кастильской передъ ея соперницами на полуостровѣ. Она значительно превышаетъ послѣднія также по количеству [1]) и качеству заключенныхъ въ ней вкладовъ и по художественной обработкѣ. Не Каталоніи и даже не Португаліи досталось наслѣдіе арабской образованности, а главнымъ образомъ Испаніи. Уже при Альфонсѣ X Мудромъ г. Толедо былъ столь-же важнымъ средоточіемъ образованности испано-арабской, какъ Палермо при Фридрикѣ II для образованности итальяно-арабской. Преданія арабскихъ высшихъ школъ перешли въ испанскіе университеты: саламанкскій, гуэсскій (Huesca), вальядолидскій, паленційскій (Palencia), алкальскій (Alcale de Henares) и друг., которыхъ при Филиппѣ III было до 30-ти, тогда какъ Португалія едва могла поддержать одинъ коимбрскій, не разъ переносившійся въ Лиссабонъ и обратно [2]). На югѣ важнымъ литературнымъ центромъ былъ г. Севилья, преемница знаменитой нѣкогда Кордовы [3]). Съ половины же 16-го в. быстро возвышается Мадритъ, игравшій впрочемъ до XVIII вѣка болѣе видную роль въ исторіи драмы, живописи, вообще искусства, чѣмъ въ лѣтописяхъ науки [4]).

---

[1]) Однѣхъ драматическихъ пьесъ въ испанской литературѣ къ началу 18-го вѣка насчитывалось до 30 тыс., драматическихъ же писателей — до 4800! Ticknor II, 96.

[2]) Ср. Braga, Manual 26.

[3]) Wolf, Studien 209; Ticknor I, 458; II, 510 сл.

[4]) Wolf, Studien 617. Въ Мадритѣ подвизались и увѣ-

Чтобы оцѣнить вклады кастильцевъ въ художественную литературу, достаточно вспомнить славный тріумвиратъ великихъ поэтовъ: Сарвантеса, Лопе Де-Вега и Кальдерона [1]). Португальцы могутъ противопоставить имъ одного Камоэнса; но и онъ по предкамъ былъ испанецъ, какъ и Са Де-Миранда, хотя первый родился въ Лиссабонѣ, а второй въ Коимбрѣ [2]). Каталанскіе же корифеи —Маркъ и Ройгъ уже не могутъ итти въ сравненіе съ великанами испанской поэзіи.

Но если это такъ, если кастильскій языкъ настолько возвышался надъ прочими на полуостровѣ въ отношеніяхъ топографическомъ, діалектическомъ, политическомъ и литературномъ, то почему же не удалось ему завершить свое торжество подчиненіемъ и португальскаго, какъ это случилось съ каталанскимъ и галлегскимъ? Португалія не отдѣлена отъ Испаніи ни непроходимыми горами, ни широкими рѣками; наоборотъ, въ первой расположены низовья главныхъ рѣкъ второй. Слѣдовательно, въ географическомъ отношеніи Португалія не болѣе какъ привѣсокъ или необходимое закругленіе Испаніи. Въ племенномъ отношеніи между этими двумя частями полуострова различіе не больше, чѣмъ между Арагономъ и Каталоніей, и ужъ конечно меньше, чѣмъ между Астуріей и Бискайей. Правда, португальское нарѣчіе представляетъ существенныя отличія отъ кастильскаго; но таковыя же не помѣшали Галиціи совершенно отречься отъ своего стараго и славнаго нѣкогда діалекта въ пользу языка общеиспанскаго, по крайней мѣрѣ въ дипломатическомъ и литературномъ его употребленіи. Да и португальцы, какъ мы видѣли, пе

ковѣчили свое имя: Velasquez, Murillo, Ribera, Zurbaran и другіе великіе художники.

[1]) Предки двухъ послѣднихъ вышли изъ Галиціи. Ticknor II, 4.

[2]) Braga, Introducção 137; ср. его же Historia dos quinhentistas 1871 г., 7 стр. Да и вообще большая часть португальской знати была астуро-леонскаго происхожденія, съ сильною примѣсью французской крови. Ср. Braga, Introd. 61.

мало писательствовали и ораторствовали по-кастильски въ XV, XVI и XVII вѣкахъ. Почему же однако не дошли они въ этомъ направленіи до конца, а наоборотъ, ударились потомъ въ язычный сепаратизмъ, въ которомъ пребываютъ до настоящаго времени, къ великому прискорбію друзей паниберизма?

Лиссабонскій профессоръ Брага, въ своей исторіи португальской литературы, касается мимоходомъ этого вопроса. Признавая этнологическое и культурное единство испанцевъ съ португальцами, основанное на общей мозарабской подпочвѣ [1]), и считая нынѣшнюю ихъ раздѣльность чѣмъ-то ненормальнымъ и искусственнымъ, онъ съ горечью восклицаетъ: „Образованіе португальской народности было монархическою уловкой, которую осудила природа, лишивъ насъ оригинальности во всемъ, за что мы ни принимаемся“ [2]).

Итакъ, это заслуга или вина португальскихъ монарховъ! Не будь въ Коимбрѣ, Сентаремѣ, Лиссабонѣ особаго двора и династіи, соединись Лузитанія съ Испаніей въ политическомъ отношеніи, — не было бы и рѣчи теперь о двухъ языкахъ и двухъ народахъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ устьяхъ Дуэро и Тахо говорили и чувствовали бы такъ же, какъ въ ихъ верховьяхъ, въ Валладолидѣ и Толедо. Въ пользу этого говоритъ и національное поглощеніе испанцами Галиціи, а также знаменательное совпаденіе границъ португальскаго языка и королевства на востокѣ.

---

[1]) Braga, Introd. 276.

[2]) Braga, Introd. 46; ср. 48. Аналогичное мнѣніе высказано было и ранѣе, въ началѣ XVII в., въ сочиненіи: Leão, Origem da lingua portugueza (1606 г., ст. 32): „Португальскій языкъ отличается отъ галлегскаго обиліемъ и изяществомъ, которыми онъ обязанъ тому обстоятельству, что въ Португаліи былъ король и дворъ“. Braga, Manual 21. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Mayans, въ половинѣ прошлаго вѣка: Las lenguas suelen ser tantas como las dominaciones. Origenes 331.

Но съ другой стороны намъ представляется вопросъ: если все дѣло въ монархизмѣ, то почему не всосана португальская народность испанскою въ довольно продолжительный, 60-ти-лѣтній періодъ ихъ государственнаго соединенія при Филиппахъ II, III и IV? Вѣдь въ этотъ періодъ „монархическія уловки“ могли дѣйствовать не охраняющимъ, а скорѣе разлагающимъ образомъ на португальскую народность. Однако она устояла отъ физическаго и нравственнаго давленія испанскаго государства и общества въ періодъ полнаго ихъ развитія, въ вѣкъ Сервантеса и Лопе Де-Вега, которые даже лично участвовали въ походѣ Филиппа II на Португалію.

Кажется, соединеніе это произошло слишкомъ поздно. Случись оно ста годами раньше. въ вѣкъ напр. Фердинанда и Изабеллы, Португалію навѣрно постигла бы судьба Арагона, Каталоніи, Валенсіи. Но въ столѣтіе, слѣдовавшее за арагоно-кастильскою уніею, въ Испаніи и Португаліи произошло много измѣненій, затруднившихъ впослѣдствіи ходъ ихъ національнаго объединенія.

Испанія XVI в. была, конечно, обширнѣе, могущественнѣе, пожалуй и образованнѣе, чѣмъ въ XV в., но въ національномъ и духовномъ отношеніи она клонилась уже къ упадку. Поступивъ на службу Габсбургамъ, а съ ними папѣ, сдѣлавшись какъ бы Донъ-Кихотомъ отсталаго и осмѣяннаго индѣ цезаро-папизма, Испанія безплодно растратила свои силы въ Германіи и Италіи, Турціи и Нидерландахъ. Въ угоду этой романтической Дульцинеѣ изгнаны были изъ страны образованные мавры и промышленные евреи, слившіеся уже съ испанцами по языку и сродненные съ ними вѣками общей культурной работы. Открытіе Америки повлекло за собою отливъ изъ Испаніи, особенно изъ Эстремадуры, Андалузіи, Галиціи, наиболѣе предпріимчивой и воинственной части населенія. Завистливый габсбургскій абсолютизмъ подорвалъ автономію общинъ, знать же превратилъ въ толпу царедворцевъ. Фанатизмъ господствующей церкви подрылъ свободу совѣсти, изслѣдованія, слова. Безчисленные монастыри (до 9000) прію-

тили въ своихъ стѣнахъ горсть аскетовъ, а легіоны тунеядцевъ. Страна покрылась латифундіями, принадлежавшими то королю, то церкви, то грандамъ. Остальное распредѣлено было между мелкопомѣстною шляхтою (hidalgos, до полумилліона безъ женъ и дѣтей), и лишь объѣдки доставались наиболѣе производительной части населенія. При такихъ условіяхъ страна должна была постепенно обѣднѣть, народъ же потерялъ охоту и способность къ труду. Типъ испанца надолго утратилъ прежнее обаяніе между народами Стараго и Новаго Свѣта. Государство не въ силахъ было уже удержать ни европейскихъ, ни заокеанскихъ владѣній, которыя съ теченіемъ времени одно за другимъ отлагаются отъ метрополіи и образуютъ отдѣльныя государства, то независимыя, то подчиненныя Голландіи, Англіи и другимъ морскимъ державамъ.

А между тѣмъ и въ Португаліи много измѣнилось съ конца XV-го в. Благодаря раннему знакомству съ океаномъ, ея жители смѣло пустились въ дальнія плаванія и не хуже испанцевъ воспользовались открытіями Колумба. Постепенно колонизованы и подчинены были Португаліею западные и южные берега Африки, затѣмъ занята Бразилія, а наконецъ Васко Де-Гамѣ посчастливилось осуществить мысль Колумба о морскомъ пути въ настоящую, Восточную Индію. Португалія стала великою морскою державою; ея языкъ слышался на всѣхъ материкахъ и океанахъ [1]). И вся эта слава, безпримѣрные труды и подвиги навѣки закрѣплены были въ памяти португальцевъ въ звучныхъ октавахъ Камоэнсовой Lusiadas. Правда, и Португалія не избѣжала въ концѣ концовъ ни инквизиціи

---

[1]) Португальскій филологъ начала XVII в. Леонъ (Leão), указавъ на господство своего языка во многихъ владѣніяхъ африканскихъ, въ многочисленныхъ областяхъ отъ Эѳіопіи до Персіи и Индіи, затѣмъ въ Бразиліи и на многихъ островахъ океана, имѣлъ нѣкоторое право примѣнить къ своему народу священныя слова: In omnem terram exivit sonus eorum et in fines orbis terrae verba eorum! Ср. Fuchs, Rom. Spr. 104.

(съ Іоанна III), ни іезуитовъ; но гибельное ихъ дѣйствіе не сразу обозначилось въ странѣ, которая все-таки не была настоящею родиною Доминика и Лойолы, какъ Испанія.

При такихъ условіяхъ могли ли португальцы довольствоваться тою долею независимости и тѣмъ узкимъ кругомъ дѣятельности, какіе были для нихъ отмежованы Филиппомъ II и его мрачнымъ министромъ—герцогомъ Альбою? Наоборотъ, заключенная при такихъ условіяхъ политическая унія двухъ иберійскихъ государствъ должна была еще усилить старые антагонизмы и довести до взаимной ненависти, которая не заглохла увы! и въ настоящее время.

Слѣдуетъ ли и намъ стать на точку зрѣнія португальскихъ сепаратистовъ и радоваться, что чувства вражды и братоненавидѣнія восторжествовали тамъ надъ духомъ единенія и любви?

Какъ бы высоко ни ставить португальскую національность, съ ея языкомъ, литературою и вообще культурою, все же она совершенно блѣднѣетъ передъ величіемъ историческихъ подвиговъ испанскаго народа. Это до такой степени очевидно, что отражается даже во взаимныхъ взглядахъ испанца и португальца: въ чувствахъ перваго преобладаетъ высокомѣрное презрѣніе къ „малочисленнымъ и тупымъ португальцамъ" (Portuguesos pocos y locos!); въ настроеніи же послѣднихъ отражается скорѣе опасеніе за себя, соединенное съ невольнымъ уваженіемъ къ гордымъ и неукротимымъ сосѣдямъ [1]). Вотъ почему испанскій путешественникъ никогда не унизится до употребленія въ Португаліи ея языка, тогда какъ португальцу, наоборотъ, и въ голову не придетъ говорить въ Испаніи по-португальски [2]). Да и писать по-испански не въ

---

[1]) Ср. Reclus I, 919.

[2]) Fuchs, Rom. Spr. 61; ср. Baist, у Gröber Grundriss I, 693.

диковину португальцамъ, но не наоборотъ [1]). Очевидно, испанскій языкъ и теперь сохраняетъ до нѣкоторой степени гегемоническое положеніе на полуостровѣ, которое при благопріятныхъ условіяхъ могло бы довести до признанія его общимъ языкомъ, еслибы этихъ старыхъ отношеній не измѣняли новыя, наблюдаемыя въ южной Америкѣ. Португальскій языкъ растетъ и ширится тамъ вмѣстѣ съ Бразильскимъ государствомъ, испанскій же, наоборотъ, теряетъ подъ собою почву во многихъ областяхъ, особенно же въ заѣденныхъ іезуитами и другими эксплоататорами республикахъ—Аргентинской, Парагваѣ, Урагваѣ [2]). Во всякомъ случаѣ, антагонизмъ испанскаго языка съ португальскимъ въ колоніальныхъ владѣніяхъ замѣтно ослабляетъ тотъ и другой: воспользоваться этимъ могутъ лишь англичане.

Но все же и теперь еще испанскій языкъ уступаетъ лишь русскому, англійскому и нѣмецкому по числу говорящаго на немъ населенія (до 35 мил. [3]); по области же своего распространенія онъ вдвое превышаетъ площадь всей Европы, слѣдуя въ этомъ отношеніи непосредственно за англійскимъ и русскимъ [4]). Этому вполнѣ соотвѣтствуютъ литературные вклады испанскаго языка, его государственная роль и вообще культурное значеніе между образованными языками человѣчества.

Итоги представленнаго очерка образованія общаго испанскаго языка заключаются въ слѣдующемъ:

1) Романскіе говоры Иберійскаго полуострова издревле распадаются на три отдѣльныя діалектическія системы: испанскую, португальскую и каталанскую.

2) Двѣ первыя находятся въ болѣе тѣсномъ взаим-

---

[1]) Ticknor III, 147.

[2]) Ср. Baist, у Grober Grundr. I, 689 сл.

[3]) Ibid. 689. По-португальски-же говорятъ до 20 мил. Ibid. 422.

[4]) Ibid. 689; ср. Reclus I, 910.

номъ сродствѣ, но третья принадлежитъ собственно къ провансальской системѣ.

3) Всѣ три группы говоровъ постепенно передвигались съ сѣвера на югъ, по мѣрѣ оттѣсненія мавровъ.

4) При этомъ передвиженіи колонна средняя, кастильская, отвоевываетъ болѣе областей и становится сильнѣе обѣихъ боковыхъ.

5) Тройственность этихъ языковъ отражается въ литературной и государственной областяхъ.

6) Основою для развитія общаго испанскаго языка послужило разнорѣчіе Кастиліи, въ частности же—говоръ толедскій.

7) Въ XV в. народности кастильская и каталанская соединяются въ одно цѣлое, съ преобладаніемъ первой надъ второю и въ язычной области.

8) Дальнѣйшее существованіе и развитіе каталанской письменности не выходитъ за предѣлы діалектическихъ подлитературъ, какія уцѣлѣли и въ Астуріи, Арагонѣ, Андалузіи.

9) Изъ областей лузитанскихъ Галиція съ XV в. подчиняется безусловному господству языка испанскаго, но Португалія лишь временно и въ ограниченной степени признаетъ его гегемонію.

10) Полному объединенію Иберіи въ области языка помѣшалъ политическій и національный антагонизмъ испанцевъ съ португальцами и внутреннее разложеніе первыхъ подъ Габсбургами, при относительно лучшемъ управленіи въ Португаліи государей Браганцскаго дома.

11) Гегемонія испанскаго языка въ Иберіи была очень благодѣтельна для развитія ея населеній въ національномъ, политическомъ и литературномъ отношеніяхъ; ею преимущественно обусловлено величіе испанской образованности въ XVI—XVII вѣкахъ.

12) Язычный же сепаратизмъ португальцевъ является одною изъ причинъ постепеннаго ослабленія иберійскаго романизма въ Старомъ Свѣтѣ и тяжелыхъ его утратъ въ Новомъ, подъ напоромъ англо-германизма.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Образованіе общаго французскаго языка.

Площадь распространенія французскаго языка, въ широкомъ значеніи этого слова, не представляетъ такой географической опредѣленности, какъ Иберія или Италія, опоясанныя то моремъ, то цѣпями высокихъ горъ. Особенно не ясны французскія язычныя границы на востокѣ и сѣверовостокѣ, со стороны Швейцаріи, Германіи и Бельгіи. Ни Рона, ни Мозель, ни Маасъ, ни Шельда не принадлежатъ французамъ на всемъ теченіи, а раздѣляются въ этомъ отношеніи между ними и нѣмцами. Говоря вообще, линія Вогезскихъ горъ со стороны Эльзаса, а Арденскихъ съ бельгійской стороны, можетъ считаться приблизительною гранью романскаго и германскаго племенъ за Рейномъ. Но грань эта подвергалась не малымъ колебаніямъ не только въ политическомъ, но и въ чисто этнологическомъ отношеніи. Нынѣшняя государственная область Франціи заключаетъ не менѣе $^{9}/_{10}$ всей язычной области французскаго народа. Если же принять во вниманіе еще инородческія области: басковъ на югозападѣ Франціи, кельтовъ на сѣверозападѣ, фламандцевъ на сѣверовостокѣ и итальянцевъ въ Корсикѣ, то пожалуй ихъ совокупность возмѣститъ отторженіе французскихъ по народности земель въ Бельгіи, Лотарингіи, Швейцаріи и Италіи. Во всякомъ случаѣ, при выработкѣ общаго французскаго языка принимали нѣкоторое участіе и эти послѣднія области,

почему при обзорѣ образованія этого языка мы не должны упускать изъ виду и „Francia irredenta,“ по терминологіи итальянской.

Итакъ, разсматривая Francia redenta и irredenta какъ одно цѣлое, мы можемъ сказать, что населеніе этой широкой Франціи по языку распадается теперь на четыре группы:

1. баскскую, 2. кельтскую, 3. нѣмецкую и 4. собственно романскую.

Было время, когда на этой территоріи баски подъ именемъ иберовъ, кельты подъ именемъ галловъ и бельговъ, а нѣмцы подъ именемъ готовъ, бургундовъ, аллемановъ, франковъ, саксовъ, норманновъ играли важную, даже преобладающую въ различныя эпохи роль; но теперь всѣ они заплавлены широкимъ разливомъ романизма и подобно баскамъ Испаніи и кельтамъ Великобританіи принадлежатъ къ народамъ вымирающимъ. Это видно и изъ постепеннаго уменьшенія ихъ территоріи, и изъ малочисленности уцѣлѣвшихъ населеній, которыхъ насчитывается: басковъ до 140.000, кельтовъ въ Нижней Бретани до 1,322.300 (изъ нихъ половина понимаетъ и по-французски) и фламандцевъ до 176.860 душъ. Кажется, было уже время, когда баски и кельты вымерли во Франціи или поглощены были романизмомъ, ибо нынѣшніе, по историческимъ указаніямъ, являются собственно позднѣйшими пришельцами: баски изъ Испаніи въ VI—VII вв. [1]), кельты же въ Бретани—изъ Корнваллиса за Ламаншемъ въ V—VII вв., т. е. въ пору завоеванія англосаксонскаго [2]). Весьма возможно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ области тѣхъ и другихъ будутъ вторично романизованы. Какъ бы въ предчувствіи этой опасности баски устремились въ южную Америку, такъ что теперь уже въ Вене-

[1]) Ср. Achille Luchaire, Études sur les idiomes pyrénéens de la région française. P. 1879, стр. 40.

[2]) J. Loth, L'émigration bretonne en Armorique du V au VII siècle de notre ère. P. 1883; ср. Romania XIII, 438, 440.

цуелѣ, Чили, Аргентинѣ ихъ болѣе, чѣмъ во Франціи [1]). Еще быстрѣе завоеванія французскаго языка въ Бретани: вся восточная часть ея уже двуязычная (gallots), и лишь на крайнемъ западѣ, подъ защитою океана, кроются еще остатки чистыхъ кельтовъ (bretonnants [2]). Что касается фламандцевъ въ сѣверной Франціи, то въ средніе вѣка они занимали значительныя части не только Артоа, но и Пикардіи, теперь же уцѣлѣли лишь въ немногихъ волостяхъ округовъ Газенбрукскаго и Дюнкеркскаго да въ четырехъ общинахъ департамента Па-Де-Кале [3]). Даже въ Бельгіи до послѣдняго времени фламандцы были совершенно подавлены французскимъ языкомъ, что можно и теперь еще замѣтить въ Брюсселѣ, расположенномъ на территоріи на валлонской (французской), а фламандской. И въ великомъ герцогствѣ Люксенбургскомъ нѣмецкій языкъ не вполнѣ еще освободился отъ французскаго, какъ дѣлового въ судахъ, присутствіяхъ и т. п. [4]). Такимъ образомъ, ни одинъ изъ трехъ нероманскихъ языковъ Франціи не играетъ уже теперь сколько нибудь значительной роли въ судьбахъ ея народности, языка, литературы. Ихъ значеніе скорѣе въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ или будущемъ, почему мы и не станемъ далѣе на нихъ здѣсь останавливаться, а перейдемъ къ классификаціи и характеристикѣ французскихъ языковъ, нарѣчій, разнорѣчій романской системы.

Съ глубокой древности до недавняго времени въ наукѣ господствовало дѣленіе разнорѣчій галло-романской системы на двѣ группы: сѣверную и южную или — какъ ихъ зоветъ уже Дантъ — языки d'oïl и d'oc, по формѣ утвердительнаго нарѣчія [5]), которое теперь впрочемъ на

---

1) Reclus N. G. U. II, 87.

2) Reclus II, 617; ср. Suchier, у Gröber Grundr. I, 562.

3) Reclus II, 782; ср. Suchier, у Gröber Grundr. I, 563.

4) Reclus IV, 188.

5) Dante, De vulgari eloquentia I, 8: Alii oc, alii si, alii oïl affirmando loquuntur. Производятъ эти частицы: oïl изъ лат. hoc illud(est), oc изъ hoc(est), итальянское же si изъ sic.

сѣверѣ звучитъ уже oui, на югѣ же нерѣдко о, почему традиціонныя названія: langue d'oïl, langue d'oc слѣдовало бы уже измѣнить въ langue d'oui, а пожалуй и—langue d'o. Совокупность южныхъ говоровъ, по линіи отъ Жиронды на Пюи-Де-Домъ до Гренобля, называли также провансальскимъ языкомъ, въ отличіе отъ собственно-французскаго, къ сѣверу отъ этой линіи [1]). Эту двойственность считали столь основною, что сравнивали ее съ аналогичнымъ дѣленіемъ нѣмецкаго языка на верхненѣмецкую и нижненѣмецкую группы [2]). Такъ думалъ и Дицъ [3]), и Литтре [4]), и всѣ вообще новѣйшіе романисты до тѣхъ поръ, пока не коснулся и этого вопроса знаменитый итальянскій языковѣдъ Асколи, въ своихъ Schizzi franco-provenzali [5]). Примѣненіемъ того же точнаго метода, которымъ уже раньше удалось Асколи внести свѣтъ въ діалектическія отношенія подальпійской ладинской системы [6]), ему теперь посчастливилось открыть на границахъ Франціи, Швейцаріи и Италіи, въ областяхъ, окружающихъ Савойю, по теченію средней Роны, — особый романскій языкъ, промежуточный между французскимъ и провансальскимъ, но не принадлежащій ни къ одному изъ нихъ. Языкъ этотъ онъ назвалъ франко-провансальскимъ. Бэмеръ предложилъ для него наименованіе бургундскаго [7]); Сушье же точнѣе опредѣляетъ его географическимъ тер-

---

[1]) La lengua provenzal, langua frances. Ср. Aubertin M. Origines et formation de la langue et de la métrique françaises. [3] 1883. P. стр. 143, 144.

[2]) Fuchs, Die Romanischen Sprachen 78.

[3]) Diez, Grammatik der Romanischen Sprachen [2] I, 103 сл., 118 сл.

[4]) Littré E, Histoire de la langue française. P. [8] 1882. Онъ принимаетъ четыре романскихъ языка: итальянскій, испанскій (съ португальскимъ заодно), провансальскій и французскій. XIV, XXX.

[5]) Archivio glottologico italiano III, 61 сл.

[6]) Ibid. I, Studj ladini.

[7]) Romanische Studien I, 629.

миномъ—среднеронскія нарѣчія [1]). Можно бы назвать этотъ языкъ и савойскимъ, по центральной области его распространенія.

Есть между галло-романскими нарѣчіями и четвертый кандидатъ въ языки: это нарѣчіе гасконское, которое уже въ XIV вѣкѣ въ провансальской поэтикѣ Leys d'amors причисляется къ lengatge estranh, наряду съ frances, engles, espanhol, lombard [2]). И въ новѣйшее время за самостоятельность гасконскаго языка высказалось нѣсколько компетентныхъ ученыхъ, каковы напр. Шабано, Люшеръ, Сушье [3]) и др. Тѣмъ не менѣе старый взглядъ на принадлежность гасконскаго языка къ провансальской системѣ нарѣчій господствуетъ еще въ наукѣ, почему и въ нашемъ обзорѣ ему не отведено особаго мѣста, какъ самостоятельному языку.

Что касается каталанскаго языка, органически примыкающаго къ окской или окцитанской системѣ въ южной Франціи, то ему отведено мѣсто выше, въ обзорѣ образованія испанскаго общаго языка, такъ что не представляется болѣе надобности распространяться о немъ въ настоящей главѣ, посвященной французскому общему языку, въ образованіи коего каталанскій не принималъ никакого участія.

Итакъ, нашему дальнѣйшему разсмотрѣнію подлежатъ галло-романскія нарѣчія трехъ діалектическихъ системъ: А. окцитанской или провансальской, Б. среднеронской или савойской и В. ойльской или собственно-французской. Первая система обнимаетъ въ настоящее время южную треть

---

[1]) Suchier H., Die französische und provenzalische Sprache und ihre Mundarten, у Gröber Grundriss I, 578, 593 сл.

[2]) Diez, Gram, [2] I, 111.

[3]) Chabaneau, въ Revue des langues romanes. 1879 г., 157 сл.; Luchaire A., Études sur les idiomes pyrénéens. 1879 г., 193 сл.; Suchier, у Gröber Grundriss I, 595 сл. Впрочемъ послѣдній, выдѣляя гасконскія нарѣчія отъ провансальскихъ, не называетъ ихъ языкомъ.

Фоанціи, примѣрно до линіи, которая начинается у Жиронды и довольно правильною дугою, мимо гг. Люссакъ, Ангулемъ, Эгюзонъ (Eguson), направляется къ Сентъ-Этьену (St. Etienne), а за Роною—южнымъ краемъ департамента Изеры (Isère) до итальянской границы, близъ Монъ-Сениса [1]). Въ этихъ предѣлахъ лежатъ старыя провинціи: Гасконь, Гюйенъ, Лимузинъ, Овернь, Лангедокъ, Провансъ и южная часть Дофине, не считая меньшихъ областей, какъ входящихъ болѣе или менѣе въ перечисленныя.

Средneронскій языкъ занимаетъ, по Сушье, департаменты Лоары и Роны на правомъ берегу Роны и департаменты Эна (Ain), Изеры, Савойи—на лѣвомъ ея берегу; затѣмъ—часть Юрской области на сѣверѣ, всю западную Швейцарію, съ Женевою въ центрѣ и Невшателемъ на сѣверѣ, а наконецъ прилегающую къ Савойи часть подъальпійской Италіи (долины Аоста и Соапа [2]). Асколи включалъ въ территоріи этого языка еще департаменты: Дубъ (Doubs), Верхняя Сона (Haute Saône) и Вогезскій лѣсъ; но Сушье оспариваетъ ихъ принадлежность къ среднеронскому языку [3]). По старымъ областнымъ названіямъ эта территорія соотвѣтствуетъ Савойи, частямъ Дофине и Франшъ-Конте и западнымъ кантонамъ Швейцаріи, отъ границъ Пьемонта до Эльзаса.

Вся остальная Франція (за изъятіемъ западной Бретани и сѣверовосточнаго Артоа) вплоть до Океана, Ламанша и линіи Арденно-Вогезской, принадлежитъ населеніямъ ойльской или собственно-французской системы. Система эта занимаетъ: Лотарингію и южную Бельгію (Люттихъ, Брабантъ, Фландрію) на сѣверовостокѣ, Артоа и Пикардію на сѣверѣ, Нормандію, Мэнъ, Анжу, восточную

---

[1]) Gröber Grundriss I, 426; ср. Tourtoulon et Bringuier, Rapport sur la limite géographique de la langue d'oc et de la langue d'oïl. 1876 г.; Romania VI, 630 сл.

[2]) Suchier, у Gröber Grundriss I, 594.

[3]) Ibid. 594. Ср. однако 426!

Бретань и Поату съ Сентонжемъ на западѣ, Турэнъ, Берри, Бургундію на югѣ, а Шампань, Иль-Де-Франсъ, Орлеанэ въ центрѣ, не считая болѣе мелкихъ территоріальныхъ единицъ, примыкающихъ къ одной изъ исчисленныхъ областей [1]).

По числу душъ первое мѣсто между этими тремя галло-романскими языками занимаетъ ойльскій—до 27-ми милл.; второе окцитанскій — до 9-10 милл., третье же среднеронскій—до $2^1/_2$ милл. [2]).

Каждый изъ трехъ вышеназванныхъ галло-романскихъ языковъ дробится на болѣе или менѣе значительное число нарѣчій и разнорѣчій, относительно распредѣленія и точной классификаціи которыхъ еще не достигнуто полнаго согласія между романистами. Въ общихъ чертахъ классификація эта представляется въ слѣдующемъ видѣ:

А. Языкъ окцитанскій дѣлится на нарѣчія и разнорѣчія: 1. гасконское на западѣ, 2. лимузинское и 3. оверньское на сѣверѣ, 4. лангедокское на югѣ и 5. провансское на востокѣ [3]).

Б. Языкъ среднеронскій или савойскій дѣлится на

---

[1]) G. Paris, въ Litterature Française au moyen âge 1 стр, относитъ къ ойльской системѣ древнюю Галлію къ с. отъ Лоары, да къ ю. отъ нея: Saintonge, Poitou, Berri, Nivernais, Bourgogne, Franche Comté, за изъятіемъ онѣмеченныхъ частей на св. и кельтизованныхъ на сз.

[2]) Ср. Gröber Grundriss I, 421. Провансальскій поэтъ Мистраль насчитывалъ въ 1868 г. до 15 милл. окцитанцевъ (Böhmer, Provenzalische Poesie der Gegenwart, 1870 г., 31 стр.), но это, кажется, патріотическое увлеченіе.

[3]) Ср. Gröb. Grundr. I, 428; ср. 596. Такъ приблизительно дѣлилъ окцитанскія разнорѣчія и Дицъ, у котораго находимъ нарѣчія: гасконское, лимузинское, оверньское, лангедокское, новопровансское и отдѣльно отъ него—дофинское, да еще валденское, которыя принадлежатъ собственно къ группѣ Б. Diez, Gram. [2] I, 108—112. То же видимъ у Фукса, прибавляющаго къ пяти нашимъ разнорѣчіямъ еще швейцарское, изъ группы Б. Fuchs, Rom. Spr. 79 сл.

разнорѣчія: 6. дофинское съ валденскимъ, 7. савойское, 8. ліонское и 9. юрское. [1]).

B. Языкъ ойльскій или собственно-французскій распадается на нарѣчія и разнорѣчія: 10. лотарингское на востокѣ, 11. валлонское и 12 пикардское на сѣверѣ, 13. нормандское и 14. поатевинское на западѣ, 15. бургундское на югѣ и 16. центральное или ильдефрансское въ рединѣ ойльской площади [2]).

Такимъ образомъ мы получаемъ 16 діалектическихъ особей галло-романскаго языка нашего времени. Многія изъ нихъ въ свою очередь подраздѣляются на большее или меньшее число разновидностей, которыхъ въ одной окцитанской группѣ насчитываютъ до 107 [3]); со средне-ронскими и ойльскими ихъ конечно наберется до 200. Изъ этого множества разнорѣчій и говоровъ мы приведемъ для примѣра лишь нѣсколько, болѣе извѣстныхъ. Гасконское нарѣчіе дробится на разнорѣчія: беарнское (béarnais), ландское (landais), бигурданское (bigourdan), арманьякское (armagnac), комменжское (commingeois) и

---

[1]) Ср. Schnakenbourg, Tableau synoptique et comparatif des idiomes populaires ou patois de la France. Berlin 1840 г.. стр. 40; Zeitschr. für Rom. Phil. III, 459.

[2]) Gröber Grundriss I, 428; ср. 600, 603. Дицъ принималъ въ ойльскомъ тѣ же нарѣчія: лотарингское, валлонское, пикардское, нормандское (съ поатевинскимъ), бургундское и франційское (ильдефрансское), но въ другой послѣдовательности. Gram. [2] I, 123—128. Фуксъ свелъ ихъ къ четыремъ основнымъ: лотарингскому, валлонскому, пикардскому и бургундскому, очевидно придавая послѣднему слишкомъ широкое значеніе. Fuchs, Rom. Spr. 80. Литтре тоже сводитъ нарѣчія ойльскія къ тремъ основнымъ: нормандскому, пикардскому, бургундскому, допуская однако значительную самостоятельность и валлонскаго. Littré, Histoire de la langue française [8] II, 204 сл., 98, 133 сл. Впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду болѣе древнефранцузскіе литературные діалекты, чѣмъ новофранцузскія нарѣчія.

[3]) Gröber Grundriss I, 604 сл.

жирондинское (girondin [1]); лимузинское дѣлится на разнорѣчія: верхнелимузинское (haut-limousin), перигурдинское (perigourdin) и нижнелимузинское (bas-limousin [2]); лангедокское на разнорѣчія: одское (d'Aude et d'Herault), нимское, севеннское, авейронское [3]) и южное [4]); провансское на разнорѣчія: ронское, марсельское, ниццское [5]); лотарингское на разнорѣчія: южное, мецское (messin), эльзасское [6]); валлонское на разнорѣчія: люттихское (liègeois), намюрское, геннегауское (hainaut), турнейское [7]); нормандское на разнорѣчія: восточное или верхненормандское, среднее или нижнесенское, ожское (Auge), каенское (Caen), западное или котантинское (Cotentin [8]), примыкающее далѣе къ бретаньскому, мэнскому, анжуйскому и туренскому [9]); поатевинское на разнорѣчія: вандейское (Vendée), верхнепоатевинское и сентонжское (saintongeois [10]); центральное наконецъ обнимаетъ разнорѣчія: беррійское, ниверское, орлеанское и шампанское, а наконецъ—ильдефрансское, съ парижскимъ во главѣ [11]).

Въ какомъ же діалектическомъ разстояніи находятся эти языки, нарѣчія, разнорѣчія? Насколько исключено или затруднено взаимное ихъ пониманіе?

Полная діалектическая самостоятельность языковъ окцитанскаго и ойльскаго является давно сознаннымъ и на-

---

[1]) Luchaire A., Etudes и т. д. 248.

[2]) Chabaneau, Grammaire Limousine, въ Revue des langues romanes II, 168.

[3]) По P. Meyer'у это центръ окцитанскаго языка. Romania IX, 214.

[4]) Schnakenbourg, Tableau и т. д. 42.

[5]) Tourtoulon, въ Revue des langues romanes I, 43.

[6]) Schnakenbourg, Tableau 33 сл.

[7]) Cp. Reclus, Géogr. IV, 80.

[8]) Joret Ch., Des caractères et de l'extension du patois normand. P. 1883, стр. 166.

[9]) Cp. Littré, Histoire de la langue [2] II, 202.

[10]) Schnakenbourg, Tableau 31.

[11]) Cp. ibid. 29. Jaubert, Glossaire du centre de la France. Paris [2] 1864 г., стр. V сл

учно доказаннымъ положеніемъ. Ихъ взаимное отношеніе можно уподобить различію испанскаго отъ португальскаго, или тосканскаго отъ ломбардскаго, причемъ въ этихъ трехъ парахъ первые члены (окцитанскій, испанскій, тосканскій) стоятъ ближе и къ латинскому и другъ къ другу, чѣмъ вторые (ойльскій, португальскій, ломбардскій), объединяемые сильною подмѣсью кельтизма [1]). Во всякомъ случаѣ, различіе нарѣчій окцитанской системы отъ ойльской настолько велико, что, по свидѣтельству такого безпристрастнаго и компетентнаго судьи, какъ парижскій профессоръ Гастонъ Пари, уроженецъ французскаго сѣвера хотя и угадаетъ въ бесѣдѣ съ гасконцемъ или провансцемъ смыслъ нѣсколькихъ словъ, но совершенно не пойметъ его рѣчи. Даже просторѣчія пикардское, нормандское, лотарингское, сентонжское, по Г. Пари, мало понятны парижанину [2]). Если же это такъ, если крестьянинъ ильдефрансскій мало понимаетъ рѣчь сосѣдняго пикардца или нормандца, то отсюда слѣдуетъ, что онъ вовсе не пойметъ рѣчи савойца или дофинца, принадлежащей къ другой діалектической системѣ (среднеронской). Есть указанія на трудность взаимнаго пониманія даже частей одного нарѣчія, напр. въ департаментахъ Ландъ (Landes) и Вьенны (Vienne [3]). Еще больше должны быть эти затрудненія въ разнорѣчіяхъ горныхъ и пограничныхъ, напр. въ Пиренеяхъ, Альпахъ, Арденнахъ, гдѣ на говоры окцитанской, среднеронской и ойльской системъ воздѣйствуютъ смежныя нарѣчія—испанскія, итальянскія и даже нѣмецкія. Подъ вліяніемъ послѣднихъ валлонское нарѣчіе приняло столь своеобразный видъ, что лишь при внимательномъ наблюденіи и анализѣ можно признать въ немъ

---

[1]) Diez, Gram. [2] I, 104; Littré, Dictionnaire de la langue française. P. 1873 г. Предисловіе стр. XLVII; Ascoli, Una lettera glottologica.

[2]) Gaston Paris, Grammaire historique de la langue française. Leçon d'ouverture. P. 1868, стр. 6.

[3]) Revue des langues romanes. 1877 г., стр. 190.

вѣтвь романской язычной системы [1]). Такимъ образомъ, не лишено основаній увѣреніе проф. Брюнетьера, что „разстояніе между діалектами дюнкеркскимъ (пикардскимъ) и байонскимъ (гасконскимъ) гораздо дальше, чѣмъ въ Германіи между говорами бранденбургскимъ и рейнскимъ, или въ Италіи между базиликатскимъ (апульскимъ) и лигурскимъ, ибо тамъ взаимное пониманіе совсѣмъ исключено, здѣсь же возможно" [2]).

Но, быть можетъ, столь глубокое различіе просторѣчій галло-романской системы выработалось лишь въ недавнее время и не можетъ характеризовать діалектическихъ отношеній Франціи въ періодъ установленія въ ней общаго языка?

Наоборотъ, имѣются несомнѣнныя доказательства глубокой древности нынѣшнихъ нарѣчій и разнорѣчій Франціи, при чемъ степень ихъ взаимныхъ различій лишь медленно измѣнялась со временемъ, и то не всегда въ расходящемся направленіи, а кое-гдѣ и въ сходящемся.

Для прошлаго вѣка имѣются любопытныя данныя о степени пониманія одного изъ ойльскихъ нарѣчій, именно центральнаго, въ его образованномъ видѣ, въ средѣ другихъ нарѣчій французскаго востока, запада, юга. Это —письма о различныхъ французскихъ просторѣчіяхъ или patois, писанныя около 1794 г. члену конвента аббату Грегоару, вознамѣрившемуся уничтожить всѣ эти просторѣчія и собиравшему необходимыя для того свѣдѣнія и справки [3]). Въ письмахъ или донесеніяхъ этихъ многочисленные корреспонденты революціоннаго аббата жалуются почти единогласно на плохое пониманіе оффиціальнаго, т. е. парижскаго языка во всѣхъ почти департаментахъ,

---

[1]) Littré, въ Histoire ² II, 99, 133.

[2]) Къ послѣднему Поль Мейеръ прибавляетъ: „да, возможно, если оба говорятъ по-тоскански!" Revue des langues Romanes 1880 г.; ср. Romania IX, 619.

[3]) Lettres à M. Gregoire sur les patois. Напечатаны въ извлеченіяхъ въ Revue des langues romanes, 1874 и сл. годовъ.

кромѣ занятыхъ разнорѣчіями серединнаго, бургундскаго и поатевинскаго нарѣчій. Такъ въ департаментѣ Жеръ (Gers, въ Гюйэнѣ) поселяне пытаются-де иногда изъ тщеславія говорить по-французски, но не знаютъ ни одного слова [1];.... они весьма бы рады говорить по-французски, конечно, не между собою... но говорятъ-де уморительно [2]). Въ департаментѣ Лота-и-Гаронны (Lot et-Garonne, тамъ же) мѣстные уроженцы хорошо понимаютъ-де нарѣчія провансское и лангедокское, но лишь очень немногіе поселяне говорятъ и понимаютъ по-французски, такъ что проповѣди, поученія, катихизацію приходится произносить на мѣстномъ просторѣчіи [3]). Въ области Перигордской (Perigord), по словамъ донесенія, лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ (т. е. около 1774 г.) считалось смѣшнымъ говорить по-французски; теперь языкъ этотъ употребляется-де уже въ городахъ, но по селамъ, особенно въ сношеніяхъ съ простонародьемъ, приходится говорить по-перигордски, ибо иначе васъ не поймутъ [4]). Въ Оверни мѣстные патоа отводятъ населеніе отъ чтенія (французскихъ) книгъ, а слѣдовательно мѣшаютъ-де успѣхамъ мысли [5]). Въ департаментѣ Верхне-Вьенскомъ (Haut-Vienne, въ области Limousin) мѣстные жители понимаютъ-де по-французски (т. е. уже свыклись нѣсколько съ нимъ), но большинству чрезвычайно трудно говорить на немъ [6]). Въ Нижнемъ Лангедокѣ (Carcassone) лѣтъ за двадцать (т. е. около 1774 г.) никто не говорилъ-де по-французски, но ко времени составленія донесенія уже многіе горожане и даже поселяне усвоили его нѣсколько, кромѣ болѣе удаленныхъ деревень, гдѣ рѣже приходится его слы-

---

1) Revue des langues romanes 1875 г., 94 стр.

2) Ibid. 99.

3) Ibid. 1876 г., 284.

4) Ibid. 1877 г., 215.

5) Ibid. 233.

6) Ibid.

шать [1]). Въ Верхнемъ же Лангедокѣ (Haut-Languedoc), въ кантонѣ Руэргскомъ, по донесенію прославившагося потомъ и гильотинованнаго въ 1794 г. экскапуцина Шабо (François Chabot), изъ 40.000 жителей не болѣе 10.000 понимали по-французски, до 2.000 могли говорить и до 3.000 читать на немъ [2]). Даже образованные и знатные руэргцы говорили обыкновенно на patois, равно какъ и всѣ ремесленники. Проповѣди и катихизація велись вообще на patois [3]).

Лучше обстояло дѣло въ области среднеронскаго языка. Юрскіе горцы (прибавимъ, ведущіе издавна кочевую жизнь и заходившіе нѣкогда на промыслы до Мадрита, Милана, Рима, даже Аѳинъ [4]) понимаютъ-де уже по-французски, а большинство можетъ и объясняться на этомъ языкѣ [5]). Въ Бургундіи въ то время настолько распространено было знаніе оффиціальнаго языка, что на немъ велась проповѣдь [6]). Въ герцогствѣ Буильонскомъ (область валлонскаго нарѣчія) поселяне также въ состояніи были объясняться не только на patois, но и на плохомъ французскомъ: на послѣднемъ произносились у нихъ публичныя рѣчи, писались обязательства, судебные акты и т. п [7]). Въ Поату (Poitou) всѣ уже понимали тогда по-французски, но говорили очень плохо, хотя и не на patois (? [8]). И въ Берри (Berry), по мнѣнію корреспондента, говорили тогда не на patois, какъ въ сосѣднихъ Маршѣ (Marche), Лимузинѣ, Оверни, а на языкѣ французскомъ, хотя съ грамматическими ошибками, какъ и въ окрестностяхъ Парижа [9]).

---

[1]) Revue des l. Rom. 1874 г., 428, 432.
[2]) Ibid. 1875 г., 124.
[3]) Ibid. 128.
[4]) Reclus, Géographie II, 366.
[5]) Revue des l. rom. 1878 г., 246.
[6]) Ibid. 59.
[7]) Ibid. 66 сл.
[8]) Ibid. 1879 г., 71.
[9]) Ibid. 67.

При оцѣнкѣ этихъ донесеній нужно имѣть въ виду, что авторы знали о несочувствіи просторѣчіямъ аббата Грегоара, а потому замѣтно принорovлялись къ его вкусу и цѣлямъ, скорѣе стушевывая различія просторѣчій, чѣмъ преувеличивая ихъ. Но и въ этомъ видѣ все-таки довольно ярко выступаетъ діалектическая пестрота Франціи конца прошлаго вѣка. Аббатъ Грегоаръ имѣлъ право жаловаться, что „шесть милліоновъ его согражданъ совсѣмъ не понимали французскаго языка, а шесть другихъ милліоновъ были неспособны вести на немъ связную рѣчь. Мы не имѣемъ уже провинцій,—восклицалъ онъ съ горечью, но имѣемъ тридцать patois, которые напоминаютъ имена этихъ провинцій и дѣлаютъ тридцать народовъ изъ одного“ [1]).

Трудности пониманія простонародьемъ оффиціальнаго языка были столь очевидны, что Constituante и Convention принуждены были обнародывать свои декреты и на просторѣчьяхъ. Чтобы устранить это въ будущемъ и замѣнить всѣ patois тѣмъ республиканскимъ языкомъ, на которомъ писано пресловутое Déclaration des droits, состоялось даже постановленіе о назначеніи учителя французскаго языка въ каждую общину пограничныхъ департаментовъ [2]). Все это не привело, конечно, къ предначертанному конвентомъ уничтоженію просторѣчій, но все же можетъ служить доказательствомъ ихъ силы и значительной разрозненности уже въ вѣкъ революціи.

Но и гораздо ранѣе 18-го в. мы находимъ не мало свидѣтельствъ и указаній на существованіе во Франціи приблизительно тѣхъ же діалектическихъ отношеній, какія встрѣчаемъ въ ней теперь. Такъ знаменитый гуманистъ I. I. Скалигеръ въ сочиненіи: De hodiernis Francorum linguis (1599 г.), перечисляетъ нарѣчія: валлонское, франкское, поатевинское, гасконское, перигордское и лимузин-

---

1) Revue d. l. R. 1874 г., 418.

2) Ibid. 418.

ское [1]), изъ коихъ три первыя относятся къ ойльской, три же послѣднія—къ окцитанской системѣ. Страннымъ могло бы показаться опущеніе Скалигеромъ довольно существенныхъ нарѣчій, каковы: пикардское, нормандское, бургундское, оверньское, лангедокское и провансское; но можно догадываться, что онъ включилъ въ своемъ перечнѣ первое въ валлонское, второе и третье — во франкское (ильдефрансское), три же послѣднія—въ лимузинское, которое часто понималось въ очень широкомъ смыслѣ. Нѣсколько ранѣе Скалигера, другой великій гуманистъ XVI вѣка Генрихъ Стефанъ (Henri-Estienne) также касается въ одномъ изъ своихъ сочиненій французской діалектологіи и перечисляетъ нарѣчія: провансское, гасконское, поатевинское, нормандское, ліонское и др. [2]).

Если отъ XVI-го в. перенесемся еще двумя-тремя вѣками дальше, то и тамъ встрѣтимъ тѣ же приблизительно нарѣчія и то же взаимное ихъ разграниченіе. Такъ Роджеръ Бэконъ въ своемъ Opus majus (1240 г.) говоритъ, что „французскій языкъ употребляется у галловъ (ильдефрансцевъ), норманновъ (нормандцевъ), пикардцевъ и бургундцевъ въ многоразлично измѣненныхъ нарѣчіяхъ“ [3]). Насколько понимали тогда на югѣ рѣчь сѣверянъ, это видимъ изъ сохранившагося заявленія нотаріуса въ знаменитомъ лангедокскомъ городѣ Альби (Albi) отъ 1229 г., въ которомъ онъ извиняется, что не могъ разобрать написи на печати, ибо она писана „на французскомъ либо другомъ чуждомъ для насъ языкѣ“ [4]). Выше приведено мѣсто изъ Leys d'amors XIV-го в., гдѣ французскій языкъ

---

[1]) Gröber, Grundr. I, 26.

[2]) Ср. Brunot Ferd., Précis de grammaire historique de la langue Française. P. 1887 г., стр. 28.

[3]) Lingua gallicana... apud gallicos, normannos, picardos, burgundos multiplici variatur idiomate. Brachet A., Grammaire historique de la langue française. [33] 1880. Paris. 44 стр.; ср. Diez, Gram. [2] I, 122.

[4]) In lingua gallica vel alia nobis exstranea. Ср. Brachet, Dict. Etym., ср. L. Aubertin, Origines [3] 144.

признается столь же чужимъ, какъ англійскій, испанскій, ломбардскій [1]).

Изъ этого видно, что отношенія Франціи XIII—XIV вв. приблизительно соотвѣтствовали нынѣшнимъ, по количеству и качеству діалектическихъ единицъ.

Что касается устойчивости ихъ границъ, то самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ ея могутъ служить слѣдующія слова знаменитаго флорентинца и учителя Данта, Брунетто Латини, въ его энциклопедіи „Li tresors": „настоящая Франція начинается у г. Ліона на Ронѣ и тянется до Фландріи, Англійскаго моря (канала), обнимая Пикардію и Нормандію, Малую Бретань, Анжу и Поату, до Борделе и р. Жиронды, а затѣмъ до Пюи-Нотръ-Дамъ" [2]). Очерченная Брунеттомъ территорія и теперь служитъ площадью „настоящей Франціи", т. е. нарѣчій ойльской системы.

Нельзя отрицать, что и въ средѣ галло-романскихъ нарѣчій совершаются медленныя передвиженія границъ. Такъ ойльскій языкъ значительно отодвинулъ къ югу окцитанскія разнорѣчія, особенно по направленію изъ Поату чрезъ Сентонжъ къ Бордо, гдѣ гасконскій почти совершенно исчезъ [3]). Сверхъ того центральное ильдефрансское нарѣчіе расширилось нѣсколько и на счетъ нормандскаго [4]). Въ XVI в. оно было занесено кальвинистами и

---

[1]) Diez, Gram. [2] I, 111.

[2]) Puis commence la droite France à la cité de Lion sur le Rosne, et dure jusqu'en Flandres, à la mer d'Angleterre et en Picardie et Normandie, et la Petite Bretagne et Anjou et en Poitou jusq' à Bordele et au flum de la Gironde, jusqu'au Pui-Nostre-Dame. Li Tresors I, pars 4, cap. 124. Cp. Revue des l. Rom. 1879 г., 52 стр.

[3]) По словамъ Поля Мейера, въ средніе вѣка окцитанскій языкъ шелъ далеко на сѣверъ отъ Жиронды и сливался съ языкомъ ойльскимъ приблизительно между Barbezieux и Charente. Romania VI, 633; ср. Reclus, Géogr. II, 169.

[4]) Joret Ch., Des caractères.... du patois normand. Стр. 134, 139.

на Севенны въ Лангедокѣ, гдѣ оставило замѣтные слѣды на мѣстномъ окцитанскомъ разнорѣчіи [1]).

Но всѣ эти мелкія передвиженія нисколько не колеблютъ общаго положенія о замѣчательной устойчивости французскихъ нарѣчій и разнорѣчій, позволяющей сравнивать нынѣшнія ихъ отношенія не то что съ XIII-мъ или даже XI-мъ вѣкомъ, а и съ этнологическою картиною Галліи временъ Юлія Цезаря.

Самая тройственность діалектическихъ системъ нынѣшней романской Франціи невольно напоминаетъ свидѣтельства Юлія Цезаря и Плинія Старшаго о раздѣленіи тогдашней Галліи рѣками Гаронною и Сеною съ Марною на три части: Aquitanica, Celtica, Belgica, различныя между собою по языку, учрежденіямъ и законамъ [2]). Конечно, судя по географическому размѣщенію, эти три части могутъ относиться лишь къ нарѣчіямъ: 1. окцитанскимъ, 2. собственно-ойльскимъ и 3. пикардо-валлонскимъ [3]), не касаясь вовсе среднеронской системы нарѣчій; но по аналогіи и для послѣдней можно предполагать если не ближайшую, то болѣе глубокую подпочву въ этнологическихъ отношеніяхъ Цезаревой Галліи. Кстати напомнить здѣсь, что и нынѣшняя племенная граница французско-нѣмецкая замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ кельто-германскою въ вѣкъ Ю. Цезаря [4]). Совпаденіе это указываетъ на глубокую древность и другихъ этнолого-діалектическихъ граней и группъ въ этой, повидимому, столь измѣнчивой, на

---

[1]) Revue des langues rom. 1884 г., стр. 53.

[2]) Caes. De bello Gallico I, 1; Plin. Hist. Natur. IV, 31.

[3]) Шабано видитъ въ трехъ Галліяхъ Цезаря основу для позднѣйшаго образованія языковъ: а) ойльскаго, б) окцитанскаго и в) гасконскаго, Revue des l. Rom. 1879 г., 157. Но это трудно согласить съ географическими указаніями Юлія Цезаря на рѣки Сену и Гаронну, какъ пограничныя между тремя Галліями. Ужели окцитанская область простиралась когда либо отъ Гаронны до Сены и Марны?

[4]) Gröber, Grundr. I, 569.

дѣлѣ же—въ высшей степени стойкой и упругой романской средѣ.

Такимъ образомъ, хотя языки окцитанскій, средне-ронскій, ойльскій въ нынѣшнемъ своемъ составѣ и строѣ не древнѣе начала среднихъ вѣковъ, но корнями своими они достигаютъ очень старой, галло-римской эпохи, подобно основнымъ романскимъ языкамъ Италіи и Иберіи.

Если перейдемъ теперь отъ этихъ общихъ историко-діалектическихъ замѣчаній къ вопросу о времени и условіяхъ зарожденія во Франціи общаго литературнаго, общественнаго и государственнаго языка, то найдемъ, что и здѣсь такой языкъ выработанъ продолжительнымъ трудомъ многихъ нарѣчій и поколѣній, при взаимодѣйствіи очень разнообразныхъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Начало этого процесса восходитъ къ X—XI-му в.; его критическую пору составляютъ XIV—XV вв.; окончательная же кодификація правъ и обязанностей общаго языка принадлежитъ XVII-му в. Въ виду такой продолжительности и сложности образованія общаго языка Франціи, мы разсмотримъ его послѣдовательные фазисы въ періоды: 1. древній, обнимающій время до конца XIII-го в., 2. средній, въ XIV—XV вв. и 3. новый, съ XVI по XIX-ый в.

Въ древне-французскій періодъ почти одновременно началась и съ большимъ успѣхомъ производилась, особенно въ XI—XIII вѣкахъ, литературная обработка окцитанскихъ и ойльскихъ нарѣчій. Среднеронское же обнаруживаетъ мало литературной жизни, подобно подальпійскимъ нарѣчіямъ Италіи того же періода.

Окцитанская или — какъ обыкновенно, хотя не совсѣмъ точно выражаются—провансальская литература достигаетъ своими началами такой древности, какою не можетъ похвалиться ни одинъ изъ прочихъ романскихъ языковъ, за исключеніемъ собственно французскаго. Отдѣльныя провансальскія фразы въ латинскихъ грамотахъ встрѣчаются съ X вѣка, въ преобладающемъ надъ латынью числѣ—съ начала XI в., чисто же провансальскія грамоты—

съ XII в. [1]). Не позже 950 г. написана поэма Boethius, сохранившаяся въ спискахъ XI в. [2]). Вообще, въ X—XI вв. въ провансальской литературѣ преобладала духовная струя, въ видѣ легендъ, набожныхъ пѣсенъ, формулъ исповѣданія вѣры, исповѣди и т. п. [3]). Въ сохранившихся, правда, очень скудныхъ памятникахъ этой литературы открываютъ слѣды разныхъ окцитанскихъ діалектовъ, причемъ не замѣтно еще господства одного изъ нихъ, въ видѣ общаго провансальскаго языка [4]). Таковой появляется и постепенно утверждается лишь съ конца XI-го и начала XII вѣка, когда выступаютъ трубадуры и вырабатываютъ художественную по формѣ, хотя и неглубокую по содержанію провансальскую лирику, съ примыкающими къ ней видами дидактической литературы. Для такой искусственной, условной поэзіи необходимъ уже былъ и искусственный языкъ, тѣмъ болѣе, что трубадуры и распространявшіе ихъ пѣсни жоглары (joglar, изъ joculator) переѣзжали изъ одной области въ другую—изъ Тулузы въ Монпелье, изъ Нарбоны въ Барселону, изъ Марсели въ Монферратъ, Верону, Палермо [5]), и не могли каждый разъ переливать своихъ затѣйливыхъ по риѳмовкѣ и строфамъ пѣсенъ въ новую діалектическую форму. Который же изъ діалектовъ окцитанскихъ удостоился чести стать основою этого блестящаго и славнаго въ XII—XIII вв. языка трубадуровъ? Единогласное свидѣтельство древности даетъ на этотъ вопросъ самый точный отвѣтъ: это былъ діалектъ лимузинскій и—какъ думаютъ—среднелимузинскій [6]). Классическое о томъ свидѣтельство находимъ у теоретика поэзіи трубадуровъ Раймона Видаль, въ его Поэтикѣ или Las reglas

---

[1]) Bartsch K., Grundriss zur Geschichte der Provenzalischen Literatur. Elberfeld. 1872 г., стр. 2.

[2]) Ibid. 8.

[3]) Ibid. 3, 10, 11.

[4]) Ibid. 12.

[5]) Ibid. 26.

[6]) Chabaneau, въ Revue des l. Rom. 1879 г., стр. 162, 170.

de trobar: „кто хочетъ съ успѣхомъ стихотворствовать, тотъ долженъ знать рѣчь лемозинскую,... какъ самую естественную и правильную въ провансальской поэзіи“ [1]). Терминъ „лимузинскій“ въ примѣненіи къ языку трубадуровъ до того былъ распространенъ въ XIII вѣкѣ, что въ Каталоніи, какъ мы видѣли, его присвоили и своему поэтическому языку, отличая: lo llemosi и lo català, какъ высшій и низшій стили одного и того же языка. Впрочемъ, въ Италіи терминъ этотъ былъ мало извѣстенъ: чаще употреблялось названіе lingua provenzal [2]). Изъ этого не слѣдуетъ однако, что была особая школа трубадуровъ, пѣвшихъ не на лимузинскомъ а на провансскомъ діалектѣ. Въ Италіи болѣе знали послѣдній, какъ смежный съ Пьемонтомъ, чѣмъ отдаленный лимузинскій, почему охотнѣе употребляли терминъ знакомый вмѣсто незнакомаго.

Чѣмъ же обусловлено было возвышеніе въ общій языкъ Окцитаніи не провансскаго нарѣчія, прилегавшаго къ древнегреческой Марсели, къ столичному нѣкоторое время Арлю (Arles) и къ славному—правда, въ болѣе позднюю эпоху—Авиньону, даже не лангедокскаго, съ его старою Нарбоною и знаменитою въ средніе вѣка Тулузою, — а болѣе отдаленнаго отъ культурныхъ средоточій, болѣе глухого по своему положенію лимузинскаго нарѣчія?

Кажется, самое это удаленіе отъ старыхъ очаговъ

---

[1]) Totz hom qui en trobar vulla entendre, deu saber la parladura del Lemozi... Nenguna parladura no es tan natural ne tan dreta a trobar del nostre lengatge, com aquella de Proenza (не Perigord ли?), o de Lemozi, o de Saintonge, o d'Alvergna, o de Caerci (Romania VI, 346). Въ послѣднемъ выраженіи насъ нѣсколько удивляетъ вставка слова: de Proenza, если подъ нимъ разумѣть область Провансъ, ибо она ни тогда, ни послѣ не входила въ ту діалектическую подгруппу, куда можно отнести съ Видалемъ — Лимузинъ, Сентонжъ, Овернь и Кэрси (Quercy), т. е. вообще сѣверозападный край Окцитаніи.

[2]) Chabaneau, Revue des l. Rom. 1879 г., стр. 160.

латинской образованности было первымъ благопріятнымъ условіемъ для болѣе самостоятельнаго роста и успѣшнаго развитія этого именно захолустнаго, такъ сказать, нарѣчія [1]). Оно менѣе испытывало на себѣ покровительственный гнетъ латыни, уже умиравшей въ государственной жизни, но поддерживаемой церковью, школою, литературою. Вотъ почему въ древнѣйшихъ произведеніяхъ провансальской духовно-поучительной поэзіи, напр. въ поэмѣ о Боэціи, въ отрывкахъ Евангелія отъ Іоанна и др. въ X—XI вв. не безъ основанія, кажется, видятъ черты верхнелимузинскаго діалекта [2]). Лимузинъ напоминаетъ въ этомъ отношеніи Умбрію XIII вѣка, гдѣ по аналогичнымъ причинамъ ранѣе чѣмъ въ Романьи развилась такая же набожная лирика, послужившая одною изъ основъ развитія болонской и тосканской художественной лирики конца того же вѣка. При столь раннемъ возникновеніи въ Лимузинѣ чего-то въ родѣ поэтической школы на мѣстномъ діалектѣ, послѣдній легко могъ стать кристаллизаціонною точкою для развитія и болѣе свободныхъ видовъ литературы. Этимъ мы объясняемъ себѣ, почему поатьерскій графъ Вильгельмъ IX (род. въ 1071 г. † 1127? [3]), взявшись за перо для воспѣванія дамъ и войны, воспользовался при этомъ творчествѣ или трубадурствѣ не своимъ роднымъ поатевинскимъ нарѣчіемъ (ойльской системы), а сосѣднимъ лимузинскимъ [4]). На этомъ же діалектѣ пѣлъ потомъ и другой поатьерскій графъ, а вмѣстѣ англійскій король, Ричардъ I Львиное Сердце [5]). Но къ тому времени, когда выступаетъ послѣдній (ок. 1169 — 99 годовъ), лимузинскій діалектъ получилъ уже высокую ли-

---

[1]) Ср. Boucherie, Revue d. l. R. 1879 г., 163.

[2]) Chabaneau, Revue des l. Rom. 1879 г., 169.

[3]) Diez Fr., Leben und Werke der Troubadours. 1829 г., стр. 3.

[4]) По Шабано, это былъ средне-лимузинскій діалектъ. Revue d. l. Rom. 1879 г., 161, 162, 163, 170.

[5]) Diez, Leben. 100.

тературную обработку, благодаря блестящей плеадѣ трубадуровъ, выставленныхъ Лимузиномъ и примыкающими къ нему частями Окцитаніи: Перигордомъ, Кэрси (Quercy), Оверныо и Веле въ сѣверномъ Лангедокѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы выдѣлимъ въ особую группу трубадуровъ этой сѣверной части Окцитаніи, то въ ней встрѣтимъ по крайней мѣрѣ три четверти того, чѣмъ возвеличилась и гордится провансальская литература [1]). Лимозинской, а не гасконской или провансской школѣ принадлежали Вентадуръ и Борнейль, Бертранъ Де-

---

[1]) Сюда относятся: 1. трубадуры собственно лимузинскіе: Bernart de Ventadour ок. 1140—95 г., Guiraut de Borneil ок. 1175—1220 и Gaucelin Faidit ок. 1190—1240, изъ менѣе же извѣстныхъ еще Gui de Uisel; 2. трубадуры сентонжскіе: Jaufre Rudel ок. 1140—70 и Richart de Barbezieux; 3. трубадуры перигордскіе: Arnaut de Marveil ок. 1170—1200, Bertran de Born ок. 1180—95, Arnaut Daniel ок. 1180—1200 и менѣе извѣстный Elias Cairel въ XIII в.; 4. трубадуры кэрсійскіе (Quercy): Uc de Saint-Cyr. ок. 1200—1240 г. и Bernart Arnaut de Monteuc; 5. трубадуры оверньскіе: Peire d'Auvergne ок. 1155—1215, Peire Rogier ок. 1160—80, дофинъ Robert d'Auvergne ок. 1169—1234, Peirol ок. 1180—1225 и Montaudon ок. 1180—1200 г. и 6. трубадуры велейскіе (Velay): Pons de Capdueil ок. 1180—90, Guillem de Saint-Didier ок. 1180—1200 и Peire Cardinal ок. 1210—1230. Для Гаскони, остальнаго Лангедока и Прованса съ Дофинè остается уже довольно мало, а именно: 7. трубадуры гасконскіе: Aimeric de Belenoi XIII в. (изъ Бордо), Elias de Barjols (изъ Agenois), Guiraut de Calanson ок. 1211 г.; 8. трубадуры лангедокскіе: Peire Raimon ок. 1170—1200 г., Peire Vidal ок. 1175—1215, Aimeric de Geguilain ок. 1205—70, Guillem Figueira (всѣ четверо тулузцы), Marcobrun ок. 1140—85, Raimon de Miraval ок. 1190—1220 (оба каркасонцы), Guillem de Balaun (изъ Монпелье); 9. трубадуры провансскіе: Rambaut III comte d'Orange, Rambaut de Vaqueiras ок. 1180—1207 (оранжцы), Folquet de Marseille ок. 1180—1231, Paulet de Marseille ок. 1265, Bertran Carbonel (марсельцы), Gui de Cavaillon, Bonifaci de Castellane XIII в., Bertran de Alamanon, и наконецъ 10. трубадуръ дофинецъ Folquet de Romans XIII в. Ср. Diez, Leben u. W. d. Tr.

Борнъ, Даніель и Пейре Кардиналъ, со многими другими первокласными провансальскими лириками и сирвентистами. Если прибавить къ этому еще внутреннія достоинства лимузинскаго діалекта, чистоту его состава и архаичность многихъ формъ [1]), то мы поймемъ причину оказаннаго ему предпочтенія передъ всѣми прочими окситанскими діалектами.

Лучшимъ доказательствомъ того, что провансальскій языкъ достигъ къ XIII вѣку полной опредѣленности формъ и законченнаго развитія, служатъ уцѣлѣвшія провансальскія грамматики и поэтики, напр.: „Donat proenzal,“ второй четверти XIII в. и „Razos de trobar,“ принадлежащая провансальскому новеллисту XIII же вѣка Раймону Видалю [2]). Но полный сводъ провансальской грамматики, риторики и поэтики трубадуровъ составленъ нѣсколько позже, въ XIV в., Гильемомъ Молиньеромъ (Guillem Molinier) подъ названіемъ „Законовъ любви“ или „веселаго искусства“ (Las Leys d'amors или del gay saber [3]).

Впрочемъ, не всѣ роды и виды провансальской литературы пользовались этимъ правильнымъ, грамматическимъ языкомъ: parladura drecha, dreg proenzal. Наоборотъ, онъ примѣнялся лишь къ изысканной и тонкой поэзіи трубадуровъ: въ канцонахъ (canzos), сирвентахъ (sirventes), тенцонахъ (tenzone), балладахъ (balada, dansa [4]) и т. п., гдѣ нужно было „пѣть роскошно, туманно, тонко, въ намекахъ“ [5]). Кто писалъ попроще, въ повѣствовательномъ и дидактическомъ родѣ или въ прозаическомъ изложеніи, тотъ не держался очень строго нормъ правильнаго языка и вводилъ съ большей или меньшей свободою діалектизмы [6]). Это замѣтно напр. въ поэмѣ Croisade Albi-

---

[1]) Gröber Grundr. I, 573.

[2]) Gröber Grundr. I, 5; cp. Diez, Gram. [2] I, 106. Bartsch, Grundriss 65—66.

[3]) Gröber, Grundr. 6; cp. Diez, Gram. [2] I, 106.

[4]) Bartsch, Grundr. 32—34.

[5]) Cantar ric, oscur, sotil, cobert. Gröber, Grundriss, 4.

[6]) Diez, Gram. [2] I, 107.

geoise, или въ Guerre de Navarre, писанныхъ съ примѣсями тулузскаго разнорѣчія. Позже и въ лирику проникаютъ діалектизмы, особенно нижнелангедокскіе и провансскіе, когда она начала клониться къ упадку послѣ Альбигойской войны и воцаренія Анжуйцевъ въ Провансѣ. Еще болѣе ослабѣваетъ единство провансальскаго языка въ XIV вѣкѣ, несмотря на усилія тулузской „консисторіи del gay saber“ поддержать и оживить преданія трубадуровъ; но все же сознаніе этого единства и стремленіе къ нему жило еще въ XV вѣкѣ. Оно исчезло лишь тогда, когда провансальскій языкъ былъ задавленъ ойльскимъ и постепенно заглохъ въ своихъ многочисленныхъ просторѣчіяхъ [1]).

Какъ ни искусственна, субъективна и одностороння въ своемъ лиризмѣ, какъ ни поверхностна была въ своемъ придворномъ аристократизмѣ поэзія трубадуровъ, все же она достигала въ лучшихъ образцахъ высокой художественности, съ которою не могла сравниться въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. никакая другая романская или германская литература. Этимъ объясняется широкая распространенность провансальскаго языка и литературы во всей тогдашней западной Европѣ, отъ Сициліи до Португаліи и отъ Балеаровъ до сѣверной Франціи. Трубадуровъ любили и жаловали Фридрихъ II Гогенштауфенъ и его приближенные въ Палермо и Неаполѣ; имъ покровительствовали графы Эсте и Монферратъ въ Италіи, Альфонсъ II, Петръ II и III въ Арагоніи, Альфонсы III, VIII, X въ Кастиліи, Діонисій въ Португаліи, Генрихъ II и Ричардъ I въ Англіи [2]). На провансальскихъ образцахъ выросла славная въ XIII-мъ в. сицилійская школа итальянскихъ поэтовъ; этимъ образцамъ подражали и въ Сіенѣ, Флоренціи, Ареццо, Болоньѣ, Феррарѣ, Генуѣ, словомъ —во всей средней и еще болѣе верхней Италіи, которая произвела даже нѣсколько настоящихъ трубадуровъ, каковъ напримѣръ воспѣтый Дантомъ въ Чистилищѣ мантуанецъ

[1]) Ср. Chabaneau, Revue des l. Rom. 1879 г., стр. 164.
[2]) Bartsch, Grundriss 26, 44.

Сорделло (Sordello) и н. др. [1]). У самого Данта Алигіери есть въ Божественной Комедіи нѣсколько провансальскихъ терцинъ, вложенныхъ поэтомъ въ уста встрѣченнаго имъ въ Чистилищѣ трубадура Арно Даніеля [2]). Въ сонетахъ же и канцонахъ Петрарки находится столько сходства съ содержаніемъ и манерою провансальской лирики, что его можно съ нѣкоторымъ правомъ назвать послѣднимъ, а вмѣстѣ величайшимъ трубадуромъ.

Въ Арагоніи поэзія трубадуровъ пережила даже паденіе ея въ южной Франціи: она была подпочвою для образованія въ XIV—XV вѣкахъ довольно замѣчательной поэзіи собственно-каталанской, о которой была рѣчь выше. Въ Cancioneros Кастиліи и Португаліи XIII—XIV-го вв. также есть слѣды распространенія въ этихъ странахъ поэзіи трубадуровъ, о чемъ сказано нами уже выше.

Что касается собственной Франціи, то вліяніе провансальской лирики на ойльскую замѣтно съ конца XII-го вѣка. Манера трубадуровъ выступаетъ однако здѣсь не въ чистомъ видѣ, а въ соединеніи съ мѣстными народно-пѣсенными пріемами [3]). Собственныхъ же трубадуровъ отсюда не вышло, кромѣ гр. Вильгельма IX изъ Поату, да пожалуй Ричарда I Львиное Сердце, если считать его по отцу анжуйцемъ, а не англичаниномъ.

Даже въ Германіи на поэзіи миннезенгеровъ съ XII-го вѣка замѣтно вліяніе духа и формъ провансальской любовной лирики [4]).

Казалось бы, провансальскому языку предстояла блестящая будущность. Распространенный уже во Франціи,

---

[1]) Таковы: венеціанецъ Bertolomeu Zorgi, генуэзцы: Bonifaci Calvo, Lanfranc Cigala, Simon и Perceval Doria, феррарецъ Ferrari, пистоецъ Paul Lanfranc, затѣмъ—Dante da Majano, графъ Alberto da Malaspina, маркграфъ Lanza и мн. др. Ср. Diez, Leben 465, 482, 492, 568; Bartsch, Grundriss 43; P. Meyer, въ Romania V, 263.

[2]) Arnaut Daniel, Purgatorio XXVI, 140—147.

[3]) Ср. P. Meyer, въ Romania V, 266.

[4]) Ср. Bartsch, Grundriss 42.

Италіи, Испаніи, Португаліи, онъ какъ будто предназначенъ былъ къ роли общероманскаго литературнаго и дипломатическаго языка. Этому благопріятствовало какъ географическое его положеніе въ серединѣ идеальной „Романіи,“ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ языками итальянскимъ, испанскимъ, французскимъ, такъ и діалектическій характеръ окскаго языка, по которому онъ является промежуточнымъ между ними членомъ и какъ-бы связующимъ звеномъ [1]). Но этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Провансальская поэзія, при всей своей видимой безобидности и отрѣшенности отъ жизни, заключала въ себѣ, особенно въ sirventes, много скептицизма къ современнымъ кумирамъ и изобиловала самыми ядовитыми выходками противъ Рима и его слугъ. Былъ ли этотъ преступный въ средніе вѣка скептицизмъ въ связи съ маврскими вліяніями изъ сосѣдней Испаніи, или онъ поддерживался сношеніями съ пріютившимися въ Провансѣ и Лангедокѣ богомилами, еретиками вальденскими, ліонскими нищими (pauvres de Lyon) и т. п.: во всякомъ случаѣ, онъ не могъ нравиться римскимъ прелатамъ. И вотъ Иннокентій III поднялъ противъ этого южно-французскаго притона вольнодумцевъ крестовый походъ, въ которомъ заодно поработали доминиканцы и рыцари сѣверно-французскіе, съ Симономъ Де-Монфоръ во главѣ, и обратили цвѣтущій дотолѣ югъ Франціи въ груду развалинъ. Этимъ разгромомъ Прованса, Лангедока и др. смежныхъ областей, извѣстнымъ въ исторіи подъ названіемъ Альбигойской войны, воспользовались сѣверно-французскіе короли, чтобы постепенно стать твердой ногой въ долинѣ Роны и Гаронны. Они и успѣли въ этомъ до извѣстной степени, благодаря сначала силѣ оружія, а потомъ брачнымъ союзамъ братьевъ Людовика IX, Альфонса Де-Поатье и Карла Д'Анжу, съ наслѣдницами графствъ Тулузскаго—Іоанною и провансскаго—Беатриче.

Битва при Мюре 1213 г. до сихъ поръ поминается

---

[1]) Romania V, 444.

въ Окцитаніи, какъ начало ея конца. Присоединеніе же къ Франціи Лангедока въ 1272 г. дало ойльскому языку столь рѣшительное преобладаніе на югѣ, что уже въ XIII вѣкѣ появляются въ немъ сочиненія то на смѣшанномъ окцитано-ойльскомъ, то на чистомъ ойльскомъ языкѣ, какъ напр. первая часть „Исторіи Альбигойской войны“. Такъ постепенно лучшія писательскія силы перешли отъ языка лимузинскаго къ французскому, который благодаря этому и получилъ значеніе общаго для всѣхъ галло-романскихъ нарѣчій.

Для среднеронскаго въ разсматриваемый періодъ имѣется очень мало письменныхъ памятниковъ: нѣсколько грамотъ начиная съ XIII вѣка, Альберикова переработка Александреиды и прозаическія сочиненія Маргариты Д'Ойнгтъ (d'Oyngt, XIII в. [1]). Сверхъ того сохранились относимые къ XIII-му в. отрывки Новаго Завѣта, можетъ быть остатокъ стараго перевода Библіи Петра Вальда (Petrus Waldus [2]), основателя общины вальденцевъ, которой главные центры находились именно въ Савойи и Дофине, т. е. на площади среднеронскаго языка. Въ 1229 году Тулузскій соборъ запретилъ мірянамъ употребленіе этого еретическаго перевода [3]), который потому вѣроятно

---

[1]) Gröber, Grundriss I, 433.

[2]) Bartsch, Grundriss 56 сл. Барчъ считаетъ языкъ перевода провансальскимъ, но трудно предположить такое раннее (ок. 1179 г.) знакомство съ послѣднимъ въ средѣ ліонскихъ буржоа, къ которымъ принадлежалъ Петръ Вальдъ. Да и въ самой Окцитаніи лимузинскій языкъ примѣнялся тогда болѣе къ поэзіи, чѣмъ къ прозѣ, какъ выше показано. Въ другомъ мѣстѣ сочиненія (стр. 81) Барчъ относитъ сохранившіяся части вальденской Библіи уже не къ XIII в. (какъ на стр. 56), а къ XIV—XV вв. Быть можетъ дѣло тутъ идетъ о второмъ, позднѣйшемъ спискѣ того же перевода. И другія поэтическія сочиненія вальденцевъ, въ родѣ легендъ религіозно-поучительнаго содержанія, сохранившихся въ Женевѣ, Цюрихѣ, Гренoблѣ, Дублинѣ, Барчъ относитъ не къ XII, а къ XV—XVI в. (стр. 84).

[3]) Bartsch, Grundriss 56; ср. Diez, Gram. [2] I, 110.

и не дошелъ до потомства подъ своимъ именемъ и въ полномъ видѣ. Всего лучше и дольше держался среднеронскій языкъ въ Швейцаріи, гдѣ лишь во второй половинѣ XVI-го вѣка онъ подчинился господству французскаго языка [1]). Но въ литературномъ отношеніи среднеронскій языкъ, не оставилъ ничего выдающагося. Очевидно, языкъ этотъ какъ окраинный, горный и малочисленный по населенію, не соединялъ въ себѣ условій для успѣшнаго литературнаго развитія даже въ древнюю пору, — когда діалекты развивались гораздо легче и свободнѣе, при отсутствіи сильныхъ соперниковъ и широкомъ развитіи феодально-областной жизни.

Если мы обратимся теперь къ сѣверной Франціи, къ областямъ ойльской діалектической системы, то передъ нами откроется картина еще болѣе широкаго, а главное — болѣе глубокаго и самобытнаго развитія языка и литературы, чѣмъ мы видѣли въ Окцитаніи XII—XIII вѣковъ.

По древности возникновенія ойльская письменность не уступаетъ провансальской и превосходитъ всѣ остальныя романскія. Уже отъ IX в. она имѣетъ одинъ памятникъ: Страсбургскую присягу 842 г.; отъ X в. уцѣлѣли: пѣснь о св. Евлаліи, Валансьенскій отрывокъ проповѣди (Fragment де Valenciennes), повѣсть о страстяхъ Христовыхъ (Passio Christi) и легенда о св. Леодегарѣ (St. Leger); отъ XI в.: легенда о св. Алексѣѣ (St. Alexis), законы Вильгельма Завоевателя и нѣкоторые библейскіе отрывки [2]). Къ концу этого вѣка восходитъ пѣснь о Роландѣ, Chanson de Roland, которая открываетъ достойнымъ образомъ длинный и блестящій рядъ историческихъ и фантастическихъ поэмъ, называемыхъ то poёmes, то chansons de geste (былинами), то romans и aventures, и составляющихъ средоточіе эпической поэзіи сѣверно-французскихъ труверовъ, въ отличіе отъ лирической южныхъ трубаду-

[1]) Gröber, Grundriss 433.

[2]) Ср. G. Paris, Les plus anciens monuments de la langue française, IX—X siècles, Album. Paris 1875 г.

ровъ. Содержаніе этихъ былинъ, поэмъ, стихотворныхъ романовъ заимствовано изъ преданій то Франціи, то Британіи, то древности: изъ разсказовъ о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, о богатыряхъ южно-французскихъ и сарацынскихъ, о феодальныхъ владѣтеляхъ сѣверовосточной области, о герояхъ крестоносцахъ и изъ нѣкоторыхъ сюжетовъ греко-восточныхъ; затѣмъ изъ сказаній о рыцаряхъ „Круглаго стола“, или бретонскаго цикла объ Артурѣ, а наконецъ —объ Александрѣ Великомъ, Энеѣ, Юліѣ Цезарѣ и другихъ герояхъ древности. Велико число написанныхъ ойльскими труверами поэмъ на эти темы, главнѣйше въ XII—XIII вѣкахъ. Насчитываютъ до 80 сохранившихся Chansons de geste, изъ коихъ многія по объему далеко превосходятъ Одиссею и Энеиду, и надъ постепеннымъ изданіемъ которыхъ работаютъ теперь многіе французскіе, нѣмецкіе и итальянскіе романисты.

Параллельно съ этими рыцарскими поэмами, воспѣвавшими дѣйствительныя или вымышленныя приключенія и похожденія различныхъ героевъ, преимущественно феодальнаго круга и типа, заслуживаетъ особаго упоминанія „Романъ о Лисицѣ“ (Roman du Renard) XIII вѣка, гдѣ иносказательно выведенъ и осмѣянъ весь этотъ феодальный міръ, съ его королями, баронами и епископами наверху и подавленной массой внизу.

Съ XII в. начинается и ойльская исторіографія, сначала въ стихотворной формѣ, какъ у Васа (Wace) и Беноа Де-Сенъ-Моръ (Benoit de S. More), съ XIII-го же вѣка —и въ связномъ прозаическомъ изложеніи. Въ послѣднемъ родѣ особенно прославились Виллардуэнъ (Villehardouin) и Жоенвиль (Joinville). Если прибавить къ этому ойльскую духовную драму или мистерію, восходящую началами къ XII-му в. (мистерія „Адамъ“), затѣмъ значительное число книгъ библейскихъ (въ XII в. Псалтырь, книга Іова, Царей, Маккавеевъ, весь Новый Завѣтъ, въ XIII же вѣкѣ и стихотворный перифразъ всей Библіи) и множество другихъ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій этого времени на ойльскомъ языкѣ; то можно повѣрить разска-

зу, что король Карлъ V собралъ въ Луврѣ въ своей библіотекѣ до 1.200 томовъ сочиненій, преимущественно стихотворныхъ, на этомъ языкѣ [1]). Правда, между этими безчисленными французскими писателями — однихъ поэтовъ бенедиктинцы насчитали въ XIII в. до 200! [2]) — не было ни одного геніальнаго; правда, что ойльскія пѣсни — даже Куси (Couci) и Кена Де-Бетюнъ (Quenes de Bethune) — не могутъ соперничать съ canzos Вентадура и сонетами Петрарки, ойльскіе же fabliaux, при всемъ своемъ игривомъ остроуміи, все же не достигаютъ художественной отдѣлки новеллъ Боккачіо; правда, что французскіе труверы напоминаютъ скорѣе греческихъ киликовъ, чѣмъ Гомера: тѣмъ не менѣе воспѣтые ими герои: Карлъ Великій и Роландъ, Рено (Renaud) и Ожье (Ogier), Артуръ и Ланселотъ стали извѣстны средневѣковой Европѣ не менѣе Агамемнона и Ахилла, Гектора и Энея, Одиссея и Париса [3]). Въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, вплоть до половины XIV в., вся западная Европа зачитывалась въ ойльскихъ chansons de geste и romans d'aventure, переводила ихъ на свои языки и подражала въ безчисленныхъ передѣлкахъ. Про Англію нечего и говорить, ибо она со времени нормандскаго завоеванія на три вѣка стала страной полуфранцузской по языку двора, знати, высшаго управленія и главныхъ судовъ. Она стояла даже нѣкоторое время — конецъ XI-го и первая половина XII вѣка — во главѣ французской литературы, о чемъ свидѣтельствуютъ имена Васа (Wace 1100 — 1175), Филиппа Де-Тонъ (Thaun), Жоффроа Гэмара (Geoffroi Gaimar), и множество англонормандскихъ кодексовъ древнѣйшей французской литературы. Лишь этимъ путемъ могли бретонскія саги о кельтскомъ королѣ Артурѣ и его рыцаряхъ проникнуть во

---

1) Nisard, Histoire de la lit. fr. [7] 1879 г., I, 138.

2) Ibid. I, 58.

3) Ср. Littré, предисловіе къ Dictionnaire, LIII; его же Histoire de la l. fr. I, 273, 398.

Францію, а оттуда во всю западную Европу [1]). Нѣкоторыя указанія на широкую распространенность ойльской рыцарской поэзіи въ Португаліи, Кастиліи, Арагоніи, Италіи, особенно ломбардской и венетской, сдѣланы уже выше, въ главахъ 3-ей и 4-ой настоящаго очерка. Здѣсь напомнимъ лишь трогательный эпизодъ въ Божественной Комедіи о Франческѣ Да-Римини, погибшей благодаря чтенію французскаго романа изъ Артурова круга — о любви Ланселота и Жиневры. Даже Германія, несмотря на старый національный и политическій антагонизмъ съ Франціей, въ XII—XIII-омъ вв. усердно переводила и передѣлывала французскія поэмы и романы. Отсюда заимствовалъ Гартманъ Фонъ-Ауе (Aue) содержаніе своихъ „Iwein“ и „Erek“, а Вольфрамъ Фонъ-Эшенбахъ (Eschenbach)—своихъ „Parcival“ и „Titurel“, не говоря о множествѣ менѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ поэмъ въ этомъ же родѣ. Чрезъ Германію ойльскіе романы заходили въ западнославянскія литературы: чешскую, польскую, хорватскую,— хотя нѣсколько позже, по дальности передачи. Съ другой стороны, чрезъ Италію и французскія владѣнія на Востокѣ въ періодъ крестовыхъ походовъ и латинской имперіи, ойльская литература воздѣйствовала и на византійскую XIII—XIV-го в., какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ византійскихъ романовъ: о Флорѣ и Бланшфлорѣ, о провансскомъ королевичѣ Петрѣ и др. [2]).

При такой широкой распространенности французской литературы XII—XIII-го вв. не удивительно, что и ойльскій языкъ получилъ громкую извѣстность въ тогдашней Европѣ. Этому содѣйствовали впрочемъ и нѣкоторыя политическія событія: завоеваніе Англіи Вильгельмомъ нормандскимъ въ 1066 г., вслѣдъ затѣмъ утвержденіе нормандскаго же дома Танкреда Отвильскаго (Hauteville) въ Неа-

---

[1]) Ср. Romania X, 470.

[2]) Ср. Ersch u. Gruber, Encyklop., т. 87, стр. 379; G. Paris, La litterature Française au moyen âge. P. 1888, стр. 82, 85.

полѣ и Сициліи, и особенно—дѣятельное участіе въ крестовыхъ походахъ французскихъ королей и феодальныхъ владѣтелей, изъ коихъ Готфридъ Бульонскій былъ даже возведенъ въ короли іерусалимскіе, а Балдуинъ Фландрскій въ императоры константинопольскіе. При этомъ и многимъ другимъ французскимъ баронамъ достались на нѣкоторое время довольно обширныя владѣнія въ Греціи и Архипелагѣ.

Благодаря соединенію этихъ и нѣкоторыхъ другихъ благопріятныхъ условій, ойльскій языкъ получилъ въ XIII вѣкѣ такую распространенность, что на немъ говорили и писали не только въ Ильдефрансѣ и Шампани, Нормандіи и Поату, Бургундіи и Лотарингіи, Пикардіи и Фландріи, но и въ Лондонѣ, Стокгольмѣ, Вѣнѣ, Венеціи, Римѣ, Неаполѣ, Палермо, Барселонѣ, Толедо, Коимбрѣ, даже въ Аѳинахъ и Константинополѣ [1]), такъ что флорентинецъ Брунетто Латини имѣлъ право въ своемъ Tresor назвать „le patois de France" болѣе пріятнымъ и болѣе общимъ языкомъ, чѣмъ многіе другіе [2]). Почти въ то же время, ок. 1275 г., венеціанскій историкъ Мартино Де-Канале (Canale) называетъ французскій языкъ и самымъ распространеннымъ изъ всѣхъ, и наиболѣе пріятнымъ для чтенія и слушанія [3]). Дантъ же въ сочиненіи De vulgari eloquentia считалъ необходимымъ взвѣсить вопросъ о преимуществахъ языка ойльскаго передъ итальянскимъ, очевидно, въ видахъ подорвать мнѣніе тѣхъ соотечественниковъ, которые предпочитали писать по-ойльски, хотя въ смѣси его съ итальянскимъ. Къ числу такихъ итальянцевъ принадлежали между прочими вышеназванный Бру-

---

[1]) Ср. Nisard, Histoire I, 139.

[2]) .. .françois est plus delitables langages et plus communs que moult d'autres. P. Paris, Manuscrits français de la bibliothèque du Roi, т. IV, стр. 356. Ср. Edelstand du Meril, Essai philosophique sur la formation de la langue françaisе. P. 1852 г., стр. 97.

[3]) Littré, Histoire I, 317.

нетто Латини, написавшій свой Tresor не по-итальянски, а по-французски; затѣмъ знаменитый венеціанскій географъ Марко Поло, при содѣйствіи Рустичіано Де-Пизо, описавшій по-ойльски свое путешествіе въ среднюю и восточную Азію; Мартино Де-Канале, употребившій тотъ же языкъ въ своей венеціанской исторіи [1]) и мн. др.

Такимъ образомъ, древнефранцузскій языкъ является прямымъ предтечею и какъ бы прообразомъ новофранцузскаго по своей международности, если угодно — универсальности.

Что же это былъ за языкъ, по своимъ внутреннимъ —грамматическимъ и лексикальнымъ —особенностямъ? Изъ какого діалекта онъ развился, когда и насколько установился и какую имѣлъ дальнѣйшую судьбу?

Уже a priori можно предполагать, что первоначально ойльская литература, какъ и любая другая, имѣла діалектическій характеръ и представляла болѣе или менѣе сознательную и удачную обработку того нарѣчія, которое наилучше было знакомо автору и слушателямъ или читателямъ. Дѣйствительно, таковъ характеръ всѣхъ ойльскихъ произведеній древняго періода. Въ этомъ согласны всѣ ихъ изслѣдователи, между которыми разногласія возникаютъ лишь въ попыткахъ болѣе точной географической и діалектической локализаціи отдѣльныхъ памятниковъ [2]). Изъ такихъ разногласій между компетентными судья-

---

[1]) Littré, Histoire I, 317; ср. Gröber Grundr. I, 430.

[2]) Такъ напр. „Страсбургская присяга" или — назовемъ старославянскимъ терминомъ —„рота" 842 г. по Литтре писана на діалектѣ смѣшанномъ (mixte) — полуойльскомъ и полуокцитанскомъ (Littré, Histoire II, 284), по Гастону Пари—на одномъ изъ сѣверныхъ, напр. пикардскихъ (Romania VII, 134), по Люккингу же—на одномъ изъ нижнелоарскихъ, напр. туренскомъ или анжуйскомъ (ib. 134; Lücking G., Die ältesten französischen Mundarten. Berlin 1877 г., стр. 193); Passio Christi: по Нейману—на діалектѣ mixte, среднемъ между окцитанскимъ и ойльскимъ (Zeit. f. Rom. Phil. II, 157), по Г. Пари—на западномъ (Romania VII, 135), по Люккингу— на бур-

ми о діалектическомъ характерѣ древнеойльскихъ текстовъ мы можемъ заключить, что во 1. методы, примѣняемые до сихъ поръ къ этому вопросу, не достигли еще безошибочной точности, во 2. что большинство сохранившихся списковъ этихъ произведеній повреждены позднѣйшими пе-

---

гундскомъ (Lücking, Die ältesten и т. д. 197), по Сушье же — скорѣе на пикардскомъ (Zeit. f. Rom. Phil. II, 302); Пѣснь о св. Евлаліи: по Люккингу — на пикардскомъ (Lücking, Die ältesten 194), по Г. Пари—на валлонскомъ (Romania VII, 135; ср. G. Paris, La vie de Saint Alexis 41), по Констану—вообще на сѣверовосточномъ (Constans, Chrestomatie, Supplement, 24); Отрывокъ Валансьенскій: по Люккингу—на сѣверовосточномъ (Lücking, Die ältest. 197), по Г. Пари—на валлонскомъ (Romania VII, 135; ср. La vie de S. Alexis 42); Повѣсть о Св. Леодегарѣ: по Г. Пари и Барчу — на промежуточномъ между ос'омъ и oïl'емъ (G. Paris, La vie des S. Alexis, P. 1872 г., стр. 42; Bartsch, Grundriss 7), по Люккингу и Констану—на бургундскомъ (Lücking, Die ältest. 197; Constans, Chrestomatie Suppl. 26), по Сушье же—скорѣе на валлонскомъ или пикардскомъ (Zeit. f. Rom. Phil. II, 288); Повѣсть о Св. Алексѣѣ: по Г. Пари – на ильдефрансскомъ или на нераздѣленномъ якобы еще въ XI-мъ в. діалектѣ нейстрійскомъ, изъ коего позже выдѣлились ильдефрансскій и нормандскій съ англо-нормандскимъ G. Paris, La vie de S. Alexis, 42 сл.), по Люккингу же эта повѣсть писана на выдѣлившемся уже діалектѣ нормандскомъ (Lücking, Die ältesten 189); Chanson de Roland: по Г. Пари—на парижскомъ разнорѣчіи (Romania IX, 50), по Ферстеру — на сѣверно-ильдефрансскомъ (Förster W., въ Zeitschr. f. Rom. Phil. II, 164), по Т. Миллеру—на нормандскомъ (Th. Muller, La Chanson de Roland [2] 1878; ср. Zeit. f. Rom. Phil. II, 164), по Сушье—на анжуйскомъ (Suchier, у Gröber Grundriss 664), по Констану же — на центральномъ или западномъ діалектѣ (Constans, Chrestom. Suppl. 36); Христіанъ де Троа (Christians de Troyes), по Люккингу, писалъ на среднефранцузскомъ (Lücking, Die ältest. 199 сл.), по Ферстеру — на шампанскомъ разнорѣчіи (Förster W., Sämm. Werke Christ. von Troyes, Halle 1884; ср. Romania XIII, 444), по Констану—на чистомъ французскомъ (Constans, Chrestom. Suppl. 67), по Сушье же—на сложившемся уже къ тому времени общефранцузскомъ языкѣ (ср. Suchier, у Gröber Grundriss I, 572 сл.; ср. 430).

реписчиками и въ 3. что въ тѣ вѣка не было еще между ойльскими діалектами столь строгихъ и осязательныхъ граней, какъ въ наше время. Но отсюда открывается въ 4. и то, что всѣ новофранцузскія нарѣчія существовали уже въ древній періодъ ойльскаго языка и письменности и отличались между собою въ общихъ чертахъ тѣмъ же и столько же, какъ и теперь. Всѣ они принимали большее или меньшее участіе въ созданіе блестящей древнефранцузской литературы и боролись съ разнымъ успѣхомъ за первенство въ ней.

Которому же изъ нихъ достался призъ въ этомъ состязаніи? Который изъ діалектовъ сдѣлался главою и нормою для всѣхъ прочихъ? Вникая въ относящіяся къ этому вопросу явленія, мы замѣчаемъ въ средѣ ойльской нѣчто аналогичное тому, что видѣли въ Италіи XIII-го в. Тамъ выступили одновременно почти на литературное поприще сѣверная и южная окраины полуострова, въ школахъ ломбардо-венетской и сициліанской, къ которымъ уже нѣсколько позже придружилась Италія средняя, въ школѣ умбрской, и уже послѣднею выступила центральная Тоскана, съ примыкающими къ ней въ этомъ отношеніи Ареццо, Болоньей и Сіеной. А между тѣмъ побѣда досталась здѣсь въ концѣ концовъ не Венеціи, не Палермо, а Флоренціи. Такъ и во Франціи большая часть древнихъ памятниковъ указываютъ своими внутренними и внѣшними признаками на сѣверовосточное, пикардо-валлонское, или на сѣвѣрозападное, нормандо-англійское происхожденіе. Относительно позже начинаются памятники среднефранцузскіе и притомъ сначала шампано-бургундскіе, какъ въ Италіи умбрскіе, и чуть-ли не съ XIII-го лишь вѣка идутъ болѣе или менѣе непрерывно писатели и памятники ильдефрансскіе. А все-таки конечная побѣда и здѣсь досталась не Пикардіи, не Нормандіи, не Шампани, а Ильдефрансу, въ частности же Парижу, этой Флоренціи и Толедо гальскаго романизма [1]).

---

[1]) Существованіе очень ранней и довольно дѣятельной

Уже отъ второй половины XII-го в. мы имѣемъ свидѣтельства о постепенномъ возвышеніи его разнорѣчія въ

пикардо-валлонской литературной школы видно изъ такихъ отрывочныхъ, правда, но все же весьма замѣчательныхъ по своей древности памятниковъ, какъ вышеупомянутая пѣснь о св. Евлаліи, отрывокъ Валансьенскій, съ большóю вѣроятностью относимыя къ сѣверовосточной Франціи X вѣка. Изъ поэтовъ XII—XIII в. сѣверовосточной Франціи принадлежали: Jean Bodel d'Arras (к. XII в.), Conon de Béthune († 1224), Audefroy le Bâtard (d'Arras, XIII в.), Gautier d'Arras XIII в., Adam de la Halle (d'Arras † 1288), Gui de Cambrai XIII в., Adenet le Roi (изъ Брабанта, XIII в.), Jean de Thuin XIII в. Въ Пикардіи съ XII в. успѣшно развивался и театръ.

Преобладаніе же съ XI в. нормандской и возникшей послѣ 1066 г. нормандо-англійской литературной школы удостовѣряется житіемъ св. Алексѣя, законами Вильгельма Завоевателя, Оксфордскою псалтырью, стихотворной хроникой Васа и множествомъ болѣе второстепенныхъ памятниковъ XII вѣка (мистеріи, миракли и т. п.), запечатлѣнныхъ нормандскимъ и нормандо-англійскимъ характеромъ языка и содержанія. Къ этой школѣ примыкаетъ и поатевинецъ Беноа де Сентъ-Моръ (Benoit de Sainte More, ок. 1175 г.), знаменитый труверъ и историкъ.

Главнымъ представителемъ шампанской литературной школы былъ Кретьенъ Де-Троа (Chrétien de Troies) въ XII вѣкѣ, одинъ изъ первостепенныхъ ойльскихъ труверовъ; затѣмъ знаменитый мемоаристъ Валлардуэнъ (G. de Villehardouin † ок. 1213 г.) и извѣстный сатирикъ XIII вѣка Рютбефъ (Rustebeuf ок. 1280 г.). Къ ней примыкаютъ до нѣкоторой степени: Guillaume de Lorris († 1260 г.), авторъ первой части знаменитаго Roman de la Rose, и его продолжатель Jean de Meun († 1305 г.).

Что касается собственно Ильдефранса, то изъ древнихъ писателей къ нему относятъ: неизвѣстныхъ авторовъ Chanson de Roland и Хожденія Карла В. на Востокъ, конца XI в.; затѣмъ Pierre de S. Cloud, одного изъ продолжателей Александреиды и Roman de Renart, XII вѣка; лирика Gui de Couci († 1201 г.), легендиста Gautier de Coinci († 1236 г.) и н. др.

Изъ этого обзора оказывается, что Ильдефрансъ далеко не превышалъ еще тогда прочихъ областей въ литературной производительности.

vulgare illustre. Такъ одинъ изъ провинціальныхъ труверовъ при дворѣ Филиппа Августа жаловался, что ильдефрансцамъ не нравится ни романъ, ни исторія, если они писаны не землякомъ (то-есть не на мѣстномъ діалектѣ [1]). Около 1180 г. пикардскій лирикъ Кононъ Де-Бетюнъ былъ осмѣянъ въ Парижѣ придворными за свой пикардскій выговоръ и жаловался на эту обиду въ одной изъ уцѣлѣвшихъ chansons, считая несправедливымъ требовать отъ артоасца, чтобы онъ говорилъ какъ природный понтоазецъ [2]). Подобнаго рода не лишенное желчи извиненіе встрѣчаемъ у нормандскаго поэта XIII вѣка Ричарда Де-Лизонъ (Richard de Lison), въ его передѣлкѣ „Roman de Renard" [3]), затѣмъ у ліонца Эмона Де-Варенъ (Aimon de Varenne) въ романѣ Florimont [4]), и даже у знаменитаго орлеанца Жана Де-Мэнъ (Jean de Meun), автора первой части Roman de la Rose, въ его переводѣ Боэція [5]).

---

[1]) Roman ne histoire ne plait aux Français, se ils ne l'ont fait. Cp. Aubertin, Origines et formation de la langue Française, 148.

[2]) Encore ne soit ma parole françoise
Si la puet on bien entendre en françois;
Ne cil ne sont bien appris ne cortois,
Qui m'ont repris, si j'ai dit mot d'Artois,
Car je ne fus pas norriz a Pontoise. Cp. Ed. du Meril, Essai philosophique и т. д., стр. 26.

[3]) Qu'il est Normanz, s'il a mepris
Il n'en doit ja estre repris,
S'il y a de son langage. Ed. du Meril, Essai philosophique и т. д., стр. 27.

[4]) As François voil de tant servir,
Que ma langue lor est salvage,
Et j'ai dit en leur langage,
Tout au mieux que je la sai dire:
Se ma langue la lor empire,
Par ce ne m'en dient anui,
Miex aim ma langue que l'autrui. Cp. P. Paris, Manuscrits français III, 16; Ed. du Meril, l. c. 26 сл.

[5]) Si m'excuse de mon langage

Но подобнаго рода невинными возраженіями и ограничивалось противодѣйствіе ильдефрансскому діалекту со стороны пикардскаго, нормандскаго, бургундскаго и др. Съ XIII-го в. первенство ильдефрансскаго или точнѣе парижскаго разнорѣчія можетъ считаться установленнымъ не только для древняго, но и для средняго и новаго періодовъ французскаго языка и литературы. Конечно, это не было ильдефрансское просторѣчіе, въ его первобытной непосредственности и чистотѣ, или—выражаясь словами одного трувера — это не былъ „gros français", а діалектъ уже нѣсколько образованный дворомъ, обществомъ, писателями, словомъ—„bon roman" [1]), въ который вошло кое-что и пикардскаго, и нормандскаго, и шампанскаго, и орлеанскаго, но съ подчиненіемъ заимствованнаго силѣ аналогій и духу господствующаго серединнаго разнорѣчія. Жаненъ, а теперь Грэберъ и Сушье не колеблются даже назвать ильдефрансскій діалектъ XIII-го в. настоящимъ общимъ языкомъ тогдашней Франціи, вопреки Литтре, который отрицалъ даже первенство его въ средѣ прочихъ ойльскихъ діалектовъ того времени [2]). Истина лежитъ, кажется, здѣсь на серединѣ: несомнѣнно гегемоническое положеніе ильдефрансскаго діалекта съ конца XII-го в. и начала XIII-го в.; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему все же недоставало еще той грамматической обработки, которая предполагается въ установившемся языкѣ и которую можно замѣтить въ ту эпоху

Rude, malotru et sauvage,
Car nes ne sui pas de Paris,
Ne si cointes com fu Paris;
Mais me raporte et me compere
Au parler que m'aprist ma mere
'A Meun quant je l'alaitoie... P. Paris, Manuscrits V, 45; cp. Ed. du Meril, l. c. 27.

[1]) Cp. Granier de Cassagnac, Histoire des origines de la langue Française. P. 1872 г., стр. 528.

[2]) Littré, Histoire de la langue française [2] I, XLII стр.; [2] II, 202; Gröber, Grundriss 430; Suchier, ib. 572.

въ языкѣ лимузинскомъ [1]). Да и могла ли она быть, если въ древнеойльской литературѣ не было ни геніальнаго поэта, который подобно Гомеру или Данту сдѣлалъ бы свое употребленіе обязательною для всѣхъ нормою, ни грамматическихъ руководствъ, подобныхъ напр. „Донату Провансальскому" или Видалевымъ „Razos de trobar?" Мы увидимъ, что французскому языку предстояло еще очень долго, чуть ли не четыре вѣка со времени Виллардуэна, ждать грамматическаго установленія и кодификаціи, тогда какъ провансальскій достигъ ея еще въ XIII-мъ в., итальянскій въ XIV-мъ, а испанскій и португальскій въ XV—XVI-мъ вв.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что трудъ ойльскихъ писателей XII—XIII-го вв., положенный на выработку литературнаго языка, пропалъ даромъ. Наоборотъ, онъ послужилъ основою для дальнѣйшей работы писателей среднефранцузскихъ: Фроассара (Froissart) и Коммина (Commines), Христины Де-Пизанъ и Карла Орлеанскаго, Евстафія Дешампа (Eustache Dechamps) и автора Comédie de Patelin, наконецъ Виллона (Villon), съ котораго Боало начиналъ новый періодъ французскаго языка и литературы. Періодъ, къ которому относятся эти писатели XIV-го —XV-го вв., считается критическимъ для судебъ ойльскаго языка и литературы, подобно тому какъ и въ политическомъ отношеніи онъ является переходнымъ отъ Франціи феодальной къ монархической. Къ этому періоду относятъ окончательную выработку нынѣшняго чисто аналитическаго строя французскаго языка, благодаря полному освобожденію какъ его, такъ и провансальскаго отъ различенія

---

[1]) Переводчикъ ойльской Псалтыри начала XIII в. жалуется на затрудненія при переводѣ съ латинскаго, ссылаясь между прочимъ на господствующій произволъ во французской терминологіи и фразеологіи, въ ущербъ общему разумѣнію: ....lou deffault d'entendement de maint et plusour qui plus souvent forment lour mos et lour parleir à lour volenteit et à lour guise que à veriteit et au commun entendement. Cp. Ed. du Meril, Essai philosophique 26.

въ именахъ падежей прямого и косвеннаго (cas-sujet, cas-régime). Различеніе это уже чуждо было въ ту эпоху прочимъ романскимъ языкамъ, не исключая ни тосканскаго, ни кастильскаго. Оно представляется очень важнымъ архаизмомъ галло-романскихъ языковъ и вмѣстѣ пробнымъ камнемъ ихъ взаимной сопринадлежности, въ общей системѣ романизма [1]). Утрата возможности отличать подлежащее отъ дополненія окончаніями именъ повела къ ограниченію свободы словорасположенія и къ нынѣшней стѣсненной конструкціи [2]), по которой французскій языкъ занимаетъ чуть ли не первое или лучше послѣднее мѣсто между прочими арійскими языками.

Инодіалектныя примѣси не только въ XIV—XV-мъ вв., но и позже мелькаютъ на поверхности все болѣе устанавливающагося литературнаго языка Франціи. Такъ въ Бургундской исторіи Шатлена (Chastelain, XV в.) замѣчаютъ много валлонизмовъ, объясняемыхъ его происхожденіемъ изъ Фландріи [3]). То же можно найти и у другихъ писателей изъ Фландріи и Пикардіи, вплоть до конца XV-го в. [4]). Но все же преобладающій фонъ тутъ былъ уже однообразный, ильдефранссків или парижскій, на которомъ виднѣлись лишь узоры инодіалектные.

---

[1]) Ср. Littré, Histoire de la langue fran. [2] I, XXXI стр., 244, 250; II, 438 сл., 440. Сушье различаетъ въ этомъ отношеніи различные діалекты. Въ провансальскомъ двухпадежное склоненіе различается-де уже въ XII в., кромѣ Лимузина и Кэрси, гдѣ старая флексія держится нѣсколько долѣе. Въ литературномъ же провансальскомъ языкѣ ее поддерживаютъ искусственно еще въ XIV в. Что касается ойльскаго языка, то въ немъ англо-нормандскій часто ставитъ падежъ косвенный вмѣсто прямого уже въ древнѣйшихъ текстахъ; но въ парижскомъ это обнаруживается лишь въ XIII-мъ вѣкѣ, борьба длится весь XIV-ый в. и заканчивается торжествомъ косвеннаго лишь въ XV-мъ в. Suchier, у Gröber Grundriss I, 638.

[2]) Suchier, у Gröber Grundriss I, 653.

[3]) Nisard, Histoire [7] I, 101.

[4]) Fallot, Recherches sur les formes grammaticales de la langue Française. P. 1839 г., 449.

Къ этому же періоду относится утвержденіе французскаго языка въ литературѣ, а отчасти и въ дипломатической области на бо́льшей части территорій средне-ронскаго и окцитанскаго языковъ.

На одномъ изъ среднеронскихъ діалектовъ—вальденскомъ (Vaudois) развивалась и въ XIV—XV-мъ в. хотя скудная религіозно-дидактическая литература мѣстныхъ сектаторовъ [1]).

Что касается собственно провансальской литературы, то она все болѣе клонится къ упадку въ XIV—XV-мъ вв. отъ внутренняго безсилія и отъ возрастающаго употребленія французскаго языка. Въ Тулузѣ съ 1323 г. возникло особое общество любителей провансальской словесности, подъ названіемъ: La sobregaya companhia del set trobadors de Tolosa (т. е. развеселое общество семи тулузскихъ трубадуровъ). По его почину ежегодно устраиваемы были въ Тулузѣ въ первое майское воскресеніе поэтическіе турниры, причемъ раздавались призы за веселое искусство: joyas del gay sober. Они были присуждаемы особой Consistori de la gaya scienza, во главѣ коей стоялъ канцлеръ и семь членовъ, mantenedores. Состояли эти призы въ золотыхъ и серебряныхъ цвѣтахъ: фіалкахъ (за канцону, vers), дикихъ розахъ (за sirventes, pastorelle), ноготкахъ (за dansa). Получившій три приза назывался trobador. Для руководства этого общества изданъ былъ Молиньеромъ (Guillem Molinier) въ 1356 году поэтическій кодексъ — Leys d'amors, которымъ руководствовались какъ поэты, такъ и критики, присуждавшіе призы [2]).

Съ конца XIV вѣка по образцу тулузскаго общества учреждены были подобныя консисторіи въ Каталоніи, Валенсіи и Арагоніи. Въ концѣ XV-го в. тулузская метрополія этихъ обществъ едва не пала, но благодаря одной меценаткѣ вновь возстановлена въ 1484 г. въ видѣ Academie

[1]) Bartsch, Grundriss 84 сл.
[2]) Bartsch, Grundriss I, 74, 75.

des jeux floraux. Въ этомъ видѣ она удержалась до нашего времени. Сохранилось нѣсколько сборниковъ увѣнчанныхъ въ Тулузѣ стихотвореній XIV, XV, XVI вв. Писаны они то купцами, то студентами, врачами, юристами и др. лицами среднихъ сословій. Ни одинъ изъ нихъ не пріобрѣлъ себѣ сколько нибудь извѣстнаго имени [1]).

Появлялись тогда изрѣдка и провансальскія мистеріи, въ родѣ напр. Sancta Agnes XIV в., Ludus S. Jacobi XV в., составленныя подъ вліяніемъ французскихъ фарсовъ [2]). Изъ прозаическихъ сочиненій болѣе выдается естественно-историческая энциклопедія Lucidarius, составленная по Исидору Севильскому ок. 1315—43 г. [3]). Есть нѣсколько сочиненій медицинскаго и юридическаго содержанія. Изъ памятниковъ этихъ видно, что провансальскій языкъ съ XIV—XV-го вв. вновь дробится на діалекты, которые прежде сглаживались подъ господствомъ общаго лимузинскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается постепенное просасываніе провансальскихъ діалектовъ французскими словами и оборотами, даже подъ перомъ болѣе консервативныхъ представителей тулузской школы. Нѣкій Гастонъ Фебюсъ (Gaston Phébus) графъ Де-Фоа (Foix, на границахъ Испаніи), жившій въ XIV в., написалъ „Traité de la chasse“ не на провансальскомъ, а на французскомъ языкѣ, хотя онъ зналъ послѣдній хуже перваго [4]). Очевидно, въ эту сторону наклонялась уже мода и требованія аристократизма. Да это и не удивительно, ибо провансальскій языкъ не имѣлъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ силъ для борьбы съ французскимъ даже въ печальное столѣтіе англо-французскихъ войнъ, когда, казалось, Англія отомститъ Франціи за Гастингсъ завоеваніемъ королевства Капетинговъ. Когда же эти войны кончились торжествомъ Франціи, то послѣ нихъ, особенно съ Людовика

---

[1]) Bartsch, Grundriss 75—79, 83.
[2]) Ibid. 86.
[3]) Ibid. 91.
[4]) Aubertin, Origines и т. д. 147.

XI, никому уже и въ голову не могло притти въ Гюйенѣ, Гаскони, Лангедокѣ, Провансѣ и т. д. оспаривать государственное и язычное подчиненіе юга сѣверу.

Былъ однако во Франціи тогда другой соперникъ, ограничивавшій права французскаго языка на полное господство: это языкъ латинскій, всѣ средніе вѣка господствовавшій въ церкви и въ наукѣ, которой сильнымъ центромъ былъ съ XIII-го в. Парижскій университетъ, и оставившій для vulgare illustre лишь область беллетристики да исторіографіи. Лишь изрѣдка проникалъ тогда послѣдній въ область богословскую, философскую, естествовѣдную, и то болѣе въ сочиненіяхъ популярныхъ [1]). Въ періодъ же „возрожденія“ латынь стала проникать во Францію, какъ въ Италіи и въ другихъ странахъ западной Европы, и въ область беллетристики. Сверхъ того она вторглась во французскій лексиконъ и грамматику, наводнила терминологію и фразеологію, угрожая поколебать всѣ аналогіи языка, испоконныя соотношенія его составныхъ стихій, и превратить такимъ образомъ самобытный романскій языкъ въ макароническую смѣсь стараго съ новымъ, органическаго съ механическимъ. Это латинизующее теченіе получило такой размахъ, что является господствующимъ и во французской литературѣ XVI-го в., представителемъ и корифеемъ которой считался въ то время Ронсаръ, окруженный цѣлой „плеадою“ спутниковъ того же духа и направленія. Теоретикомъ этой макаронической школы былъ Дю-Белле, проводящій въ своей „оборонѣ и уясненіи французскаго языка“ [2]) положеніе „плеады“ — о разрывѣ со старофранцузскимъ языкомъ и переработкѣ его по образцу латинскаго.

Но не одинъ латинскій языкъ производилъ въ ту по-

---

[1]) Littré, Histoire [2] II, 89; Gröber Grundriss I, 429. Древнѣйшая французская библія относится къ 1255 г. (G. Paris, La litter. fr. au M. â. 197).

[2]) J. du Bellay, La Défense et l'illustration de la langue française 1549 г.

ру давленіе на французскій: многіе восторгались тогда и итальянскимъ языкомъ, со временъ же Лопе Де-Вега —испанскимъ.

Наконецъ, не вымерли еще тогда діалекты какъ ойльскіе, такъ и окситанскіе, хотя многіе изъ нихъ потеряли уже литературную обработку и обратились въ просторѣчья или patois. Относительно участія ихъ въ образованной рѣчи взгляды писателей сильно расходились: одни считали возможнымъ и даже необходимымъ поддерживать связь языка образованнаго съ просторѣчьями, которыя служатъ его источниками и вмѣстѣ корнями; другіе, наоборотъ, всячески предостерегали отъ гасконизмовъ, пикардизмовъ и прочихъ провинціализмовъ, какъ отъ неблагородной примѣси, понижающей достоинства образованнаго языка.

По всѣмъ этимъ вопросамъ много тогда спорили и писали, причемъ нерѣдко встрѣчаемъ довольно странное сочетаніе идей и желаній. Ронсаръ напр., какъ правовѣрный псевдоклассикъ, долженъ бы возставать и противъ вторженія въ высокій стиль просторѣчій: на дѣлѣ онъ не только самъ пользовался ими, но и совѣтовалъ это другимъ [1]). Между тѣмъ знаменитый эллинистъ Анри Этьенъ (Henri Estienne), энергически защищавшій французскій языкъ отъ итальянизмовъ, а потому предположительно желавшій для него самобытнаго развитія, въ родѣ знакомаго ему въ древней Элладѣ, на дѣлѣ возсталъ противъ провинціализмовъ, называя ихъ mots bâtards и совѣтуя людямъ придворнымъ, призваннымъ-де ковать новыя слова, по возможности избѣгать этихъ областныхъ „чужеземцевъ“ [2]).

---

[1]) Въ предисловіи къ Franciade онъ говоритъ: Je te conseille d'user indifféremment de tous les dialectes, entre lesquels le courtisan est toujours le plus beau. См. P. Gembloux, Histoire litteraire... des patois. P. 1841 г., стр. XXIII.

[2]) La cour est la forge des mots nouveaux, le palais leur donne la trempe, et le grand désordre qui est en notre langagè,

Шире былъ взглядъ на patois знаменитаго комика Рабле и философа Монтэня. Оба щедрою рукою черпали изъ просторѣчій, первый — особенно изъ родного Турена (Touraine), второй же—изъ Перигорда (Perigord), лежащаго въ окцитанской области. Къ сожалѣнію, мнѣніе Этьена побѣдило впослѣдствіи, благодаря особенно поддержкѣ, оказанной ему въ этомъ отношеніи Малербомъ, котораго иные зовутъ „создателемъ новофранцузскаго языка" [1]). Его взглядъ на дѣло нѣсколько напоминаетъ вышеизложенное ученіе Манцони о необходимости флорентинизаціи общеитальянскаго языка. Малербъ поставилъ нормою общефранцузскаго употербленіе парижское, главнѣйше на площади Сенъ-Жанской [2]). Даже рѣчь двора казалась ему при Генрихѣ IV нѣсколько огасконенною, почему онъ не колебался занести свой критическій ножъ и на этотъ патоазный наростъ, чтобы окончательно degasconner, т. е. вообще освободить отъ провинціализмовъ рѣчь Парижа и всей образованной Франціи. Двадцатитрехлѣтняя (1605—28) дѣятельность его въ этомъ отношеніи увѣнчалась неожиданнымъ и полнымъ успѣхомъ. На кодификованный Малербомъ языкъ вскорѣ наложена была оффиціальная печать Французской Академіи, основанной въ 1637 г. кардиналомъ Ришелье „для украшенія и возвеличенія французскаго языка". Отъ имени этой Академіи дѣйствовалъ преемникъ Малерба въ кодификаторствѣ языка — Вожля (F. de Vaugelas † 1650 г.), котораго „Remarques sur la langue française (1647 г.) долго признавались безапелляціоннымъ уложеніемъ законовъ этого языка. Въ 1694 г. вышелъ наконецъ и знаменитый Dictionnaire de l'Académie Française, который понынѣ считается общеобязатель-

procède pour la pluspart de ce que messieurs les courtisans se donnent le privilège de légitimer les mots bâtards et de naturaliser les étrangers. См. Gembloux, Histoire, стр. XXIV.

[1]) Brunot, Précis de grammaire historique 29 стр.

[2]) Nisard, Histoire I, 406.

ною нормою въ вопросахъ терминологическаго и фразеологическаго характера.

Съ тѣхъ поръ, какъ теоретическіе споры о правахъ во французскомъ языкѣ архаизмовъ и неологизмовъ, варваризмовъ и провинціализмовъ, были рѣшены усиліями названныхъ и многихъ другихъ болѣе второстепенныхъ филологовъ и критиковъ, обществъ и „салоновъ,“—авторы могли усвоить себѣ болѣе однообразный и послѣдовательный способъ рѣчи и письма. Дѣйствительно, съ половины XVII-го в. мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи большой успѣхъ въ сравненіи съ прежними вѣками. Въ сочиненіяхъ Корнеля и Расина, Мольера и Лафонтена, Боало и Ла-Брюйера, Севинье (Sevigné) и Ларошфуко, Боссюэта и Массильона можно, конечно, найти много особенностей рѣчи, отражающихъ то требованія соотвѣтственнаго вида литературы, то печать личности автора; но особенности эти принадлежатъ къ области скорѣе стиля, чѣмъ языка, довольно однообразнаго у всѣхъ этихъ поэтовъ, моралистовъ, ораторовъ.

То же должно сказать о языкѣ Вольтера и Руссо, Дидро и Бомарше, Шатобріана и Сталь, Ламартина и Беранже, В. Гюго и Ж. Зандъ.

Въ новѣйшее время, съ романтической эпохи во Франціи замѣчается освобожденіе отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ путъ классическаго языка, нѣкоторый приливъ неологизмовъ, въ соотвѣтствіе новымъ идеямъ и новымъ условіямъ жизни; но все это не потрясло, не расшатало крѣпко установленнаго состава и строя французскаго языка, напоминающаго въ этомъ отношеніи свой первообразъ—языкъ латинскій.

Внутреннее значеніе и внѣшнее положеніе французскаго языка было значительно поднято съ XVI-го в. тѣмъ, что онъ постепенно отвоевалъ отъ латинскаго обширную область науки, утвердился въ школахъ, судахъ, присутствіяхъ, а кое-гдѣ проникъ и въ богослуженіе. Въ 1512 г. изданъ былъ особый указъ о замѣнѣ латинскаго французскимъ въ судахъ; въ 1539 г. вышелъ второй указъ объ

обязательности послѣдняго во всѣхъ присутствіяхъ и школахъ. Одновременно съ тѣмъ реформаціонное движеніе поколебало и во Франціи авторитетъ латыни въ богословской литературѣ и даже въ литургической области. Особенно важна была писательская дѣятельность Кальвина, котораго, наряду съ Рабле и Малербомъ, иногда называютъ „отцомъ французскаго языка“ [1]). Его блестящая богословско-полемическая дѣятельность на этомъ языкѣ вызвала и католическихъ писателей изъ твердынь латинской схоластики, гдѣ ихъ заворожила было на нѣсколько вѣковъ дѣятельность богослововъ: Беренгара Турскаго, Ланфранка, нормандскаго аббата, а потомъ примаса Англіи—Ансельма Кентербурійскаго, Петра Абеляра (Abälard), парижскаго профессора Іо. Дунсъ-Скота (Johannes Duns-Scotus), Герсона и др. Послѣ Кальвина стали писать по-французски и „правовѣрные богословы“, каковы: Франсоа Де-Саль (de Sales), Боссюэтъ, Бурдалу, Фенелонъ, Массильонъ и др. Къ философіи, но болѣе житейской, прикладной, чѣмъ чистой, съ величайшимъ успѣхомъ примѣнилъ французскій языкъ Монтэнь. Послѣ него, въ XVII-мъ вѣкѣ Декартъ писалъ по-французски свой Discours de la méthode (1637 года) и друг. соч., а за нимъ Паскаль — Lettres provinciales и много другихъ научныхъ сочиненій. Въ лицѣ этихъ двухъ великихъ мыслителей достигла высшаго полета какъ французская созерцательность, такъ и научная проза.

Что касается собственно литургической области, то въ ней не успѣлъ, къ сожалѣнію, завоевать себѣ подобающаго положенія французскій языкъ ни при Франсоа I, ни при Генрихѣ IV, ни при Лудовикѣ XIV, ни даже при Наполеонѣ I. Истребленіе или изгнаніе диссидентовъ вновь укрѣпило латынь въ этой традиціонной области, хотя отъ времени до времени раздавались и раздаются голоса о своевременности освобожденія галликанской церкви отъ латинскаго языка въ богослуженіи. Два образчи-

[1]) Nisard, Histoire I, 303, 333—335.

ка подобныхъ протестовъ противъ сохраненія литургической латыни находимъ и въ донесеніяхъ аббату Грегоару о патоа въ 1794 г.: корреспондентъ изъ департамента Юрскаго (Jura) рекомендуетъ поспѣшить введеніемъ отечественнаго языка въ богослуженіе, въ видахъ скорѣйшаго уничтоженія patois [1]); авторъ же письма изъ Верхняго Лангедока (Haut Languedoc) еще рѣзче выражаетъ эту мысль въ словахъ: „Національное собраніе почувствуетъ, вѣроятно, что языкъ французскій не уступаетъ плохой латыни въ пригодности для испрошенія милости Верховнаго Существа. Черезъ это будетъ достигнуто и сближеніе съ акатоликами, которые никогда не отдѣлились бы отъ насъ, еслибы римскій дворъ не упорствовалъ въ презрѣніи къ справедливѣйшимъ ихъ требованіямъ“ [2]). Протесты эти прозвучали безслѣдно, какъ и многія другія аналогичныя заявленія. Ни революція, ни имперія, ни королевство, ни три республики не успѣли донынѣ отвоевать отъ Рима область литургическаго языка.

Зато въ дипломатической области французскій языкъ съ XVII-го в. сдѣлалъ обширныя завоеванія. Съ Нимвегенскаго мира онъ признается какъ-бы общимъ международнымъ языкомъ всѣхъ образованныхъ странъ. Вотъ уже 200 лѣтъ на немъ велись и ведутся всѣ дипломатическіе переговоры и сношенія, пишутся конвенціи, трактаты, всѣ вообще международные акты, такъ что языкъ этотъ превзошелъ и древнефранцузскій XIII-го в. и испанскій XVI-го в. по своей—правда, условной—универсальности.

За дворами и дипломатами слѣдовала въ галломаніи дѣйствительная и мнимая знать западной, а потомъ и вос-

---

[1]) ...de hâter le moment où le service divin se fera en langue maternelle. Revue des langues Rom. 1878 г., стр. 259.

[2]) L'Assemblée nationale sentira probablement que la langue française est aussi propre qu'un mauvais latin pour attirer l'attention de l'être suprême, et qu'il est enfin temps de nous rapprocher en cela des noncatholiques, qui ne seraient jamais séparés de nous, si la cour de Rome ne s'était point obstinée à mépriser leurs réclamations les plus justes. Revue des langues romanes. 1875 г., стр. 82.

точной Европы, такъ что за французскимъ языкомъ во многихъ странахъ установилась слава быть своего рода патентомъ—и притомъ едва-ли не самымъ дешевымъ—на званіе полноправнаго члена высшаго или образованнаго общества. Это, конечно, не есть еще тотъ всемірный ученый и дипломатическій языкъ, о которомъ мечтали Бэконъ, Декартъ, Лейбницъ, который имѣлъ въ виду и Ришелье при учрежденіи Académie Françaiѕe, а еще раньше — Анри Этьенъ, видѣвшій въ своемъ отечественномъ языкѣ наслѣдника латинскаго и греческаго въ международной области; но все же ни одинъ изъ новоевропейскихъ языковъ не приблизился болѣе французскаго къ этому—вѣроятно недостижимому—идеалу языка общечеловѣческаго.

Въ какомъ же положеніи очутились прочіе ойльскіе и окцитанскіе діалекты при столь высокомъ подъемѣ и блестящемъ развитіи ильдефрансскаго? Они конечно должны были отойти на второй и третій планъ въ литературной и дипломатической областяхъ, и либо превратиться въ просторѣчья (patois), либо ограничиться болѣе скромною ролью органовъ низшей, популярной подлитературы, такъ какъ всѣ болѣе крупныя умственныя силы и писательскія дарованія переходили на служеніе общему языку. Послѣднее мы видѣли уже въ концѣ среднихъ вѣковъ; но особенно съ XVI-го в. вполнѣ обнаруживается непрерывный и сильный приливъ къ общему языку писательскихъ силъ со всѣхъ областей Франціи. Конечно, и самъ Ильдефрансъ съ Парижемъ выставили такую фалангу поэтовъ и ученыхъ, которая можетъ соперничать съ тосканскою и съ кастильскою, и не имѣетъ себѣ равной между областями Франціи [1]). Но довольно богатую жатву писательскихъ та-

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, изъ Ильдефранса съ Парижемъ во главѣ вышли со временъ Villon'a: Henri Etienne, Calvin Jacques Amyot, Etienne Jodelle, Etienne Pasquier, Marguerite de Valois, Charron, Ant. Arnauld, Charles Perrault, Patru, Chapelain, Boileau, Molière, Jean Racin, Malebranche, Louis

лантовъ, особенно въ прозаическомъ родѣ, дали французскому языку и другія области ойльскія, а за ними—среднеронскія и окцитанскія [1]). Если столько силъ должны были діалекты принести въ дань общему языку, то что же оставалось затѣмъ имъ для собственной областной литературы?

Saint-Simon, Regnaud, Marivaux, Jean Baptiste Rousseau, Laharpe, Voltaire, Beaumarchais, D'Alembert, Lavoisier, M-me Stael, Parny, Beranger, Alfred de Vigny, Alfred de Musset, J. Michelet, Villemain, Saint-Marc Girardin, Victor Cousin, A. Scribe, Dumas A. (fils), Prospère Mérimée, George Sand и мн. др. Это конечно много, но далеко не все, даже не бóльшая часть писательскихъ силъ на ильдефрансскомъ діалектѣ, по превращеніи его во французскій языкъ. На подмогу фалангѣ ильдефрансской выступили затѣмъ: изъ Шампани: La Fontaine и Diderot; изъ Бургундіи: Vaugelas Cl., Bossuet, Crebillon, Buffon, Lamartin; изъ Берри: Bourdaloue; изъ орлеанскаго: Pierre Ronsard, Desportes, M. Regnier, Aug. Thierry; изъ Туренъ: Fr. Rabelais, Richelieu, René Descartes, Destouches, H. Balzac († 1850); изъ Сентонжа: Balzac († 1654 г.), Fr. La-Rochfoucauld; изъ Анжу: J. du Bellay, Bodin; изъ Мэна: Arnoul Greban (XV в.), N. Coiffetau, R. Garnier; изъ Бретани: A. R. Lesage, Maupertuis, F. L. Chateaubriand, Lamennais, Ernest Renan; изъ Нормандіи: Alain Chartier (XV в.), Bertaut, Malherbe, Pierre Corneille, Fontenelle, Bernardin de S. Pierre, Casimire Delavigne; изъ Пикардіи: Voiture Vincent, Dumas A. (père), Sainte-Beuve; изъ Фландріи: Philipp de Commines (XV в.); изъ Лотарингіи: Jeanne d'Arc (XV в.); изъ Франшъ-Конте: Cuvier, Victor Hugo, Fourier, Prudhon.

[1]) Такъ мы можемъ назвать писателей, вышедшихъ: изъ Ліона: Ampère, Delorme, Bernard de Jussieu; изъ Швейцаріи: J. J. Rousseau, Benjament Constant; изъ Прованса: Gassendi, Massillon, Vauvenargues, Thiers; изъ Лангедока: Florian, Andrée Chenier (род. въ Константинополѣ, но съ двухъ лѣтъ жилъ въ Лангедокѣ), Pierre Bayle, Guizot; изъ Оверни: Blaise Pascal, эгиптологъ Champollion; изъ Лимузина: Marmontel; изъ Перигорда: Montaigne; изъ Кэрси (Quercy): Clement Marot, Fenelon, Gambetta (генуэзскаго рода); изъ Бордоскаго: Charles Montesquieu.

Очень мало, какъ видимъ изъ скудныхъ остатковъ ойльскихъ и окцитанскихъ діалектическихъ подлитературъ XVI—XIX-го вв.

Въ ряду первыхъ сколько нибудь замѣтную областную литературу въ новѣйшее время могутъ указать лишь валлоны, насколько для нея остается еще мѣста при двойномъ давленіи — съ одной стороны языка общефранцузскаго, съ другой же — фламандскаго, какъ аванпоста галландскаго и вообще нѣмецкаго языка, на крайнемъ его сѣверозападѣ. Изъ многочисленныхъ валлонскихъ разнорѣчій относительно развитѣе люттихское (liègeois), на которомъ и теперь существуетъ маленькая подлитература. Ее составляютъ оперетки, шансонетки, пасквинады и другія мелкія стихотвореньица сатирическаго характера. Но самымъ крупнымъ произведеніемъ этой валлонской литературы считали въ концѣ XVIII-го в. Геральдическую исторію нидерландской знати, написанную Гемрикуромъ [1]). На лилльскомъ разнорѣчіи писалъ кое-что Котиньи (Cottignies [2]). На лотарингскомъ еще въ XIX-мъ в. Реми (Remy) и др. писали въ буколическомъ родѣ: Bucoliques Messins (мецскіе [3]). На мэнскомъ діалектѣ можемъ указать: Dialogue de trois vignerons du pays de Maine, написанный Сусноромъ (Sousnor) еще въ 1734 г. [4]). На діалектѣ поатевинскомъ имѣется сборникъ XVI-го в.: Gente Poitevinerie [5]). Въ половинѣ XVII-го в. на этомъ же разнорѣчіи писалъ комедіи и др. популярныя пьески Друэ (Drouet); нѣсколько же позже землякъ его Жанъ Барбю (Jean Barbu) сочинялъ на немъ же эклоги [6]). Писано кое-что, особенно въ духовномъ родѣ, и на сентонжскомъ разнорѣчіи,

---

[1]) Histoire héraldique de la noblesse des Pays-Bas, par Hemriquourt. См. Revue des langues Romanes 1878 г., 67.

[2]) Schnakenbourg, Tableau 21.

[3]) Ibid. 18.

[4]) Schnakenbourg 22.

[5]) Ibid. 17.

[6]) Ibid. 18.

до XVIII-го в. [1]). На бургундскомъ въ началѣ XVIII-го в. писалъ святочные разсказы (Noëls) и т. п. Ламонноа (Lamonnoye), котораго звали шансоннымъ Лафонтеномъ [2]). Въ Женевѣ еще при I. Скалигерѣ (въ XVI-мъ в.) строго запрещено было говорить въ сенатѣ иначе какъ по-савойски, въ доказательство независимости швейцарцевъ отъ Франціи [3]). На дофинскомъ же разнорѣчіи писанъ одинъ сборникъ начала XVII-го в., а позже—Pastorale и Tragicomédie нѣкоего Милле (Millet) и нѣкоторыя другія сочиненія [4]).

Тутъ мы дошли вновь до границъ Окцитаніи, на разнорѣчіяхъ которой существуетъ болѣе обширная литература, особенно съ половины нашего вѣка. Нуле и Ребуль въ своихъ библіографіяхъ южнофранцузской діалектической литературы насчитали нѣсколько сотъ провансскихъ, лангедокскихъ, гасконскихъ и т. д. авторовъ и сочиненій XVI—XIX-го в. [5]); но изъ этого множества сочиненій—въ Авиньонѣ въ Musée Colvet собрано до 200 томовъ новоокцитанскихъ произведеній! [6])—едва-ли наберется дюжина сколько нибудь самобытныхъ и цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи. У поэтовъ этихъ поколебалось уже со-

---

[1]) Revue des langues Romanès 1875 г., стр. 138, 143.

[2]) Schnakenbourg, Tableau 18.

[3]) Gembloux, Histoire... des patois 1841 г., стр. 13.

[4]) Schnakenbourg, Tableau 17.

[5]) Noulet, Essai sur l'histoire littéraire des patois du midi de la France aux XVI—XVII siècles. Toulouse 1859 г. Его же: Catalogue d'ouvrages écrits dans les patois du midi de la France au XVIII siècle (въ Revue des l. Rom. 1876—77 гг.). Robert Reboul, Bibliographie des ouvrages écrits en patois du midi de la France et des travaux sur la langue provençale. P. 1877 г. Ребуль насчиталъ тутъ 458 авторовъ, но многіе изъ нихъ писали не на окцитанскихъ разнорѣчіяхъ, а по-французски о провансальской литературѣ. Нуле же для одного XVIII-го в. перечислилъ 358 сочиненій и статеекъ на южныхъ разнорѣчіяхъ, да еще 92 статьи о революціи, значитъ всего—450.

[6]) Böhmer Ed., Die Provenzalische Poesie der Gegenwart. Halle 1870 г., стр. 33.

знаніе прежняго провансальскаго единства, забыть общій лимузинскій языкъ и каждый изъ этихъ новопровансальцевъ пишетъ на своемъ мѣстномъ разнорѣчіи. Такъ аббатъ Дастро (Dastros) въ прошломъ вѣкѣ описалъ Les quatre saisons и составилъ Une discussion entre les quatre éléments на гасконскомъ нарѣчіи [1]). Ему подражалъ въ этомъ, хотя съ меньшимъ талантомъ,—Гэ (Gay). Но народъ предпочиталъ этимъ дидактическимъ поэтамъ свои простоватые гасконскіе молитвенники — des cantiques, quelque bêtes qu'ils soient, по словамъ донесенія аббату Грегоару [2]). Въ концѣ XVII-го вѣка нѣкій Дюпра или Дельпра (Duprat, Delprat) перевелъ на гасконское нарѣчіе Буколики Виргилія [3]). Затѣмъ существовало на этомъ нарѣчіи довольно большое число святочныхъ разсказовъ (Noëls) и множество пѣсенъ [4]).

Вторую, болѣе сильную школу новопровансальскихъ поэтовъ составляли лангедокцы, съ тулузаниномъ Гудули (Goudouli, у другихъ Goudelin) во главѣ. Послѣдній пользовался у провансальскихъ патріотовъ такимъ почетомъ, что они сопоставляли его съ Рабле, другіе же—съ Расиномъ [5]). Жилъ этотъ поэтъ въ 1579—1649 гг. и писалъ въ анакреонтическомъ родѣ. На разнорѣчіи руэргскомъ также существовала маленькая литература въ разсматриваемый періодъ времени. Въ 1556 г. въ главномъ городѣ Руэрга Родецѣ (Rodez) изданъ былъ переводъ на мѣстный діалектъ богословскаго „Opus tripartitum“ Герсо-

---

¹) См. Dastros, Poesies gasconnes, par Frix Taildadc. Paris 1867—69, I, II.

²) Revue des l. Rom. 1875 г., стр. 100 сл.

³) Las bucolicos de Birgilio, tournados en bers agenez, per Guillaumes Delprat. Agen. 1696 г. См. Revue des l. Rom. 1876 г., стр. 285.

⁴) Revue des l. Rom. 1876 г., стр. 287.

⁵) Ibid. 1876 г., стр. 36; 1874 г.,стр. VI.

на, очевидно—для руководства мѣстному духовенству. Въ XVIII-мъ в. прославился своими руэргскими произведеніями Клодъ Пейро (Claude Peyrot, въ 1709—95 гг.), издавшій въ 1781 г. Quatre saisons и Géorgiques patoises. Въ XIX-мъ вѣкѣ издалъ на этомъ разнорѣчіи поэму Julitto et Pierrou нѣкій Фроманъ Д'Юпарлакъ (Fromen d'Huparlac [1]). На лимузинскомъ же писалъ Фуко (Foucauld), котораго произведенія изданы недавно въ Парижѣ [2]).

Изъ изложеннаго видно, что средоточіемъ окцитанской діалектической подлитературы или подлитературъ XVI—XVIII-го в. были крайнія югозападныя области Франціи, прилегающія къ Гаскони [3]).

И въ другихъ частяхъ южной Франціи писались тогда на мѣстныхъ разнорѣчіяхъ веселыя, шутливыя пѣсенки, въ составленіи которыхъ первыми мастерами были ксендзы [4]); сочинялись Noëls, набожные стишонки, балаганные фарсы, но все это отзывалось самой заурядной посредственностью. Очевидно, лучшіе умы, лучшія писательскія силы или исчезли на пѣвучемъ, поэтическомъ нѣкогда югѣ, или перенесли свою дѣятельность въ другую область, какъ это можно сказать про Маро и Шенье, Монтэня и Паскаля, Массильона и Фенелона, Монтескье и Гизо.

Но съ XIX-го в. начинается и здѣсь движеніе, аналогичное тому, какое мы наблюдали уже въ иберійской Каталоніи: оно окрещено именемъ „новопровансальскаго возрожденія." Прародителемъ его считается гасконецъ Жасменъ (Jasmin или Jansemin, въ 1798—1864 гг.), соединявшій искусство ажанскаго (Agen) парикмахера съ очень недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ. Сенъ-Бэвъ назвалъ

---

[1]) Aymeric J., въ Zeitschr. für Rom. Phil. III, 358 стр.

[2]) Foucauld, Poésies en patois limousin. Paris 1866 г.

[3]) Отсюда терминъ „гасконизмъ", въ значеніи провинціализма, у французскихъ стилистовъ.

[4]) Noulet, въ Revue des l. Rom. 1874 г., стр. 208.

его гасконскимъ Манцони, а Французская Академія присудила ему въ 1852 г. медаль за поэтическія произведенія [1]), какъ-бы забывъ на этотъ разъ о преслѣдованіи тою же Академіею всяческихъ гасконизмовъ въ вѣкъ Малерба и Вожля.

Примѣръ Жасмена нашелъ подражателей и въ другихъ частяхъ Окцитаніи. Прежде всего отозвались на его голосъ новотрубадуры Прованса — Обанель (Aubanel) и Руманиль (Rumanille), авиньонскіе книгопродавцы, избравшіе родное авиньонское разнорѣчіе. За ними выступилъ провансскій помѣщикъ Мистраль, эпикъ и вмѣстѣ лирикъ, или — какъ выражаются его почитатели — Бертранъ Де-Борнъ и Бернаръ Де-Вентадуръ въ одномъ лицѣ [2]). Лишь послѣ Гаскони и Прованса присоединился къ этому движенію серединный Лангедокъ, въ лицѣ поэтовъ Фарале (Fare-Alais), Арнавиля (Arnaville) и Бренгье (Octavien Bringuier), изъ коихъ первый писалъ на разнорѣчіи севенскомъ, а второй — на собственно лангедокскомъ [3]). Лучшимъ изъ произведеній этой новопровансальской школы считается поэма Мистраля „Mireio" (1859 года), изъ провансской жизни, на основѣ любовной исторіи Въ 1861 г. авторъ ея, подобно Жасмену за десять лѣтъ раньше, награжденъ медалью Французской Академіи [4]). Вторая знаменитая поэма Мистраля — „Calendau" (1869 г.), изъ жизни провансскихъ рыбаковъ.

Обнародованіе произведеній этихъ и многихъ болѣе второстепенныхъ „новотрубадуровъ" производится главнымъ образомъ въ сборникахъ или альманахахъ. Самымъ старшимъ между ними является Li Provençalo, выходившій

---

[1]) Böhmer, Die Provenzalische Poesie der Gegenwart, стр. 5. Ср. Gröber Grundriss I, 432.

[2]) A. Bayle, La poésie provençale au moyen âge. Aix. 1876 г., стр. 25.

[3]) Revue des l. Romanes 1871 г., стр. 70 сл., 161. Ср. Böhmer, l. c. 6.

[4]) Böhmer, Die Provenz. Poesie 6, 13.

съ 1852 г. въ Авиньонѣ, подъ редакціей Руманиля и Обанеля. Съ 1855 г. онъ переименованъ въ альманахъ — „Armana Provençau," тоже въ Авиньонѣ, подъ редакціей тѣхъ же лицъ, да еще Мистраля. По образцу этого провансскаго альманаха сталъ потомъ выходить съ 1874 г. „Armagna cevenòu" (севенскій) въ Арлѣ (Arles), преобразованный года черезъ два въ „Armana de Lengado" (лангедокскій [1]). И Гасконь завела себѣ альманахъ—„Armanac gascoun," выходящій въ Бордо. Къ этому же кругу изданій принадлежитъ барселонскій „Calandari català", съ 1865 г. [2]).

Какъ сочувственно отнеслось мѣстное общество къ этимъ изданіямъ, видно изъ числа подписчиковъ на оныя: „Armana provençau" напр. печатался въ 1874 г. въ 10.000 экземпляровъ [3]).

Для обезпеченія же правильнаго прилива поэтическаго матеріала въ эти изданія образованы сначала въ Провансѣ, а затѣмъ и въ прочихъ частяхъ Окцитаніи общества фелибровъ, т. е. любителей провансальской словесности. Съ 1875 г. они имѣютъ такую организацію, что центральное управленіе находится въ Авиньонѣ, подъ предсѣдательствомъ до недавняго времени Мистраля († 1891 г.), при ближайшемъ сотрудничествѣ Габріеля Д'Азаи (Gabriel d'Azaïs), Балагера, Руманиля, Румье (Roumieux) и нк. др. Это главное общество распадается на три отдѣла: провансскій, лангедокскій и каталанскій, синдиками коихъ въ 1876 г. состояли: перваго—Обанель, второго—Туртулонъ, третьяго же—Альбертъ Де-Кинтана (Quintana [4]).

Фелибры ежегодно устраиваютъ съѣзды и поэтическіе

---

[1]) Böhmer l. c. 10; Revue des langues Romanes 1874 г., стр. 500; 1875 г., стр. 257. Ср. R. Reboul, Bibliographie des ouvrages écrits en patois du midi de la France. 1877 г.

[2]) Revue des l. Romanes 1874 г., стр. 500.

[3]) Ibid. 615.

[4]) Ibid. 1876 г., 365.

турниры—jeux floraux, съ возможнымъ соблюденіемъ старопровансальскихъ „законовъ любви“ (Leys d'amors).

Въ то время, когда изъ Прованса вышло и разливалось это популярное общественное движеніе, въ лангедокскомъ Монпелье, ученомъ средоточіи южной Франціи, на встрѣчу ему поднялось другое, болѣе глубокое и широкое по объему теченіе: основано было „общество романскихъ языковъ (Société des langues romanes), съ проф. Камбуліу (Cambouliou † 1871 г.) во главѣ. Оно немедленно принялось за изданіе особаго „Revue des langues romanes“, ставшаго съ 1870 года главнымъ представителемъ и двигателемъ „возрожденія“. Первыми руководителями этого изданія, придавшими ему научный вѣсъ въ романистикѣ, были монпельерскіе профессоры Анатоль Бушери (Boucherie † 1883 г.) и Шабано (Chabaneau). Поэтическія произведенія печатаются тутъ на окцитанскихъ діалектахъ, но научныя статьи по-романской—особенно провансальской и каталанской—словесности пишутся по-французски. По примѣру этого Société и Revue, стали возникать затѣмъ подобныя общества и изданія въ другихъ южнофранцузскихъ общественныхъ и научныхъ центрахъ: Бордо, Ажанѣ, По, Перигордѣ, Арлѣ, Греноблѣ, Ліонѣ и т. д. [1]). Число изданій на окцитанскихъ діалектахъ въ 1872, 73, 74, 75 гг. простиралась, по библіографическимъ бюллетенямъ Revue des langues romanes [2]), до 36, 56, 56, 105 номеровъ, причемъ тутъ поименованы лишь важнѣйшія. Принявъ это во вниманіе, можемъ предположить, что полный перечень „литературы возрожденія“ перевалилъ бы теперь за тысячу номеровъ.

---

[1]) Таковы: Revue de Gascogne; Revue de l'Agenois; Bulletin de la société des sciences, lettres et arts de Pau; Bulletin de la société historique et archéologique du Perigord; Le Musée, revue Arlesienne; Petite revue des bibliophiles dauphinois à Grenoble и др. См. Revue des l. Rom. 1874 г. и Revue félibréenne à Lyon, съ 1885 г.

[2]) 1875 г., стр. 428 сл.; 1878 г., стр. 126 сл.

Преобладающая часть этой литературы стихотворная, какъ и древнепровансальская, тогда какъ въ прозѣ безраздѣльно господствуетъ тутъ языкъ общій [1]). Между этими новотрубадурами было нѣсколько высокодаровитыхъ, какъ напр. Жасменъ, Обанель, Мистраль. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что югъ, давшій Франціи съ XVI-го в. Монтэня, Паскаля, Фенелона, Монтескье, Мирабо, Гизо, Тьера и др. славныхъ прозаиковъ и ораторовъ, не произвелъ ни одного настоящаго поэта. Изъ этого обстоятельства Шабано дѣлаетъ — быть можетъ поспѣшный — выводъ, что провансальскіе поэты должны либо писать на своихъ просторѣчіяхъ, либо молчать [2]).

Въ формѣ новопровансальскихъ произведеній отражаются то отдаленныя, чисто книжныя уже воспоминанія о поэзіи старыхъ, настоящихъ трубадуровъ XII—XIII-го в., то болѣе свѣжія преданія изъ временъ Гудули, Дастро, Дельпра, то наконецъ эхо современной простонародной поэзіи французскаго юга. Послѣднее составляетъ самую живую и свѣжую струю въ произведеніяхъ новотрубадуровъ. Но эта ихъ народность, даже простонародность неизбѣжно влечетъ за собою крайнюю разрозненность, въ діалектическомъ отношеніи. Одни пишутъ по-гасконски, другіе по-лангедокски, по-савенски, по-провансски, по-ліонски (изъ среднеронской язычной среды), но никто по-общепровансальски или - какъ выражались встарь — lo dreg proenzal, la dreita parladura. Да его и нѣтъ еще, этого общаго новопровансальскаго языка. Между нынѣшними діалектами южной Франціи первенство принадлежитъ до нѣкоторой степени провансскому, какъ языку Обанеля, Руманиля и особенно Мистраля, этого Шевченко новопровансальской поэзіи. Но это первенство имѣетъ чисто теоретическое значеніе и не отражается въ произведеніяхъ лангедокскихъ, гасконскихъ, каталанскихъ фелибровъ, не обнаруживающихъ никакой охоты жертво-

---

[1]) Chabaneau, въ Revue des l. Rom. 1879 г., стр. 168.

[2]) Ibid. 167 сл.

вать разнорѣчіями Монпелье, Тулузы, Бордо, Барселоны для поэтической, но все же чуждой имъ и областной рѣчи авиньонскихъ новотрубадуровъ.

При такомъ безсиліи справиться съ самымъ основнымъ и такъ сказать элементарнымъ вопросомъ языкообразованія -- согласиться насчетъ одного общаго діалекта въ литературѣ новопровансальской, тѣмъ страннѣе кажутся очень смѣлые и широкіе замыслы фелибровъ въ язычной области. Многіе изъ нихъ не стѣсняются уже говорить объ отдѣльномъ отъ французскаго пятнадцатимилліонномъ [1]) провансальскомъ народѣ или даже расѣ, имѣющей отдѣльный языкъ, а слѣдовательно и право употреблять его во всѣхъ видахъ не только поэтической, но и прозаической литературы, въ школахъ и публичной жизни, вмѣсто чуждаго югу французскаго языка [2])! Въ Тулузѣ образовалась даже децентрализаціонная лига (Ligue de la decentralisation), издающая съ 1868 года особое Revue и разрабатывающая начертанную Мистралемъ программу федеративныхъ отношеній провансальскаго юга къ французскому сѣверу [3]). Подобную программу мы встрѣчали уже и у каталанцевъ, по отношенію къ Испаніи. У новопровансальцевъ она усложняется еще мечтаніями панроманскаго характера. Первымъ ихъ пророкомъ въ XIX-мъ вѣкѣ былъ монпельерскій профессоръ, медикъ Лаллеманъ (Lallemand, м. б. L'Allemand?!). Въ 1845 г. онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Le hachych, гдѣ предсказалъ образованіе большой федераціи, въ которую должны войти Испанія, Португалія, Италія, Франція, Бельгія, словомъ—всѣ новолатинскія государства. Ихъ общій иберо-галло-италійскій конгрессъ будетъ-де засѣдать въ Марсели [4]). Идея эта нашла впослѣдствіи горячаго побор-

---

[1]) Ср. Mistral, у Böhmer'a Die Prov. Poesie, стр. 24, 31.

[2]) Böhmer, Die Provenz. Poesie, стр. 24.

[3]) Ibid. 23 сл.

[4]) A. Roque-Ferrier, L'idée latine dans quelques poésies

ника въ лицѣ знатнаго каталанца, поэта и политика Де-Кинтана (De-Quintana y Combis). Онъ провозгласилъ ее уже въ сентябрѣ 1868 г. на первомъ общемъ съѣздѣ поэтовъ каталанскихъ и провансальскихъ въ Сенъ-Реми (St. Remy). Еще яснѣе выразилъ онъ „латинскую идею“ въ одушевленной рѣчи на Авиньонскихъ 500-лѣтнихъ поминкахъ Петрарки въ 1874 г. Въ слѣдующемъ году онъ объявилъ премію за лучшую „Пѣснь латинца“ (Chant du Latin [1]). Идея понравилась многимъ писателямъ и политикамъ „латинской расы“ [2]), такъ что на конкурсъ представлено было изрядное количество Chants du Latin: премія присуждена въ 1878-мъ году румынскому поэту Александри [3]).

И Мистраль написалъ тогда „пѣснь латинца“: A la raça latino, гдѣ между прочимъ восклицаетъ:

„Ah! se noun ères divisado,
Vuei, quau poudrié te faire lei! (т. е. Не будь ты раздѣлена, кто могъ бы предписывать тебѣ законы!).

Стихотвореніе заканчивается словами: „Воспрянь къ надеждѣ и соединись подъ знаменемъ креста“ [4]).

Но увы! это знамя въ сознаніи поэта имѣетъ доволь-

---

en espagnol, en langue d'oc et en catalan, въ Revue des langues Rom. 1877 г., стр. 115.

[1]) Ibid. 368 сл.

[2]) По случаю означеннаго конкурса просили о принятіи въ члены монпельерскаго Société des langues romanes: Mila y Fontanals, Belay Briz, Victor Balaguer, Nuñez de Arce, Castelar; E. Monaci, Ascoli, principe Ruspoli, senatore Sabarrini, abbate Spera, marchiz de Mendez Léal; Urechia, Hasdeu, Bratiano; Michel Breal, Gaidoz, Picot и н. др. каталанцы, испанцы, португальцы, итальянцы, румыны, французы.

[3]) A. Roque-Ferrier, L'idée latine dans quelques poésies en espagnol...., въ Revue des langues Rom. 1877 г., стр. 115. Chant de la race latine Александри переведена на діалекты каталанскій, провансальскій и лангедокскій фелибрами Verdaguer'емъ, Мистралемъ и Langlade'омъ. Ibid. 1884 г., стр. 154.

[4]) Revue des langues Rom. 1878 г., стр. 259.

но прозаическій смыслъ: оно почти равносильно „римской куріи“ [1])! . . .

На торжественномъ собраніи 25 мая 1878 г. въ Монпелье, по случаю присужденія „латинской преміи“, вышепомянутый ея учредитель Де-Кинтана произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ воскликнулъ: „Латинская раса! Доколѣ ты будешь имѣть жгучее солнце, ростящее наши злаки, — благородное вино, воспламеняющее наши сердца, — любовь твоихъ женщинъ, одушевляющую къ возвышеннымъ созданіямъ, — и вѣру, которая даетъ имъ толчекъ, а тебѣ рѣшимость и силу: ты будешь безсмертна, старая латинская раса, какъ божественное дыханіе, создавшее тебя для того, чтобы быть сердцемъ и душею вселенной“ [2]). Это слишкомъ неопредѣленно; но вотъ „латинская идея“ въ переводѣ на политическій языкъ: въ 1877 году лангедокскій поэтъ Charles Gros написалъ на своемъ діалектѣ тоже въ родѣ „латинской пѣсни“, гдѣ призываетъ безъ обиняковъ къ соединенію: Францію и Италію, Испанію и Румынію, Бельгію и Сенегалъ, Угрію (!Houngria) и Португалію, Канаду и Луизіану, Швейцарію и Гвіану, Бразилію и Боливію, Перу и — Македонію! . . [3]). Въ 1878 году въ Монпелье сталъ выходить журналъ панроманскаго направленія — „L'alliance latine“, подъ редакціею Ксавье Де-Рикаръ (Xavier de Ricard), при участіи авторовъ французскихъ, испанскихъ, итальянскихъ, португальскихъ, румынскихъ, среднеронскихъ (suisses-romands) и южноамериканскихъ. Программа журнала уже чисто политическая: образованіе республиканской федераціи новолатинскихъ народовъ [4]).

Къ числу далекихъ развѣтвленій этого новопровансальскаго панроманизма относится между прочимъ и учрежденное въ 1879 г. букурештское общество: Societatea de

---

[1]) Ср. Böhmer, Die Provenzalische Poesie, стр. 27.
[2]) Revue des langues Romanes 1878 г., 157 стр.
[3]) Ibid. 1877 г., стр. 102.
[4]) Ibid. 1878 г., стр. 204.

culturǎ macedo-romana, гдѣ секретаремъ былъ вышепоименованный членъ монпельерскаго общества des langues romanes — Урекія (Urechia). Для пособія букурештскому обществу, задавшемуся цѣлью спасти народность цынцаръ, изданъ былъ особый „Album macedo-roumain“, при содѣйствіи южнофранцузскихъ фелибровъ [1]).

Между сепаратистическимъ отторженіемъ новопровансальцевъ отъ французскаго общаго языка и уніонистическимъ стремленіемъ фелибровъ къ федераціи панроманской нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія: для того-ли хотятъ южане отвоевать себѣ независимость въ Галліи, чтобы вслѣдъ затѣмъ принести ее въ жертву Панроманіи? Или они увлекаются тайною надеждою, что въ составѣ послѣдней провансальцамъ придется быть средоточіемъ и цементомъ? Это какъ будто сквозитъ въ проектѣ Лаллеманда о марсельскомъ конгрессѣ Иберо-галло-италіи. Но можетъ-ли стать цементомъ для другихъ народъ, который не въ состояніи и самъ сплотиться—ни въ политическомъ, ни въ язычномъ отношеніи!

Нуженъ большой оптимизмъ и самообольщеніе, чтобы говорить объ Окцитаніи, какъ сердцѣ и средоточіи вселатинства. И Мистраль, и Кинтана что-то слишкомъ ужъ часто ссылаются на croix и foi! Не подшептываютъ-ли имъ такихъ мечтаній „злые духи“ стараго папскаго Авиньона?

Какъ же отнеслось къ этому новопровансальскому „возрожденію,“ на разныхъ фазахъ его развитія, французское общество, въ лицѣ умственныхъ своихъ представителей? Изъ медалей, присужденныхъ Жасмену за стихотворенія гасконскія, а Мистралю -за провансальскія въ 1851 г. и 1861 г. мы можемъ заключать, что высшая охранительница значенія и интересовъ французскаго языка—Academie Française отнеслась весьма сочувственно и поощрительно къ поэтическимъ произведеніямъ на южныхъ діалектахъ или—какъ ихъ называютъ обыкновенно

---

[1]) Revue des langues Rom. 1879 г., стр. 144.

теперь во Франціи—на patois. То же доказываютъ весьма сочувственные отзывы о Жасменѣ извѣстнаго критика Сепъ-Бэва, а о Мистралѣ—поэта Ламартина, который привѣтствовалъ въ южномъ собратѣ воскресшій отголосокъ древнегреческихъ массиліотовъ [1]). Можно бы назвать и многихъ другихъ славныхъ французскихъ писателей, которые сочувствовали новопровансальскому „возрожденію" и даже были членами и сотрудниками посвященныхъ ему обществъ и изданій, каковы напр. Сенъ-Рене Талландье (Saint-René Taillandier [2]), Бреаль (Michel Bréal), Гэдо (Gaidoz), Пико (Picot [3]), Гастонъ Пари [4]) и др. Но всѣ эти писатели и ученые видѣли въ новопровансальскомъ не соперника французскаго языка и литературы, а сотрудника въ параллельной, но болѣе популярной области. Поэтому и Талландье, и Г. Пари не одобряли тѣхъ новопровансальскихъ произведеній, которыя по содержанію недоступны народ-

---

[1]) Böhmer, Die Prov. Poesie 5, 13.

[2]) L'illustre professeur appartient de coeur et d'âme à notre (Société des langues Romanes à Montpellier) cause, car il est de ces qui savent ce qu'il y a de justice et de grandeur dans nos désirs de décentralisation... Ayant soutenu les félibres de l'appui de son nom et de l'autorité de sa parole, lorsqu'ils entreprirent si hardiment de renouer la tradition, il était naturel qu'il agît de même pour notre Société, dont la tentative n'est en quelque sorte qu'une consequence de la leur (фелибровъ). Первая книжка Revue des langues Romanes должна была выйти съ обѣщаннымъ введеніемъ Талландье, но это не осуществилось. Revue 1871 г., стр. I.

[3]) Въ 1876 г. они вступили въ монпельерское „Общество романскихъ языковъ"; Бреаль же прямо высказался въ 1878 г. въ пользу язычной децентрализаціи и сохраненія patois: Cette oeuvre d'assimilation (начатое Ришелье и др.) est aujourd'hui assez avancée pour qu'on puisse faire grâce à ce qui reste des diversités provinciales. См. Revue des langues romanes, 1878 г., стр. 278.

[4]) На четвертомъ филологическомъ и литературномъ состязаніи въ Монпелье 1883 г. онъ былъ даже вмѣстѣ съ Мистралемъ избранъ въ президенты жюри. Romania XII, 422.

ному множеству, а предназначаются для образованнаго общества. Талландье въ 1859 г. прямо выразилъ мысль, что „Мистраль долженъ бы писать по-французски, а не по-провансски, ибо теперь простонародье не понимаетъ его за недоступностью содержанія, общество же образованное—за недоступностью языка [1]). Гастонъ же Пари еще въ 1861 году находилъ, что „провансальскій языкъ въ настоящемъ видѣ не въ состояніи изображать ничего, кромѣ сценъ и картинъ изъ жизни низшихъ сословій, особенно сельской. Такъ и нѣмецкія просторѣчья очень милы-де въ идилліяхъ Гебеля или Клауса Грота, но не годятся для другого рода произведеній. Попытка Мистраля тѣмъ менѣе имѣетъ шансовъ на успѣхъ, что пути сообщенія и централизація въ теченіе столѣтія уничтожатъ-де послѣдніе слѣды того языка, который Мистраль пытается воскресить“ [2]).

Даже нѣкоторые изъ природныхъ провансальцевъ и фелибровъ возстали противъ сепаратизма Мистраля и его послѣдователей, находя, что языкъ провансальскій не способенъ къ рефлексіи (слѣд. къ высшимъ родамъ литературы), и что умственная централизація Франціи въ Парижѣ столь же законна и необходима, сколько излишня централизація административная [3]).

Такимъ образомъ, крайности новопровансальскаго литературнаго и общественнаго движенія уже многими замѣчены во Франціи, а потому вѣроятно рѣка эта скоро войдетъ въ свое законное ложе и будетъ питать, а не ослаблять языкъ общефранцузскій. Есть правда филологи, которые съ восторгомъ привѣтствовали бы даже полное отдѣленіе французскаго юга отъ сѣвера, на подобіе Португаліи на Иберійскомъ полуостровѣ, а Голландіи въ области языка нѣмецкаго; но это филологи нѣмецкіе, хотя

---

1) Revue des deux mondes 1859 г. Ср. Böhmer, Die Provenz. Poesie стр. 21.

2) Böhmer, l. c. 36.

3) Ibid. 25 сл.

весьма ученые и добросовѣстные, каковы напр. Бэмеръ [1]), Шухардтъ [2]), быть можетъ и другіе. Мы не сомнѣваемся, что и князь Бисмаркъ назначилъ бы въ свое время „золотую розу“ на jeux floraux за Chant du provençal, еслибы не боялся подорвать политическое значеніе фелибража . . .

Что до насъ, то мы думаемъ, что не одна, а всѣ существующія нынѣ десять діалектическихъ литературъ французскаго юга имѣютъ право и смыслъ бытія, доколѣ онѣ держатся въ границахъ и рамкахъ второстепенныхъ, вспомогательныхъ подлитературъ, не мѣшая развитію общаго языка и высшей литературы. Но когда провансальскіе фелибры заявляютъ притязаніе образовать на югѣ Франціи новую народность и сдѣлать ее цементомъ панроманизма, то они берутъ на себя задачу и неблагодарную, и непосильную. Не для того Франція тысячу лѣтъ работала надъ своимъ сплоченіемъ, въ государственномъ, народномъ и духовномъ отношеніяхъ, чтобы теперь распасться на двѣ Франціи, на двѣ народности, на двѣ литературы, хотя бы и связанныя сомнительными узами федеративной республики. Если же это распаденіе произойдетъ, то будетъ началомъ конца великодержавнаго и великонароднаго бытія Франціи.

Что касается „идеи латинской“, то ей нельзя не сочувствовать въ интересахъ сближенія и братства народовъ. Но если воплощеніе этой идеи предоставлено будетъ однимъ провансальцамъ съ каталанцами, т. е. если роль солнца достанется разбитымъ осколкомъ давно разсыпав-

---

[1]) Böhmer, Die Provenz. Poesie der Gegenwart, passim. Мы должны впрочемъ отмѣтить, что и Бэмеръ, ратующій за полную самостоятельность провансальскаго языка, все-таки въ одномъ мѣстѣ проговаривается, что не желательно бы писать и издавать на немъ ученыя сочиненія. Ibid. 22. Но вѣдь голландцы издаютъ? Или и они должны писать ученое по-нѣмецки? Но куда дѣлась бы тогда ихъ „счастливая независимость“? Ср. Ibid. 23.

[2]) Schuchardt, въ Romania VI, 312.

шагося культурнаго астероида,—то можно навѣрняка сказать, что это „идея“ мертворожденная. Другое дѣло, если бы носителемъ такой идеи сталъ одинъ изъ сильныхъ романскихъ народовъ и языковъ, напр. французскій, испанскій, итальянскій! Но разбитой на десять клочковъ и физически, и духовно—между прочимъ и діалектически—Окцитаніи подобная задача совсѣмъ не по плечу. Вѣдь объединить всѣ латинскіе народы труднѣе, чѣмъ всѣ окцитанскія нарѣчія. Можно-ли браться за первое, не приблизившись даже къ рѣшенію второго!

Фактъ образованія на ильдефрансской основѣ общаго языка галло-романскихъ племенъ не есть даръ счастія или плодъ грубаго насилія. Наоборотъ, онъ является слѣдствіемъ очень разнообразныхъ причинъ и законныхъ силъ, которыя коренятся въ естественныхъ и нравственныхъ условіяхъ жизни этихъ племенъ. Съ перваго разу могло бы показаться, что географическое положеніе французскаго юга благопріятнѣе, чѣмъ положеніе сѣвера—въ естественномъ и культурномъ отношеніяхъ. Югъ, какъ выразился въ приведенной выше рѣчи Де-Кинтана, „ярче освѣщенъ солнцемъ: его вино сильнѣе, женщины пылче, вѣра одушевленнѣе и беззавѣтнѣе.“ Все это вѣрно, но Андалузія тоже южнѣе и прекраснѣе Кастиліи, а Сицилія съ Неаполемъ — жарче и пылче Тосканы; это не помѣшало однако послѣднимъ подчинить себѣ первые во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ въ язычномъ. Видно, въ состязаніи умственномъ, государственномъ, народномъ рѣшающее значеніе имѣютъ другія, болѣе практическія и прозаическія условія, чѣмъ солнце, вино и женщины.

Южная Галлія ближе къ Риму и къ средиземноморскому бассейну, этому средоточію образованности античной и важнѣйшихъ центровъ христіанства. Это давало Провансу и Галліи Нарбонской перевѣсъ надъ Gallia Celtica, Belgica, но лишь въ тѣ вѣка, когда историческій міръ не выходилъ за „Геркулесовы столбы“ и пока не пріобщился къ культурной жизни океанъ. Когда же мало по малу людямъ стало тѣсно въ Средиземномъ морѣ, ко-

гда выступили на всемірную сцену народы океаническіе: англосаксы, юты, датчане и другіе норманы; когда стали выростать и крѣпнуть Фландрія, Пикардія, Нормандія, Бретань, Поату, Гюйэнъ, Португалія; когда и Испанія перенесла свою дѣятельность изъ гаваней средиземноморскихъ въ океаническія, особенно въ Андалузію и Галицію, и когда наконецъ развились истинныя океаническія державы—Голландія и Англія: положеніе Франціи сѣверной, обращенной къ океану, стало гораздо выгоднѣе чѣмъ южной, особенно ронской, прикованной и природою и преданіями къ бассейну средиземноморскому. Съ другой стороны, бóльшее удаленіе отъ Рима было благопріятно для самобытнаго развитія сѣвера въ томъ отношеніи, что онъ легче и полнѣе могъ отрѣшиться отъ латыни въ литературной и государственной областяхъ,—къ сожалѣнію, мы не можемъ прибавить „и въ церковной". Въ этнологическомъ типѣ провансальца нельзя отрицать бóльшей живости, быстроты, пыла; но зато въ его характерѣ менѣе устойчивости, основательности, сдержанности. Примѣсь франкской, фламандской, норманской, вообще нѣмецкой крови гораздо замѣтнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, гдѣ готы оставили лишь очень поверхностный слой,—гораздо слабѣе даже, чѣмъ въ Италіи и Иберіи. Нѣмецкая примѣсь отражается на сѣверѣ и въ физическомъ типѣ населенія, особенно сѣверовосточныхъ областей, и въ болѣе холодномъ темпераментѣ жителей, въ ихъ безпокойной воинственности, широкомъ нѣкогда развитіи феодализма и рыцарства, даже въ эпической поэзіи труверовъ, имѣющей — по словамъ Гастона Пари—нѣмецкаго (франкскаго) отца и романскую мать [1]). Южане, при слабости тевтонской примѣси, являются болѣе мирнымъ, торговымъ, демократическимъ народомъ, предпочитавшимъ жизнь муниципальную

[1]) Romania XIII, 613. Германское происхожденіе французской эпопеи блистательно доказано итальянскимъ романистомъ P. Rajna въ сочиненіи: Le origini dell'epopea francese. Firenze 1884 года.

феодальной и областную разрозненность—государственной централизацiи. Уже изъ этихъ особенностей народнаго темперамента и характера внимательному наблюдателю можно бы сдѣлать выводъ о конечномъ торжествѣ французскаго сѣвера надъ югомъ, въ случаѣ борьбы за преобладанiе.

По внутреннимъ свойствамъ, ойльскiй языкъ не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ окцитанскимъ: быть можетъ послѣднiй заслуживаетъ даже предпочтенiя, какъ болѣе близкiй къ латинскому корню и болѣе срединный между противоположностями смежныхъ романскихъ языковъ — итальянскаго, испанскаго, французскаго. Знатоки утверждаютъ, что и въ музыкальномъ отношенiи языкъ окцитанскiй нѣжнѣе, мягче, звучнѣе ойльскаго, особенно его сѣверовосточныхъ разнорѣчiй, гдѣ замѣчается особенная грубость и жесткость выговора, произошедшая—по Фалло—отъ нѣмецкой примѣси [1]). Сравнительная характеристика обоихъ языковъ довольно удачно сдѣлана однимъ изъ фелибровъ Анри Делпешемъ (Henri Delpech) въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1876 г. въ Монпелье, въ Academie des jeux floraux, о влiянiи окцитанскаго языка на ойльскiй: „Ойльскiй языкъ очень многимъ-де обязанъ окцитанскому. Къ ясности, точности, мѣткости генiя французскаго, къ его удивительной способности къ критикѣ, наши южане привнесли энергiю гармоничность и вообще поэтичность языка окцитанскаго, сильнаго какъ испанскiй и нѣжнаго какъ итальянскiй. Начиная отъ своеобразности Монтэня и кончая сдержанной силой Гизо, всѣ литературныя преимущества нашего солнечнаго юга въ теченiе шести-сотъ лѣтъ непрерывно согрѣвали языкъ залоарскаго сѣвера и вводили нашу душу въ это чуждое тѣло“ [2]).

---

[1]) Fallot G., Recherches sur les formes grammaticales au XIII siècle. 1839 г., стр. 13.

[2]) ....et dans ce corps étranger introduire notre âme. Revue des langues Rom. 1876 г., 331.

„Тѣло“ это быть можетъ и не совсѣмъ чуждо югу, особенно если со времени Монтэня оно согрѣвается теплымъ дыханіемъ послѣдняго; но безспорно языкъ ойльскій холоднѣе, мѣтче, критичнѣе, а потому для умозрѣнія Монтэней и Гизо онъ пригоднѣе, чѣмъ нѣжный и гармоническій языкъ провансальскаго юга.

Но если мы можемъ еще спорить и сомнѣваться относительно внутреннихъ преимуществъ языковъ окцитанскаго и ойльскаго, то въ средѣ послѣдняго первенство ильдефрансскаго въ діалектическомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ, прочіе ойльскіе діалекты являются окраинными членами этой системы, одни съ юга (бургундскій), другіе съ востока (лотарингскій), третьи съ сѣвера (валлонскій и пикардскій), четвертые наконецъ съ запада (нормандскій и поатевинскій), тогда какъ ильдефранскій съ примыкающими къ нему (шампанскій, беррійскій, орлеанскій, туренскій) занимаетъ самую середину ойльской язычной области. Съ этимъ связана нѣкоторая подмѣсь въ окраинные діалекты то окцитанизмовъ, то германизмовъ, тогда какъ діалектъ центральный могъ вѣрнѣе сохранить свою чистоту и цѣльность. Между тѣмъ черезъ переходныя свои разнорѣчія ильдефрансскій незамѣтно переливается то въ пикардскій и валлонскій, то въ лотарингскій и бургундскій, то въ поатевинскій и нормандскій, облегчая этимъ путемъ взаимное пониманіе и обмѣнъ такъ сказать крови между центромъ и окраинами этой язычной системы.

Такихъ преимуществъ далеко не имѣлъ язычный центръ Окцитаніи — діалектъ лимузинскій, какъ расположенный на одной изъ ея окраинъ, хотя и защищенной нѣсколько горами и переходными нарѣчіями отъ вліянія смежныхъ ойльскихъ разнорѣчій. Но изъ исторіи извѣстно, что послѣднія обошли Лимузинъ съ запада, чрезъ Сентонжъ и Бордо, послѣ чего весь югозападъ окцитанской язычной области подвергся быстро-

му засоренію его язычныхъ формъ наносными ойльскими [1]).

Естественныя и нравственныя особенности французскаго сѣвера и юга всего нагляднѣе выразились въ государственныхъ образованіяхъ каждаго. Первый довольно рано успѣлъ сплотиться въ одно политическое цѣлое, хотя и очень разчлененное по феодальной системѣ. Зерно этого государственнаго организма заложено было еще нѣмецкими франками, какъ въ Испаніи вестготами, а въ Италіи—остготами и лонгобардами; но нигдѣ оно не получило такого мощнаго и непрерывнаго роста, какъ въ ойльской Франціи. Меровинги, Каролинги, Капетинги, Валоа, Бурбоны, Наполеониды —все это представители различныхъ фазъ развитія одного и того же государственнаго организма. Правда, центръ его нѣкоторое время колебался, но съ конца X-го в. онъ остается неизмѣнно въ Парижѣ, который благодаря этому „королевскому“ своему званію скоро возвышается надъ всѣми соперниками и становится, по ходячему въ XIII—XVI-мъ вв. выраженію, Paris sans pair [2]). Съ конца XII-го и начала XIII-го вѣка кругъ его вліянія все болѣе расширяется, благодаря присоединенію Берри въ 1101 году, Пикардіи и Турени въ 1203 г., Нормандіи (временно) въ 1204 г., Лангедока въ 1272 г., Шампани въ 1361 г., такъ что ни Тулуза, ни даже Арль (Arles) не могли уже соперничать съ нимъ въ политическомъ и общественномъ значеніи. Послѣ окончательнаго торжества французскихъ королей надъ англійскими въ столѣтней войнѣ и послѣ присоединенія ихъ обширныхъ владѣній въ Нормандіи, Анжу, Аквитаніи, а затѣмъ послѣ разгрома Людовикомъ XI-мъ уцѣлѣвшихъ до XV-го вѣка, особенно въ Бургундіи, остатковъ феодальнаго дробленія государства, первенствующее значеніе во Франціи Парижа и Ильдефранса было вполнѣ обезпечено. Въ

[1]) Schnakenbourg, Tableau 8, 9; Gembloux, Hist. litteraire des patois, стр. 25. Ср. Gröber, Grundriss I, 665.

[2]) P. Meyer, въ Romania XI, 579 сл.

XVI-мъ в. Ронсаръ могъ уже громко провозгласить принципъ: „имѣя одного короля, мы должны говорить на одномъ языкѣ“ [1]).

Дѣйствительно, вмѣстѣ съ монархической централизаціей утвердилась во Франціи съ XV-го в. и литературная, съ безусловнымъ господствомъ языка королевскаго, коронованнаго (de la langue royale, couronnée [2]) надъ всѣми провинціальными діалектами.

Нѣкоторые французскіе писатели до того преувеличиваютъ значеніе государственнаго момента въ рѣшеніи вопроса объ общемъ языкѣ Франціи, что готовы считать его единственнымъ и рѣшающимъ. Даже Литтре сводитъ вопросъ о причинахъ преобладанія ильдефранссаго діалекта къ „узурпаціи Гугона Капета, утвердившей въ Парижѣ главу феодальной системы“ [3]). Эту фразу повторяетъ Браше въ своей Исторической грамматикѣ французскаго языка [4]). И Гастонъ Пари приписываетъ политическому росту ducatus Franciae въ regnum главную причину возвышенія діалекта ильдефранссваго въ общій языкъ всего государства [5]). Жамблу же, одушевленный поборникъ и исторіографъ французскихъ просторѣчій, считаетъ торжество неблагозвучнаго ойльскаго языка надъ гармоническимъ окцитанскимъ просто насиліемъ (puissance du sabre) и заговоромъ (conspiration du pouvoir national en faveur des langues du nord), котораго первовиновникомъ былъ-де Карлъ Великій [6]). Жамблу убѣжденъ, что переселись французскіе короли изъ Парижа въ Арль (Arles), языкъ окцитанскій сталъ бы тогда навѣрное langue royale, что, по мнѣнію Жамблу, было бы гораздо лучше [7]). Ученый авторъ забылъ кажется при этомъ, что

---

[1]) Cp. Nisard, Histoire I, 372.
[2]) Gembloux, Histoire... des patois 21, 22.
[3]) Littré, Histoire II, 101.
[4]) Brachet, Gram. historique [33] 46.
[5]) G. Paris, Grammaire historique 1868 г., стр. 10.
[6]) Gembloux, Histoire... des patois, стр. XXXVIII, 16.
[7]) Ibid. 117.

въ Арлѣ съ 879 по 1180 г. жили короли и притомъ довольно могущественные, владѣвшіе всѣмъ юговостокомъ нынѣшней Франціи, на площадяхъ провансальской (къ востоку отъ Роны) и среднеронской язычной системъ. Это не привело однако къ возвышенію ни провансальскаго, ни савойскаго, ни юрскаго діалектовъ. Очевидно, не въ однихъ короляхъ было тутъ дѣло. Въ южной Италіи короли почти непрерывно держались съ XI-го в., а между тѣмъ не неаполитанскому и сицилійскому, а тосканскому діалекту пришлось сдѣлаться общимъ языкомъ Апеннинскаго полуострова.

Политическая сила сѣверной Франціи была сама не столько причиною, сколько слѣдствіемъ и символомъ ея народной мощи, которая отражается затѣмъ и въ ученолитературной области: въ ранней и продолжительной славѣ парижскаго университета, въ которомъ стекалось въ средніе вѣка до 20.000 студентовъ; въ обширной и славной на всю Европу рыцарской поэзіи труверовъ XII — XIII-го в., а наконецъ — въ развитіи блестящей новофранцузской литературы, для которой одинъ Ильдефрансъ выставилъ въ лицѣ: Боало, Мольера, Расина, Вольтера, Бомарше, Беранже, Де-Мюссе, Де-Виньи, Жоржъ-Зандъ и др. можетъ быть болѣе силъ, чѣмъ весь югъ вмѣстѣ взятый. А между тѣмъ для знаменитыхъ южанъ: Ж. Ж. Руссо, Паскаля, Монтэня, Монтескье, можно найти равносильные писательскіе таланты и въ другихъ ойльскихъ областяхъ, каковы напр. славные туренцы: Рабле, Декартъ, Ришелье (какъ политическій писатель), Бальзакъ (второй), или бургундцы: Вожля, Боссюэтъ, Бюффонъ, Ламартинъ, нормандцы: Малербъ, Корнель, Фонтенель, Бернарденъ Де-Сенъ-Пьеръ, Делавинь и мн. др. Можетъ ли провансальскій югъ стараго и новаго времени выставить для этой сотни знаменитыхъ ойльскихъ, преимущественно въ Парижѣ родившихся или дѣйствовавшихъ писателей, хотя бы одинъ десятокъ равносильныхъ именъ!

Трагическая судьба, постигшая всѣ насажденія генія древнепровансальскаго — и въ южной Франціи, и въ Каталоніи, и въ верхней Италіи, словомъ — на всѣхъ театрахъ

его славной нѣкогда дѣятельности, должна имѣть внутреннюю причину, какой-то „первородный грѣхъ", который могъ быть искупленъ лишь смертью. Грѣхъ же этотъ едва ли не заключался въ узкой сословности и ненародности провансальской поэзіи и образованности. Даже знаменитѣйшій изъ трубадуровъ—Бертранъ Де-Борнъ, этотъ Тиртей старопровансальской поэзіи, не считалъ неприличнымъ выражать въ своихъ Sirventes презрѣніе къ „подлой черни" и удовольствіе—видѣть ее раздавленною!

Сѣверно-французская поэзія, при всемъ своемъ „рыцарствѣ", была гораздо народнѣе. Струя народности проникала и въ ея эпосъ, и въ лирику, и въ драму. Она отражалась въ Roman de Renard—сатирою на феодальный строй общества; въ мистеріяхъ, miracles, moralités—осмѣяніемъ черта, а нерѣдко и святыхъ; даже въ языкѣ — обильною примѣсью сначала діалектизмовъ, потомъ всевозможныхъ гасконизмовъ, а наконецъ вліяніемъ рѣчи парижскихъ базаровъ, которою Малербъ нерѣдко руководился при установленіи нормъ настоящаго „употребленія".

Правда, впослѣдствіи и во французскомъ обществѣ утвердилось довольно презрительное отношеніе къ просторѣчіямъ, которыя даже снисходительнѣйшій къ нимъ Лафонтенъ сравниваетъ съ „рѣчью ословъ" [1]); правда, что въ XVIII-мъ в. были принимаемы даже правительственныя мѣры для уничтоженія patois, о чемъ мы знаемъ и изъ вышеприведенныхъ донесеній аббату Грегоару въ 1794 г.: но это не мѣшало и Лафонтену, и Мольеру, и Руссо, и многимъ новѣйшимъ поэтамъ черпать изъ этого богатаго источника. Литтре называетъ просторѣчія „корнями, на которыхъ держатся своей почвы большіе литературные языки" [2]).

---

[1]) L'âne, qui goûtait fort l'autre façon d'aller,
Se plaint en son patois.
La-Fontaine: Le Meunier, son fils et l'Âne.

[2]) Les patois ou leurs ancêtres les dialectes sont les racines par lesquelles les grandes langues litteraires tiennent au sol. Littré, Histoire [2] II, 103.

Жаненъ же выражаетъ надежду, что „сокъ просторѣчій, влившись въ современный французскій языкъ, болѣющій истощеніемъ и неологизмомъ, возвратитъ ему молодость и оживотворитъ“ [1]).

Дѣйствительно, и во французскомъ языкѣ есть много искусственнаго,—чѣмъ нѣкоторые хорошіе писатели дорожатъ, видя въ этомъ торжество человѣка надъ природою [2]); есть въ немъ не мало условнаго, дѣланаго, педантическаго, какъ въ греческомъ поаристотелевскаго времени и въ латинскомъ послѣ Тацита. Но нельзя отрицать, что нынѣшній французскій не имѣетъ соперниковъ по своей ясности, точности, логичности. Даже сравнительная скудость его лексикальныхъ и фразеологическихъ средствъ является однимъ изъ условій его пригодности къ точнымъ наукамъ, къ обычной салонной бесѣдѣ и заурядным международнымъ сношеніямъ.

Итоги этой главы сводимъ въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ:

1. Галло-романская система нарѣчій распадается издревле на три группы или языки: окцитанскій, среднеронскій и ойльскій.

2. Взаимное ихъ отношеніе не ближе, чѣмъ между тремя діалектическими группами Италіи и тремя языками Пиренейскаго полуострова.

3. Каждый изъ трехъ галло-романскихъ языковъ дѣлится на нѣсколько нарѣчій, между которыми особенно самостоятельны—гасконское на югозападѣ и валлонское на сѣверовостокѣ.

4. Литературная обработка окцитанскихъ и ойльскихъ нарѣчій началась почти одновременно, въ X—XI-мъ вв.; среднеронскія же выступаютъ нѣсколько позже, съ XII-го вѣка.

---

[1]) Ср. Jaubert, Glossaire du centre de la France [2] III, стр. .

[2]) Ср. M. Breal y G. Paris, Gram. historique, стр. 12.

5. Первые литературные памятники всѣхъ трехъ группъ имѣютъ діалектическій характеръ; но со второй половины XI-го в. обнаруживается первенство въ Окцитаніи діалекта лимузинскаго, въ сѣверной же Франціи нормандскаго и его видоизмѣненія—англо-нормандскаго.

6. Господство лимузинскаго на югѣ въ XII-мъ вѣкѣ утверждается очень прочно, особенно въ лирикѣ трубадуровъ, такъ что діалектъ этотъ въ XII—XIII-мъ в. получаетъ характеръ общаго языка всѣхъ окцитанскихъ областей южной Франціи, сѣверовосточной Иберіи и проникаетъ далеко въ Италію, вплоть до Сициліи.

7. Между причинами такого возвышенія лимузинскаго діалекта главнѣйшими являются болѣе раннее освобожденіе его отъ латыни и длинный рядъ славныхъ трубадуровъ, вышедшихъ изъ Лимузина, съ примыкающими къ нему географически и діалектически частями сѣверозападной Окцитаніи.

8. Упадокъ древнепровансальскаго языка и поэзіи послѣ Альбигойскихъ войнъ и подчиненія главныхъ окцитанскихъ областей то Франціи, то Англіи объясняется отчасти этими религіозными и политическими событіями, отчасти глубокими общественными переворотами, отчасти же внутреннею слабостью, сословностью и ненародностью всей древнепровансальской образованности.

9. Попытки мѣстныхъ патріотовъ въ XIV—XV-мъ вв. оживить провансальскую поэзію состязаніями и призами не имѣли успѣха, ибо не произвели ни одного выдающагося писателя или произведенія.

10. Въ среднеронской системѣ литература не получила широкаго развитія; она имѣла главнымъ образомъ сектаторскій характеръ, благодаря почину Петра Вальда и его послѣдователей—вальденцевъ, позже и кальвинистовъ.

11. Въ системѣ ойльской съ конца XI-го в. развивается обширная эпическая литература труверовъ, достигшая высшаго блеска въ XII—XIII-мъ вв. и сопровождавшаяся довольно многочисленными сочиненіями лирическими, сатирическими, даже драматическими. Вмѣстѣ съ тѣмъ

развивается на сѣверѣ національная исторіографія, сначала въ стихотворномъ, а потомъ и въ прозаическомъ изложеніи.

12. Въ литературѣ этой нормандскій діалектъ теряетъ со второй половины XII-го в. свое первенство, которое переходитъ къ центральному діалекту, частнѣе — къ его ильдефрансскому разнорѣчію.

13. Первенство это еще усиливается въ XIII-мъ в., благодаря подъему Парижа въ политическомъ, общественномъ, ученомъ и литературномъ отношеніяхъ и распространенію его рѣчи, вмѣстѣ съ рыцарскою поэзіею, на всю тогдашнюю феодальную Европу.

14. Первенствующаго положенія ильдефрансскаго діалекта не пошатнули даже внутренній въ немъ кризисъ и упадокъ ойльской литературы въ XIV—XV-мъ вв., благодаря столѣтней войнѣ англо-французской и усобицамъ феодальныхъ владѣтелей Франціи.

15. Съ окончаніемъ во второй половинѣ XV-го вѣка кризиса политическаго и язычнаго торжествомъ короля надъ феодалами и Ильдефранса надъ Нормандіей, Анжу, Аквитаніей, Бургундіей съ одной стороны, а утвержденіемъ аналитическаго строя языка на развалинахъ флексій съ другой, начинается быстрый ростъ Франціи и ея языка, который съ тѣхъ поръ окончательно принимаетъ видъ и значеніе общаго языка всѣхъ галло-романскихъ и связанныхъ съ ними политически—баскскихъ, кельтскихъ, фламандскихъ—племенъ.

16. Во внутреннемъ составѣ и строѣ языкъ этотъ достигъ полной опредѣленности, послѣдовательности и грамматичности съ начала XVII-го в., со временъ Малерба и учрежденія Французской Академіи.

17. Съ тѣхъ поръ однообразный языкъ утвердился во всѣхъ областяхъ Франціи, по крайней мѣрѣ въ высшей наукѣ и литературѣ и въ высшихъ сферахъ общественной жизни.

18. Для прочихъ діалектовъ осталась область низшей—популярной и областной—подлитературы, которая и разви-

валась понемногу на всѣхъ почти разнорѣчіяхъ, преимущественно же на валлонскомъ, гасконскомъ и лангедокскомъ.

19. Особенно оживилась и окрѣпла эта діалектическая подлитература въ окцитанскихъ областяхъ; съ 1840-хъ годовъ она произвела нѣсколько значительныхъ поэтическихъ произведеній, главнѣйше Мистраля.

20. Въ дальнѣйшемъ развитіи подлитература эта обнаружила стремленіе къ полному воскрешенію національной самостоятельности провансальскаго юга, при федеративныхъ лишь связяхъ его съ сѣверомъ, но съ малыми шансами на успѣхъ.

21. Нельзя признать серіозными и панроманскихъ стремленій провансаловъ, не соотвѣтствующихъ ихъ нынѣшнимъ силамъ и роли въ средѣ новолатинскихъ народовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Образованіе общаго англійскаго языка.

Населеніе нынѣшней Великобританіи съ Ирландіей и прилегающими островами распадается въ язычномъ отношеніи на двѣ групны: А. кельтскую и Б. англо-тевтонскую. Первая занимаетъ болѣе удаленныя отъ материка сѣверозападныя части Ирландіи, горной Шотландіи (Highland), Вельса (Wales) съ Мэномъ (Man) и другими Западными островами (Western Islands); вторая же господствуетъ въ обращенныхъ къ материку западныхъ и южныхъ областяхъ „Зеленаго Эрина" (Erin, Hibernia, Irland), нижней Шотландіи (Lowland) и въ собственной Англіи. По численности населенія стихія кельтская несравненно слабѣе англо-тевтонской: первая едва насчитываетъ 2 — $2^1/_2$ милл. душъ, вторая же достигаетъ 32 милл.

Великобританскіе кельты составляютъ по языку вѣтвь великаго нѣкогда галльскаго племени и находятся въ непосредственномъ родствѣ съ бретонцами сѣверозападной Франціи, которые и вышли не въ очень отдаленное время изъ Корнваллиса. Англо-тевтонскій же языкъ принадлежитъ по происхожденію и строенію къ семьѣ германской, примыкая всего ближе къ нижненѣмецкимъ ея членамъ, т. е. къ нарѣчіямъ фламандскому, голландскому, фризскому и нижнесаксонскому. По нѣкоторымъ же особенностямъ языкъ англо-тевтонскій приближается къ нордскимъ, именно — къ датскому и норвежско-исландскому,

обрамляющимъ великобританскую область съ сѣвера и сѣверовостока, благодаря морскимъ сообщеніямъ.

Въ отношеніи діалектическомъ языкъ кельтскій дѣлится теперь на два основныхъ нарѣчія:

I. гэльское (gaelic) или сѣверно-кельтское, съ разнорѣчіями: а) ирскимъ или ирландскимъ, б) пикто-скотскимъ или горно-шотландскимъ и в) мэнскимъ (manx) на островѣ Мэнѣ; и

II. бритское или южно-кельтское, съ разнорѣчіемъ г) вельскимъ (Wales) или кимврскимъ, которое соприкасалось нѣкогда на югѣ съ вымершимъ въ XVIII-мъ вѣкѣ разнорѣчіемъ д) корнійскимъ въ Корнваллисѣ и его заканальнымъ отпрыскомъ (съ V—VII-го вѣка по Р. X.)—е) бретонскимъ, во французской Бретани [1]).

Самыми сильными изъ этихъ довольно многочисленныхъ для 2—3 милліоннаго народца разнорѣчій являются въ нынѣшней Великобританіи вельсское (до 1 милл.) и ирское (1 милл.); слабѣе по числу говорящихъ разнорѣчіе горно-шотландское (до 250.000 д.), послѣднее же мѣсто принадлежитъ мэнскому (до 50.000 д.) [2]).

Гораздо цѣльнѣе и плотнѣе въ діалектическомъ отношеніи языкъ англо-тевтонскій или собственно англійскій.

Въ немъ различаютъ всего три и притомъ довольно близкія между собою нарѣчія: 1. сѣверное, 2. серединное или мидландское (Midland) и 3. южное, изъ коихъ первое господствуетъ въ нижней Шотландіи (Lowland) и сѣверовосточной Англіи, второе—въ Англіи сѣверозападной, центральной и юговосточной, а равно въ восточной и южной Ирландіи, третье же—въ югозападной Англіи. Точное разграниченіе этихъ трехъ нарѣчій представить довольно трудно, въ виду существованія между ними переходныхъ говоровъ, которыхъ принадлежность къ тому либо другому нарѣчію является спорною; но въ общихъ чер-

[1]) Windisch, у Gröber Grundriss d. Rom. Phil. I, 283.

[2]) Reclus IV, 390, 721, 769.

тахъ можно сказать, что сѣверное нарѣчіе отдѣляется отъ срединнаго продольнымъ хребтомъ Пикскимъ (Peak) или Пеннинскимъ (Pennine) въ сѣверной Англіи и затѣмъ теченіемъ рѣкъ Ауза (Ouse), Трента (Trent) и Гумбера (Humber). Гранью же между нарѣчіями срединнымъ (Midland-скимъ) и южнымъ служитъ вообще верхняя и средняя Темза, а далѣе – поперечная черта въ направленіи съ одной стороны къ Ворчестеру (Worcester), съ другой же —къ историческому Гастингсу (Hastings).

Каждое изъ этихъ трехъ нарѣчій болѣе или менѣе замѣтно подраздѣляется затѣмъ на два поднарѣчія: 1. сѣверное на а) нижне-шотландское и б) нортумбрское; 2. серединное на в) западное (West-Midland) и г) восточное (Est-Midland), точнѣе же на сѣверозападное и юговосточное; а 3. южное на д) севернское, по рѣкѣ Северну (Severn), и г) дорсетское (въ графствѣ Dorset).

Мы не можемъ опредѣлить въ цыфрахъ относительной силы этихъ нарѣчій и разнорѣчій; но, судя по занимаемымъ площадямъ, первое мѣсто между ними принадлежитъ серединному, особенно восточной его части, занимающей всѣ центральные ширы, съ городами Оксфордомъ, Кембриджемъ, Лондономъ; второе мѣсто занимаетъ нарѣчіе сѣверное, а третье — южное. Изъ разнорѣчій сѣверныхъ относительно сильнѣе нижне-шотландское, изъ южныхъ же—дорсетское, наслѣдникъ древняго вессекскаго.

Господствующее положеніе нарѣчія серединнаго станетъ еще яснѣе, если вспомнимъ, что на немъ же говорятъ въ Дублинѣ и во всей юговосточной Ирландіи, а до нѣкоторой степени и въ заокеанскихъ колоніяхъ, особенно въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ, въ южной Африкѣ, Восточной Индіи, Австраліи и Новой Зеландіи. Правда, въ колоніяхъ этихъ англійскій языкъ принялъ много постороннихъ стихій то отъ туземцевъ, то отъ сосѣдей—колонистовъ иногерманскаго или романскаго происхожденія. Особенно рѣзки въ этомъ отношеніи отличія языка англо-американскаго или янки (Jankee-speech) отъ англо-британскаго; но различія эти не столь еще значительны,

чтобы считать первый особымъ нарѣчіемъ второго. Господствующій фонъ англо-американскаго языка составляютъ формы серединнаго нарѣчія, лишь отчасти видоизмѣненныя посторонними вліяніями и примѣсями [1]).

Взаимное разстояніе англо-британскихъ нарѣчій не столь значительно, какъ въ Италіи между нарѣчіями ломбардскимъ, тосканскимъ и сицилійскимъ, или во Франціи —между ойльскимъ, окцитанскимъ и среднеронскимъ; оно приблизительно соотвѣтствуетъ различію нарѣчій испано-португальскихъ.

Взаимная близость ново-англійскихъ нарѣчій объясняется незначительностію ихъ территорій, непрерывностію сношеній и продолжительностію культурнаго обмѣна сѣверянъ съ южанами, при связующемъ посредничествѣ средоземцевъ (Midlander). Впрочемъ, эта относительная близость англійскихъ нарѣчій не исключаетъ затрудненій при взаимномъ пониманіи, особенно въ разнорѣчіяхъ крайнихъ, не смежныхъ между собою, напр. между нижне-шотландскимъ и севернскимъ, или нортумбрскимъ и дорсетскимъ [2]). Легче доступны нарѣчія сѣверное и южное средоземцамъ, особенно сосѣднимъ, напр. нортумбрское—кумберландцамъ, іоркское — линкольнцамъ, салопское или шропское — севернцамъ, мидльсекское же и суррейское—дорсетцамъ.

Если мы обратимся отъ діалектическихъ отношеній нынѣшней Великобританіи къ вѣкамъ прошлымъ, то найдемъ, что три вышеуказанныя нарѣчія существовали очень давно, конечно—въ нѣсколько иныхъ границахъ и иномъ внутреннемъ соотношеніи.

Для XVI-го в. мы имѣемъ положительное о томъ свидѣтельство въ поэтикѣ Путтенгама 1589 г., гдѣ читаемъ: „Поэтъ не долженъ теперь слѣдовать Петру Пловману (собственно—Лангланду, автору XIV-го в.), Говеру, Лидгету,

---

[1]) Storm, Englische Philologie 1881 года, 301 сл. Ср. Trench, Englisch past and present. London. [11] 1881 г., стр. 49.

[2]) Ср. Marsh, The origine and history of the English language. London 1862 г., стр. 20, 42.

Чосеру, языкъ коихъ уже вышелъ изъ употребленія; не долженъ онъ заимствовать и у сѣверянъ (Northern men) оборотовъ, употребляемыхъ въ обыденной бесѣдѣ и знатью, и дворянами, и клерками; вообще, поэтъ не долженъ держаться рѣчи по ту сторону (т. е. къ сѣверу) р. Трента. Нельзя отрицать, что и тамъ говорятъ теперь на чистомъ англо-саксонскомъ языкѣ, но не столь изящно и бѣгло, какъ мы на нашемъ южномъ (читай: срединномъ) англійскомъ. Не ближе (къ правильному стилю) и рѣчь западно-англійская (читай: юго-западная). Итакъ, поэтъ долженъ держаться рѣчи двора, Лондона и шировъ, къ нему прилегающихъ, не далѣе 60 миль (англійскихъ) въ окружности... Я не отрицаю, что во всѣхъ англійскихъ ширахъ есть джентльмены, которые говорятъ и пишутъ поанглійски такъ же хорошо, какъ мы (миддльсексцы) и суррейцы; но не такъ разговариваютъ они съ простонародьемъ, къ рѣчи котораго по бо́льшей части нисходятъ и джентльмены, и ученые клерки" [1]. Здѣсь довольно ясно разграничены три англійскія нарѣчія: сѣверное до р. Трента, срединное — подъ названіемъ южнаго (по отношенію къ затрентскому) и южное — подъ именемъ западнаго (по отношенію къ Лондону). Изъ совѣтовъ автора современнымъ ему поэтамъ мы видимъ, что и тогда нарѣчіе срединное было сильнѣе и почетнѣе обоихъ окраинныхъ.

Перенесясь мыслію отъ XVI-го в. къ XIII—XIV-му вѣкамъ, мы и тамъ найдемъ въ древнихъ рукописяхъ обильные слѣды существованія все тѣхъ же основныхъ нарѣчій: сѣвернаго, срединнаго, южнаго, а отчасти и болѣе второстепенныхъ разнорѣчій [2]. Даже относитель-

---

[1]) Georg Puttenham, The art of Poetry. London 1589 г. Ср. R. C. Trench, English past and present. London [11] 1881 г., 244; Morris, Historical outlines of English accidence. London 1885 г., стр. 47.

[2]) Morris, Historical outlines 44; Morris and Skeat, Specimens of early English [2] II т., стр. XVIII сл.

ное ихъ размѣщеніе [1]) соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ вышеозначенному для нашего времени, съ тѣмъ лишь различіемъ, что область срединнаго нарѣчія была первоначально гораздо у́же и лишь впослѣдствіи, въ XIII—XIV-мъ вв., постепенно распространилась насчетъ отчасти сѣвернаго, отчасти же южнаго нарѣчія. Въ сѣверномъ направленіи срединное нарѣчіе захватило часть Іоркшира [2]); въ южномъ же оно мало по малу всосалось въ ширы, прилегающіе къ Темзѣ, и съ начала XIV-го вѣка утвердилось въ Оксфордѣ и Лондонѣ (съ 1330 годовъ?), лежавшихъ первоначально въ поясѣ южнаго нарѣчія [3]). Изъ Puttenгама мы знаемъ, что и затемзскій Суррей къ XVI-му вѣку уже причислялся къ ширамъ съ правильною рѣчью, т. е. съ срединнымъ нарѣчіемъ, хотя первоначально онъ, безъ сомнѣнія, входилъ въ составъ южныхъ по языку областей. И Кентъ въ тотъ же періодъ, XIII — XIV-й вв., оторванъ отъ южнаго нарѣчія и постепенно перешелъ къ срединно-восточному разнорѣчію [4]).

Это передвиженіе срединнаго нарѣчія въ меридіо-

---

[1]) Моррисъ (въ Historical outlines 42—44) размѣщаетъ ихъ такъ: А. сѣверное нарѣчіе—въ Нортумберландѣ, Дургамѣ, Іоркширѣ и нижней Шотландіи; Б. срединное—во всѣхъ ширахъ Midland'а (срединныхъ) къ югу отъ рр. Гумбера и Ауза (Humber, Ouse), въ графствахъ восточной Англіи и къ западу отъ Пеннинскаго хребта въ Кумберландѣ, Вестмореландѣ, Ланкаширѣ и Шропширѣ; В. южное—къ югу отъ Темзы, въ Сомерсетширѣ, Глочестерширѣ, въ частяхъ Герефордшира и Ворчестершира. Срединное нарѣчіе онъ дѣлитъ такъ: 1. западное—въ Кумберландѣ, Вестмореландѣ, Ланкаширѣ, Чеширѣ, Шропширѣ, и 2. восточное—въ Линкольнширѣ, Норфолкѣ, Суффолкѣ.

[2]) Kington Oliphant, New English. London 1886 г. I, стр. 74.

[3]) Ibid. I, 72, 73, 74, 327 стр.

[4]) Morris, Historical outlines 47. Ср. Kington Oliphant, New English I, 73.

нальномъ направленіи, главнымъ образомъ къ югу [1]), представляетъ въ исторической діалектологіи Великобританіи фактъ, аналогичный отмѣченному выше передвиженію съ сѣвера къ югу нарѣчій тосканскаго, кастильскаго и оильскаго. Быть можетъ въ этой параллельности діалектическихъ передвиженій къ югу скрывается и какая либо общая причина.

Что касается внутреннихъ различій англійскихъ нарѣчій средняго періода, XIII—XIV-го вв., то изъ сравненія сохранившихся отъ той эпохи памятниковъ видно, что серединное нарѣчіе довольно существенно разнилось и тогда отъ окраинныхъ и что первое было несравненно ближе къ нынѣшнему литературному языку Великобританіи, чѣмъ послѣднія. Такимъ образомъ, взаимное пониманіе южанъ сѣверянами было и тогда довольно слабо въ письменномъ употребленіи языка, а еще слабѣе въ устномъ [2]).

Если же таковы были діалектическія отношенія англо-тевтонскаго племени въ XIII — XIV-мъ вв., т. е. въ періодъ образованія общаго англійскаго языка, то внутреннія затрудненія при утвержденіи послѣдняго были довольно значительны, хотя быть можетъ и не въ той мѣрѣ, какъ въ Италіи или въ Германіи, въ періодъ образованія ихъ общихъ языковъ.

1066-й годъ отдѣляетъ рѣзкой гранью средній періодъ англійской исторіи и жизни отъ древняго, англосаксонскаго. Норманскій или вѣрнѣе нормандскій погромъ оставилъ глубокій слѣдъ и на строѣ англо-саксонскаго языка, произведя въ немъ тѣ внутреннія и внѣшнія измѣненія, благодаря которымъ онъ постепенно превратился въ языкъ англійскій. Какъ же отразился означенный погромъ на діалектическомъ разчлененіи этого языка?

---

[1]) Ср. Böddeker, въ Englische Studien II, 345.

[2]) Ср. Murray. Dialect of the southern counties of Scotland, стр. 45.

Видоизмѣнилъ-ли онъ число, характеръ и отношеніе его нарѣчій?

Очень мало. Въ уцѣлѣвшихъ отъ донормандскаго періода англо-саксонскихъ памятникахъ, написанныхъ въ Нортумбріи, Мерсіи, Вессексѣ, мы замѣчаемъ діалектическія различія, которыя настолько напоминаютъ позднѣйшія особенности сѣвернаго, серединнаго и южнаго нарѣчій, что нельзя сомнѣваться въ преемственной связи послѣднихъ съ первыми. Особенно рѣзко были разграничены уже и тогда нарѣчія сѣверное и южное, игравшія болѣе важную роль и въ литературномъ, и въ государственномъ отношеніи [1]). Но и серединное или мерсійское нарѣчіе довольно явственно обозначается уже въ англо-саксонскій періодъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ — правда, очень немногихъ—уцѣлѣвшихъ памятниковъ. Сверхъ того въ древній періодъ рѣзче выдѣлялось отъ прочихъ разнорѣчіе кентское, которое тогда могло даже считаться четвертымъ самостоятельнымъ нарѣчіемъ. Лишь позже оно сглажено вліяніями сначала вессекскими, а съ XIII — XIV-го вв. серединно-восточными [2]).

Если мы обратимся теперь къ вопросу о времени и условіяхъ возникновенія четырехъ означенныхъ англо-саксонскихъ нарѣчій: сѣвернаго или нортумбрскаго, серединнаго или мерсійскаго, югозападнаго или вессекскаго и юговосточнаго или кентскаго, то невольно придемъ къ предположенію, что нарѣчія эти обусловлены были племеннымъ составомъ и государственнымъ распредѣленіемъ древнихъ англо-саксовъ. Читая разсказы средневѣковыхъ историковъ о трехъ нижнегерманскихъ племенахъ—англахъ, саксахъ и ютахъ, постепенно занявшихъ восточные и южные берега, а затѣмъ внутреннія части Англіи

---

[1]) Ср. Morris, Historical outlines 41; B. Ten Brink, Geschichte der Englischen Litteratur. Berlin 1877 г. I, 13.

[2]) Sievers, Anglosachsonische Grammatik. Ср. Körting, Grundriss der Gesch. d. Englischen Litteratur. Münster im W. 1887 г., стр. 13 сл.

и нижней Шотландіи, при чемъ Англы размѣстились на сѣверовостокѣ и въ центрѣ [1]), саксы на югѣ [2]), юты же на юговостокѣ [3]), — мы не можемъ не замѣтить сходства этого размѣщенія англовъ, саксовъ и ютовъ съ позднѣйшимъ разграниченіемъ нарѣчій сѣвернаго (шотландско-нортумбрскаго), югозападнаго (вессекскаго) и юговосточнаго (кентскаго). Лишь срединное нарѣчіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ древнимъ племеннымъ отпошеніямъ; но оно могло образоваться изъ смѣшенія нѣсколькихъ діалектическихъ типовъ, напр. сѣвернаго и южнаго, причемъ кристаллизаціонной точкой могла быть вышеназванная древнеанглійская область Мерсія, игравшая въ одно время значительную, даже преобладающую роль въ средѣ другихъ мелкихъ членовъ англо-саксонской гептархіи.

Различіе же рѣчи великобританскихъ англовъ, саксовъ и ютовъ могло происходить отъ своеобразныхъ діалектическихъ особенностей ихъ континентальныхъ метрополій, лежавшихъ, какъ полагаютъ, въ нынѣшней Ютландіи (земля ютовъ), въ Шлезвигъ-Голштиніи (область англовъ) и въ низовьяхъ Полабья и Повезерья (область нижнихъ саксовъ, нынѣшнихъ фризовъ). Но къ этому исконному различію прибавились въ Великобританіи новыя особенности, благодаря отчасти вліяніямъ мѣстнымъ, а еще болѣе примѣсямъ инородческимъ — кельтскимъ на западѣ и сѣверѣ, датскимъ на востокѣ и романскимъ на югѣ. Кельтская стихія уже въ римское время (т. е. до 410 г., когда выведены изъ Великобританіи легіоны имперіи) была значительно ослаблена въ юговосточной части острова,

---

[1]) Въ областяхъ: Нортумбріи (составившейся изъ Bernicia и Deira), Мерсіи (Mercia) и Восточной Англіи (East-Anglia).

[2]) Въ названныхъ по ихъ имени ширахъ или жупахъ: Вессексѣ, Суссексѣ, Эссексѣ (Wessex, Sussex, Essex), куда входилъ и позднѣйшій Midlesex, съ г. Лондономъ.

[3]) Въ графствѣ Кентскомъ и на островѣ Уайтѣ (Wight). Ср. Freeman, History of England, въ Encyclopedia Britannica [9] 1878 г., VIII, 269 сл.

тогда какъ на западѣ, въ горахъ Вельса, и на сѣверѣ, за валомъ Антонина Пія, она не только не была подавлена, но и очень успѣшно развивалась, благодаря народнымъ твердынямъ Гиберніи, Скотіи, архипелаговъ Гебридскаго, Оркнейскаго, Шетландскаго. Съ V-го в. кельты перешли даже въ наступленіе и, быть можетъ, возстановили бы свою власть во всей Великобританіи, еслибы съ половины пятаго вѣка не нахлынули на нее съ материка юты, саксы, англы, въ теченіе этого и слѣдующаго столѣтія занявшіе почти всю площадь, принадлежавшую раньше римской имперіи. Отпоръ, который встрѣтили при этомъ отдѣльные члены англо-саксонской гептархіи со стороны кельтскихъ государствъ и народовъ, былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ западнѣе и сѣвернѣе была отвоеванная территорія. Нѣтъ надобности принимать въ буквальномъ смыслѣ разсказы историковъ о поголовномъ истребленіи англо-саксами кельтовъ, за что не совсѣмъ то гуманно благодаритъ своихъ предковъ знаменитѣйшій изъ новѣйшихъ англійскихъ историковъ [1]). При всей кровожадности и звѣрствѣ англо-саксовъ V—VI-го в., мы все-таки должны предполагать, что часть кельтскаго населенія, особенно женская его половина, осталась въ занятыхъ нѣмцами областяхъ, лежавшихъ далѣе къ западу и сѣверу, напр. въ Вессексѣ, Мерсіи, Кумбріи, Лотіанѣ. Не даромъ же антропологи отмѣчаютъ въ типѣ нынѣшнихъ великобританцевъ существенное различіе на кельто-тевтонскомъ сѣверозападѣ съ одной стороны, а германскомъ юговостокѣ съ другой [2])! Оно могло быть подпочвою, на которой развилось различіе разнорѣчій срединно-западнаго и срединно-восточнаго, изъ коихъ первое насыщено кельтизмами въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ второе. То же должно сказать о разнорѣчіяхъ вессекскомъ и кентскомъ: населеніе югозападной Англіи обильно пропитано кельтизмомъ изъ Вельса и Корнвалля,

---

[1]) Freeman Ed., The history of the Norman conquest of England [2] I, 20.

[2]) Cp. Reclus, Nouv. Géogr. IV, 355.

тогда какъ на юговостокѣ оно представляетъ болѣе чистый германскій обликъ.

Не менѣе важнымъ дѣятелемъ въ развитіи и установленіи англо-тевтонскихъ нарѣчій былъ наплывъ въ Великобританію датчанъ въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, отъ 787 по 1042 г. Наплывъ этотъ имѣлъ сначала характеръ пиратскихъ набѣговъ датскихъ викинговъ, пѣнителей Сѣвернаго моря, именно отъ 787 по 855 г. Позже онъ принялъ видъ сознательной колонизаціи заморскаго острова, въ 855 — 897 гг. Съ 980 же года датчане являются въ Великобританіи политическими завоевателями и основываютъ въ ней свою династію, просуществовавшую съ перерывами до 1042 г. [1]). Главнымъ средоточіемъ датскихъ—сначала набѣговъ, затѣмъ поселеній и наконецъ политическаго господства были тѣ же приблизительно области, которыя въ V—VI-мъ вв. заселены южными сосѣдями датчанъ на материкѣ—англами, т. е. нижняя Шотландія, Нортумбрія, Мерсія и Восточная Англія. Такимъ образомъ датчане дали дальнѣйшій толчокъ развитію нарѣчій сѣвернаго и серединно-восточнаго, ускоривъ ходъ ихъ превращенія изъ строя древняго, синтетическаго, въ новый, аналитическій, а вмѣстѣ усиливъ ихъ наступательный напоръ на область нарѣчія южнаго, въ его вессекскомъ и кентскомъ разнорѣчіяхъ. За валомъ датскимъ слѣдовалъ изъ Скандинавіи же норвежскій, распространявшійся нѣсколько сѣвернѣе. Норвежцы поселились въ сѣверной Шотландіи, Ирландіи и на прилегающихъ архипелагахъ. На Шетландскихъ островахъ ихъ языкъ существовалъ до 1786 г. [2]).

Третьимъ важнымъ факторомъ въ развитіи англо-тевтонскихъ разнорѣчій и говоровъ было вліяніе романское, которое первоначально существовало въ видѣ культурныхъ

---

[1]) Cp. Freeman, The history of the Norman conquest [2] I, 12.

[2]) Cp. Reclus, N.-Géogr. IV, 721; Freeman, The Norman conquest [2] I, 44.

слѣдовъ и преданій, оставленныхъ тутъ римскою имперіею. Съ VI-го в. это традиціонное наслѣдіе Рима древняго усложняется латинизующимъ вліяніемъ Рима средневѣковаго, папскаго, довольно рано свившаго себѣ гнѣздо въ Кентербури на югѣ, а въ Іоркѣ—на сѣверѣ Англіи, и постепенно опутавшаго Великобританію густою сѣтью своихъ эпархій, монастырей, приходовъ, школъ. Они стали разсадниками латыни не только въ церковной, но и въ государственной, даже въ частной, литературной жизни и дѣятельности. Съ XI-го в. это вліяніе романизма стараго, книжнаго было оживлено и усилено наплывомъ романизма новаго, общественнаго, въ видѣ нормандскихъ духовныхъ и свѣтскихъ совѣтниковъ Эдуарда Исповѣдника, а съ 1066 года—въ видѣ основаннаго Вильгельмомъ Завоевателемъ англо-нормандскаго государства, съ французской династіей, дворомъ, знатью, съ французскимъ языкомъ въ управленіи, высшемъ обществѣ и высшей литературѣ. Это былъ третій періодъ и фазисъ романскаго нашествія на Великобританію, за которымъ впослѣдствіи наступили еще времена латинскаго возрожденія и французскаго псевдоклассицизма. Но послѣдніе воздѣйствовали болѣе на языкъ литературный, чѣмъ на живые народные говоры, о которыхъ у насъ пока идетъ рѣчь.

Такъ какъ всѣ ступени и формы романизма распространялись въ Великобританіи съ юга, черезъ посредство главнымъ образомъ Франціи, то понятно, что всего ранѣе и сильнѣе должны были онѣ проникать въ среду южнаго нарѣчія; тогда какъ серединное, а еще болѣе сѣверное относительно чище сохраняли свой германскій составъ и строй и лишь впослѣдствіи увлеклись примѣромъ священнаго Кентербури и царственнаго Винчестера.

Оглядѣвшись въ основныхъ явленіяхъ исторической діалектологіи англо-тевтонскаго языка, мы можемъ перейти теперь къ вопросу о литературной обработкѣ вышеозначенныхъ нарѣчій и разнорѣчій и о постепенномъ возвышеніи одного изъ нихъ до роли общаго языка Великобританіи. Своеобразную особенность послѣдней, въ срав-

неніи съ разсмотрѣнными выше аналогическими явленіями языковъ итальянскаго, испанскаго, французскаго, составляетъ то, что образованіе общаго языка совершилось въ Великобританіи въ теченіе среднихъ и новыхъ вѣковъ не одинъ разъ, а дважды, въ два довольно полныхъ и законченныхъ оборота: первый—въ періодъ англо-саксонскій, отъ 450 до 1066 г., второй же—въ періодъ переходный (отъ 1066—1250 г.), а затѣмъ—въ старо-англійскій, средне-англійскій и ново-англійскій, отъ 1250 года по наше время [1]).

Въ англо-саксонскій періодъ литературная обработка

---

[1]) Нѣкоторые ново-англійскіе филологи и историки, какъ напр. Свитъ (Sweet), Моррисъ (Morris), Скитъ (Skeat), Фриманъ (Freeman) и другіе считаютъ, правда, два эти оборота однимъ и распространяютъ на англо-саксонскій періодъ названіе древне-англійскаго (first-english, early-english, old-english); но взглядъ этотъ основывается болѣе на соображеніяхъ патріотическихъ, чѣмъ строго-научныхъ. Онъ не можетъ устоять противъ многочисленныхъ доказательствъ самостоятельности англо-саксонскаго языка и его отдѣльности отъ англійскаго, давно уже и неопровержимо доказанной въ сочиненіяхъ Раска, Гримма, Коха, Гейне, Грина (Grein), Кембля (Kemble), Гадли (Hadley), Марша (Marsh), Ерля (Earle), Эллиса (Ellis), Латама (Lattam), Сиверса (Sievers), Сторма (Storm) и другихъ. Ср. Fr. March, Is there an anglo-saxon language? Въ Engliche studien 1877 г., I, 367 сл.; Storm, Englische Philologie 1887 г., I, стр. X сл.

Конечно, между двумя этими періодами или оборотами есть генетическая связь, но аналогичная не той, которая существуетъ между языкомъ Данта, Аріоста и Манцони, или Христіана Де-Троа, Кальвина и Вольтера, а скорѣе той, какая замѣчается между языкомъ блаженнаго Іеронима и новоитальянскимъ, или языкомъ Фотія и новогреческимъ. Ср. G. P. Marsh, The origine and history of the English language. London 1862 г., стр. 55, 88. По мнѣнію Марча, англо-саксонскій языкъ гораздо понятнѣе теперь нѣмцу, чѣмъ англичанину, который скорѣе пойметъ-де книгу французскую, чѣмъ нѣмецкую или англо-саксонскую. March, въ Englische Studien I, 370, 372.

живыхъ нарѣчій началась прежде всего на сѣверѣ, въ Нортумбріи, гдѣ уже въ концѣ VII-го вѣка или началѣ VIII-го записана была — основанная отчасти на миѳахъ, отчасти же на дѣйствительныхъ историческихъ скандинаво-франкскихъ отношеніяхъ VI-го вѣка — эпическая поэма „Беовульфъ" (Beowulf), которую Фримапъ называетъ Иліадою германскаго племени [1]). Дѣйствительно, по времени написанія [2]) она древнѣе всѣхъ верхненѣмецкихъ и скандинавскихъ литературныхъ памятниковъ и уступаетъ въ германской письменности лишь Ульфилиной Библіи, восходящей къ IV-му вѣку, когда англо-саксы жили еще на материкѣ, а Великобританія была римскою провинціею. Вслѣдъ за поэмою „Beowulf" появляется въ Нортумбріи же цѣлый рядъ духовныхъ поэмъ, на темы изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи (Genesis, Exodus, Daniel, Christ and Satan), приписываемыхъ по преданію іоркширцу Кедмону (Caedmon † 680 г.), хотя лишь отчасти принадлежащихъ ему и сохранившихся въ записяхъ не VII-го, а VIII-го и слѣдующихъ вѣковъ. Въ первой половинѣ VIII-го в. Нортумбрія произвела очень плодовитаго духовнаго поэта Киневульфа (Cynewulf), автора нѣсколькихъ стихотворныхъ легендъ и духовной поэмы „Krist", о трояkомъ сошествіи Христа на землю [3]).

Наряду съ этими корифеями нортумбрской поэтической школы VII—VIII-го вв., дѣйствовали тамъ и многіе другіе, болѣе второстепенные писатели, анонимныя произведенія коихъ дидактическаго и лирико-эпическаго характера остались въ сборникахъ англо-саксонской поэзіи, по большей части въ позднѣйшемъ переложеніи на вессекскій діалектъ [4]).

---

[1]) Freeman, History of England, въ Encyclopedia Britannica [9] VIII, 272.

[2]) Но сохранившіяся рукописи не древнѣе X-го в. Ср. Körting, Grundriss 28.

[3]) Ср. Körting, Grundriss der Gesch. d. Engl. Litteratur 37, 44; Ten Brink, Gesch. d. Engl. Lit. I, 49—59, 64.

[4]) Ср. Körting, Grundriss 51—55.

Это раннее развитіе англо-саксонской эпической, дидактической и лирической поэзіи въ Нортумбріи объясняется, кажется, тѣмъ, что въ этой области долѣе держались вліянія и преданія ирской церкви, имѣвшей національный характеръ и потому благопріятствовавшей зарожденію и развитію народной письменности [1]). Лишь позже, когда миссіонеры ирскіе, имѣвшіе свой центръ на священномъ островѣ Іонѣ (Jona), этомъ Аѳонѣ сѣвера, были постепенно вытѣснены изъ Нортумбріи, какъ и изъ другихъ частей англо-саксонской гептархіи, миссіонерами римскаго происхожденія или духа; когда и въ сѣверной Англіи рабское направленіе Августина и Винфрида (св. Бонифацій у нѣмцевъ) восторжествовало надъ свободнымъ ученіемъ послѣдователей свв. Патрика и Колумбы: тогда и въ Нортумбріи исчезли условія, благопріятствовавшія развитію вмѣстѣ съ національною церковью народной литературы. Съ конца VIII-го в. и въ ней даровитѣйшіе и ученѣйшіе люди покидаютъ языкъ материнскій для языка римской мачехи—латинскаго. На этомъ языкѣ уже пишетъ свои духовные гимны Ангельмъ Мальмесбурійскій (Anhelm of Malmesbury), свои историческія и дидактическія сочиненія Беда Досточтимый (Beda Venerabilis), свои богословскіе и философскіе трактаты сотрудникъ великаго Карла—Алкуинъ. Къ этой же ирско-нортумбрской школѣ писателей примыкаетъ въ нѣкоторой степени и Іоаннъ Скотъ Эригена (Joh. Scolus Erigena), одинъ изъ лучшихъ и свободнѣйшихъ богослововъ и мыслителей Запада въ IX-мъ в. Если не въ языкѣ, то во взглядахъ его, между прочимъ въ сочувствіи Востоку и греческой церкви, отражаются еще слѣды его ирскаго происхожденія и первоначальнаго образованія.

Ранѣе Нортумбріи должна была проникнуть латынь въ области серединно-англійскія, почему въ англо-саксонскій періодъ онѣ играютъ очень второстепенную роль на

---

[1]) Morley H., A first sketch of English literature... [2] 15. Ср. Freeman, The history of the Norman conquest [2] I, 28, 31.

поприщѣ народно-литературномъ. Мы можемъ указать лишь на сборникъ мерсійскихъ законовъ VIII-го в., да на переработку нортумбрскаго перевода Евангелія отъ Матвѣя, какъ на примѣры нѣкоторой письменной обработки серединнаго или мерсійскаго нарѣчія въ донормандскую пору.

Довольно поздно выступили на литературное поле и южно-англійскія нарѣчія—кентское и вессекское. На нарѣчіи Кента, гдѣ находился англійскій Римъ—Кентербури и основанная при немъ въ концѣ VI-го в. Августиномъ школа, главный разсадникъ латинскаго образованія въ Великобританіи, сохранилось отъ англо-саксопскаго лишь нѣсколько подстрочныхъ глоссъ (эпинальскихъ), грамотъ, сборникъ законовъ и одинъ (50-й) псаломъ [1]).

Гораздо обширнѣе вессекская литература, но ея разцвѣтъ принадлежитъ уже второй половинѣ IX-аго и X-ому вѣку, именно эпохѣ короля Альфреда Великаго († 901 г.) и его преемниковъ, до нормандскаго погрома. Въ это время переложены были на вессекскій діалектъ лучшія произведенія нортумбрской поэтической школы, которыя вслѣдствіе того и уцѣлѣли главнымъ образомъ въ вессекской редакціи [2]), подобно какъ въ Италіи произведенія сицилійской школы сохранились почти исключительно въ тосканизованныхъ спискахъ. Самостоятельнаго поэтическаго творчества вессексцы не обнаружили; зато они положили основаніе англо-саксонской прозы и довели ее до извѣстной правильности и красоты. Лучшіе образцы ея мы видимъ въ переводахъ короля Альфреда Великаго и его сотрудниковъ съ латинскаго—изъ блаж. Августина, Боэція, Орозія, папы Григорія I, Беды Досточтимаго, а также въ составленномъ при Альфредѣ Законникѣ и въ обработанной при немъ же „Саксонской Хроникѣ“. Изъ послѣдую-

---

[1]) Cp. Körting, Grundriss d. Gesch. d. Engl. Lit. 13, 55; Ten Brink, Gesch. d. E. L. I, 89.

[2]) Ten Brink, Gesch. d. Engl. Lit. I, 85; Körting, Grundriss d. G. d. E. L. 24.

щихъ писателей вессекской школы наиболѣе извѣстны Альфрикъ (Aelfric † 1020 или 1025 г.) и Вульфстанъ (Wulfstan † 1016 г.), изъ коихъ первый оставилъ нѣсколько переводовъ богословскаго и грамматическаго характера и нѣсколько оригинальныхъ проповѣдей, легендъ, сказаній, второй же—сборникъ проповѣдей.

Благодаря политическому преобладанію Вессекса съ 800 г., отъ короля Эгберта, вессекскій діалектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ при Альфредѣ Великомъ, распространился и за предѣлы южной Англіи. Въ X—XI-мъ вв. (до 1066 г.) онъ былъ общимъ языкомъ всѣхъ англо-тевтонскихъ племенъ какъ въ литературной, такъ и въ государственной области; въ своемъ распространеніи онъ былъ ограниченъ скорѣе латынью, чѣмъ живыми діалектами тогдашней Великобританіи. Это господство вессекскаго діалекта не было потрясено даже датскимъ завоеваніемъ ея въ концѣ X-го в. Наоборотъ, датскіе короли охотно признали это господство, и самъ Канутъ Великій пользовался вессекскимъ діалектомъ въ управленіи Великобританіей, какъ видно изъ законовъ этого знаменитаго государя [1]).

Даже Вильгельмъ Завоеватель, разгромивъ вессекское королевство и овладѣвъ всѣми англо-саксонскими областями въ Великобританіи, воспользовался побѣжденнымъ языкомъ Альфреда Великаго въ составленной по его волѣ писцовой книгѣ тогдашней Англіи—Domesdaybook (въ 1085—86 г. [2]); но это было чуть-ли не послѣднее оффиціальное употребленіе этого языка. Вскорѣ онъ былъ оттѣсненъ нормандскимъ діалектомъ ойля (d'oïl) изъ высшихъ областей жизни государственной, общественной, научно-литературной, и принужденъ былъ довольствоваться подчиненною ролью низшаго органа—будничной, такъ сказать, жизни.

Нечего и говорить, что столь глубокое паденіе аль-

---

[1]) Ten Brink, Gesch. I, 143.

[2]) Körting, Grundriss I, 67.

фредовскаго языка въ государствѣ должно было отразиться на внутреннемъ его строѣ и на отношеніяхъ къ прочимъ родственнымъ нарѣчіямъ.

Уже и раньше въ англо-тевтонскомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ древнихъ языкахъ аріо-европейской семьи, обнаруживалось стремленіе къ звуковому и формальному упрощенію, къ облегченію выговора, сбереженію времени и силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, примѣнительно къ измѣненнымъ географическимъ, этническимъ, а слѣдов. и антропологическимъ условіямъ народной жизни. Но стремленіе это дѣйствовало сначала медленно, при нормальномъ развитіи язычнаго организма. Примѣсь кельтская не ускорила этого развитія, благодаря относительной ея слабости и пассивности. Лишь скандинавскія поселенія и примѣси оказались болѣе сильнымъ и ѣдкимъ реактивомъ на тканяхъ англо-саксонскаго языка; но дѣйствіе этого реактива распространялось не на всѣ области послѣдняго, а лишь на сѣверовосточныя и въ меньшей мѣрѣ на серединныя, почти вовсе не касаясь состава и строя главнаго—вессекскаго нарѣчія и основаннаго на немъ альфредовскаго языка. Оттого послѣдній вѣрнѣе сохранилъ до временъ нормандскаго завоеванія и звуковой, и формальный обликъ древней англо-саксонской рѣчи, тогда какъ нарѣчія серединное и еще болѣе сѣверное значительно удалились отъ этого типа уже въ донормандскій періодъ. Они быстро подвигались впередъ или лучше внизъ по покатости, ведущей отъ языкостроенія древняго—сомкнутаго или синтетическаго, къ новѣйшему—развернутому или аналитическому. Быстрота эта еще болѣе усилилась въ періодъ нормандскій, подъ вліяніемъ французскаго строя рѣчи и небрежнаго отношенія къ формамъ туземнаго языка со стороны пришлой знати [1]), такъ что въ теченіе трехвѣковаго промежутка, отъ Вильгельма Завоевателя до Эдуарда III, сѣверное и серединное англійскія нарѣчія описали полный кругъ этого внутренняго перерожденія и дошли

[1]) Trench, English 68, 70.

до такой аналитичности строя, которая не уступаетъ ни новороманской, ни новоперсидской или новоиндійской.

Категорія рода, основанная прежде на поэтическомъ олицетвореніи всей видимой и мыслимой природы и отображенная на формахъ словъ въ особыхъ окончаніяхъ, постепенно стала сухою логическою схемою, различающею лишь половые признаки или отсутствіе ихъ въ означаемыхъ словами предметахъ и понятіяхъ [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли послѣдніе остатки двойственнаго числа, поглощеннаго общимъ отношеніемъ множественности. Падежныя формы именъ, которыхъ въ англо-саксонскомъ было пять, выражаются тутъ уже не разнообразными окончаніями или флексіями, а немногими предлогами: of, to, with, напоминающими французскіе de, á, avec и т. п. [2].

Всѣ эти и другія аналогичныя измѣненія сопровождались и даже обусловлены были въ значительной степени глубокимъ паденіемъ вокализма, при чемъ число слоговъ, особенно конечныхъ, все болѣе уменьшалось, и многія слова приняли односложный видъ, который напоминаетъ моносиллабизмъ китайскій [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ окраска многихъ ясныхъ и сильныхъ прежде гласныхъ затемнилась, подобно какъ въ датскомъ языкѣ, приблизившись постепенно къ звукамъ, выражаемымъ у насъ встарь ерами. Въ серединномъ нарѣчіи восторжествовалъ постепенно въ вокализмѣ звукъ Е [4], какъ нѣкогда въ іоноаттическомъ экающемъ нарѣчіи, тогда какъ ä-канье сѣверно-англійскаго нарѣчія и ea͡-канье южнаго напоминаютъ болѣе широкій вокализмъ эолянъ и дорянъ въ древней Элладѣ.

Рядомъ съ этими измѣненіями окраски гласныхъ со-

---

[1] По Моррису роды смѣшались послѣ 1066 г., сначала въ сѣверномъ, а съ 1340 г. и въ южномъ нарѣчіи (Historical outlines 82).

[2] Morris, Hist. outlines 48.

[3] Marsh, Origine 97.

[4] Morris, Hist. outlines 49, 54.

вершалось постепенное упрощеніе ихъ метрическихъ и тоническихъ отношеній. Гибкое и свободное нѣкогда удареніе все чаще ложилось на слогъ начальный, такъ что этотъ видъ акцентуаціи сталъ наконецъ господствующимъ, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ во французскомъ ударенность послѣдняго слога.

Одновременно съ тѣмъ произошли важныя измѣненія и въ синтактической области, въ направленіи отъ свободной встарь разстановки словъ въ предложеніи и періодѣ къ конструкціи связанной, гдѣ различія подлежащаго отъ дополненія, а сказуемаго отъ опредѣленія выражаются не грамматическими формами словъ, а ихъ взаимнымъ размѣщеніемъ.

Въ эту главнѣйше пору перерождается и англо-саксонскій лексиконъ. Одни слова, именно коренныя англосаксонскія, старѣютъ и вымираютъ, особенно термины высшей—умственной и общественной области; на ихъ же мѣсто нарождаются слова новыя, то образованныя изъ нѣмецкихъ же корней путемъ новыхъ приставокъ или окончаній, то унаслѣдованныя отъ поселенцевъ датскихъ или—рѣже—норвежскихъ, то наконецъ заимствованныя изъ латыни, а еще чаще—изъ языка французскаго. Наиболѣе романскихъ словъ заимствовано для понятій церковныхъ и феодальныхъ, военныхъ и юридическихъ, нравственныхъ и умственныхъ [1]). Заимствованіе это сначала совершалось медленно и незамѣтно, вслѣдствіе общественной и народной разрозненности стихій англо-нормандской и англо-саксонской. Но со второй половины XIII-го в. эта разрозненность начинаетъ ослабѣвать. Стихія пришлая постепенно всасывается болѣе многочисленною и косною стихіею туземною [2]), такъ что

---

[1]) Morris, Histor. outlines 30; Marsh, The origine 387.

[2]) По Маршу, у авторовъ XIII-го в. на 8000 словъ не болѣе 1000 (т. е. $^1/_8$ всего) негерманскихъ. Но съ 1300 г. по 1350 наплывъ романскихъ словъ былъ столь значителенъ, что въ 50 лѣтъ ихъ введено больше, чѣмъ прежде въ 250 лѣтъ, т. е. отъ 1050 по 1300 г. Marsh, The origine 260, 270.

во второй половинѣ XIV-го в., т. е. къ эпохѣ Эдуарда III, изъ соединенія этихъ двухъ стихій вырабатывается одинъ народъ и одинъ языкъ, отличный и отъ англо-саксонскаго, и отъ англо-нормандскаго. Онъ вполнѣ заслуживаетъ съ тѣхъ поръ новаго, болѣе однороднаго имени — языка англійскаго [1]).

Изложенный ходъ внутренняго перерожденія языка англо-саксонскаго въ англійскій съ различной быстротой совершался въ каждомъ изъ трехъ основныхъ нарѣчій. Всего быстрѣе онъ былъ на сѣверѣ, гдѣ уже въ донормандскій періодъ была пройдена значительная часть описаннаго пути отъ строя синтетическаго къ аналитическому и отъ состава однородно-нѣмецкаго къ смѣшанному нѣмецко-скандинавскому, благодаря сильному потрясенію язычнаго организма вторженіемъ датскимъ, отчасти и норвежскимъ. Нѣсколько медленнѣе шло это перерожденіе въ нарѣчіи серединномъ, гдѣ подпочву, правда, тоже составляли англы, какъ и въ сѣверномъ нарѣчіи, но гдѣ датская примѣсь была уже нѣсколько слабѣе и до извѣстной степени парализовалась сдерживающимъ вліяніемъ консервативнаго южнаго нарѣчія. Въ послѣднемъ же превращеніе формъ, а вмѣстѣ звуковъ и конструкцій, настолько отстало отъ серединнаго, а еще болѣе отъ сѣвернаго нарѣчія, что и теперь еще на югѣ встрѣчаемъ архаизмы, пятьсотъ лѣтъ тому исчезнувшіе въ прочихъ частяхъ острова [2]). Тѣмъ не менѣе это превращеніе совершается и на югѣ, особенно съ нормандскаго погрома, и совершенно въ томъ же направленіи, какъ въ центрѣ и на сѣверѣ Великобританіи, такъ что южное нарѣчіе силою внутреннихъ и внѣшнихъ событій вынуждено слѣдовать по пути, уже пройденному двумя другими нарѣчіями.

Наиболѣе выгоднымъ и почетнымъ оказалось теперь положеніе серединнаго нарѣчія, которому пришлось и сдер-

---

[1]) Trench, English 66, 68 сл.

[2]) Kington Oliphant, New English I, 75; Morris, Historical outlines 30.

живать полетъ сѣвернаго, и ускорять движеніе южнаго, обозначая своимъ поступательнымъ движеніемъ средній, царскій путь въ развитіи англійскаго языка. Это преимущество внутренняго положенія не замедлило отразиться и на внѣшней роли срединнаго нарѣчія: ему выпало въ Великобританіи быть тѣмъ, чѣмъ стало въ Италіи нарѣчіе тосканское, въ Испаніи — кастильское, а во Франціи—ильдефранское. Но это не сразу обозначилось въ періодъ англо-нормандскій. Наоборотъ, возвышенію срединнаго нарѣчія до роли великобританскаго кинѝ или общаго языка предшествовалъ довольно продолжительный періодъ борьбы его съ другими нарѣчіями и разнорѣчіями—вессекскимъ, кентскимъ, нортумбрскимъ, которыя лишь съ XIV—XV-го вв., а нижне-шотландское еще позже, подчиняются господству срединно-восточнаго нарѣчія. Въ XVI-мъ в. послѣднее окончательно утверждается въ роли литературнаго и публичнаго языка Великобританіи, а равно обширныхъ ея колоній, какимъ оно остается и до настоящаго времени. Различные фазисы этого объединительнаго процесса могутъ служить основою при различеніи періодовъ: а) переходнаго отъ англо-саксонскаго къ древне-англійскому 1066 — 1250 г.; б) старо-англійскаго отъ 1250 — 1350 г.; в) средне-англійскаго 1350 — 1500 г. и г) ново-англійскаго съ 1500 г. до настоящаго времени.

Нормандскій погромъ 1066 и слѣдующихъ годовъ не погасилъ главныхъ культурныхъ очаговъ тогдашней Англіи—Винчестера, Кентербури и другихъ, а наоборотъ еще усилилъ ихъ нѣсколько ослабѣвшее къ тому времени значеніе блескомъ принесенной изъ Франціи образованности. Но дальнѣйшее развитіе ея въ Великобританіи совершалось не на туземномъ, англо-тевтонскомъ, а на чужихъ языкахъ—латинскомъ и французскомъ.

Блестящимъ представителемъ англо-латинской литературы является прежде всего ближайшій сотрудникъ Вильгельма Завоевателя—Ланфранкъ, занимавшій при немъ постъ архіепископа кентербурійскаго. За нимъ слѣдовали: Ансельмъ, Іоаннъ Салесбурійскій, Вальтеръ Мапъ, Гервасій

Тильбурійскій, Вильгельмъ Мальмесбурійскій, Генрихъ Гунтингдонскій, Гильфридъ Монмоутскій, Іосифъ Эксетерскій (de Exeter), нѣсколько же позже—Роджеръ Бэконъ, Дунсъ Скотъ, Оккамъ и другіе славные богословы, историки, философы, естествоиспытатели.

Не менѣе значительный контингентъ писательскихъ силъ выставила тогда Англія для французской литературы, особенно въ XI—XII-мъ вв., въ лицѣ напр. Филиппа Де-Тонъ (Thaun), Васа (Wace) и другихъ историковъ и беллетристовъ. Отсюда вышелъ потокъ преданій и вымысловъ о полумиѳическомъ Артурѣ, послужившій темой для обширнаго круга повѣстей, романовъ, поэмъ въ литературахъ французской и нѣмецкой, отчасти и въ другихъ западно-европейскихъ.

При такомъ сильномъ распространеніи въ нормандской Англіи литературъ латинской и французской, лишь мало и то болѣе второстепенныхъ писательскихъ силъ могло быть посвящено литературной обработкѣ англо-тевтонскихъ діалектовъ. Изъ нихъ въ первые два вѣка нормандскаго періода относительно успѣшнѣе разрабатывался діалектъ южный, въ его вессекской и кентской разновидностяхъ. Такъ, на вессекскомъ написаны были не позже 1250 г.: легенды о свв. Юліаніи, Маргаритѣ и Екатеринѣ; прозаическій Уставъ пустынножительства (Ancren Riwle = Anachoretarum regula), составленный дорсетцемъ еписк. Ричардомъ Ницимъ (? Poor † 1237 г.); стихотворная „Poema morale“ анонимнаго вильтширца; діалогъ „Сова и соловей“ неизвѣстнаго дорсетца, а наконецъ самый крупный памятникъ этого періода — полуисторическій и полубаснословный романъ Brut, написанный около 1200 г. ворчестерскимъ священникомъ Лаямономъ (Lajamon или Lazamon) и представляющій первое отраженіе культа Артура на языкѣ англо-тевтонскомъ [1]). На эссекскомъ разнорѣчіи написаны Проповѣди (Essex homilies

---

[1]) Körting, Grundriss 78—83; Ten Brink, Gesch. I, 182, 191, 234, 249, 251, 268.

1180 года) и переводный романъ о датскомъ королевичѣ Горнѣ (king Horn), начала XIII-го в. [1]). На кентскомъ (или суссекскомъ?) діалектѣ XIII-го в. составлена стихотворная новелла (Lai) „Dame Sirid" [2]), по образцу французскихъ fabliaux того времени.

Второе мѣсто по литературной обработкѣ занималъ въ этотъ переходный періодъ діалектъ серединный, на которомъ мерсійскій (?) монахъ Ормъ (Orm, Orrm, Wurm, изъ датчанъ?) написалъ въ первой четверти XIII-го вѣка стихотворный парафразъ Евангелія и толкованія къ нему, подъ названіемъ Ormulum, отъ котораго сохранилась лишь часть, составляющая однако до 10.000 стиховъ [3]). На этомъ же діалектѣ писаны парафразы ветхозаветныхъ сказаній: Genesis и Exodus, и аллегорическое сказаніе изъ жизни животныхъ: Bestiarium, заимствованное изъ латинскаго Physiologus [4]).

Что касается Нортумбріи, занимавшей нѣкогда, въ доальфредовскій періодъ, первое мѣсто въ гептархіи по поэтическому творчеству, то въ періодъ переходный мы не замѣчаемъ тутъ никакихъ признаковъ движенія и развитія, которое начинается лишь позже, со второй половины XIII-го в. [5]).

Такимъ образомъ, въ ранній нормандскій періодъ (1066 — 1250 г.) вессекскій діалектъ сохранялъ еще въ литературѣ если не господство, то по крайней мѣрѣ нѣкоторый перевѣсъ надъ діалектомъ серединнымъ, а еще болѣе надъ сѣвернымъ.

Но въ слѣдующій затѣмъ старо-англійскій періодъ (1250—1350 г.) перевѣсъ этотъ постепенно переходитъ отъ истощеннаго романизмомъ южнаго діалекта къ болѣе свѣжему и независимому сѣверному, а подъ конецъ пе-

---

1) Körting 95; Kington Oliphant I, 72.
2) Körting, Grundriss 82.
3) Ten Brink, Gesch. I, 244; Körting, Grundr. 75 сл.
4) Ten Brink, Gesch. I, 244; Körting, Grundr. 81.
5) Ten Brink, Gesch. I, 356 сл.

ріода—рѣшительно склоняется къ діалекту серединному, сначала въ западной, а потомъ въ восточной его разновидностяхъ.

Югъ продолжалъ и тогда разрабатывать духовную и нравоучительную литературу, а до нѣкоторой степени и хронографію. Лучшимъ остаткомъ первой служитъ прозаическій трактатъ кентербурійскаго монаха Михеля Нортгетскаго (Dan Michel of Northgate) „Угрызенія совѣсти" (Ayenbite of Inwyt), составленный по французскому подлиннику на кентскомъ діалектѣ (около 1340 г. [1]). На этомъ же діалектѣ писалъ свою „Поэму о семи таинствахъ" Вильямъ Шоргемскій (of Shoreham [2]). Затѣмъ Пословицы Гендинга (Proverbs of Hending, около 1272 — 1307 г.); отрывокъ изъ эпоса о Лисѣ и Волкѣ (The Vox and the Wolf); нѣкоторые переводные съ французскаго романы, какъ напр. Артуръ (Arthur); отрывки средне-кентскаго и вессекскаго Евангелій [3]); переводъ кн. Премудрости (King Solomons Book of Wisdom [4]): вотъ и все почти уцѣлѣвшее литературное наслѣдіе южнаго діалекта въ старо-англійскій періодъ.

Къ этой же южной школѣ принадлежатъ и произведенія, вышедшія изъ шировъ западныхъ, севернскихъ, сосѣдящихъ съ Вельскою Маркою, напр. стихотворная хроника Англіи, написанная въ 1297 — 1300 п. Робертомъ Глостерскимъ (of Gloucester) и обнимающая событія отъ троянской войны до Генриха III [5]); Глостерскій сборникъ легендъ южнаго состава [6]), и н. др. сочиненія. Но въ языкѣ ихъ очень сильно вліяніе серединнаго нарѣчія [7]),

---

[1]) Ten Brink, Gesch. I, 353; Körting, Grundriss 146; Kington Oliphant, New English I, 23.

[2]) Ten Brink I, 351; Körting, Grundr. 136.

[3]) Körting, Grundriss 136, 106, 127.

[4]) Kington Oliphant, New Engl. I, 6.

[5]) Ten Brink, Gesch. I, 343 сл.; Körting, Grundr. 118; Morris and Skeat, Specimens [2] II, стр. 1, 19.

[6]) Körting, Grundriss 128 сл.

[7]) Morley, A first sketch, 90.

которое незамѣтно сливается съ южнымъ въ севернскихъ ширахъ. Еще болѣе должно это сказать о произведеніяхъ вышедшаго изъ этой именно северпской полосы знаменитаго моралиста и сатирика Ланглея или Лангланда, дѣятельность котораго принадлежитъ впрочемъ слѣдующему — Чосеровскому періоду англійскаго языка и литературы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ діалектическая литература старо-англійскаго юга постепенно ослабѣваетъ и колеблется въ своихъ язычныхъ формахъ, все болѣе сбиваясь на формы діалекта срединнаго, — въ Нортумбріи зарождается новая, довольно сильная областная литература, которая впослѣдствіи дѣлится на двѣ вѣтви и съ нѣкоторыми перерывами тянется до настоящаго времени. Первымъ признакомъ пробужденія славной нѣкогда, въ англосаксонское время, Нортумбріи было появленіе риѳмованнаго перевода Псалтыри на іоркскомъ разпорѣчіи конца XIII-го или начала XIV-го в. [1]). За нею слѣдовали: Сборникъ проповѣдей и поученій на цѣлый годъ, составленный въ Дургамѣ въ началѣ XIV-го в. неизвѣстнымъ авторомъ [2]); цѣлый кругъ легендъ, независимый отъ южнаго [3]); огромная (24.000 стиховъ) библейско-дидактическая поэма „Cursor Mundi“ (Cursor o'Werld), написанная по каноническимъ и апокрифическимъ источникамъ неизвѣстнымъ нортумбрцемъ въ концѣ XIII-го или началѣ XIV-го вѣка [4]). Около 1350 г. составлены и прозаическіе трактаты Джона Гайтринга (Dan John Gaitrigg), который является кое въ чемъ предтечею Виклефа, вышедшаго тоже изъ Нортумбріи [5]). На сѣверѣ возникли, кажется, и нѣкоторыя переложенія французскихъ романовъ Артурова,

---

[1]) Ten Brink I, 357; Körting 127; Morris and Skeat, Specimens [2] II, 23.

[2]) Ten Brink 362; Körting, Grundr. 130; Kington Oliphant, New English I, 11.

[3]) Ten Brink I, 363.

[4]) Ten Brink I, 358. Cp. Körting 125; Kington Oliphant, New English I, 68; Morris and Skeat, Specimens [2] II, 69.

[5]) Kington Oliphant, New English I, 53.

Карлова, античнаго и другихъ круговъ, напр. Sir Tristrem —конца XIII-го в., Morte d'Arthure XIV-го в., Golagrus and Gawain, Lancelot of the Laik, The destruction of Troy, Octavian, Romance of sir Eglamur [1]) и нѣк. др. Въ Іоркширѣ довольно рано привилась и церковная драма, въ видѣ мистерій и миравлей, сохранившихся до нашего времени въ нѣскольвихъ сборникахъ (Jork Mysteries и др.) сѣвернаго происхожденія [2]). Сѣверъ Англіи былъ средоточіемъ и народныхъ балладъ древнѣйшаго состава, которыя дошли однако уже въ позднѣйшихъ передѣлкахъ на разныхъ нарѣчіяхъ [3]). Но надъ всѣми этими анонимными произведеніями и авторами возвышаются въ первой половинѣ XIV-го в. два сѣверные поэта: іоркширецъ Ричардъ Гампольскій (of Hampole † 1349 г.), написавшій около 1340 г. знаменитый въ Англіи не только XIV-го, но и XV-го в. дидактичесвій трактатъ: „Бодецъ совѣсти“ (Pricke of conscience, Stimulus conscientiae), и нортумбрецъ Лаврентій Минотъ (Laurence Minot, ок. 1333 —52 г.г.), авторъ политическихъ поэмъ и побѣдныхъ пѣсенъ (Political poems and songs) о военныхъ событіяхъ того времени [4]).

Связующимъ звеномъ староанглійской сѣверной школы съ срединною служитъ Робертъ Маннингъ Брунскій (of Brunne, въ Линкольнширѣ?, 1260—134$^0/_5$ гг.), составившій по англо-нормандскому образцу дидактическую поэму: Handlying Synne (Manuel des péchés) и риѳмованную хронику Англіи до 1272 г. Сочиненія эти были очень распространены и на сѣверѣ, и на югѣ Англіи, особенно между духовенствомъ, и не мало содѣйствовали постепенному возвышенію срединно-восточнаго діалекта до

---

[1]) Körting, Grundriss 104, 107, 110, 113, 114. Cp. Ten Brink I, 298; Kington Oliphant, New Ehglish I, 52, 82.

[2]) Körting, Grundriss 140; Kington Oliphan, New Englisch I, 78.

[3]) Kington Oliphant I, 206.

[4]) Ten Brink I, 364, 403; Körting 145, 146.

роли общаго языка Великобританіи [1]), такъ что нѣкоторые ученые называютъ Маннинга „патріархомъ англійскаго языка", сравнивая его въ этомъ отношеніи съ Кедмономъ въ древней Нортумбріи и съ Альфредомъ Великимъ въ Вессексѣ [2]).

На серединномъ нарѣчіи, особенно западныхъ его разнорѣчіяхъ и говорахъ—салопскомъ, ланкаширскомъ и др., развивается въ средне-англійскій періодъ довольно значительная переводная свѣтская литература, особенно по части стихотворныхъ повѣстей и романовъ. Такъ на салопскомъ разнорѣчіи были написаны тогда: Romance of Seven Sages нач. XIV-го в., Romance of William of Palerne ок. 1350 г.; Auchinleck Poems ок. 1330 г.; поэма Alexander; Tale of the Basyn ок. 1350 г.; нѣсколько позже: Romance of Richard Coeur de Lion; Сборникъ легендъ Festial of Joh. Mircus, и н. др. [3]). На разнорѣчіи же ланкаширскомъ написаны: поэма Syr Gawain and the grene Knight, ок. 1360 г.; романъ The awowynge of king Arthur ок. 1340 г.; The Anthurs of Arther; Sir Amadace ок. 1360 г.; Joseph of Arimathie ок. 1350 г.; нѣсколько позже: Torrent of Portugal [4]), и др.

Менѣе подобныхъ произведеній осталось на серединно-восточномъ разнорѣчіи. Мы можемъ назвать только: романъ Havelok неизвѣстнаго линкольнширца конца XIII-го вѣка; Tale of Gamelyn ок. 1340 г.; Tournament of Tottenham ок. 1350 г.; Octavian ок. 1350 г.; Floris and Blancheflur ок. 1350 года; Amis and Amiloun, конца XIV-го в.; The earl of Tolous нач. XV-го в. [5]). На этомъ

---

[1]) Ten Brink, Gesch. I, 372—378. Cp. Körting 119; Morley, A first sketch 93.

[2]) Kington Oliphant, New English I, 18, 73, 74.

[3]) Kington Oliphant, New English I, 14, 15, 42, 50, 84; Körting 131.

[4]) Kington Oliphant, New English I, 40, 56, 83; Körting 111.

[5]) Körting 96, 114—118; Kington Oliphant I, 38, 50.

же разнорѣчіи составлена была риѳмованная мистерія конца XIII-го или начала XIV-го вв.: The Harrowing of Hell, о сошествіи I. Христа во адъ и мученіяхъ грѣшниковъ, а также нѣкоторыя изъ мистерій сборниковъ Coventry Mysteries, Digby Plays и др. [1]).

Сравнивая балансъ этихъ областныхъ литературъ средне-англійскаго періода, мы замѣчаемъ постепенное усиленіе діалектовъ сѣвернаго и срединнаго, на счетъ слабѣющаго южнаго. Но усиленіе это не было еще столь рѣшительно, чтобы на основаніи однихъ литературныхъ данныхъ. Можно было уже въ 1350 г. предсказать скорое и рѣшительное торжество одного изъ нихъ, именно срединно-восточнаго, надъ всѣми прочими разнорѣчіями—кентскимъ, дорсетскимъ, севернскимъ, салопскимъ, ланкаширскимъ, іоркскимъ, нортумбрскимъ, нижнешотландскимъ и др. А между тѣмъ это торжество уже было предрѣшено дѣйствіемъ другихъ параллельныхъ силъ, между которыми особенно важное значеніе имѣли: рѣчь столицы, двора, знати; языкъ управленія, школъ и церкви.

Лондонъ, наслѣдовавшій съ XIII-го в. роль Винчестера, какъ столицы вессекскихъ, а потомъ англо-саксонскихъ и англо-нормандскихъ королей, лежалъ собственно въ области саксовъ, именно въ Эссексѣ, позже въ Миддельсексѣ (Essex, Middlesex). Касаясь за р. Темзою Кента и Суррея, слѣдовательно находясь въ поясѣ южнаго нарѣчія, Лондонъ придерживался послѣдняго до начала XIV-го вѣка. Но рано замѣчается здѣсь движеніе къ югу формъ срединнаго нарѣчія. Признаки его обнаруживаются уже въ Эссекскихъ проповѣдяхъ (Essex Homilies) 1180 г. и въ романѣ „King Horn“ начала XIII-го вѣка. Все-таки въ Лондонѣ еще въ началѣ XIV-го вѣка, за 30 лѣтъ до рожденія Чосера, господствовало южное нарѣчіе [2]). Но къ половинѣ этого столѣтія срединное нарѣчіе рутлендскаго (Rutlandshire) типа постепенно утвер-

---

[1]) Ibid. 139, 141.

[2]) Kington Oliphant, New English I, 72 сл.

ждается и въ Лондонѣ, и въ Оксфордѣ, надвигается на область западныхъ говоровъ, особенно салопскаго (Shrop), а затѣмъ ланкаширскаго, севернскаго, кентскаго [1]), и все болѣе оттѣсняетъ южное нарѣчіе къ Дорсету, Сомерсету, Корнваллю.

Статуты лондонскихъ гильдій ок. 1375 г. писаны уже на нарѣчіи серединно-восточномъ, со слабою лишь примѣсью формъ южныхъ [2]).

Рѣчь столицы не замедлила стать рѣчью англійскаго двора и знати, а затѣмъ управленія, школъ и іерархіи, тѣмъ болѣе, что въ XIII—XIV-мъ вв. французскій языкъ все болѣе терялъ подъ собою почву въ Англіи, особенно съ начала (1345 г.) столѣтней войны съ Франціей. Извѣстно, что она закончилась въ 1452 г. потерею всѣхъ нормандскихъ, анжуйскихъ и аквитанскихъ владѣній Англіи на материкѣ, кромѣ г. Кале. Эдуардъ III, побѣдитель при Креси и Мопертюи, демонстративно оказывалъ предпочтеніе языку своихъ англійскихъ подданныхъ передъ рѣчью побѣжденныхъ французовъ, такъ что съ 1360 года можно считать установленнымъ господство перваго при дворѣ англійскихъ королей [3]) Не менѣе Эдуарда III-го покровительствовалъ англійскому языку Генрихъ V-й [4]), происходившій уже не изъ французской, а изъ чисто англійской династіи—ланкастерской.

Отъ двора мода на англійскій языкъ перешла къ знати, которая съ конца XIV-го в. начинаетъ уже гордиться своей новосознанной народностью, какъ во дни Гарольда передъ Гастингсомъ [5]).

Съ этого же времени утверждается англійскій языкъ въ публичныхъ и частныхъ актахъ, въ которыхъ съ конца XI-го вѣка господство раздѣлено было между латынью

---

[1]) Ibid. 74 сл.
[2]) Ibid. 95.
[3]) Kington Oliphant, New English I, 75 сл.
[4]) Ibid. 77.
[5]) Ibid. 75 сл.

и языкомъ французскимъ [1]). Изрѣдка появлялись, правда, и ранѣе акты на англійскомъ языкѣ, напр. грамота Генриха I, данная архіепископу кентербэрійскому [2]), прокламація Генриха III отъ 18 октября 1258 г. [3]) и нѣк. др. акты; но это стало правиломъ лишь съ 1360-хъ годовъ, благодаря особенному сочувствію къ этому языку Эдуарда III. Съ тѣхъ поръ на немъ все чаще и чаще пишутся королевскія воззванія и прочіе правительственные акты [4]); на немъ происходитъ судебное разбирательство, открытіе и закрытіе парламента (съ 1362 г.), хотя въ его преніяхъ держался французскій языкъ до Генриха VI-го, въ законодательствѣ же еще долѣе [5]). Съ 1387 г. пишутся по-англійски и завѣщанія, въ которыхъ триста лѣтъ господствовали латынь да французскій языкъ [6]). Около того же времени (съ 1349 г.) вытѣсняются послѣдніе изъ многихъ школъ, такъ что уже съ 1386 — 87 гг. встрѣчаются жалобы на незнаніе учениками грамматическихъ школъ ни латыни, ни французскаго языка [8]). Впрочемъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ латынь держалась еще довольно долго, особенно въ университетахъ, статутами коихъ предписано было студентамъ „говорить по-латыни или по крайней мѣрѣ по-французски [9]).

---

[1]) Ibid. I, 156.

[2]) Warton, The history of English poetry [3] 11 стр.

[3]) Ten Brink, Gesch. I, 276; Körting 2; Marsh, The origine 188—191.

[4]) King. Oliph. I, 77. Впрочемъ изъ 60-ти сохранившихся оффиціальныхъ донесеній, сообщеній, писемъ и т. п. Генриха IV (1399—1400 гг. и сл.) лишь одно написано по-англійски, одно по-шотландски, остальныя же по-латыни или по-французски. Marsh, The origine 479.

[5]) Ten Brink I, 409; Körting 87; Morris, Historical outlines 31.

[6]) King. Oliph. I, 156.

[7]) Trench, English 68; Morris, Hist. outlines 31.

[8]) Körting, Grundriss 87; Ten Brink I, 409; Warton, The hist of Engl. poetry [3] 12.

[9]) Напримѣръ въ статутѣ Оксфордскаго университета

Въ богослуженіи латынь держалась въ Англіи еще долго, до XVI-го в.; но первыя попытки вытѣсненія ея изъ этой крѣпчайшей позиціи относятся ко второй половинѣ XIV-го в., когда жилъ и дѣйствовалъ знаменитый богословъ и писатель Виклефъ [1]).

Совокупность всѣхъ этихъ условій приготовила англійскій народъ къ воспріятію одного общаго языка въ высшихъ областяхъ мысли и жизни. Существовали уже англійскій національный дворъ, національная знать, правительство, іерархія; была прочная и многолюдная королевская столица; былъ наконецъ королевскій языкъ—king's english [2]), оффиціальный органъ высшаго управленія, судовъ, школъ, словомъ — всѣхъ почти областей публичной жизни. Не доставало лишь писателя, который наложилъ бы на этотъ языкъ печать личнаго генія и объединилъ бы его разнородныя стихіи силою свободнаго творчества. Такой человѣкъ появился какъ разъ въ свое время и па своемъ мѣстѣ, въ лицѣ Жоффруа Чосера (Geoffroy Chaucer 1328—1400 г.). Нормандецъ по предкамъ [3]), но лондонецъ по рожденію и воспитанію, онъ соединялъ въ своихъ жилахъ и въ своихъ взглядахъ обѣ составныя стихіи англійской народности—романскую и германскую. Какъ сынъ простого кабатчика, онъ имѣлъ возможность изъ дѣтства изучить до подробностей рѣчь и бытъ лондонскаго простонародья. Дальнѣйшее же пребываніе его то въ рядахъ войска, то въ службѣ придворной, то въ дипломатической, финансовой, парламентской, расширило кругъ его наблюденій на всѣ слои общества, на всѣ области языкоупотребленія. Непосредственное знакомство съ литературами французскою и итальянскою доставило Чосеру не только матеріалъ для обработки, но и образцы высшаго

1328, 1330 г. читаемъ: Romano aut Gallico saltem sermone perfruantur. Warton, The hist. of Engl. poetry [3] 12.

[1]) Cp. King. Oliph. I, 77.

[2]) King. Oliph. I, 212.

[3]) Изъ Calcearius? Körting 154.

свѣтскаго стиля, котораго дотолѣ собственно не было въ Англіи. Особенно плодотворно было для него въ этомъ отношеніи знакомство съ образователями итальянскаго литературнаго языка—Дантомъ, Петраркою, Боккачіо, изъ коихъ два послѣдніе были еще живы въ то время, когда Чосеръ совершилъ (въ 1373 г.) свою дипломатическую поѣздку въ Геную и Флоренцію [1]). Всѣ эти благопріятныя обстоятельства выработали въ Чосерѣ такой языкъ и стиль, какого не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ и который надолго остался недосягаемымъ образцомъ для писателей послѣдующихъ, вплоть до XVI-го вѣка [2]). Основнымъ фономъ этого языка служитъ срединно-восточный діалектъ, господствовавшій тогда въ Лондонѣ, даже при дворѣ и въ управленіи. Но на фонѣ этомъ мелькаютъ, какъ узоры или летучія тѣни, черты и разныхъ другихъ разнорѣчій—южнаго, сѣвернаго, северискаго, ланкаширскаго [3]), соединенныя въ одно органическое цѣлое могучимъ геніемъ этого великаго писателя [4]). Его сила въ области языкообразованія замѣтна даже въ переводныхъ и компилятивныхъ его сочиненіяхъ, каковы напр. отрывки изъ Боэція, The Life of S. Caecilia (по Legenda aurea), Parlament of Foules (по Цицерону, Данту, Боккачіо), Troylus and Cryseyde (по Боккачіо), Legend of Goode Women (по Боккачіо), House of Fame (подъ вліяніемъ Данта). Но съ наибольшимъ блескомъ проявляется она въ оригинальныхъ сочиненіяхъ Чосера, особенно въ его „Кентербэрійскихъ разсказахъ“ (Canterbury Tales, ок. 1391 г. [5]). Послѣдніе имѣютъ въ исторіи англійскаго языка и литературы еще бо́льшее значеніе, чѣмъ Боккачіевъ Decameron въ итальянской, ибо послѣдній появился уже послѣ Divina Comedia и Canzoniere, тогда какъ

---

[1]) Morley, A first sketch 126. Cp. Marsh, The origine 400.

[2]) Marsh, The origine 381 сл.

[3]) King. Oliph. I, 109 сл.

[4]) Cp. Trench, English 97.

[5]) Cp. Körting 157 сл.; King. Oliph. I, 110, 135.

Чосеръ вовсе не имѣлъ равныхъ по таланту предшественниковъ, не исключая вышеупомянутаго „патріарха“ англійской рѣчи—Роберта Маннинга.

Проведенная Чосеромъ борозда на нивѣ англійскаго языка и литературы была столь глубока, что она замѣтна еще теперь, на разстояніи полутысячелѣтія, рядомъ съ полосами такихъ великановъ этой литературы, какъ Шекспиръ [1]), Мильтонъ, Байронъ. Для перваго же періода новоанглійскаго языка (1350—1500 г.) стиль Чосера служилъ столь же обязательной нормой, какъ въ тогдашней Италіи языкъ Петрарки для лириковъ, а Боккачіо для новеллистовъ. И долго впослѣдствіи историки англійскаго языка и литературы начинали ее съ Чосера, (напр. Путтенгамъ въ XVI-мъ в., Джонсонъ въ XVIII-мъ в. и др. [2]), какъ наши—съ Ломоносова. Лишь въ XVII-мъ в. модные писатели галломанской школы стали смотрѣть на Чосера, какъ на отжившую и устарѣлую величину. Драйденъ и Аддисонъ жаловались даже на непонятность его языка [3]),—но такъ смотрѣли они и на языкъ Шекспира! Этого не думаютъ въ Англіи теперь, когда основано даже особое Чосеровское ученое общество [4]), наряду съ Шекспировскимъ, Дантовскимъ, Гётевскимъ.

Вѣкъ Эдуарда III и Ричарда II былъ бы навсегда памятенъ въ исторіи англійскаго языка и литературы, еслибы онъ знаменовался дѣятельностью одного лишь такого писателя, какъ Чосеръ. Но рядомъ съ нимъ подвизались тогда еще три знаменитые автора: Гоуеръ, Ви-

---

1) Маршъ ставитъ Чосера даже выше Шекспира „по филологическому образованію и филологической конструкціи“. Marsch, The origine and history of the English language 569.

2) King. Oliph., New English I, 621; Warton, The history of English poetry [3] 225.

3) Cp. Trench, English 157, 159.

4) Моррисъ рекомендуетъ каждому англичанину поддерживать это „Chaucer Society“, на ряду съ „Early English Text-Society“. Morris, Historical outlines, стр. VII.

клефъ и Лангле, изъ коихъ первый былъ кентецъ, второй іоркширецъ, третій же салопецъ или севернецъ.

Гоуеръ, бывшій почти ровесникомъ (1325—1408 г.) и другомъ Чосера, получилъ классическое образованіе въ Оксфордскомъ университетѣ и, быть можетъ по этой причинѣ отдалъ еще дань старѣйшимъ литературнымъ языкамъ нормандской Англіи—латинскому и французскому. На первомъ написаны его политическія элегіи „Vox clamantis“ (послѣ 1381—1382 г.), на второмъ же—50 любовныхъ балладъ въ провансальскомъ вкусѣ, подъ заглавіемъ: „Speculum meditantis“. Но позже онъ перешелъ къ языку народному и на немъ составилъ обширную (30.000 стиховъ) нравоучительно-повѣствовательную поэму въ боккачіевскомъ вкусѣ: Confessio amantis, около 1393 г., почти въ одно время съ „Canterbury Tales“ Чосера. Языкъ поэмы Гоуэра мало разнится отъ рѣчи Чосера: страннымъ образомъ, первый изобилуетъ бо́льшимъ числомъ сѣверныхъ оборотовъ, чѣмъ вторая [1]), хотя мы ожидали бы противнаго отъ кентскаго уроженца. Очевидно, къ концу XIV-го вѣка особенности южнаго нарѣчія стерлись въ Кентѣ почти въ той же мѣрѣ, какъ въ Эссексѣ и Миддельсексѣ, по крайней мѣрѣ въ средѣ образованнаго сословія, изъ котораго вышелъ Гоуеръ.

Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи литературная дѣятельность Виклефа (1324 — 1384 года). Родившись на берегахъ рѣки Тиса (Tees) въ Іоркширѣ, онъ принадлежалъ къ сѣверянамъ Англіи и долженъ бы держаться въ языкѣ формъ нортумбрскаго разнорѣчія, подобно своему земляку Гамполю. Между тѣмъ мы видимъ противное: въ многочисленныхъ богословскихъ трактатахъ на англійскомъ языкѣ и знаменитомъ переводѣ Библіи, Виклефъ придерживается формъ не сѣвернаго, а серединно-восточнаго разнорѣчія, которое съ 1360-хъ годовъ стало рѣчью столицы и управленія, какъ king's

[1]) King. Oliph., New Engl. I, 172.

english или standard language [1]). Правда, въ переводѣ Библіи, а еще болѣе въ другихъ сочиненіяхъ Виклефа можно открыть не мало формъ и оборотовъ сѣвернаго нарѣчія, кое-гдѣ даже южныя особенности [2]); но основою его языка все-таки служитъ срединно-восточное нарѣчіе. Виклефъ свыкся съ нимъ, вѣроятно, въ Оксфордѣ, гдѣ онъ учился и училъ, затѣмъ—въ Линкольнширѣ и другихъ областяхъ этого нарѣчія [3]). Впрочемъ, при переводѣ Библіи Виклефъ имѣлъ, кажется, помощниковъ, напр. Пэрвея (Purvey), Гирфорда (Hereford), изъ коихъ первый держался ближе формъ столичныхъ, второй же нерѣдко сбивался на рѣчь юга [4]). Но все это не мѣшаетъ признанію Виклефовой Библіи однимъ изъ основныхъ столбовъ, на которыхъ выстроено и опирается зданіе общеанглійскаго языка. Нѣкоторые упрекаютъ при этомъ Виклефа въ слабости къ латинизмамъ [5]) и излишней буквальности перевода съ вульгаты на новоанглійскій, отдавая въ этомъ предпочтеніе переводу Тиндаля, въ 1525—36 гг. Но подобные упреки обращаются нерѣдко и къ Чосеру, который, подобно Виклефу, не предвидѣлъ позднѣйшей реакціи противъ галлицизмовъ и не избѣгалъ вошедшихъ уже въ языкъ романскихъ словъ [6]). Въ то время еще не было въ Англіи пуританскаго фанатизма, вызваннаго реформаціею и направленнаго противъ всего римскаго и романскаго,—хотя бы оно было столь неотторжимо отъ англотевтонскаго, какъ нормандская кровь въ жилахъ мно-

---

1) King. Oliph., New Engl. I, 138.

2) Ibid. 140, 141, 142, 145.

3) Morley, A first sketch 131; King. Oliph. I, 137.

4) King. Oliph. I, 138.

5) Trench, Englisch 99.

6) Trench, Engl. 95, цитуетъ слова A. Gil'я въ Logonomia Anglica, 1621 г.: Chauserius infausto omine vocabulis gallicis et latinis poësin suam famosam reddidit. (Ср. Kington Oliph. I, 130.). Эти упреки опровергаются и тѣмъ, что не болѣе ста романскихъ словъ встрѣчаемыхъ у Чосера, вышли впослѣдствіи изъ употребленія. Marsh, The origine 382; ср. 387.

гихъ пуританъ, или какъ нормандская закваска новоанглійскихъ идей, учрежденій, всего народнаго быта и характера [1]). Тиндалю легко было возвыситься надъ Виклефомъ по достоинствамъ перевода, ибо онъ имѣлъ подъ руками труды и Виклефа, и Лютера, не говоря уже о бо́льшей доступности и лучшей обработкѣ къ тому времени подлиннаго текста Библіи. Все это не ослабляетъ значенія въ исторіи общеанглійскаго языка дѣятельности Виклефа, какъ патріарха англійской прозы, особенно церковной. Послѣдняя до сихъ поръ отличается отъ свѣтской нѣкоторыми особенностями, восходящими къ Виклефу, кой-гдѣ даже къ Маннингу и къ Ancren Riwle [2]).

И духовно-реформаторская проповѣдь Виклефа съ каѳедры церковной и университетской была въ высшей степени благодѣтельна для успѣховъ англійскаго языка. Она подготовила постепенное освобожденіе его отъ римскаго ига, тяготѣвшаго надъ Англіей со времени паденія народной ирской церкви. Лишь въ независимой отъ этого ига странѣ могли впослѣдствіи выступить и развиться такіе свободные умы, какъ Шекспиръ и Байронъ, Бэконъ и Ньютонъ. Духовными ихъ прародителями были Чосеръ и Виклефъ.

Четвертымъ самостоятельнымъ и вліятельнымъ писателемъ второй половины XIV-го в. былъ Вильямъ Лангле или Лангландъ (Langley, Langland, 1331 † послѣ 1399). Онъ происходилъ изъ западныхъ шировъ, всего вѣроятнѣе изъ Салопскаго (Salop, Shrop), и провелъ свою жизнь на провинціи, въ одной изъ низшихъ духовныхъ должностей. Этимъ объясняется западный, отличный отъ king's english

---

[1]) Нужно впрочемъ отмѣтить, что теперь не всѣ англійскіе филологи помѣшаны на мнимомъ тевтонствѣ своего языка и народа. Марчъ напр. заявляетъ, что американцы предпочитаютъ видѣть въ немъ помѣсь двухъ культурнѣйшихъ расъ - романской и германской, и съ своей стороны называетъ этотъ языкъ сыномъ нормандскаго отца, а саксонской матери. Englische Studien I, 374.

[2]) Marsh, The origine 365; King. Oliph. I, 137 сл.

обликъ рѣчи, на которой написанъ около 1363—77 гг. знаменитый аллегорическій его трактатъ: The vision of Piers Ploughman (или Plowman), представляющій въ девяти сновидѣніяхъ критику тогдашней схоластической морали и идеальный образъ настоящаго христіанина, очень близкій къ личности Христа [1]), въ нѣсколько пуританскомъ ея освѣщеніи. Сорокъ три сохранившіяся рукописи „Видѣнія“ свидѣтельствуютъ о широкой распространенности въ Англіи XIV—XV вв. этой поэмы, особенно между людьми оппозиціоннаго образа мыслей. Это подтверждается и многочисленными подражаніями Пловману, въ родѣ: Plowman's Credo, Plowman's Tale и др. [2]). По языку „Видѣніе“ не можетъ, конечно, считаться образцомъ новоанглійскаго standard'а; но будучи написано на смѣси южнаго нарѣчія съ серединно-западнымъ, съ нѣкоторыми наносами сѣвернаго [3]), оно стояло не очень далеко отъ рѣчи Чосера и Виклефа, въ которой, какъ мы видѣли, также замѣтны наслоенія сѣверныхъ и южныхъ разнорѣчій Англіи. Лишь аллитераціонный метръ Ланглея существенно разнится отъ риѳмованнаго стихосложенія Чосера. Изъ подражаній Пловману нѣкоторыя писаны на чистомъ лондонскомъ говорѣ, напр. Credo [4]).

---

1) Morley, A first sketch 131; Körting 150; King. Oliphant I, 95.

2) Körting 153; Morley 131.

3) King. Oliph. I, 95, 96; Morris and Skeat, Specimens ² II, 175.

4) W. Skeat, Specimens 1 стр. Послѣ Чосера, Гоуера, Виклефа, Ланглея, къ корифеямъ англійской литературы конца XIV-го в. причислялся прежде и Джонъ Мандевилль (John Mandeville, 1300—137½ гг.), авторъ латинскаго путешествія на Востокъ, переведеннаго и на французскій, а съ послѣдняго на новоанглійскій языкъ. Но въ послѣднее время авторитетъ этого автора и сочиненія потрясенъ изслѣдованіями Колонеля Джуля, доказавшаго, что сочиненіе это не болѣе какъ компиляція, сдѣланная около 1390 г., съ позднѣйшими выдумками и интерполяціями. И въ отношеніи язычномъ оно представляетъ смѣсь чертъ сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ, на основ-

Блестящее развитіе англійской литературы конца XIV вѣка надолго прервано было въ XV-мъ в. новымъ разгаромъ англо-французскихъ войнъ, политическими смутами отъ соперничества домовъ Ланкастерскаго и Іоркскаго, борьбою королей съ феодалами, ортодоксаловъ съ лоллардами, и относительнымъ безлюдьемъ на литературной сценѣ,—по крайней мѣрѣ по части крупныхъ писательскихъ талантовъ. Томасъ Окклевъ (Occleve), Джонъ Педжъ (Page), Джонъ Лайдгетъ (Lydgate † 1460), которые считались первыми поэтами при дворѣ Генриховъ IV, V, VI, не могутъ итти въ сравненіе съ поэтами эпохи Эдуарда III и Ричарда II. Въ такой же мѣрѣ и прозаики XV-го в.: Пикокъ (Pecock † 1460), Фортескю (Fortescue около 1440—60 гг.), Маллори (Mallory ок. 1469 г.) уступаютъ Виклефу и его сотрудникамъ въ XIV-мъ в. Однѣ народныя баллады съ успѣхомъ развивались и въ этотъ глухой періодъ, — особенно тотъ ихъ кругъ, который посвященъ подвигамъ англійскаго полумиѳическаго ускока Робинъ-Гуда [1]).

Несмотря на эту вялость литературной работы въ теченіе полувѣка со смерти Чосера, установленный имъ и Виклефомъ поэтическій и прозаическій языкъ и стиль не былъ забытъ и не заглохъ въ средѣ другихъ соперничавшихъ діалектовъ. Наоборотъ, онъ все болѣе расширялся и углублялся въ живомъ и письменномъ употребленіи. Это видимъ изъ уцѣлѣвшихъ актовъ и литературныхъ произведеній означеннаго времени. Такъ въ корреспонденціи короля Генриха IV находимъ языкъ, очень близкій къ нынѣшнему „стандарду" [2]). То же видимъ въ государственныхъ актахъ Генриха V [3]) и послѣдующихъ государей.

номъ фонѣ восточнаго разнорѣчія (по мѣсту происхожденія гердфордца—автора), со множествомъ романскихъ словъ. Ср. Körting 148; King. Oliph. I, 160; Marsh, The origine 271; Colonel Jule, въ Encyclopedia Britannica.

[1]) King. Oliph. I, 205 сл., 268; ср. Morley 209.

[2]) King. Oliph. I, 193.

[3]) Ibid. 212.

Въ петиціяхъ, поступавшихъ въ парламентъ (Rolls of Parliament) съ 1386 г. на англійскомъ языкѣ, находимъ въ началѣ XV-го в. еще много областныхъ особенностей соотвѣтственныхъ шировъ [1]). Но съ 1433 г. можно замѣтить болѣе успѣшныя усилія даже отдаленныхъ графствъ писать такія петиціи на языкѣ столичномъ или „образцовомъ“ [2]). Въ книгѣ англійскихъ гильдій есть ворчестерскій документъ 1467 г., писанный на этомъ именно языкѣ, хотя и съ примѣсями севернскаго разнорѣчія [3]). Это указываетъ на постепенное распространеніе king's english въ городскомъ дѣловодствѣ даже югозападныхъ шировъ. Отъ 1423 г. имѣется и изъ Ирландіи петиція на общеанглійскомъ языкѣ [4]).

Еще успѣшнѣе развивался языкъ Чосера въ литературѣ того времени. Наибольшей чистотой отличается онъ въ стихотвореніяхъ плодовитаго суффолькца Лайдгета (Lydgate † 1460 г.) и въ полемическихъ трактатахъ Реджинальда Пикокка (Reginald Pecock, ок. 1449 г.) [5]). Въ сочиненіяхъ болѣе второстепенныхъ авторовъ того времени видимъ также усилія писать на языкѣ Чосера и Гоуера, по крайней мѣрѣ къ югу отъ р. Трента; но имъ очень трудно еще было освободиться отъ областныхъ провинціализмовъ, особенно въ сѣверныхъ и югозападныхъ ширахъ Англіи [6]). Такъ въ описаніи осады Руана въ 1418 году Джона Пэджа (Page) находимъ въ языкѣ много чертъ сѣверныхъ, равно какъ въ „Краткой исторіи Робинъ-Гуда“ (Lytell Geste of Robyn Hood, ок. 1440 г.) и въ Дѣяніяхъ кор. Артура, написанныхъ Валлоріемъ [7]). Въ латинско-англійскомъ словарѣ одного доминиканца: Promptorium par-

---

[1]) Ibid. 215.

[2]) Ibid. 245.

[3]) Ibid. 310.

[4]) Ibid. 215.

[5]) Marley, A first sketch 178, 185; King. Oliphant I, 234, 274.

[6]) Cp. Warton, The history of English poetry ³ 339.

[7]) King. Oliph. I, 218, 266, 318.

vulorum (1440) видимъ особенности норфолькскаго говора, который пробивается и въ „Paston Letters" 1448—1460 г., отчасти же и въ англійской хроникѣ Капгрева (Capgrave's Chronicle of England, ок. 1460 г.) [1]). Въ переведенной съ Виклефова трактата — Apology for the Lollard's, ок. 1400 г. пестрѣютъ провинціализмы салопскаго, ланкаширскаго и даже сѣвернаго разнорѣчій; въ Hunting of the Hare (ок. 1400 г.) — провинціализмы чеширскіе; въ Poem on Cookery (ок. 1420 г.) — ланкаширскіе; въ Book of the Knight of La-Tour-Landry — салопскіе и сѣверскіе [2]). Что касается южнаго нарѣчія, то послѣдними произведеніями, довольно явственно отражающими его типъ, были: Легенда о св. Юдиѳи или Вильтонская хроника (Legend of St. Edith or the Chronicle of Wilton), составленная ок. 1420 г., и переводъ сборника Gesta Romanorum ок. 1440 г. [3]). Съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе четырехъ вѣковъ не появлялось уже сочиненій на сколько нибудь чистомъ южномъ нарѣчіи. Оно воскресло въ литературной области лишь въ 1860-хъ годахъ, подъ перомъ дорсетца Барнса (Barnes [4]).

Существовало еще два вида поэтическихъ произведеній, довольно долго отражавшихъ особенности областныхъ разнорѣчій: это баллады и мистеріи, составлявшія самый популярный родъ литературы въ періодъ времени отъ 1380 года до начала XVI-го в. [5]). Въ балладахъ, составленныхъ на языкѣ близкомъ къ простонародному, чаще встрѣчаемъ особенности сѣвернаго нарѣчія, на почвѣ котораго онѣ всего успѣшнѣе развивались; но позже баллады были пересказаны и въ формѣ прочихъ разнорѣчій [6]). И мистеріи, которыя достигли полнаго цвѣта въ первой половинѣ XV-го

---

1) Ibid. 253, 288, 297.
2) Ibid. 184, 189, 225, 282.
3) Ibid. 224, 250.
4) Ibid. 74 сл.
5) Ibid. 205.
6) Ibid. 206, 268. Ср. Marsh, The origine 527.

вѣка, писались на языкѣ близкомъ къ простонародному, примѣнительно ко вкусу балаганной публики. Вотъ почему онѣ изобилуютъ провинціализмами: іоркширскими въ сборникахъ Towneley Mysteries и Jork Mysteries, честерскими въ Chester Mysteries (ок. 1450 г.), варвикскими въ Coventry Mysteries (ок. 1469 г.), норфолькскими въ Play of the Sacrament (ок. 1470 г.) [1]) и т. д.

Такимъ образомъ, первая половина XV-го в. составляетъ переходный періодъ въ исторіи общеанглійскаго языка. Онъ постепенно пролагалъ себѣ путь изъ шировъ, ближайшихъ къ Лондону, Кембриджу, Оксфорду, въ болѣе удаленнымъ, — на западъ, югъ и сѣверъ, до р. Трента, а отчасти и въ Нортумбрію. Сопротивленіе областныхъ разнорѣчій происходило болѣе отъ косности и неумѣнья провинціаловъ правильно писать на языкѣ столичномъ, „королевскомъ", „образцовомъ" (standard), чѣмъ изъ сознательнаго охраненія своей прежней отдѣльности и личности [2]).

Лишь на крайнемъ сѣверѣ острова, въ Шотландіи, мы замѣчаемъ въ XV-мъ вѣкѣ болѣе успѣшное и организованное сопротивленіе напору чужого государственнаго и литературнаго языка. Онъ могъ казаться опаснымъ и для шотландской независимости, ревниво охраняемой этими сѣверными швейцарцами. Антагонизмъ нижне-шотландцевъ съ англичанами восходитъ ко временамъ Эдуарда I, который навязалъ сѣверянамъ свое покровительство (въ 1291 году). Этимъ онъ вызвалъ многовѣковыя войны двухъ сосѣднихъ и родственныхъ государствъ и народовъ, законченныя лишь въ 1600 году династическою уніею обоихъ, подъ злополучнымъ домомъ Стюартовъ. Въ концѣ XIV-го вѣка воспѣлъ нѣкоторые эпизоды этихъ войнъ аберденскій бардъ Джонъ Барборъ (John Barbour, около 1375 года) въ поэмѣ The Bruce, писанной на нижнешотландскомъ

---

1) Körting 140; King. Oliph. I, 197, 286, 313, 319.
2) Cp. Warton, The history [3] 339.

разнорѣчіи, которое авторъ зоветъ однако „англійскимъ языкомъ“ (inglis toung [1]). Но въ XV-мъ в., когда въ Англіи утвердился „king's english“, шотландскіе писатели не могли уже присваивать своему діалекту опаснаго имени „inglis“ и стали звать его „scotch“, „broad scotch“ [2]). Однимъ изъ корифеевъ этого „скочскаго“ діалекта былъ въ 1420-хъ годахъ самъ король Яковъ I (James I). Девятнадцатилѣтнее пребываніе въ плѣну у англичанъ доставило ему возможность близко ознакомиться съ поэтическими произведеніями Чосера, Гоуера, Лайдгета. По ихъ примѣру онъ попробовалъ и самъ стихотворствовать въ честь леди Джаны Бофоръ (Jany Beaufort), въ которую влюбился и на которой затѣмъ женился въ плѣну. Въ языкѣ „Королевской тетради“ (The king's Quair) отражается вліяніе вышеназванныхъ поэтовъ. Она даже написана Чосеровскими семистишными станцами, получившими въ Шотландіи въ честь царственнаго автора названіе „королевскаго размѣра“ (rhyme royal [3]). Но все же языкъ этой поэмы не лондонскій, а эдинбургскій, — не inglis, a scotch [4]).

Изъ позднѣйшихъ нижне-шотландскихъ поэтовъ нѣкоторые обнаружили значительный талантъ, особенно въ лирикѣ. Таковы: минстрель Генри (Henry the Minstrel or Blind Harry), Вильямъ Дэнбаръ (Dunbar), Гавинъ Догласъ (Douglas), Давидъ Линдсе (Lindesay) [5]); но ихъ жизнь и дѣятельность относится къ нѣсколько болѣе позднему времени, которое называютъ Какстоновскимъ періодомъ (1477—1586 гг.) [6]).

---

[1]) King. Oliph. I, 86. Ср. Morley 145; Körting 120, 131.

[2]) King. Oliph. I, 86; ср. впрочемъ 311: Минстрель Генри зоветъ свой языкъ „good northern English“.

[3]) Morley, A first Sketch 177.

[4]) Одна лишь пѣсня въ „тетради“ Якова I написана по-англійски, а не по-шотландски. Marsh, The origine 457.

[5]) Morley, A first sketch 504 сл., 507, 540; King. Oliph. I, 311, 361.

[6]) King. Oliph. I, 327 сл.

Періодъ этотъ характеризуется окончательнымъ торжествомъ „стандарда", по крайней мѣрѣ въ собственной Англіи, до р. Трента и границъ Шотландіи. Областныя разнорѣчія остаются еще въ устной рѣчи, но очень рѣдко и въ слабой лишь мѣрѣ пробиваются въ письменности, за изъятіемъ шотландской. Латынь удерживаетъ и въ эту пору нѣкоторыя изъ традиціонныхъ своихъ областей, но далеко не всѣ. Въ XVI-мъ в. англійскій языкъ проникаетъ и въ богослуженіе значительной части населенія, а затѣмъ — и въ научную литературу, въ которой господствуетъ съ XVII-го в. Вмѣстѣ съ тѣмъ территорія англійскаго языка съ XVI-го в. неожиданно удвояется, позже и удесятеряется, благодаря успѣшной колонизаціи странъ заокеанскихъ.

Важнѣйшими причинами столь важнаго и рѣшительнаго поворота въ положеніи и судьбахъ англійскаго языка были преимущественно три событія: введеніе книгопечатанія, успѣхи реформаціи и открытіе Америки. Первое дало наконецъ устойчивость литературному языку и облегчило изученіе его даже въ самыхъ отдаленныхъ отъ столицы провинціяхъ; вторая завоевала для общаго языка область публичнаго богослуженія и установила непрерывное взаимодѣйствіе между рѣчью низшею, будничною и высшею, празднично-церковною; третье создало для него новую родину и открыло безграничный просторъ для развитія въ будущемъ.

Главнымъ дѣятелемъ при введеніи въ Великобританіи книгопечатанія былъ Какстонъ (Caxton, 1421—1491 г.). Первая напечатанная имъ книга: Recueil of the historyes of Troye (съ французскаго, переводъ Какстона) издана въ 1474 г. во Фландріи, въ г. Брюгге. Но съ 1476 года Какстонъ завелъ собственную типографію въ Вестминстерѣ и печаталъ тамъ до смерти († 1491 г.). Въ своихъ многочисленныхъ переводахъ и изданіяхъ (числомъ до 63 [1]) онъ старался по возможности держаться языка Чосера,

---

[1]) Marsh, The origine 482.

дѣлая кое въ чемъ уступки разнорѣчіямъ сѣверному и южному, которое было языкомъ его дѣтства [1]). Вообще же языкъ Какстона довольно близокъ уже къ рѣчи Елисаветинскаго періода, а слѣдовательно и къ нынѣшнему англійскому „стандарду". Съ легкой руки Какстона языкъ этотъ утвердился въ англійскихъ печатныхъ книгахъ и не подвергался уже потомъ существеннымъ измѣненіямъ, такъ что, по наблюденію Скита, англійскій литературный языкъ XVI-го в. менѣе разнится отъ языка XIX-го вѣка, чѣмъ англійскіе діалекты XIII-го в. отъ XIV-го в. [2]).

Въ XVI-мъ в. довольно глубокій слѣдъ на составѣ общеанглійскаго языка провела дѣятельность глостерца Вильяма Тиндаля (Tindal † 1536 г.). Подъ вліяніемъ идей Лютера, онъ принялся за переводъ Библіи на англійскій „стандардъ". Правда, и раньше были уже отрывки Св. Писанія на народномъ языкѣ; Виклефъ же съ сотрудниками перевелъ даже всю Библію за полтораста почти лѣтъ до Лютера и Тиндаля. Но во 1. переводъ этотъ сдѣланъ былъ не съ подлинныхъ текстовъ, а съ латинской вульгаты; во 2. онъ совершенъ въ такое время, когда англійскій „стандардъ" не успѣлъ еще установиться ни въ грамматическомъ, ни въ лексикальномъ отношеніи, въ 3. же Библія Виклефа болѣе 400 лѣтъ оставалась въ рукописи [3]), нѣкоторое же время и подъ строгимъ запрещеніемъ, при Генрихахъ IV и V. Послѣдній въ указѣ 1414 г. прямо поставилъ „всѣхъ читающихъ Св. Писаніе на родномъ языкѣ" на одну доску съ лоллардами, принадлежность къ которымъ нерѣдко наказывалась смертью [4]). Гораздо благопріятнѣе сложились обстоятельства ко времени Тиндаля. Оригинальные тексты Св. Писанія сдѣлались доступнѣе, особенно послѣ критическаго изданія Эразмомъ греческаго

---

[1]) King. Oliph. I, 328 сл., 332, 337.

[2]) Skeat W., Specimens of English Literature. Oxford, 1871 г., стр. XXI.

[3]) Marsh, The origine 345.

[4]) Morley, A first sketch 175, 181.

текста Новаго Завѣта въ 1516 г.; англійскій „стандардъ" успѣлъ уже сложиться, даже окрѣпнуть, и сталъ общимъ достояніемъ образованнаго общества, при содѣйствіи типографскаго станка Какстона и его продолжателей; усердіе къ самоличному ознакомленію съ Библіей возросло въ такой мѣрѣ, что и костры инквизиціи безсильны были бы заглушить его. Вотъ почему Тиндаль, не обладая самостоятельнымъ геніемъ своего предшественника Виклефа, могъ тѣмъ не менѣе создать въ своемъ переводѣ Библіи такой памятникъ, національное значеніе котораго значительно превышаетъ Библію Виклефа и не уступаетъ Библіи Лютера.

Прежде всего переведено (съ 1523 г.) и напечатано было (съ 1525 г.) Тиндалемъ Евангеліе. Затѣмъ онъ приступилъ къ ветхозавѣтному тексту и въ 1530 г. окончилъ печатаніе Пятокнижія. Дѣятельнымъ его сотрудникомъ при переводѣ Ветхаго Завѣта былъ іоркширецъ Милесъ Кэвердаль (Miles Coverdale), которому посчастливилось въ 1535 году отпечатать въ Цюрихѣ полный текстъ англійской Библіи, легшій въ основу всѣхъ позднѣйшихъ протестантскихъ изданій: лондонскаго въ 1537 году; такъ называемой Большой Библіи (Great Bible) 1539 года; затѣмъ, съ нѣкоторыми поправками епископа Кранмера, Cranmer's Bible 1540 г., которая стала оффиціальнымъ текстомъ англиканской церкви и, послѣ незначительныхъ поправокъ въ изданіяхъ 1568 г. (Bishops Bible) и 1604 г. (Autorised Version), остается донынѣ неприкосновенной святыней англійскихъ протестантовъ [1]).

Особенность Тиндалева перевода составляетъ значительное уменьшеніе числа романскихъ словъ прежнихъ англійскихъ Библій, не исключая Виклефовой, и замѣна ихъ коренными германскими [2]). Отношеніе первыхъ къ послѣднимъ у Тиндаля въ разрядѣ знаменательныхъ словъ — какъ 1 : 3 [3]);

---

[1]) Morley, A first Sketch 236, 249, 253; King. Oliph. I 435. Cp. Storm, Englishe Philologie I, 402.

[2]) King. Oliph. I, 408.

[3]) Ibid. 421.

въ разрядѣ же словъ формальныхъ отношеніе это еще благопріятнѣе [1]). Если вспомнить, что отношеніе это у Шекспира опредѣляется цифрами: 4 : 6 или 5 : 5, у Мильтона 3 : 7 [2]), въ современномъ же англійскомъ языкѣ: 45 : 55 [3]), то нельзя не признать Тиндаля выдающимся англійскимъ пуристомъ, въ направленіи тевтонскомъ. Пуризмъ этотъ вызвалъ въ началѣ не мало возраженій. Епископъ Гардинеръ (Gardiner) составилъ даже въ 1542 г. списокъ болѣе сотни романскихъ словъ, заслуживающихъ удержанія въ англійской библіи, „ради величія обозначаемыхъ ими предметовъ", но изгнанныхъ Тиндалемъ изъ своего перевода [4]). Такъ смотрѣлъ на дѣло и знаменитый авторъ „Утопіи" Томасъ Моръ [5]). Но протестантское общество, подъ вліяніемъ присущей протестантизму германской закваски, приняло сторону Тиндаля, такъ что во всемъ его и Кэвердалевомъ переводѣ можно отыскать не болѣе дюжины германскихъ словъ, вышедшихъ теперь изъ употребленія [6]). Многіе же мѣста Тиндалевой библіи ни

---

[1]) Trench считаетъ въ англійской Библіи 60% словъ германскихъ, въ нѣкоторыхъ же отрывкахъ—до 90—96%. English 29.

[2]) Trench, English past and present 30.

[3]) Ibid. 12. Cp. Morris, Historical outlines 34: онъ принимаетъ 50% романскихъ словъ въ англійскомъ языкѣ. Thommerel высчиталъ, что въ англійскомъ словарѣ Сам. Джонсона изъ 43.500 словъ не менѣе 29.000 романскихъ. Englishe Studien I, 369.

[4]) King. Oliph. I, 422. Въ „Bible Rhemish", переведенной англійскими папистами съ вульгаты, число романскихъ словъ несравненно больше, чѣмъ въ библіи протестанской. Къ изданію этой библіи 1582 г. приложенъ даже списокъ 55 словъ, не понятныхъ-де простому читателю. Trench, English 109 сл.

[5]) King. Olihh. I, 421. Cp. Morley, A first Sketch 241.

[6]) King. Oliph. I, 241. Вообще же изъ 6000 словъ англійской библіи лишь 250 вышли изъ общаго употребленія; но и они легко понимаются, по аналогіи со смежными по корню и формѣ. King. Oliph. I, 622.

на іоту не отступаютъ отъ нынѣшняго „стандарда“ [1]). Это свидѣтельствуетъ и о достоинствѣ перевода, и о степени вліянія его на дальнѣйшія судьбы общеанглійскаго языка; особенно высшаго прозаическаго его стиля. Вліяніе это простиралось не на одну Англію, но и на Шотландію, принявшую вмѣстѣ съ протестантизмомъ (послѣ 1560 г.) Тиндалеву Библію, что постепенно подготовило эту страну къ замѣнѣ послѣ 1600 г. мѣстнаго діалекта англійскимъ „стандардомъ“ [2]). Такое же значеніе имѣла эта Библія и въ Ирландіи для протестантскихъ колонистовъ изъ Англіи, которые, по свидѣтельству Стенигэрста (Stenyhurst около 1577 г.), еще во второй половинѣ XVI-го в. говорили въ Вексфордѣ и Фингаллѣ, т. е. къ югу и сѣверу отъ Дублина, на староанглійскомъ языкѣ Чосера [3]). Когда же съ конца XV-го в. и начала XVI-го в., съ легкой руки мореплавателей—Кабота (Cabot въ 1497 г.), Древа (Drake), Кевендиша (Cavendish), началась колонизаціонная работа англичанъ въ Сѣверной Америкѣ, то Библія Тиндаля оказалась и тамъ самой могучей скрѣпой новосложившагося общества и живой связью колоній съ метрополіей [4]).

Но, говоря о Библіи, мы должны имѣть при этомъ въ виду и другія богослужебныя и молитвенныя книги, каковы, напр. Prayer Book Кэвердаля, „Молитвословъ“ епископа Кранмера (Cranmer) и н. др. [5]); ибо протестантизмъ съ Эдуарда VI и Елисаветы отвоевалъ для англійскаго языка и область литургическую, которая въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія была монополизована латынью.

Кромѣ указанныхъ причинъ и событій имѣло нѣкоторое вліяніе на успѣхи англійскаго языка и литературы

---

[1]) Ibid. 409.

[2]) Ibid. 623; ср. 539.

[3]) Ibid. 600, 624. Первая англійская петиція изъ Ирландіи восходитъ къ 1423 г. Ibid. I, 215.

[4]) King. Oliph. I, 624. Къ 1527 г. относится первое англійское письмо изъ Америки. Ibid. 450.

[5]) King. Oliph. I, 435, 523; ср. 158.

возрожденіе классической древности. Оно отразилось на подъемѣ филологическаго образованія въ высшихъ школахъ, особенно въ университетахъ, гдѣ основаны были съ конца XV-го вѣка особыя каѳедры и цѣлыя коллегіи для изученія греческаго языка и литературы [1]). Плоды этого изученія замѣтны уже въ Библіи Тиндаля. Тогда же началась обширная переводная литература классическихъ авторовъ, сначала съ французскихъ переводовъ, а затѣмъ и съ оригинальныхъ текстовъ. Къ 1580 г. большая часть этихъ авторовъ стала общедоступною въ печатныхъ англійскихъ переводахъ [2]). Они отразились въ Елисаветинскій періодъ на блестящемъ развитіи англійской драмы. Самъ Шекспиръ заимствовалъ много темъ и характеровъ изъ Плутарха. Но вообще должно сказать, что въ Англіи XVI-го в. возрожденіе древности не имѣло ни той силы, ни вліянія, какъ во многихъ другихъ западныхъ странахъ. Оно не заглушило средневѣковыхъ преданій, не оторвало современниковъ Тиндаля и Спенсера отъ духовныхъ связей съ Чосеромъ и Виклефомъ. Въ этомъ отношеніи Англія скорѣе напоминаетъ Испанію, чѣмъ Италію или Францію. Да и вообще складъ мысли и характера англійскаго гораздо ближе къ испанскому, чѣмъ къ французскому.

Что же произошло въ этотъ періодъ времени, при столь богатомъ и разностороннемъ развитіи „стандарда“, съ областными діалектами? Они превратились окончательно въ просторѣчія или патоа́, лишь изрѣдка проглядывая то здѣсь, то тамъ изъ-подъ однообразной коры языка общаго. Такъ у Какстона на сплошномъ фонѣ діалекта серединно-восточнаго, ставшаго теперь столичнымъ, а вмѣстѣ королевскимъ и образцовымъ (king's english, standard), виднѣются кое-гдѣ черты сѣверныя,—какъ полагаютъ, по

---

[1]) Warton, The hist. of Engl. Poetry [3] 597, 609, 610; Morley, A first sketch 199. Въ одной изъ такихъ коллегій преподавалъ въ Кембриджѣ знаменитый гуманистъ Эразмъ Роттердамскій.

[2]) Warton [3] 880.

вліянію на писателя одной принцессы (сестры Эдуарда IV), уроженки іоркской [1]). Въ другихъ его сочиненіяхъ встрѣчаются изрѣдка черты юга, какъ отголосокъ дѣтскихъ впечатлѣній и навыковъ автора-кентца [2]). Въ Кораблѣ глупцовъ (Ship of fools), переведенномъ съ нѣмецкаго Александромъ Барклаемъ (Barclay, ок. 1509 г.), также виднѣются сѣверныя наслоенія на „стандардѣ", объясняемыя шотландскимъ происхожденіемъ переводчика [3]). Въ рѣчи еписк. Фишера (Fisher) противъ Лютера 1521 года есть салопизмы [4]). И у Типдаля въ Новомъ Завѣтѣ, который считается нормою „стандарда", встрѣчаются черты южныя, какъ слѣдъ его глостерскаго происхожденія [5]). Не свободенъ отъ сѣверныхъ провинціализмовъ и Николай Удаль (Udall), авторъ первой комедіи изъ англійской жизни (Ralph Roister Doister, 1550 г.) и переводчикъ „Изреченій" Эразма (Apopthegms of Erasmus). То же должно сказать о іоркширцѣ Роджерѣ Ашамѣ (Asham), который считается однимъ изъ образцовыхъ прозаиковъ XVI-го в., о вестмореландскомъ бардѣ и сатирикѣ Гаскойнѣ (Gascoign ок. 1562—72 г. [6]), и н. др.

Паденіе областныхъ разнорѣчій отражается и въ томъ, что появляются попытки юмористическаго ихъ примѣненія, напр. въ сочиненіи Джона Растеля (John Rastell): The Hundred merry tales, 1526 г. [7]). То же отражается въ новой модѣ влагать нѣкоторыя разнорѣчія, напр. сомерсетское на югозападѣ, въ уста выводимыхъ на сцену невѣждъ и простаковъ, что замѣчается и у Шекспира [8]). Въ нѣкоторыхъ же драмахъ XVIII-го в. крестьяне говорятъ по-іоркски [9]).

---

1) King. Oliph. I, 328.
2) Ibid. 232.
3) Ibid. 373.
4) Ibid. 385.
5) Ibid. 408.
6) Ibid. 496, 586, 624.
7) Ibid. 448.
8) Ibid. 493.
9) Ibid. II, 157.

Но оставалось нарѣчіе, которое долѣе держалось на высотѣ литературной обработки: это было нижнешотландское. Благодаря политической отдѣльности Шотландіи отъ Англіи и покровительству, какое оказывали своему просторѣчію („broad scotch“) при дворѣ эдинбургскомъ, діалектъ этотъ продолжалъ и въ XVI-мъ в. считаться самостоятельнымъ государственнымъ и литературнымъ языкомъ сѣвернаго королевства.

Изъ писемъ шотландскаго королевскаго дома въ XVI-мъ вѣкѣ видимъ, что королева Маргарита, дочь Генриха VII Тюдора, по прибытіи изъ Лондона въ Эдинбургъ писала сначала на англійскомъ языкѣ, но скоро усвоила діалектъ своихъ новыхъ подданныхъ [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что при эдинбургскомъ дворѣ говорили и писали на этомъ діалектѣ. Онъ былъ вслѣдствіе того языкомъ знати и высшаго управленія. И въ литературѣ разсматриваемаго періода онъ развивался довольно успѣшно, особенно въ поэзіи, которая издревле составляла страсть и силу англійскихъ сѣверянъ. Въ Англіи какстоновскаго и тиндалевскаго времени не было поэта, который стоялъ бы выше эдинбургскаго барда и сатирика Вильяма Дэнбара (Dunbar, † 1520 г. [2]). Но рядомъ съ нимъ дѣйствовали въ концѣ XV-го в. и первой половины XVI-го в. и другіе выдающіеся таланты, каковы напр. дидактикъ Гавинъ Догласъ (Douglas † 1522 г.), и сатирикъ Давидъ Линдсе (Lindesay † 1558 г.), которые не уступали Скальтону (Skalton) и другимъ англійскимъ современникамъ [3]). Были въ XVI-мъ в. и самостоятельные шотландскіе прозаики, особенно церковные, какъ напримѣръ реформаціонный писатель Ноксъ (Knox), архіеп. Гамильтонъ [4]) и друг. Но все таки шотландская литература была очень незначительна въ срав-

---

[1]) Ibid. I, 368.

[2]) Ibid. 361.

[3]) Morley, A first sketch 200, 203, 205, 210, 213, 256. Cp. Warton, The history [3] 491.

[4]) King. Oliph. I, 525, 539. Cp. Körting 239.

неніи съ англійскою. Это неравенство съ каждымъ днемъ все болѣе давало себя чувствовать, такъ что уже въ XVI-мъ вѣкѣ нѣкоторые шотландцы оставляютъ свой діалектъ, переходя къ „стандарду", напр. Александръ Барклай, переводчикъ „Корабля глупцовъ" въ 1509 г., который не только самъ писалъ на языкѣ англійскомъ, но и другихъ склонялъ къ тому, ссылаясь на пользу англо-шотландской уніи для отраженія турокъ [1]). Около 1548 г. поборникомъ этой уніи былъ и Вильямъ Патенъ (Pathen), доказывавшій въ описаніи похода въ Шотландію герцога Сомерсета, что между англійскимъ и шотландскимъ нѣтъ существенной разницы, такъ какъ оба они британскіе языки [2]). И Ноксъ писалъ нѣкоторые изъ богословскихъ своихъ трактатовъ на „стандардѣ" [3]). Протестантизмъ и Тиндалева Библія проложили ему путь и въ Шотландію, такъ что съ начала XVII-го вѣка, одновременно съ династической уніей ея съ Англіей при Яковѣ VI-мъ Стюартѣ, незамѣтно происходитъ и литературная ихъ унія [4]), которая съ Друммонда не разрывалась до нашего времени. Лишь съ тѣхъ поръ можно было считать задачу англійскаго „стандарда" вполнѣ разрѣшенною, его торжество—полнымъ и окончательнымъ. Но это совершилось уже не въ какстоновскій, а въ шекспировскій періодъ этого языка и литературы, обнимающій время отъ 1586—1660 г. [5]).

Періодъ этотъ характеризуется высокимъ развитіемъ поэзіи и философіи, особенно въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го в., когда одновременно жили въ Лондонѣ Шекспиръ и Бэконъ, окруженные плеядою другихъ, менѣе геніальныхъ, но все же высоко-даровитыхъ писателей. Таковы были напр. знаменитый въ свое время эпикъ Спенсеръ († 1599 г.), сатирикъ Галь (Hall, ок. 1598 г.), бо-

---

1) King. Oliph. I, 373, 380.
2) Ibid. 520.
3) Ibid. 539.
4) Ibid. 623, 624; Körting 239.
5) King. Oliph. II, 1 слѣд.

гословъ Гукеръ (Richard Hooker † 1600 г.), историкъ Рали (Walter Raleigh † 1618 г.) и мн. др. Но особенно широко развилась въ ту эпоху англійская драматургія. Она коренится въ средневѣковой англійской мистеріи, которая процвѣтала въ первой половинѣ XV-го и не совсѣмъ заглохла даже въ XVI-мъ в. Эта туземная струя была затѣмъ усилена вліяніемъ драмы античной, итальянской и испанской. Изъ такихъ стихій составилась та могучая драматическая школа, основы которой заложены еще въ первой половинѣ XVI-го в. Гейвудомъ (Asper Heywood, ок. 1530—1550 г.), Удалемъ (Nicolas Udall, ок. 1550 г.) и Белемъ (Bale ок. 1550 г.), которая развита далѣе, во второй половинѣ этого вѣка, Нашемъ (Nash † 1600 г.) и Тарльтономъ (Tarlton, ок. 1588—93 г.), а къ концу его—Марло (Marlowe † 1593 г.) и Робертомъ Гриномъ (Greene † 1592 г.). Наконецъ выступилъ Шекспиръ, затмившій всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, между которыми были и очень серьезные драматурги, каковы, напр. Бенъ-Джонсонъ (Ben-Johnson † 1635 г.), Чапманъ (Chapman), Флетчеръ (Fletcher), Бомонъ (Beaumont) и др.

Здѣсь не мѣсто распространяться о Шекспирѣ, какъ драматургѣ. Но онъ представляется грандіознымъ явленіемъ и въ исторіи англійскаго языка. Какъ уроженецъ Варвика (Warwickshire), расположеннаго въ самомъ сердцѣ Англіи и въ близкомъ разстояніи отъ границъ разнорѣчій сѣвернаго и южнаго, западнаго и восточнаго, Шекспиръ имѣлъ возможность очень рано всосать въ себя не только рѣчь родного Стратфорда, но и окружающихъ говоровъ этого confinium quadruplex. Эта смѣсь была уже ранѣе Шекспира приведена къ нѣкоторому единству господствомъ въ Варвикѣ разнорѣчія серединно-восточнаго, т. е. наиболѣе близкаго къ „стандарду". Продолжительное пребываніе въ Лондонѣ, въ живомъ общеніи со всѣми слоями столичнаго общества, какъ это само собою предполагается профессіею актера, а затѣмъ драматическаго писателя,—еще болѣе расширило и углубило знакомство Шек-

спира съ рѣчью столицы, двора и образованнаго общества. Изъ содержанія нѣкоторыхъ трагедій и комедій Шекспира видно, что онъ довольно обстоятельно изучилъ и предшествовавшую англійскую литературу: зналъ Чосера и Гоуера, Ляйдгета, Какстона и Пентера (Paynter, Palace of pleasure, 1567 г.), Голиншеда (Holinshed, Chronik of England) и Галя (Hall, Chronik), особенно же своихъ предшественниковъ по драматургіи. Сверхъ того Шекспиръ изучилъ нѣкоторыхъ классическихъ авторовъ, напр. Плутарха, и многихъ новеллистовъ итальянскихъ, въ англійскихъ переводахъ [1]). Такимъ образомъ въ его мысли постепенно собрано было все язычное достояніе Англіи, за 200-лѣтній періодъ ея развитія. Если прибавить къ этому высокій геній самого Шекспира, то можно объяснить себѣ до нѣкоторой степени происхожденіе его несравненнаго по яркости, гибкости и силѣ языка, съ составомъ до 16,000 словъ, которыя заключаются въ приписываемыхъ Шекспиру 36 драмахъ, 154 сонетахъ и 2 эпическихъ поэмахъ [2]). Языкъ Шекспира представляетъ не только высшую точку, но и окончательную форму въ развитіи англійскаго „стандарда“. Ни одинъ изъ позднѣйшихъ писателей—ни Мильтонъ, ни Драйденъ, ни Джонсонъ, ни Байронъ, ни Диккенсъ—не превзошли Шекспира въ достоинствахъ языка и стиля. Внесенныя ими измѣненія,—подъ вліяніемъ то пуританской сухости, то псевдокласической чопорности, то романтической распущенности, то реалистической тривіальности, — скорѣе понизили, чѣмъ повысили Шекспировскій уровень рѣчи. Грамматическій, фразеологическій и лексическій обликъ этой рѣчи былъ столь ясно очерченъ въ произведеніяхъ великаго драматурга и столь вѣрно воспроизводилъ истинный типъ англійскаго „стандарда“, что не могъ быть ни затемненъ, ни переиначенъ въ теченіе двухъ съ половиною

---

[1]) Körting 209—221. Ср. Morley 348.

[2]) Marsh, The origine 570; King. Oliph., New English II, 1; Körting 200; ср. 202.

вѣковъ пошекспировскаго времени. Съ тѣхъ поръ не слышимъ уже жалобъ на быструю измѣнчивость языка, какъ это случалось еще въ XVI-мъ в. [1]).

Въ XIX-мъ в. „стандардъ“ сталъ видоизмѣняться отъ вторженія оборотовъ разговорныхъ (colloquialisms) и просторѣчій (slang), вліянію которыхъ особенно доступны романисты и юмористы (Троллопъ, Диккенсъ и др. [2]); однако вліяніе это пока сдерживается консерватизмомъ образованнаго общества и авторитетомъ классическихъ писателей прежняго времени, со включеніемъ переводчиковъ Библіи и книгъ литургическихъ.

Что касается внѣшняго положенія англійскаго языка въ этотъ послѣдній періодъ, то оно вполнѣ достойно его внутреннихъ силъ, его общественной, научной и художественной обработки.

Ни одинъ изъ областныхъ діалектовъ Англіи не могъ и мечтать о сколько нибудь успѣшной борьбѣ съ языкомъ шекспировскимъ. Даже шотландское нарѣчіе, какъ выше упомянуто, съ 1600 г. подчиняется „стандарду“ и отказывается отъ самостоятельной обработки не только въ прозаической, но и въ поэтической области.

Лишь въ XIX-мъ в. появляются слабыя попытки писать на діалектахъ. Таковы напр. дорсетскія (южно-англійскія) произведенія Барнса (Barnes, съ 1860-хъ годовъ [3]), отличающіяся не только архаическимъ обликомъ южной рѣчи, но и замѣчательной свѣжестью содержанія [4]). Барнсъ нашелъ много подражателей и въ средѣ другихъ разнорѣчій. Вообще, новоанглійскіе діалекты быстро сближаются подъ дѣйствіемъ „стандарда“. Тренчъ пророчитъ даже имъ ги-

---

[1]) We write in sand, писалъ въ XVI вѣкѣ Waller; our langage grows, and like the tide our work o'erflows. Ср. Trench, Englisch 106.

[2]) Ср. Storm, Englische Philologie I, 153, 203, 231, 243.

[3]) Barnes, Poems of rural life, in the Dorset dialect. [2] 1879 г. London. Ср его-же: Grammar and glossary of the Dorset dialect. Transactions of Philological Society 1864 г.

[4]) King. Oliph. I, 75; II, 209.

бель въ теченіе ближайшаго 50-лѣтія [1]). Но подобныя пророчества часто не сбываются.

На шотландскомъ нарѣчіи прославился въ прошломъ вѣкѣ Бэрнсъ (Burns † 1798 г.), одинъ изъ значительнѣйшихъ великобританскихъ лириковъ, удовлетворявшій вкусу не только простонародья, но и образованныхъ читателей. Его примѣру слѣдовали и другіе новошотландскіе діалектическіе поэты, выходившіе обыкновенно изъ низшихъ слоевъ общества, каковы напр. ткачъ Робертъ Танегиль (Tannahill), печникъ Кэнингамъ (Cunningham) поденщикъ Николь (Nicoll), писецъ Мэтервилль (Motherwill и наиболѣе замѣчательный въ ихъ средѣ по дарованіямъ — Джемсъ Гогъ (James Hogg, 1772—1835 г. [2]).

Но болѣе образованные шотландскіе писатели съ 1600 года пишутъ уже на „стандардѣ" [3]). Ихъ не соблазнили преданія шотландской язычной отдѣльности и областной патріотизмъ, который нашелъ себѣ болѣе благородное примѣненіе въ обработкѣ на общеанглійскомъ языкѣ идеаловъ и преданій шотландской жизни, какъ это видимъ особенно у Вальтеръ-Скотта.

Ирландія тоже продолжала не только пассивное употребленіе, но и дѣятельную разработку общаго языка. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того служатъ имена писателей англо-ирландскаго происхожденія [4]).

---

[1]) Trench, English 238.

[2]) Körting 328.

[3]) Таковы напр. въ XVII в. Айтунъ (Aytoon) и Друммондъ (Drummond); въ XVIII-мъ в. дидактическій писатель Томсонъ (James Thomson † 1748 г.), романисты Смоллетъ (Tobias Smollett † 1771 г.) и Рамсе (Ramsay † 1758), эпикъ Макферсонъ (Macpherson † 1799, авторъ quasi-Оссіана 1760—1763), историкъ Робертсонъ (Robertson † 1783), философы Юмъ (Hume † 1776) и Стюартъ (Dugald Stewart † 1828) и политико-экономъ Адамъ Смитъ (Smith † 1790); въ XIX-мъ же в. романистъ Вальтеръ Скоттъ († 1832), поэтъ Кампбелль (Thomas Campbell † 1844), историкъ Карлейль (Carlyle † 1881 г.) и мн. др.

[4]) Таковы: географъ Стенигэрстъ (Stanyhurst, † около

Между шотландскими и ирландскими писателями на „стандардѣ" находились безъ сомнѣнія и потомки пиктовъ, скотовъ, ировъ; ибо народная литература великобританскихъ кельтовъ очень рано заняла и въ Англіи, и въ Шотландіи, и въ Ирландіи подчиненное положеніе діалектической подлитературы. Главный отдѣлъ ея издревле составляли рукописи и книжки религіознаго содержанія, молитвенники, нравоучительныя сочиненія, мистеріи, затѣмъ баллады (съ XVI-го в.), сказки, въ новѣйшее же время—журналы, сочиненія историческія и другія популярнаго характера [1]). Нѣкоторые кельтисты стараются представить эту литературу въ грандіозномъ видѣ [2]); но на дѣлѣ она далеко уступала даже діалектической нижнешотландской, которая все-таки оставила нѣсколько славныхъ именъ, какъ Барборъ, Дэнбаръ, Бэрнсъ, чего нельзя сказать о кельтской. Причиною такой духовной слабости народа, обнаружившаго замѣчательную физическую живучесть въ Вельсѣ, горной Шотландіи, западной Ирландіи, было во 1-хъ паденіе національной ирской церкви и замѣна ея римскою [3]), которая не могла поддержать національной литературы, а скорѣе подавляла ее наноснымъ слоемъ латыни, а во 2-хъ—исконная рознь кельтовъ, составляющая органическій порокъ народнаго ихъ характера. Еслибы великобритан-

---

1577 г.), поэтъ Джонъ Денгамъ (Denham † 1668), публицистъ Стиль (Richard Steele † 1729), сатирикъ Свифтъ (Sweeft † 1745), философъ Беркли (Berkeley † 1753), романисты Стернъ (Laurence Sterne † 1768) и Гольдсмитъ (Oliver Goldsmith † 1774), политическіе писатели Бэркъ (Edmund Burke † 1797) и Юніусъ (собственно Philippe Francis † 1818), комикъ Шериданъ (Richard Sheridan † 1816), поэтъ Томасъ Муръ (Thomas Moore † 1852), драматургъ Нольсъ (Knowles † 1862 г.) и др.

[1]) Cp. Morley, A first sketch 105.

[2]) Cp. Stephens, Ges. d. Wälschen Literatur v. XII bis XIV Jhh., aus dem Engl. Halle 1864 г.

[3]) Лишь незначительная часть кельтовъ въ Шотландіи перешла къ протестантству.

скимъ кельтамъ удалось хоть въ новое время соединить свои дробныя литературы—вельскую, корнійскую, мэнскую, горношотландскую, ирскую—въ одно цѣлое, и тогда борьба ихъ съ языкомъ англійскимъ была бы тяжела; при существующей же раздѣльности она представляется безнадежною. Не по этой ли причинѣ и феніанское движеніе приняло въ Великобританіи односторонній характеръ борьбы соціально-экономической и лишено подкладки національно-политической?

Шекспировскій языкъ въ побѣдномъ шествіи своемъ не ограничился однако островною группою Великобританіи. Онъ переплылъ океанъ и пустилъ глубокіе корни въ сѣверной Америкѣ, которой суждено, кажется, продолжить еще на тысячелѣтіе оборотъ историческаго колеса, два раза уже законченный въ Великобританіи. Уже и теперь Америка поставляетъ для англійской литературы очень значительной контингентъ художественныхъ и научныхъ силъ [1]).

Конечно, метрополія далеко еще не отстала отъ колоній по литературной и научной производительности; но все же теперешній перевѣсъ ея въ этомъ отношеніи не представляется уже столь подавляющимъ, какъ прежде, въ вѣкъ Тиндаля и Спенсера, Шекспира и Мильтона [2]).

---

[1]) Такъ въ XIX-мъ в. оттуда вышли поэты: Edgar Allan Poe (1809—1849), Rich. Dana († 1879), Fitz-Greene Hallek († 1867), John Greenleaf Whittier (1807—), Bayard Taylor (1825—78), Charles Godfrey Leland (1824—), Miss Francis Sargent Oswood († 1850), Henry Wodsworth Longfellow (1807—82); романисты: Nathaniel Hawthorn († 1864), James Fenimore Cooper (1789—1851), Miss Harriet Beecher-Stowe (1812—), Washington Jrving, Francis Bret Harte (1839—), Clemens (псевд. Mark Twain, 1835—), Henry James; эссеистъ Emerson (1803—); историки: Prescott († 1859), Bancroft († 1875), Motley (1814—), Ticknor († 1851), филологъ Marsh и мн. др. Изъ англо-индійскихъ уроженцевъ мы можемъ назвать романиста Теккерея (William Makepeace Thackeray † 1863).

[2]) Вотъ краткій перечень важнѣйшихъ англійскихъ авторовъ по мѣсту ихъ происхожденія, изъ областей: а) сѣвер-

Подчинивъ себѣ всѣ нарѣчія Англіи и Шотландіи, со включеніемъ Ирландіи и заокеанскихъ колоній, поработивъ вымирающіе остатки языка кельтскаго, а до извѣст-

---

но-англійскихъ, б) серединно-англійскихъ и в) южно-англійскихъ, въ географической послѣдовательности отдѣльныхъ шировъ: *Нортумберландъ:* Mark Akenside 1721—70; *Дургамъ:* Henry Taylor 1800—1886; *Іоркъ:* Coverdale † 1567, Roger Asham † 1568, Williame Congreve † 1729; *Кумберландъ:* Williame Wordsworth † 1850; *Вестмореландъ:* George Gascoigne † 1577; *Ланкастеръ:* Felicia Hemans † 1835; *Честеръ:* Ralph Holinshed, ок. 1577; *Шропъ:* Calfhill XVI в., Will. Wycherley † 1715; *Ворчестеръ:* Samuel Butler † 1680; *Варвикъ:* William Shakespeare 1564—1616, Walter Savage Landor † 1864, George Eliot 1818; *Лейчестеръ:* Hugh Latimer † 1549, Francis Beaumont † 1616, Thomas Babington Macaulay † 1859; *Стаффордъ:* Samuel Johnson † 1784, Edward August Freeman 1823—; *Дерби:* Samuel Richardson † 1761; *Ноттингамъ:* Mary Wortley Montague † 1762; *Линкольнъ:* John Fox XVI в., Thomas Heywood † 1650, Isaac Newton † 1727, Alfred Tennyson 1809—; *Нортгамптонъ:* John Dryden 1631—1701; *Бедфордъ:* John Bunyan † 1688; *Гертфордъ:* John Bourchier lord Berners † 1532; George Champan † 1634, Nathaniel Lee † 1692; *Кембриджъ:* Jeremy Taylor † 1667, Edmund Waller † 1687; *Норфолькъ:* John Skelton † 1529, Robert Greene † 1592; *Суффолькъ:* Stephen Hawes ок. 1506, Thomas Elyot † 1546, John Bale † 1563, Thomas Nash † 1600, George Crabbe † 1832; *Мидльсексъ (съ Лондономъ):* Thomas More † 1535, Palsgrave ок. 1530, Edmund Spenser † 1599, Wil. Warner † 1609, Thomas Lodge † 1625, Francis Bacon † 1626, Thomas Middleton † 1626, Ben Johnson † 1635, Abraham Cowley † 1667, John Milton † 1674, Algernon Sidney † 1683, Daniel De-Foe † 1731, Alexander Pope † 1744, Colley Cibber † 1757, Thomas Gray † 1771, Edw. Gibbon † 1794, John Keat † 1821, Leorge Gordon lord Byron † 1824, Frederick Marryat † 1848, Edward Bulwer lord Lytton † 1863, Robert Browning 1812—; *Кентъ:* William Caxton † 1492, Thomas Wyatt 1502—1542, Christophor Marlowe 1564—1593, John Lyly † 1606; *Суррей:* Henry Howard earl of Surrey † 1547; *Суссексъ:* Thomas Sackville † 1608, John Fletcher † 1625, Thomas Otway † 1685, Percy Bisshe Shelley † 1822; *Гантъ:* Nicolas Udall † 1556, Ed. Joung † 1765, Charles Dickens 1812—1870; *Вильтъ:* Philipp Massinger † 1639, Thomas

ной степени и многочисленные инородческіе языки сѣв. Америки, съ прибрежьями южной Африки, Восточной Индіи и Австраліи, общеанглійскій языкъ не могъ и до сихъ поръ вполнѣ осилить одного лишь противника: таковымъ былъ языкъ латинскій въ научной литературѣ и церковномъ употребленіи. Выше отмѣчено уже время и условія его появленія въ Великобританіи, сначала въ качествѣ государственнаго и общекультурнаго языка римскихъ завоевателей, а затѣмъ — съ миссіонерами латинской церкви, свившими себѣ теплое гнѣздо въ Кентербэри и оттуда раскинувшими паутинную сѣть по всей Англіи. Подавивъ въ Нортумбріи, Шотландіи, Ирландіи и на отдаленныхъ Гебридахъ цвѣтущую нѣкогда ирскую церковь, съ ея развѣтвленіями и миссіями, англосаксонскіе, англонормандскіе и англійскіе слуги Рима, казалось, готовы уже были заколоть на его жертвенникѣ свой собственный языкъ и народность [1]). Но въ это время появился въ лицѣ Виклефа благодѣтельный духъ, удержавшій ихъ руку. Разъ закравшееся въ англійское сознаніе сомнѣніе въ единоспасаемости латинскаго языка и церкви не исчезало уже изъ него ни въ XV-мъ, ни въ XVI-мъ в., проявляясь въ оппозиціонной проповѣди лоллардовъ и другихъ сектаторовъ. Они добились наконецъ образованія національной церкви — епископальнаго, пресвитеріанскаго, методистскаго, баптистскаго и многочисленныхъ другихъ толковъ, связанныхъ между собою общимъ отвращеніемъ отъ латыни въ литур-

---

Hobbes † 1679, Joseph Addison † 1719, Thomas Talfourd † 1854; *Сомерсетъ:* Samuel Daniel † 1619, Henry Fielding † 1754; *Девонъ*: John Peele † 1598, John Ford † 1639, John Gay † 1732, Samuel Taylor Coleridge † 1834, Charles Kingsley 1875, James Anthony Froude 1818—; *Корнваллъ:* Joung Samuel Foote † 1777; *Глочестеръ* (*съ Бристолемъ*): William Tyndal † 1536, John Locke † 1704, Thomas Chatterton † 1770, Robert Southey † 1845; *Герефордъ*: David Garrick † 1779, Elisabet Barret-Browning † 1861.

[1]) Ср. Morris, Historical outlines 31.

гическомъ употребленіи и общею замѣною ея англійскимъ „стандардомъ“ [1]).

Одновременно съ тѣмъ и въ научной области латынь стала постепенно терять подъ собою почву, особенно въ сочиненіяхъ политическаго и философскаго содержанія. Едва ли не послѣдними крупными вкладами въ эту infima latinitas со стороны англичанъ были: 1. Utopia Томаса Мора, изданная въ 1516 г. на латинскомъ и лишь въ 1551 г. на англійскомъ языкѣ [2]); 2. Instauratio Magna (1623 сл.) Франциска Бэкона; 3. латинскія стихотворенія и трактаты Джона Мильтона, и 4. Philosophiae naturalis principia mathematica (1686 сл.) Исаака Ньютона. Но всѣ эти славные писатели, особенно первый и третій, пользовались и англійскимъ языкомъ въ сочиненіяхъ научнаго содержанія. Бэконъ прославился своими англійскими essay въ монтеневскомъ родѣ не менѣе, чѣмъ латинскими фоліантами. Многіе же другіе знаменитые философы и ученые съ XVII-го в. издаютъ важнѣйшіе свои трактаты на народномъ языкѣ [3]).

Такимъ образомъ, научную область англійскій языкъ окончательно отвоевалъ отъ латинскаго съ XVII-го в. Но въ церковномъ употребленіи послѣдній еще кое-гдѣ уцѣлѣлъ (особенно въ Ирландіи и сѣверной Америкѣ) у англичанъ, а еще болѣе у кельтовъ римскаго вѣроисповѣданія. Нельзя сомнѣваться, что столь могущественный и ревнивый къ своимъ правамъ языкъ, какъ англійскій „стандардъ“ [4]), вытѣснитъ стараго соперника и изъ этой послѣдней его твердыни [5]).

---

[1]) Ср. Warton, The history ³ 756.

[2]) Morley, A first Sketch 229.

[3]) Напр. Локкъ: Essay concerning human unterstanding (1690 г.); Беркли (Berkeley): Treatise on the principles of human knowlegde (1710 г.); Юмъ (Hume): Treatise upon human nature (1738 сл.) и др.

[4]) Олифантъ К. сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ турецкими султанами, которые не терпѣлъ братьевъ по близости трона! Oliphant K., New English I, 624.

[5]) Ср. R. C. Trench, English past and present ¹¹ 41.

Все чаще раздаются жалобы и на непригодность латинской азбуки къ выраженію звуковъ англійскаго языка, которыхъ почти вдвое болѣе, чѣмъ латинскихъ буквъ, вслѣдствіе чего англійская орѳографія по трудности и запутанности напоминаетъ китайскую! Имя напр. Виклефа пишется 28-ью различными способами, Рали (Raleigh) же и Шекспира—и того болѣе [1]). Нужно ожидать, что Сѣв. Америка подастъ примѣръ Великобританіи въ освобожденіи англійскаго языка отъ путъ этой безобразной графики и орѳографіи, навязанной ему двумя поработителями — римскимъ и нормандскимъ [2]).

Въ настоящее время „стандардъ" служитъ высшимъ государственнымъ, общественнымъ и литературнымъ органомъ народа, насчитывающаго въ Великобританіи, Сѣверно-Американскихъ Штатахъ и колоніальныхъ владѣніяхъ Англіи до 90 мил. душъ [3]). Онъ господствуетъ до извѣстной степени и надъ многими инородческими языками, разбросанными по всѣмъ частямъ свѣта на территоріи, равной седьмой части суши, при общемъ числѣ жителей до 250 милліоновъ [4]). Правда, нѣкоторые изъ этихъ народовъ имѣютъ особые, весьма старые и сильные литературные языки, какъ напр. индустанскій въ Передней Индіи, китайскій въ Задней. Но политическая зависимость отъ Великобританіи заставляетъ и этихъ инородцевъ видѣть въ queen's english [5]) какъ бы высшій „имперскій" языкъ, употребленіе котораго обязательно въ сношеніяхъ оффиціальныхъ и даже въ частныхъ — международнаго характера.

Какой широкій просторъ для развитія „стандарда" открытъ этой многолюдностью англійскаго населенія и обширностью принадлежащихъ ему такъ или иначе материковъ и океановъ, островомъ и морей, государствъ и областей! Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ „стандардъ" поставленъ

---

[1]) Ibid. 334, 336. Cp. Morris, Hist outlines 62.

[2]) Cp. Warton, The history of english poetry [3] 11.

[3]) Cp. Reclus, N. Géographie IV, 360.

[4]) Ibid, IV, 357. Cp. King. Oliph. II, 231.

[5]) Cp. Storm, Englische Philologie I, 224.

еще выгоднѣе испанскаго языка, который долженъ былъ раздѣлить свои владѣнія въ Европѣ, южной Америкѣ и на Великомъ Океанѣ съ португальскимъ. Изъ всѣхъ аріоевропейскихъ языковъ одинъ русскій можетъ соперничать по многолюдству и простору съ англійскимъ; но и онъ уступаетъ послѣднему по степени литературной обработки и по наличности завоеванныхъ уже нынѣ международныхъ позицій, особенно на океанахъ. Самая смѣшанность лексикальнаго состава и крайнее упрощеніе грамматическаго строя „стандарда", по которымъ онъ занимаетъ исключительное положеніе между всѣми аріоевропейскими языками, благопріятствуютъ его международной распространенности, благодаря особенной легкости изученія его не только германцами, но и романцами. Аналитическій строй роднитъ его и съ новоиндійскими языками, все рѣзче обозначающійся моносиллабизмъ — съ китайскимъ, крайняя же простота строенія — съ малайскимъ и другими языками низшей организаціи. Всѣхъ этихъ преимуществъ лишенъ молодой, цѣльный, стройный и трудный для изученія языкъ русскій, почему мы готовы согласиться съ предсказаніемъ Якова Гримма, что „англійскому языку суждено господствовать во всѣхъ частяхъ свѣта" [1]), — по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ океаническихъ. На материкахъ онъ долженъ будетъ раздѣлить господство съ нѣкоторыми другими язы-

---

[1]) J. Grimm, Ursprung der Sprache, 1832 г., стр. 50. Cp. Trench, The English " 44. Тренчъ (English 42) пророчитъ не только англійскому языку, но и англиканской церкви высокую роль — объединителей человѣческаго рода, ссылаясь на промежуточное положеніе перваго и второй между германизмомъ и романизмомъ, протестантствомъ и папизмомъ. Но есть на земномъ шарѣ не мало народовъ, чуждыхъ и германизму и романизму, о которыхъ кажется забылъ авторъ. Съ другой стороны онъ самъ не безъ тревоги указываетъ на возможность язычнаго отдѣленія Америки отъ Англіи (English 65), которое могло бы парализовать и дальнѣйшіе успѣхи „стандарда".

ками—испанскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, въ особенности же русскимъ.

Не легко впрочемъ достигнуто англійскимъ языкомъ столь выдающееся положеніе. Оно досталось ему лишь послѣ тысячелѣтней борьбы съ антагонизмами областныхъ разнорѣчій, съ сопротивленіемъ остатковъ кельтизма, съ преданіями Рима императорскаго и притязаніями папскаго, съ наносными слоями норманизма сѣвернаго и южнаго, скандинавскаго и французскаго, а наконецъ — съ литературными вторженіями классицизма настоящаго и мнимаго, греческаго и римскаго, итальянскаго, испанскаго и французскаго.

Вдобавокъ ко всему этому, англотевтонамъ пришлось дважды совершать ту трудную работу образованія общаго языка, которая въ другихъ западныхъ странахъ производилась въ одинъ пріемъ.

Какимъ же преимущественно дѣятелямъ и силамъ обязана Великобританія своимъ полнымъ торжествомъ надъ стольkими затрудненіями и успѣшнымъ двукратнымъ разрѣшеніемъ задачи, которая индѣ и разъ не удавалась?

Вспоминая изложенныя выше данныя изъ исторіи языковъ англосаксонскаго и англійскаго, мы замѣчаемъ, что образованіе сначала общаго альфредовскаго, а потомъ общаго чосеро-шекспировскаго языка совершилось при взаимодѣйствіи очень многихъ физическихъ и нравственныхъ пружинъ и силъ.

Первою изъ этихъ силъ была природа Великобританіи и особенности ея географическаго положенія. Островной характеръ этой страны выдѣлялъ ее отъ сосѣднихъ материковыхъ странъ—Норвегіи, Даніи, Шлезвигъ-Голштиніи, приморья Фризскаго, Голландскаго и Фламандскаго, наконецъ Пикардіи, Нормандіи, Бретани. Благодаря тому ни одной изъ означенныхъ странъ не удалось прочно подчинить себѣ Великобританію въ язычномъ отношеніи. Съ другой стороны, географическое единство острова, безспорное при всей его горизонтальной и вертикальной разчлененности, должно было рано или поздно привести къ утвер-

жденію въ немъ общаго языка. Да и величина этого острова не столь значительна, чтобы обезпечить существованіе и успѣшное развитіе на немъ двухъ или болѣе языковъ. Зависимость же Ирландіи отъ Британіи въ язычномъ, какъ и въ прочихъ культурныхъ отношеніяхъ, также предрѣшена была ихъ взаимною близостью, климатическимъ сходствомъ, меньшимъ объемомъ „Зеленаго Ерина“ и болѣе слабымъ развитіемъ его береговъ, напоминающимъ скорѣе Критъ, Родосъ, Сардинію, чѣмъ Британію. Наконецъ, и бо́льшее разстояніе Ирландіи отъ культурныхъ центровъ Европы должно было замедлять движеніе ея исторической жизни и ослаблять силу культурныхъ воздѣйствій.

Что касается отдѣльныхъ частей Англіи, то всего благопріятнѣе въ географическомъ смыслѣ расположена та ея часть, которая входитъ въ систему Темзы, какъ самой длинной, судоходной и хлѣбной (corn-counties) ея рѣки. Ни сѣверный Трентъ, ни западный травянистый (grazing-counties) Севернъ не могли въ этомъ соперничать съ рѣкою серединною, которой устье образуетъ портъ, превосходящій всѣ прочіе на островѣ по обширности, глубинѣ и расположенію въ непосредственной близости къ материку, близъ слиянія Ламанша съ Сѣвернымъ моремъ, въ равномъ почти разстояніи отъ Гибралтара и Сѣвернаго мыса. Гумберъ и Севернъ должны были въ концѣ концовъ стушеваться передъ Темзою, а съ тѣмъ вмѣстѣ — Іоркъ и Бристоль передъ старокельтскимъ, а затѣмъ римскимъ, саксонскимъ, англійскимъ Лондономъ.

Торжеству Англіи южной надъ сѣверною, а во второй періодъ — серединно-восточной надъ всѣми прочими частями Великобританіи, не мало содѣйствовалъ и племенной составъ ея населеній. На сѣверозападѣ доживали свой вѣкъ обезсиленныя уже Римомъ остатки кельтовъ, тогда какъ въ областяхъ южныхъ, серединныхъ и восточныхъ сосредоточены были съ V-го в. свѣжія германскія племена нижненѣмецкаго корня, въ нѣсколько пріемовъ и очень сильно насыщенныя примѣсью скандинавскою, особенно датскою, а съ XI-го в. — и нормандскою. Антагонизмъ ти-

повъ сѣвернаго и южнаго, англійскаго и саксонскаго, впослѣдствіи англо-датскаго и саксо-нормандскаго, послѣ временнаго перевѣса Нортумбріи, а потомъ Вессекса, разрѣшился въ XIV-мъ в. окончательнымъ и безвозвратнымъ торжествомъ типа серединнаго, какъ наиболѣе сложнаго, соединяющаго въ себѣ косную устойчивость саксовъ со смѣлою предпріимчивостью датчанъ, легкою воспріимчивостью, живымъ воображеніемъ и неукротимой энергіей норманновъ.

Всѣ преимущества географическаго и этнографическаго расположенія англичанъ центральныхъ отразились и на особенностяхъ ихъ нарѣчія, какъ совмѣщающаго въ себѣ діалектическія противоположности сѣвера и юга и примиряющаго ихъ въ высшемъ единствѣ. Будучи вслѣдствіе того легко доступно и сѣверянамъ и южанамъ, серединное нарѣчіе быстро разливалось по ихъ областямъ, такъ что изъ очень слабаго въ Альфредовское время мерсійскаго зародыша постепенно разрослось на счетъ тѣхъ и другихъ, и къ XIV-му в. было уже самымъ распространеннымъ въ Великобританіи. Особенно важно было завоеваніе этимъ нарѣчіемъ Лондона и Оксфорда, входившихъ первоначально въ поясъ южнаго нарѣчія. Лондонъ, преимущества положенія котораго отмѣчены еще Тацитомъ, уже въ средніе вѣка былъ самымъ многолюднымъ и торговымъ городомъ Великобританіи, подъ Плантагенетами же онъ сталъ и столицей Англіи. Съ тѣхъ поръ ни Винчестеръ, ни Іоркъ, ни Линкольнъ не могли съ нимъ соперничать. Они постепенно подчинились экономическому, общественному и политическому вліянію мидельсекскаго города, судьба котораго съ XIV-го вѣка тѣсно связана съ судьбою Англіи и всей Великобританіи. Понятно, что и разговорная рѣчь Лондона должна была отразиться на строеніи и составѣ литературнаго и государственнаго языка. Оксфордъ же былъ нѣкоторое время главнымъ средоточіемъ и разсадникомъ высшаго образованія въ Англіи, особенно по наукамъ гуманитарнымъ. Его можно назвать Болоньей и Саламанкой сѣвера, а вмѣстѣ прототипомъ для прочихъ высшихъ школъ

его. Долго жилъ въ немъ духъ Виклефа и вражда въ римскимъ притязаніямъ [1]). Оксфордъ былъ мѣстомъ то образованія, то ученой дѣятельности многихъ славныхъ людей Англіи и притомъ—начиная уже съ XIII-го в., тогда какъ ученая слава Кембриджскаго и прочихъ великобританскихъ университетовъ относится къ болѣе поздней порѣ, къ XV-му, XVI-му и сл. вѣкамъ [2]).

Заключая на своей площади столицу Англіи и важнѣйшіе разсадники высшаго образованія, серединное нарѣчіе, особенно восточная его часть, оказалось болѣе производительнымъ и въ научно-литературной области, чѣмъ прочія разнорѣчія. Достаточно вспомнить, что изъ среды восточно-мидлендцевъ вышли: Чосеръ, Моръ, Гринъ, Спенсеръ, Шекспиръ, Бэконъ Веруламскій, Мильтонъ, Ньютонъ, Драйденъ, Попъ, Самуилъ Джонсонъ, Байронъ, Маколей, Теннисонъ, Броунингъ.

---

[1]) Ср. Warton, The history [3] 195, 204.

[2]) Вотъ перечень болѣе извѣстныхъ людей, вышедшихъ изъ великобританскихъ университетовъ: А. *изъ Оксфордскаго:* Roger Bacon, Duns Scotus, Occam, Richard Rolle of Hampole? John Wyclif, John Gower, Reginald Pecock, John Skelton, Thomas Wolsey, Thomas More, George Peele, John Lily, Thomas Lodge, George Chapman (былъ и въ Кембриджскомъ), Philippe Massinger, Abraham Cowley (и въ Кембриджскомъ), Thomas Hobbes, Thomas Otway, John Locke, Joseph Addison, William Wycherley, Richard Steele, Jonathan Swift, Edward Gibbon, P. B. Shelley, Robert Southey, William Wordswort, A. Tennyson, Swinburne, Froude; Б. *изъ Кембриджскаго:* John Bale, George Gascoigne, Thomas Wyatt, Hugh Latimer, Roger Asham, Edmund Spenser, Robert Greene, Kit Marlowe, Thomas Nash, Ben Johnson? John Fletcher? Thomas Middleton, Thomas Heywood, Francis Bacon, Joseph Hall, John Denham, John Milton, Butler, Nathaniel Lee, Dryden, L. Sterne, Thomas Gray, S. T. Coleridge, Lord Byron, Bulwer, Thakerey, Ch. Kingsley, Macaulay, Freeman; В. *изъ Единбургскаго:* Gawin Douglas, James Thomson, Walter Scott? Carlyle; Г. *изъ Сентъ-Андревскаго:* William Dunbar, David Lyndesay; Г. *изъ Дублинскаго:* Swift (и въ Оксфордскомъ), Will. Congreve, Oliver Goldsmith, Thomas Moore.

Но не одни природные мидлендцы жили и дѣйствовали въ Лондонѣ. Онъ служилъ центромъ притяженія для даровитыхъ дѣятелей изъ самыхъ отдаленныхъ областей Великобританіи. Доказательствомъ можетъ служить Вестминстерское аббатство, этотъ Сенъ-Дени и вмѣстѣ Пантеонъ Англіи, гдѣ почиваютъ рядомъ со знаменитѣйшими ея королями, полководцами, министрами, художниками, и герои слова и пера: Чосеръ, Бенъ Джонсонъ, Спенсеръ, Мильтонъ, Казобонъ, Грей, Бутлеръ, Драйденъ, Аддисонъ, Ньютонъ, Гершель, Гольдсмитъ, Конгревъ, Томсонъ, Соути, Диккенсъ, Теккерей, Маколей [1]) и мн. др.

Съ XIV-го в. благодаря дѣятельности въ Оксфордѣ Виклефа, въ среднюю Англію переносится центръ и религіозныхъ движеній Великобританіи. На серединно-восточный діалектъ переведены и первая, и вторая англійскія Библіи, а затѣмъ — литургическія и другія молитвенныя книги епископальной, пресвитеріанской и второстепенныхъ диссидентскихъ церквей; на немъ происходили синодальныя совѣщанія и велась ожесточенная полемика этихъ церквей какъ между собою, такъ и съ общимъ врагомъ— Римомъ. При замѣчательной же энергіи чувства и напряженности религіозныхъ движеній въ средѣ англосаксовъ, затѣмъ англонормановъ и наконецъ англичанъ, роль церковныхъ реформаторовъ и писателей Англіи, особенно Виклефа и Тиндаля, не уступаетъ значенію Чосера и Шекспира въ дѣлѣ разработки и распространенія англійскаго „стандарда“.

Наконецъ, и государственная жизнь Великобританіи замѣтно отразилась на исторіи этого языка. Какъ въ періодъ англосаксонскій политическое преобладаніе Вессекса надъ Кентомъ и Мерсіей, Восточной Англіей и Нортумбріей въ IX—X вѣкахъ возвысило южное нарѣчіе до роли общаго языка англосаксовъ и датчанъ; какъ въ англонормандскій затѣмъ періодъ государственная власть под-

---

[1]) Cp. Reclus, N. Géogr. IV, 520.

чинила всѣ мѣстные діалекты принесенному изъ-за моря французскому,—такъ и въ третій, англійскій періодъ великобританской исторіи государство оказало срединно-восточному нарѣчію могущественное содѣйствіе къ возвышенію до роли общаго языка. На кого не дѣйствовала внутренняя сила языка Чосера и Спенсера, Шекспира и Мильтона; кто былъ недоступенъ и церковному его обаянію въ переводѣ библейскихъ и литургическихъ книгъ, въ богословной литературѣ и живой проповѣди,—тотъ все-таки долженъ былъ признать и подчиниться авторитету „языка королевскаго" (king's english), языка законовъ, управленія, судовъ, школъ,—словомъ, всѣхъ высшихъ проявленій публичной жизни. Такъ напр. хотя торжество англійскаго „стандарда" въ Шотландіи было предопредѣлено уже всѣмъ ходомъ ея народной и общественной литературной и религіозной жизни, особенно со времени принятія протестанства,—тѣмъ не менѣе окончательный ударъ нанесенъ былъ шотландскому діалекту лишь династическими связями двухъ государствъ, а затѣмъ политической ихъ уніей съ 1603 года. Правда, Стюарты не могли удержаться на англо-шотландскомъ престолѣ, какъ Ягайловичи на польско-литовскомъ, а Фердинандовичи на арагонско-кастильскомъ. Но дальнѣйшая судьба Стюартовъ не имѣла уже вліянія на положеніе ихъ отечественнаго діалекта, который и при Кромвелѣ, и при Вильгельмѣ Оранскомъ, и при Ганноверцахъ не возвратилъ своей прежней государственной и литературной независимости. Въ этомъ заключается главное преимущество общеанглійскаго языка передъ общеиспанскимъ, который при Филиппѣ II тоже успѣлъ было подчинить въ значительной степени своего послѣдняго соперника на полуостровѣ — языкъ португальскій, но не въ силахъ былъ упрочить это подчиненіе, какъ это посчастливилось „стандарду" въ Шотландіи. Вотъ почему южная Америка и донынѣ раздѣлена взаимнымъ антагонизмомъ двухъ родственныхъ романскихъ языковъ — испанскаго и португальскаго, взаимно ослабляющихъ другъ друга, какъ и въ метрополіи; тогда какъ Америка сѣверная, англій-

ская, объединена нравственно общимъ языкомъ. Это даетъ послѣднему важное преимущество въ Новомъ свѣтѣ, которымъ янки, нѣтъ сомнѣнія, сумѣютъ воспользоваться въ будущемъ, если ихъ рѣчь не оторвется отъ языка метрополіи [1]).

Итоги изложеннаго очерка мы сводимъ въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ:

1. Англійскій живой языкъ распадается на три нарѣчія: сѣверное, серединное и южное, которыхъ взаимное разстояніе приблизительно соотвѣтствуетъ испано-португальскимъ.

2. Нарѣчія эти восходятъ началами своими къ глубокой древности и коренятся на племенномъ различіи германскихъ завоевателей Великобританіи — англовъ, ютовъ и саксовъ, въ связи со степенью кельтской помѣси и позднѣйшими этническими наносами, особенно датско-норвежскими и нормандско-французскими.

3. Образованіе общаго языка совершилось въ Великобританіи въ два полныхъ оборота, въ періоды: а) англосаксонскій и б) англійскій.

4. Общій англо-саксонскій языкъ развился въ эпоху Альфреда Великаго на почвѣ вессекскаго діалекта, при живомъ взаимодѣйствіи его съ кентскимъ, мерсійскимъ и въ особенности съ нортумбрскимъ діалектомъ.

5. Нормандскій погромъ прекратилъ существованіе Альфредовскаго общаго языка, низведши его до роли второстепеннаго діалекта, наравнѣ съ прочими англо-саксонскими подчиненнаго языку французскому.

6. Одновременно съ измѣненіемъ внѣшняго положенія англо-саксонскихъ діалектовъ произошли въ XI—XII вв. глубокіе перевороты въ ихъ строеніи и составѣ, особенно въ нарѣчіяхъ сѣверномъ и серединномъ, подъ вліяніемъ датскихъ и иныхъ примѣсей.

---

[1]) Cp. Trench, English 65; Storm, Engl. Philologie I, 299, 301, 334.

7. Отличный отъ англо-саксонскаго англійскій языкъ постепенно выдвигается съ половины XIII-го в. въ діалектической литературѣ—сначала кентской и вессекской, потомъ въ нортумбрской, а съ XIV-го в. и въ серединной.

8. Со второй половины XIV-го в. діалектъ серединно-восточный постепенно утверждается въ употребленіи придворномъ, государственномъ и общественномъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ получаетъ высшую поэтическую и прозаическую обработку, особенно въ сочиненіяхъ Чосера и Виклефа.

9. Въ XV-мъ вѣкѣ діалектъ этотъ постепенно вытѣсняетъ прочіе къ югу отъ р. Трента, получая окончательную и устойчивую форму въ печатныхъ изданіяхъ Какстона и его продолжателей.

10. Въ XVI-мъ в. прозаическій стиль достигаетъ высшей обработки въ библіи Тиндаля, поэтическій же — въ драмахъ Шекспира и другихъ произведеніяхъ золотого Елисаветинскаго періода.

11. Съ тѣхъ поръ діалектическая литература постепенно замираетъ и на сѣверѣ, въ Шотландіи, гдѣ она съ успѣхомъ развивалась съ конца XIV-го по половину XVI-го вѣка.

12. Съ XVI—XVII-го в. утвердился „стандардъ" въ Ирландіи и Сѣверной Америкѣ, на почвѣ кельтскихъ и индѣйскихъ языковъ, а до нѣкоторой степени и въ прочихъ заокеанскихъ колоніяхъ Великобританіи. Онъ господствуетъ теперь на площади, равной седьмой части суши.

13. Это величіе общеанглійскаго языка возникло отъ взаимодѣйствія многихъ благопріятныхъ условій и силъ, особенно — островного характера территоріи, даровитаго типа серединно-англійскаго населенія, величія его столицы—Лондона, замѣчательной умственной производительности, при содѣйствіи факторовъ государственныхъ и церковныхъ.

14. Единство англобританскаго, англоамериканскаго и англоиндійскаго языка въ высшихъ областяхъ мысли

и жизни и особенности его внутренняго строя объясняютъ изумительные успѣхи этого языка на всѣхъ материкахъ и океанахъ. Единство это надолго обезпечиваетъ за англійскимъ языкомъ перевѣсъ въ международной области передъ прочими міровыми языками, не исключая французскаго и русскаго.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

Образованіе общаго нѣмецкаго языка.

Англійскій языкъ при всемъ своемъ величіи и распространенности не составляетъ однако главнаго ствола тевтонскаго язычнаго древа ни въ языковѣдномъ, ни въ историческомъ отношеніяхъ. Подобно языкамъ нордскимъ (исландскому, норвежскому, шведскому, датскому), англійскій является одною изъ окраинныхъ вѣтвей этого дерева; серединный же его стволъ разрося на материкѣ Европы, впившись корнями въ предгорья Альпъ, въ отроги Чернаго и Тевтобургскаго лѣсовъ, Гарца и Смерчинъ, отчасти даже Шумавы, Рудогорья и Судетовъ. Раскидистыя его вѣтви прикрываютъ пространство отъ Шельды, Арденнъ, Вогезовъ и швейцарской Юры на западѣ до нижней Вислы, средней Одры и пресловутой Литавы на востокѣ, а отъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей на сѣверѣ до Монте-Розы, Сенъ-Готарда и Ортлера на югѣ. Отдѣльные же отпрыски могучаго нѣмецкаго племени выбѣгаютъ далеко вглубь смежныхъ романскихъ и славянскихъ земель, къ Па-де-Кале и Тріенту, Прешпурку и Королевцу [1]).

Если мы назовемъ англійскую вѣтвь тевтонскихъ языковъ островною, а нордскую полуостровною, то нѣмецкую группу придется наименовать материковымъ ихъ стержнемъ.

---

[1]) Ср. Behaghel, у Paul, Grundriss der Germanischen Philologie I, 526, 528.

Разнообразіе географическихъ, этнологическихъ и историческихъ условій жизни этого материковаго тевтонизма отразилось на діалектическихъ его отношеніяхъ — въ крайнемъ дробленіи нѣмецкаго языка на подъязыки, нарѣчія, разнорѣчія, говоры, едва ли не превышающемъ дробность итальянскихъ, французскихъ, славянскихъ нарѣчій.

Главныхъ діалектическихъ группъ въ нѣмецкомъ языкѣ нашего времени принимается три:

А. верхненѣмецкая,

Б. серединнонѣмецкая и

В. нижненѣмецкая.

Первая господствуетъ въ подъюрской и подъальпійской части материковой Тевтоніи, отъ Фрейбурга, Базеля и Страссбурга до Градца, Прешпурка и Знойма, т. е. въ нѣмецкой Швейцаріи и Эльзасѣ, южныхъ частяхъ Бадена, Виртемберга и Баваріи и въ нѣмецкихъ областяхъ Австріи.

Вторая группа расположена въ серединѣ Германіи, приблизительно отъ Меца, Люксенбурга и Ахена до Брега, Вратиславля и Кросна, съ обходомъ на сѣверѣ чешскихъ частей Богеміи. Тутъ лежатъ: сѣверныя части Эльзаса, Бадена, Баваріи, область зарейнская съ Пфальцемъ, земли Франконскія, Гессенскія, Тюрингскія, Верхнесаксонскія, Лужицкія, Слезскія.

Третья наконецъ, нижненѣмецкая группа занимаетъ равнины, прилегающія къ Сѣверному и Балтійскому морямъ, въ низовьяхъ Рейна, Везера, Лабы, Одры, Вислы, въ областяхъ: Фландріи, Брабантѣ, Голландіи, Фризіи и Шлезвигъ-Голштиніи, Вестфаліи и Ганноверѣ, Браниборѣ, Мекленбургѣ и Поморьѣ, а отчасти въ западныхъ и восточныхъ Пруссахъ [1]).

---

[1]) Точное разграниченіе областей верхненѣмецкихъ, серединнонѣмецкихъ и нижненѣмецкихъ представить трудно, въ виду существованія между ними во многихъ мѣстахъ переходныхъ формъ и незамѣтныхъ переливовъ; но приблизительныя грани между ними пролегаютъ: I. между А. и Б.:

Каждая изъ трехъ означенныхъ группъ нѣмецкаго языка, особенно же А. и В. настолько самостоятельны, что нерѣдко имъ присвояется названіе отдѣльныхъ языковъ: верхненѣмецкаго, . серединнонѣмецкаго, нижненѣмецкаго. Другіе зовутъ ихъ тремя нарѣчіями одного языка. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ пойти въ этомъ среднимъ путемъ и назвать группы А, Б, В тремя подъязыками нѣмецкаго корня [1]).

Послѣдніе распадаются въ свою очередь на довольно значительное число меньшихъ діалектическихъ единицъ, которыя можемъ назвать нарѣчіями. Таковы:

I. въ группѣ А:

1. нарѣчіе алеманское, съ примыкающими къ нему разнорѣчіями: эльзасскимъ и швабскимъ; 2. нарѣчіе баварское, съ отдѣльными разнорѣчіями: верхне-пфальцскимъ (сюда и говоры: нюренбергскій и эгерландскій или хебскій) и австрійскимъ (сюда и говоры: тирольскій, зальцбургскій, штирійскій [2]);

по параллели 49° с. ш. отъ Гагенау до Гейльброна, далѣе же съ наклономъ къ сѣв. востоку, къ параллели 50° сѣв. ш., по направленію отъ Нюренберга къ г. Хебу (Eger); II. между Б. и В.: отъ Лимбурга близъ Ахена, мимо Бенрата, къ В. достигаетъ р. Лабы у Магдебурга, далѣе къ Виттенбергу, Люббену, Фюрстенбергу и Бирнбауму, а далѣе еще нѣсколько сѣвернѣе, въ направленіи къ Познани. Ср. Bernhardy, Sprachkarte von Deutschland [2] 1849. Kassel. 110, 104 сл. То же приблизительно у Behaghel въ Paul's Grundr. d. G. Phil. I, 535, 538. По Haushalter'у (Üb. die Grenze zwischen dem hoch- und niederd. Sprachgebiete östlich der Elbe. Halle 1886) жители при распросахъ отрицаютъ между hd. и ndd. грань географическую, а лишь сословную Ср. Socin A., Schriftsprache u. Dialecte im Deutschen. Heilbronn 1888 г. I, 351; Dannehl G., Ueber niederdeutsche Sprache und Litteratur, Berlin 1875, стр. 20—23; Kluge F., Von Luther bis Lessing [2] 1888. Strassburg. См. карту.

[1]) Иные причисляютъ Б къ А, напр. Behaghel, у Paul Grundr. d. G. Phil. I, 537.

[2]) Приблизительной границей нарѣчій алеманскаго и баварскаго служатъ: рр. Адидже и Иннъ, Констанцкое озеро, рр. Лехъ, Дунай и Верницъ. Ср. Weinhold K., Grammatik der

II. въ группѣ Б:

3. нарѣчіе франкское, съ разнорѣчіями: нижнепфальцскимъ (Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ) и кельнскимъ (Кобленцъ, Ахенъ, Кельнъ, Дюссельдорфъ) на западѣ, а франконскимъ (Вюрцбургъ, Бамбергъ, Гофъ, Мейнингенъ) и гессенскимъ (Франкфуртъ, Марбургъ, Фульда, Кассель) — на востокѣ; и 4. нарѣчіе тюрингское (Гота, Эрфуртъ, Веймаръ), съ разнорѣчіями: верхнесаксонскимъ (Галле, Липскъ, Мишень, Дрездно) и слезскимъ (Згорѣлецъ, Легница, Вратиславль [1]);

III. въ группѣ В:

5. нарѣчіе нидерландское, считаемое иными особымъ подъязыкомъ [2]), съ разнорѣчіями: фламандскимъ (въ с. з. Бельгіи), брабантскимъ (въ сѣв. Бельгіи и южной Голландіи) и голландскимъ (Гага, Ротердамъ, Утрехтъ, Амстердамъ); 6. нарѣчіе фризское, съ поднарѣчіями: западнофризскимъ (между Зюйдерзее и Доллартомъ), восточнофризскимъ (между Доллартомъ и Яде) и сѣверно-фризскимъ (на островахъ Гельголандѣ, Фэрѣ, Султѣ и прибрежьяхъ Шлезвига [3]); и 7. нарѣчіе нижнесаксонское или собственно-саксское, съ разнорѣчіями: вестфальскимъ (Мюнстеръ, Падерборнъ, Оснабрюкъ), везерскимъ (Бременъ), остфальскимъ (Ганноверъ, Брунсвикъ, Люнебургъ), за Лабой же

---

deutschen Mundarten, Berlin 1863 г., I, 6; Piper P., Die Sprache und Litteratur Deutschlands, Paderborn 1880 г., стр. 14, 16.

[1]) Нарѣчіе франкское лежитъ въ водоскатѣ Рейна, отчасти и Везера (гессенское разнорѣчіе), тюрингское съ саксонскимъ — въ системѣ Лабы, а слезское — въ системѣ Одры. Приблизительной гранью двухъ группъ серединнонѣмецкаго языка служитъ Тюрингскій лѣсъ. Ср. Piper, Die Sprache 17—20; Kluge, Von Lutter и т. д. Sprachkarte; Behaghel, у Paul Grundr. I, 538—540.

[2]) Въ его составъ вошли стихіи нижнефранкская и нижнесаксонская. Ср. W. I. A. Jonckbloet, Geschichte der niederländischen Litteratur, Leipzig 1870—72. I, 11 сл.

[3]) Piper, Die Sprache 21.

—голштинскимъ (сюда Дитмарсъ и Шлезвигъ), поморскимъ (Мекленбургъ съ Руяной и Поморье съ Пруссами) и маркскимъ (Бранниборъ съ Марками [1]).

Къ этой же группѣ примыкаютъ говоры колонистовъ семиградскихъ, ливонскихъ, южнорусскихъ и сѣверноамсамериканскихъ [2]), а также жаргонъ евреевъ нѣмецкихъ, угорскихъ, польскихъ и западно-русскихъ.

Различія трехъ поименованныхъ группъ нѣмецкаго языка весьма значительны. Они распространяются па систему звуковъ и формъ, на фразеологію, синтаксисъ, лексиконъ. Такъ, въ области гласныхъ нарѣчія верхненѣмецкія гораздо цѣльнѣе серединнонѣмецкихъ, изобилующихъ дифтонгами вторичнаго образованія [3]), и гораздо архаичнѣе нижненѣмецкихъ, отбросившихъ множество неударенныхъ гласныхъ, особенно въ позвучьяхъ [4]). Въ системѣ же согласныхъ, наоборотъ, первое мѣсто по чистотѣ и древности занимаютъ нарѣчія нижненѣмецкія, второе—серединныя, послѣднее же — верхнія, въ которыхъ цѣлый рядъ согласныхъ передвинулся на двѣ ступени противъ первоначальнаго расположенія, въ направленіи къ спирантности [5]). Такимъ образомъ группа А отличается наибольшей чистотой гласныхъ, группа В — согласныхъ, группа же Б занимаетъ промежуточное между ними положеніе, примыкая въ консонантизмѣ къ первой, а въ вокализмѣ

---

[1]) Ср. Piper, Die Sprache 20; Dannehl, Ueber niederdeutsche Sprache 4.

[2]) Dannehl 19, 23 сл.

[3]) Такъ вмѣсто верхненѣмецк.: drî, frî, Hûs, Mûs, Lūte, hūte находимъ въ серединнонѣмецкомъ: drei, frei, Haus, Maus, Leute, heute.

[4]) Вмѣсто „нововерхненѣмецкаго“: Die Briefe sind gekommen, по-нижнесаксонски говорится: de brev sünd kam.

[5]) Такъ вм. верхненѣмецкаго zwei находимъ въ нижненѣмецкомъ twei, вм. Herz—Hert, вм. Dorf—dorp, вм. ich—ick, вм. Milch—melk и т. п.

ко второй [1]). Столь существенныя звуковыя различія группъ А, Б, В не могли не отразиться и въ области формъ. Склоненія и спряженія напр. верхненѣмецкія разнообразнѣе, богаче и архаичнѣе нижненѣмецкихъ. Послѣднія уже довольно далеко ушли отъ серединныхъ и верхнихъ по усѣченности флексій, слѣдовательно на пути къ моносиллабизму, характеризующему англійскій и нѣкоторые другіе языки разомкнутаго или аналитическаго строя. Особенно должно это сказать о нарѣчіяхъ саксскомъ и фризскомъ, которыя и въ другихъ отношеніяхъ близко примыкаютъ къ заморскому своему отпрыску — языку англійскому. Нѣсколько консервативнѣе по формамъ нарѣчіе нидерландское, благодаря быть можетъ серединно-нѣмецкимъ (франкскимъ) примѣсямъ и тягучему нраву жителей. Но и оно гораздо бѣднѣе прочихъ рейнскихъ нарѣчій формами, гораздо аналитичнѣе не только алеманскаго, но и нижнепфальцскаго или кельнскаго по строенію. А такъ какъ количество и качество этимологическихъ формъ неизбѣжно отражается на условіяхъ синтактическаго ихъ употребленія, то понятно, что и строй предложенія нижненѣмецкаго основанъ на другихъ, именно позиціонныхъ началахъ, тогда какъ предложенія верхнихъ и серединныхъ нарѣчій скрѣплены болѣе флексіями, чѣмъ размѣщеніемъ словъ.

Не менѣе грамматическаго строя различенъ и лексикальный составъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ группъ. Особенно велика въ этомъ разница между нарѣчіями верхними съ одной стороны, а серединными и нижними — съ другой. Послѣднія во многомъ ближе къ англійскому языку, чѣмъ къ верхненѣмецкимъ нарѣчіямъ.

Но если это такъ, то трудно сопоставлять по степени взаимнаго различія три группы нарѣчій нѣмецкихъ съ діалектическими отношеніями древней Греціи, сближая напр. готскій съ эолическимъ, верхненѣмецкій съ дорическимъ,

---

[1]) Cp. J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, 1848 г. I, 437, 838; Его же Kleinere Schriften, 1864 г. I, 452.

а нижненѣмецкій съ іоническимъ, какъ это дѣлаетъ Я. Гриммъ [1]). Правда, дорическій былъ по преимуществу діалектомъ горнымъ и твердымъ по выговору, какъ верхненѣмецкій; вѣрно и то, что іоническій господствовалъ на водахъ Эллады, какъ нижненѣмецкій на прилегающихъ къ Германіи моряхъ: но все же взаимное разстояніе діалектовъ древнегреческихъ было гораздо ближе и можетъ сравниться скорѣе со взаимнымъ удаленіемъ нарѣчій алеманскаго и баварскаго, или нидерландскаго и саксскаго, чѣмъ швабскаго и голштинскаго, или эльзасскаго и поморскаго. Это доказывается какъ сравнительнымъ анализомъ строя и состава этихъ двухъ язычныхъ семей, такъ и непосредственнымъ наблюденіемъ затрудненій, встрѣчаемыхъ нѣмцами при попыткахъ объясняться на нѣсколько удаленныхъ просторѣчьяхъ. Взаимное пониманіе швейцарца и вестфальца, фламандца и тирольца, голштинца и шваба ничуть не легче, чѣмъ во Франціи пикардца и гасконца, въ Италіи ломбардца и сициліанца, въ славянской же семьѣ — русскаго и поляка, чеха и серба [2]). Въ этомъ можно убѣдиться напр. въ Угріи, гдѣ есть колонисты нижненѣмецкіе и верхненѣмецкіе, иногда въ непосредственномъ сосѣдствѣ: взаимное ихъ пониманіе совершенно исключено. Такъ и въ Хебскомъ краѣ (Egerland въ Чехіи) мѣстное просторѣчье баварскаго корня мало понятно не только чехамъ, говорящимъ на образованномъ нѣмецкомъ языкѣ, но и смежнымъ франконцамъ, тюрингцамъ, верхнесаксонцамъ, принадлежащимъ къ серединно-нѣмецкой группѣ. Нарѣчіе

---

[1]) Geschichte d. deut. Sprache I, 834. Ср. Socin, Schriftsprache 470.

[2]) Ср. Rückert H., Geschichte der neuhochdeutschen Schriftsprache, Leipzig 1875 г. I, 224: Das Neuisländische und das Neuhochdeutsche stehen unendlich weiter von einander ab, als Russisch und Čechisch, Italienisch und Französisch. Конечно, нарѣчія нѣмецкія ближе между собою, чѣмъ съ исландскимъ изъ нордской группы; но все же слова Риккерта примѣнимы и къ первымъ, за исключеніемъ развѣ слова „unendlich“.

фризское съ трудомъ понимаетъ и берлинецъ, окруженный говорами нижненѣмецкими; для дрезденца же, веймарца, мюнхенца, вѣнца оно почти столь же чуждо, какъ англійскій языкъ.

Вообще, можно замѣтить, что нарѣчія нижненѣмецкія компактнѣе и ближе между собою,—особенно саксская ихъ группа, расположенная въ большой сѣверногерманской равнинѣ отъ Рейна до нижней Вислы. Дробнѣе говоры серединной группы, занимающіе площадь, раздѣленную и географически, и политически на множество мелкихъ областныхъ единицъ. Но всего больше рѣзкихъ разновидностей въ нарѣчіяхъ верхненѣмецкихъ, подальпійскихъ, гдѣ и этническій составъ населенія сложнѣе, благодаря примѣсямъ крови кельтской, ладинской, славянской.

Лишь водныя жилы, пересѣкающія площадь нѣмецкихъ нарѣчій то въ продольномъ, то въ поперечномъ направленіяхъ и служившія издревле естественными путями народныхъ сношеній и передвиженій, связываютъ до нѣкоторой степени діалектическіе полюсы Германіи и сглаживаютъ ихъ контрасты. Особенно должно сказать это о Рейнѣ, вытекающемъ изъ сердца Алеманіи, перерѣзывающемъ области франкскія и орошающемъ низменности голландскія. Расположенныя на немъ нарѣчія и говоры связаны цѣпью незамѣтныхъ переходовъ, отъ базельскаго къ страссбургскому и шпейерскому, отъ майнцскаго къ кобленцскому и кельнскому, отъ послѣдняго же къ нимвегенскому и утрехтскому. Съ водами Рейна искони сплывали внизъ и алеманскія язычныя формы на почву франкскую, а франкскія — на саксо-батавскую, вслѣдствіе чего нарѣчіе нидерландское представляетъ типъ хотя и нижненѣмецкій, но значительно смягченный, въ сравненіи съ фризскимъ или вестфальскимъ. Подобное значеніе имѣетъ Дунай съ притоками въ поясѣ нарѣчій баварско-австрійскихъ, Лаба же — въ группѣ нарѣчій верхнесаксонскихъ и нижнесаксонскихъ.

Но всѣ эти сглаживающія вліянія рѣчныхъ путей и сношеній не въ силахъ были парализовать діалектическую

разрозненность нѣмцевъ, перешедшую къ нынѣшнимъ поколѣніямъ въ наслѣдіе отъ отдаленнаго прошлаго.

Отъ этого прошлаго сохранилось не мало и прямыхъ свидѣтельствъ, и косвенныхъ указаній на давнее существованіе всѣхъ почти нынѣшнихъ діалектическихъ видовъ и разновидностей нѣмецкаго языка.

Для XVI-го в., времени Лютера и первыхъ опытовъ на общемъ новонѣмецкомъ языкѣ, имѣются положительныя указанія на дробность нѣмецкихъ нарѣчій, на существованіе важнѣйшихъ нынѣшнихъ типовъ и на затрудненія во взаимномъ ихъ пониманіи. Такъ Лаврентій Альбертъ въ Нѣмецкой грамматикѣ 1573 г. жалуется на язычную разорванность нѣмцевъ, не имѣющую-де равной ни въ одномъ другомъ языкѣ [1]). Нѣсколько раньше, въ 1531 г., мейстеръ Гансъ Фабриціусъ тоже упрекалъ своихъ землянововъ въ томъ, что если сойдутся 3—4 нѣмца, то каждый говоритъ на особомъ разнорѣчіи [2]).

Что разнорѣчія эти приблизительно совпадали съ нынѣшними и что главныхъ видовъ нѣмецкаго языка было и тогда три, это явствуетъ, во 1-хъ, изъ часто встрѣчаемыхъ у грамматистовъ того времени терминовъ: hochdeutsch, oberdeutsch, oberländisch, въ противоположеніи терминамъ: niederdeutsch, niederländisch, niedersächsisch, или просто: sächsisch, sassesche düdesch и т. п. [3]). Что ка-

---

[1]) Laurentius Albertus, Teutsch Grammatik 1573 г.: est praeterea dialectorum multivaria detorsio et dissipatio, quantum vix ulla lingua perpessa est. См. Burdach, Die Einigung der neuhochdeutschen Schriftsprache. Halle 1884 г., стр. 9.

[2]) Kluge, Von Luther 50.

[3]) Такое противоположеніе встрѣчаемъ напр. въ предисловіи къ переводу Брантова Narrenschriff 1519 г., въ Базельской Библіи Адама Петри 1523 г., въ кельнскомъ Письмовникѣ (Schryftspiegel) 1527 г., въ Нѣмецкой грамматикѣ Фабіана Франка 1531 г., въ предисловіи къ саксскому переводу Лютеровой Библіи Іог. Бугенгагена 1533—34 гг., въ грамматикѣ и въ баварской хроникѣ Авентина 1533 г., въ Нѣмецкой грамматикѣ Лавр. Альберта 1573 г., а равно въ грамматикахъ

сается, во 2-хъ, серединнонѣмецкаго, то хотя онъ нерѣдко смѣшивался въ XVI-мъ в. съ верхненѣмецкимъ, однако коѐ-гдѣ выдѣлялся уже въ особую группу подъ именемъ mitterteutsch [1]).

И отъ XV-го в. имѣются свидѣтельства о существованіи все тѣхъ же основныхъ діалектическихъ группъ [2]).

1598, 1677 г. и индѣ. Въ Стральзундскомъ Schulordnung 1591 года не только противопоставляется верхненѣмецкое (lingua superioris Germaniae) саксскому, какъ нарѣчіе чужое (idioma peregrinum), но и исчисляются главныя разновидности перваго: misnicum, suevicum, alsaticum, соотвѣтствующія до нѣкоторой степени нынѣшнимъ: верхнесаксонскому, швабскому, алемано-эльзасскому. Ср. Raumer, Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, Frankfurt a/M. 1863 г., стр. 195, 196; Burdach, Die Einigung 4, 17 сл.; Socin, Schriftsprache 174 сл., 254, 276; Dannehl, Ueb. ndd. Sprache 8.

1) Такъ напр. въ Букварѣ Себастіана Гельбера 1593 г., гдѣ языкъ mitterteutsche, употребляемый въ верхней Саксоніи, Тюрингіи, восточной и рейнской Франконіи, Пфальцѣ (нижнемъ) и Эльзасѣ (?), поставленъ отдѣльно отъ дунайскаго (т. е. баварско австрійскаго) и верхне-рейнскаго (т. е. алеманскаго). Да и раньше Гельбера встрѣчаются указанія на замѣченную отдѣльность средненѣмецкой группы нарѣчій, напр. у Гесснера въ предисловіи къ Словарю Малера 1560 г., гдѣ противопоставляется рѣчь Липска говорамъ Авгсбурга и Базеля, т. е. верхнесаксонская—баварской и алеманской. И Fabian Frank въ Orthographie 1531 г. отмѣтилъ, что тюрингцы и гарцлендцы по языку занимаютъ середину между Ober- и Niederländer. Положимъ, въ этихъ указаніяхъ могли имѣться въ виду не столько просторѣчья, сколько рѣчь образованныхъ сословій; но въ XVI-мъ вѣкѣ между ними не было еще тѣхъ глубокихъ различій, какія выработались позже, по утвержденіи общаго языка. Ср. Burdach 19 сл.; Socin 256.

2) Терминъ „верхненѣмецкій" встрѣчается въ 1493 и даже въ 1470 г., противоположеніе же Hochdütschland и Niederdütschland — въ 1481 г. Въ антверпенской латинской грамматикѣ: Exercitium puerorum grammaticale 1485 г., латыни противопоставляются въ Германіи изъ новыхъ три языка: высокій (altum), серединный (medium) и нижній (bassum). Ср. Burdach 2; Kluge 51 сл.; Socin 173 сл.

Самое же раннее выдѣленіе группы серединной отмѣчено въ 1343 г. въ анонимномъ переводѣ Евангелія въ Галле, подъ названіемъ: daz mittelste dûtsch [1]).

Относительно дальнѣйшаго дробленія нѣмецкаго языка на нарѣчія и разнорѣчія въ вѣкъ реформаціи и гуманизма, замѣтимъ, что кромѣ указаній на нарѣчія алеманское, швабское, верхнесаксонское, встрѣчаются въ XVI вѣкѣ ссылки и на разнорѣчія: нидерландское, голландское, брабантское, вестфальское [2]), кельнское или гулихское, саксское, баварское и н. др. [3]).

О затрудненіяхъ во взаимномъ пониманіи нѣмцевъ различныхъ мѣстностей Германіи XVI-го в. свидѣтельствуетъ самъ Лютеръ, сказавшій объ алеманской рѣчи Цвингли: „не напотѣвшись, не поймешь ея“ [4]). Да и болѣе близкіе сосѣди, на разстояніи какихъ нибудь 30 миль, не могли-де уже вполнѣ понимать другъ друга, напр. австрійцы тюрингцевъ, или баварцы саксовъ [5]). Это доказывается и появленіемъ въ XVI-мъ в. многихъ переводовъ съ одного нѣмецкаго нарѣчія на другое, обусловленныхъ непонятностью подлиннаго текста [6]). По той же причинѣ и акты нижненѣмецкіе въ южныхъ канцеляріяхъ были переводимы на мѣстныя нарѣчія, чтобы не затруднять судовъ и присутствій [7]).

Впрочемъ, и непосредственное сравненіе сохранившихся книгъ и рукописей на различныхъ нѣмецкихъ діалектахъ XVI-го в. убѣждаетъ въ томъ, что степень ихъ

---

[1]) Burdach 2. Ср. Rückert, Gesch. I, 159; Socin 141.

[2]) Rückert, Gesch. I, 197.

[3]) Burdach, Die Einigung 19 сл. Ср. еще у W. Lazius 1557 г.: діалекты австро-баварскіе и швабо-швейцарскіе (Socin 267 сл.); Лавр. Альбертъ: oberländisch и niederländisch, съ подраздѣленіями (Ibid. 276).

[4]) Einer möchte schwitzen, ehe er's verstehet! См. Kluge, Von Luther 68.

[5]) Rückert, Gesch. I, 39; Socin 207 сл.

[6]) Ср. Kluge, Von Luther 97 сл.

[7]) Ibid. 98.

сродства была тогда врядъ ли ближе нынѣшней. А такъ какъ въ литературныхъ діалектахъ все же поддерживались и нѣкоторыя общія преданія, было и болѣе тѣсное взаимодѣйствіе, чѣмъ въ просторѣчіяхъ, то между послѣдними мы должны предполагать еще бо́льшее различіе, чѣмъ между первыми.

Если перенесемся мыслію еще далѣе назадъ, вглубь средневѣковья, то и тамъ найдемъ въ памятникахъ, напр. XII—XIII в., многочисленныя указанія на различіе нарѣчій германскаго сѣвера и юга, съ довольно ясными слѣдами и третьей, серединной группы [1]). Даже нынѣшнія нарѣчія и поднарѣчія, каковы: алеманское и баварское на югѣ, франкское и тюринго-восточное въ серединѣ [2]), а фламандо-франкское и собственно-сакское на сѣверѣ [3]), вполнѣ обрисовываются къ 1200 г., слѣдовательно восходятъ началами къ болѣе отдаленнымъ вѣкамъ.

Во всякомъ случаѣ, различіе это было меньше, чѣмъ въ XVI-мъ в., ибо къ XIII-му и двумъ послѣдующимъ вѣкамъ относится возникновеніе и утвержденіе двугласности вмѣсто гласныхъ долгихъ, а индѣ и вмѣсто краткостей въ нарѣчіяхъ баварско-австрійскихъ и бо́льшей части серединныхъ [4]). Все же въ X—XI вв. уже отличаемы были Теи-

---

[1]) По Мюлленгофу — съ конца XI или начала XII в., по Бехштейну же — съ конца XIII в. Socin, Schriftspr. 141.

[2]) Weinhold K., Mittelhochdeutsche Grammatik [2] 1883, стр. 1 сл. Ср. E. Martin, Mhd. Grammatik [10] 1882 г., стр. 5; Socin 117: о нѣмецкихъ разнорѣчіяхъ по Тримбергу (Trimberg) ок. 1300 г.

[3]) Ср. Jonckbloet, Gesch. d. ndl. Lit. I, 6 сл.

[4]) Дифтонгизмъ этотъ появился около 1200 г. въ юго-восточной Германіи и утвердился въ XIII-мъ в. въ Нижней Австріи, въ XIV-мъ же в. — и въ прочихъ австрійскихъ областяхъ, со включеніемъ Чехіи. Въ концѣ XIV-го и началѣ XV-го вѣка онъ проникаетъ въ Слезію и Верхнюю Саксонію. Баварія и восточная Франконія охватываются этимъ движеніемъ въ XIV-мъ в., Швабія—въ XV-мъ в.; нижній же Майнъ и средній Рейнъ - въ первой поковинѣ XVI-го в. Встрѣчается онъ и въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ. Но въ обла-

tonici отъ Saxones, т. е. верхненѣмецкій отъ нижненѣмецкаго [1]). Начало ихъ выдѣленія восходитъ приблизительно къ 600 г. по Р. Х., когда впервые обнаружилось на югѣ такъ называемое второе звукопередвиженіе (Lautverschiebung). Оно вышло, кажется, отъ Лонгобардовъ, перешло черезъ Альпы, постепенно утвердившись у алемановъ, швабовъ, баварцевъ, стало спускаться къ сѣверу въ области франкскія, гессенскія, тюрингскія, въ теченіе VIII, IX-го и слѣдующихъ вѣковъ [2]). Въ областяхъ этихъ оно сдѣлало большія завоеванія, значительно видоизмѣнивъ звуковой обликъ словъ, но не распространилось на всѣ аналогическіе случаи, что и придаетъ срединнымъ нарѣчіямъ своеобразный видъ, промежуточный между южными и сѣверными въ системѣ согласныхъ [3]). Къ этому присоединились нѣкоторыя превращенія гласныхъ, постепенно смягчившія въ нарѣчіяхъ юговосточныхъ и большей части срединныхъ контрасты старонѣмецкаго вокализма и ослабившія его дорическую (по Гримму) простоту сложной системой гласныхъ полутоновъ, впослѣдствіи же (съ 1200 г.)—и дифтонговъ, которые опредѣлили своеобразный типъ и общаго языка нѣмцевъ.

Седмой вѣкъ по Р. Х. представляетъ въ исторіи нѣмецкихъ нарѣчій крайнюю эпоху, до которой можно добраться прямо или косвенно по литературнымъ памятникамъ различныхъ нѣмецкихъ племенъ. Далѣе этого періода трудно прослѣдить и зарожденіе этихъ нарѣчій. Един-

---

сти верхнерейнскія, въ Гессенъ, Тюрингію, сѣверную Франконію дифтонгизмъ вовсе не проникъ, равно какъ и въ нарѣчія нижненѣмецкія. Верхній Рейнъ и саксскія земли были такимъ образомъ какъ бы двумя твердынями стараго вокализма, охранявшими его и въ областяхъ смежныхъ, но безсильными отстоять его въ мѣстностяхъ болѣе удаленныхъ. Ср. Kluge, Von Luther 24 сл.

[1]) Socin 20.

[2]) Grimm J., Gesch. d. deut. Spr. I, 484, 835. Ср. Piper, Die Sprache 13, 223; Kluge, Von Luther 22.

[3]) Piper, Die Sprache 13.

ственнымъ свѣточемъ въ эту темную пору является Вульфилинъ переводъ Библіи; но онъ сдѣланъ на языкъ готскій, который конечно находился въ племенномъ сродствѣ съ нѣмецкимъ, но не былъ соподчиненнымъ его членомъ, а — подобно нордскому — самостоятельной вѣтвью тевтонской язычной семьи. При такихъ условіяхъ трудно по этому переводу дѣлать заключеніе о діалектическихъ отношеніяхъ собственной, срединной Германіи, въ вѣка Вульфилы и Алариха, Кассіодора и Теодориха.

Но все же по аналогіямъ позднѣйшаго времени можно думать, что и въ готскій періодъ тевтонизмъ распадался на много діалектическихъ особей, которыя могли до извѣстной степени соотвѣтствовать племеннымъ его разновидностямъ, въ родѣ геруловъ, гепидовъ, алановъ, свевовъ, лонгобардовъ, бургундовъ, алемановъ, франковъ, маркомановъ, херусковъ и т. п. Въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились эти племена и нарѣчія, опредѣлить трудно. Но едва ли будетъ смѣло предположить, что и въ тѣ отдаленные вѣка было 3—4 группы тевтонскихъ нарѣчій, въ родѣ напр. готской и нордской [1]), верхненѣмецкой и нижненѣмецкой [2]), со множествомъ частныхъ разновидностей. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ того служитъ преданіе, записанное Тацитомъ, о происхожденіи тевтоновъ отъ бога Тевтона и его сына Манна, прародителя трехъ частей этого племени, а именно: пріокеанскихъ ингевоновъ (Ingaevones), срединныхъ герминоновъ (Herminones) и обнимающихъ прочія племена истевоновъ (Istaevones [3]). Въ этихъ трехъ племенахъ нѣкоторые из-

---

[1]) Шереръ, Гольцманъ, Клюге и н. др. объединяютъ эти двѣ вѣтви подъ именемъ urostgermanisch. Ср. Kluge, у Paul Grundr. I, 362.

[2]) Ср. Isydor, Etymologiae: duae sunt autem Germaniae: superior, juxta septentrionalem Oceanum, inferior circa Rhenum. Socin 14.

[3]) Germania, 2: Celebrant carminibus antiquis... Teutonem deum terra editum; ei filium Mannum, originem gentis conditoremque, Manno tres filios assignant, e quorum nomini-

слѣдователи видятъ первоначальное зарожденіе указанной выше тройственности нѣмецкихъ нарѣчій, предполагая въ „пріокеанскихъ ингевонахъ“ прародителей саксовъ и фризовъ, въ „серединныхъ“ (по Плинію: средиземныхъ, mediterranei) герминонахъ — родоначальниковъ позднѣйшихъ верхненѣмцевъ, въ „прочихъ же истевонахъ“, жившихъ по Плинію близъ Рейна, — прародителей франковъ [1]).

Бросающійся въ глаза контрастъ Германіи верхней и нижней, напоминающій Тацитово дѣленіе племенъ свевскихъ и несвевскихъ, послужилъ въ римское время основою для административнаго ея раздѣленія на Germania prima и secunda, а позже — Germania superior и inferior [2]). Естественно предполагать, что уже тогда противоположности нѣмецкаго сѣвера и юга отразились и въ дуализмѣ нарѣчій сѣвернаго и южнаго. Но это были лишь зародыши нынѣшнихъ діалектическихъ отношеній Германіи, которыя окончательно опредѣлились уже послѣ великаго переселенія народовъ [3]).

---

bus proximi Oceano Ingaevones, medii Herminones, ceteri Istaevones vocentur.

¹) Piper, Die Sprache 2, 7. Cp. J. Grimm, Ges. d. deut. Spr. I, 829. Другіе ученые видятъ въ этой тройственности тевтоновъ Тацита указаніе на этническія группы: 1. нордцевъ (Ingaevones), 2. нижненѣмцевъ (Herminones) и 3. верхненѣмцевъ (Istaevones). Cp. A. Holtzman, Germanische Alterthümer, Leipzig 1873 г., стр. 101. Социнъ же считаетъ это миѳомъ (Schriftspr. 5). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что и въ ту отдаленную пору племена восточногерманскія, а именно—нордскія и готскія, замѣтно выдѣлялись отъ западногерманскихъ, которыя предпочтительно могъ имѣть въ виду Тацитъ. Cp. Scherer, Zur Geschichte der deutschen Sprache. Berlin, 1868 г, стр. 97, 164.

²) Cp. J. Grimm, Kleinere Schriften I, 443.

³) Cp. Scherer, Geschichte der deutschen Litteratur, Berlin 1883, стр. 39. Антропологи отмѣтили и въ физическомъ типѣ нѣмцевъ сѣверныхъ, долихокефальныхъ и бѣлокурыхъ, существенную разницу отъ нѣмцевъ южныхъ, брахикефальныхъ и темноволосыхъ. Не указываетъ ли это на различіе

Переселеніе это, исходившее главнымъ образомъ изъ нынѣшней Германіи и направленное преимущественно на югъ и западъ, въ Италію, Галлію, Иберію, Британію, потеряло впослѣдствіи свой порывистый и стихійный характеръ, измѣнило и господствующее направленіе съ западнаго на восточное. Но въ этомъ измѣненномъ видѣ оно продолжалось еще цѣлые вѣка, отчасти же происходитъ и теперь, окрещенное въ этнологіи и политикѣ терминомъ: Drang nach Osten.

Передвиженіе нѣмцевъ на востокъ. совершалось тремя колоннами: южная направлялась изъ странъ верхненѣмецкихъ, особенно баварскихъ, внизъ по теченію Дуная (до Угріи) и по его притокамъ, вглубь Альпъ и Чешскаго лѣса, съ его южнымъ продолженіемъ и отрогами; средняя подвигалась съ XII—XIV вв. изъ областей франкотюрингскихъ въ верхнюю Саксонію, сѣверную Чехію, Лужицы, Слезію, отчасти и орденскую Пруссію, по линіи отъ Франкфурта на Майнѣ къ Бреславлю, огибая Чехію съ сѣвера [1]); третья же — саксская колонна напирала на востокъ по низменности, опредѣляемой ложемъ связанныхъ нѣкогда между собою рѣкъ: Аллера, Гаволы, Спревы и Нотеци. Первая болѣе чѣмъ удвоила область верхненѣмецкую на счетъ славянъ подальпійскихъ, паннонскихъ, чехоморавскихъ; вторая утвердила новые и весьма сильные центры тевтонизма въ областяхъ серболужицкихъ и слезсколяшскихъ; третья наконецъ разгромила славянство прибалтійское и подготовила на его костяхъ почву для развитія сначала курфиршества, а потомъ королевства и наконецъ имперіи Гогенцоллерновъ.

Въ сравненіи съ этими величавыми завоеваніями нѣмцевъ на славянскомъ востокѣ лишь второстепенное значеніе имѣютъ ихъ пріобрѣтенія съ эпохи Карла Великаго на сѣверѣ, югѣ и западѣ. Въ первомъ направленіи они

происхожденія чистокровныхъ нѣмцевъ на сѣверѣ и смѣшанныхъ съ кельтами или романцами на югѣ?

[1]) Ср. Socin 142, 159 сл.

нѣсколько расширили свою язычную область въ Ютландіи, насчетъ населенія датскаго, занявшаго было здѣсь земли нижненѣмецкихъ ютовъ и англовъ, по удаленіи послѣднихъ въ Британію. Онѣмеченіе Шлезвига началось особенно съ 1326—86 гг., когда онъ присоединенъ къ Голштиніи; новый толчокъ былъ данъ ему въ XVI-мъ в., благодаря утвержденію въ Шлезвигѣ лютеранства. Но окончательное вытѣсненіе изъ этой пограничной области датскаго языка совершается въ наше время, послѣ возсоединенія ея съ Германіей. На югѣ алеманское нарѣчіе поглотило часть ладинскихъ кантоновъ, особенно въ Граубинденѣ. Зато по р. Адидже (Эчъ) тирольско-нѣмецкіе говоры оттѣсняются итальянскими, въ направленіи отъ нѣмецкаго еще въ XVI-мъ в. Тріента къ Бриксену и Мерану, т. е. къ водораздѣльному кряжу Тирольскихъ Альпъ.

И на западѣ нѣмецкій языкъ подавался въ теченіе ряда вѣковъ отъ напора болѣе сильнаго племенного типа —галлороманскаго. Перевѣсъ послѣдняго обнаружился не только въ старое время, въ быстрой романизаціи готовъ на югѣ, норманновъ на сѣверѣ, бургундовъ на востокѣ и значительной части франковъ на сѣверовостокѣ, но замѣчается и до нашихъ дней—въ Бельгіи, Швейцаріи, Эльзасъ-Лотарингіи [1]. Въ послѣдней лишь политическіе перевороты задержали ходъ романизаціи, медленно подвигавшейся со временъ Людовика XIV.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ передвиженій нѣмецкаго тевтонизма, можно замѣтить въ его средѣ и внутреннія перемѣщенія однихъ областныхъ типовъ на почву другихъ, преимущественно въ меридіональномъ (какъ и въ Англіи, Франціи, Испаніи, Италіи) направленіи. Исходною точкою этихъ внутреннихъ передвиженій служатъ верхненѣмецкія области. Мало по малу въ теченіе вѣковъ ихъ населенія какъ будто сплываютъ вмѣстѣ съ токомъ альпійскихъ водъ въ средненѣмецкія предгорья, напирая за Тевтобургскимъ

---

[1]) Ср. Reclus, Nouv. géogr. III, 80, 81 сл., 166 сл.

лѣсомъ и Гарцомъ на низменности нидерландо-саксскія [1]). Въ этомъ главнѣйше направленіи распространялись, какъ указано выше, и тѣ превращенія старонѣмецкаго вокализма и консонантизма, которыя опредѣлили особые типы нарѣчій верхнихъ и серединныхъ, въ отличіе отъ саксскихъ [2]). Еще въ 1300 г. послѣднія доходили на югѣ до Галле [3]) и Межиборья (Мерзебурга). Въ теченіе XIV — XV-го вв. они оттѣсняются серединными далеко къ сѣверу, до сліянія Салы съ Лабой [4]). То же видимъ на Рейнѣ. Еще въ XIII — XIV-мъ вв. нарѣчіе кельно-ахенское принадлежало къ нижненѣмецкой группѣ [5]), впослѣдствіи же постепенно всосано серединными говорами, распространившимися на сѣверъ до Дюссельдорфа. Да и нидерландскія разнорѣчія сильно пропитаны франкскими (т. е. серединнонѣмецкими) стихіями, хотя основной фонъ тутъ остался саксо-фризскій [6]). Каковы были причины этого постепеннаго оттѣсненія нижнихъ нарѣчій верхними и серединными: относительная ли слабость саксскаго типа въ сравненіи съ франкскимъ и швабскимъ, или невознаградимыя потери, понесенныя нижненѣмцами при колонизаціи сначала Британіи, а потомъ областей балтійско-славянскихъ, — во всякомъ случаѣ, торжество горныхъ нарѣчій надъ равнинными въ собственной Германіи обозначилось такъ ясно въ области діалектической, что по аналогіи мы въ правѣ ожидать того же и въ литературѣ. Это и подтверждается исторіей общаго нѣмецкаго языка, къ которой теперь переходимъ.

---

[1]) Ср. Heinzel R., Geschichte der niederfränkischen Geschäftsprache, 221; Socin 53.

[2]) Kluge, Von Luther 92 сл.

[3]) Въ 1477 г. въ Галле говорили еще на нижненѣмецкомъ, въ Касселѣ же—до конца XVIII-го в. Ср. Socin 176.

[4]) Ср. Kluge, Von Luther 92 сл.

[5]) K. Weinhold, Mdh. Grammatik [2] 4. Ср. Heinzel, Gesch. d. niederfränk. Geschäftsprache 4.

[6]) Heinzel, Gesch. 219. Ср. Piper, Sprache 17; Socin 531; Paul, Grundriss I, 196.

Зарожденіе германской литературы совершилось разновременно и независимо въ трехъ различныхъ центрахъ: 1) готскомъ, 2) англосаксонскомъ и 3) собственно-нѣмецкомъ. Письменность готская восходитъ своими началами къ IV-му в., англосаксонская къ VII-му, нѣмецкая же къ VIII—IX-му вв. Первая зародилась въ Мизіи, въ средѣ византійскихъ готовъ; вторая—въ Нортумбріи, на рубежахъ міра тевтонскаго и ирско-шотскаго; третья же — въ прирейнскихъ средоточіяхъ государства Каролинговъ. Письменность готская коренится въ образованности византійской [1]), англосаксонская зародилась подъ вліяніемъ христіанско-кельтскимъ, нѣмецкая же является роднымъ дѣтищемъ просвѣщенія среднелатинскаго (mediae latinitatis). Такое различіе географическихъ и культурныхъ условій возникновенія трехъ означенныхъ литературъ отразилось на слабости ихъ взаимныхъ связей и обособленности дальнѣйшаго развитія.

Литература готская перешла вмѣстѣ съ ея носителями—вестготами въ Италію, оттуда же въ южную Галлію и въ Иберію, все слабѣя и замирая по мѣрѣ удаленія отъ задунайской родины, подъ давленіемъ церковно-государственной латыни и живыхъ романскихъ нарѣчій Италіи, Прованса, Испаніи. Плодотворная мысль епископа Вульфилы († 383) о національномъ литургическомъ языкѣ была задавлена латинизаціоннымъ гнетомъ западной церкви, продолжавшей въ этомъ отношеніи языкоборческую политику стараго Рима. Отъ всей готской литературы едва уцѣлѣло нѣсколько писанныхъ въ VI-мъ в. въ Италіи библейскихъ текстовъ [2]). Есть указанія на готскій закон-

---

[1]) Замѣтимъ однако, что въ готскихъ рунахъ, какъ и вообще въ германскихъ, предполагаютъ субстратъ латинскій. Ср. Paul, Grundr. I, 246; II, 70.

[2]) Часть Четвероевангелія, Посланія ап. Павла, отрывки изъ книгъ Эздры и Нееміи въ спискѣ VI-го в., родъ календаря, отрывокъ толкованій на Евангеліе отъ Іоанна (Skeireins), да нѣсколько остготскихъ надписей на двухъ грамо-

никъ V-го в. [1]); но и въ государственной области языкъ этотъ былъ задавленъ латынью, благодаря антинародной политикѣ готскихъ государей, даже лучшихъ между ними, напр. Теодориха Великаго, этого Дитриха Бернскаго нѣмецкаго эпоса [2]). И въ Испаніи готская церковь и народность не могла устоять подъ напоромъ романизма, особенно по уничтоженіи аріанства, хотя слѣдъ готовъ еще долго виднѣется тамъ, то въ officium gothicum, то въ litterae gothicae [3]), отражаясь между прочимъ въ національномъ направленіи мозарабской церкви, вплоть до воцаренія Габсбурговъ, а съ ними доминиканцевъ и іезуитовъ. Долѣе сохранился готскій языкъ и письменность въ Крыму, гдѣ готовъ зналъ уже Прокопій въ VI-мъ в. Еще въ IX—X-мъ вв. упоминаются тутъ готскіе епископы. Въ 1253 г. въ Крыму нашелъ готовъ французскій посолъ Рубриквисъ, въ 1436 г.—венеціанскій патрицій Іосафатъ Барбаро, а въ 1562 г.—фламандецъ Русбекъ. Что у Черноморскихъ готовъ національное богослуженіе держалось еще въ IX-мъ в., свидѣтельствуетъ Фалафридъ Страбо († 849). По извѣстіямъ же Іос. Юл. Скалигера, еще въ его время (1658 годъ) крымскіе готы имѣли и читали Библію въ переводѣ Вульфилы. Послѣднее упоминаніе о крымскихъ нѣмцахъ, но безъ наименованія ихъ готами, встрѣчаемъ въ Новомъ землеописаніи Бюшинга: въ 6 изданіи (1770 г.) онъ считаетъ этотъ народъ еще живымъ, но въ 8-мъ (1787 г.) —уже исчезнувшимъ [4]). Изъ этого можно сдѣлать выводъ, насколько благопріятнѣе были условія племеннаго существованія и развитія готовъ на востокѣ, въ средѣ греко-

---

тахъ, писанныхъ около 551 г. въ Неаполѣ и Ареццо. Ср. Piper, Die Sprache 8 сл.; Sievers, у Paul Grundriss I, 408; II, 67 слл.

[1]) Grimm, Gesch. d. deut. Spr. 453.

[2]) Ср. Förstemann E., Geschiche des deutschen Sprachstammes 1874 сл. II, 145.

[3]) Толедскій соборъ въ XI-мъ в. запретилъ „готскія буквы". Ibid. II, 149. Ср. Socin 12.

[4]) Ср. Förstemann, Geschichte II, 159—164; Socin 12—14.

славянской, чѣмъ на западѣ, въ лонѣ образованности германо-латинской.

Что Вульфилинъ языкъ и письменность имѣли до нѣкоторой степени международный характеръ, о томъ свидѣтельствуетъ распространеніе ея на большомъ разстояніи — отъ Кафы и Томи на Черномъ морѣ до Лиссабона и Кадикса на Атлантическомъ океанѣ, и отъ Цареграда до Карпатовъ и Зальцбурга. Притомъ онъ былъ извѣстенъ не у однихъ лишь вестготовъ, на нарѣчіе коихъ сдѣланъ Вульфилой и его учениками переводъ литургическихъ книгъ, но и у остготовъ, а вѣроятно и другихъ родственныхъ имъ племенъ — гепидовъ, геруловъ, руговъ, скировъ, свевовъ, вандаловъ [1]). Въ X-мъ в. и какой-то баварскій монахъ списалъ отрывокъ готской Библіи, не понимая однако его. Изъ этого можно заключить, что и за Альпы проникали нѣкогда произведенія готской письменности; но она не оставила тамъ глубокихъ слѣдовъ и скоро была смыта разливомъ франкскаго языка, особенно со времени св. Бонифація и Карла Великаго. Такимъ образомъ готскій языкъ и литература представляютъ не болѣе, какъ отрывочный эпизодъ въ исторіи тевтонизма, и не имѣютъ внутреннихъ связей съ судьбами нѣмецкаго литературнаго языка. Мы можемъ, конечно, назвать Вульфилу до нѣкоторой степени предтечею Лютера, какъ переводчика Библіи и учредителя національной церкви, но лишь въ смыслѣ родства руководящихъ идей и стремленій, а не генетической ихъ связи и исторической преемственности, въ родѣ существующей между Виклефомъ и Лютеромъ, или св. Прокопомъ и Гусомъ.

Гораздо ближе примыкаетъ къ исторіи нѣмецкаго языка своими началами литература англосаксонская въ Британіи. Ея языкъ былъ весьма близокъ, почти тожественъ въ VII—VIII-мъ вв. съ нижненѣмецкимъ или фризо-саксскимъ. Да и содержаніе Беовульфа и другихъ англосак-

[1]) Cp. Rückert H., Gesch. d. ndh. Schriftsprache I, 4; Socin 7—12.

сонскихъ поэмъ нортумбрской школы на половину выработалось въ материковой родинѣ англовъ и саксовъ, отражая ихъ древнія вѣрованія и историческія связи съ датскими и франкскими сосѣдями. Въ ту отдаленную пору Сѣверное море, какъ нѣкогда Эгейское въ Гомеровской Греціи, не раздѣляло, а скорѣе соединяло англовъ и саксовъ островныхъ съ материковыми.

Но ихъ взаимодѣйствіе не долго продержалось. Жизнь англосаксовъ островныхъ направилась въ особое ложе и потекла такъ быстро, что вскорѣ консервативные жители нижненѣмецкой метрополіи, далеко отставъ позади, перестали понимать и рѣчь, и идеи заморскихъ колонистовъ. Вслѣдствіе того уже съ IX-го вѣка постепенно ослабѣваютъ ихъ сношенія съ родиной, замѣняясь болѣе тѣсными племенными, государственными и культурными связями съ Даніей, Норвегіей, особенно же съ Нормандіей, а позже — и съ другими областями французскими. Выше отмѣчены уже глубокія измѣненія, произведенныя въ англосаксонскомъ языкѣ и характерѣ этими новыми отношеніями и связями. Они дали совершенно новое направленіе всей англійской жизни, которая въ дальнѣйшемъ движеніи стала похожа на рѣку, текущую изъ нижненѣмецкихъ ключей, но по другому наклону, чѣмъ Веверъ или Эмсъ, и въ расходящемся отъ нихъ направленіи. Лишь въ вѣкъ реформаціи двѣ рѣки вновь настолько сблизились, что казалось могутъ обмѣняться струями, но это длилось лишь немногіе годы и закончилось новымъ разрывомъ, еще болѣе глубокимъ, чѣмъ прежній.

Такимъ образомъ и англосаксонская литература, съ ея англійскимъ продолженіемъ, не составляетъ органическаго звена въ развитіи нѣмецкаго образованнаго языка. Онъ представляетъ, слѣдовательно, не одну изъ дальнѣйшихъ метаморфозъ языка готскаго или англосаксонскаго, а самостоятельное историческое явленіе, зародившееся въ вѣкъ Карла Великаго, возросшее при феодальныхъ дворахъ Гогенштауфеновскаго періода, объединенное силами имперіи и протестантской церкви, а окончательно устано-

вленное поэтами, прозаиками и грамматистами пореформаціоннаго времени.

Въ исторіи этого языка, съ легкой руки Я. Гримма, различаютъ три періода: 1) древній, отъ VIII до XI-го в.; 2) средній, отъ XII до XV-го в. и 3) новый, отъ XVI-го в. до нашихъ дней. А такъ какъ въ каждый изъ этихъ періодовъ своеобразными особенностями отличались діалекты верхней, серединной и нижней Германіи, то получается новая діалектическая тройственность, которая, въ сочетаніи съ вышеозначенною хронологическою, даетъ девять основныхъ членовъ исторической системы нѣмецкаго языка. Если же разсматривать отдѣльно отъ нижненѣмецкихъ нидерландскіе діалекты средняго и новаго періодовъ, то получится до дюжины историко-діалектическихъ разновидностей, которыхъ развитіе и взаимодѣйствіе составляетъ главное содержаніе исторіи нѣмецкаго языка [1]).

Исходною точкою древненѣмецкой литературы была дѣятельность Карла Великаго, который при всемъ латинофильствѣ чувствовалъ себя нѣмцемъ, противился триязычной ереси и покровительствовалъ въ извѣстной мѣрѣ

---

[1]) Яковъ Гриммъ придумалъ для этихъ разновидностей особые сокращенные шифры, которые въ пополненной системѣ представляются теперь такъ:

А. 1. adh.=althochdeutsch—древній верхненѣмецкій,
2. amd.=altmitteldeutsch—др. серединнонѣмецкій,
3. and.=altniederdeutsch—др. нижненѣмецкій;

Б. 4. mhd.=mittelhochdeutsch—средній верхненѣмецкій,
5. mmd.=mittelmitteldeutsch (sic) — сред. серединнонѣмецкій,
6. mnd.=mittelniederdeutsch=срдн. нижненѣмецкій,
7. mndl.=mittelniederländisch—средн. нидерландскій;

В. 8. nhd.=neuhochdeutsch—новый верхненѣмецкій,
9. nmd.=neumitteldeutsch—новый серединнонѣмецкій,
10. nnd.=neuniederdeutsch—новый нижненѣмецкій,
11. nndl.=neuniederländisch—новый нидерландскій.

Впрочемъ, не всѣ эти разновидности имѣли самостоятельное значеніе въ исторіи нѣмецкаго языка, почему нѣкоторыя и опускаются въ его системѣ.

нѣмецкому языку въ области не только церковно-учительной, но до нѣкоторой степени и въ литургической, государственной, даже народно-пѣсенной. По его распоряженію стали появляться съ 789 г. нѣмецкіе переводы: исповѣданія выры, молитвы Господней, крещенія, покаянія [1]), вѣроятно и переводы поученій (напр. Исидора Севильскаго), чтеній евангельскихъ, нѣкоторыхъ церковныхъ гимновъ [2]) и т. п. Затѣмъ записаны были нѣкоторыя народныя пѣсни, какъ Гомеровскія при Пизистратѣ, и даже начаты работы по грамматикѣ нѣмецкаго языка [3]). Что и въ государственной области онъ былъ тогда употребляемъ, по крайней мѣрѣ для восточныхъ областей франкской имперіи, это доказываетъ Гамельбургскій отрывокъ 777 года (описаніе марки) и нѣсколько позднѣйшіе отрывки актовъ и законовъ, напр. Страсбургская рота 842 г., трирскій отрывокъ — Lex Salica IX-го в., трирскій капитуларій X-го в. [4]) и н. др. Въ нихъ отражается еще самостоятельная мысль и смѣлый починъ Карла Великаго, которому болѣе механически, чѣмъ сознательно слѣдовали и Каролинги IX-го в., особенно Людовикъ Нѣмецкій, вписавшій, какъ полагаютъ — собственноручно, въ свой молитвословъ отрывокъ нѣмецкой полу-христіанской, полу-языческой поэмы о концѣ міра въ очистительномъ пожарѣ (Muspilli [5]). Примѣръ великаго императора расположилъ къ народной литературѣ и нѣмецкое духовенство, въ которомъ еще хранились впрочемъ и свободныя наставленія ирско-шотскихъ миссіонеровъ. Англосаксъ Бонифацій († 755 г.) значительно ослабилъ въ Германіи насажденную ими народную церковь; но его рабское ученіе о папѣ, о целибатѣ, о еди-

---

[1]) Scherer, Gesch. d. deut. Litteratur 43. Ср. Piper, Die Sprache 84–88.

[2]) Piper, Die Sprache 73 сл., 77, 79.

[3]) Inchoavit (Карлъ В.) et grammaticam patrii sermonis. Eginhard. Vita Caroli M. См. Piper, Die Sprache 24.

[4]) Piper, Die Sprache 112, 114 сл.

[5]) Ibid. 121.

носпасающей латыни [1]) и т. п. не сразу привилось между нѣмцами. Это доказывають и нѣкоторые изъ капитуларіевъ Карлова времени, напр. отъ 794 г. противъ триязычной ереси [2]), а равно постановленія синодовъ Трирскаго 813 г. и Майнцскаго 817 г. объ обязательности церковной проповѣди на простонародныхъ — романскихъ и нѣмецкихъ—нарѣчіяхъ.

Этими преданіями и вліяніями объясняется и живое участіе въ нѣмецкой литературѣ учрежденныхъ въ VIII—IX-мъ в. монастырскихъ школъ, особенно же Ахенской на западѣ, Фульдской въ серединной Германіи и Сенъ-Галленской—въ южной.

Изъ процвѣтавшей въ IX-мъ в. при аббатѣ Грабанѣ Маврѣ († 856 г.) Фульдской школы вышли: переводъ съ латинскаго Таціановой (Tatian † 172 или 224 г. ?) евангельской гармоніи около 830 г., сохранившійся въ рукописи второй половины IX-го в.; франкскія формулы крещенія (ок. 787—813 гг.) и исповѣди (IX-го в.); особенно же знаменитая Мессіада того времени — поэма Krist, написанная въ 854—868 г. эльзасцемъ Отфридомъ, ученикомъ Грабана фульдскаго [3]). Къ фульдской школѣ пріурочиваютъ и древнѣйшій отрывокъ народнаго эпоса — Пѣснь о Гильдебрандѣ (VIII—IX-го вв. [4]).

Школѣ же Сенъ-Галленской принадлежатъ: Бенедиктинскій уставъ, переведенный съ латинскаго около 800—804 г.; Pater noster и Credo ок. 790 г.; Исповѣдь IX-го вѣка; отрывки Псалтыри IX-го и X-го вв., и цѣлый рядъ переводовъ Ноткера (Notker Labeo † 1022) — изъ Псал-

---

[1]) Ср. G. F. Maclear, A history of christian missions during the Middle Ages. London 1863 г., стр. 94 сл., 195.

[2]) Ut nullus credat quod non nisi in tribus linguis Deus orandus sit: quia in omni lingua Deus adoratur et homo exauditur, si justa petierit. M. G. H. LL. I, 75; ср. Socin 49.

[3]) Piper, Die Sprache 26, 79, 85, 89, 127 сл.

[4]) Ibid. 117.

тыри, Боэція, Аристотеля и др. [1]). Сюда примыкаетъ и Виллирамъ, авторъ парафраза „Пѣсни Пѣсней“ ок. 1063 года [2]).

Въ Германіи нижней не было тогда столь сильнаго образовательнаго средоточія. Но на нее могло распространяться вліяніе Фульдской школы, которое замѣчаютъ въ стилѣ неизвѣстнаго сакса (изъ Мюнстера?), написавшаго около 825—835 гг. вторую древненѣмецкую Мессіаду — Heliand, основанную на толкованіи Грабана-Мавра и сохраненную въ англо-саксонскихъ спискахъ IX—X-го вв. [3]).

Нѣкоторые изъ болѣе мелкихъ древненѣмецкихъ памятниковъ возникли и въ другихъ мѣстностяхъ верхней, серединной и нижней Германіи, гдѣ были монастыри и церковныя школы, напр. въ эльзасскомъ Вейсенбургѣ [4]), баварскомъ Фрейзингенѣ [5]), затѣмъ въ Майнцѣ [6]), Вюрцбургѣ [7]), Бамбергѣ [8]), Межиборьѣ [9]) и н. др.

На какомъ же діалектѣ писались эти произведенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нѣсколько затруднителенъ, по причинѣ, во 1-хъ, значительныхъ измѣненій, внесенныхъ въ языкъ подлинныхъ текстовъ позднѣйшими переписчиками [10]), а во 2-хъ—относительной неустановленности нѣмецкихъ нарѣчій того времени. Все-таки съ нѣкоторой вѣроятностью можно утверждать, что первое мѣсто между діалектами того времени занималъ рейнско-франкскій, какъ ближайшій къ Ахену, Вормсу и Майнцу, т. е. государ-

---

[1]) Ibid. 73, 81, 87, 89, 91, 98, 139.
[2]) Ibid. 109.
[3]) Piper, Die Sprache 131. Ср. Socin 38.
[4]) Ibid. 86.
[5]) Ibid. 87.
[6]) Ibid. 89. Ср. 135.
[7]) Ibid. 90.
[8]) Ibid. 92. Ср. 141, 143.
[9]) Ibid. 123.
[10]) Риккертъ называетъ потому языкъ Отфрида Schreibersprache, а не Schriftsprache. Rückert, Gesch. d. nhd. Schriftspr. I, 91.

ственнымъ и церковнымъ центрамъ тогдашней Германіи, и что діалектъ этотъ, близкій къ придворному языку Карла В. и преемниковъ, имѣлъ вліяніе на прочіе серединные, верхніе и даже нижненѣмецкіе [1]). Но вліяніе это не настолько было сильно, чтобы сгладить областныя особенности, по которымъ всѣ древненѣмецкіе памятники могутъ быть раздѣлены на редакціи:

1. рейнско-франкскую [2]), 2. восточно-франкскую [3]), 3. тюрингскую [4]), 4. эльзасскую [5]), 5. алеманскую [6]),

---

[1]) Piper, Die Sprache 117, 136. Ср. Socin 48, 51.

[2]) Piper, Die Sprache, относитъ сюда: отрывки Монза (Monze) ок. 803—814 гг. (въ спискѣ баварскомъ? стр. 74, 77); имена мѣсяцевъ и вѣтровъ; Пѣснь о Людовикѣ; Страсбургскую роту 842 г. (ib. 77; ср. 112, 135); Франкскую молитву, въ баварскомъ спискѣ (ib. 94 сл.); Лорхскую исповѣдь 882 г. (ib. 88); Межиборскіе заговоры IX—X в. (ib. 123); Риховскую исповѣдь IX—X в. (ib. 89); Майнцскую исповѣдь X в. (ib. 89). Сюда примыкаетъ и Krist Отфрида, стоящій на переходѣ отъ рейнско-франкскаго (Südrheinfränkisch по Мюлленгофу) къ восточно-франкскому съ одной стороны, а къ эльзасско-алеманскому съ другой (ib. 129). Ср. Socin 44; Paul, Grundr. II, 214.

[3]) Сюда относятся: Гамельбургское описаніе марки 777 года (Piper 115); формула крещенія 787—813 г. (ib. 85); Таціанова евангельская гармонія ок. 830—835 г. (ib. 79); Исповѣди: Фульдская IX в. (ib. 89), Вюрцбургская IX в. (ib. 90), Бамбергская XI в. (ib. 92); трирскій отрывокъ Lex Salica (ib. 114).

[4]) Сюда: Пѣснь о Гильдебрандѣ IX—X в. (по однимъ писана въ Фульдѣ, по другимъ—въ Тюрингіи, по третьимъ—въ рейнской Франконіи или Баваріи, съ оригинала саксонскаго (Ib. 117; ср. Paul, Grundr. II, 176); Псалтырь IX—X в. (Piper 81 сл.); Пѣснь о Генрихѣ X—XI в. (ib. 137).

[5]) Вейсенбургскій катихизисъ ок. 789 г. (ib. 86).

[6]) Сенъ-Галленскій Pater noster и Credo ок. 790 г. (ib. 87); Сенъ-Галленское Credo и исповѣдь IX в. (ib. 91); Мурбахскіе гимны начала IX в. (ib. 77); Псалтырь IX в. (ib. 81) и риѳмованная X в. (ib. 139); переводы Ноткера XI в. (ib. 98 сл.); параѳразъ Пѣсни пѣсней Виллирама XI в. (ib. 109).

6. баварскую [1]) и 7. саксскую [2]).

Къ XI-му в. черты діалектовъ постепенно сглаживаются въ этой легендарно-поучительной литературѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ ея средоточія съ потокомъ крестоносцевъ понемногу передвигаются отъ Рейна къ востоку и юго-востоку, отъ Ахена и Майнца къ Регенсбургу и Бамбергу, Пассову и Мельку, а отъ Фульды и Сенъ-Галлена къ Гурку, С. Ламбрехту, Мильштадту и Форау [3]). Франкскій діалектъ господствуетъ еще, правда, и въ послѣдній вѣкъ древненѣмецкаго періода, но все болѣе пропитываемый стихіями верхненѣмецкими, баварскими, австрійскими, благодаря возростающему участію этихъ областей въ работѣ литературной [4]). Съ этими передвиженіями литературныхъ средоточій совпали нѣкоторые внутренніе перевороты

---

[1]) Сюда: Exhortatio ad plebem christianam ок. 802 г. (Piper, Die Sprache 73); Вессобрунская молитва 814 г. (съ саксскаго подлинника? ib. 120); Carmen ad Deum нач. IX в. (ib. 79); Muspilli IX в. (ib. 121); Фрейзингенскій Pater noster (ib. 87); Молитва Св. Эммерама IX—X в. (ib. 95); Ordo ad dandam poenitentiam X в. (ib. 88); Вессобрунское Credo и Исповѣдь XI в. (ib. 92); Молитва Отлоха (Ôtlôhs) ок. 1061—67 гг. (ib. 95).

[2]) Формулы: Крещенія 772 г. (ib. 84) и Исповѣди ок. 790 г. (ib. 88); Heliand 825—835 (ib. 131) и Псалтырь IX—X в. (ib. 81).

[3]) Piper, Die Sprache 141.

[4]) На рейнско-франкскомъ написаны въ XI—XII-мъ в.: Annolied ок. 1080 г. (Piper, Die Sprache 145), Judith и Lob Salomos до 1130 (ib. 149), Arnsteiner Marienleich ок. 1140 г. (ib. 162), Frauenlob XII в. (ib. 163), Alexanderlied ок. 1130 г. (ib. 164), Morolt, Orendel, S. Oswald (ib. 164 сл.), Herzog Ernst (? ib. 167). Сюда примыкаютъ еще по языку бамбергская поэма Himmel und Hölle (ib. 143) и баварская стихотворная Kaiserchronik послѣ 1141 г. (ib. 146). На баварскомъ: стихотворное землеописаніе Merigarto (ib. 148); переводъ съ лат. Vision des Irischen Ritters Tungdalus 1149 г. (ib. 160); съ лат. же — Rolandslied ок. 1130 г. (ib. 166); König Rotter XII в. (ib. 167). На австрійскомъ: парафразъ Genesis XI—XII в. (ib. 149); хорутанская поэма Vom Recht ок. 1130 г. (ib. 161) и н. др.

въ строеніи нѣмецкихъ языковъ, особенно со времени крестовыхъ походовъ. Вслѣдствіе того ко второй половинѣ XII-го в. постепенно вырабатываются какъ въ серединной, такъ равно и въ верхней и нижней Германіи, новые язычные типы или лучше — діалектическія разновидности. Наконецъ, и самый характеръ литературы круто измѣняется съ половины XIII-го в. Вмѣсто прежняго господства духовной дидактической прозы и поэзіи, развивавшейся на почвѣ среднелатинской (mediae latinitatis [1]), постепенно утверждается литература свѣтская, во вкусѣ и по образцамъ французскихъ труверовъ и провансальскихъ трубадуровъ, но въ сочетаніи со стихіями простонародной поэзіи и народной жизни того времени.

Отъ соединеннаго дѣйствія всѣхъ этихъ условій съ половины XII-го в. начинается новый періодъ нѣмецкаго языка, значительно приблизившій его къ тому виду, въ какомъ онъ воцарился впослѣдствіи на литературномъ тронѣ соединенной Германіи. Періодъ этотъ распадается по внутреннимъ измѣненіямъ языка и литературы на двѣ части: а) рыцарско-поэтическій, отъ половины XII-го до конца XIII-го в. и б) имперско-прозаическій, въ XIV—XV-мъ вѣкахъ. Въ первый совершилось развитіе блестящаго придворно-поэтическаго языка, извѣстнаго подъ несовсѣмъ вѣрнымъ названіемъ средневерхненѣмецкаго (mhd. у Якова Гримма); во второй же произошло образованіе языка имперско-канцелярскаго. Отъ соединенія обоихъ выработался въ XVI-мъ в. языкъ Лютера, при участіи нѣкоторыхъ дополнительныхъ стихій областного происхожденія.

Придворно-рыцарская поэзія XII—XIII-го вв. развивалась почти одновременно изъ двухъ центровъ или школъ: западной и восточной, рейнской и австрійской. Во главѣ первой стоитъ полуголландецъ-полуфранкъ Генрихъ-Фонъ-Вельдеке, жившій то на Рейнѣ (въ Майнцѣ), то въ Тюрингіи, и передѣлавшій съ французскаго Энеиду (Eneit, ок. 1174—84 гг.) на свой родной лимбургскій діалектъ,

[1]) Терминъ—параллельный Гриммову mhd. Ср. Socin 61.

смѣшанный въ позднѣйшихъ спискахъ съ формами условнаго придворно-рыцарскаго языка средней и верхней Германіи того времени [1]). Во главѣ же школы австрійской можно поставить знаменитаго сатирика половины XII-го в. Генриха Фонъ-Мэлькъ (Mölk [2]). Въ числѣ послѣдователей Вельдеке особенно выдаются швабскій эпикъ Гартманъ Фонъ-Ауе и эльзасскій—Готфридъ Фонъ-Страсбургъ, главные представители среднеалеманской поэтической школы, познакомившіе нѣмцевъ съ важнѣйшими эпическими произведеніями французскихъ труверовъ. Изъ школы австрійской вышли въ концѣ XII-го или началѣ XIII-го в. анонимные авторы знаменитыхъ героическихъ поэмъ — Нибелунговъ и Гудруны. Связующими же звеньями между этими двумя школами и вмѣстѣ представителями высшаго ихъ синтеза являются баварскій эпикъ Вольфрамъ Фонъ-Эшенбахъ и австрійскій (?) лирикъ Вальтеръ Фонъ-Деръ-Фогельвейде [3]). Дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ развивается въ краткій промежутокъ времени 1190—1220 г. Позже слѣдуютъ эпигоны „средневерхненѣмецкой" поэзіи, постепенно ослабѣвающіе и вырождающіеся къ концу XIII-го в.

Меценатами рыцарской поэзіи и поэтовъ были Вельфы, Бабенберги, Гогенштауфены, но особенно маркграфъ Германъ Тюрингскій. При дворѣ послѣдняго, въ историческомъ Вартбургѣ, пѣли и Вельдеке, и Вольфрамъ, и Вальтеръ, какъ впослѣдствіи въ сосѣднемъ Веймарѣ при дворѣ герцога Карла Августа — Гердеръ, Шиллеръ, Гёте. Это обстоятельство имѣло важное значеніе въ томъ отношеніи, что содѣйствовало, во 1-хъ, духовному сближенію нѣмцевъ рейнскихъ, швабовъ, баварцевъ, австрійцевъ на почвѣ общаго поэтическаго и придворнаго языка и, во 2-хъ, насыщенію этого языка особенностями восточнофранкскаго

---

[1]) Pfeiffer Fr., Ueber Wesen und Bildung der höfischen Sprache in mhd. Zeit. Wien 1861, стр. 15. Ср. Rückert, Gesch. I, 118, 122; Socin 74.

[2]) Scherer, Ges. d. D. Lit. 84.

[3]) Ibid. 105, 108, 133, 170, 197.

и тюрингскаго разнорѣчій. Конечно, общенѣмецкое значеніе этого языка слѣдуетъ понимать и принимать не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, такой приписывали ему въ прежнее время Я. Гриммъ и Лахманъ, Коберштейнъ и Ваккернагель, а въ болѣе широкомъ, формулированномъ Раумеромъ и подробнѣе развитомъ Мюлленгофомъ, Вейнгольдомъ, Пфейферомъ, Риккертомъ, Гейнцелемъ, Шереромъ, Бегагелемъ [1]). Нельзя отрицать существованія въ этомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ памятникахъ позднѣйшихъ, извѣстной общей основы, подчинявшей себѣ областныя особенности діалектовъ и господствовавшей надъ ними въ такой мѣрѣ, что иной разъ трудно и опредѣлить по языку происхожденіе автора, напр. Вальтера Фонъ-Деръ-Фогельвейде. И теперь еще семь городовъ спорятъ за честь быть его родиной, какъ нѣкогда изъ-за Гомера [2])! Какова была эта основа,— алеманско-швабская, какъ утверждаютъ одни [3]), или баварско-тюрингская, какъ думаютъ другіе [4]), или наконецъ высокофранкская традиція съ Карла В. [5])—это вопросъ пока спорный; но на основѣ этой, несомнѣнно, пестрѣли узоры инодіалектнаго происхожденія.

Что касается площади „средневерхненѣмецкаго“ языка, то она простиралась отъ средняго Рейна до средняго Дуная и отъ Тироля до Гессена, въ отдѣльныхъ же случаяхъ достигала и нижненѣмецкихъ областей, напр. въ переводѣ Метаморфозъ Овидіевыхъ Альбрехтомъ Гальберштадскимъ около 1210 г. [6]). Особенно явственно отража-

---

[1]) Ср. Raumer R., Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften. 1863 г. I, 192 сл.; Weinhold, Mhd. Grammatik [2] 2, 4 сл.; Pfeiffer, Über Wesen 4, 11; Socin 81—94 сл.

[2]) Rückert, Gesch. I, 124. Ср. Zarncke, Die Entstehung der griechischen Literatursprachen [2] 27 сл. (Lpz. 1890).

[3]) Я. Гриммъ, Коберштейнъ, Вакернагель, Румпельтъ, Шлейхеръ, Социнъ, а въ XVIII-мъ в. Бодмеръ. Ср. Pfeiffer, Über Wesen 4—7; Socin 97.

[4]) Pfeiffer, Wesen 8, 10, 12.

[5]) По Мюлленгофу и Гейнцелю. Ср. Socin 94.

[6]) Pfeiffer, Wesen 8, 10, 12. Ср. Kluge, Von Luther 94.

ется вліяніе этого языка на нижненѣмецкіе діалекты XIII-го вѣка (саксскій, вестфальскій, нижнерейнскій) въ области флексій и производственныхъ слоговъ [1]), тогда какъ областныя особенности нижненѣмецкихъ, да и прочихъ діалектовъ того времени, пробиваются всего сильнѣе въ фонетикѣ, особенно въ системѣ гласныхъ [2]). По нимъ то преимущественно и различаются въ средненѣмецкое время литературные діалекты: 1. алеманскій и 2. австро-баварскій въ верхней Германіи, а 3. рейнско-франкскій и 4. тюрингскій — въ серединной [3]).

Менѣе наглядны, но столь же важны были и лексикальныя различія этихъ діалектовъ, особенно верхнихъ и нижнихъ, тогда какъ въ синтаксисѣ и стилѣ они почти вполнѣ совпадали [4]). Но все же различія эти были не столь рѣзки, какъ между живыми нарѣчіями того времени, насколько можно судить о нихъ по актамъ и прозаическимъ сочиненіямъ. Очевидно, въ Германіи уже предносился тогда идеалъ общаго образованнаго языка, составленнаго соединенными усиліями и возростающимъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ нѣмецкихъ нарѣчій.

Стремленіе это не исчезло и въ періодъ упадка придворно-рыцарской поэзіи, съ 1300 г., какъ видно напр. въ проповѣдяхъ Бертольда Регенсбургскаго, въ мистическихъ трактатахъ Экгарта, у Давида Авгсбургскаго и другихъ прозаиковъ XIV-го в. [5]). Правда, вслѣдствіе общаго пониженія уровня образованія и благодаря успѣхамъ демократизма, по перенесеніи литературы изъ феодальныхъ замковъ въ среду мѣщанскую, въ XIV—XV-мъ вв. обнару-

---

[1]) Pfeiffer, Wesen 11. Ср. Rückert, Gesch. II, 194; Socin 103.

[2]) Pfeiffer 11 сл.

[3]) Weinhold, Mhd. Grammatik [2] 1 сл. Это раздѣленіе на 4 діалекта формулировано уже около 1210 г. Альбрехтомъ Гальберштадтскимъ, въ предисловіи къ переводу Метаморфозъ. Ср. Socin 106.

[4]) Ср. Wülcker, въ Germania 1883 г., стр. 192.

[5]) Rückert, Gesch. I, 161; ср. II, 93.

жилось сильное вторженіе діалектизмовъ въ составъ и строй нѣмецкаго письменнаго языка [1]). Но разъ зародившееся сознаніе духовнаго единства нѣмцевъ и стремленіе воплотить его въ форму общаго языка не умирало и въ этотъ смутный періодъ. Нѣсколько ослабѣвъ въ области литературной, стремленіе это тѣмъ съ большей силой выразилось въ жизни государственной—въ постепенномъ установленіи имперско-канцелярскаго или дипломатическаго языка, который продолжилъ при Люксембургахъ и Габсбургахъ едва не заглохшія было преданія имперскаго языка Каролинговъ.

Этотъ имперскій языкъ, напоминающій по происхожденію и значенію king's english Альфреда Великаго и Эдуарда III, былъ сильно оттѣсненъ въ X—XII вв. латынью, такъ что въ грамотахъ и актахъ мы вновь встрѣчаемъ его не ранѣе XIII-го в. [2]), т. е. приблизительно въ ту же эпоху, когда народные языки отвоевываютъ для себя въ бо́льшей или меньшей степени государственную область въ Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи и другихъ западноевропейскихъ странахъ.

Рейнъ и Австрія являются и здѣсь, какъ въ развитіи языка „средневерхненѣмецкой“ поэзіи, двумя крылами, а вмѣстѣ и двумя главными двигателями въ развитіи имперскаго дѣлового языка. На Рейнѣ языкъ этотъ является непосредственнымъ продолженіемъ древняго каролинго-франкскаго, котораго средоточіями были Ахенъ и Майнцъ. Онъ господствовалъ съ небольшими перерывами отъ VIII-го до XV-го в. въ канцеляріяхъ Майнца и Кельна, Клеве, Гельдерна и восточныхъ Нидерландовъ, до Утрехта, проникая на югѣ въ Люксембургъ, верхнюю Лотарингію, на востокѣ же — въ Вестфа́лію и Вальдекъ (съ XIV-го в.),

---

[1]) Rückert, Gesch. I, 157; Socin 96, 114 сл., 121.

[2]) Отъ X—XI вв. сохранилось всего по одной нѣмецкой грамотѣ, отъ XII в. — двѣ, отъ XIII в. — побольше, особенно въ югозападной Германіи, съ XIV-го же в.—и въ серединной и сѣверной (Socin 146 сл.; Paul, Grundr. I, 265, 532 сл.).

отчасти въ Гессенъ и въ Нассау (въ XV-мъ в. [1]). По язычнымъ формамъ онъ занималъ средину между серединными и нижними діалектами; историческими же преданіями онъ связанъ съ нижнерейнскими франками (рипуарскими и салическими), почему и называется языкомъ нижнефранкскимъ [2]). Древнѣйшія изъ уцѣлѣвшихъ грамотъ на немъ относятся къ XIII-му в., но полнаго развитія достигъ онъ къ XV-му в. Въ эту эпоху діалекты кельнскій, клевескій (Cleve), гельдернскій господствовали не только на среднемъ и части нижняго Рейна, но проникали черезъ Лотарингію въ Бургундію, черезъ Люксембургъ во Фландрію и Артоа, черезъ Лимбургъ въ Намюръ и Брабантъ, черезъ Клеве же въ Цуфтенъ и Утрехтъ [3]). Еще въ XVII-мъ в. на одномъ изъ нижнефранкскихъ діалектовъ написана хроника Рейнбергская [4]).

Изъ канцелярій швабскихъ Гогенштауфеновъ также сохранилось нѣкоторое число нѣмецкихъ грамотъ, начиная съ 1238 г. [5]). Но императоры этой династіи проводили слишкомъ много времени въ Италіи, слишкомъ часто забывали свою Швабію и всю Германію изъ-за Ломбардіи и Рима, Неаполя и Сициліи, чтобы имѣть руководящее вліяніе на развитіе образованнаго нѣмецкаго языка. Фридрихъ же II и его сыновья—Энціо и Манфредъ были настоящими итальянцами и даже прославились какъ писатели ранней сицильянской школы, хотя при дворѣ ихъ и могли находиться нѣмецкіе миннезенгеры [6]). Фридрихъ II Гогенштауфенъ напоминаетъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Фридриха II Гогенцоллерна, который также предпочиталъ говорить и писать на языкѣ чужомъ—французскомъ, чѣмъ на своемъ отечественномъ.

---

[1]) Heinzel R., Geschichte der niederfränkischen Geschäftssprache. Paderborn 1874 г., стр. 1—4.

[2]) Ibid. 89.

[3]) Ibid. 205.

[4]) Ibid. 203.

[5]) Kluge, Von Luther 1.

[6]) Socin 98.

Важнѣе оказались для дальнѣйшаго развитія образованнаго нѣмецкаго языка императорскія канцеляріи династій баварской, люксембургской и особенно габсбургской. Рудольфъ Габсбургъ на Нюренбергскомъ имперскомъ сеймѣ (1273 г.) узаконилъ нѣмецкій языкъ вмѣсто латинскаго въ актахъ и судахъ. Его поддерживалъ и Генрихъ VII, а еще болѣе Людовикъ Баварскій. Съ 1340-хъ гг. нѣмецкій языкъ окончательно утверждается въ имперской канцеляріи, кромѣ сношеній съ церковными властями [1]). Въ этотъ періодъ времени центръ имперіи постепенно переходитъ съ запада на востокъ, — съ Рейна въ Австрію и Чехію. Съ наибольшей ясностію это обнаружилось при Карлѣ IV, утвердившемъ свою столицу въ Прагѣ и основавшемъ древнѣйшій въ Германіи университетъ—Пражскій (1348 г.). Вотъ тутъ то, въ пражской имперской канцеляріи этого знаменитаго государя и его преемниковъ, впервые началъ слагаться тотъ смѣшанный изъ верхненѣмецкихъ и серединнонѣмецкихъ стихій оффиціальный языкъ (das böhmische kanzleideutsch [2]), который мало по малу утвердился въ дѣловодствѣ императорскихъ канцелярій, въ актахъ Нюренбергскаго и другихъ имперскихъ сеймовъ, и въ документахъ высшаго Шпейерскаго суда. Съ XV-го в. языкъ этотъ постепенно проникаетъ въ канцеляріи курфирстовъ, особенно саксонскаго (съ половины XV-го в.), а также другихъ имперскихъ свѣтскихъ и духовныхъ князей, въ дѣловодство важнѣйшихъ серединнонѣмецкихъ городовъ, учрежденій, корпорацій, особенно въ ихъ сношеніяхъ съ центральными имперскими мѣстами и учрежденіями. Наконецъ, при помощи новоизобрѣтеннаго типографскаго станка, онъ входитъ въ употребленіе значительной части

---

[1]) Socin 147 сл.; Paul, Grundr. I, 265.

[2]) Чешское происхожденіе nhd. принимается Мюлленгофомъ и Сопиномъ (Socin 156). Однимъ изъ установителей этого языка былъ Оломуцкій епископъ Іоаннъ VIII (1310—80), правитель имперской канцеляріи при Карлѣ IV, до нѣкоторой степени—предтеча Лютера (Ibid. 153, 154).

образованнаго общества. Процессъ этотъ совершился въ теченіе времени отъ Карла IV до Фридриха III, т. е. съ половины XIV-го по конецъ XV-го вѣка, и могъ считаться до извѣстной степени законченнымъ ко времени Максимиліана I-го, на пространствѣ отъ Вѣны и Инсбрука до Гента и Брюгге [1]).

Изъ какихъ же стихій составленъ былъ этотъ имперско-дѣловой языкъ, уже къ концу XV-го в. именуемый иными общенѣмецкимъ (gemeines deutsch [2])? Въ него вошли очень разнородные элементы, отчасти традиціоннаго, отчасти діалектическаго свойства. На днѣ лежитъ основа стараго Каролингскаго дѣлового языка, не умершаго ни при Саксонцахъ, ни при Франконцахъ, и возрожденнаго съ XIII-го в. на Рейнѣ, въ Швабіи, въ Австріи. Рыцарско-поэтическій языкъ XII—XIII в. также не могъ не отложить нѣкоторыхъ наслоеній на строѣ тогдашняго государственнаго языка. Къ этому присоединились вклады канцелярій — швабскихъ при Гогенштауфенахъ, австрійскихъ при Габсбургахъ, баварскихъ при Людовикѣ IV, чехоморавскихъ при Люксембургахъ и среднерейнскихъ при Рупрехтѣ Пфальцскомъ. Преобладающее значеніе имѣли тутъ стихіи баварско-австрійскія и серединнонѣмецкія [3]), благодаря между прочимъ и важной роли городовъ Вѣны и Праги [4]), Авгсбурга и Нюренберга, Франкфурта и Майнца, Кельна и Эрфурта—въ государственной, общественной

---

[1]) Ср Raumer, Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften 1863 г., стр. 198—203; Rückert, Gesch. d. nhd. Schriftspr. I, 179 сл.; Wülcker, въ Germania 1883 г., стр. 193 сл., 195; Burdach, Die Einigung der nhd. Schriftsprache, Halle a/S 1884 г., стр. I сл.; Kluge, Von Luther I сл.; Socin, Schriftspr. 163—165.

[2]) Burdach, Einigung 2, 6.

[3]) Wülcker, въ Germania, 1883 г., стр. 193.

[4]) Въ XIV-мъ в. это былъ городъ сильно онѣмеченный. Съ 1360 г. городскіе протоколы велись по-нѣмецки (до гуситскихъ войнъ), на діалектѣ смѣшанномъ изъ верхнесаксонскаго и баварско-австрійскаго. Ср. Socin 151.

и умственной жизни нѣмцевъ XV-го в. Во Франкфуртѣ происходили избирательные съѣзды имперскихъ князей; въ Нюренбергѣ созываемъ былъ каждымъ императоромъ первый рейхстагъ, а нерѣдко собирались и послѣдующіе сеймы; въ средней Германіи находились резиденціи большинства курфирстовъ — майнцскаго, трирскаго, пфальцскаго, чешскаго, саксонскаго. И Кельнъ не былъ уже тогда чистымъ нижненѣмецкимъ городомъ. Бранибор (Brandenburg) же былъ связанъ съ югомъ своими курфирстами изъ дома Гогенцоллерновъ, родовой замокъ которыхъ возвышается на Суровой Альпѣ (Rauhe Alp). Да и всѣ почти императоры съ Рудольфа Габсбургскаго происходили изъ этой срединной полосы [1]). Тутъ расположены были торговые центры тогдашней Германіи: Авгсбургъ, Нюренбергъ, Франкфуртъ на М. и др. Тутъ помѣщается и большая часть учрежденныхъ въ XIV, XV-мъ и въ началѣ XVI-го вѣка нѣмецкихъ университетовъ: Пражскій съ 1348 г., Вѣнскій 1365 г., Гейдельбергскій 1387 г., Кельнскій 1388 г., Эрфуртскій 1392 года, Липскій 1409 года, Ингольштадтскій 1472 г., Виттенбергскій 1502 г., Франкфуртскій на Одрѣ 1506 г. За предѣлами этой передовой въ Германіи полосы находились тогда лишь университеты: Ростокскій 1419 г. и Грейфсвальдскій 1456 года на сѣверѣ, да Фрейбургскій 1457 г., Базельскій 1460 г. и Тюбингенскій 1477 г. на югѣ [2]). Здѣсь, въ Майнцѣ, появилась въ 1450-хъ годахъ и первая типографія Европы, по образцу которой устроены затѣмъ и быстро развились книгопечатни въ срединно-нѣмецкихъ же городахъ: Бамбергѣ, Нюренбергѣ, Авгсбургѣ, Шпейерѣ, Липскѣ, Эрфуртѣ и др., за которыми скоро впрочемъ послѣдовали южнонѣмецкія: въ Страсбургѣ, Ульмѣ, Эсслигенѣ, Меммингенѣ, Рейтлингенѣ, Базелѣ, и сѣвернонѣмецкія: въ Любекѣ, Дѣвинѣ (Magdeburg) и во многихъ нидерландскихъ городахъ. Типографіи эти, подоб-

---

[1]) Ср. Raumer, G. spr. Schriften I, 200.

[2]) Ср. Scherer, Geschichte der deutschen Litteratur, 269 сл.

но какъ въ Англіи, явились и въ Германіи дѣятельными поборниками литературной взаимности и общаго имперскаго языка [1]).

Соединеннымъ усиліямъ стольких дѣятелей и силъ удалось значительно подготовить къ концу XV-го и началу XVI-го в. почву для повсемѣстнаго признанія нѣмцами этого языка.

Оставались однако двѣ позиціи, на которыхъ областные діалекты упорно и успѣшно отстаивали свои права на существованіе, относясь не только холодно, но нерѣдко и враждебно къ притязаніямъ дѣлового имперскаго языка на преобладаніе въ средѣ нѣмецкихъ нарѣчій. Это были—Швейцарія съ Эльзасомъ и Швабіей на югѣ и Нидерланды на сѣверѣ, съ прилегающими къ первой алеманскими, а ко второй—нижненѣмецкими областями.

Къ корифеямъ алеманской школы конца XV-го и начала XVI-го в. принадлежатъ: Никласъ Фонъ-Виле (Wyle), Гейлеръ Фонъ-Кейзерспергъ, Себастіанъ Брантъ (авторъ Narrenschiff'а), Томасъ Мурнеръ, Памфилій Генгенбахъ и др. [2]). Первый изъ этихъ „горноземцевъ", служившій въ канцеляріяхъ франконскихъ и швабскихъ, жаловался на наплывъ австрійскихъ, рейнскихъ, фламандскихъ и иныхъ новшествъ въ дѣловой языкъ южной Германіи (unsers landes tütsche [3]). Да и въ XVI—XVII-мъ вв. мы встрѣтимъ не мало доказательствъ упорной обороны швейцарцами алеманскаго діалекта, несмотря на широкій разливъ языка имперскаго и Лютерова въ срединной и нижней Германіи. Въ этомъ алеманскомъ сепаратизмѣ, не вполнѣ побѣжденномъ и въ XVIII-мъ в., слѣдуетъ видѣть отраженіе не только діалектической и государственной отдѣльности

---

[1]) Ср. Raumer, G. spr. Schr. I, 202; Wülcker E., въ Germania 1883 г., стр. 206; Socin 160 слл., 184.

[2]) Socin 182, 188, 190.

[3]) Rückert, Gesch. I, 180 сл.; Burdach, Die Einigung стр. 3; ср. Wülcker, въ Germania 1883 г., стр. 196; Socin 182, 186.

подальпійскихъ нѣмцевъ отъ прочихъ частей племени, но и своеобразія культурныхъ условій жизни въ географическомъ поясѣ, гдѣ скрещиваются вліянія Италіи, Франціи и Германіи.

Трудно было имперскому языку побѣдить центробѣжныя стремленія и въ земляхъ нижненѣмецкихъ. Они проявлялись и въ литературной, и въ государственной областяхъ, опираясь на исконную племенную отдѣльность саксовъ, фризовъ, нижнефранковъ отъ нѣмцевъ серединныхъ и верхнихъ. Выше мы видѣли, что между Рейномъ франкскимъ и нидерландскимъ, между Гессеномъ и Вестфаліей, Тюрингіей и Остфаліей проходили нѣкоторые токи, существовалъ взаимный обмѣнъ и сюжетовъ, и формъ литературныхъ. Но обмѣнъ этотъ еще менѣе чѣмъ въ Швейцаріи могъ пошатнуть отдѣльность странъ нижнихъ, особенно въ Нидерландахъ. Съ конца XII-го и въ нихъ, какъ на среднемъ Рейнѣ, даже нѣсколько ранѣе, начинается живая литературная дѣятельность, подъ вліяніемъ рыцарской поэзіи французской и дидактической латинской. Первымъ ея центромъ была сосѣдняя съ Франціей и рыцарская Фландрія. Нѣсколько позже, въ XIII-мъ в., выступаетъ Брабантъ, а за нимъ — собственная Голландія. Въ XII — XIII-мъ вв. литература эта, состоявшая изъ переводныхъ и передѣланныхъ романовъ, легендъ, поэмъ, имѣла стихотворную форму; съ XIV-го же вѣка она разлагается и смѣняется прозаическимъ пересказомъ. Первымъ по времени авторомъ нидерландскимъ считается тотъ же Генрихъ Фонъ-Вельдеке (изъ нижнефранкскаго Лимбурга?), который составилъ „средневерхненѣмецкую“ Энеиду [1]). Но самымъ знаменитымъ изъ писателей этой школы былъ Мер-

---

[1]) Ему приписывается нидерландская легенда на мастрихтскомъ говорѣ о Св. Серваціи (S. Servatius), принадлежность которой автору „Eneit“ отрицается впрочемъ Іонкблетомъ. См. Jonckbloet, Gesch. d. ndl. Lit. I, 90. Ср. Замѣчанія Эрнста Мартена, ibid. I, стр. XI сл. и J. te Winkel, у Paul Grundr. I, 639 сл.

лантъ (Maerlant 1235—1300), авторъ поэмъ: Troja, Alexander, риѳмованной Библіи и обширнаго „Историческаго зерцала“ (Spiegel historical, 1284 — 90 гг.), составляющаго родъ поэтическаго хронографа, доведеннаго до 1250 г. [1]). Изъ школы брабантской особенно прославился дидактическій же писатель Бендале (Jan van Boendale, ок. 1350 г.). Но всемірную извѣстность получило одно лишь произведеніе старонидерландской литературы — фламандская поэма Reinaert, около 1250 года передѣланная Виллемомъ (Willem) изъ французскаго Roman de Renard. Фламандская передѣлка послужила основою для переработки нижнесаксонской, подъ названіемъ Reineke Vos, по которой составлены впослѣдствіи поэмы Гёте и Эленшлегера [2]).

Reineke Vos служитъ высшимъ произведеніемъ и саксонской средневѣковой литературы, которая вообще была довольно бѣдна и несамостоятельна, въ сравненіи не только со „средневерхненѣмецкою“, но и со старонидерландскою. Кромѣ этой сатирической поэмы мы можемъ назвать еще повѣсть изъ жизни бродяги — Eulenspiegel, составленную около 1483 г. въ нижней Германіи и проникшую потомъ въ переработкахъ въ Германію южную, Францію, Англію, Данію, Польшу, какъ ранній прототипъ позднѣйшихъ плутовскихъ романовъ (Schelmenroman [3]). Довольно богата нижнесаксонская литература и въ отдѣлѣ хроникъ, особенно городскихъ [4]). Одна изъ нихъ, именно Саксская хроника (Sachsenchronik), восходитъ къ XIII-му вѣку. Въ исторіи нѣмецкаго права важнымъ явленіемъ было „Саксонское зерцало“ (Sachsenspiegel), записанное около 1220 г. близъ Дѣвина и послужившее основою для Зерцала швабскаго (Schwabenspiegel, ок. 1275 г.), кото-

---

[1]) Jonckbloet, Gesch. d. niederländischen Literatur, I, 215 сл.

[2]) Ibid. 132—135; ср. 144.

[3]) Ср. Scherer, Gesch. d. d. Lit. 266.

[4]) Dannehl, Über ndd. Sprache und Literatur 1875 г., стр. 37.

рое получило потомъ значеніе общенѣмецкое [1]). Въ государственной же области широкое примѣненіе получилъ саксскій діалектъ какъ дѣловой языкъ знаменитаго въ 14—15 вв. Ганзейскаго союза сѣверныхъ городовъ, съ Любекомъ въ центрѣ [2]).

Довольно рано однако проникаетъ въ земли нижненѣмецкія и имперскій дѣловой языкъ. Такъ въ главныхъ канцеляріяхъ Королевца онъ утверждается съ 1530 г., въ Поморьѣ съ 1541—1604 гг., въ Мекленбургѣ съ 1542—48 гг., въ Брунсвикѣ (Braunschweig) съ 1550 г., въ Шлезвигъ-Голштиніи съ 1533—64 гг. [3]). Все это подготовило почву для позднѣйшаго вытѣсненія нижненѣмецкихъ діалектовъ Лютеровымъ языкомъ—въ богослуженіи, литературѣ, преподаваніи и даже въ устной бесѣдѣ образованнаго общества.

Но если „средневерхненѣмецкій" поэтическій языкъ XII—XIII-го в. не могъ утвердиться ни въ Нидерландахъ, ни въ саксскихъ областяхъ, языкъ же имперско-дѣловой встрѣчалъ сверхъ того противодѣйствіе со стороны діалекта алеманскаго, то попадающееся въ XV-мъ в. выраженіе „gemaines theutsch" еще не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ языка общенѣмецкаго, хотя стремленіе къ нему уже замѣчается тогда между нѣмцами [4]).

Даже во внутреннихъ областяхъ Германіи, въ бóльшей степени объединенныхъ литературно и государственно, оставались до начала XVI-го в. двѣ обширныя обла-

---

[1]) Scherer, Gesch. 230 сл. Ср. Socin 146.

[2]) Dannehl, Üb. ndd. Spr. 19; Socin 144. На средненижненѣмецкомъ писаны и статуты: Любека 1298, Бремена 1302 и н. др.

[3]) Kluge, Von Luther 102. Ср. Wülcker, въ Germania 1883 г., стр. 195 сл. Впрочемъ, по свидѣтельству Бертольда Регенсбургскаго (ок. 1247—72 г.), и при немъ многіе саксы имѣли слабость къ верхненѣмецкой рѣчи (Socin 111; ср. 142). Отъ 1336 г. же существуетъ верхненѣмецкая договорная грамота между гг. Геттингеномъ, Минденомъ и Нортгеймомъ. Paul, Grundr. I, 541.

[4]) Ср. Socin 169, 179.

сти, куда не проникали ни поэтическій, ни дѣловой языки средневѣковой Германіи: это области научная и церковно-литургическая. Въ первой латынь господствовала не только въ средніе вѣка, но и въ началѣ новыхъ, благодаря тѣсной зависимости старой науки отъ религіи, схоластической философіи отъ теологіи. Латынь была органомъ не только высшаго, но и средняго образованія во всей западной Европѣ, кромѣ мавровской Испаніи. Появлялись, правда, изрѣдка нѣмецкіе трактаты содержанія богословскаго (уже съ Карла Вел.), юридическаго (съ XIII-го вѣка), историческаго (тоже), медицинскаго, естествовѣднаго (съ XIV-го в.) и т. п.; но все это были произведенія популярныя, а не строго научныя. Послѣднія пишутся по-латыни до начала XVIII-го в., т. е. еще долѣе, чѣмъ во Франціи и Англіи, гдѣ народные языки завоевываютъ научную область уже въ XVII-мъ в.

Еще крѣпче была позиція, занятая въ Германіи „единоспасающей“ латынью въ литургическомъ употребленіи. Въ вѣкъ Каролинговъ въ ней хранились еще, какъ мы видѣли, слабѣющія преданія проповѣди готской и ирско-шотской. Но съ теченіемъ времени въ Германіи восторжествовалъ духъ св. Бонифація, этого „тюремщика“ нѣмцевъ во имя римскаго правовѣрія [2]). Въ IX—X-мъ вв. мы встрѣчали по крайней мѣрѣ нѣмецкіе переводы Pater noster, Credo, нѣкоторыхъ формулъ крещенія, исповѣди и т. п. Съ XI - XII-го в. эти слѣды дополнительнаго богослуженія на народномъ языкѣ ослабѣваютъ, равно какъ и попытки переводовъ на него Св. Писанія. Въ XIII-мъ в. издано было нѣсколько буллъ противъ такой „профанаціи“ слова Божія [3])! Еще въ 1369 г. обнародованъ былъ императорскій указъ противъ нѣмецкихъ Библій отъ имени Карла IV, но очевидно подъ

---

[1]) Scherer, Gesch. 267.

[2]) Ein Zuchtmeister im Nomen der Orthodoxie! Scherer, Gesch. 43.

[3]) Ibid. 240. Мотивировалось это скудостью „мужицкаго языка“ (Socin 110).

давленіемъ латинскаго духовенства [1]). Этотъ императоръ хлопоталъ вѣдь о возстановленіи въ Чехіи славянской литургіи, слѣдовательно не былъ враждебенъ въ принципѣ національному богослуженію. Новый толчекъ получила эта идея и между нѣмцами въ періодъ гуситскій. Въ 1430 г. за нее ратовалъ Гергардъ Цербольдъ [2]). Вскорѣ появляются и печатныя нѣмецкія Библіи, какъ въ верхненѣмецкомъ (съ 1466 г.), такъ и въ нижненѣмецкомъ (съ 1480 года) переводахъ [3]). За нѣмецкій языкъ ратовали и мистики 15—16 в. [4]).

Но настоящимъ освободителемъ нѣмцевъ отъ путъ литургической латыни былъ Лютеръ, этотъ Виклефъ и вмѣстѣ Тиндаль нѣмцевъ. Когда онъ выступилъ въ 1517 г. въ качествѣ церковнаго реформатора и рѣшился искать въ нѣмецкомъ народѣ поддержки противъ римской куріи и ея слугъ въ Германіи, то латынь оказалась непригодною для всенародной проповѣди,—тѣмъ болѣе, что сама эта латынь служила какъ-бы внѣшнимъ символомъ духовнаго порабощенія нѣмцевъ Римомъ. Пришлось избрать болѣе общеизвѣстную и вмѣстѣ независимую отъ заальпійскихъ поработителей—нѣмецкую рѣчь. Но тутъ встрѣтилось важное затрудненіе: у нѣмцевъ того времени не было еще язычнаго единства. Одни продолжали писать на томъ полукнижномъ, полународномъ языкѣ, который велъ свои преданія отъ „средневерхненѣмецкаго", былъ сильно видоизмѣненъ проповѣдниками и мистиками, хронистами и легендистами, мейстерзенгерами и авторами мистерій и дошелъ до XVI-го в. въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, обусловленныхъ приливомъ областныхъ разнорѣчій [5]); другіе

---

[1]) Kluge, Von Luther 3. Существуетъ подобное запрещеніе майнцскаго архіепископа отъ 1486 г.! (Socin 110).

[2]) Kluge, Von Luther 4.

[3]) Scherer, Gesch. 276 сл.; Dannehl, Üb. die ndd. Sprache 12.

[4]) Ср. Socin 210.

[5]) Burdach, Die Enigung 14.

держались нѣмецкаго дѣловаго языка, примѣнительно къ его сѣверозападному, юговосточному или серединному типамъ; третьи наконецъ писали на мѣстныхъ діалектахъ, не умѣя или не желая подчинить ихъ какимъ либо внѣшнимъ вліяніямъ и нормамъ. По какому же изъ трехъ этихъ путей пошелъ Лютеръ?

Если выслушать его собственное свидѣтельство о томъ, то можно бы подумать, что онъ избралъ своимъ образцомъ дѣловой имперскій языкъ, въ верхнесаксонской или вообще серединнонѣмецкой редакціи: „Я не употребляю, говоритъ онъ въ одной изъ застольныхъ рѣчей, какого либо своего особаго нѣмецкаго языка, а пишу на обыкновенномъ нѣмецкомъ такъ, чтобы меня могли понимать и верхнеземцы и нижнеземцы. Я придерживаюсь слога саксонской канцеляріи, которой слѣдуютъ въ этомъ отношеніи всѣ князья и короли Германіи. Всѣ имперскіе города и княжескіе дворы пишутъ согласно съ языкомъ саксонской и нашего государя канцеляріи. Потому то и считается онъ самымъ обыкновеннымъ нѣмецкимъ языкомъ" [1]). Что подъ языкомъ курсаксонской канцеляріи Лютеръ разумѣлъ вмѣстѣ и дѣловой императорскій языкъ, это видимъ изъ его же словъ: „императоръ Максимиліанъ (I) и курфирстъ Фридрихъ (Мудрый), герцогъ саксонскій, привели нѣмецкіе языки въ римской имперіи къ одному опредѣленному типу" [2]). Казалось бы, при столь ясномъ за-

[1]) „Ich habe keine gewisse, sonderliche, eigene Sprache im Deutschen, sondern brauche der gemeinen deutschen Sprache, dasz mich beide, Ober- und Niederländer, verstehen mögen. Ich rede nach der sechsischen Cantzlei, welcher nachfolgen alle Fürsten und Könige in Deutschland; alle Reichsstedte und Fürstenhöfe schreiben nach der sechsischen und unsers Fürsten Cantzlei. Darumb ist's auch die gemeinste deutsche Sprache. Cp. Rückert, Gesch. II, 32; Socin 164.

[2]) Kaiser Maximilian und Kurfürst Friedrich, Herzog von Sachsen, haben im römischen Reiche die deutschen Sprachen also in eine gewisse Sprache gezogen. Rückert, Gesch. II, 35.

явленіи самого Лютера о тожествѣ его языка съ дѣловымъ языкомъ канцеляріи саксонскаго курфирста, почти совпадавшимъ съ дѣловымъ имперскимъ языкомъ того времени, невозможны никакія сомнѣнія въ этомъ тожествѣ, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ верхнесаксонскому происхожденію Лютера и постоянному почти пребыванію его то въ Эрфуртѣ, то въ Виттенбергѣ, то въ Вартбургѣ, то въ родномъ Эйслебенѣ,—словомъ, въ областяхъ курсаксонскихъ, мишенскихъ и смежныхъ тюрингскихъ. Тѣмъ не менѣе, при сравненіи языка Лютера, особенно его знаменитой Библіи, переведенной съ оригинальныхъ текстовъ въ 1521—1534 гг. [1]), съ языкомъ актовъ имперской и курфирстскихъ канцелярій того времени, въ частности же курсаксонской, оказывается значительное различіе, замѣченное и современниками, которые упрекали Лютера въ отступленіяхъ отъ „gemeines deutsch", „rechte teutsche Sprach" [2]). Отступленія эти состояли главнѣйше во фразеологіи, синтаксисѣ и стилѣ. Какъ ни часты въ языкѣ Лютера запутанные періоды, сложныя причастныя и независимыя конструкціи, относительныя аттракціи, винительный съ неокончательнымъ, анаколутіи, многосоюзіе и тому подобные наросты латинскаго происхожденія [3]), — все же число этихъ наростовъ составляетъ лишь малую долю латинизмовъ, испещрявшихъ тогдашній дѣловой, особенно же габсбургско-имперскій языкъ Германіи. Рѣчь Лютера была не рабскимъ слѣпкомъ съ послѣдняго, а сознательнымъ его сочетаніемъ съ другими стихіями, отчасти традиціоннаго, отчасти живого происхожденія. Это видимъ и изъ насмѣшекъ, съ которыми онъ относился иной разъ къ „канцеляристамъ", ставя ихъ на одну доску съ „ве-

---

[1]) Первое изданіе Новаго Завѣта въ 1522 г., полной же Библіи 1534 г. въ Виттенбергѣ. Scherer, Gesch. 278. Отъ 1534 до 1584 г. изъ одной виттенбергской типографіи Г. Луфта разошлось до 100.000 экз. Библіи! (Socin 209).

[2]) Ср. Burdach, Die Einigung 11, 22, 24; Socin 161 слл.

[3]) Burdach 6. Ср. Rückert, Gesch. II, 119 слл.; Socin 203, 298; Paul, Grundr. I, 542.

тошными проповѣдниками" и „кукольными писаками" [1]). Будучи однимъ изъ послѣдователей, а вмѣстѣ и даровитѣйшимъ представителемъ средненѣмецкой мистической школы, Лютеръ не могъ не усвоить себѣ многаго изъ язычнаго ея наслѣдія. Особенно замѣтна эта связь въ полемическихъ трактатахъ и письмахъ его по разнымъ богословскимъ вопросамъ. Какъ авторъ же церковныхъ пѣсенъ и гимновъ, Лютеръ является въ обширной духовно-пѣсенной литературѣ нѣмцевъ органическимъ звеномъ, соединяющимъ школу старую съ новою, пореформаціонною [2]).

Третьей стихіей Лютерова языка были живые говоры серединнонѣмецкой родины реформатора, а отчасти смежныхъ нижнихъ и верхнихъ областей. Что онъ обильно пользовался этимъ источникомъ, узнаемъ изъ собственнаго его посланія переводчикамъ, о выборѣ словъ и оборотовъ: „Не изъ буквъ латинскаго языка, говоритъ онъ, нужно выводить правила нѣмецкой рѣчи, а изъ распросовъ, какъ говорятъ — мать дома, дѣти на улицѣ, простолюдинъ на базарѣ. Нужно присматриваться къ движенію ихъ губъ во время рѣчи и руководиться этимъ при переводахъ. Тогда и они васъ поймутъ и замѣтятъ, что съ ними говорятъ по-нѣмецки" [3]).

Этимъ вниманіемъ къ живой народной рѣчи объясняется богатство, свѣжесть и живучесть Лютерова языка, чрезвычайная популярность его перевода Библіи и церковныхъ пѣсенъ и глубокая народность совершеннаго имъ подвига въ церковной и язычной областяхъ.

Непосредственнымъ и ежедневнымъ предметомъ діалектическихъ наблюденій Лютера были различные говоры верхнесаксонскаго и тюрингскаго разнорѣчій,—особенно ми-

---

[1]) ...der Herren Canzeleien, Lumpenprediger, Puppenschreiber. Rückert, Gesch. II, 37.

[2]) Ср. Raumer, G. spr. Schriften I, 356; Burdach, Die Einigung 13.

[3]) Kluge, Von Luther 47 сл. Ср. Behaghel у Paul, Grundr. I, 542; Socin 201 сл.

шенскіе по Лабѣ, почему многіе тогда и позже называли его языкъ „мишенскимъ“ (meissnisch). Но Лютеръ располагалъ довольно обстоятельнымъ знакомствомъ и съ другими смежными говорами, которыми онъ и пользовался подчасъ, въ сознательномъ стремленіи писать понятно не для непосредственныхъ лишь своихъ земляковъ, но и для болѣе отдаленныхъ соплеменниковъ.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ нѣмецкихъ нарѣчій наименѣе сочувственны были Лютеру говоры алеманскіе, о которыхъ онъ укоризненно говоритъ: „языкъ горноземскій не есть настоящій нѣмецкій; онъ выговаривается слишкомъ полнорото и широкорото, а потому звучитъ грубо“ [1]). Не нравились ему также говоры австро-баварскіе и франкскіе (къ югу отъ Тюрингіи и Франконскаго лѣса), „отзывающіеся-де чѣмъ то грубымъ и неотесанымъ“ [2]). Пріятнѣе звучали для его слуха мягкіе серединные, особенно гессенскіе говоры, а еще болѣе нижніе, напр. въ Маркѣ, гдѣ губы движутся-де столь легко и ловко, что прислушиваясь къ рѣчи маркца едва замѣчаешь это движеніе [3]).

Для успѣховъ Лютерова языка чрезвычайно благопріятнымъ обстоятельствомъ было то, что онъ родился въ крестьянской избѣ и жилъ не въ одной изъ окраинъ Германіи, а въ самомъ средоточіи ея, по крайней мѣрѣ въ діалектическомъ смыслѣ, и притомъ главнымъ образомъ въ Виттенбергѣ, который, будучи расположенъ на рубежѣ Германіи сѣверной, служилъ удобнымъ мостомъ для распространенія въ нее рѣчи серединной [4]).

Къ недостаткамъ Лютерова языка относится его неустойчивость и непослѣдовательность, особенно въ отношеніяхъ орѳографическомъ, морфологическомъ и терминo-

---

[1]) Rückert, Gesch. II, 40; Socin 207.

[2]) Rückert, Gesch. II, 41.

[3]) Ibid. 41.

[4]) Rückert, Gesch. II, 45; Dannehl, Üb. ndd. Spr. 11. Ср. Socin 143—о преимуществахъ мишенскаго говора по Priamel'ю (XV в.) и др.

логическомъ. Она замѣчается и въ рукописяхъ [1]), но еще болѣе въ печатныхъ изданіяхъ, гдѣ и корректоры оставили слѣды своихъ умствованій, на что горько жаловался самъ Лютеръ [2]). Затѣмъ нельзя не замѣтить, что при эклектическомъ подборѣ словъ и оборотовъ въ языкъ Лютера проникло много условнаго и искусственнаго, много разнородныхъ стихій, не вполнѣ переплавленныхъ въ горнилѣ его мысли и религіознаго чувства. При всей своей теплотѣ и силѣ, это религіозное чувство оказалось въ Лютерѣ не столь богатымъ ключомъ языкообразующихъ движеній и формъ, какъ эстетическое чувство Гомера, Данта, Чосера, вообще писателей-художниковъ. Богословская спеціальность реформатора имѣла и то неудобство, что вращалась въ довольно одностороннемъ кругѣ идей и формъ, выработанныхъ по большей части не мѣстной жизнью, не личной мыслью реформатора, а въ значительной степени усвоенныхъ изчужа и переработанныхъ лишь внѣшнимъ образомъ, въ переводахъ еврейской и греческой Библіи.

Но въ недостаткахъ этихъ скрывались условія и необыкновенныхъ успѣховъ Лютерова языка. Внутренняя измѣнчивость давала ему способность приноровляться къ условіямъ времени и мѣста и пускать какъ бы новый побѣгъ изъ того же стебля всякій разъ, когда достигъ мѣры своего роста побѣгъ старый. Эклектическій составъ этого языка отрывалъ его отъ узко-областной почвы и открывалъ ему доступъ въ среду другихъ діалектовъ. Церковная же односторонность протестантскаго языка, затрудняя распространеніе его между нѣмцами-католиками, въ южной Германіи, не мало содѣйствовала его успѣхамъ на сѣверѣ, въ средѣ населеній нижненѣмецкихъ.

Эти главнѣйше преимущества обусловили торжество Лютерова языка надъ другими соперничавшими діалектами.

---

[1]) Особенно—въ первоначальныхъ. Позже языкъ Лютера сталъ однороднѣе и ближе къ дѣловому имперскому типу. Ср. Lehmann A., Luthers Sprache. Halle 1873, стр. VI.

[2]) Burdach, Einigung 7; Rückert II, 41.

Но оно досталось ему не сразу, а послѣ продолжительной двухвѣковой почти борьбы, въ которой вѣсы не разъ перегибались и на противоположную сторону.

Особенно нерѣшительны и сомнительны были успѣхи Лютерова языка въ первый вѣкъ его боевой жизни, до выступленія Опица въ первой четверти XVII-го в. Ему пришлось ратовать въ этотъ періодъ и противъ литературныхъ преданій и привычекъ стараго времени, и противъ подавлявшаго нѣмецкую мысль авторитета канцелярскихъ перьевъ (Tintendeutsch) и императорскаго двора, и противъ антагонизмовъ сектаторскаго рода, а наконецъ противъ областныхъ самолюбій, гнѣздившихся то въ кантонахъ юга, то въ сѣверномъ приморьѣ. Какъ слабы были въ XVI-мъ вѣкѣ успѣхи Лютерова языка въ поэтической области, видимъ изъ того, что два лучшіе нѣмецкіе поэта этого вѣка — нюренбергскій сапожникъ, поклонникъ идей Лютера, драматургъ Гансъ Саксъ († 1569) и эльзасскій комикъ Іоганнъ Фишартъ († 1590?) — писали не на этомъ языкѣ, а на особаго рода смѣси старыхъ формъ съ новымъ язычнымъ содержаніемъ, примѣнительно къ языку авгсбургскихъ, нюренбергскихъ и друг. типографій, при обильномъ притокѣ областныхъ особенностей [1]). Этотъ, кажется, языкъ считалъ во второй половинѣ XVI-го вѣка нормою литературнаго стиля и баварскій историкъ Авентинъ, котораго не удовлетворяли ни латинизующій дѣловой языкъ канцелярій, ни библейскій Лютера [2]).

Имперская канцелярія при Карлѣ V и Фердинандѣ I также обнаруживала мало расположенія къ языку протестантской Библіи, считая его, во 1-хъ, чѣмъ-то провинціальнымъ, „мишенскимъ", во 2-хъ — еретическимъ, слѣдовательно достойнымъ преслѣдованія, наряду съ тезисами авгсбургскаго исповѣданія. И этотъ взглядъ раздѣляли многіе писатели XVI-го в., напр. грамматисты Валентинъ Иккельзамеръ, І. Е. Мейкснеръ, Л. Альбертусъ, А. Элин-

---

[1]) Scherer, Gesch. 182, 184; но ср. 288.

[2]) Burdach, Einigung 14.

геръ, Г. Вольфъ, А. Гугъ (Hug), I. Кольроссъ, историкъ Э. Чуди (Tschudi), полигисторъ К. Гесснеръ, лексикографы I. Фризіусъ, I. Маалеръ и др. [1]).

Еще сильнѣе была вражда къ Лютерову языку въ средѣ нѣмецкихъ латинниковъ, а также цвингліанцевъ, кальвинистовъ и другихъ сектаторовъ. Уже при самомъ началѣ дѣятельности Виттенбергскаго профессора выступили противъ него Мурнеръ и Эккъ, изъ коихъ первый осмѣялъ его въ нѣсколькихъ анонимныхъ сочиненіяхъ 1520 г. и особенно въ „Grosser Lutherischer Narr" (1522 [2]), второй же пытался подорвать значеніе Лютеровой Библіи своей нѣмецкой же, но на другой, австро-дунайскій діалектъ переложенной католической Библіей [3]). Имъ вторилъ потомъ Кохлеусъ и н. др. [4]). Правда, къ концу XVI-го в. Лютеровъ языкъ стали изучать даже въ іезуитскихъ школахъ южной Германіи, напр. въ Мюнхенской коллегіи съ 1595 года [5]), по учебнику пылкаго лютеранина Клаюса (Clajus); но это дѣлалось въ полемическихъ видахъ, а не изъ уваженія къ этому языку.

Не менѣе папистовъ враждебны были языку Лютера и цвингліанцы, имѣвшіе свой центръ въ Цюрихѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Цвингли. Онъ писалъ первоначально на своемъ родномъ обертоггенбургскомъ говорѣ, позже — на цюрихскомъ, который и сталъ затѣмъ образцомъ для его послѣдователей [6]). Лютеръ очень насмѣшливо отно-

---

[1]) Burdach, Die Einigung 11; Socin 266, 276 сл., 283, 289 сл., 292 сл. Ср. Rückert, Gesch. II, 169 сл.

[2]) Scherer. Gesch. 286. Ср. Kluge, Von Luther 14.

[3]) Eck. Katholische Bibel 1537 г. Ср. Kluge, Von Luther 28. Впрочемъ, переводъ этотъ былъ не самостоятеленъ, а составленъ по переводу Эмзера (1527 г.), который въ свою очередь близко держался Лютерова Новаго Завѣта, измѣняя его лишь въ тенденціозныхъ для паписта мѣстахъ. Kluge, Von Luther 39; Socin 219.

[4]) Scherer, Gesch. 286.

[5]) Rückert, Gesch. II, 160; Kluge, Von Luther 38.

[6]) Rückert II, 186; Socin 300.

сился къ этому діалекту, говоря, что „не напотѣвшись, не поймешь его“ [1]). Онъ не получилъ широкой распространенности, не утвердился въ Базелѣ, не проникъ до Страсбурга, стѣсненный съ разныхъ сторонъ папизмомъ, лютеранствомъ, кальвинизмомъ [2]).

И кальвинисты не принадлежали къ поклонникамъ Лютерова языка, какъ это выразилось между прочимъ въ писательской дѣятельности Ратихія (Ratichius [3]). Антагонизмъ этотъ задержалъ распространеніе „нововерхненѣмецкаго“ въ сѣверозападной Германіи, гдѣ кальвинизмъ пустилъ болѣе глубокіе корни и былъ, кажется, одною изъ причинъ окончательнаго отдѣленія нидерландцевъ отъ Лютерова, т. е. позднѣйшаго общенѣмецкаго языка [4]). Трезвая и ясная мысль нидерландца, развившаяся подъ вліяніемъ Франціи и моря, не могла особенно увлекаться мистицизмомъ Лютера. Это отразилось и въ холодныхъ отношеніяхъ къ послѣднему знаменитаго голландскаго ученаго Эразма Роттердамскаго, которому слѣдовали во взглядѣ на Лютера и прочіе нидерландскіе гуманисты. Болѣе соотвѣтствовало духу и настроенію нидерландской буржоазіи строгое, но простое и ясное ученіе Кальвина, который и по пикардскому своему происхожденію былъ близокъ Фландріи, Брабанту, а черезъ нихъ—Голландіи. Кальвинизмъ дѣйствительно утвердился въ Нидерландахъ, не смотря на преслѣдованія герцога Альбы и продолжительную войну съ Испаніей. Война эта, первовиновниками которой были Габсбурги, ожесточила нидерландцевъ не только противъ Испаніи, но и противъ Германской имперіи, а черезъ то усилила областной сепаратизмъ и нерасположеніе къ языку общенѣмецкому, въ формѣ ли то имперскихъ канцелярій, или лютеранской Библіи. При такихъ условіяхъ въ XVI-мъ в. нидерландцы ни на шагъ не приблизились

---

1) Kluge, Von Luther 68.
2) Rückert, Gesch. II, 187 слл.
3) Burdach, Einigung 10.
4) Jonckbloet, Gesch. d. ndl. Liter. I, стр. XIV.

къ язычной взаимности съ нѣмцами. Они продолжали писать на своемъ діалектѣ какъ въ прозаической, такъ и въ поэтической областяхъ. Нидерланды произвели въ этотъ періодъ „брабантскую Сафо“ Анну Бинсъ (Bijns † 1567 ?), брабантскаго же драматурга и дидактика Іоанна Баптиста Гоуверта (Houwaert † 1599) и знаменитаго переводчика нидерландской Библіи Филиппа Ванъ-Марникса (Marnix), автора многихъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій въ антипапскомъ духѣ [1]). Съ конца XVI-го в., вслѣдствіе отпаденія Фландріи и Брабанта отъ сѣверныхъ Нидерландовъ, литературная дѣятельность замираетъ на югѣ, но зато возрождается съ небывалой силой и блескомъ въ собственной Голландіи, діалектъ которой и установился наконецъ въ правахъ общенидерландскаго литературнаго и дѣлового органа.

Иначе направилась съ XVI-го в. духовная жизнь и язычное развитіе восточныхъ областей нижнеѣмецкаго языка. Области эти легко и прочно прильнули къ лютеранству, благодаря особенно Виттенбергскому университету, расположенному на рубежѣ нижней Германіи и бывшему главнымъ средоточіемъ дѣятельности Лютера. На языкѣ это отразилось не сразу, ибо самъ реформаторъ, предназначая свой переводъ Библіи не только для горноземцевъ, но и для дольноземцевъ [2]), не скрывалъ отъ себя затрудненій въ пониманіи ея послѣдними. Поэтому онъ не только не сопротивлялся, но даже покровительствовалъ нижненѣмецкимъ переложеніямъ церковныхъ и богословскихъ книгъ. Его виттенбергскій ученикъ и другъ Бугенгагенъ (Bugenhagen † 1558 г.) перевелъ Лютерову Библію, катихизисъ, церковные гимны, постиллы на саксскій діалектъ, котораго литературнымъ средоточіемъ былъ тогда Гамбургъ [3]). Тому же Бугенгагену принадлежитъ починъ

---

[1]) Ibid. 416, 431, 433.

[2]) ...dass mich beide, Ober- und Niederländer, verstehen mögen. Rückert, Gesch. II, 32.

[3]) Rückert II, 33, 193. Самыя позднія изданія нижне-

въ нижненѣмецкомъ изданіи протестантскаго церковнаго устава (Kirchenordnung 1528 г.) для Брунсвикской церковной области [1]). Да и въ свѣтской литературѣ нижненѣмецкій еще держался въ XVI-мъ в., какъ свидѣтельствуетъ переводъ на этотъ діалектъ Брантова „Корабля глупцовъ“ (Brant, Narrenschiff [2]), а затѣмъ—Поморская хроника стральзундца Томаса Канцова (Kantzow [3]) и Голштинская хроника Іог. Петерсена [4]). Наконецъ, тридцатилѣтняя война нанесла тяжелый ударъ нижненѣмецкому языку и литературѣ [5]).

Изъ изложеннаго видно, какъ сильны были еще въ XVI-мъ в. центробѣжныя стремленія нѣмцевъ въ области язычной, какъ разнородны и значительны были затрудненія, встрѣченныя языкомъ Лютера при возвышеніи до роли общенѣмецкаго. Тѣмъ не менѣе роль эта была уже ему предназначена, хотя о томъ и не мечталъ реформаторъ, сосредоточившій свои помыслы на преобразованіи церкви, а не языка.

Довольно рано выступаютъ писатели, подражавшіе великому учителю не только въ направленіи, но и въ язычной формѣ своихъ произведеній. Ихъ рядъ начинаетъ гуманистъ Ульрихъ Фонъ-Гуттенъ, прославившійся впрочемъ болѣе латинскими, чѣмъ нѣмецкими сочиненіями. За нимъ слѣдуютъ нѣмецкіе стихотворцы: Іонасъ (I. Jonas), Рэреръ (G. Rörer), Матезіусъ (I. Mathesius), Ляутербахъ (A. Lauterbach) и др. [6]). Ни одинъ изъ нихъ не

нѣмецкой Библіи — любекское 1615 г., гамбургское 1620 г. и госларское 1621 г. Kluge, Von Luther 97. Ср. Socin 222.

1) Dannehl, Üb. die ndd. Spr. 12.

2) Изд. въ Ростокѣ въ 1519 г.

3) Она переведена въ 1538 г. на Лютеровъ языкъ. Rückert, Gesch. II, 193; Kluge, Von Luther 97.

4) 1557 г. Ср. Kluge, Von Luther 97.

5) Socin 222. Долѣе всего держался нижненѣмецкій въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и въ низшемъ стилѣ комедіи. (Ibid. 223).

6) Ср. Socin 219.

возвышался надъ среднимъ уровнемъ. Но такъ какъ ихъ было много, то въ совокупности ихъ голосъ оказался сильнѣе и Бранта, и Мурнера, и Ганса Сакса, и Фишарта,—словомъ, всѣхъ болѣе самобытныхъ и сильныхъ писательскихъ талантовъ реформаціоннаго вѣка. Примѣръ же многихъ, хотя и посредственныхъ авторовъ воздѣйствовалъ на теоретиковъ языка, часть которыхъ уже съ 1530-хъ годовъ ссылается на Лютера, какъ на авторитетъ въ вопросахъ языка,—сначала наряду съ другими, а потомъ и преимущественно передъ всѣми. Такъ силезецъ Фабіанъ Франкъ въ нѣмецкой Orthographie 1531 г. [1]) совѣтуетъ слѣдовать языку императорской канцеляріи Максимиліана I и современныхъ сочиненій Лютера [2]). Языкъ послѣдняго дѣйствительно отразился на нормахъ этого письмовника [3]). Еще болѣе замѣтно вліяніе Лютера на грамматикахъ Маттезіуса, Ребгуна (Rebhuhn 1544 г.), особенно же Іоганна Клаюса (Clajus 1578 г. [4]), изъ коихъ послѣдній былъ фанатическимъ приверженцемъ языка Библіи, выражаясь о немъ такъ: „Господь Богъ говорилъ нѣкогда съ евреями на чистомъ еврейскомъ языкѣ черезъ пророковъ, съ нѣмцами же—черезъ Лютера“ [5]). Грамматика эта держалась очень долго не только въ средней, но и въ южной Германіи. Еще въ 1720 г. она вышла 11-мъ изданіемъ. Даже въ іезуитскихъ школахъ по ней обучались нѣмецкому языку [6]). Это можетъ служить доказательствомъ, что съ конца XVI-го вѣка языкъ Лютера, не ставъ еще общимъ языкомъ нѣмцевъ, что случилось значительно позже, все же занялъ первое мѣсто между соперничавшими діалектами даже въ чисто-литературной области. Вліяніе его рано стало за-

---

[1]) Fabian Frangk, Teutscher Sprach Art und Eigenschaft, Orthographie 1531 г.

[2]) .... Kaiser Maximilians Canzlei und dieser Zeit D. Luthers Schreiben. У Rückert'а, Gesch. II, 169, 171.

[3]) Wülcker, въ Germania 1883 г., стр. 273.

[4]) Scherer, Gesch. 279; Kluge, Von Luther 37.

[5]) Wülcker, Germania 1883 г., стр. 191; Socin 259.

[6]) Kluge, Von Luther 38, 128.

мѣтно и на языкѣ дѣловомъ или „чернильномъ“ (Tintendeutsch), канцелярскомъ. Это отмѣтилъ уже Юстусъ Іонасъ въ надгробномъ словѣ Лютеру [1]). Даже такіе ультракатолическіе авторы, какъ Эккъ, стали замѣчать въ канцелярскомъ языкѣ — конечно, по сравненію съ Лютеровымъ — такіе недостатки, какихъ прежде не подозрѣвали. Запутанность его конструкціи, заимствованной изъ латинскаго, стала столь очевидна, что въ школьномъ уставѣ (Schulordnung 1575 г.) прямо внушается предостерегать учениковъ отъ употребленія канцелярскаго стиля, съ его частыми и сбивчивыми „nachdem und demnach“, т. е. „понеже и посему“ [2]).

Но серединный или „царскій путь“ Лютерова языка пролегалъ по области не чисто-литературной, не государственной, а церковно-литургической. Завоевавъ для народной рѣчи право быть языкомъ Свящ. Писанія, богослуженія, проповѣди, катихизаціи, Лютеръ не ограничился теоретическимъ признаніемъ этого права, а провелъ его въ жизнь своимъ переводомъ Библіи, изданіемъ церковныхъ пѣсенъ, постиллъ, катихизисовъ, уставовъ и т. п. Даже католическіе нѣмцы воспользовались этимъ „открытіемъ материнскаго языка“, ибо ихъ Библіи, напр. Эмзера (1527 года [3]), Дитенбергера (1534 г.) и даже Экка (1537 г.) составлены по образцу лютеранской [4]).

Очень важнымъ дѣятелемъ въ распространеніи и лютеранства, и его языка была церковная проповѣдь. Первоначально она должна была держаться областныхъ діалектовъ. Но по мѣрѣ распространенія въ средѣ протестантовъ знакомства съ языкомъ библейскимъ, онъ сталъ все чаще раздаваться съ церковной каѳедры не только въ серединныхъ областяхъ, но также въ южныхъ и сѣверныхъ.

---

[1]) Kluge, Von Luther 42.

[2]) Ibid. 43.

[3]) Языкъ Лютера онъ называетъ süss und gut. (Socin 219).

[4]) Scherer, Gesch. 280 сл.

Въ большей части послѣднихъ это случилось однако не въ XVI-мъ, а въ XVII-мъ в.

Въ школы проникаетъ языкъ Лютера со второй половины XVI-го в., какъ видимъ изъ вышеуказаннаго Schulordnung 1575 г. [1]). Въ сѣверной Германіи на это подчасъ жаловались педагоги, домогавшіеся изданія классиковъ, съ нижненѣмецкимъ комментаріемъ, чтобы ученики могли его понимать [2]). Но все же и тамъ предписано было пріучать учениковъ къ „верхнеземскому языку“ (oberländische Sprach), чтобы они могли читать на немъ въ церкви Посланія и Евангеліе [3]). Вообще съ 1570-хъ годовъ мы не встрѣчаемъ уже въ школьныхъ дѣлахъ нижненѣмецкой рѣчи [4]).

Судя по этому, можемъ предполагать, что часть образованнаго нѣмецкаго общества уже въ XVI-мъ в. усвоила себѣ языкъ Лютера. Потому-то и содержатели нѣмецкихъ типографій XVI-го в., слѣдившіе за вкусомъ образованныхъ сословій и приноровлявшіеся къ нему, мало-по-малу стали покидать языкъ дѣловой и замѣнять его библейскимъ не только въ Мишни, но и на Рейнѣ и въ верхней Германіи [5]).

Во всякомъ случаѣ, въ исходѣ XVI-го в. въ Германіи не было еще вполнѣ установленнаго общаго языка ни въ сознаніи писателей, ни въ привычкахъ читателей. Гесснеръ въ предисловіи къ словарю Малера (1560 г.) свидѣтельствуетъ, что чистымъ нѣмецкимъ языкомъ считали въ то время — одни рѣчь липскую, на которой-де писалъ свои сочиненія Лютеръ, другіе—рѣчь авгсбургскую, третьи

---

1) Kluge 42.

2) Ср. Stralsunder Schulordnung 1591 г. у Kluge, Von Luther 103.

3) Ср. Braunschweiger Schulordnung y Kluge, Von Luther 104.

4) Socin 225.

5) Ср. Wülcker, въ Germania 1883 г., стр. 207; Kluge, Von Luther 55.

же — базельскую [1]). И Натанъ Хитреусъ (Chytraeus) въ своемъ Латино-саксонскомъ словоуказателѣ 1582 г. говоритъ о языкѣ общенѣмецкомъ какъ объ отдаленной цѣли, а не наличномъ фактѣ [2]). Въ Стральзундскомъ же школьномъ уставѣ 1591 г. встрѣчаемъ и перечисленіе тогдашнихъ верхненѣмецкихъ литературныхъ діалектовъ (idiomata), которыхъ оказывалось три: idioma misnicum, svevicum, alsaticum [3]). То же узнаемъ изъ Букваря Себастіана Гельбера 1593 г., гдѣ перечислены три верхненѣмецкіе и три нижненѣмецкіе письменные языка: А. 1) срединно-нѣмецкій, 2) дунайскій, 3) верхнерейнскій; Б. 1) кельнскій, 2) саксскій, 3) фламандскій [4]). Подъ срединно-нѣмецкимъ онъ разумѣлъ тотъ, на которомъ печатались тогда книги въ Липскѣ, Эрфуртѣ, Вюрцбургѣ, Нюренбергѣ, Гейдельбергѣ, Франкфуртѣ, Майнцѣ и даже Страсбургѣ; подъ дунайскимъ — діалекты баварскій и швабскій; подъ верхнерейнскимъ же — діалектъ швейцарскій, по изданіямъ базельскимъ и констанцкимъ [5]). Три эти языка соотвѣтствуютъ приблизительно тремъ языкамъ Гесснера и тремъ idiomata Стральзундскаго устава: первый — липскому или misnico, по области Мишенской на средней Лабѣ, рѣчь которой многіе и тогда и позже считали особенно близкою къ языку Лютера; второй — авгсбургскому или svevico, по принадлежности тогдашней Швабіи къ литературному типу баварско-австрійскому; третій же — базельскому или alsatico, въ смыслѣ верхнеэльзасскаго, къ югу отъ Страсбурга. Что касается трехъ

---

[1]) K. Gessner, въ Maaler's Wörterbuch 1560 г., у Burdach, Einigung 21; Socin 294.

[2]) Nathan Chytraeus: Praefatio, въ Nomenclator latinosaxonicus 1582 г.: ...qui in natione Germanica... communem aliquam, qualis im Graecia fuit, linguam constitueret и т. д. Burdach, Die Einigung 16 сл.

[3]) Burdach, Einigung 18.

[4]) Sebastian Helber, Syllabierbüchlein 1593 г. у Burdach, Einigung 19 сл.

[5]) Burdach, Einigung 20.

нижненѣмецкихъ языковъ Гесснера: кельнскаго, фламандскаго, саксскаго, то первый былъ остаткомъ сильнаго нѣкогда нижнефранкскаго дѣлового языка, долгое время господствовавшаго на Рейнѣ и въ примыкающихъ областяхъ лотаринго-нидерландскихъ; второй терминъ употребленъ въ смыслѣ языка нидерландскаго (фламандо-брабанто-голландскаго), третій же — въ значеніи собственно нижненѣмецкаго, въ нынѣшнихъ „платдейчскихъ" областяхъ.

Такимъ образомъ XVI-ый в. передалъ въ наслѣдіе XVII-му не менѣе шести соперничавшихъ діалектовъ, съ едва намѣченными очертаніями общаго между ними посредника и высшаго представителя. И не одно еще прошло десятилѣтіе, пока окончательно созрѣла мысль о пользѣ и необходимости общаго языка нѣмцевъ, и пока эта мысль завоевала себѣ всеобщее признаніе и практическое выполненіе. Это совершилось уже послѣ тридцатилѣтней войны, нанесшей тяжелый ударъ нижненѣмецкому языку [1]).

Сепаратистскую точку зрѣнія защищали еще многіе теоретики и авторы XVII-го в. Такъ швейцарецъ Саттлеръ въ своей „Нѣмецкой ороографіи" 1607 г. проводитъ мысль, что хотя нѣмцы и имѣютъ „настоящій нѣмецкій языкъ" (rechte teutsche Sprach) въ дѣловомъ языкѣ имперскихъ, княжескихъ и городскихъ канцелярій и Шпейерскаго имперскаго суда, однако не обязаны слѣпо его держаться, а могутъ писать и на областныхъ діалектахъ [2]). То же приблизительно говоритъ и кельнецъ Генрихъ Каниній въ „Нѣмецкой ороографіи" 1604 г. Онъ довольно безразличенъ къ діалектическимъ формамъ словъ, позволяя каждому писать по желанію: kōnig, kūnig и т. п., ибо „каждая область имѣетъ-де свои особенности и свою рѣчь" [3]).

---

[1]) Ср. Socin 308.

[2]) Sattler, Teutsche Orthographey und Phraseologey. Basel 1607 г. То же и въ 7-мъ изданіи 1658 г.! Ср. Burdach, Einigung 24; Socin 313 сл.

[3]) Henricus Caninius, Orthographia germanica, Кельнъ 1604 г. у Burdach, Einigung 23.

Но гораздо многочисленнѣе были и громче раздавались голоса въ пользу объединенія нѣмцевъ на почвѣ общаго языка, а именно Лютерова, въ нѣсколько подновленномъ и освѣженномъ видѣ. Во главѣ всѣхъ стоялъ въ этомъ отношеніи слезецъ Мартинъ Опицъ (Opitz † 1639), котораго иные историки считаютъ не только отцомъ новонѣмецкой поэтики съ тонической версификаціей, но и спасителемъ „нововерхненѣмецкаго" языка [1]). Онъ не только ратовалъ, подобно Ратихію (Ratichius), за освобожденіе нѣмцевъ отъ все еще тяготѣвшихъ путъ латыни [2]), но и за признаніе Лютерова языка нормою образованной нѣмецкой рѣчи [3]). Въ 1628 г. онъ писалъ одному страсбургцу: „мы оба должны писать не на материнскихъ своихъ діалектахъ (слезскомъ и эльзасскомъ), а на языкѣ Лютера, замѣняющемъ для нѣмцевъ аттицизмъ" [4]). Руководился Опицъ при этомъ соображеніями патріотическими, желаніемъ вывести нѣмцевъ изъ ихъ униженнаго во время тридцатилѣтней войны положенія на путь національнаго развитія, по которому съ такимъ успѣхомъ шествовали тогда Франція и Голландія [5]). Замѣчательно, что первымъ глашатаемъ этой патріотической мысли, до нѣкоторой степени—предтечею Фихте и Бисмарка, пришлось быть нѣмцу окраинному, полуславянину по племенному составу его слезской родины, да и по фамильному названію [6])! Впрочемъ, Опицъ не былъ единственнымъ нѣмецкимъ пророкомъ изъ слезцевъ. За нимъ слѣдовали и многіе другіе писатели сходнаго направленія, напр. въ XVII-мъ вѣкѣ Яковъ Бэме (Böhme † 1624), Андрей Грифій (Gryphius † 1664), Іог. Шеффлеръ (или Angelus Silesius † 1677),

---

[1]) Rückert, Gesch. II, 230; Socin 332.

[2]) Aristarch oder über die Verachtung d. deut. Sprache 1617 г.

[3]) Rückert, Gesch. II, 261.

[4]) Kluge, Von Luther 129.

[5]) Ср. Burdach, Einigung 25 сл.

[6]) Ср. чешское opice—обезьяна, подражатель.

Христіанъ Гофманъ (Hoffmann von Hoffmanswaldau †1679), Даніилъ Логенштейнъ (Lohenstein † 1683), нѣсколько же позже — Іог. Гюнтеръ (Günther † 1723 г.), а въ XIX-мъ вѣкѣ — Клейстъ, Генцъ, Шлейермахеръ, Зедлицъ, Голтей, Менцель и др. Очевидно, близость славянскихъ границъ. картина безпредѣльнаго славянскаго племенного моря, разстилающагося къ востоку, за Вислу и Уралъ, вплоть до Великаго Океана, дѣйствовала возбуждающимъ образомъ на мысль судетскаго нѣмца, сидящаго на гробахъ польскихъ и угрожаемаго съ тыла не вполнѣ заглушеннымъ ропотомъ славянъ чехо-моравскихъ. Эти особенности мѣстной почвы объясняютъ намъ выступленіе Опица и основанной имъ школы слезскихъ писателей, нѣсколько напоминающей французско-нормандскую въ Англіи XI—XIII-го вв. Но они же служатъ оправданіемъ и тѣхъ упрековъ, которые теперь дѣлаются многими Опицу и его послѣдователямъ — за порчу сочнаго и сильнаго языка Лютера безцвѣтной фразеологіей слезскихъ бюргеровъ [1]).

Патріотическій голосъ Опица за литературное объединеніе на почвѣ Лютерова языка не прозвучалъ безслѣдно. За нимъ выступили во имя той же идеи: Гриммельсгаузенъ и Гейнцъ, Шуппе и Шоттель, Цезенъ, Бэдикеръ, Лейбницъ и мн. др. Они дѣйствовали то отдѣльно, то въ составѣ посвященныхъ разработкѣ нѣмецкаго языка обществъ: „Плодоноснаго“ (Fruchtbringende Gesellschaft) въ Веймарѣ, „Пегницкаго“ въ Нюренбергѣ, „Еловаго“ (Tannengesellschaft) въ Страсбургѣ, „Пальмоорденскаго“ (Palmenorden) въ Гамбургѣ [2]) и др. Въ принципѣ всѣ они стояли за общенѣмецкое значеніе Лютерова языка, расходясь между собою лишь въ подробностяхъ его примѣненія къ этой роли. Гессенецъ Гриммельсгаузенъ, авторъ знаменитаго романа „Simplicissimus“ (1668 г.) и многихъ драмъ, признавая достоинства рѣчи нѣмецкихъ

---

[1]) Rückert, Gesch. II, 266; Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 13.

[2]) Burdach, Einigung 25, 26 сл. Ср. Rückert, Gesch. II, 281 слл.

ученыхъ, бюргеровъ и бюрократовъ, особенно рекомендовалъ тотъ ея типъ, какой утвердился въ Шпейерѣ, какъ мѣстѣ высшаго суда, и его окрестностяхъ [1]). Такъ приблизительно смотрѣлъ на дѣло и Шуппе (Schuppius † 1649 г.), который видѣлъ въ „мишенскомъ" діалектѣ нѣмецкій аттицизмъ или тосканизмъ [2]). Христіанъ Гейнцъ (Gueinz) въ „Нѣмецкомъ языкоученіи" 1641 г. считаетъ образцовымъ языкъ Лютера, а рядомъ съ нимъ — имперскихъ актовъ [3]). И нижненѣмецъ Шоттель (Schottelius) положилъ этотъ языкъ въ основу своего обширнаго и ученаго „Opus de lingua germanica" (1663 г.), называя его teutsche Haubtsprache или Heldensprache (въ смыслѣ англійскаго standard), но съ устраненіемъ „мишенскихъ притязаній" на тожество ихъ діалекта съ этимъ „главнымъ" или „геройскимъ" языкомъ нѣмцевъ [4]). Нормою послѣдняго Шоттель считалъ средній разрѣзъ литературныхъ произведеній вѣка, наиболѣе-де близкій къ поэтической рѣчи нюренбергцевъ [5]). Филиппъ Цезенъ (Zesius), этотъ Тредьяковскій нѣмцевъ, глава „Розоваго общества" нѣмецкихъ пуристовъ (основ. въ 1643 г.), стремился къ очищенію „геройскаго языка" отъ варваризмовъ, довольно обильныхъ и въ языкѣ Лютера, а еще болѣе — въ имперско-дѣловомъ [6]). Но глубже всѣхъ взглянулъ на вопросъ объ образованномъ языкѣ нѣмцевъ современникъ Лейбница и прямой предтеча Готшеда — Іоганъ Бэдикеръ (Bödiker), издавшій въ 1690 г. въ Берлинѣ Нѣмецкую грамматику, которая господствовала въ школахъ вплоть до выхода Готшедовой въ 1748 г. Нормы этого языка онъ выводилъ не изъ произвольно обобщеннаго „употребленія", а изъ лучшихъ нѣмецкихъ книгъ, начиная съ Библіи Лю-

---

1) Rückert, Gesch. II, 281.
2) Rückert, Gesch. II, 295; Socin 327, 335.
3) Rückert II, 285; Socin 333.
4) Rückert II, 294 сл.; Socin 342.
5) Rückert II, 297.
6) Ibid. II, 301 сл.

тера. Языкъ послѣдней онъ считалъ классическимъ лишь настолько, насколько онъ живъ. Все мертвое нужно-де изъ него выбросить, руководясь при этомъ не печатной буквой, а личнымъ чувствомъ и разумѣніемъ языка [1]).

Это „личное чувство" стало бы источникомъ новаго субъективизма, а слѣдовательно и разноголосицы въ вопросахъ языка, если бы къ концу XVII-го и началу XVIII-го вѣка не выработался постепенно живой центръ образованной рѣчи въ г. Липскѣ (Leipzig), въ непосредственной близости отъ Виттенберга и Мишни (Meissen), говоръ которой не даромъ уже съ XVI-го в. считался наиболѣе близкимъ къ Лютерову языку. Сознаніе такого значенія Липска очень ясно выражено лексикографомъ Шпетеномъ (Speten, собственно Stieler), въ посвященіи его „Нѣмецкаго языкохранилища" (1691 г.) курфирсту Іоанну Георгу. Авторъ называетъ послѣдняго „могущественнымъ обладателемъ настоящихъ средоточій и первоисточниковъ верхненѣмецкаго имперскаго языка, властителемъ такихъ городовъ и крѣпостей, гдѣ языкъ этотъ счастливо родился, возросъ, пріукрасился и съ каждымъ днемъ получаетъ все большій блескъ, а именно—величественнаго Дрездена, священнаго Виттенберга и сладчайшаго между всѣми городами Липска" [2]).

Такъ думалъ и Готшедъ, этотъ Малербъ нѣмецкаго языка, въ своей Грамматикѣ 1748 г. окончательно установившій его нормы. Онѣ согласованы съ рѣчью Липска, какъ общественнаго и умственнаго средоточія тогдашней Германіи, предпочтительно передъ Вѣною, Цюрихомъ, Нюренбергомъ, Гамбургомъ и другими соперничавшими въ этомъ отношеніи городами [3]). Какъ теоретикъ литера-

---

[1]) Rückert, Gesch. II, 349—356. Ср. Socin 361.

[2]) Риккентъ думаетъ, что Дрезденъ, эта столица самого ненѣмецкаго изъ германскихъ дворовъ, поставленъ тутъ выше Липска изъ одного сервилизма! Rückert, Gesch. II, 376. Ср. Socin 345.

[3]) Rückert, Gesch. II, 376 слл. Ср. Scherer, Gesch. 396; Socin 372 сл.

туры, какъ галломанъ, Готшедъ оказался слабѣе своего швейцарскаго соперника — англомана Бодмера; но въ вопросахъ языка онъ былъ учителемъ и своихъ противниковъ, между которыми мы встрѣчаемъ имена первыхъ классиковъ новонѣмецкой литературы — Клопштока, Винкельмана, Лессинга [1]). Ко времени ихъ выступленія вопросъ о типѣ общенѣмецкаго языка былъ уже рѣшенъ теоретически, такъ что послѣдующимъ поколѣніямъ не пришлось возобновлять споровъ о языкахъ дѣловомъ и библейскомъ, чернильномъ и проповѣдномъ, католическомъ и протестантскомъ, горноземскомъ и серединномъ, имперскомъ и мишенскомъ и т. п. Лишь въ недавнее время, когда историкамъ нѣмецкаго языка пришлось разобрать вопросъ о зарожденіи и первоначальныхъ судьбахъ нынѣшняго общаго языка нѣмцевъ, т. е. „нововерхненѣмецкаго“, еще разъ всплыли наружу всѣ эти давно заглохшіе въ жизни споры. Но они имѣютъ лишь историко-литературное, а не практическое значеніе; ибо языкъ Лессинга, Гёте, Шиллера, Канта, Шопенгауера не измѣнится отъ того, станемъ ли мы выводить его отъ языка „средневерхненѣмецкаго“, имперско-дѣлового, лютеранско-библейскаго, или наконецъ отъ своеобразнаго ихъ сочетанія на „мишенской“ діалектической основѣ.

Переходя теперь отъ теоретическихъ взглядовъ на образованный языкъ нѣмцевъ къ практическому ихъ приложенію въ жизни литературной, церковной, общественной въ XVII—XVIII-мъ вв., мы находимъ, что здѣсь находили нѣкоторый отголосокъ и теоріи нѣмецкихъ сепаратистовъ, но въ степени все болѣе и болѣе слабѣющей по мѣрѣ приближенія къ XVIII-му в., за исключеніемъ лишь Нидерландовъ.

Всего раньше объединились въ язычномъ отношеніи серединныя области Германіи, благодаря и особенной близости къ „мишенскому“ типу Лютерова языка, и энергической дѣятельности какъ слезцевъ, отъ Опица до Гюн-

[1]) Ср. Scherer, Gesch. 369 сл., 397.

тера включительно, такъ и верхнесаксонцевъ, особенно Павла Гергардта, гр. Цинцендорфа и знаменитаго полигистора Лейбница, писавшаго впрочемъ болѣе по-латыни, чѣмъ по-нѣмецки [1]). Отъ времени до времени появлялись здѣсь въ XVII-мъ и въ послѣдующіе вѣка произведенія на областныхъ діалектахъ, въ родѣ нюренбергскихъ поэмъ Гарсдэрфера (Harsdörfer) „auf unterschiedlichen Landssprach Arten“ [2]), или слезскихъ драмъ Грифіуса [3]); но это случалось лишь въ сочиненіяхъ популярно-юмористическаго и комическаго характера, который и въ другихъ западноевропейскихъ странахъ охотно облекается въ формы просторѣчій.

За серединной Германіей, слѣдовали въ язычномъ объединеніи области нижнія, уже въ XVI-мъ в. примкнувшія къ лютеранской церкви и ея языку. Изъ этихъ областей происходила большая часть членовъ Веймарскаго „Плодоноснаго общества“, съ его учредителемъ и долголѣтнимъ предсѣдателемъ, княземъ Людвигомъ Ангальтъ-Кетенскимъ во главѣ [4]). Изъ сочиненій дѣвинца (Magdeburger) Ролленгагена, брунсвикскаго герцога Генриха Юлія, а особенно ангальтца Іоганна Арндта мы видимъ, что уже въ началѣ XVII-го в. въ смежныхъ съ Мишенью и Тюрингіей нижненѣмецкихъ земляхъ образованныя сословія хорошо владѣли „нововерхненѣмецкимъ“ языкомъ [5]). Съ 1603 г. и Гамбургъ переходитъ постепенно къ этому языку, противъ котораго уже напрасно ратовалъ даровитый ростоцкій сатирикъ I. Лавремберrъ (Lawremberg † 1658 г.), одинъ изъ „послѣднихъ могиканъ“ саксскаго діалекта. Даже въ названіи его „Четырехъ шуточныхъ поэмъ“ (Veer Scherzgedichte, 1652 г.) отражается вліяніе общаго языка [6]).

---

[1]) Cp. Scherer, Gesch. 339, 346, 352.
[2]) Rückert, Gesch. II, 257. Cp. Socin 323.
[3]) Scherer, Gesch. 324.
[4]) Ibid. 254.
[5]) Rückert, Gesch. II, 150, 224.
[6]) Scherer, Gesch. 254.

Хотя и послѣ него въ гамбургскихъ бюро, церквахъ, школахъ употреблялся еще саксскій діалектъ, но въ серіозной литературѣ его болѣе не видимъ. Со второй же половины XVII-го в. Гамбургъ становится однимъ изъ важнѣйшихъ умственныхъ центровъ Германіи и средоточіемъ нѣсколькихъ литературныхъ обществъ на общемъ языкѣ, каковы напр. Deutschgesinnte Genossenschaft (съ 1643 г.), Elbschwanenorden (съ 1656 г.) и др. [1]). Въ Гамбургѣ дѣйствовали тогда многіе писатели общенѣмецкаго направленія: Іоахимъ Юнгъ (Jungius), Шуппе (Schuppius), Ристъ, Цезенъ (Zesen [2]) и н. др.

Въ XVI—XVII-омъ в. окончательно перешелъ къ общенѣмецкому языку и второй важный центръ нижнихъ странъ—Кельнъ, столица нижнефранкскаго литературнаго языка въ XIII—XV-мъ вв. [3]). Уже съ 1520 г. въ немъ выходятъ книги на имперскомъ языкѣ. Впослѣдствіи однако католическая реакція прервала его связи съ серединными землями и создала періодъ пассивнаго прозябанія въ литературѣ и языкѣ [4]). Изъ нижнерейнскихъ уроженцевъ памятенъ, какъ хорошій писатель на общемъ языкѣ, Фридрихъ Фонъ-Шпе (Spee [5]).

Съ 1690 г. выступаетъ на поприще общей литературы Берлинъ [6]), которому суждено было стать впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ ея средоточій. И Геттингенъ, со своимъ Hainbund'омъ и университетомъ (съ 1733 г.), не мало содѣйствовалъ утвержденію въ нижней Германіи языка нововерхненѣмецкаго. Съ начала же XVIII-го в. выдвигается Королевецъ (Königsberg), произведшій Готшеда, который дѣйствовалъ впрочемъ не въ родной области, а въ Липскѣ, близъ колыбели Лютерова языка.

---

[1]) Ibid. 323.
[2]) Ibid. 323.
[3]) Wülcker, въ Germania 1883 г., стр. 198.
[4]) Rückert, Gesch. II, 193.
[5]) Ibid. 252.
[6]) Scherer, Gesch. 330.

Такимъ образомъ саксскій діалектъ къ половинѣ XVII-го вѣка постепенно замеръ въ литературномъ употребленіи. Даже Библія не издавалась на немъ послѣ 1621 г., а церковный пѣсенникъ (Gesanbuch)—послѣ 1630 г. [1]). Лишь въ Нидерландахъ продолжалась и далѣе обработка областного діалекта, притомъ съ такимъ успѣхомъ, что онъ возвышается до роли самостоятельнаго, хотя и частнаго языка.

Въ верхней Германіи общій языкъ долженъ былъ преодолѣть въ XVII-мъ в. реакціонно-католическое теченіе, обхватившее къ 1650 г. три четверти южныхъ земель, отъ Штиріи до верхняго Эльзаса, и разными цензурными мѣрами закрывшее туда доступъ лютеранскимъ книгамъ и языку [2]). Понятно, что при такомъ антагонизмѣ съ протестанскимъ сѣверомъ горноземцы (oberländer) не могли, да едва ли и хотѣли писать на правильномъ „нововерхненѣмецкомъ" языкѣ. Это видимъ даже въ проповѣдяхъ вѣнскаго Фенелона—Авраама А-Санта-Клара [3]).

Все-таки алеманскій діалектъ мало-по-малу уступалъ мѣсто ненавистному раньше языку Лютера и имперіи, подъ вліяніемъ и пробуждающагося общенѣмецкаго народнаго сознанія, и учащенныхъ сношеній съ другими частями племени. Важное значеніе имѣло при этомъ отторженіе отъ цюрихскихъ сепаратистовъ города Базеля, славнаго своимъ университетомъ, типографіями, книготорговлей и ролью въ исторіи гуманизма, особенно при Эразмѣ Роттердамскомъ и Эколампадіусѣ. Уже въ половинѣ XVI-го в. языкъ „нововерхненѣмецкій" утвердился въ этомъ верхнерейнскомъ Кельнѣ, какъ видимъ въ сочиненіяхъ Себастіана Мюнстера (Münster, ок. 1544 г.). То же видимъ позже у знаменитаго протестанскаго богослова—верхнеэльзасца Шпенера (Spener, † 1705 г.). Изъ Базеля общій языкъ постепенно проникъ и въ другіе верхнерейнскіе города и области, такъ что когда въ 1720-хъ годахъ выступила на борьбу

---

[1]) Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 24.

[2]) Cp. Rückert, Gesch. II, 256.

[3]) Cp. Scherer, Gesch. 338.

съ Готшедомъ швейцарская школа писателей, съ Бодмеромъ во главѣ, то ихъ раздѣляли взгляды историко-литературные, эстетическіе, а не язычные. То же замѣчается въ антагонизмѣ поэтическихъ школъ Галлера († 1777 г.) и Гагедорна († 1754 г.). Оба писали на общемъ языкѣ, хотя дѣйствовали на окраинахъ Германіи, — первый въ Цюрихѣ, второй же въ Гамбургѣ.

Завоевавъ область литературную, общій языкъ началъ постепенно распространяться и въ чисто-научную, гдѣ издавна держался латинскій языкъ. Еще ученые XVII-го в., какъ напр. астрономъ Кеплеръ, юристъ Пуфендорфъ, богословъ Іог. Гергардъ, полигисторъ Конрингъ, даже самъ „отецъ новонѣмецкой поэзіи" Опицъ, писали свои трактаты на этомъ языкѣ. И Лейбницъ на немъ развилъ свою монадологію и систему дифференціальнаго счисленія, пользуясь при случаѣ и моднымъ тогда французскимъ языкомъ. Даже исторію Брауншвейга онъ писалъ по-латыни. Лишь политическіе памфлеты, нѣкоторыя біографіи и воззванія писалъ Лейбницъ на языкѣ нѣмецкомъ, которому посвятилъ и нѣсколько теоретическихъ трактатовъ, въ родѣ напр. „Наставленія нѣмцамъ о лучшемъ упражненіи ума и языка" (1679 г.), „Непредварительныя мысли объ употребленіи и усовершенствованіи нѣмецкаго языка" (1697 года [1]) и т. п. Въ бумагахъ философа найдены нѣмецкіе наброски и чисто научныхъ сочиненій, но они не удостоены имъ обнародованія [2]). Лишь ученику Лейбница—слезцу Христіану Вольфу († 1754 г.) принадлежитъ заслуга введенія нѣмецкаго языка въ ученую область, какъ это сдѣлано уже въ XVII-мъ в. для французскаго Декартомъ, для англійскаго же — Локкомъ. Правда, еще нѣсколько раньше, въ 1687 году, Христіанъ Томазіусъ прочелъ въ Липсскомъ университетѣ лекцію на нѣмецкомъ языкѣ,

---

[1]) Rückert, Gesch. II, 320. Послѣднее сочиненіе изложено и по-французски: Considérations sur la culture et la perfection de la langue allemande.

[2]) Ср. Rückert, Gesch. II, 324, 334.

вмѣсто узаконеннаго латинскаго; но этимъ онъ вызвалъ столь сильную оппозицію въ средѣ товарищей, что принужденъ былъ перемѣститься въ Галле. Галльскій университетъ служилъ затѣмъ главнымъ средоточіемъ нѣмецкаго направленія въ наукѣ, пока не смѣнилъ его въ этомъ отношеніи Геттингенскій университетъ, основанный въ 1733 году [1]).

Довольно поздно вытѣснена латынь общимъ языкомъ и изъ среднихъ гуманитарныхъ школъ, хотя уже въ началѣ XVII-го в. энергически возсталъ противъ нея Ратихій (Ratichius) въ своей „Methodus nova“ (1617 г.), поддержанный въ этомъ Юнгомъ (Jungius), Гельвикомъ (Helvicus), Шуппе (Schuppius) и др. учеными [2]). Окончательное вытѣсненіе изъ нѣмецкихъ школъ латинскаго языка произошло лишь въ XVIII-мъ в., да и то не вполнѣ. И теперь онъ занимаетъ въ Германіи довольно исключительное положеніе, аналогій которому мы не находимъ даже въ латинскихъ по происхожденію странахъ Запада. Для нѣмцевъ латынь всегда была скорѣе мачихой, чѣмъ матерью, какъ это сознано еще въ XVI-мъ в. Лютеромъ, Цвингли и другими реформаторами. Тѣмъ не менѣе она до сихъ поръ остается литургическимъ языкомъ у нѣмцевъ католиковъ, хотя съ допущеніемъ „нововерхненѣмецкаго“ въ катихизацію, проповѣдь и дополнительное богослуженіе.

Въ публичномъ дѣловодствѣ держался еще нѣкоторое время и въ XVII-мъ в. установленный въ предшествовавшіе вѣка имперскій языкъ. Но онъ все болѣе сближался съ языкомъ печатной книги, школы и церковной проповѣди. Къ началу XVIII-го в. между этими языками уже не было существенной разницы, кромѣ развѣ плохихъ стилистическихъ привычекъ, отъ которыхъ канцеляріи не освободились и въ настоящее время.

Даже въ домашнемъ обиходѣ образованныхъ сословій не только серединной, но и окраинныхъ областей, все ча-

---

[1]) Rückert, Gesch. II, 368 сл.

[2]) Rückert, Gesch. II, 314 сл.; Burdach, Einigung 25.

ще сталъ слышаться съ прошлаго вѣка языкъ общенѣмецкій [1]), хотя онъ и теперь не вытѣснилъ вполнѣ областныхъ діалектовъ, особенно въ приморскихъ городахъ сѣверной Германіи [2]) и въ подальпійскихъ—южной.

Такимъ образомъ, къ половинѣ XVIII-го в., т. е. ко времени выступленія Лессинга, національное объединеніе нѣмцевъ на почвѣ общаго языка могло считаться законченнымъ. Областныя особенности сохраняются, конечно, и послѣ того, но онѣ не мѣшаютъ духовной взаимности всѣхъ нѣмцевъ въ области словесной. Это ясно обнаруживается при сопоставленіи выдающихся писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка по мѣсту ихъ происхожденія [3]).

---

[1]) Ср. Klaus-Groth, Briefe über hochdeutsch und plattdeutsch. Kiel, 1858 г., стр. 138.

[2]) По свидѣтельству Даннеля, Берлинъ говоритъ на нововерхненѣмецкомъ. То же большею частью видимъ въ Гданскѣ, Королевцѣ, Штетинѣ, Дѣвинѣ, Кельнѣ. И въ меньшихъ городахъ сѣверной Германіи образованныя сословія говорятъ на этомъ языкѣ. Но въ Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ и вообще въ самыхъ сѣверныхъ округахъ всѣ говорятъ-де на „платдейчѣ". Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 15 сл.

[3]) Вотъ краткій перечень ихъ, въ послѣдовательности областей: А. серединныхъ, Б. верхнихъ и В. нижнихъ:

А. *Слезія:* Christian Günther † 1723, Chr. v. Wolf † 1754, Fr. v. Gentz † 1832, Fr. Schleiermacher † 1834, J. v. Eichendorf † 1857, J. C. v. Zedlitz † 1862, K. Weisflog † 1828, K. Holtei † 1847? W. Menzel † 1860; *Лужицы и верхняя Саксонія:* Christian Weisse † 1708, G. F. Leibnitz † 1716, Ch. Thomasius † 1728, Chr. Gellert † 1769, G. W. Rabener † 1770, G. E. Lessing † 1781, Fr. v. Hardenberg † 1801, Ch. F. Weisse 1809, T. Körner † 1813, J. G. Fichte † 1814, L. Schefer † 1862; *Тюрингія, Гессенъ, Франконія:* J. J. Winckelmann † 1768, Moses Mendelsson † 1786, H. Merck † 1791, W. Heinse † 1803, A. Kotzebue † 1819, Jean Paul Richter † 1825, F. M. Klinger † 1831, J. W. Göthe † 1832, P. A. Feuerbach † 1833, L. Börne † 1837, A. Platten † 1838? Cl. Brentano † 1842, K. F. Eichhorn † 1859, Fr. Savigny † 1861, Fr. Bopp, J. Grimm † 1863, J. M. Rückert † 1866, Fr. Diez, L. Ranke; *Рейнъ средній:* J. G. Jacobi † 1814, H. Heine † 1856, K. A. Varnha-

Дружное соратничество всѣхъ почти вѣтвей нѣмецкаго племени на почвѣ общаго языка и литературы не парализовало однако вполнѣ діалектическихъ подлитературъ, хотя и ограничило ихъ задачи, формы и кругъ вліянія.

Всего тѣснѣе были эти задачи въ областяхъ середин-

---

gen von Ense † 1856, K. J. Simrock † 1876, F. W. Hackländer † 1877.

Б. *Рейнъ верхній и Швейцарія:* Breitinger † 1776, B. A. Haller † 1777, Bodmer † 1783, S. Gessner † 1787, H. L. Wagner † 1783, J. G. Zimmermann † 1795, J. C. Lavater † 1801, J. Müller † 1809, L. H. Nicolay † 1820, J. H. Pestalozzi † 1827, K. L. Haller † 1854; *Швабія:* Fr. Schiller † 1805, Ch. M. Wieland † 1813, W. Hauff † 1827, G. W. Hegel † 1831, J. C. Hölderlin † 1843, G. Schwab † 1850, F. M. Schelling † 1854, L. Uhland † 1862; *Баварія и Австрія:* Abraham a Santa Clara † 1709, F. Raimund † 1836, F. X. Baader † 1841, Hormayer † 1848, Fr. Grillparzer † 1872, N. Lenau † 1850, A. Auersperg или Anastasius Grün 1806—, K. G. Leitner † 1860, K. E. Ebert † 1860? M. G. Saphir † 1858.

В. *Бранибор съ Марками:* G. A. Bürger † 1794, F. G. Klopstock † 1803, J. W. Gleim † 1803, C. F. Nicolai † 1811, H. v. Kleist † 1811, L. A. Arnim † 1831, Wilh. Humboldt † 1835, Ad. v. Chamisso † 1838, K. L. Immermann † 1840, L. Tick † 1853, Alex. Humboldt † 1859, W. Wackernagel † 1869; *Пруссы, Поморье, Мекленбургъ:* C. E. Kleist † 1759, C. Liscow † 1760, J. C. Gotsched † 1766, J. G. Hamann † 1788, K. W. Ramber † 1798, J. C. Brandes † 1799, J. G. Herder † 1803, E. Kant † 1804, E. T. Hoffmann † 1822, F. L. Werner † 1823, J. H. Voss † 1826, A. Schopenhauer † 1860, E. M. Arndt † 1860; *Рига, Дерптъ, Митава:* J. C. Berens † 1792, J. M. Lenz † 1792, G. Hagemann † 1820, E. Kullmann † 1825, C. Lindner † 1845; *Гамбургъ, Любекъ, Бременъ:* Fr. Hagedorn † 1754, Fr. B. Basedow † 1790, F. L. Schröder † 1813, F. L. Stolberg † 1819, A. Heeren † 1842, B. G. Niebur † 1831, E. Geibel 1815—, Müllenhoff, Osthoff; *Ганноверъ, Брунсвикъ, Вестфалія:* L. H. Hölty † 1776, A. W. Iffland † 1819, F. W. Herschel † 1822, Fr. Schlegel † 1829, A. W. Schlegel † 1845 г., J. F. Herbart † 1841, Hoffmann von Fallersleben 1874, K. F. Gausz † 1855, G. H. Pertz 1795—, K. Lachmann † 1851, F. Freiligrath 1810—.

ныхъ, гдѣ и общій языкъ всего ближе къ діалекту, а потому всего легче могъ замѣнить его не только въ высшей, но и въ низшей, простонародной литературѣ. Тѣмъ не менѣе мы можемъ назвать нѣсколько областныхъ поэтовъ и изъ этой полосы, напр. слезцевъ Голтея (K. Holtei, ок. 1830 г.), Галльмана (Hallman, около 1823 г.), Беккера (C. J. Becker ок. 1830 года [1]); верхнесаксонца Дэринга (F. A. Döring ок. 1821—30 г. [2]); тюрингца Гибельгаузена (Gibelhausen изъ Мансфельда [3]); франкфуртцевъ Мальса (K. Malss † 1848), Зауервейна (W. Sauerwein † 1847), Пфейфера (G. W. Pfeiffer † 1859 [4]); кельнцевъ Вальрафа (F. Wallraf † 1824) и Карневаля (K. Carnewall † ок. 1824); ахенца Янзена (Jansen, ок. 1815—21 г.); люксембургца Мейера (H. Meyer, ок. 1829 [5]).

На переходѣ отъ этой группы къ верхненѣмецкой, частнѣе—баварской, стоятъ нюренбержцы, съ Конрадомъ Грибелемъ (Grübel † 1809) во главѣ. За нимъ слѣдовали: Фалькнеръ (J. Falkner), Ричъ (F. Rietsch ок. 1811 г.), Цуккермандель (C. W. Zuckermandel † 1839), Вейкертъ (J. W. Weikert † 1856), Штеттнеръ (Fr. Stettner ок. 1830), Мекъ (J. L. Meck ок. 1816 — 17 г.), Марксъ (W. Marx ок. 1821—41 гг. [6]). Далѣе идутъ: пфальцскіе баварцы Кобель (Kobell) и Леннигъ (Fr. Lenning † 1838 [7]); собственные баварцы: Штурмъ (N. Sturm † 1819) и Гейгель (C. M. Heigel 1820 [8]); австрійцы: Мавръ Линдемайръ (Maurus Lindemayr—бенедиктинецъ † 1783), Гафнеръ (P. Hafner † 1764), Кохъ-Штернфельдъ (Koch-Sternfeld ок. 1843), Кастелли (J. F. Castelli ок. 1826—

---

[1]) Ср. Goedeke, Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung III, 1237, 1249 сл.

[2]) Ibid. 1237, 1244.

[3]) Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 11.

[4]) Goedeke, Grundr. III, 1236 сл.

[5]) Ibid. 1247 сл.

[6]) Ibid. 1232, 1240.

[7]) Ibid. 1244; Kl. Groth, Briefe 169.

[8]) Goedeke III, 1241.

40 г.), Зейдль (J. G. Seidl ок. 1828 — 50), Раймундъ (Raimund † 1836 [1]); швабы: Зайлеръ (Sailer † 1777 г.), Бухеръ (A. Bucher † 1817), Биреръ (V. M. Bührer † 1828), Вейцманъ (K. Weitzmann † 1828), Вагнеръ (G. F. Wagner † 1839), Говеръ (H. Hoser ок. 1820—25), Эппеле (J. Eppele ок. 1821—42 [2]); эльзасцы: Арнольдъ (G. D. Arnold † 1829), Штэберъ (Stoeber ок. 1821), Гартманъ (K. Fr. Hartmann † 1864), Ламей (A. Lamey † 1861 [3]).

Но выше всѣхъ прочихъ верхненѣмецкихъ діалектическихъ подлитературъ алеманская, съ знаменитымъ лирикомъ Гебелемъ (J. P. Hebel † 1826) во главѣ. Къ нему примыкаютъ: Фельнеръ (J. A. Felner ок. 1803), Устери (Martin Usteri), Шрейберъ (Al. Schreiber ок. 1817 г.), Гофманъ Фонъ-Фаллерслебенъ (Hoffmann von Fallersleben ок. 1826 — 34 гг. [4]) и др.

Между исчисленными авторами нѣтъ ни одного первокласснаго поэта, за исключеніемъ развѣ Гебеля, котораго „Алеманскія стихотворенія“ (1803 г.) удостоились перевода и на общій языкъ, причемъ однако потеряли свой свѣжій колоритъ и задушевность [5]). И въ другихъ верхненѣмецкихъ діалектическихъ произведеніяхъ встрѣчается, особенно въ Швейцаріи, серіезный тонъ. Это обусловлено широкой распространенностью алеманскаго, швабскаго, баварскаго, австрійскаго діалектовъ въ средѣ образованныхъ даже сословій, отчасти также въ устно-дѣловомъ и судебномъ производствѣ, въ школахъ и даже на каѳедрѣ церковной, хотя они не допускаются въ общественное богослуженіе, церковную пѣсню и серьезную драму [6]).

Все же преобладающій родъ верхненѣмецкихъ діа-

---

1) Goedeke III, 1232, 1239 сл. Ср. Scherer, Gesch. 699.

2) Scherer, Gesch. 645; Goedeke, Grundr. III, 1233, 1242.

3) Goedeke III, 1244.

4) Scherer, Gesch. 645; Goedeke III, 1244.

5) Goedeke III, 1376. Ср. J. Grimm, Kleinere Schriften I, 512.

6) Ср. Goedeke III, 1232.

лектическихъ подлитературъ—это веселая комедія, травестиція, легкая повѣсть, шутка (Schwank), пропитанная то юморомъ, то сатирою [1]). Еще ниже господствующій тонъ серединныхъ діалектическихъ подлитературъ, вслѣдствіе большей близости къ этимъ просторѣчіямъ общаго языка и бóльшей распространенности его даже въ низшихъ классахъ общества.

Другое дѣло нижняя Германія, Plattdeutschland. Она занимаетъ въ язычномъ отношеніи настолько самостоятельное положеніе въ средѣ нѣмецкой, что общій языкъ Лютера и Опица, Готшеда и Лессинга никогда не переставалъ чувствоваться въ ней чѣмъ то чужимъ, заноснымъ, хотя онъ рано, уже съ XVII-го в., вошелъ въ употребленіе церковное, литературное, государственное, а отчасти и общественное, въ образованныхъ сословіяхъ и въ средѣ бюргерства. Вытѣсненный общимъ языкомъ изъ области серьезной литературы, нижненѣмецкій крѣпко держался низшей, комической области. Въ такой роли онъ выступалъ уже въ XVII-мъ в., въ травестиціяхъ напр. герцога Генриха Юлія Ангальтскаго, въ сатирахъ Лавремберга и Абеля, въ многочисленныхъ свадебныхъ поэмахъ XVII—XVIII-го в., у геттингенца Мейера и др. Знаменитый переводчикъ Гомера Фоссъ (J. H. Voss) сдѣлалъ попытку примѣненія нижненѣмецкаго и къ серьезной поэзіи, но безъ той сантиментальности, которая характеризуетъ многихъ его послѣдователей [2]). За Фоссомъ слѣдовали: магдебуржецъ Борнеманнъ (J. W. Bornemann 1767—1851, авторъ Plattdeutscher Gedichte 1811 г.); брауншвейжецъ Шеллеръ (Scheller или Arend Wârmund ок. 1829); восточные фризы: Ланге (J. L. Lange ок. 1828—30), Вортманъ (Wortmann), Гердесъ (J. G. Gerdes ок. 1799), Лауцъ (U. H. Lauts), Менцъ (G. H. Meentz), Грамбергъ (G. A. Gramberg), Зенденъ (G. H. van Senden), Биргъ (G. van di Birg), Виллемсъ (H. P. Willems ок. 1838 г.), Голт-

---

[1]) Ср. Goedeke III, 1232—1237.

[2]) Ibid. III, 209 сл.

мансъ (Holtmanns), Ренперъ (G. F. Renner ок. 1817 г.); гамбуржцы: Берманъ (G. H. Baermann † 1850), Башъ (Baasch ок. 1832—34); мекленбуржцы: Лессенсъ (Lessens ок. 1822—24 г.), Гизебрехтъ (Giesebrecht ок. 1823 г.) и др. [1]). Но особенно прославились въ этой подлитературѣ мекленбуржецъ Фрицъ Рейтеръ (Fritz Reuter 1810—) и голштинецъ Клаусъ Гротъ (Klaus Groth 1819—),—первый своими юмористическими стихотвореніями: „Läuschen und Rimels" (1853), „Olle Kamellen" (1860 сл.) и др., второй же—лирическимъ сборникомъ „Quickborn" (1853 г.), Vertelln (1855 г. слл.) и др. И знаменитая романистка Софія Детлефсъ (Sophie Detlefs) писала, сверхъ общаго языка, кое-что на нижненѣмецкомъ діалектѣ [2]). Какъ значительно число нижненѣмецкихъ поэтовъ новѣйшаго времени, можно видѣть изъ сборника: Heimatsklang, plattdütsch lederbook (Berlin [2] 1888 г.), гдѣ помѣщены отрывки 27 такихъ поэтовъ, между которыми встрѣчаемъ Рейтера, Грота и младшихъ ихъ учениковъ, происходящихъ то изъ Ганновера (W. Bade 1855—), то изъ Лауенбурга (H. Burmester 1851 —), Пренцлова (J. Dörr 1850—), Бремена (H. Böhmken 1838—, F. W. Rocco 1819 —), Голштиніи (J. Ehlers 1837 —, J. H. Fehrs 1838 —, T. Storm 1817 —), Мекленбурга (K. Dufagel 1856 —, K. Eggers 1826 —), о. Руяны (K. Tiburtius 1834—), Поморья (J. Steinbeck 1846—) и др. нижненѣмецкихъ областей. Язычная форма произведеній этой діалектической подлитературы не имѣетъ полнаго единства. Каждый авторъ пишетъ на своемъ областномъ разнорѣчіи, причемъ голштинецъ осмѣиваетъ провинціализмы мекленбуржца, а этотъ послѣдній—ганноверца, вестфальца и т. д.

---

[1]) Goedeke III, 1248. Ср. еще: D. G. Babst † 1800, C. H. Walke † 1825, J. P. Hanzen 1809—1833, S. D. Klett ок. 1818, Mohl, Pining, Grimme, Ernst, Dräger, Schwerin, Krohn, Mezer, Berning, Runge, F. H. Müller и др. Ibid. III, 210, 1237; Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 3, 31, 38.

[2]) Kl. Groth, Briefe 58; Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 31.

Взаимное ихъ пониманіе не исключено однако, благодаря во 1-хъ относительной близости нижненѣмецкихъ нарѣчій, въ сравненіи съ глубокой разрозненностью верхненѣмецкихъ, во 2-хъ — объединяющему вліянію общаго языка на всѣ нижненѣмецкіе діалекты, и въ 3-хъ—установленію въ новѣйшее время Клаусомъ Гротомъ и Мюлленгофомъ цѣлесообразнаго правописанія, сглаживающаго звуковые контрасты отдѣльныхъ нарѣчій подстановкою общихъ этимологическихъ прототиповъ [1]).

Что касается содержанія этой подлитературы, то преобладающая въ ней струя—комическая, въ довольно вульгарномъ пониманіи и примѣненіи. Лишь въ недавнее сравнительно время, съ выхода въ 1850-хъ годахъ Гротова Quickborn'а, стали проникать нижненѣмецкіе діалекты и въ поэзію серьезную.

Впрочемъ, относительно характера и задачъ этой подлитературы взгляды нѣмецкихъ ученыхъ и публицистовъ не вполнѣ еще установились. Одни желали бы ее сузить чуть не до рамокъ простонародной словесности; другіе наоборотъ считаютъ ее способною развиваться параллельно съ общею во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи. Такъ Я. Гриммъ, считавшій вообще народныя нарѣчія слишкомъ грубыми, признавалъ ихъ умѣстными лишь въ народной пѣснѣ и сказкѣ, но неспособными къ высшему стилю, въ родѣ напр. Натана, Валленштейна, Фауста, не различая въ этомъ отношеніи правъ діалектовъ саксскихъ, алеманскихъ и другихъ [2]). Въ „Исторіи нѣмецкаго языка“ онъ прямо говоритъ, что безразсудно оплакивать гибель нижненѣмецкаго языка, который давно ниспалъ до роли діалекта и не въ состояніи питать настоящую литературу, какъ верхненѣмецкій. Къ тому же нижненѣмецкія нарѣчія выдѣлили-де уже изъ себя два литературныхъ языка: нидерландскій и—до извѣстной степени—англійскій, а потому

---

[1]) Ср. Kl. Groth, Briefe 153, 165—170.

[2]) J. Grimm, Kleinere Schriften VII, 447. Ср. Kl. Groth, Briefe 6.

не имѣютъ права претендовать еще на особый нижненѣмецкій письменный языкъ [1]). Такъ приблизительно смотритъ на новонѣмецкія діалектическія подлитературы и Гэдеке: „развитіе діалектической поэзіи въ верхней и нижней Германіи, говоритъ онъ, было движеніемъ не впередъ, а назадъ, отпаденіемъ отъ богатствъ верхненѣмецкаго языка“ [2]). Что подобные взгляды существовали и раньше, въ XVII—XVIII-мъ вв., видимъ изъ вышедшаго въ 1704 г. разсужденія Б. Раупаха: „О несправедливомъ презрѣніи нижненѣмецкаго языка“ [3]). Но это же разсужденіе показываетъ, что въ средѣ нижненѣмцевъ издавна существовало стремленіе по-возможности поддержать свои діалекты, если не въ центральной, то по крайней мѣрѣ въ областныхъ подлитературахъ, предназначенныхъ питать духовную жажду меньшей братьи и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы вырабатывать изъ мѣстной почвы соки для роста общаго языка и общей литературы. Въ такомъ видѣ представляютъ себѣ задачи нижненѣмецкой подлитературы авторъ Quickborn-а Клаусъ Гротъ и извѣстный нѣмецкій лингвистъ Остгофъ. Первый указываетъ въ своихъ „Письмахъ о верхненѣмецкомъ и нижненѣмецкомъ языкахъ“ (1858 г.) на важныя преимущества нижнихъ діалектовъ передъ „нововерхненѣмецкимъ“, какъ языкомъ искусственнымъ, книжнымъ, абстрактнымъ и окаменѣвшимъ слишкомъ рано, въ періодъ переходный отъ строя синтетическаго къ аналитическому, который вполнѣ утвердился лишь въ нарѣчіяхъ нижнихъ. Эти преимущества состава и строя послѣднихъ даютъ-де имъ право на литературную обработку не только съ точки зрѣнія интересовъ областныхъ, но и общенѣмецкихъ, для освѣженія языка общаго въ отношеніяхъ лексическомъ, фразеологическомъ, даже чисто-эстетическомъ. Въ этихъ видахъ нижненѣмецкая литература

---

[1]) J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache 834 сл.

[2]) Goedeke III, 210. Такъ думаетъ и Socin 470 сл.

[3]) B. Raupach, Von unbilligen Verachtung der plattdeutschen Sprache 1704. Ср. Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 34.

должна-де развиваться не только въ низшей, популярно-комической, но и въ высшей, серьезной области, за исключеніемъ однако науки и религіи, школы и каѳедры, философіи и высшей критики. Нижненѣмцы не думаютъ-де отказываться отъ своихъ правъ на Лессинга и Бюргера, Гэте и Шиллера, ибо сознаютъ себя прежде всего нѣмцами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ-де отречься и отъ своей материнской рѣчи и желаютъ соединить въ себѣ преимущества равномѣрнато пользованія двумя языками — общимъ и областнымъ [1]). Гротъ напираетъ и на то обстоятельство, что нижненѣмецкій языкъ господствуетъ на морѣ, куда нововерхненѣмецкій вовсе еще не проникъ [2]).

Въ такомъ же приблизительно видѣ представляетъ себѣ и Остгофъ разграниченіе общей и діалектическихъ литературъ. И онъ жалуется на отвлеченность, безцвѣтность, блѣдность общенѣмецкаго языка, развившагося на почвѣ компромиссовъ между многими діалектами; и онъ отдаетъ предпочтеніе нижнему за его жизненность и пластичность, считая возможнымъ возрожденіе перваго изъ притоковъ послѣдняго; и онъ признаетъ сѣверные діалекты весьма пригодными для областныхъ поэтовъ (Localdichter) и для писателей-этнографовъ, которые находятъ въ этихъ діалектахъ уже готовыя краски для изображенія мѣстной жизни. Но съ тѣмъ вмѣстѣ Остгофъ полагаетъ, что такіе діалекты не годятся для болѣе широкихъ историческихъ и драматическихъ картинъ, по причинѣ слишкомъ тѣснаго содружества съ мѣстной жизнью; не годятся-де они и для парламентскихъ рѣчей или философскихъ изслѣдованій, за отсутствіемъ въ діалектахъ научныхъ терминовъ, которые и не къ лицу говорящимъ на просторѣ-

[1]) ...Wir wollen überhauft den Vortheil zweier Sprachen haben und ausbeuten. Wir sind Plathdeutschen und wollen es bleiben, aber Deutsche sind wir vor allen Dingen. Klaus Groth, Briefe 65 и passim.

[2]) Ср. Socin 526.

чьяхъ. Признавая общенѣмецкій языкъ дорогимъ наслѣдіемъ '„Священной римской имперіи нѣмецкой націи", а вмѣстѣ главнымъ дѣятелемъ при образованіи имперіи Гогенцоллерновъ, Остгофъ находитъ, что самое широкое развитіе этого языка не мѣшаетъ открытію возможнаго простора для діалектическихъ и индивидуальныхъ разновидностей нѣмецкаго языка. Нѣмецкій народъ слишкомъ-де тѣсно сплоченъ и языкомъ и духомъ, чтобы бояться областныхъ стремленій и децентрализаціи [1]).

Нѣсколько шире рамки, отводимыя для нижненѣмецкой подлитературы Даннелемъ. Онъ считаетъ даже трагедію возможною на нижненѣмецкомъ, хотя и не находитъ образцовъ таковой, объясняя этотъ недочетъ недоразвитостію простонародья до серьезной драмы, необычностью высокаго діалектическаго стиля для классовъ образованныхъ и неспособностью простого, здороваго „платдейча" къ напускному паѳосу и напыщенной фразеологіи [2]). Но и Даннель не заикается о примѣненіи нижненѣмецкаго къ литературѣ ученой, учебной и церковно-общественной.

Развиваясь на здоровой діалектической и общественной почвѣ, подлитература эта и по руководящимъ идеямъ не представляетъ ничего тенденціознаго, сепаратистскаго. Наоборотъ, въ составѣ нижненѣмецкихъ пѣсенниковъ мы нерѣдко встрѣчаемъ стихотворенія пангерманскаго — или лучше всенѣмецкаго — направленія. Таковы напр. въ вышеуказанномъ сборникѣ „Heimatsklang" стихотворенія: Э. Нитнера „Dütschland Hoch"! и Ю. Дерра „Krischan was mit bi", изъ коихъ первое воспѣваетъ политическое объединеніе нѣмцевъ, со включеніемъ эльзасскихъ, второе же торжествуетъ побѣды нѣмцевъ надъ датчанами, австрійцами и французами въ 1864, 1866 и 1870 годахъ [3]). При

[1]) Osthoff, Schriftsprache und Volksmundart, Berlin 1883, стр. 28—38. Ср. Socin 525 сл.

[2]) Dannehl, Üb. d. ndd. Spr. 25 сл.

[3]) Heimatsklang, plattdütsch lederbook, Berlin [2] 1888, стр. 43, 49.

столь благодушномъ отношеніи платдейчцевъ къ вопросамъ общаго языка, литературы и народности, мы не должны удивляться, что развитію областныхъ подлитературъ сочувствовали и многіе общенѣмецкіе писатели, во главѣ же другихъ — Вольфгангъ Гэте, снабжавшій своими рекомендательными предисловіями многія областныя произведенія того времени [1]).

Совершенно другая картина открывается намъ на западной окраинѣ нижненѣмецкой народности—въ Нидерландахъ. Нидерландцы не только не послѣдовали за своими вестфальскими, саксскими, фризскими соплеменниками въ постепенномъ усвоеніи съ XVII-го в. общенѣмецкаго языка на Лютеровой основѣ, но, наоборотъ, совершенно отпали отъ литературнаго общенія съ прочими нѣмецкими племенами и пошли особымъ путемъ. Они представляютъ въ этомъ отношеніи близкую аналогію съ португальцами на Иберійскомъ полуостровѣ, а до нѣкоторой степени и съ англичанами въ семьѣ общенѣмецкой.

Въ то время, какъ прочіе нѣмцы истощали свои силы въ брабоубійственной религіозной войнѣ, длившейся 30 лѣтъ и на цѣлое столѣтіе задержавшей ходъ ихъ національнаго преуспѣянія, нидерландцы сумѣли низвергнуть испанское иго, развить сильный военный и торговый флотъ, основать обширныя колоніи, особенно на берегахъ и островахъ Индійскаго океана, они организовались въ богатое, сильное и свободное государство, которое могло выдерживать потомъ продолжительныя морскія и континентальныя войны съ первоклассными державами—Англіей, Франціей, Германіей.

При такихъ условіяхъ освобожденной отъ Габсбурговъ Голландіи не могла и въ голову притти мысль о подчиненіи языку, на которомъ все же лежала печать Священной римско-габсбургской имперіи, да вдобавокъ еще—лютеранской церкви, мало сочувственной голландцамъ, какъ кальвинистамъ. Понятно, почему въ дѣловой языкъ республи-

---

[1]) Ср. Scherer, Gesch. 645.

ки они возвели не „чернильный“ языкъ имперскихъ канцелярій, даже не устарѣлый кельнскій, напоминавшій старую зависимость отъ бургундо-лотарингскихъ герцоговъ, а живую рѣчь амстердамскаго образованнаго общества, на которой говорили и при дворѣ намѣстника, и въ совѣтѣ генеральныхъ штатовъ [1]). Когда же одновременно съ Рубенсомъ, Ванъ-Дикомъ, Рембрандтомъ и другими корифеями брабанто-голландской художественной школы, выступили довольно густой фалангой столь даровитые и самостоятельные писатели, какъ историкъ и драматургъ Гофтъ (Hooft † 1647), поэтъ и прозаикъ Герардъ Брантъ († 1685), особенно же „фениксъ голландской земли“, „царь ея поэтовъ и слава Амстердама“ — Іостъ Вондель (Joost Vondel † 1679 г.), то для нихъ уже и вопроса не было о томъ, на какомъ языкѣ писать—на необработанномъ ли слезско-нѣмецкомъ языкѣ Опица, или на изящномъ и родномъ амстердамскомъ. Господство послѣдняго было такъ естественно и законно, что ему легко подчинились и поэты гагскаго круга: Константинъ Гуйгенсъ (Huygens † 1687), Яковъ Катсъ (Cats † 1660) и др. [2]).

Правда, къ концу XVII-го вѣка въ Голландіи, подъ вліяніемъ французскаго классицизма и мѣстнаго квіетизма, на сто лѣтъ замираетъ литературная производительность. Писатели этого времени: Петръ Лангендикъ (Langendijk † 1756), братья Ванъ-Гаренъ (W. и O. Z. van Haren), Ванъ-Алфенъ (Van Alphen † 1803) и др. представляютъ очень слабую параллель для Клопштока и Виланда, Гердера и Лессинга. Тѣмъ не менѣе условія народной жизни голландцевъ съ одной стороны, нѣмцевъ же — съ другой были уже настолько различны, характеры этихъ старыхъ соплеменниковъ сложились въ типы столь несходные, язычные навыки ихъ оказались столь прочными, что могучій потокъ литературныхъ идей и формъ Клопштока и Лес-

---

[1]) Ср. Jonckbloet, Geschichte der niederländischen Litteratur, II, 17.

[2]) Ibid. 17 сл., 82 сл., 165 сл., 299 сл., 313 сл.

синга, даже Гэте и Шиллера не вызывалъ уже въ Голландіи особенно замѣтныхъ движеній. Объ одномъ изъ названныхъ голландскихъ поэтовъ, именно Ванъ-Альфенѣ, утверждали даже, что его вкусъ испорченъ знакомствомъ съ нѣмцами! И это говорилъ не какой-либо профанъ, а самъ Бильдердикъ (Bilderdijk † 1831 [1]), этотъ Байронъ новоголландской литературы, занимающій въ ней второе мѣсто послѣ Вонделя. Вообще, вся эта литература развивалась въ болѣе тѣсномъ взаимодѣйствіи съ французскою и англійскою, чѣмъ съ нѣмецкою [2]).

Послѣ Бильдердика Голландія не произвела уже перво-класснаго поэта, кромѣ развѣ Да-Коста (Da Costa † 1860), происходившаго, какъ и Спиноза, изъ португальскихъ евреевъ [3]).

Зато силы этой литературы значительно возросли въ XIX-мъ в. отъ возрожденія фламандцевъ въ Бельгіи. Оно вызвано было реакціей противъ угрожавшаго офранцуженія и развивалось въ двухъ стадіяхъ: до 1830-го года въ видѣ обработки мѣстнаго фламандскаго нарѣчія, но позже — на почвѣ общенидерландскаго литературнаго языка, въ видахъ возстановленія духовной взаимности Фландріи, Брабанта и Голландіи. Во главѣ второго направленія стоялъ Виллемсъ (J. F. Willems † 1846), поэтъ и прозаикъ, образовавшій цѣлую школу фламандо-голландскихъ писателей, изъ которыхъ болѣе извѣстны: Генрихъ Консціенсъ (Conscience), Ванъ-Дуизе (Prudens van Duyse † 1859), Ванъ-Ризвикъ (Theodor van Rijswijk † 1849), Ледеганкъ (K. L. Ledeganck † 1847) и др. [4]).

Движеніе это приняло со временемъ такіе размѣры, что бельгійскому правительству не оставалось другого выбора, какъ признать его законность, наравнѣ съ галломанскими симпатіями валлоновъ. Приведетъ-ли это въ кон-

---

[1]) Jonckbloet II, 532.

[2]) Ibid. 533.

[3]) Ibid. 605.

[4]) Ibid. 615—617.

цѣ концовъ къ распаденію Бельгіи на двѣ части — валлонскую и фламандскую [1]), или французскую и нидерландскую, рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что и будущность самого нидерландскаго языка не можетъ еще считаться вполнѣ обезпеченною. Онъ слишкомъ слабъ для самостоятельнаго развитія. Слабость эта отражалась въ прежнее время въ господствѣ латыни въ чисто научныхъ сочиненіяхъ, напр. у Баруха Спинозы, Гуго Гроція, Христіана Гуйгенса, Германа Бергаве и др. Даже Гофтъ предпочиталъ иной разъ латинскій языкъ своему; Вондель же принужденъ былъ доказывать примѣрами евреевъ, грековъ, римлянъ, что не стыдно стихотворствовать на материнскомъ языкѣ [2]). Это вызвано было существованіемъ цѣлой школы голландскихъ поэтовъ-латинистовъ (infimae latinitatis), между которыми особенно прославился въ свое время Барлей (Barläus, Baerle 1584— [3]). Въ новое время недостаточность нидерландскаго языка должна проявляться въ болѣе „національной“ формѣ: въ употребленіи французскаго, англійскаго, а еще чаще — нѣмецкаго языка [4]) въ сочиненіяхъ общаго характера и значенія. Это предсказалъ и Яковъ Гриммъ: „До нынѣ удержалось, говоритъ онъ въ Исторіи нѣмецкаго языка, пять германскихъ языковъ: верхненѣмецкій (т. е. общенѣмецкій или neuhochdeutsch), нидерландскій, англійскій, шведскій и датскій. Будущей ихъ судьбы никто не можетъ предсказать, а развѣ предчувствовать. Въ жизни языковъ, какъ и въ жизни народовъ, обнаруживается неизбѣжное стремленіе къ центрамъ притяженія. Живо пробудившееся томленіе о прочномъ объединеніи родственныхъ племенъ не прекратится. Я считаю

---

[1]) По числу душъ онѣ почти равны: валлоновъ 2.256.850, фламандцевъ 2.659.900 по счету 1876 г. Ср. Reclus, N. géogr. univ. IV, 84.

[2]) Jonckbloet, G. d. ndl. L. II, 10.

[3]) Ibid. 38 сл.

[4]) Языки эти сильно распространены тамъ и въ общежитіи. Ср. Reclus, Nouv. géogr. un. IV, 334.

вѣроятнымъ въ ближайшіе вѣка переходъ нидерландцевъ къ верхненѣмецкому, а датчанъ — къ шведскому языку, что было-бы спасительно для всѣхъ нѣмецкихъ народовъ. Это событіе предуготовлено уже отторженіемъ Бельгіи отъ Голландіи, Норвегіи же — отъ Даніи. Нельзя сомнѣваться, что нидерландецъ предпочтетъ верхненѣмецкій французскому, а датчанинъ — шведскій верхненѣмецкому. Да и вообще языки горъ и возвышенностей заслуживаютъ побѣды надъ языками равнинъ" [1]).

Послѣднее обобщеніе кажется намъ слишкомъ смѣлымъ; но предшествующія ему соображенія о литературѣ нидерландской не вполнѣ подрываются патріотическими возраженіями Іонкблета [2]). Ни внутренній характеръ, ни внѣшнее положеніе нидерландскаго языка не ограждаютъ его отъ нисладенія къ роли одного изъ многочисленныхъ новонѣмецкихъ діалектовъ. Разстояніе этого языка отъ общенѣмецкаго лишь немногимъ дальше, чѣмъ вестфальскаго, фризскаго, саксскаго нарѣчій, которыя, какъ мы видѣли, легко примкнули къ „нововерхненѣмецкому". Количество духовныхъ и матеріальныхъ силъ нынѣшнихъ нидерландцевъ также не представляетъ величины столь ужъ несоизмѣримой съ силами ганноверцевъ или мекленбуржцевъ, а еще болѣе — швабовъ и баварцевъ, чтобы считать для первыхъ невозможными тѣ отношенія къ Германской имперіи, въ которыя безъ особыхъ усилій приведены послѣдніе. Событія Наполеоновскаго времени: занятіе Нидерландовъ французскими войсками въ 1794—95 гг., образованіе въ нихъ Батавской республики, потомъ Голландскаго королевства подъ Людовикомъ Бонапартомъ, а наконецъ полное включеніе его во Францію,—все это могло бы mutatis mutandis повториться и еще разъ, подъ напоромъ нѣмцевъ, еслибы международныя отношенія великихъ державъ сложились неблагопріятно для этого „трактатнаго", т. е. бумажнаго государства. Тогда нѣмецкимъ поли-

---

[1]) J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache 836.

[2]) Jonckbloet, Gesch. d. ndl. Lit. II, 11 сл.

тикамъ не стоило бы большого труда, порывшись въ старыхъ хартіяхъ, доказать племенное родство нидерландцевъ съ саксами и франками, близость ихъ нарѣчій, общность многихъ историческихъ преданій и задачъ, а наконецъ возможность совмѣстной борьбы съ романизмомъ на западѣ и англійскимъ соперничествомъ на океанахъ. Убѣдившись же въ томъ, нидерландцы безъ особаго труда и усилій могли бы постепенно изучить государственный и литературный языкъ своихъ соплеменниковъ и соратниковъ, а затѣмъ содѣйствовать его распространенію и въ заманчивыхъ для Германіи колоніяхъ — на Явѣ и другихъ островахъ Зундскаго архипелага, на оо. Молукскихъ, Вестиндскихъ, да въ прибрежьяхъ южной Африки, — которыя однѣ поддерживаютъ еще великодержавное положеніе Голландіи [1]).

Что касается вышеприведенныхъ соображеній Я. Гримма о вѣроятности языческаго объединенія всѣхъ скандинавцевъ на почвѣ шведскаго языка, то опыты прошлаго и наблюденія настоящаго не вполнѣ подтверждаютъ ихъ. Самую характерную особенность скандинавскаго племени составляетъ разсѣяніе силъ. Оно выразилось прежде всего въ норманскихъ колоніальныхъ и дружинныхъ предпріятіяхъ VIII—X-го вѣковъ, направленныхъ изъ Даніи въ Нормандію и Британію, изъ Норвегіи — въ Шотландію и Ирландію съ прилегающими архипелагами, въ Исландію и даже Гренландію, изъ Швеціи же — въ южныя побережья Балтики и внутреннія области нашего Гардарика. Изъ всѣхъ этихъ колоній одна Исландія осталась вѣрна своей норвежской метрополіи. Все остальное всосано мѣстными народностями — французскою въ Нормандіи, англосаксонскою въ Великобританіи, славянскою на русскомъ востокѣ, не говоря уже про норманновъ южноиталійскихъ

[1]) Голландскія колоніи въ 50 разъ больше метрополіи по пространству и въ 7 разъ по числу жителей. На одномъ островѣ Явѣ ихъ насчитываютъ до 18 мил., на 3.818.000 во всей Голландіи! Ср. Reclus, N. géogr. univ. IV, 195, 341.

и варяговъ византійскихъ: они либо офранцузились, либо обрусѣли—еще ранѣе прибытія въ Палермо и Миклагардъ, гдѣ ихъ ожидала затѣмъ неизбѣжная итальянизація и эллинизація. Все это пропало для дальнѣйшаго развитія норманизма. То же приблизительно видимъ въ политической исторіи скандинавскихъ народовъ. Они успѣвали по временамъ завоевывать то Англію, то балтійское Поморье, то чуть не всю Польшу и половину Руси, но не могли упрочить въ федеративной или иной формѣ политическаго союза—Даніи со Швеціей!

Естественнымъ слѣдствіемъ такой племенной и государственной разрозненности скандинавцевъ была дробность ихъ діалектовъ и взаимная отчужденность литературныхъ стремленій. Лишь древнеисландская литература, разработанная скальдами по народнымъ преданіямъ и пѣснямъ не только Норвегіи, но и всего скандинавскаго сѣвера, впослѣдствіи же собранная въ двухъ Эддахъ и продолженная въ историческихъ сагахъ Снорри Стурлусона († 1241 г.) и другихъ менѣе знаменитыхъ бытописателей,—носитъ печать общенордскую, какъ родственная ей по духу литература Гомера и кикликовъ — печать общегреческую. Но этой блестящей древнеисландской школѣ нордскихъ поэтовъ и историковъ не суждено было стать основою дальнѣйшаго развитія скандинавскихъ литературъ. Оно было парализовано иноземными и иноязычными вліяніями, которыя выражались сначала въ формѣ латинской церкви и письменности, позже—въ видѣ церкви лютерански-нѣмецкой и сопровождавшей ее литературы духовной и свѣтской.

Вліянія эти распространялись съ юга на сѣверъ не одновременно, а въ извѣстной послѣдовательности, которая опредѣляла разноверстность культурныхъ состояній нордцевъ и обусловленныхъ ими литературныхъ явленій. Данія, какъ страна самая южная и тѣснѣе привязанная къ Германской системѣ государствъ, шла обыкновенно впереди другихъ нордскихъ народовъ и литературъ, которыя въ свою очередь имѣли передъ нею преимущество

бо́льшей самобытности и типичности. Уже въ концѣ XII-го вѣка Данія получила въ лицѣ Саксона Грамматика такого хрониста, какого Швеція не имѣла и въ XVI-мъ в.; но этотъ хронистъ писалъ не на народномъ, а на чуждомъ, латинскомъ языкѣ. Впрочемъ и народная литература, пользовавшаяся срединнымъ зеландскимъ нарѣчіемъ, раньше и успѣшнѣе развилась въ Даніи, почему языкъ ея въ дореформаціонное время оказывалъ сильное вліяніе и на шведскій діалектъ. Съ XVI-го в., особенно со времени окончательнаго расторженія Кальмарской уніи при Густавѣ Вазѣ (1524 г.), шведскій языкъ вмѣсто полнаго сближенія съ датскимъ, какъ это случилось уже раньше въ Норвегіи, обособляется и идетъ далѣе своимъ путемъ, мало озираясь на датскаго собрата. Если что-нибудь еще сближало эти двѣ литературы съ XVI—XVII-го в., такъ развѣ общее нѣмецкое вліяніе, выразившееся сначала въ принятіи протестантства, а затѣмъ—многихъ идей и формъ нѣмецкой науки и литературы, особенно съ прошлаго вѣка. Но вліяніе это не могло парализовать взаимнаго антагонизма датчанъ со шведами ни въ вѣкъ реформаціи, ни въ періодъ религіозныхъ войнъ Густава Адольфа, ни въ пору возрожденія національностей съ конца прошлаго вѣка. Датчане съ норвежцами читали Педерсона († 1554) и Арребо († 1537 г.), Гольберга († 1754) и Эвальда († 1781), Весселя († 1785) и Баггесена († 1826), Эленшлегера (Oehlenschläger † 1850) и Грундтвига († 1863), Андерсена († 1875) и Палюданъ-Мюллера († 1876); шведы же восторгались своими — Стьернгельмомъ (G. Stjernhjelm † 1672) и Кельгреномъ († 1795), Бельманомъ († 1795) и Альмквистомъ († 1866), Рунебергомъ († 1877) и воскресшимъ скальдомъ Тегнеромъ († 1846).

Но и этого мало. Съ начала нынѣшняго вѣка и Норвегія, послѣ отторженія отъ Даніи въ 1814 г., соблазнилась перспективою самостоятельнаго литературнаго языка и развитія. Сначала этотъ норвежскій сепаратизмъ выражался въ умѣренныхъ формахъ, въ видѣ напр. усиленія норвегизмовъ въ общемъ датско-норвежскомъ языкѣ. Чи-

сло такихъ норвегизмовъ бывало значительно и раньше у писавшихъ на этомъ языкѣ норвежцевъ, напр. у Фриса (Peder Claussön Friis † 1614), Даса (Peter Dass † 1708), Гольберга († 1754), Весселя (J. H. Wessel † 1785); но оно еще болѣе усилилось съ начала нынѣшняго вѣка, въ сочиненіяхъ напр. Гансена (M. C. Hansen † 1842 г.), Вергелянда (Henrik Wergeland † 1845), Вельгавена (J. S. C. Welhawen † 1873) и др. Съ конца XVIII-го в. стали выходить сочиненія и на чистомъ норвежскомъ діалектѣ, напр. Стокфлета (Thomas Rosing de Stockfleth † 1808), Эдуарда Сторма (Storm † 1794), лѣсничаго Асбьернсена (P. C. Asbjörnsön р. 1812 —), епископа Мое (Jörgen Ingebrektsön Moe), свящ. Ляндстада (M. B. Landstad р. 1802 —) и др. Первыя же мѣста между этими новонорвежскими поэтами занимаютъ Бьернсенъ (Björnstjern Björnsön 1832—) и Ибсенъ (Henrik Ibsön 1822—). Но они не разрывали всѣхъ связей норвежскаго діалекта съ датскимъ языкомъ, какъ это сдѣлалъ Иваръ Асенъ (Ivar Aasen ок. 1848 — 73), составившій изъ сочетанія нѣсколькихъ норвежскихъ разнорѣчій, на основномъ фонѣ бергенскаго, особый искусственный языкъ. Языкъ этотъ возведенъ имъ въ норму для всѣхъ писателей антидатскаго духа и направленія, окрещеннаго именемъ: norsk-norske maalstraev, т. е. норвежско-норвежское языкостремленіе. Такіе писатели не замедлили выступить на новосочиненномъ діалектѣ, напр. Асмундъ Винье (Aasmund Vinje † 1870), Янсонъ (Kristofer Janson) и др. Появились и журналы на этомъ діалектѣ, завязавшіе ожесточенную борьбу съ консерваторами, бюрократами, аристократами, во имя демократизма и чистой народности. Въ полемикѣ этой принялъ участіе и христіанійскій профессоръ Іог. Стормъ, высказавшійся въ пользу сохраненія норвежцами историческихъ преданій. Онъ допускаетъ однако медленное видоизмѣненіе общаго датско-норвежскаго языка, подъ вліяніемъ мѣстныхъ говоровъ и рѣчи образованнаго норвежскаго общества, въ видахъ выработки на этой основѣ языка средняго между датскимъ и шведскимъ, призван-

наго примирить эти двѣ противоположности скандинавизма [1]). Нельзя не сочувствовать этимъ разумнымъ и патріотическимъ мыслямъ христіанійскаго германиста. Но можно опасаться, что прежде чѣмъ успѣетъ сложиться и выполнить эту задачу норвежскій діалектъ, нордскія земли одна за другою будутъ всосаны въ круговоротъ тѣхъ движеній и силъ, которыя охватили уже датскій Шлезвигъ и все сильнѣе хлещутъ въ берега Ютландіи, Зеландіи, Борнгольма и въ извилистые фіорды Скандинавіи. Нордскіе ученые, издававшіе прежде свои сочиненія по-латыни, какъ напр. датскій астрономъ Тихо Де-Браге († 1601), шведскій физикъ Цельзій (Celsius † 1744), ботаникъ Линней († 1778) и др., въ XIX-мъ в. все чаще и чаще обращаются къ нѣмецкому языку. Это видимъ въ изданіяхъ напр. химика Берцеліуса († 1848 г.), филологовъ Раска, Сторма, Томсена, Мадвига и мн. другихъ. Случалось уже и поэтамъ сѣвернымъ брать аккорды на языкѣ Шиллера и Гэте. Таковы—Баггесенъ, Эленшлегеръ [2]) и др. Если теченіе это не встрѣтитъ препятствій въ сплоченномъ сопротивленіи нордскихъ языковъ и литературъ, если застарѣлый недугъ разсѣянія силъ не уврачуется въ скандинавцахъ „травой, огнемъ или желѣзомъ“,—то едва ли осуществится предсказаніе Якова Гримма о панскандинавскомъ призваніи шведскаго языка. Конечно, послѣдній несравненно ближе къ датскому и даже къ норвежскому, чѣмъ „нововерхненѣмецкій“, принадлежащій къ другой діалектической группѣ. Но въ исторіи языковъ и народовъ не разъ уже случалось, что притяженія сильныхъ духовныхъ центровъ побѣждали антагонизмъ племенной, собирая въ культурномъ единствѣ области, казалось навсегда раздѣленныя природою и преданіями.

Но что ни суждено языкамъ нидерландскому и норд-

---

[1]) Ср. K. Maurer, Die Sprachbewegung in Norwegen, въ Germania 1880 г., стр. 1—32.

[2]) Ср. Horn Fr., Geschichte der Litteratur des Skandinawischen Nordens. Leipzig 1880 г., стр. 201, 216.

скимъ въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, придется ли имъ стать діалектами языка общенѣмецкаго или развиваться далѣе параллельно съ нимъ,—послѣдній и теперь уже объединяетъ до 55 мил. душъ [1]), слѣдовательно занимаетъ по численности третье мѣсто (англійскій, русскій, нѣмецкій) между большими міровыми языками. По развитію же литературному онъ не уступаетъ теперь ни одному образованному языку Стараго и Новаго Свѣта.

Но не легко и достался нѣмцамъ ихъ общій языкъ. Трудно указать въ исторіи другой примѣръ столь продолжительной борьбы за него, столь тяжелыхъ усилій и жертвъ. Его зарожденіе относится ко времени Карла Великаго, окончательное же установленіе — лишь къ эпохѣ Фридриха II Гогенцоллерна! Въ этой тысячелѣтней борьбѣ приняли участіе всѣ вѣтви нѣмецкаго народа, всѣ его классы, учрежденія, силы. Мы встрѣчали на этомъ длинномъ пути и Ахенъ съ Майнцемъ, и Кельнъ съ Базелемъ, и Авгсбургъ съ Вѣною, и Прагу съ Нюренбергомъ, и Вартбургъ съ Веймаромъ, и Мишень съ Вратиславлемъ (Breslau), и Королевецъ съ Берлиномъ, и Любекъ съ Гамбургомъ и Бременомъ; видѣли за общимъ дѣломъ то императорскіе дворы и канцеляріи, то имперскіе соборы и суды, управленія курфирстовъ и князей, городскіе магистраты, монастырскія школы, каѳедры университетскія и церковныя, съѣзды реформаторовъ, турниры поэтовъ, общества литераторовъ, станки наборщиковъ, подмостки театровъ. И сколько разъ искомая цѣль исчезала изъ глазъ поколѣній

---

[1]) Съ нѣмецкими евреями, американскими и австралійскими нѣмцами до 65 мил. Ср. Reclus, Nouv. géogr. universelle III, 500. Если же принять въ соображеніе и многочисленныхъ славянъ, пользующихся въ наукѣ, литературѣ и общежитіи нѣмецкимъ языкомъ, какъ напр. поляковъ, кашубовъ, лужичанъ въ Германіи, поляковъ же, чехоморавянъ, словенцевъ, хорватовъ въ Австро-Угріи, то придется увеличить еще на 10—12 милл. число населеній, для которыхъ „нововерхненѣмецкій" фактически служитъ высшимъ государственнымъ, научнымъ и общественнымъ органомъ.

въ то самое время, когда уже казалась достигнутою, какъ это было при Каролингахъ, при Гогенштауфенахъ, при Максимиліанѣ I и Карлѣ V! Если тѣмъ не менѣе она въ концѣ концовъ достигнута и притомъ, въ моментъ, когда самъ Фридрихъ II считалъ ее еще очень отдаленною, то обязаны этимъ нѣмцы отчасти благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, но главнымъ образомъ — сознательнымъ усиліямъ своихъ лучшихъ сыновъ.

Къ независимымъ отъ человѣческой воли случайностямъ или — если угодно — природнымъ необходимостямъ можно отнести тѣсную географическую зависимость областей нижненѣмецкихъ отъ серединныхъ, а этихъ послѣднихъ — отъ верхнихъ, благодаря общей покатости Германіи отъ Альпъ къ Сѣверному морю. Въ этомъ общемъ направленіи двигались не только воды ея, но и черты нѣмецкихъ нарѣчій, виды поэтической и прозаической литературы. Но протекая области среднегерманскія, они встрѣчали на пути сильный, хотя и воспріимчивый къ стороннимъ вліяніямъ, серединный въ Германіи народъ франковъ, на все налагавшій печать своего духа. Нижней Германіи досталась болѣе пассивная роль въ этомъ оборотѣ язычныхъ и словесныхъ формъ. Она могла противоставить экспансивному порыву южанъ и мощному напору серединцевъ одну силу косности, которая обусловлена, быть можетъ, флегматическимъ, холоднымъ темпераментомъ саксовъ и фризовъ. Эти естественныя условія на половину предрѣшили уже торжество верхнихъ нарѣчій, въ серединнонѣмецкой переработкѣ, надъ прочими соперниками. Но оно едва ли было бы столь полно и рѣшительно, если бы къ этому не присоединились нѣкоторые нравственные факторы, главнымъ же образомъ — имперія, реформація и преимущественная литературная производительность Германіи верхней и серединной, въ сравненіи съ нижнею.

„Священная римская имперія нѣмецкой націи“ была первымъ, хотя и довольно воздушнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ безчисленныя областныя, діалектическія и государственныя грани въ средѣ нѣмцевъ, первой попыт-

кой сплотить этотъ сложный организмъ въ одно нравственное цѣлое. Но долгое время интересы нѣмецкой народности были подчиняемы въ имперіи цѣлямъ римской церкви и латинской образованности. Лишь съ XIII—XIV-го вѣка воскресаетъ въ актахъ имперскаго управленія нѣмецкій языкъ. Онъ постепенно оттѣсняетъ латынь и становится основою дальнѣйшаго развитія языка общаго. Еще сильнѣе былъ толчокъ, данный въ этомъ направленіи Лютеромъ. Реформація не только освободила нѣмцевъ отъ латыни, но и объединила духовно двѣ трети племени въ лонѣ общей церкви, которая стала могущественнымъ проводникомъ и общаго языка. Дѣло было закончено писателями, въ рядахъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ серединцы (Лютеръ, Лейбницъ, Лессингъ, Гэте, Я. Гриммъ), второе — горноземцы (Виландъ, Шиллеръ, Гегель, Шеллингъ) и лишь третье — дольноземцы (Клопштокъ, Кантъ, Гумбольдты, Шопенгауеръ).

Завоевавъ тяжелымъ трудомъ многихъ вѣковъ и поколѣній общій языкъ, нѣмцы положили его въ основу всего дальнѣйшаго развитія. На этой почвѣ выработались съ прошлаго вѣка общенѣмецкая наука и литература, метафизика и поэзія, театръ и искусства образовательныя, унія церквей и государствъ, а наконецъ, какъ зрѣлый плодъ вѣковыхъ усилій и стремленій, — общенѣмецкая имперія [1]). Общій языкъ связываетъ не только всѣхъ нынѣшнихъ нѣмцевъ, уничтожая между ними грани государственныя, конфессіональныя, общественныя, но и объединяетъ совокупность предшествовавшихъ поколѣній, вплоть до Карла Великаго, представляя какъ-бы сквозную просѣку черезъ всѣ пласты народной исторіи, черезъ всѣ вѣка народной жизни. Въ переложеніи на этотъ языкъ вновь воскресаютъ для сознанія и чувства нынѣшнихъ нѣмцевъ отдаленныя преданія о Зигфридѣ и Кримгильдѣ, о Гильдѣ и Гудрунѣ, эпопеи Гартмана и Вольфрама, пѣсни Вальтера и сказанія о Рейнгартѣ Лисѣ, проповѣди Бартольда

---

[1]) Ср. Osthoff, Schriftsprache 11 сл.

и умозрѣнія Экгардта, комедіи Ганса Сакса и сатиры Фишарта. Въ самоотверженной преданности всѣхъ нынѣшнихъ нѣмцевъ своему общему языку слѣдуетъ видѣть не только источникъ ихъ нынѣшней силы, но и прочный залогъ дальнѣйшаго преуспѣнія на открытомъ передъ ними просторѣ міровой жизни.

Итоги этой главы сводимъ въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ:

1. Нѣмецкія нарѣчія распадаются на три діалектическихъ группы: верхнюю, серединную и нижнюю, взаимныя отношенія между коими еще дальше, чѣмъ между нарѣчіями итальянскими, французскими, славянскими.

2. Группы эти существовали не только въ XV—XVI-мъ в., но и ранѣе — въ XII—XIII-мъ вв.; дуализмъ же нѣмецкаго юга и сѣвера восходитъ началами къ VII-му вѣку по Р. Х.

3. Литературная обработка этихъ нарѣчій начинается на Рейнѣ съ Карла Великаго, при очень слабомъ воздѣйствіи со стороны болѣе старыхъ германскихъ литературъ — готской на югѣ (съ IV в.) и англосаксонской на сѣверѣ (съ VII в.).

4. Старонѣмецкіе діалекты развивались въ государственной и духовной областяхъ, на почвѣ серединныхъ и верхненѣмецкихъ нарѣчій, особенно франкскаго и алеманскаго, подъ возростающимъ давленіемъ латыни.

5. Въ XII—XIII-мъ в. блестящее развитіе получаетъ свѣтская эпическая и лирическая поэзія на Рейнѣ, въ Швабіи, Австріи, Баваріи, Тюрингіи, причемъ вырабатывается изъ смѣси верхнихъ діалектовъ съ серединными особый придворно-поэтическій языкъ, не имѣвшій однако полнаго внутренняго и внѣшняго единства.

6. Въ этотъ же періодъ времени начинается литературная обработка діалектовъ нидерландскаго и нижнесаксонскаго, въ поэтической и историко-юридической областяхъ.

7. Съ XIV-го вѣка слагается постепенно изъ стихій традиціонныхъ и живыхъ, особенно австрійскихъ и сере-

динныхъ, дѣловой имперскій языкъ, который въ XV—XVI-мъ вв. утверждается въ канцеляріяхъ курфирстовъ и другихъ имперскихъ князей.

8. Этотъ языкъ въ верхнесаксонскомъ, частнѣе—мишенскомъ видоизмѣненіи послужилъ для Лютера основою языка библейскаго и богослужебнаго, изъ котораго въ дальнѣйшемъ развитіи, при участіи Опица, Готшеда, Лессинга и другихъ писателей, выработался языкъ общенѣмецкій.

9. Утвержденіе послѣдняго было на два вѣка задержано антагонизмами областными и религіозными, особенно въ цвингліанской и католической Алеманіи.

10. Раньше восторжествовалъ „нововерхненѣмецкій" въ протестантской нижней Германіи, но не въ Нидерландахъ, которые съ XVII-го в. совершенно обособились въ язычномъ отношеніи.

11. И по утвержденіи въ Германіи общаго языка не прекратилась частная обработка діалектовъ въ низшихъ родахъ литературы, особенно комической и сатирической простонароднаго характера.

12. Между этими подлитературами особенно выдѣляются алеманская и саксская, гдѣ появлялись и серьезные поэты, но не прозаики.

13. По языку и содержанію подлитературы эти находятся въ живомъ взаимодѣйствіи съ языкомъ общимъ, безъ притязаній ограничить его права въ литературной, государственной и общественной областяхъ.

14. При нынѣшнемъ величіи и возростающемъ размахѣ языка общенѣмецкаго легко могутъ быть пройдены грани, отдѣляющія его собственную этническую область отъ смежныхъ—нидерландской, скандинавской и западнославянской.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

объ образованіи общихъ языковъ.

Изъ представленныхъ очерковъ образованія семи общихъ языковъ древней и новой Европы можно судить до извѣстной степени объ этомъ историческомъ явленіи, — объ условіяхъ его зарожденія и фазахъ развитія, о внутреннемъ характерѣ и значеніи въ жизни племенной, общественной, личной.

Общіе языки составляютъ не какое либо исключительное и рѣдкое, а довольно обычное и нормальное явленіе, которое при благопріятныхъ условіяхъ развивается у каждаго крупнаго народа, сопровождая его на высшихъ ступеняхъ и въ высшихъ областяхъ культурной жизни.

Развиваются они изъ языковъ частныхъ, послѣдніе же изъ діалектовъ, которые, въ свою очередь, вырабатываются во время благопотребное изъ живыхъ нарѣчій, разнорѣчій, говоровъ, какъ золото изъ руды. Отдаленными предками общихъ языковъ являются такимъ образомъ тѣ формы просторѣчій, какія мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ народной словесности и которыя соотвѣтствуютъ высшему, традиціонному или — если угодно — образованному стилю доисторическихъ эпохъ и неисторическихъ слоевъ населеній. Какъ въ природѣ нѣтъ луговъ безъ цвѣтовъ, такъ и въ народѣ нѣтъ говоровъ безъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, сказокъ; но въ однихъ мѣстахъ онѣ ярче и богаче, въ другихъ — блѣднѣе и рѣже, въ зависимости отъ свойствъ почвы и воздуха, отъ народныхъ дарованій и внѣш-

ней обстановки ихъ развитія. Богатство традиціонной литературы на томъ или другомъ говорѣ отражается при нормальныхъ условіяхъ на достоинствахъ его высшаго стиля, который служитъ затѣмъ основою для развитія стиля личнаго, въ періодъ появленія письменности и перехода просторѣчій въ образованные діалекты. Число послѣднихъ въ началѣ культурнаго оборота должно бы болѣе или менѣе соотвѣтствовать числу и взаимнымъ отношеніямъ нарѣчій, но нерѣдко это соотвѣтствіе нарушается разными отклоняющими вліяніями, которыя могутъ раздѣлить въ письменности однородное въ жизни и, наоборотъ, соединить разнородное. Сколько бы впрочемъ ни возникло при началѣ культурнаго оборота діалектовъ и въ какихъ бы внутреннихъ отношеніяхъ они ни находились, между ними завязывается обыкновенно борьба за преобладаніе или даже за существованіе, которая получаетъ различный исходъ, въ зависимости отъ условій дальнѣйшей исторической жизни народа. Иногда она заканчивается установленіемъ условнаго равновѣсія между нѣсколькими равносильными діалектами (напр. датскимъ и шведскимъ въ Скандинавіи), которые такимъ образомъ превращается въ независимыя историко-литературныя единицы или частные языки, объединенные лишь племенною сопринадлежностью къ общей діалектической группѣ. Но чаще случается, что въ борьбѣ дробныхъ діалектовъ побѣда достается немногимъ изъ нихъ, болѣе сильнымъ и выгодно расположеннымъ, которые становятся затѣмъ и центрами притяженія для другихъ смежныхъ, и общими представителями въ культурной области. Тогда получаются языки общіе, бо́льшаго или меньшаго объема и распространенія. При исключительно благопріятныхъ условіяхъ торжествуетъ надъ всѣми соперниками одинъ изъ діалектовъ или частныхъ языковъ, хотя и преобразованный подъ вліяніемъ другихъ, въ видахъ лучшаго приноровленія къ разнообразнымъ условіямъ общенародной жизни.

Двѣ послѣднія формы являются иной разъ — но не всегда — двумя послѣдовательными фазами одного язычна-

го оборота. Это видимъ во Франціи, гдѣ языкъ ойльскій восторжествовалъ въ концѣ концовъ надъ сильнымъ и образованнымъ нѣкогда языкомъ юга, провансальскимъ. Но это не посчастливилось ни испанскому въ Португаліи, ни нѣмецкому въ Нидерландахъ.

Зато въ другихъ случаяхъ общіе языки получаютъ со временемъ столь могучій размахъ, что легко побѣждаютъ сопротивленіе и совершенно чуждыхъ имъ нарѣчій, діалектовъ, частныхъ языковъ, какъ это видимъ въ исторіи греческаго послѣ Александра Македонскаго, латинскаго — послѣ Юлія Цезаря, испанскаго — послѣ Карла V, французскаго—послѣ Людовика XIV, англійскаго—послѣ Елисаветы, нѣмецкаго—послѣ Фридриха II. Въ эти болѣе поздніе періоды жизни общихъ языковъ степень ихъ близости къ просторѣчіямъ имѣетъ лишь очень второстепенное значеніе, въ сравненіи съ культурными условіями, которыя опредѣляютъ новую группировку народовъ, нерѣдко болѣе устойчивую и органическую, чѣмъ племенная, областная, государственная.

Быстрота изложенныхъ событій во взаимныхъ отношеніяхъ и роли діалектовъ бываетъ очень различна. Иногда проходятъ цѣлые вѣка нерѣшительной борьбы между соперничающими діалектами, напр. въ древней Греціи, въ новой Германіи; въ другихъ же случаяхъ она разрѣшается раннимъ и полнымъ торжествомъ одного изъ нихъ, напр. въ Римѣ, позже и въ Тосканѣ, въ Ильдефрансѣ, въ англійскомъ Мидландѣ. Но даже окончательное установленіе общаго языка не парализуетъ въ конецъ дѣйствія силъ центробѣжныхъ. При благопріятныхъ условіяхъ онѣ могутъ даже расколоть старое единство и замѣнить его нѣсколькими новыми языками, какъ это случилось съ латынью, по выдѣленіи изъ нея итальянскаго, испанскаго, французскаго.

Аналогическій процессъ замѣчается и нынѣ въ лонѣ двухъ послѣднихъ языковъ, въ видѣ возростающаго антагонизма и неумѣренныхъ притязаній со стороны діалектовъ каталанскаго и провансальскаго.

Что касается силъ, опредѣляющихъ ходъ и исходъ

борьбы діалектовъ, то все разнообразіе ихъ можно свести къ тремъ основнымъ группамъ: 1. силы естественныя, 2. общественныя и 3. личныя. Къ первымъ принадлежитъ природа страны и населенія; ко вторымъ — церковь, государство, школа; къ третьимъ же — мыслители, писатели, дѣятели.

Участіе силъ естественныхъ отражается въ томъ, что въ борьбѣ діалектовъ одолѣваетъ тотъ изъ нихъ, который занимаетъ самое благопріятное географическое положеніе и находится въ употребленіи у самой даровитой и дѣятельной части населенія. Всего чаще такими бываютъ діалекты серединные по расположенію, а вмѣстѣ и по внутреннему строенію, каковы напр. іоно-аттическій, латинскій, тосканскій, кастильскій, ильдефрансскій, восточномидландскій, серединнонѣмецкій. Иной разъ наступательная сила діалекта обусловлена его горнымъ расположеніемъ, напр. верхненѣмецкаго. Въ борьбѣ же оборонительной очень благопріятно положеніе приморское, напр. португальскаго, нидерландскаго, ибо оно открываетъ просторъ для заморскихъ колоній, которыя нерѣдко удесятиряютъ силы метрополій.

Между факторами общественными церковь занимаетъ очень важное мѣсто по интензивности своихъ движеній, охватывающихъ обыкновенно всѣ слои народа и соединяющихъ множества въ одномъ общемъ чувствѣ, въ общемъ культѣ, съ примѣненіемъ къ послѣднему общаго языка. Распространяясь изъ первоначальнаго центра до отдаленнѣйшихъ периферій, церковь раздѣляетъ свои нравственныя завоеванія съ избраннымъ ею язычнымъ органомъ богослуженія, проповѣди, образованія, — какъ это видимъ на языкѣ среднегреческомъ, среднелатинскомъ, арабскомъ, готскомъ, отчасти же и на языкахъ Виклефа и Тиндаля, Кальвина, Лютера и дрг.

Не менѣе важна въ этомъ процессѣ роль государства, побѣждающаго мѣстные сепаратизмы внѣшнею зависимостію отъ общаго средоточія и возвышающаго рѣчь послѣдняго до царственной роли между всѣми соперницами.

Всего нагляднѣе выразилось это въ древнемъ Римѣ и новой Франціи, но довольно замѣтно и въ исторіи общегреческаго при Александрѣ Македонскомъ, кастильскаго при Фердинандѣ и Изабеллѣ, англійскаго при Эдуардѣ III и Елисаветѣ, нѣмецкаго при Карлѣ IV и Максимиліанѣ I. Даже нахожденіе въ средѣ того или другого діалекта важнаго въ общественно-экономической жизни страны города, напр. Аѳинъ, Рима, Флоренціи, Толедо, Парижа, Лондона, отражается на исходѣ борьбы діалектовъ. Въ другихъ случаяхъ перевѣсъ дается важнымъ образовательнымъ центромъ, каковы напр. университеты Кембриджскій и Оксфордскій въ восточномъ Мидландѣ, Липскій, Виттенбергскій и Галльскій въ срединной Германіи.

Что касается, наконецъ, личныхъ вкладовъ въ это дѣло, то о величіи ихъ можно судить по значенію въ исторіи общихъ языковъ: греческаго — сочиненій Гомера, Эсхила, Аристотеля, итальянскаго—Данта, Петрарки, Боккачіо, англійскаго — Чосера и Виклефа. Что въ процессѣ этомъ есть мѣсто и для сознательныхъ усилій человѣческой воли, это видимъ въ исторіи французскаго языка при Малербѣ и Вожля, нѣмецкаго при Опицѣ и Готшедѣ. Но усилія эти не пропали даромъ лишь потому, что направленіе ихъ совпало съ общимъ наклономъ язычнаго развитія, опредѣляемымъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ естественныхъ и нравственныхъ силъ даннаго народа.

По мѣрѣ того, какъ общій языкъ, при содѣйствіи указанныхъ факторовъ, утверждается въ роли высшаго представителя извѣстной группы діалектовъ, онъ постепенно переводитъ на себя высшія задачи и отправленія послѣднихъ: становится органомъ богослуженія, государственнаго управленія, высшаго образованія, науки и литературы, проникаетъ даже въ домашній обиходъ образованныхъ сословій. Но это дѣлается не сразу, и не вполнѣ. Иногда проходятъ цѣлые вѣка, пока общій языкъ успѣетъ завоевать свои законныя позиціи, оттѣснивъ съ нихъ то мѣстные діалекты, то чужіе общіе языки. Такъ напр. въ публичномъ богослуженіи всѣхъ католическихъ народовъ до

сихъ поръ сохранился латинскій языкъ. Встарь онъ долго господствовалъ на Западѣ и въ жизни государственной, въ системѣ высшаго образованія, въ области наукъ, а до нѣкоторой степени и въ частной жизни образованныхъ сословій. Были періоды, когда и другіе языки, напр. испанскій, итальянскій, французскій, вторгались въ права общихъ языковъ, напр. въ придворныхъ и аристократическихъ кругахъ Германіи, Англіи и многихъ славянскихъ странъ. Но мало по малу, съ успѣхами народнаго развитія, эти чужеядные наросты спадаютъ „ветхой чешуей", подъ освобождающимъ вліяніемъ туземныхъ общихъ языковъ.

Что касается отношенія послѣднихъ къ родственнымъ діалектамъ, то ихъ функціи одна за другою передаются общему языку, начиная то съ церковной, то съ государственной, то съ литературной области, въ зависимости отъ того, какой факторъ играетъ въ языкообразующемъ движеніи главную роль. Но очень рѣдко случается, что общій языкъ совершенно поглощаетъ діалекты, оттѣсняя ихъ не только съ высшихъ, но и съ низшихъ ступеней культурной жизни. Обыкновенно между ними происходитъ мирное размежеваніе ея сферъ, съ предоставленіемъ то меньшаго, то большаго простора діалектамъ, которые служатъ съ тѣхъ поръ какъ бы притоками главнаго рѣчного русла. Церковь долго удерживаетъ ихъ въ дополнительномъ богослуженіи, въ частныхъ молитвахъ, проповѣдяхъ, катихизаціи; государство — въ устномъ разбирательствѣ низшихъ присутствій и судовъ; школа — въ системѣ низшаго обученія; литература — въ произведеніяхъ областного колорита и распространенія, особенно комическаго и сатирическаго содержанія, да и вообще въ сочиненіяхъ популярныхъ. Нерѣдко пролагаютъ себѣ діалекты доступъ и въ научную прозу. Но тутъ они встрѣчаютъ соперника въ языкѣ общемъ, который долженъ либо отстоять свои законныя права, либо спуститься вновь до положенія языка частнаго и даже — соподчиненнаго діалекта.

Вмѣстѣ съ измѣніемъ исторической роли и внѣшняго

положенія діалекта, ставшаго языкомъ частнымъ или общимъ, мѣняется въ большей или меньшей мѣрѣ и внутренній его характеръ. Отторженіе отъ областной среды ослабляетъ его связи съ живой разговорной рѣчью, особенно низшихъ слоевъ населенія. Принявъ много инодіалектныхъ примѣсей, языкъ частный, а еще болѣе общій, становится болѣе или менѣе сложнымъ по составу, искусственнымъ по образованію, произвольнымъ по подбору стихій. Вращаясь въ средѣ образованной, онъ по необходимости теряетъ свою прежнюю наглядность и колоритность, становится все отвлеченнѣе, прозаичнѣе, сѣрѣе. Эти недостатки могутъ, правда, быть парализованы до нѣкоторой степени освѣжающимъ дыханіемъ сильнаго писателя, особенно если онъ сумѣетъ зачерпнуть живой воды изъ ключей простонароднаго и діалектическаго языкоупотребленія. Но и это не предохранитъ общаго языка отъ условной искусственности и блѣдной отвлеченности, въ болѣе поздніе періоды его развитія. Такова была судьба аттицизма въ киний; таково отношеніе латыни золотой къ серебряной, а еще болѣе къ желѣзной и деревянной—въ лонѣ средневѣковой церкви, государства и науки; таково различіе итальянскаго у Данта и Боккачіо съ одной стороны, а della Crusca—съ другой. Нѣчто подобное замѣчается и въ исторіи языковъ французскаго и нѣмецкаго, а въ меньшей мѣрѣ—въ языкѣ испанскомъ и въ англійскомъ стандардѣ.

Это оскудѣніе внутреннихъ соковъ и окоченѣніе общихъ языковъ заканчивается при благопріятныхъ условіяхъ ихъ постепеннымъ перерожденіемъ въ новые организмы, какъ это случилось съ языкомъ англосаксонскимъ послѣ нормандскаго завоеванія, со средненѣмецкимъ же—съ реформаціи. Въ другихъ случаяхъ одряхлѣвшій общій языкъ не растворяется въ новыхъ сокахъ, а превращается въ неподвижную мумію, которая можетъ украшать могилы и даже храмы, но не вступаетъ въ связь съ живыми: такова нынѣшняя роль языка латинскаго въ средѣ народовъ Запада.

Не слѣдуетъ ли отсюда, что образованіе общихъ язы-

ковъ есть одинъ изъ спутниковъ и признаковъ ихъ постепеннаго вырожденія, которое возможно если не предупредить, то значительно отстрочить широкимъ развитіемъ діалектовъ и ограниченіемъ роли языковъ общихъ?

Да, это слѣдовало бы думать и дѣлать, если бы „человѣкъ былъ созданъ для субботы, а не суббота для человѣка", — если бы языки были самоцѣльными существами, а не средствами для развитія видовой, общественной и личной жизни человѣка. Пусть діалекты свѣжѣе, сочнѣе, ярче языковъ общихъ; но вѣдь живые говоры еще выше въ этомъ отношеніи діалектовъ, и однако мы не считаемъ послѣднихъ ступенью внизъ на лѣстницѣ язычныхъ формъ. Такъ и китайская идеографія ярче и колоритнѣе нашей условной и блѣдной фонографіи; однако никто не посѣтуетъ на замѣчаемый въ послѣдней разрывъ графики съ живописью, ибо этимъ путемъ достигается болѣе легкая и быстрая передача звуковыхъ волнъ оптическими знаками. То же видимъ въ математикѣ, гдѣ алгебраическій способъ рѣшенія предпочитается ариѳметическому, несмотря на бо́льшую отвлеченность перваго пріема или лучше — благодаря ей.

Вышеозначенные недостатки внутренняго строя общихъ языковъ, во 1-хъ, не сразу проявляются въ рѣзкой формѣ, а лишь въ болѣе поздніе періоды ихъ жизни; во 2-хъ, они вознаграждаются такими преимуществами въ дѣлѣ развитія народной образованности, которые съ избыткомъ искупаютъ тѣ недостатки. Общіе языки сближаютъ самыя отдаленныя области и разнообразныя населенія, возможностію взаимнаго обмѣна мыслей, чувствъ, желаній; служатъ основою и символомъ національнаго единства; сопровождаютъ всѣ великія религіозныя движенія и облегчаютъ ихъ распространеніе на громадныхъ нерѣдко территоріяхъ; сплачиваютъ обширные политическіе союзы; облегчаютъ задачи школы, а наконецъ создаютъ для великаго писателя и сподручный матеріалъ для воплощенія его думъ, и высокій пьедесталъ для дѣйствія на современниковъ и потомство.

Если мы сравнимъ говоры съ дорогами проселочными, діалекты со столбовыми, а частные языки съ шоссейными, то языки общіе будутъ своего рода желѣзнодорожными путями человѣческой образованности.

Изъ-за такихъ и столькихъ преимуществъ языковъ общихъ во всѣхъ областяхъ высшей культурной жизни можно, полагаемъ, примириться съ нѣкоторыми недостатками ихъ состава и строя и съ неизбѣжными — хотя и условными лишь — жертвами со стороны діалектовъ побѣжденныхъ. Это и замѣчаемъ у всѣхъ важнѣйшихъ дѣятелей европейской образованности, начиная съ древнихъ грековъ и кончая нѣмцами. И на другихъ материкахъ видимъ общіе языки, напр. у китайцевъ, у брамапскихъ и буддистскихъ индусовъ, у древнихъ и среднихъ персовъ, арабовъ, османскихъ турокъ. Лишь болѣе второстепенные по исторической роли народы не доростали до общихъ языковъ, что и было причиною ихъ постепенной гибели, несмотря на многочисленность и распространенность. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи печальная судьба великихъ нѣкогда по числу народовъ ѳрако-иллирскаго и кельтскаго племенъ, отъ коихъ остались лишь скудные обломки — въ албанцахъ на югѣ, а бретонцахъ, вельсцахъ, шоттахъ и ирахъ на сѣверѣ, благодаря главнѣйше племенной разрозненности этихъ народовъ, не устраненной своевременнымъ утвержденіемъ общаго языка. По той же причинѣ и скандинавцы не выработались въ самостоятельный и сильный историческій народъ, хотя имѣли для того всѣ задатки, судя по чуднымъ подвигамъ норманскихъ викинговъ и дружинъ въ VIII—XI вѣкахъ и по блестящей поэзіи скальдовъ.

Въ сознаніи громадныхъ культурныхъ преимуществъ языковъ общихъ передъ частными, не разъ уже возбуждаема была мысль о выработкѣ языка общечеловѣческаго, на почвѣ латинскаго, французскаго, англійскаго или другого распространеннаго міроваго языка. Нѣкоторые же пытались разрѣшить эту задачу составленіемъ для этой цѣли особаго языка, напр. каталанскій алхимистъ и миссіонеръ

Раймундъ Люлль (Lullus † 1315) въ средніе вѣка, англійскій епископъ Вилькинзъ и полигисторъ Лейбницъ въ XVII-мъ в., въ новѣйшее же время швайцарецъ Шлейеръ, отецъ волапюка. Ни въ первой, ни тѣмъ менѣе во второй формѣ задача эта не могла быть разрѣшена. Да едва ли вообще она и разрѣшима при нынѣшней разрозненности человѣческаго рода въ отношеніяхъ племенномъ и культурномъ. Тѣмъ не менѣе мысль эта заслуживаетъ полнаго сочувствія со стороны своихъ мотивовъ, своихъ благородныхъ, хотя и фантастическихъ цѣлей. И кто знаетъ,—въ отдаленномъ будущемъ, когда паръ и электричество еще болѣе сблизятъ оба полюса нашей планеты; когда христіанство объединитъ духовно всѣ ея народы, хотя и не какъ стадо овецъ подъ ферулою римскаго пастыря; когда идеи всемірнаго братства ослабятъ разобщающія грани государствъ и народностей: сближеніе ихъ на почвѣ если не одного, то трехъ—четырехъ общихъ языковъ, мирно возвышающихся надъ сотнями языковъ частныхъ, тысячами діалектовъ и тьмами говоровъ, быть можетъ и не покажется нашимъ отдаленнымъ потомкамъ мечтой столь праздной и несбыточной. Лишь тогда можетъ наступить примиреніе людей съ Богомъ, „разсѣявшимъ языки“ въ наказаніе за гордую, но и жалкую попытку соорудить въ Вавилонѣ столбъ отъ земли на небо,—этотъ прообразъ всѣхъ позднѣйшихъ „колоколенныхъ патріотизмовъ“!

Невольно вспоминается намъ при этомъ глубокомысленное ученіе Эмпедокла о верховныхъ силахъ, господствующихъ надъ природой и приводящихъ въ движеніе космосъ: враждѣ и любви. Вражда разорвала на части божественную сферу, гдѣ все находилось нѣкогда въ состояніи блаженнаго покоя и гармоніи; она нарушила первозданную чистоту четырехъ стихій, вызвала ихъ смѣшеніе, привела въ броженіе и такимъ образомъ создала нынѣшній міръ противорѣчій и борьбы, болѣзней и разложенія. Но разрушительная сила вражды нашла себѣ ограниченіе, а разбитый космосъ — очищеніе и центръ тяготѣнія въ одновременномъ дѣйствіи другой, и притомъ высшей, твор-

ческой силы — любви. Въ этомъ круговоротѣ явленій поставленъ человѣкъ, какъ микрокосмъ, отражающій въ своемъ тѣлѣ и духѣ тотъ же антагонизмъ мірообразующихъ движеній. Греческій философъ вѣрилъ въ конечное торжество силъ центростремительныхъ надъ центробѣжными въ природѣ, любви же надъ враждой—въ сердцѣ человѣка, въ жизни человѣчества.

Какими переворотами ни сопровождалось бы такое нарушеніе видимаго равновѣсія между силами космическими и этическими, въ смыслѣ постепеннаго торжества притяженія надъ косностію, любви надъ враждою, — все же человѣчеству остается успокоительное сознаніе, что уклоняясь отъ орбитъ своего вѣкового движенія, какъ астероидъ падающій па солнце, оно мало по малу вновь приблизится къ центру міровой жизни,—ибо и мы вѣримъ, что „Богъ любы есть“.

Содержаніе I-го тома.

Къ читателю . . . . стр. I—IV

Введеніе . . . . V—VIII

Постановка вопроса V—VI. Избираемый путь его разрѣшенія VII—VIII.

Глава I. Образованіе общаго греческаго языка . 1—31

Важность этого языка для предположенной задачи 1.

Естественныя и нравственныя условія эллинской жизни 2—3. Племенная рознь эллиновъ и сознаніе народнаго единства 3—6.

Діалектическія отношенія древней Эллады 6—11.

Литературная обработка нарѣчій: эолическаго 11—12, дорическаго 12—13, іоническаго 13—14 и аттическаго 14—15.

Взаимодѣйствіе древнегреческихъ діалектовъ 15—17; общегреческое употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльныхъ родахъ и видахъ литературы 17—18; распространеніе іоноаттическихъ діалектовъ на почвѣ эолянъ и дорянъ 18—20.

Переходъ аттицизма въ общегреческій языкъ 20—21; характеристика послѣдняго 21—25.

Причины возвышенія іоно-аттическаго діалекта въ общегреческій языкъ 25—30; слѣдствія этого факта 30.

Итоги первой главы 30—31.

Глава 2. Образованіе общаго латинскаго языка. 32—69

Противоположность генія латинскаго греческому 33—32.

Географическая, племенная и культурная разрозненность древнихъ италиковъ 33—35.

Торжество идей единства въ Италіи и провинціяхъ Римской имперіи 35—36.

Діалектическія отношенія древней Италіи: нарѣчія и разнорѣчія италійскаго корня 36—39; отпрыски другихъ язычныхъ семей 39—42.

Завоеванія латинскаго нарѣчія на почвѣ другихъ италійскихъ нарѣчій 43—45; его распространеніе на почвѣ языковъ неиталійскаго корня на полуостровѣ 45—49 и въ провинціяхъ 49—55.

Литературная обработка древнеиталійскихъ нарѣчій 55—57 и другихъ языковъ полуострова 57—59.

Латынь архаическая 59; ея позднѣйшія видоизмѣненія 60—61 и отношеніе къ живымъ говорамъ 62—63.

Причины возвышенія латинскаго діалекта въ общіе языки Италіи и провинцій 63—67. Слѣдствія этого факта 67—68.

Итоги 2-ой главы 68—69.

Глава 3. Образованіе общаго итальянскаго языка. 70—128

Судьба древнеиталійскихъ нарѣчій послѣ разгрома имперіи варварами 70—74; связь этихъ нарѣчій съ итальянскими 74—76.

Діалектическія отношенія Италіи въ вѣкъ Данта 76—77 и въ настоящее время 77—81. Передвиженія въ средѣ итальянскихъ нарѣчій 81—83 и взаимное ихъ разстояніе 83—85.

Зарожденіе общеитальянскаго языка: свидѣтельство о немъ Данта 85—89 и критика его сицилійско-эклектической теоріи 89—98. Отношенія Дантова языка къ латинскому 98—101, французскому 101—102 и провансальскому языкамъ 103—104. Широкія историко-діалектическія основы Дантова языка 104—105; господство стихій тосканскихъ 105; личный вкладъ поэта 106.

Дальнѣйшія судьбы Дантова языка: реакція латыни 107; дѣятельность Петрарки 107—108 и Боккачіо 108; писатели эпохи возрожденія 109—110; утвержденіе общеитальянскаго языка и характеристика его въ XVI в. 110—111.

Діалектическія литературы Италіи XVI в. 111—112.

Ослабленіе общаго языка въ XVII в. 112—113; его возрожденіе въ XVIII—XIX вв. 113—114.

Манцонизмъ и критика его 115—118.

Новоитальянскія діалектическія литературы 119—122.

Причины возвышенія тосканскаго діалекта 122—126 и слѣдствія этого факта 126—127.

Итоги 3-ей главы 127—128.

Глава 4. Образованіе общаго испанскаго языка. 129—177

Діалектическія отношенія Пиренейскаго полуострова, въ связи съ его племенными и историческими судьбами 129—131; основныя группы иберо-романскихъ говоровъ и ихъ разновидности 133—134; отношеніе къ прочимъ романскимъ языкамъ 135; степень взаимнаго сродства 136—137; древность нынѣшней группировки 137—138; передвиженія въ средѣ этихъ говоровъ 138—142.

Начало письменной обработки нарѣчій: каталанскаго 142—145, галлегскаго 145, португальскаго 146 и кастильскаго 147—151.

Утвержденіе гегемоніи кастильскаго діалекта въ областяхъ литературной 151—162 и государственной 162—166.

Діалектическія литературы Испаніи въ новѣйшія времена 164—166; отдѣльность португальскаго языка 167—168.

Причины и слѣдствія возвышенія кастильскаго діалекта 168—171. Значеніе португальской отдѣльности 171—176.

Итоги 4-ой главы 176—177.

Глава 5. Образованіе общаго французскаго языка. 178—254

Площадь галло-романскаго языка 178—180.

Діалектическія его соотношенія: три основныя группы 180—184 и ихъ разновидности 184—186; взаимное разстояніе галло-романскихъ нарѣчій 186—188; древность ихъ нынѣшней группировки 188—193; передвиженія въ средѣ этихъ нарѣчій 193—194; ихъ связь съ языками древней Галліи 194—195.

Литературная обработка въ древній періодъ говоровъ: окцитанскихъ 195—203, среднеронскихъ 204—205 и ойльскихъ 205—208.

Характеристика древнеойльскихъ діалектовъ 208—212; возвышеніе въ ихъ средѣ ильдефрансскаго діалекта 212—217 и его распространеніе на площади нарѣчій среднеронскаго и окцитанскаго 218—219. Борьба съ языкомъ латинскимъ 220.

Установленіе нормъ общефранцузскаго языка съ XVI в. 221—223; постепенное вытѣсненіе латыни 223—225; распространеніе за предѣлами Франціи 225—226; успѣхи въ средѣ областныхъ діалектовъ 226—227.

Областныя литературы ойльской и окцитанской системъ въ XVI-XVII вв. 227—230; новопровансальское возрожденіе 231—236; его крайности и опасности 236—243.

Причины и слѣдствія возвышенія ильдефрансскаго діалекта въ общефранцузскій языкъ 243—251.

Итоги 5-ой главы 251—254

Глава 6. Образованіе общаго англійскаго языка. 255—326

Діалектическія отношенія нынѣшней Великобританіи: основныя группы и ихъ разновидности 256—258; древность этой группировки 258—266.

Литературная обработка англосаксонскихъ нарѣчій: нортумбрскаго 267—269, кентскаго 270 и вессекскаго 270—271.

Перерожденіе нарѣчій англосаксонскихъ въ англійскія 271—274. Литературная обработка этихъ нарѣчій въ XI-XII вв. 275—277; успѣхи англійскихъ діалектовъ въ XIII—XIV вв. 277—283.

Возвышеніе мидландскаго діалекта съ XIV в. 283—286; значеніе въ этомъ процессѣ дѣятельности Чосера 286—288, Гоуера 288—289, Виклефа 289—291 и Ланглея 291—292; успѣхи „стандарда“ въ XV в. 293—296.

Діалектическая литература старой Шотландіи 296—297.

Окончательное торжество „стандарда“ въ вѣкъ реформаціи 298—299. Діалектическая литература XVI в. 303—306.

Значеніе Шекспира въ установленіи нормъ стандарда 306—308; ихъ сохраненіе до настоящаго времени 308—309.

Діалектическія литературы новѣйшаго времени: дорсетская 309—310, шотландская 310 и ирландская 310—312.

Вытѣсненіе стандардомъ латыни 313—315.

Вклады въ общеанглійскую литературу отдѣльныхъ областей 312—314. Нынѣшнее величіе стандарда 316—318.

Причины и слѣдствія возвышенія мидландскаго діалекта въ общеанглійскій языкъ 318—323.

Итоги 6-ой главы 324—326.

Глава 7. Образованіе общаго нѣмецкаго языка. 327—419

Площадь нѣмецкаго языка 327. Діалектическія его отношенія: три главныя группы 328 и ихъ разновидности 329—331; степень самостоятельности отдѣльныхъ нарѣчій 331—335; древность ихъ нынѣшней группировки 335—341; передвиженія въ средѣ нарѣчій 342—344.

Литературная обработка нѣмецкихъ нарѣчій въ періоды готскій 345—347 и англосаксонскій 347—348.

Зарожденіе письменности древневерхненѣмецкой 349—352; діалектическія особенности памятниковъ этого періода 352—354.

Литература средневерхненѣмецкая: ея памятники 355—357, площадь 357—358 и діалектическія особенности 358.

Появленіе нѣмецкаго „имперскаго“ языка 359—361, его распространеніе 361—362 и составныя стихіи 362—364.

Литературная обработка въ этотъ періодъ нарѣчій: алеманскаго 364, нидерландскаго 365—367 и сакскаго 367. Господство латыни въ литургической области 368—369.

Лютеръ и его реформа въ области языка 369—374; его противники 375—379 и сторон-

ники въ XVI в. 379—384. Противники и сторонники Лютерова языка въ средѣ грамматистовъ XVII в. 384—389.

Торжество этого языка съ XVII в. въ областяхъ: серединнонѣмецкихъ 389—390, саксскихъ 390—392 и верхненѣмецкихъ 392—393. Вытѣсненіе имъ латыни 393—394; проникновеніе въ домашнюю среду 394—395. Вклады въ общенѣмецкую литературу изъ отдѣльныхъ областей Германіи 395—396.

Діалектическія литературы новаго періода въ областяхъ: серединныхъ 396—397, верхнихъ 397—399 и нижнихъ 399—401; характеристика послѣдней 401—405.

Язычный сепаратизмъ нидерландцевъ 405—410 и скандинавцевъ 410—414.

Причины и слѣдствія образованія общенѣмецкаго языка 415—417.

Итоги 7-ой главы 418—419.

Заключеніе объ образованіи общихъ языковъ . 420—430

Обычныя условія зарожденія общихъ языковъ 420—421 и дальнѣйшаго ихъ развитія 421—422. Естественныя, общественныя и личныя силы, опредѣляющія торжество однихъ діалектовъ надъ другими 422—424. Дальнѣйшія измѣненія во внѣшнемъ положеніи 424—425 и внутреннемъ характерѣ языковъ общихъ 426; ихъ важность для развитія отдѣльныхъ лицъ и народовъ 427—428; печальная судьба народовъ, лишенныхъ этого преимущества 428. Мечты объ языкѣ общечеловѣческомъ 428—430.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран. и строки:	*Напечатано:*	*Слѣдуеть читать:*
25^{9}	періодъ	періоды
30_{16}	середоточій	средоточій
82_{5}	Каталанію	Каталонію
83^{11}	ближе	ближе къ нему
86_{17}	звухъ	звукъ
92^{10}	Друзеппе	Джузеппе
102^{10}	Венецін	Венеціи
109_{4}	Торквито	Торквато
121^{13}	Лоренци	Лоренцо
126^{11}	литератрры	литературы
128_{9}	простонародно	простонародной
134^{1}	гренадскимъ	гранадскимъ
136_{16}	расноречіе	разноречіе
139_{18}	Гренады	Гранады
150_{13}	мазарабскаго	мозарабскаго
180^{15}	на валлонской	не валлонской
183^{1}	Фоанціи	Франціи
205_{6}	былинами	побывальщинами
206_{11}	Де-Сенъ-Моръ	Де-Сентъ-Моръ
212^{8}	созданіе	созданіи
212_{10}	сѣвврозападное	сѣверозападное
217_{13}	различается	разлагается
223_{13}	пеологизмовъ	неологизмовъ
283^{11}	данныхъ. Можно	данныхъ можно
288_{12}	знаменовался	ознаменовался
291_{7}	мнимомъ	чистомъ
315_{3}	терпѣлъ	терпѣли
332^{14}	серединномецкимъ	серединнонѣмецкимъ
351^{8}	вліяпіями	вліяніями
370^{10}	обыкновеннымъ	обычнымъ
392^{4}	Gesanbuch	Gesangbuch
402_{6}	феазеологическомъ	фразеологическомъ
403^{9}	равномѣрнато	равномѣрнаго
405_{17}	брабоубійственной	братоубійственной
423_{17}	удсесятиряютъ	удесятеряютъ

[redacted]

Princeton University Library
32101 073439240

